К. Ушинский

Детский мир и хрестоматия

1861 г.

Един. хр.
3/VII-45

ОИК
дет. уч.
1861 г.

К. Ушинскій.

Дѣтскій міръ и хрестоматія.

1861 г.

О

Един. хр.

3/VIII-45

ОИК

Кн. чит. Стр. все + 1 л. илл. [illegible]

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРИСТОМАТІЯ.

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

(Назначается для дѣтей отъ 8-ми до 12-ти лѣтъ).

—

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

(Съ таблицею рисунковъ)

САНКТПЕТЕРБУГРЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 24 ноября 1860 года.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Появленіе «Дѣтскаго Міра» вызвано современною потребностію по первоначальному преподаванію русскаго языка въ младшихъ классахъ нашихъ учебныхъ заведеній. На сколько угадалъ я эту потребность и на сколько съумѣлъ удовлетворить ей, судить не мнѣ; но такъ-какъ въ системѣ этой книги, вслѣдствіе ея особеннаго назначенія, много своеобразнаго, то я считаю необходимымъ вполнѣ уяснить въ предисловіи, основанія руководившія моимъ трудомъ.

Въ настоящее время въ нашемъ учебномъ мірѣ довольно уже распространена та совершенно справедливая мысль, что при изученіи отечественнаго языка, знакомству съ грамматическими правилами должно предшествовать знакомство съ самымъ языкомъ и практическій навыкъ въ его правильномъ употребленіи. Сколько мнѣ извѣстно, въ младшихъ классахъ всѣхъ учебныхъ заведеній (въ которые только поступаютъ дѣти отъ 9-ти до 12-ти лѣтъ), обученіе отечественному языку начинается *чтеніемъ* и *разсказомъ прочитаннаго*. Но при такомъ занятіи сами собою рождаются вопросы: что и какъ читается и разсказывается, и существуютъ ли для этого особенная метода и особенное руководство? Конечно, читать для упражненія въ чтеніи можно все; но далеко не все изъ прочитаннаго можетъ быть разсказано десятилѣтними читателями, и далеко не все можетъ быть объяснено имъ учителемъ съ одинаковою пользою. Иная статья, написанная очень красивымъ языкомъ, въ то же время до того лишена всякаго содержанія, что ученикъ не можетъ уловить въ ней ни одной ясной и опредѣленной мысли и даже самъ учитель не рѣдко затрудняется сдѣлать ученику какой нибудь вопросъ о прочитанномъ, вопросъ, предполагающій возможность положительнаго и сколько нибудь дѣльнаго отвѣта. Понятно, что ученикъ, желая передать содержаніе такой статьи, поневолѣ старается, за неимѣніемъ опредѣленной мысли, вспомнить фразы и слова, и понятно также, что такой разсказъ прочитаннаго не только безполезенъ, но даже вреденъ. Другаго рода статьи отличаются совершенно противоположнымъ недостаткомъ—въ нихъ слишкомъ много содержанія для десятилѣтняго читателя или это содержаніе такого рода, что для уясненія его требуется слишкомъ много толкованій со стороны учителя, толкованій, заимствованныхъ изъ разныхъ наукъ и изъ разныхъ сферъ жизни, вовсе незнакомыхъ маленькому читателю. Если же, наконецъ, въ нашихъ дѣтскихъ христоматіяхъ и книгахъ для чтенія можно найти нѣсколько статей, имѣющихъ дѣльное и притомъ доступное десятилѣтнему

ученику содержанiе, то эти статьи, не находясь ни въ какой связи между собою, вызываютъ столь же безсвязныя и случайно появляющiяся толкованiя.

Присутствуя часто при такихъ чтенiяхъ и разсказахъ, я убѣдился въ необходимости особенной книги, именно назначенной для того, чтобы десятилѣтнiй ученикъ могъ читать ее и разсказывать ея содержанiе, а учитель могъ сопровождать эти чтенiя систематически связанными между собою толкованiями, доступными и полезными для ученика такого возраста.

Но какова же должна быть книга, назначенная для этой цѣли? Вопросъ этотъ рѣшается различно, смотря по взгляду на самое значенiе чтенiй и разсказовъ.

Одни видятъ въ нихъ только упражненiя въ языкѣ, соединенныя съ постепеннымъ практическимъ изученiемъ грамматики; другiе полагаютъ, что чтенiями и разсказами должно пользоваться, какъ средствомъ умственной гимнастики; третьи, наконецъ, думаютъ, что, достигая двухъ упомянутыхъ цѣлей, преподаватель, кромѣ того, долженъ при чтенiяхъ и разсказахъ стараться сообщить ученикамъ возможно болѣе полезныхъ свѣдѣнiй.

Если цѣль чтенiй и разсказовъ прочитаннаго есть только практическiй навыкъ въ языкѣ, то естественно, что для такихъ чтенiй годны всякаго рода статьи, которыя только по содержанiю своему доступны дѣтямъ и написаны правильнымъ русскимъ языкомъ. Но мнѣ кажется, что такой взглядъ на чтенiе и разсказы не совершенно справедливъ.

Языкъ не есть что либо отрѣшенное отъ мысли, а напротивъ—органическое ее созданiе, въ ней коренящееся и безпрестанно изъ нея выростающее; такъ что тотъ, кто хочетъ развивать способность языка въ ученикѣ, долженъ развивать въ немъ прежде всего мыслящую способность. Развивать языкъ отдѣльно отъ мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно предъ мыслiю положительно вредно. Если при такомъ исключительно *формальномъ* направленiи и можно достичь какихъ нибудь результатовъ, то только результатовъ призрачныхъ и даже вредныхъ. Привычка чисто, гладко и изящно болтать всякiй вздоръ и связывать ловкими фразами пустыя, вовсе одна изъ другой не вытекающiя мысли, есть одна изъ самыхъ дурныхъ человѣческихъ привычекъ, и воспитатель долженъ искоренять ее, а не содѣйствовать ея развитiю. Въ этомъ отношенiи много зла приноситъ самымъ талантливымъ дѣтямъ излишняя снисходительность родителей къ дѣтской болтовнѣ, и то слишкомъ раннее изученiе иностранныхъ языковъ, при которомъ обращается все вниманiе на грамматическую правильность рѣчи, а не на ея логическiй и фактическiй смыслъ.

Кромѣ того нетрудно убѣдиться, что формальное изученiе языковъ противорѣчитъ и самой природѣ дитяти. Дитя, если оно еще не испорчено ложнымъ воспитанiемъ, не склонно къ фразамъ: его прежде всего увлекаетъ самая мысль, содержанiе, явленiе, фактъ, а не форма выраженiя мысли. Нельзя придумать болѣе неприличнаго для дитяти, болѣе старческаго занятiя, какъ забота объ отдѣлкѣ формъ. Это роскошь, желанiе которой приходитъ уже тогда, когда содержанiя въ умѣ много, когда новое

перестаетъ насъ сильно занимать; а для ребенка весь міръ еще новъ и занимателенъ.

Я полагаю даже, что одно формальное изученіе языка не достигаетъ и своей односторонней цѣли. Форма мысли тогда только хороша, когда человѣкъ создаетъ ее самъ, вмѣстѣ съ мыслію, когда она органически выростаетъ изъ мысли; а не тогда, когда она выхвачена изъ какой нибудь книги, будь это даже сочиненіе образцоваго писателя. Преимущественное изученіе образцовыхъ писателей, введенное во французскихъ школахъ, много имѣло вліянія на легкость и красивость изложенія, которыя такъ замѣчательны во всякомъ французѣ, получившемъ хорошее французское воспитаніе; но не является ли это же самое изученіе одною изъ причинъ того замѣчательнаго безплодія, которымъ поражена современная французская литература, и того разлада между фразою и мыслію, который такъ замѣтенъ въ современныхъ французскихъ писателяхъ? Безчисленное множество готовыхъ, удачныхъ оборотовъ, ловкихъ фразъ, остроумныхъ сближеній, выработанныхъ самостоятельно писателями, наполняя голову ученика, предлагаютъ ему всегда готовую и красивую оболочку для какой угодно пустой или ложной мысли; но потому именно самая эта мысль часто остается бѣдна, пуста, а скрывающаяся въ ней пустота и ложь, прикрытыя блестящей одеждой, взятой на прокатъ, долго не выходятъ наружу.

Но если одно практическое упражненіе въ языкѣ оказывается недостаточнымъ при чтеніяхъ и разсказахъ, то невполнѣ достигнетъ разумной цѣли воспитанія и тотъ, кто будетъ видѣть въ нихъ одну гимнастику ума. Развивать умъ можно также *формально* и *реально*. Умственная гимнастика развиваетъ умъ формально; одни только *положительныя*, совершенно усвоенныя умомъ знанія, преобразившіяся въ идеи, развиваютъ его реально. Но хотя формальное развитіе разсудка конечно гораздо полезнѣе одного формальнаго развитія способности языка, однакоже, я полагаю, что и въ этомъ отношеніи односторонность вредна. Если исключительно *язычное* ученіе можетъ воспитывать пустыхъ говоруновъ, то односторонняя разсудочная гимнастика, для которой все равно, надъ чѣмъ бы разсудокъ ни упражнялся, только бы упражнялся, воспитываетъ поверхностныхъ резонёровъ, — людей, готовыхъ разсуждать о какомъ угодно, даже вовсе имъ неизвѣстномъ предметѣ, потому что въ головѣ ихъ всегда много готовыхъ разсудочныхъ категорій, могущихъ принять сегодня одно, а завтра другое содержаніе. Умственная гимнастика безспорно развиваетъ силы ума; но — если можно такъ выразиться—портитъ его характеръ: пріучаетъ его къ безслѣдному перемалыванію мыслей, цѣлью котораго является не самое дѣло, не результатъ, а та же умственная гимнастика.

Никто конечно не станетъ доказывать, что упражненія въ языкѣ и умственная гимнастика вредны сами по себѣ: вредна только ихъ односторонность, вредно отсутствіе въ нихъ реальнаго содержанія. Я хотѣлъ высказать только, что какъ умственная, такъ и словесная гимнастика должны упражнять умственныя и словесныя силы ученика надъ какимъ нибудь реальнымъ, положительнымъ знаніемъ; что главною цѣлью этихъ упражненій

должно быть полное усвоеніе и ясное выраженіе самаго знанія, причемъ побочнымъ образомъ будутъ упражняться и умственныя силы, и способности слова. Это мнѣніе мы не выдаемъ за новое: уже и теперь мы имѣемъ преподавателей русскаго языка, которые пользуются чтеніемъ и разсказами прочитаннаго не только для практическихъ упражненій въ языкѣ, не только для умственной гимнастики, но и для того, чтобы въ такъ называемомъ *вещественномъ разборѣ* сообщить ученикамъ положительныя, полезныя и доступныя для нихъ знанія.

Однакоже я не согласенъ съ тѣми преподавателями русскаго языка изъ этой послѣдней категоріи, которые видятъ въ самыхъ знаніяхъ цѣль такихъ чтеній и объясненій. *Не самое знаніе, а идея, развиваемая въ умѣ дитяти усвоеніемъ того или другаго знанія,—вотъ что должно составлять зерно, сердцевину, послѣднюю цѣль такихъ занятій. Вокругъ этого ядра должны органически наростать логическая и умственная оболочки;* такъ чтобы словесныя и логическія упражненія не были только правильною постройкою пустыхъ или ложныхъ фразъ, ни логическою діалектикою безъ содержанія. Составляя мою книгу, я имѣлъ въ виду именно такого рода преподаваніе и хотѣлъ облегчить ею трудъ преподавателей, раздѣляющихъ такое воззрѣніе на значеніе чтеній и разсказовъ въ классахъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ усилить вліяніе ихъ полезной дѣятельности, сохранивъ системою моей книги ихъ многочисленныя объясненія въ умѣ и памяти дѣтей.

Если преподаватель, руководясь случайнымъ сопоставленіемъ читаемыхъ въ классѣ разсказовъ, толкуетъ ребенку сегодня объ огнедышащей горѣ, завтра о благодарности, послѣзавтра о крокодилѣ или желѣзной дорогѣ, а иногда въ одинъ и тотъ же классъ, вынуждаемый необходимостью объяснять встрѣчающіяся слова, толкуетъ о множествѣ самыхъ разнообразныхъ предметовъ; то конечно не имѣетъ онъ права требовать, чтобы ученики помнили его объясненія, и не можетъ ожидать, чтобы въ умахъ ихъ построилось сколько нибудь систематическое знаніе, а тѣмъ болѣе систематически развитая идея.

Руководясь тою мыслію, что при чтеніяхъ и разсказахъ прежде всего должно быть сообщаемо ученику какое нибудь положительное знаніе, дающее ему идею, и вмѣстѣ съ тѣмъ упражняема его мыслительная и словесная способность надъ этою идеею, я задалъ себѣ вопросъ: какого же рода должны быть эти знанія и идеи? Что выбрать изъ обширной области человѣческихъ знаній и человѣческихъ идей для этихъ первыхъ упражненій въ мысли и въ отечественномъ языкѣ?

Разсказы историческіе положительно не годятся для этой цѣли: десятилѣтняго ребенка нѣтъ возможности возвысить до правильнаго пониманія великихъ историческихъ личностей и великихъ историческихъ событій; а понижать эти личности и событія до уровня дѣтскаго пониманія, значитъ уродовать исторію, что не только безполезно, но положительно вредно. Разсказы же историческихъ анекдотовъ тоже не имѣютъ никакой цѣли, потому что самые эти анекдоты имѣютъ значеніе только по отношенію къ тѣмъ личностямъ, которыя въ нихъ играютъ роль.

Отрывки изъ путешествій также не годятся для *первоначальныхъ* чтеній: каждая мѣстность въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется глазамъ путешественника, заключаетъ въ себѣ для десятилѣтняго читателя множество явленій, требующихъ объясненія. Явленія эти, систематически и то не безъ труда объясняемыя въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ наукахъ, при чтеніи должны быть объяснены всѣ вмѣстѣ, въ смѣшеніи,—или остаться вовсе необъясненными. Но безсознательное чтеніе и даже поверхностныя объясненія, данныя кое-какъ, я считаю вредными: главное назначеніе первоначальной школы именно состоитъ въ томъ, чтобы пріучить новаго ученика къ отчетливости и основательности въ пониманіи. Кромѣ того вовсе не педагогически поступаетъ тотъ, кто, стараясь объяснить маленькому читателю каждое слово, навязываетъ на небольшой и иногда пустой разсказъ, цѣлый томъ разнообразнѣйшихъ словесныхъ толкованій. Такъ объяснять можно развѣ только Гомера, да и то не десятилѣтнимъ дѣтямъ (*).

Сцены изъ дѣтской жизни, хотя ихъ часто помѣщаютъ въ дѣтскихъ христоматіяхъ, занимательнѣе для насъ, чѣмъ для дѣтей. Умиляясь наивностію дѣтей, мы не имѣемъ никакого основанія полагать, что эта наивность также умилительна для самихъ дѣтей. Мы съ сожалѣніемъ вспоминаемъ о своемъ дѣтствѣ; но дѣти смотрятъ впередъ, и если оглядываются на самихъ себя, то вовсе не тѣми глазами, какими мы на нихъ смотримъ.

Вводить начинающихъ читателей въ міръ общественныхъ отношеній я нашелъ также безполезнымъ и затруднительнымъ; во-первыхъ потому, что этотъ міръ вовсе не можетъ служить образцомъ безъискусственности и истины; а во-вторыхъ потому, что онъ есть произведеніе множества историческихъ и нравственныхъ причинъ, объясненіе которыхъ часто недоступно, а иногда даже и вредно для ребенка. Здѣсь поневолѣ должно было бы допустить ложныя толкованія или дать мѣсто критикѣ и отрицательному направленію. Отрицательное же направленіе всего несвойственнѣе человѣку въ томъ возрастѣ, въ которомъ все должно быть создаваемо, а разрушать нечего.

Перебравъ такимъ образомъ всѣ роды предметовъ, избираемыхъ обыкновенно для дѣтскихъ чтеній, я остановился на предметахъ естественной исторіи. Къ этому побудило меня нѣсколько причинъ. *Во-первыхъ*—наглядность предметовъ. Дитя, начинающее учиться, должно не только понимать то, что читаетъ, но правильно и зорко смотрѣть на предстоящій предметъ, замѣчать его особенности, словомъ — учиться не только *думать*, но и *созерцать*, и прежде даже созерцать, чѣмъ думать. Наглядное обученіе должно бы, конечно, предшествовать умственнымъ упражненіямъ и начинаться въ самомъ раннемъ возрастѣ, прежде еще, чѣмъ ребенокъ выучится читать. Но такъ какъ этого у насъ почти нигдѣ еще нѣтъ, и дѣти,

---

(*) Книга, состоящая изъ историческихъ и географическихъ отрывковъ, равно какъ и описаній различныхъ техническихъ производствъ, можетъ быть полезна для дѣтей старшаго возраста и то не какъ книга для класснаго чтенія, а какъ пособіе при изученіи исторіи и географіи.

поступающія въ уѣздныя училища, гимназіи, и другія среднія учебныя заведенія, рѣшительно не подготовлены къ книжному ученію наглядными упражненіями, то я и полагаю весьма полезнымъ, сколько возможно, восполнить этотъ недостатокъ въ самой школѣ при первоначальныхъ чтеніяхъ. Понимая очень хорошо, что наглядное обученіе должно сопровождаться не чтеніями, а изустными вопросами и разсказами со стороны учителя, для руководства котораго въ этомъ отношеніи составлено въ Германіи такое множество книгъ, я тѣмъ не менѣе полагаю возможнымъ, въ случаѣ недостатка подготовительнаго нагляднаго обученія, соединить его съ первоначальнымъ чтеніемъ. Лучше сдѣлать что нибудь, чѣмъ ничего, и когда нибудь, чѣмъ никогда. Самыя же чтенія, перерываемыя разсмотрѣніемъ предмета, толкованіями на самомъ предметѣ и маленькими опытами, производимыми тутъ же въ классѣ, выиграютъ въ живости и занимательности. *Вторая причина*, почему я выбралъ для «Дѣтскаго Міра» преимущественно предметы изъ естественной исторіи, состоитъ въ томъ, что считаю эти предметы самыми удобными для того, чтобы пріучить дѣтскій умъ къ логичности, что и составляетъ главную цѣль чтеній и разсказовъ. По моему убѣжденію логика природы есть самая доступная и самая полезная логика для дѣтей.

Но, остановившись на предметахъ естественной исторіи, должно было еще рѣшить вопросъ: какимъ путемъ знакомить дѣтей съ этими предметами: облечь ли ихъ въ дѣтскую, полусказочную, занимательную форму, — или прямо знакомить дитя съ серьёзнымъ содержаніемъ предмета? Перебравъ множество анекдотическихъ и живописныхъ разсказовъ изъ естественной исторіи, которые ежегодно появляются въ Германіи десятками, я пришелъ къ тому убѣжденію, что всѣ они или даютъ очень мало реальнаго содержанія, или предполагаютъ слишкомъ обширныя толкованія со стороны преподавателя, и что, во всякомъ случаѣ, они годятся для *дѣтской* книги, но не для книги, назначенной *для класснаго чтенія*, которая должна отдавать преимущество реальному содержанію передъ живописностію формы. Увлекательность формы должна быть характеристическою чертою дѣтской книги, тогда какъ дѣльность содержанія должна быть характеристической чертою книги, назначенной для класснаго чтенія. Конечно крайности вредны въ обоихъ этихъ направленіяхъ, но въ книгѣ для класснаго чтенія содержаніе *нигдѣ* не должно приноситься въ жертву занимательности, такъ что такая книга должна быть только *по возможности* занимательною.

Кромѣ того, класснаго времени такъ мало, что грѣхъ тратить его на чтеніе сказокъ и побасёнокъ, и вообще я думаю, что дѣтей десятилѣтняго возраста должно уже пріучать къ серьёзному труду, соразмѣрному конечно съ ихъ силами и съ ихъ пониманіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что прежняя схоластическая метода ученія губительно дѣйствовала на умъ; но причина этого лежала не въ серьёзности занятія, а въ его безсмысліи. Но если зубреніе часослова и псалтыря дѣйствовало вредно на умственное развитіе, то шутливая, *потѣшающая* дѣтей педагогика разрушаетъ характеръ человѣка въ

самомъ зародышѣ. Ученіе есть трудъ и должно остаться трудомъ, но трудомъ полнымъ мысли, такъ чтобы самый интересъ ученія зависѣлъ отъ серьёзной мысли, а не отъ какихъ нибудь не идущихъ къ дѣлу прикрасъ. Книга же для первоначальнаго класснаго чтенія должна быть, какъ мнѣ кажется, преддверіемъ серьёзной науки; такъ чтобы ученикъ, прочитавъ ее съ учителемъ, пріобрѣлъ любовь къ *серьёзному* занятію наукою.

Отъ учителя зависитъ оживить серьёзный разсказъ, во-первыхъ, *наглядностію*, показывая дѣтямъ самый предметъ, съ тѣмъ, чтобы они, глядя на него, могли не только припоминать прочитанное, но и дополнять его изъ непосредственнаго созерцанія; во-вторыхъ, *разнообразіемъ и живостію вопросовъ*, извлекая изъ каждаго ученика отдѣльно и изъ цѣлаго класса вмѣстѣ содержаніе всего того, что было прочитано и разсмотрѣно. Маленькій анекдотъ, шуточный разсказъ, какъ минуты отдыха для учениковъ, конечно, не повредятъ дѣлу; но они гораздо живѣе подѣйствуютъ на дѣтей, если будутъ услышаны ими изъ устъ учителя, а не вычитаны изъ книги. Ребенокъ рѣдко потѣшается тѣмъ, что читаетъ въ книгѣ, и даже часто не улыбнется, читая самые смѣшные разсказы.

Но что же выбрать изъ обширной области естественныхъ наукъ? Выбирать ли предметы наиболѣе занимательные или научно разъяснять тѣ, съ которыми уже наглядно знакомъ ученикъ? При этомъ выборѣ я также руководствовался прежнею мыслію, и выбиралъ преимущественно предметы и явленія, окружающіе дитя, и ему болѣе или менѣе знакомые. Я думаю, что не съ курьёзами и диковинками науки должно въ школѣ знакомить дитя, а напротивъ, пріучить его находить занимательное въ томъ, что его безпрестанно и повсюду окружаетъ, и тѣмъ самымъ показать ему на практикѣ связь между наукою и жизнію. Вотъ на какомъ основаніи я охотнѣе знакомлю дитя съ хвойнымъ лѣсомъ, съ домашними животными, съ самыми обыкновенными металлами, чѣмъ съ электрическимъ угремъ, тропическими колибри, съ мухоловкою и другими диковинками природы, о которыхъ дитя съ удовольствіемъ и само прочтетъ въ какой нибудь дѣтской книжкѣ.

Теперь нѣсколько словъ о порядкѣ изложенія. Излагать безъ связи описанія тѣхъ или другихъ естественныхъ предметовъ и явленій, значило бы только безполезно утомлять дѣтскую память: излагать систему естественныхъ наукъ, не познакомивъ съ ея частностями, значило бы нарушать основное правило здравой педагогики. Между этими двумя крайностями я старался найти средину, т. е. изложивъ сначала отрывочно нѣсколько естественныхъ предметовъ, сравнивалъ ихъ потомъ между собою и наконецъ сводилъ эти частности по возможности въ одну систему. Съ этою цѣлью послѣ изложенія каждаго царства природы, я помѣщалъ въ статьѣ, подъ названіемъ «Кунсткамера», раздѣленной на нѣсколько главъ, небольшую систематику, основою которой служатъ предметы, уже знакомые ребенку. Если эти небольшія системы только читать, то они конечно покажутся скучными и утомительными; но, если при этомъ дать ученикамъ образчики земель и минераловъ, раковинъ, фигуры или по крайней мѣрѣ картины, изображающія предме-

ты, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, и поручить дѣтямъ привести все это въ порядокъ, то я увѣренъ, что эти скучныя въ чтеніи статьи, сдѣлаются для дѣтей занимательными. Если ученикъ съумѣетъ привести въ порядокъ всѣ эти изображенія и образчики, объяснивъ притомъ, почему онъ назначаетъ тому или другому предмету то или другое мѣсто, то цѣль этихъ статей, посвященныхъ системѣ, будетъ вполнѣ достигнута. Онѣ не только будутъ служить очень хорошимъ повтореніемъ прочтеннаго, но и сообщатъ ученику наглядное представленіе о родахъ и видахъ, о признакахъ предмета, случайныхъ и существенныхъ, видовыхъ и родовыхъ, о понятіи, опредѣленіи, сужденіи и другихъ логическихъ основахъ не только грамматики, но и всякой другой науки.

Отсутствіе изученія логики въ нашихъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ составляетъ весьма замѣтный и значительный пробѣлъ. Прежняя схоластическая логика, основанная на аристотелевскихъ категоріяхъ, конечно, не достигала своей цѣли; но и отсутствіе изученія всякой логики также оказалось вреднымъ. Вотъ почему я старался воспользоваться въ «Дѣтскомъ Мірѣ» наглядною логикою природы, съ тѣмъ, чтобы мало по малу довести ученика до логическихъ отвлеченностей, и съ этою цѣлію помѣстилъ въ особомъ отдѣлѣ нѣсколько образцовъ логическихъ упражненій. Если ученикъ непосредственно займется такими упражненіями, то нѣтъ сомнѣнія, что они покажутся ему трудными и сухими; но я надѣюсь, что они для него будутъ понятны и легки, если онъ предварительно привыкнетъ къ нимъ на предметахъ конкретныхъ.

Слѣдуетъ предварительно пріучить дѣтей отыскивать, перечислять и излагать въ порядкѣ признаки предметовъ, находящихся у нихъ передъ глазами, потомъ сравнивать между собою нѣсколько знакомыхъ уже имъ предметовъ, находя между ними сходство и различіе, для чего въ «Дѣтскомъ Мірѣ» представлено нѣсколько образцовъ, которыми, конечно, преподаватель не ограничится. Когда ученики привыкнутъ отыскивать и различать признаки, тогда уже можно сообщить имъ, что такое признакъ; когда же пріобрѣтутъ навыкъ находить сходство и различіе между предметами и вслѣдствіе того размѣщать ихъ по родамъ и видамъ, можно уже сообщить весьма легко, что такое сравненіе, что такое сужденіе, родъ, видъ и т. д. Также точно должно поступить съ объясненіемъ явленія, причины, слѣдствія, цѣли, назначенія и закона (*).

Просмотрѣвъ оглавленіе «Дѣтскаго Міра» и обративъ вниманіе на самое изложеніе статей, преподаватель легко замѣтитъ, что онѣ расположены не въ томъ порядкѣ, въ которомъ должны быть читаемы въ классѣ; такъ напримѣръ, нельзя прочитать въ порядкѣ всѣхъ статей втораго отдѣла,

---

(*) «Я убѣжденъ», говоритъ знаменитый Фарадэ, «что естественные предметы представляютъ удивительную школу для саморазвитія и самое разнообразное поле для необходимой умственной практики, и что тотъ, кто упражнялся на этомъ полѣ, легко приложитъ пріобрѣтенную имъ привычку мысли къ общественной жизни». Lectures on Education, delivered on the Royal Institution of Great-Britain. London. 1855 p. 65.

о человѣкѣ; но, дойдя до статьи: «внутренніе органы», преподаватель долженъ будетъ *разсказать* дѣтямъ самое существенное изъ слѣдующихъ за тѣмъ статей, потомъ прочесть по двѣ и по три статьи изъ другихъ отдѣловъ и тогда только снова приступить къ статьямъ, излагающимъ небольшую физіологію человѣка, и сравненіямъ между человѣкомъ и растеніемъ, растеніемъ и минераломъ. Если за тѣмъ преподаватель замѣтитъ, что дѣти достаточно развиты, чтобы приступить къ чтенію маленькой психологіи, помѣщенной въ томъ же второмъ отдѣлѣ, то конечно можетъ приступить къ ней; но должно замѣтить, что она можетъ быть совершенно понята только въ связи съ логикою, изложенною въ послѣднемъ отдѣлѣ.

Въ концѣ почти каждаго отдѣла есть статьи, которыя съ перваго раза могутъ показаться неудобопонятными для дѣтей; но я убѣжденъ, что если «Дѣтскій Міръ» будетъ прочитанъ систематически, безъ излишней поспѣшности, со всѣми толкованіями, которыя можетъ вызвать его чтеніе со стороны преподавателя, то и самыя трудныя статьи этой книги будутъ поняты учениками. Впрочемъ нѣтъ надобности читать всего, что есть въ книгѣ: соображаясь съ развитіемъ учениковъ и временемъ, назначеннымъ для ученія, можно нѣкоторыя статьи совершенно выпускать, а содержаніе другихъ преподаватель можетъ разсказывать.

Расположеніе статей по урокамъ могло бы только стѣснить преподавателей, потому что условія преподаванія почти у каждаго преподавателя различны. Вотъ почему я отдѣлилъ «христоматію» отъ «книги для чтенія» и расположилъ въ послѣдней статьи въ такой системѣ, что преподаватель легко можетъ познакомиться съ содержаніемъ книги и потомъ уже свободно распоряжаться съ заключающимся въ ней матеріаломъ. Подробности системы и цѣль каждой статьи, помѣщенной въ книгѣ, изложены въ оглавленіи.

Что касается до языка, которымъ написана книга для чтенія, то я старался излагать избранные мною предметы языкомъ простымъ, не употреблять непонятныхъ для дѣтей словъ; но вовсе не думалъ поддѣлываться подъ дѣтскій способъ выраженія, потому что считаю всякаго рода поддѣлку подъ народный и дѣтскій языкъ совершенно неумѣстною, какъ въ книгахъ, издаваемыхъ для народа, такъ и въ дѣтскихъ книгахъ. Дѣтскій лепетъ занимателенъ для взрослыхъ, а не для дѣтей, и одна изъ цѣлей серьёзнаго ученія состоитъ именно въ томъ, чтобы пріучить дитя къ серьёзному научному языку. Сознаю вполнѣ, что слогъ мой никакъ не можетъ служить образцовымъ, и будь онъ гораздо лучше, то и тогда царствующее въ немъ однообразіе, необходимое въ каждой книгѣ, написанной однимъ лицомъ, подѣйствовало бы неблагопріятно на первоначальное изученіе языка. Вотъ почему для формальнаго изученія языка я присоединилъ къ «книгѣ для чтенія» небольшую, но довольно полную «христоматію», въ которой ученикъ найдетъ самые разнообразные образчики слога лучшихъ нашихъ писателей. Тамъ довольно матеріала для грамматическихъ упражненій, разборовъ, переложеній, заучиваній наизусть, декламаціи, и прочее.

Между статьями «Христоматіи» и статьями «Дѣтскаго Міра» я старался

удержать нѣкоторую связь, для чего преимущественно помѣщалъ въ «Христоматію» такія статьи, которыя могли бы оживить, дополнить и, такъ сказать, запечатлѣть въ памяти ученика статьи книги. Съ этою цѣлію преподаватель потрудится по возможности выбирать изъ «Христоматіи» статью, соотвѣтствующую читаемой статьѣ «Дѣтскаго Міра»; такъ напримѣръ: при чтеніи статьи *«Яблоня»* полезно прочесть или даже выучить наизусть басню Крылова, *«Листы и Корни»*; при чтеніи статьи «Естественные и искусственные предметы» — другую басню Крылова, *«Цвѣты»*; при чтеніи статей о временахъ года — *«Зима»*, Пушкина, *«Урожай»*, Кольцова и др.; при чтеніи *«Поѣздка изъ столицы въ деревню»* — *«Описаніе Петербурга»*, Пушкина; при чтеніи статьи *«Рожь»*—*«Овсяный кисель»*, Жуковскаго и т. д. Всякій преподаватель легко оцѣнитъ пользу такихъ обдуманно-совмѣстныхъ чтеній, соединяемыхъ связующими объясненіями учителя. Въ душѣ дитяти съ логическою мыслью будетъ сростаться прекрасный, поэтическій образъ, развитіе ума будетъ идти дружно съ развитіемъ фантазіи и чувства; логическая мысль отыщетъ себѣ поэтическое выраженіе, и наоборотъ, поэзія выраженія закрѣпитъ самую мысль.

Но если въ размѣщеніи отдѣловъ «Дѣтскаго Міра» и «Христоматіи» я имѣлъ въ виду дать возможность преподавателю вникнуть въ систему книги и легко обозрѣть ея содержаніе, то въ размѣщеніи самыхъ статей почти во всѣхъ отдѣлахъ я имѣлъ въ виду ученика. Въ началѣ каждаго отдѣла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ «Христоматіи», помѣщены самыя легкія статьи, какъ по содержанію, такъ и по изложенію; но чѣмъ далѣе, тѣмъ они становятся сложнѣе и труднѣе. Въ статьяхъ, назначенныхъ для самаго первоначальнаго чтенія, я старался выражаться короткими отрывочными предложеніями, избѣгая по-возможности предложеній придаточныхъ, и въ-особенности относительныхъ мѣстоимѣній, столь несвойственныхъ дѣтскому языку.

Что касается до самаго способа чтенія «Дѣтскаго Міра», то конечно въ этомъ отношеніи не можетъ быть постановлено никакихъ твердыхъ правилъ; но я позволю себѣ выразить мое личное мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Постепенность въ чтеніяхъ и разсказахъ должна быть соблюдаема не только въ выборѣ статей, но и въ способѣ самаго чтенія. Преподаватель собственными вопросами о содержаніи прочитаннаго долженъ, какъ мнѣ кажется, установить такую постепенность, сообразно съ постепеннымъ развитіемъ читателя. Сначала же должно быть установлено два рода чтенія: одно исключительно посвященное логическому развитію, другое — чтенію плавному и изящному: для перваго назначаются преимущественно статьи «Дѣтскаго Міра», для втораго—«Христоматія». Для плавнаго чтенія я бы совѣтовалъ преподавателю сначала разсказать содержаніе избранной статьи, потомъ самому прочесть эту статью вслухъ и уже тогда заставлять учениковъ нѣсколько разъ читать вслухъ разсказанное и прочитанное. Что касается до объясненія непонятныхъ словъ и выраженія главной мысли, то какъ то, такъ и другое, слѣдуетъ дѣлать прежде чтенія; такъ чтобы уче-

никъ, приступая къ чтенію, могъ заботиться только о правильности произношенія словъ, плавности и выразительности рѣчи. Здѣсь не время уже прерывать ученика вопросами и объясненіями.

Совершенно другой порядокъ должно соблюдать при чтеніи, главное значеніе котораго состоитъ въ пониманіи читаемаго и, такъ-сказать, въ логическомъ разложеніи мысли на составляющіе ее элементы. Здѣсь преподаватель долженъ вопросами своими безпрестанно заставлять читателя вникать въ смыслъ читаемаго, испытывать и возбуждать его вниманіе. Вначалѣ вопросы эти должны быть принаровлены такъ, чтобы отвѣты на нихъ были какъ можно легче, и чтобы этими вопросами маленькій читатель нечувствительно вводился въ грамматическій и логическій составъ предложенія. «О чемъ или о комъ говорится?» «Что говорится?» «Какія свойства предмета, о которомъ говорится?» «Гдѣ, какъ, посредствомъ чего, при какихъ обстоятельствахъ, совершается то, что говорится о предметѣ?» и т. д. Такимъ образомъ ученикъ входитъ въ грамматическій составъ предложеній и впослѣдствіи легко уже познакомится съ грамматическими опредѣленіями. Само собою разумѣется, что столь подробные вопросы не должны постоянно сопровождать чтеній, чтобы не сдѣлать ихъ крайне утомительными для дѣтей. Къ этимъ вопросамъ должно прибѣгать только по временамъ или въ случаѣ надобности, если пониманіе читаемаго нѣсколько затруднительно. Вмѣстѣ съ развитіемъ дѣтей должны измѣняться и самые вопросы, — измѣняться такъ, чтобы отвѣты на нихъ были все сложнѣе и сложнѣе: сначала отдѣльныя слова, потомъ отдѣльныя небольшія предложенія. Въ отвѣтѣ непремѣнно долженъ быть повторенъ вопросъ, при чемъ также можетъ быть соблюдаема постепенность. Сначала вопросъ предлагается такъ, что ученику остается только прибавить къ нему одно или два слова, а впослѣдствіи такъ, что ему приходится отвѣчать на вопросъ цѣлою рѣчью. Вопросы должны относиться не къ тому только, кто читаетъ, но и къ другимъ ученикамъ и притомъ такъ, чтобы сначала высказанъ былъ преподавателемъ вопросъ, а потомъ уже названъ ученикъ, который долженъ на него отвѣчать. Этотъ очень простой пріемъ чрезвычайно поддерживаетъ вниманіе цѣлаго класса: всѣ ученики слушаютъ вопросъ и всѣ мысленно приготовляютъ отвѣтъ.

Послѣ отдѣльныхъ, частныхъ вопросовъ, относящихся то къ тому, то къ другому ученику, можно уже предлагать болѣе и болѣе общіе вопросы, такъ чтобы одинъ изъ учениковъ высказалъ стройно все содержаніе прочитанной статьи, прибавляя и то, что объяснилъ преподаватель. Послѣ такого разсказа избранная статья можетъ быть вновь прочитана, для того чтобы она отразилась въ головѣ читающаго съ полною ясностью. Чтеніе такого рода приноситъ большую пользу, пріучая дѣтей учить уроки безъ труда и съ толкомъ. Выучить дитя учиться—вотъ главное назначеніе приготовительныхъ классовъ.

Для пріученія дѣтей къ созерцанію предметовъ, я предлагаю слѣдующій способъ:

Прежде чтенія статьи преподаватель показываетъ дѣтямъ самый пред-

метъ и своими вопросами заставляетъ ихъ сдѣлать хотя отрывочное, но подробное его описаніе. Въ отвѣтахъ на эти вопросы долженъ участвовать цѣлый классъ, а въ самыхъ вопросахъ должна быть соблюдаема постепенность сообразно развитію дѣтей; такъ напр. преподаватель спрашиваетъ сначала начинающихъ учениковъ: каковъ цвѣтъ предмета? изъ чего онъ сдѣланъ? какова его величина сравнительно съ другими предметами? сколько ногъ, сколько крыльевъ? и т. под.; а впослѣдствіи онъ уже можетъ задавать такіе вопросы: перечислите существенные признаки предмета? разскажите пользу, которую онъ можетъ приносить человѣку? и т. под. Послѣ такого осмотра предмета должна быть прочитана статья и затѣмъ преподаватель требуетъ, чтобъ ученики въ порядкѣ и стройно разсказали все, что было прочитано изъ книги, замѣчено самими учениками, или разсказано учителемъ.

Въ такомъ же порядкѣ должны слѣдовать одно за другимъ и письменныя упражненія. При первыхъ урокахъ преподаватель пишетъ на доскѣ такіе вопросы, въ отвѣтъ на которые ученику слѣдуетъ только переписать вопросъ, переставить нѣсколько словъ и прибавить одно или два слова. Послѣдними письменными упражненіями будутъ такія, въ которыхъ преподаватель задаетъ ученикамъ описать предметъ, который они внимательно и подробно осмотрѣли въ классѣ, но описанія котораго въ книгѣ нѣтъ. Написать сравненіе двухъ предметовъ, описать какое-нибудь физическое явленіе и т. под. Въ число этихъ послѣднихъ описаній весьма также полезно ввести описаніе ландшафтовъ съ картинъ или съ натуры, описаніе какой нибудь исторической картинки, содержаніе которой, если нужно, должно быть заблаговременно объяснено ученикамъ.

Впрочемъ, я никакъ не выдаю приведенныя здѣсь упражненія за единственно-возможныя. Каждый преподаватель можетъ придумать ихъ множество и чѣмъ они разнообразнѣе, тѣмъ лучше; слѣдуетъ только къ каждому упражненію приступать обдуманно и не покидать его прежде, чѣмъ ученики пріобрѣтутъ въ немъ нѣкоторый навыкъ. Больше же всего надобно избѣгать, чтобы какой нибудь пріемъ преподаванія не обратился въ рутину, потому что рутина освобождаетъ ученика отъ необходимости мыслить. Надобно стараться, чтобы при каждомъ упражненіи ученикъ долженъ былъ подумать, какъ его сдѣлать, а не только припоминать, какъ оно дѣлалось.

Страннымъ можетъ показаться, что въ книгѣ, назначенной хотя отчасти для нагляднаго обученія, почти вовсе нѣтъ рисунковъ. Но, *во-первыхъ*, рисунки въ книгѣ, возбуждая сначала любопытство дѣтей, скоро имъ надоѣдаютъ; осмотрѣвъ ихъ быстро и кое-какъ, они потомъ не могутъ обратить на нихъ должнаго вниманія; *во-вторыхъ*, дурные рисунки только вредны, а хорошіе могли бы такъ поднять цѣну книги, что она сдѣлалась бы недоступною для большинства учениковъ. Кромѣ того предметы, о которыхъ говорится въ «Дѣтскомъ Мірѣ», бо́льшею частію могутъ быть показаны дѣтямъ въ натурѣ. Ничего не стоитъ пріобрѣсть для этой цѣли кусокъ гранита, стебель конопли, отрубокъ сосны, кусокъ негашеной извести, еловую шишку, намагниченную палочку, колосъ ржи, яблоко, кусокъ сур-

гуча и т. под. Не трудно также пріобрѣсть изображеніе лошади, овцы, слона, и десятка два других, вовсе недорогихъ и не рѣдкихъ картинокъ (*).

Для училищъ, обладающихъ нѣсколько бо̀льшими средствами, я совѣтовалъ бы пріобрѣсти одно или два изъ тѣхъ нѣмецкихъ изданій картинъ, которыя приспособлены къ наглядному обученію. Таковы напр.: Bilder zum Anschauungs-Unterricht für die Jugend. Stuttgart. Verlag von Schreiber und Schill; или: Wand-Attlas für den Unterricht in der Naturgechichte, von Ruprecht. Dresden, 1860. Въ обоихъ этихъ изданіяхъ гораздо болѣе картинъ, чѣмъ нужно для наглядности «Дѣтскаго Міра»; но эти изданія принесутъ училищу большую пользу, если преподаватели захотятъ воспользоваться ими. Что касается до небольшихъ опытовъ, о которыхъ упоминается въ книгѣ, то всякій преподаватель сдѣлаетъ ихъ весьма легко и, вѣроятно, прибавитъ къ нимъ еще нѣсколько другихъ. Стаканъ, чашку, банку, иголку, известковую воду, кусокъ мѣлу достать не трудно. Если же ученикъ съумѣетъ сдѣлать опытъ и потомъ разсказать, что̀, какъ и отчего происходитъ, то это будетъ признакомъ значительнаго развитія, какъ его мыслительной способности, такъ и его языка. Послѣдовательность, основательность, точность въ выраженіяхъ—вотъ тѣ качества, которыя пріобрѣтаются отъ такихъ упражненій.

«Дѣтскій Міръ,» какъ я надѣюсь, изложенъ такъ, что ни одинъ учитель русскаго языка, какъ бы онъ ни былъ мало знакомъ съ естественными науками, не затруднится въ его объясненіи ученикамъ. Но для тѣхъ преподавателей, которые пожелали бы внести въ свои объясненія побольше самостоятельныхъ разсказовъ, я могу посовѣтовать обратиться къ слѣдующимъ сочиненіямъ, именно назначеннымъ для этой цѣли: 1) Theoretisch-practisches Handbuch für den Anschauungs-Unterricht, von F. Harder. Altona, 1858 (прекрасная книга, которой «Дѣтскій Міръ» многимъ обязанъ). 2) Leitfaden zu einem methodischen-Unterricht, von Luben. Berlin, 1854, и старинное, но очень хорошее сочиненіе: 3) Raff's Naturgeschichte für Kinder. Göttingen 1854. — Преподаватели, незнакомые съ нѣмецкимъ языкомъ, могутъ значительно облегчить свой трудъ слѣдующими русскими сочиненіями: ботаника г. Даля, зоологія г. Симашко, химія г. Штекгардта, физика г. Ленца и естественная исторія г. Горизонтова, въ которой очень не дурны рисунки.

Въ заключеніе я обязанъ сказать, что редакція «Дѣтскаго Міра» далеко не соотвѣтствуетъ моему желанію; но такъ какъ эта книга назначена для чтенія съ преподавателями, то я и не видѣлъ большой бѣды въ корректурныхъ недосмотрахъ. Гораздо важнѣе тѣ недостатки книги, которые стали мнѣ замѣтны вполнѣ только тогда, когда она уже была напечатана. Нѣкоторыя статьи слишкомъ растянуты, другія изложены не совершенно систематически,

(*) Нѣкоторыя необходимыя изображенія приложены въ концѣ книги; но во время чтенія они должны быть нарисованы учителемъ или однимъ изъ учениковъ на классной доскѣ, въ большомъ видѣ.

третьи могли бы быть замѣнены новыми. Но я могу ожидать снисходительности къ первой попыткѣ подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что дѣтская литература наша почти не дала мнѣ готовыхъ статей. Въ Германіи легко составить подобную книгу: у насъ же все должно составлять самому. Для «Дѣтскаго же Міра» я могъ переводить цѣликомъ съ нѣмецкаго или англійскаго только немногія статьи, потому что особенное назначеніе книги заставило меня дать и самымъ статьямъ особенную своеобразную систему.

Хорошій учебникъ есть по преимуществу дѣло опыта, и опытъ же укажетъ, принесетъ ли «Дѣтскій Міръ» ту пользу первоначальному ученью, на которую я разсчитывалъ. Но если хотя только направленіе и система угаданы мною, то и тогда трудъ мой не пропадетъ даромъ. Желая искренно воспользоваться указаніями опыта, я прошу убѣдительнѣйше гг. преподавателей, которые при самомъ преподаваніи откроютъ тѣ или другіе недостатки моей книги, сообщить мнѣ свои замѣчанія, чтобы я могъ воспользоваться ими при новомъ изданіи (*).

К. Ушинскій.

С. Петербургъ.
4-го ноября 1860 года.

PS. Считаю не лишнимъ указать на тѣ нѣмецкія и англійскія книги, которыми я преимущественно пользовался при составленіи «Дѣтскаго Міра».

1) Handbuch für den Anschauungs-Unterricht, von Harder. Altona. 1858. 2) Denzel's Entwurf des Anschauungs-Unterricht. Alt. 1853. 3) Orbis pictus von Lauckhard. 4) Der Deutsche Kinderfreund, von Wilmsen. Berl. 1858. 5) Lebensbilder für die ober-klassen der Deutschen Volkschulen, von Berttelt, Jäkel, Peterman und Thomas. Berl. 1858. 6) Raff's Naturgeschichte, Götting. 1854. 7) Biografien aus dem Naturleben, von Wagner. Bielefeld. 1855. 8) Der Mensch und die Natur, von Körner. Leipzig. 1853. 9) Lesson's in General Knoldge, by James Mann. London. 1856. 10) Reading's Lessons, by Edward Hughes. London, 1855. (Превосходная книга, которую я желалъ бы передать русской публикѣ вполнѣ). 11) Moral Klass-book. Chamber's Educational Course. 12) Erste Nahrung für den gesunden Menschenverstand. Von K. Thieme. Zehnte Auflage. Leipzig. 1840.

(*) Предисловіе можетъ быть отдѣлено отъ тѣхъ экземпляровъ, которые назначаются для учениковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

«ДѢТСКІЙ МІРЪ».

Отдѣлъ I-й. Наглядные разсказы и описанія.

Отдѣлъ VI-й. Естественныя явленія.

Отдѣлъ VII-й. Взглядъ за предѣлы дѣтскаго міра.

Отдѣлъ VIII-й. Первые уроки логики.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОПИСАНІЯ И РАЗСКАЗЫ.

ДѢТИ ВЪ РОЩѢ.

1. Двое дѣтей, братъ и сестра, отправились въ школу. Они должны были проходить мимо прекрасной, тѣнистой рощи. На дорогѣ было жарко и пыльно, а въ рощѣ прохладно и весело.

«Знаешь ли что?» сказалъ братъ сестрѣ: «въ школу мы еще успѣемъ. Въ школѣ теперь и душно и скучно, а въ рощѣ должно быть очень весело. Послушай, какъ кричатъ тамъ птички; а бѣлокъ-то, я думаю, бѣлокъ сколько прыгаетъ по вѣткамъ! Не пойти ли и намъ туда, сестра?»

2. Сестрѣ понравилось предложеніе брата. Дѣти бросили азбуки въ траву, взялись за руки и скрылись между зелеными кустами, подъ кудрявыми березками. Въ рощѣ точно было весело и шумно. Птички перепархивали безпрестанно, пѣли и кричали; бѣлки прыгали по вѣткамъ; насѣкомыя суетились въ травѣ.

3. Прежде всего дѣти увидѣли золотаго жучка.

«Поиграй-ка съ нами», сказали дѣти жуку.

— Съ удовольствіемъ бы, отвѣчалъ жукъ, но у меня нѣтъ времени: я долженъ добыть себѣ обѣдъ.

«Поиграй съ нами», сказали дѣти желтой, мохнатой пчелкѣ.

— Некогда мнѣ играть съ вами, отвѣчала пчела: мнѣ нужно собирать медъ.

«А ты не поиграешь ли съ нами?» спросили дѣти у муравья. Но

муравью некогда было ихъ слушать: онъ тащилъ соломинку втрое больше себя и спѣшилъ строить свое хитрое жилье.

4. Дѣти обратились-было къ бѣлкѣ, предлагая ей также поиграть съ ними; но бѣлка махнула пушистымъ хвостомъ и отвѣчала, что она должна запастись орѣхами на зиму. Голубь сказалъ: «я строю гнѣздо для своихъ маленькихъ дѣтокъ». Сѣренькій зайчикъ бѣжалъ къ ручью умыть свою мордочку. Бѣлому цвѣтку земляники также было некогда заниматься дѣтьми: онъ пользовался прекрасной погодой и спѣшилъ приготовить къ сроку свою сочную, вкусную ягоду.

5. Дѣтямъ стало скучно, что всѣ заняты своимъ дѣломъ и никто не хочетъ играть съ ними. Они подбѣжали къ ручью. Журча по камнямъ, пробѣгалъ ручей черезъ рощу.

«Тебѣ ужъ вѣрно нечего дѣлать», сказали ему дѣти: «поиграй же съ нами!»

— Какъ! мнѣ нечего дѣлать? прожурчалъ сердито ручей: ахъ, вы, лѣнивыя дѣти! Посмотрите на меня: я работаю днемъ и ночью, и не знаю ни минуты покою. Развѣ не я пою людей и животныхъ? Кто же, кромѣ меня, моетъ бѣлье, вертитъ мельничныя колеса, носитъ лодки и тушитъ пожары? О, у меня столько работы, что голова идетъ кругомъ! прибавилъ ручей и принялся опять журчать по камнямъ.

6. Дѣтямъ стало еще скучнѣе и они подумали, что имъ лучше было бы пойти сначала въ школу, а потомъ уже, идучи изъ школы, зайти въ рощу. Но въ это самое время мальчикъ примѣтилъ на зеленой вѣткѣ крошечную, красивую малиновку. Она сидѣла, казалось, очень спокойно и отъ нечего дѣлать насвистывала превеселую пѣсенку.

«Эй, ты, веселый запѣвало! закричалъ малиновкѣ мальчикъ: «тебѣ то ужъ, кажется, ровно нечего дѣлать: поиграй же съ нами!»

— Какъ! просвистала обиженная малиновка: мнѣ нечего дѣлать? Да развѣ цѣлый день я не ловила мошекъ, чтобы накормить моихъ малютокъ? Я такъ устала, что не могу поднять крыльевъ; да и теперь убаюкиваю пѣсенкой моихъ милыхъ дѣтокъ. А вы, что дѣлали сегодня, маленькіе лѣнивцы? Въ школу не пошли, ничего не выучили, бѣгаете по рощѣ, да еще мѣшаете другимъ дѣло дѣлать. Идите-ка лучше, куда васъ послали, и помните, что только тому пріятно отдохнуть и поиграть, кто поработалъ и сдѣлалъ все, что обязанъ былъ сдѣлать.

Дѣтямъ стало стыдно: они пошли въ школу и хотя пришли поздно, но учились прилежно.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ УЧИЛИЩѢ.

ГЛАВА I.

Школа.

1. Въ понедѣльникъ утромъ Ваня и Коля проснулись очень рано. Поспѣшно встали они, одѣлись, помолились Богу и позавтракали. Давно уже ждали дѣти дня, когда имъ въ первый разъ придется отправиться въ школу: день этотъ, наконецъ, насталъ.

«Ведите же себя, какъ слѣдуетъ добрымъ и умнымъ дѣтямъ; слушайтесь учителя и учитесь прилежно», сказала Ванѣ и Колѣ ихъ добрая мать, и велѣла кухаркѣ Аннѣ отвести дѣтей въ школу.

2. Черезъ полчаса Анна остановилась съ дѣтьми у сѣраго, длиннаго дома. Вверху надъ окнами, на большой черной доскѣ, Ваня прочелъ крупную надпись: «*Уѣздное Училище*». Было еще рано. Дверь школы была заперта. Анна дернула за колокольчикъ. Сѣдой, усатый старикъ, въ солдатской шинели, отперъ дверь. Это былъ сторожъ Потапычъ. Въ рукахъ у сторожа была метла и тряпка.

«Что такъ рано?» спросилъ онъ; но замѣтивъ, что это были *новички*, прибавилъ: «классы начинаются въ восемь часовъ, а теперь еще только семь; придется вамъ подождать голубчики.»

Дѣти вошли за Потапычемъ въ переднюю, гдѣ у стѣны стояла длинная вѣшалка со множествомъ колышковъ. Анна помогла дѣтямъ раздѣться, обѣщала придти за ними, когда кончатся классы, и проворно побѣжала на рынокъ за провизіей.

3. Потапычъ ввелъ дѣтей въ классъ, сказалъ имъ, чтобъ они сѣли на скамью и сидѣли смирно, а самъ сталъ подметать полъ. Въ классѣ, кромѣ Потапыча, Вани и Коли, никого еще не было. Дѣти, сидя на скамьѣ, робко посматривали на незнакомые для нихъ предметы. Комната, гдѣ помѣщался классъ, была большая и высокая. Въ ней дѣти насчитали трое дверей и шесть оконъ. Стѣны были обиты желтыми обоями, потолокъ выбѣленъ чисто; но на полу было уже много чернильныхъ пятенъ. Въ одномъ углу стояла большая печь; въ другомъ, переднемъ, висѣла икона.

4. Больше всего удивлялись дѣти множеству длинныхъ черныхъ скамеекъ. Большая половина класса была заставлена ими. Скамейки и столы стояли рядами. Такой мебели Ваня и Коля никогда еще не видали. Скамейки были придѣланы къ столамъ, крышки у столовъ—

покатыя, подъ крышками—ящики; а на верху столовъ были вдѣланы большія оловянныя чернильницы, куда Потапычъ только-что налилъ свѣжихъ чернилъ. Впереди, на небольшомъ возвышеніи, стояли столъ и стулъ, вѣроятно, для учителя; а возлѣ стола, на трехъ высокихъ ножкахъ—большая черная доска. На доскѣ еще оставались слѣды мѣлу

5. Потапычъ подмелъ полъ, смахнулъ пыль со скамеекъ и столовъ и чисто на чисто вытеръ классную доску. Потомъ онъ принесъ нѣсколько кусковъ мѣлу, губку, полотенце—и пошелъ убирать другой классъ. Уходя, Потапычъ отворилъ дверь, и дѣти увидѣли, что и въ другой комнатѣ было все тоже: длинныя черныя скамьи для учениковъ, каѳедра для учителя, классная доска и, въ добавокъ, на стѣнѣ висѣла большая географическая карта.

ГЛАВА II.

Товарищи и учитель.

1. Ваня и Коля не долго оставались одни. Скоро раздался громкій звонокъ. Потапычъ отперъ дверь—и въ классъ съ шумомъ и крикомъ вбѣжала толпа дѣтей.

«А, новички! новички!» раздалось со всѣхъ сторонъ. Въ ту же минуту ученики окружили нашихъ пріятелей и осыпали ихъ вопросами: «кто вы? чьи вы? какъ васъ зовутъ? сколько вамъ лѣтъ? гдѣ вы живете? умѣете ли читать и писать? въ который классъ поступаете?»

2. Ваня и Коля не успѣвали отвѣчать. Они никогда не видали такого множества дѣтей и невольно робѣли, тѣмъ болѣе, что не всѣ спрашивали ихъ ласково. Одинъ большой и, должно-быть, очень злой мальчикъ успѣлъ даже толкнуть Ваню. Къ счастію нашихъ новичковъ скоро пробило 8 часовъ и въ школу пришли учители. Лишь-только ученики завидѣли учителей, какъ тотчасъ же разбѣжались по классамъ и усѣлись каждый на свое мѣсто. Ваня и Коля одни стояли между скамейками: у нихъ еще не было своихъ мѣстъ.

3. Въ классъ, гдѣ были Ваня и Коля, вошелъ учитель русскаго языка. Это былъ человѣкъ еще нестарый, невысокаго роста, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами. Онъ поздоровался съ учениками и велѣлъ одному изъ нихъ прочесть молитву. Ученикъ прочелъ внятно и громко «Молитву передъ ученьемъ». Ваня и Коля молились очень усердно и просили Бога, чтобы Онъ благословилъ начало ихъ ученья. Послѣ молитвы всѣ сѣли, а учитель

подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ. Онъ спросилъ у нихъ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ лѣтъ, умѣютъ ли читать и писать, кто ихъ родители, гдѣ они живутъ. Потомъ учитель заставилъ дѣтей прочесть немного изъ книги, сказать наизусть двѣ-три молитвы и написать на доскѣ нѣсколько строкъ. Дѣти читали хорошо, знали молитвы твердо, писали порядочно. Учитель, казалось, остался ими доволенъ; вынулъ изъ кармана записную книжку и записалъ въ нее имена двухъ новыхъ учениковъ: Ивана и Николая Почининыхъ, дѣтей вдовы Почининой, съ отмѣткою, что Ивану девять, а Николаю восемь лѣтъ.

4. «Хорошо!» сказалъ потомъ учитель Ванѣ и Колѣ: «видно, что и дома вы не теряли времени даромъ, когда выучились читать, писать и молиться. Продолжайте же учиться прилежно: будьте внимательны въ классѣ; думайте о томъ, что читаете; слушайте, какъ читаютъ и отвѣчаютъ другіе; слушайте также, о чемъ я спрашиваю и что объясняю; замѣчайте все, что дѣлается въ классѣ. Послѣ класса я спрошу у васъ, что вы замѣтили.»

Потомъ учитель указалъ дѣтямъ ихъ мѣста на первой скамейкѣ, гдѣ сидѣли самые маленькіе.

ГЛАВА III.

Что дѣлалось въ классѣ.

1. Урокъ начался чтеніемъ. Учитель требовалъ, чтобъ ученики читали внятно, громко, не торопясь, и произносили каждое слово, какъ слѣдуетъ. Когда кто-нибудь ошибался, учитель съ охотою поправлялъ. Но видно было, что онъ не любилъ поправлять въ третій и четвертый разъ одно и тоже. Всякое непонятое слово учитель немедленно объяснялъ. Онъ не только не сердился, когда его спрашивали, что значитъ какое-нибудь слово, но даже былъ этимъ очень доволенъ.

2. Когда одинъ изъ учениковъ прочиталъ нѣсколько строкъ, учитель сталъ спрашивать о томъ, что было прочитано и объяснено. Кто читалъ и слушалъ со вниманіемъ, тотъ и отвѣчалъ хорошо, кто былъ разсѣянъ, тотъ и отвѣчалъ дурно: однихъ учитель хвалилъ, другимъ дѣлалъ выговоръ.

3. Ваня и Коля замѣтили, что одни отвѣты учитель называлъ *полными*, другіе *неполными*. Такъ онъ спросилъ у одного ученика: «почему Господа называютъ Создателемъ?» Ученикъ отвѣ-

чалъ: «потому что Онъ создалъ міръ». Учитель назвалъ этотъ отвѣтъ *неполнымъ,* спросилъ другаго ученика и тотъ отвѣчалъ: «Господа называютъ Создателемъ, потому что Онъ создалъ міръ.» Учитель назвалъ такой отвѣтъ *полнымъ.* Ваня и Коля поняли, что въ полномъ отвѣтѣ долженъ быть повторенъ вопросъ.

4. Когда все прочитанное и объясненное было повторено учениками, тогда стали продолжать чтеніе. За чтеніемъ опять послѣдовали вопросы и объясненія. Раза три или четыре учитель обращался съ вопросами къ Ванѣ и Колѣ. Наши знакомцы слушали внимательно и потому отвѣчали очень хорошо. Такъ былъ прочтенъ и объясненъ весь разсказъ.

5. Чтеніе кончилось. Ученики вынули грифельныя доски. Учитель написалъ на большой классной доскѣ нѣсколько вопросовъ и сказалъ ученикамъ, чтобы они на своихъ доскахъ написали отвѣты. У Вани и Коли не было грифельныхъ досокъ и они не могли писать. Одинъ изъ учениковъ написалъ отвѣты мѣломъ на большой классной доскѣ. Учитель поправилъ и требовалъ, чтобы каждый ученикъ сдѣлалъ тоже на своей доскѣ. Пересматривая доски учениковъ, учитель хвалилъ тѣхъ, у кого всѣ ошибки были исправлены.

6. Когда отвѣты на всѣ вопросы были написаны, учитель сталъ спрашивать урокъ. Къ этому классу было задано выучить напамять небольшую басню. Многіе отвѣчали отлично: безъ ошибки, ясно, громко и выразительно; объясняли каждое слово, когда учитель спрашивалъ. Видно было, что они въ прошедшій классъ слушали внимательно и дома прочитали нѣсколько разъ заданную на урокъ басню. Такихъ учениковъ учитель называлъ *прилежными.* Но нашлись и такіе лѣнивые ученики, которые почти ничего не знали. Ваня и Коля замѣтили, что уроковъ не знали тѣ-же ученики, которые были невнимательны въ классѣ.

7. Объяснивъ новый урокъ, учитель приказалъ ученикамъ вынуть тетради и приготовить перья. Ваня и Коля замѣтили, что учитель хвалилъ тѣхъ, у кого тетрадки и книги были чисты и неизмяты, и очень былъ недоволенъ, когда замѣтилъ, что у одного ученика тетрадь была не сшита, а книга запачкана и измята.

«Хорошій ученикъ», сказалъ при этомъ учитель: «долженъ быть внимателенъ въ классѣ, прилежно повторять уроки дома; а книги и тетради держать въ чистотѣ и порядкѣ.»

8. Едва успѣлъ учитель продиктовать объясненную имъ въ классѣ

басню, какъ зазвонилъ колокольчикъ. Наши новички и не замѣтили, какъ кончился классъ. Много новаго узнали они безъ всякаго труда и чувствовали, что стоитъ имъ раза два прочесть заданный урокъ и они будутъ знать его очень твердо. «Вотъ что значитъ быть внимательнымъ въ классѣ», подумали они, «и вотъ почему учитель хочетъ, чтобы всѣ были внимательны.»

9. Послѣ класса учитель подозвалъ къ себѣ нашихъ новичковъ и сталъ у нихъ спрашивать, что они замѣтили. Ваня и Коля разсказали ему все, что дѣлалось въ классѣ, кого онъ спрашивалъ, чѣмъ онъ былъ доволенъ и чѣмъ недоволенъ. Учитель похвалилъ дѣтей за вниманіе и сказалъ имъ, что если они всегда будутъ такъ же вести себя въ классѣ, какъ въ этотъ разъ, то скоро сдѣлаются хорошими учениками.

ГЛАВА IV.

Что потомъ дѣлалось въ классѣ и возвращеніе дѣтей домой.

1. На слѣдующій урокъ въ классъ пришелъ священникъ. Онъ разсказалъ дѣтямъ, какъ Богъ наказалъ людей за грѣхи потопомъ, какъ изъ всѣхъ людей избѣжалъ погибели одинъ благочестивый Ной съ своимъ семействомъ, какъ долго плавалъ ковчегъ по водамъ и какъ потомъ остановился онъ на горѣ Араратѣ. Ваня и Коля слушали внимательно и хотя были въ первый разъ въ классѣ; но могли бы повторить все, что разсказывалъ священникъ.

За урокомъ Закона Божія слѣдовалъ урокъ чистописанія. Одинъ добрый товарищъ далъ Ванѣ и Колѣ по листу бумаги и по перу. Учитель чистописанія также былъ доволенъ нашими новичками. Они, правда, писали еще довольно плохо; но учитель замѣтилъ, что они старались написать, какъ можно лучше.

2. Прозвенѣлъ послѣдній колокольчикъ: классы кончились. Ученики проворно уложили въ сумочки книги и тетради, и школа мигомъ опустѣла. Ваня и Коля вышли въ переднюю, но Анны еще не было. Безъ нея дѣти не смѣли отправиться домой. Прошло нѣсколько минутъ. Солнце перестало уже смотрѣть въ окна школы. Опустѣлыя черныя скамейки глядѣли печально. Въ большихъ, пустыхъ комнатахъ, раскрытыхъ настежъ, было очень скучно. Дѣтямъ сильно захотѣлось домой, къ доброй матушкѣ. «Она», думали дѣти, «навѣрно ждетъ насъ къ обѣду.»

3. Прошло минутъ двадцать: Анны все еще не было. Бѣдныя дѣти грустно посматривали въ окна и чуть не плакали. «Идетъ! идетъ!» закричали они въ одинъ голосъ, замѣтивъ Анну. Мигомъ одѣлись дѣти и весело побѣжали домой, такъ-что старая Анна едва поспѣвала за ними. Она захлопоталась по хозяйству и немного опоздала; а для дѣтей полчаса въ пустой школѣ показались за цѣлую недѣлю.

Но за то съ какою радостію встрѣтила ихъ мать! Весело сѣли они за столъ и съ большимъ удовольствіемъ пообѣдали послѣ трудоваго утра. Вечеромъ мать разспросила дѣтей, чѣмъ они занимались въ школѣ, какія замѣчанія дѣлалъ имъ учитель и какіе уроки заданы имъ на слѣдующій день. Она обѣщала имъ завтра же купить книги, доски, перья и сшить тетради. Когда Анна подала свѣчи, дѣти сѣли за уроки и черезъ полчаса знали ихъ отлично: такъ внимательно слушали они въ классѣ.

4. Дѣти ходили въ школу цѣлую недѣлю, были внимательны, учились прилежно. Когда же наступило воскресенье, то Ваня и Коля въ одинъ голосъ сказали, что ни одного воскресенья они еще не проводили такъ весело, какъ этого, перваго послѣ трудовой школьной недѣли. О, какъ были счастливы дѣти уже въ субботу вечеромъ, когда узнали, что цѣлый слѣдующій день они не разстанутся съ своею доброю матушкой! Въ понедѣльникъ утромъ, правда, было немножко грустно отправляться въ школу; но Ваня и Коля были мальчики умные и скоро привыкли думать, что всякій хорошій человѣкъ долженъ послѣ труда отдохнуть, а послѣ отдыха опять приняться за трудъ.

ЗИМА.

1. Зимою солнышко хоть и свѣтитъ, но мало грѣетъ. Оно не долго остается на небѣ. Зимніе дни гораздо короче лѣтнихъ, а ночи длиннѣе. Въ Россіи зимы продолжаются долго и бываютъ иногда очень холодны. Рѣки и озера замерзаютъ, такъ-что по льду можно ходить и ѣздить. Земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга. Снѣгъ очень полезенъ, потому что подъ нимъ и въ сильные морозы сохраняются невредимо сѣмена травъ, цвѣтовъ и хлѣбовъ. Безъ снѣга сѣмена могли бы вымерзнуть.

2. Листъ еще въ концѣ осени опадаетъ съ деревьевъ и, тѣнистая лѣтомъ березовая или дубовая роща къ зимѣ становится прозрачною.

На голыхъ сучьяхъ вмѣсто листьевъ развѣшиваются хлопья мягкаго, бѣлаго снѣгу. Одни только ели и сосны зелены и зимою. На нихъ всю зиму остаются зеленыя иголки или *хвои.* Деревья, съ хвоями вмѣсто листьевъ, называются *хвойными.* Деревья, одѣтыя листьями — *лиственными.*

3. Зимою гораздо менѣе птицъ въ лѣсахъ и звѣрей на поляхъ, а насѣкомыя совсѣмъ исчезаютъ. Иныя изъ нихъ погибаютъ, оставляя яички, другія забираются глубоко въ землю, какъ напр. муравьи. Нѣкоторыя насѣкомыя засыпаютъ на всю зиму и просыпаются только весною, когда земля оттаетъ (Что дѣлается зимою съ мухами?). Многія птицы улетаютъ на зиму въ теплые края, иногда за тысячи верстъ. Ласточки, грачи, дрозды, жаворонки, соловьи покидаютъ насъ еще съ осени. Дикіе гуси, утки, лебеди еще съ осени тянутся по небу съ сѣвера на югъ длинными вереницами. Они очень хорошо чувствуютъ, что, чѣмъ южнѣе, тѣмъ теплѣе, и ищутъ такихъ странъ, гдѣ не бываетъ зимы (Знаете ли вы какія это страны?). Такихъ птицъ называютъ *перелетными.* Галки, вороны, сороки, тетерева, рябчики зимуютъ съ нами и потому называются *зимующими.* Остаются также и воробьи въ своихъ теплыхъ гнѣздахъ; но и тѣ зимою прыгаютъ не такъ весело, какъ лѣтомъ.

4. Звѣри, большею частью, также скрываются на зиму въ берлоги, норы и дупла деревьевъ. Иные засыпаютъ на самое холодное время, какъ напримѣръ: ежъ, медвѣдь, байбакъ, сурокъ. Но бѣлка не засыпаетъ: она приберегла себѣ съ осени хорошій запасъ орѣховъ въ дуплѣ дерева, и грызетъ ихъ цѣлую зиму. Животныя, засыпающія на зиму, называются *зимоспящими.* Домашнія животныя, лошади, коровы и овцы, погибли бы зимою отъ голода и холода, еслибы человѣкъ не выстроилъ для нихъ теплыхъ хлѣвовъ и конюшенъ и не приготовилъ сѣна и овса.

5. При наступленіи зимы человѣкъ старается устроиться по зимнему. Онъ вставляетъ двойныя рамы въ окна, сильно топитъ печи, надѣваетъ теплое платье, прячетъ колесные экипажи до весны и выдвигаетъ изъ сарая сани (Что у саней вмѣсто колесъ?). Зимняя дорога гораздо легче лѣтней, и потому зимою по всѣмъ дорогамъ тянутся большіе обозы съ различными тяжелыми товарами. Почтовая тройка весело бѣжитъ, побрякивая колокольчикомъ; даже деревенская кляча — и та зимою прибавляетъ шагу. Сани легко, со скрипомъ скользятъ по снѣгу. Полевыя работы прекращаются еще осенью. Но крестьяне безъ работы не остаются и зимою. Когда они перемолотятъ хлѣбъ,

идутъ на заработки: нанимаются на *фабрики* или пускаются въ извозъ. Женщины зимою прядутъ и ткутъ. Вотъ почему крестьянинъ такъ весело похлопываетъ рукавицами, когда первый снѣгъ закроетъ кочки и лужи и ляжетъ гладкимъ первопуткомъ. Мальчики тоже рады первому снѣгу. Пришла для нихъ пора играть въ снѣжки, лѣпить бабъ, кататься на салазкахъ и на конькахъ. Свѣчей въ домахъ и лучины въ избахъ горитъ зимою гораздо болѣе, чѣмъ лѣтомъ (почему?).

6. Весело зимою, особенно когда солнышко свѣтитъ ярко, на снѣжныхъ поляхъ блестятъ милліоны искръ, а деревья точно убраны дорогимъ хрусталемъ! Но весело зимою только тому, у кого есть теплый домъ и теплое платье,—кто въ сильную стужу можетъ сидѣть дома передъ ярко-пылающимъ огонькомъ печи и ждать спокойно сытнаго ужина и теплой постели. Но каково бѣдному сѣдому старику, нищему? Несмотря на стужу, долженъ онъ таскаться подъ окнами и *ради Христа* выпрашивать себѣ куска хлѣба. На старикѣ нѣтъ теплаго тулупа, лапти его худы, армякъ весь въ дырахъ; голосъ его дрожитъ отъ старости и холода, глаза слезятся, руки и ноги трясутся. Не хорошо и мальчику, который ведетъ слѣпаго старика. Бѣдняга перескакиваетъ съ ноги на ногу, дуетъ себѣ въ окоченѣвшіе пальцы; а сильный холодъ выжимаетъ у него слезы изъ глазъ. Пустите ихъ обогрѣться, накормите и подайте имъ что можете! Лучше отказаться отъ новой игрушки или какихъ-нибудъ сладостей и подать милостыню бѣдняку.

7. Но не всегда же зимою свѣтлые дни: бываютъ и метели. Когда подымется вьюга, то сильный вѣтеръ несетъ хлопья снѣгу и, свистя и завывая, крутитъ его въ воздухѣ. Въ иную метель, какъ говорится, *зги не видно*: въ десяти шагахъ нельзя различить человѣка и нѣтъ ничего легче, какъ сбиться съ дороги въ такую непогодь. Не бѣда еще, если нѣтъ сильнаго мороза и путешественникъ успѣетъ забиться въ сугробъ снѣгу: подъ снѣгомъ тепло. Но если вьюга и морозъ, тогда немудрено и замерзнуть. Какъ отрадно въ такую погоду добраться до деревни. Хотя ее и занесло снѣгомъ, хотя избы въ ней и черны; но зато въ нихъ тепло. Добрый крестьянинъ радушно встрѣчаетъ иззябшаго, нежданнаго гостя и угощаетъ его, чѣмъ Богъ послалъ. У насъ нерѣдко зимою замерзаютъ бѣдные люди или отмораживаютъ себѣ носы, уши, руки и ноги. Самые сильные *трескучіе* морозы бываютъ обыкновенно посреди зимы, около Крещенья, почему ихъ и называютъ *крещенскими*. Большіе морозы трескучими называютъ

потому, что отъ нихъ иногда лопаются и трещатъ бревна въ стѣнахъ домовъ. Въ такой холодъ, говорятъ, даже птицы замерзаютъ въ воздухѣ и падаютъ на землю. Зиму, въ которой много бываетъ сильныхъ морозовъ, крестьяне зовутъ *лютою*, т. е. очень злою.

ВЕСНА.

1. День начинаетъ замѣтно прибавляться еще съ половины Декабря; а къ 9-му Марта онъ займетъ уже половину сутокъ. Начало весны потому и считается съ 9-го Марта. Солнце весною не только дольше остается на небѣ, но и грѣетъ съ каждымъ днемъ замѣтно сильнѣе. Снѣгъ начинаетъ мало по малу таять и вода ручейками сбѣгаетъ съ земли въ рѣки и озера. (Откуда берется эта вода?). Скоро и ледъ на рѣкахъ уступаетъ вліянію теплыхъ лучей солнца. По берегамъ рѣкъ появляются большія полыньи. Пройдетъ еще съ недѣлю — и весь ледъ подымется прибывающей водою, почернѣетъ, начнетъ ломаться и рыхлыя льдины понесутся по теченію рѣки. Воды въ рѣкѣ въ это время прибываетъ столько, что она не можетъ помѣститься въ берегахъ: выступаетъ и разливается по окрестнымъ лугамъ. Разливъ рѣкъ зовутъ *водопольемъ*. Иная рѣченка, такая маленькая, что лѣтомъ ее переходили въ бродъ, въ водополье разливается на пять, на шесть верстъ и болѣе. Наша Волга, въ которую вливаются тысячи рѣкъ и рѣченокъ, разстилается весною, словно море. Люди спѣшатъ пользоваться недолгимъ богатствомъ воды, — и большія барки, нагруженныя товарами, ходятъ весною тамъ, гдѣ лѣтомъ чуть не бродятъ куры.

На поляхъ появляются сначала *проталины*, но скоро земля, мокрая, пропитанная водою, повсюду показывается изъ-подъ снѣга. Пройдетъ еще недѣля, другая — и снѣгъ останется развѣ гдѣ-нибудь въ глубокомъ оврагѣ, куда не заглядываетъ солнце. Небо становится все синѣе, а воздухъ все теплѣе.

2. Еще не весь снѣгъ сойдетъ, когда тамъ и сямъ начнетъ уже возлѣ старой, пожелтѣвшей травы показываться новая, ярко-зеленая травка. На поляхъ, гдѣ крестьяне еще съ осени засѣяли рожь или пшеницу, подымается и зеленѣетъ *озимь*, словно зеленый бархатъ. Вмѣстѣ съ травой появляются и первые цвѣты. Голубенькій подснѣжникъ пробивается въ лѣсахъ изъ-подъ прошлогодняго листа. По-

является кое-гдѣ и желтый одуванчикъ, тотъ самый, что современемъ надѣнетъ свою пушистую бѣлую шапочку, круглую какъ шаръ и дотого легкую, что стоитъ только на нее дунуть, — и она вся разлетится. Деревья также пробуждаются отъ зимняго сна и, разогрѣтыя солнышкомъ, наполняются соками. Если прорубить въ это время кору березы или клена, то изъ-за нее закаплетъ сладкій и душистый сокъ.

Почки листьевъ подготовлены деревомъ еще съ осени. Всю зиму оставались онѣ въ одномъ положеніи и были едва замѣтны: теперь же онѣ начинаютъ быстро наливаться, расти, скидать свою коричневую шелуху и развертываться въ зеленые листья. На вербѣ появляются пушистые цвѣты или барашки. Вы, вѣроятно, замѣтили ихъ на вербовыхъ вѣткахъ въ Вербное Воскресенье? (Когда бываетъ Вербное Воскресенье?). Потомъ появляются чуть замѣтные, липкіе и душистые листья березы. Прошло еще дней десять и кудрявая, ярко-зеленая березка съ бѣлымъ, опрятнымъ стволомъ своимъ стоитъ разубранная, будто на праздникъ: веселая, яркая, душистая. За березой спѣшитъ распуститься липа, ольха, дубъ. *Лапчатые* листья клена не заставляютъ долго ждать себя. Кустарники и деревья другъ передъ другомъ спѣшатъ принарядиться на праздникъ весны. Сначала зелень на деревьяхъ кажется жидкою, потому что листочки еще малы, да и сквозь зеленую яркую траву кое-гдѣ просвѣчиваетъ еще черная земля.

Но листочки и трава растутъ быстро,—и къ Маю все зазеленѣетъ: рощи снова станутъ непроглядными, а на поляхъ запестрѣютъ тысячи цвѣтовъ. Зимою царствуетъ однообразіе: все одинъ и тотъ же снѣгъ. Но весною каждый день появляется что-нибудь новое: то проглянетъ голубенькій глазокъ незабудки; то развернется благоухающая чашечка ландыша, а еще вчера ея не было; то заблестятъ въ зелени бѣленькіе цвѣточки земляники, изъ которыхъ къ концу весны выйдутъ сочныя, красныя ягоды. Вишни, яблони, груши покрываются бѣлыми и бѣло-розовыми цвѣтами. Все празднуетъ весну, все цвѣтетъ и благоухаетъ!

Не вездѣ весна начинается въ одно и тоже время. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ и весна становится раньше. *Въ Крыму* уже въ Февралѣ рвутъ цвѣты, а *въ Архангельскѣ* и въ Апрѣлѣ можно отморозить носъ.

3. Птицъ вмѣстѣ съ весною появляется множество. (Откуда они возвращаются къ намъ? Почему они улетаютъ на зиму?). Первые прилетаютъ грачи и крикомъ своимъ напоминаютъ, что весна началась. Они появляются почти всегда около 9-го Марта. Но вотъ и жаво-

ронокъ, поднявшись высоко въ воздухѣ, запѣлъ свою звучную пѣсню. Быстрыя, остро-крылыя ласточки прилетаютъ нѣсколько позже. Скворцы, дрозды, кулики, дикіе голуби, кукушки появляются одни за другими и населяютъ поля, лѣса и рощи, недавно еще безмолвныя.

Высоко въ воздухѣ тянутся съ юга на сѣверъ стаи журавлей, дикихъ утокъ, гусей и лебедей (Почему съ юга на сѣверъ?). Скоро и соловей начнетъ свою звонкую пѣсню. Однѣ изъ этихъ птицъ, дикіе гуси, журавли, лебеди, летятъ далѣе; другія остаются у насъ на все лѣто. Тѣ, которыя остаются, принимаются вить гнѣзда: носятся, кричатъ, трудятся, собираютъ сухія вѣточки, солому, мохъ, траву, глину и строютъ жилища для будущихъ своихъ дѣтокъ.

Хлопотливые муравьи, пестрыя бабочки, неуклюжіе жуки, а потомъ несносные комары и мошки,—тысячи самыхъ разнообразныхъ, летающихъ и ползающихъ насѣкомыхъ выходятъ на свѣтъ Божій. Трудолюбивая пчелка, проспавшая долгую зиму въ тепломъ ульѣ, просыпается, покидаетъ свою восковую келью и летитъ собирать сладкій медъ съ цвѣтовъ.

Въ звѣриномъ царствѣ замѣтно меньше перемѣны. Дикихъ звѣрей вообще можно видѣть рѣдко. Но зато нельзя не видѣть, какъ радъ веснѣ домашній скотъ. Простоявъ долгую зиму въ хлѣвахъ, лошади, коровы, овцы весело выбѣгаютъ въ поле, и пастуху не приходится долго сзывать ихъ своей длинной трубой.

4. Рады люди первому снѣгу; но рады еще болѣе первымъ цвѣтамъ. Всякое время года приноситъ свои удовольствія и свои заботы (Какія удовольствія зимы? Что дѣлаютъ крестьяне зимою?). Двойныя рамы вынимаютъ въ домахъ: свѣжій воздухъ и яркій свѣтъ врываются въ комнату. Звуки съ улицы, которыхъ цѣлыя полгода не было слышно за двойными стеклами, раздаются громко. А для крестьянъ сколько предстоитъ работы! Но они работы не боятся. За зиму хлѣбъ, овесъ, сѣно и даже солома все переведется: одно на пищу людямъ, другое на кормъ скоту. Надобно приниматься за работу, чтобъ было что ѣсть къ будущей осени и зимѣ.

Исправляетъ крестьянинъ телѣгу, *ладитъ* борону и соху и, какъ земля немного пообогрѣется и пообсохнетъ, ѣдетъ въ поле. Онъ пашетъ, боронитъ поле и сѣетъ на немъ *яровое*, что должно быть посѣяно и собрано въ одномъ и томъ же году: овесъ, гречиху, ячмень, просо. Въ огородахъ копаютъ гряды; садятъ картофель, лукъ, горохъ, бобы, капусту; сѣютъ коноплю, свеклу, морковь, рѣпу. Въ

столицахъ люди достаточные переѣзжаютъ на дачу, гдѣ садовники устроиваютъ клумбы, садятъ и сѣютъ цвѣты. Радуется веснѣ и бѣднякъ: слава Богу стало теплѣе! Божье солнышко свѣтитъ для всѣхъ даромъ, для всѣхъ одинаково; дровъ нужно меньше и худое платье сноснѣе.

----◇----

ЛѢТО.

1. Въ началѣ лѣта бываютъ самые долгіе дни. Часовъ двадцать солнце не сходитъ съ неба и вечерняя заря еще не успѣетъ погаснуть на западѣ, какъ уже на востокѣ показывается бѣловатая полоска, — признакъ приближающагося утра. И чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ дни лѣтомъ длиннѣе и ночи короче.

Высоко,—высоко подымается солнышко лѣтомъ, не то что зимою: еще немного повыше и оно стало бы прямо надъ головою. Почти *отвѣсные* лучи его сильно грѣютъ, а къ полудню даже и жгутъ немилосердно. Вотъ подходитъ полдень: солнце взобралось высоко на прозрачный, голубой сводъ неба. Только кое-гдѣ, какъ легкія серебряныя черточки, видны *перистыя* облачки,—предвѣстники постоянной хорошей погоды, или *ведра*, какъ говорятъ крестьяне. Выше ужь солнце идти не можетъ и съ этой точки станетъ спускаться къ западу. Точка, откуда солнце начинаетъ уже склоняться, называется *полднемъ*. Станьте лицомъ къ полудню и та сторона, куда вы смотрите, будетъ югъ; налѣво, откуда поднялось солнце, — востокъ; направо, куда оно клонится,—западъ; а позади васъ—сѣверъ, гдѣ солнца никогда не бываетъ.

Въ полдень нетолько на самое солнце невозможно взглянуть безъ сильной, жгучей боли въ глазахъ, но трудно даже смотрѣть на блестящее небо и землю, на все, что освѣщено солнцемъ. И небо, и поля, и воздухъ залиты горячимъ, яркимъ свѣтомъ, и глазъ невольно ищетъ зелени и прохлады. Ужь слишкомъ тепло! Надъ отдыхающими полями (тѣми, на которыхъ ничего не посѣяно въ этомъ году) струится легкій паръ. Это теплый воздухъ, наполненный испареніями: струясь какъ вода, подымается онъ отъ сильно нагрѣтой земли Вотъ почему наши умные крестяне и говорятъ о такихъ поляхъ, что они *отдыхаютъ подъ паромъ*. На деревѣ не шелохнется, и листья, будто утомленные жаромъ, повисли. Птицы попрятались въ лѣсной глуши; домашній скотъ перестаетъ пастись и ищетъ прохлады; человѣкъ, облитый потомъ и чувствуя сильное изнеможеніе, оста-

вляетъ работу: все ждетъ, когда спадетъ жаръ. Но для хлѣба, для сѣна, для деревьевъ необходимы эти жары.

Однакожъ долгая засуха вредна для растеній, которыя любятъ тепло, но любятъ и влагу; тяжела она и для людей. Вотъ почему люди радуются, когда набѣгутъ грозовыя тучи, грянетъ громъ, засверкаетъ молнія и освѣжительный дождь напоитъ жаждущую землю. Только бы дождь не былъ съ градомъ, что иногда случается среди самаго жаркаго лѣта: градъ губителенъ для поспѣвающихъ хлѣбовъ и *лоскомъ* кладетъ иное поле. Крестьяне усердно молятъ Бога, чтобъ града не было.

2. Все, что начала весна, доканчиваетъ лѣто. Листья выростаютъ во всю свою величину, и недавно еще прозрачная роща дѣлается непроглядным жилищемъ тысячи птицъ. На *заливныхъ* лугахъ густая, высокая трава волнуется, какъ море. Въ ней шевелится и жужжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ. (Какіе луга называются заливными?). Деревья въ садахъ отцвѣли. Ярко-красная вишня и темно-малиновая слива уже мелькаютъ между зеленью; яблоки и груши еще зелены и таятся между листьями, но въ тиши зрѣютъ и наливаются. Одна липа еще въ цвѣту и благоухаетъ. Въ ея густой листвѣ, между ея чуть бѣлѣющими, но душистыми цвѣточками слышенъ стройный, невидимый хоръ. Это работаютъ съ пѣснями тысячи веселыхъ пчелъ на медовыхъ, благоухающихъ цвѣточкахъ липы. Подойдите ближе къ поющему дереву: даже пахнетъ отъ него медомъ!

Ранніе цвѣты уже отцвѣли и заготовляютъ сѣмена, другіе еще въ полномъ цвѣту. Рожь поднялась, заколосилась и уже начинаетъ желтѣть, волнуясь, какъ море подъ напоромъ легкаго вѣтра. Гречиха въ цвѣту и нивы, засѣянныя ею, бѣлы, какъ молоко; съ нихъ несется тотъ же пріятный медовый запахъ, которымъ приманиваетъ пчелъ цвѣтущая липа. А сколько ягодъ, грибовъ! Словно красный *коралль*, рдѣетъ въ травѣ сочная земляника; на кустахъ развѣсились прозрачныя сережки смородины.... Но возможно ли перечислить все, что появляется лѣтомъ? Одно зрѣетъ за другимъ, одно догоняетъ другое.

3. И птицѣ, и звѣрю, и насѣкомому лѣтомъ раздолье! Вотъ уже и молоденькія птички пищатъ въ гнѣздахъ. Но пока еще у нихъ подростутъ крылья, заботливые родители съ веселымъ крикомъ снуютъ въ воздухѣ, отыскивая кормъ для своихъ птенцовъ. Малютки давно уже высовываютъ изъ гнѣзда свои тоненькія, еще худо-оперившіяся шейки и, раскрывъ носики, ждутъ подачки. И

корму довольно для птицъ: та подымаетъ оброненное колосомъ зерно; другая и сама потреплетъ зрѣющую вѣтку конопли или почнетъ сочную вишню; третья гонится за мошками, а онѣ кучами толкутся въ воздухѣ. Зоркій ястребъ, широко распустивъ свои длинныя крылья, рѣетъ высоко въ воздухѣ, зорко высматривая цыпленка или другую какую-нибудь молоденькую, неопытную птичку, отбившуюся отъ матери, — завидитъ и, какъ стрѣла, пустится онъ на бѣдняжку: не миновать ей жадныхъ когтей хищной, *плотоядной* птицы! Старые гуси, гордо вытянувъ свои длинныя шеи, громко гогочутъ и ведутъ на воду своихъ маленькихъ дѣтокъ, пушистыхъ, какъ весенніе барашки на вербахъ, и желтыхъ, какъ яичный желтокъ.

Мохнатая, разноцвѣтная гусеница волнуется на своихъ многочисленныхъ ножкахъ и гложетъ листья и плоды. Пестрыхъ бабочекъ порхаетъ уже много. Золотистая пчелка безъ-устали работаетъ на липѣ, на гречихѣ, на душистомъ, сладкомъ клеверѣ, на множествѣ разнообразныхъ цвѣтовъ, доставая всюду то, что ей нужно для изготовленія ея хитрыхъ, душистыхъ сотовъ. Неумолкающій гулъ стоитъ въ пасѣкахъ (пчельникахъ). Скоро пчелкамъ станетъ тѣсно въ ульяхъ и онѣ начнутъ *роиться:* раздѣляться на новыя трудолюбивыя царства, изъ которыхъ одно останется дома, а другое полетитъ искать новой отчизны, гдѣ-нибудь въ дуплистомъ деревѣ. Но пасѣчникъ перехватитъ рой на дорогѣ и посадитъ его въ давно-приготовленный для него, новенькій улей. Муравей уже много настроилъ новыхъ подземныхъ галлерей; запасливая хозяйка, бѣлка, уже начинаетъ таскать въ свое дупло поспѣвающіе орѣхи. Всѣмъ приволье, всѣмъ раздолье! Для всѣхъ широко открылъ свою щедрую длань милосердный Создатель и сыплетъ на землю — и тепло, и благодатный громовый дождь, и цвѣты, и плоды, и безчисленныя сѣмена травъ и хлѣбовъ!

4. Много, много лѣтомъ работы крестьянину! Вотъ онъ вспахалъ озимыя поля и приготовилъ къ осени мягкую колыбельку хлѣбному зерну. Еще не успѣлъ онъ кончить пахоты, какъ уже настаетъ пора косить. Косари, въ бѣлыхъ рубахахъ, съ блестящими и звенящими косами въ рукахъ, выходятъ на луга и дружно подкашиваютъ подъ корень высокую, уже *осѣменившуюся* траву. Острыя косы блестятъ на солнцѣ и звенятъ подъ ударами набитой пескомъ лопатки. Женщины также дружно работаютъ граблями и сваливаютъ уже подсохшее сѣно въ копны. Пріятный звонъ косъ и дружныя, звонкія пѣсни несутся по-

всюду съ луговъ. Вотъ уже строятся и высокіе круглые стога. Мальчики валяются въ сѣнѣ и, толкая другъ друга, заливаются звонкимъ смѣхомъ; а мохнатая лошаденка, вся засыпанная сѣномъ, едва волочитъ на веревкѣ тяжелую копну.

Не успѣлъ отойти сѣнокосъ — начинается жатва. Рожь, кормилица русскаго человѣка, поспѣла. Отяжелѣвшій отъ множества зеренъ и пожелтѣвшій колосъ сильно понагнулся къ землѣ; если еще его оставить на полѣ, то зерно станетъ сыпаться, и пропадетъ безъ пользы Божій даръ. Бросаютъ косы, принимаются за серпы. Весело смотрѣть, какъ, разсыпавшись по нивѣ и нагнувшись къ самой землѣ, стройные ряды жнецовъ *валятъ подъ корень рожь высокую*, кладутъ ее въ красивые, тяжелые снопы. Пройдетъ недѣли двѣ такой работы, и на нивѣ, гдѣ еще недавно волновалась высокая рожь, будетъ повсюду торчать срѣзанная солома. За то на сжатой полосѣ рядами станутъ высокія, золотистыя копны хлѣба.

Не успѣли убрать ржи, какъ пришла уже пора приниматься за золотистую пшеницу, за ячмень, за овесъ; а тамъ, смотришь, уже покраснѣла гречиха и проситъ косы. Пора дергать ленъ: онъ совсѣмъ ложится. Вотъ и конопля готова: воробьи стаями хлопочутъ надъ нею, доставая *маслянистое* зерно. Пора копать и картофель; а яблоки давно уже валятся въ высокую траву. Все спѣетъ, все зрѣетъ, все надобно убрать вовремя; даже и длиннаго лѣтняго дня не хватаетъ!

Поздно вечеромъ возвращаются люди съ работы. Они устали; но веселыя звонкія пѣсни раздаются громко по вечерней зарѣ. Утромъ, вмѣстѣ съ солнышкомъ, крестьяне опять примутся за работу; а солнышко лѣтомъ встаетъ куда-какъ рано!

Отъ чего же такъ веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много? И работа не легкая! Нужна большая привычка, чтобы промахать цѣлый день тяжелой косою, срѣзывая каждый разъ добрую охапку травы; да и съ привычкой много еще нужно прилежанія и терпѣнія. Не легко и жать подъ палящими лучами солнца, нагнувшись до самой земли, обливаясь потомъ, задыхаясь отъ жару и усталости. Посмотрите на бѣдную крестьянку, какъ она своей грязной, но честной рукой отираетъ крупныя капли пота съ разгорѣвшагося лица. Ей даже некогда покормить своего ребенка, хотя онъ тутъ же на полѣ барахтается въ своей люлькѣ висящей на трехъ кольяхъ, воткнутыхъ въ землю. Маленькая сестра крикуна сама еще

ребенокъ и недавно начала ходить, но и та не безъ дѣла: въ грязной изорванной рубашенкѣ, сидитъ она у люльки и старается закачать своего расходившагося братишку.

Но почему же веселъ крестьянинъ лѣтомъ, когда работы у него такъ много и работа его такъ трудна? О, на это есть много причинъ! *Во первыхъ,* крестьянинъ работы не боится: онъ выросъ въ трудахъ. *Во вторыхъ,* онъ знаетъ, что лѣтняя работа кормитъ его цѣлый годъ и что надо пользоваться *ведромъ*, когда Богъ даетъ его; а не то можно остаться безъ хлѣба. *Въ третьихъ,* крестьянинъ чувствуетъ, что его трудами кормится не одна его семья, а весь міръ: и я, и вы, и всѣ разодѣтые господа, хотя иные изъ нихъ и съ презрѣніемъ посматриваютъ на крестьянина. Онъ, копаясь въ землѣ, своей тихой неблестящей работой кормитъ всѣхъ, какъ корни дерева кормятъ гордыя вершины, одѣтыя зелеными листьями.

Много прилежанія и терпѣнія нужно для крестьянскихъ работъ; но не мало также требуется знаній и опыта. Попробуйте жать, и вы увидите, что на это надобно много умѣнья. Если же кто безъ привычки возметъ косу, то не много съ нею наработаетъ. Сметать хорошій стогъ сѣна тоже дѣло не легкое; пахать надо умѣючи; а чтобы хорошо посѣять—ровно, не гуще, не рѣже того, чѣмъ слѣдуетъ,—то даже не всякій и крестьянинъ за это возьмется. Кромѣ того, нужно знать когда и что дѣлать, какъ сладить соху и борону, какъ изъ конопли, напримѣръ, сдѣлать пеньку, изъ пеньки нитки, а изъ нитокъ соткать холстъ.... О! много, очень много знаетъ и умѣетъ дѣлать крестьянинъ, и его никакъ нельзя назвать невѣждою, хотя бы онъ и читать не умѣлъ. Выучиться читать и даже выучиться многимъ наукамъ гораздо легче, чѣмъ выучиться всему, что долженъ знать хорошій, опытный крестьянинъ.

Сладко засыпаетъ крестьянинъ послѣ тяжкихъ трудовъ, чувствуя, что онъ выполнилъ свой святой долгъ. Да и умирать ему не трудно. Обработанная имъ нива и еще засѣянное имъ поле остаются его дѣтямъ, которыхъ онъ вспоилъ, вскормилъ, пріучилъ къ труду, и вмѣсто себя поставилъ работниками передъ Богомъ и людьми.

ОСЕНЬ.

1. Уже съ 9-го Іюня начинаетъ понемногу убавляться день и прибавляется ночь. 11-го Сентября день снова равенъ ночи. Это

день осенняго равноденствія и начало осени. Съ этого числа ночь все увеличивается и къ 11-му Декабрю становится втрое длиннѣе дня. Въ это время солнце едва покажется на небѣ и спѣшитъ спрятаться; въ 9-ть часовъ утра еще темно; въ 3 часа послѣ обѣда надобно уже зажигать свѣчи.

Облака почти не сходятъ съ неба, и это уже не красивыя лѣтнія облака, громоздящіяся серебряными горами или высоко бѣгущія по небу серебристыми барашками: небо застилается все ровною пеленою свинцоваго цвѣта.

Съ конца Августа въ воздухѣ начинаетъ холодѣть. Свѣжесть замѣчается особенно по утрамъ, а въ Сентябрѣ появляются иногда и легкіе морозы. Просыпаясь поутру, вы видите, какъ побѣлѣла трава или крыша сосѣдняго дома. Еще немного и лужи, которыхъ осенью довольно вездѣ, начинаютъ по ночамъ замерзать.

Мелкіе осенніе дождики совсѣмъ не похожи на лѣтніе грозовые дожди: они идутъ безпрестанно, и земля уже не просыхаетъ скоро, какъ бывало лѣтомъ. Вѣтеръ дуетъ безъ-устали, разнося далеко созрѣвшія сѣмена деревьевъ и травъ и доставляя мальчику удовольствіе высоко запустить бумажнаго змѣя.

2. Листъ на деревьяхъ начинаетъ кое-гдѣ желтѣть еще въ концѣ Августа; въ Сентябрѣ вы замѣчаете, какъ на березѣ, все-еще зеленой, появляются тамъ-и-сямъ совершенно желтыя, золотистыя вѣтки: будто мертвящая рука осени схватила и измяла ихъ мимоходомъ. Первая распустилась береза: она же первая начинаетъ желтѣть. Съ каждымъ днемъ все больше и больше становится желтыхъ листьевъ. Еще два-три дня и—трепетная осина стоитъ вся красная, багровая, золотистая. Но порывистый осенній вѣтеръ срываетъ и это послѣднее убранство. Крутя въ воздухѣ легкіе, высохшіе листья, устилаетъ онъ ими мокрую землю.

Поля мало-по-малу пустѣютъ; даже копны хлѣба уже свезены и только высокіе стога сѣна, обнесенные плетнемъ, остаются зимовать на лугахъ. Цвѣты исчезли и пожелтѣвшая, перезрѣвшая трава, гдѣ ее оставили, клонится къ землѣ и, какъ-будто, проситъ снѣгу. Одна только озимь подымается ровнымъ, зеленымъ бархатомъ. Но этимъ молодымъ, запоздавшимъ побѣгамъ суждено скоро погибнуть. За то корешки хлѣбовъ сохранятся невредимо подъ снѣгомъ, и весною выглянутъ снова на Божій свѣтъ зелеными стебельками.

Все глохнетъ, пустѣетъ, темнѣетъ, теряетъ яркіе цвѣта лѣта и пріобрѣтаетъ однообразный, грязноватый, сѣрый видъ осени. Въ

это время природа похожа на усталаго, много поработавшаго человѣка, котораго одолѣваетъ сонъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней, и она, закрывшись пушистымъ бѣлымъ одѣяломъ, заснетъ на цѣлую зиму.

3. Отлетныя птицы однѣ за другими собираются въ дальній путь. Первыя подымаютъ тревогу ласточки, и еще въ концѣ Августа онѣ вдругъ исчезаютъ. Онѣ чувствуютъ приближеніе осени, и ранній отлетъ этихъ птичекъ предсказываетъ раннюю зиму. Потомъ потянутся съ сѣвера на югъ длинныя *вереницы* журавлей, утокъ и гусей. Съ крикомъ, то длинною цѣпью, то угломъ, съ передовымъ впереди, улетаютъ отъ насъ лѣтніе гости. Лѣса рѣдѣютъ, затихаютъ и пустѣютъ: только тяжелая, мокрая ворона каркаетъ, усаживаясь на обнаженную вѣтку, да галки съ отчаяннымъ крикомъ носятся стаями.

Вотъ ужь и деревья стоятъ всѣ голыя, только на рябинѣ висятъ ея красные *гроздья*, дожидаясь мороза. Пусто, глухо и въ поляхъ, и въ лѣсахъ. Земля, почернѣлая, грязная, пропитанная дождемъ, смотритъ уныло подъ свинцовымъ небомъ: хоть-бы снѣгъ поскорѣе закрылъ ея непріятную наготу. Появляется и снѣгъ; но долго еще онъ не можетъ удержаться, и, оставшись иногда на нѣсколько часовъ, снова исчезаетъ.

4. Работы у крестьянина осенью замѣтно убываетъ; но все же онъ не остается безъ дѣла. Въ началѣ осени нужно пахать, боронить и засѣвать озимыя поля; потомъ надо свозить хлѣбъ съ полей въ риги: телѣги, спрятавшіяся подъ тяжелыми снопами, скрипятъ по всѣмъ дорожкамъ. Свезши хлѣбъ, надобно его сушить въ овинѣ, а потомъ молотить. Удары молотильныхъ цѣповъ съ ранняго утра до поздняго вечера слышатся осенью на гумнахъ. Намолотивши зерна, крестьянинъ складываетъ его въ мѣшки и спѣшитъ на мельницу. Если же онъ не молотитъ и не сидитъ на мельницѣ, дожидаясь очереди, то, навѣрное, съ топоромъ въ рукахъ поправляетъ что-нибудь около своей избы. Женщины мочатъ и потомъ треплютъ коноплю, чешутъ ленъ, и приготовляютъ себѣ прядиво на долгіе зимніе вечера.

Но все же осенью работы, сравнительно съ лѣтомъ, гораздо менѣе, и крестьянинъ спѣшитъ повеселиться. Осенью праздниковъ много; крестьянскія свадьбы устроиваются всегда въ эту пору года, когда дѣла меньше и всякаго добра много. Вездѣ варятъ пиво, и веселыя, подгулявшія толпы ходятъ въ гости изъ избы въ избу,

изъ деревни въ деревню. Сильно поработалъ мужичекъ за лѣто: надобно же ему отдохнуть и повеселиться.

5. Въ городахъ тоже замѣтна осень. Безъ зонтика, шинели и калошъ нельзя выглянуть на улицу. Сверху моросить мелкій, холодный дождикъ; съ мокрыхъ, блестящихъ крышъ каплетъ вода. Нога скользитъ по обмокшему камню. Лужи и грязь повсюду. Измокшіе заборы смотрятъ уныло. Галки носятся стаями и, спихивая одна другую, усаживаются на крестахъ. Вездѣ моютъ окна и вставляютъ двойныя рамы. Въ комнатахъ становится темно и глухо. Уличнаго шума не слышно; а по вечерамъ свиститъ и завываетъ въ трубахъ вѣтеръ, нагоняя тоску. Но за то осенью же начинаются въ столицахъ и большихъ городахъ театры, концерты и собранія. Только все это идетъ какъ-то вяло, пока веселый снѣгъ не забѣлѣетъ на улицахъ и не ляжетъ санная дорога. Тогда все проснется и зашевелится. Яркій огонёкъ затрещитъ въ печи, дымъ столбами подымется изъ трубъ, снѣгъ заблеститъ брилліантовыми искорками, бодро побѣжитъ лошадка, сани заскрипятъ, разрумянится и лицо старика —весело покатится зимняя русская жизнь!

ПОѢЗДКА ИЗЪ СТОЛИЦЫ ВЪ ДЕРЕВНЮ.

ГЛАВА I.

Столица и ея окрестности.

Володя и Лиза родились и выросли въ Петербургѣ, т. е. выросли на столько, на сколько можно вырости въ одинадцать и двѣнадцать лѣтъ жизни. Мать ихъ умерла, когда Володѣ было только еще три года, а Лизу носили на рукахъ. Отецъ Володи и Лизы, Александръ Сергѣевичъ Громовъ, былъ постоянно занятъ службою и даже лѣтомъ не могъ переѣзжать на дачу. Вотъ почему бѣдныя дѣти во всю свою жизнь ни разу не были въ деревнѣ, и знали о ней только по разсказамъ, да по книгамъ.

Можно себѣ представить, какъ удивились и обрадовались Володя и Лиза, когда услыхали отъ отца, что черезъ недѣлю они поѣдутъ на цѣлое лѣто въ деревню, въ настоящую деревню, за 600 съ лишнимъ верстъ отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ совершенно

неожиданно получилъ въ наслѣдство маленькое имѣніе въ одной отдаленной губерніи и хотѣлъ отправиться осмотрѣть его. Это извѣстіе сильно взволновало дѣтей. Каждую свободную минуту маленькіе горожане мечтали вдвоемъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя безъ сомнѣнія ожидаютъ ихъ въ деревнѣ. Володя купилъ даже удочку, приготовляясь къ рыбной ловлѣ въ рѣчкѣ. «Конечно», думалъ онъ, «въ деревнѣ есть рѣка и въ рѣкѣ множество рыбы.» Лиза запаслась двумя корзинками для будущихъ грибовъ и ягодъ.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Къ крыльцу большаго дома, гдѣ Громовы занимали одну изъ множества квартиръ, подъѣхалъ укладистый тарантасъ, запряженный тройкою почтовыхъ лошадей. Самъ Александръ Сергѣевичъ, кухарка Марья и дѣти дружно принялись укладывать вещи въ экипажъ. Но какъ ни торопились, а только къ вечеру маленькая семья, за исключеніемъ Марьи, усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ взлѣзъ на козлы, и колеса экипажа запрыгали по каменной мостовой. Но до заставы надобно было проѣхать почти весь городъ изъ конца въ конецъ.

Улицы черезъ двѣ тарантасъ выѣхалъ на набережную Невы и поѣхалъ по длинному каменному мосту, съ чугунными перилами, сдѣланными точно изъ кружевъ. На широкой величественной рѣкѣ мелькали сотни лодокъ, летѣли одинъ за однимъ дымящіеся пароходы; а вдали, какъ лѣсъ, стояли безчисленныя мачты стройныхъ кораблей. Великолѣпная гранитная набережная, уставленная дворцами, величественныя церкви, обширныя красивыя площади, широкія, богатыя, шумныя улицы, чудесные памятники—все это дѣти видали уже часто и все это имъ было не въ диковинку.

За мостомъ тарантасъ поѣхалъ по одной изъ лучшихъ улицъ столицы. Сплошные ряды громадныхъ каменныхъ домовъ подымались высокими стѣнами по обѣимъ сторонамъ. Тысячи раззолоченныхъ вывѣсокъ пестрѣли на домахъ. За громадными, зеркальными окнами великолѣпныхъ магазиновъ и богатыхъ лавокъ были выставлены и разложены самые разнообразные и привлекательные товары. Здѣсь было все, что угодно: золотыя и серебрянныя вещи, чудныя издѣлія изъ дорогихъ каменьевъ, роскошныя матеріи для платьевъ, шитые костюмы, картины, статуэтки, книги, часы, игрушки, конфекты и пирожныя, рѣдкіе, дорогіе фрукты, заманчиво разложенная зелень — и множество, множество другихъ прекрасныхъ предметовъ. Блестящіе экипажи съ грохотомъ неслись по мостовой; разряженныя толпы народа двигались по тротуарамъ; безпрестанно по-

падались на встрѣчу конные и пѣшіе отряды солдатъ, оружіе которыхъ сверкало на солнышкѣ. Но Володѣ и Лизѣ хотѣлось поскорѣе за городъ: въ лѣса, въ поля, въ деревню.

Часа черезъ полтора тарантасъ выѣхалъ за заставу и поѣхалъ по шоссе, гладкому, прямому, какъ стрѣла, съ каменными мостиками, съ каменными верстовыми столбами. По обѣимъ сторонамъ его стояли красивенькія дачи съ маленькими запыленными садиками. Шуму и толкотни здѣсь было меньше, чѣмъ гдѣ-нибудь на Невскомъ; но все-еще очень и очень много.

На встрѣчу нашимъ путешественникамъ безпрестанно попадались: то громадныя почтовыя кареты съ разодѣтыми кондукторами впереди, которые то и дѣло трубили въ мѣдные рожки; то блестящіе городскіе экипажи; то длинные, тяжело-нагруженные товарами обозы; даже городскіе, легковые извощики съ номерами на затылкахъ. Всѣ эти предметы были очень хорошо знакомы дѣтямъ и мало напоминали собою деревню. Правда, проѣхали они двѣ или три деревни; но эти деревни не походили на деревни. Каменные двухъ этажные дома, овощныя лавки, вывѣски портныхъ и сапожниковъ, трактиры и гостинницы для проѣзжающихъ, великолѣпныя станціи: все это еще очень напоминало городъ. Вдали отъ дороги, дѣти, правда, замѣтили двѣ или три сѣренькія чухонскія деревеньки; на далекомъ *горизонтѣ*, правда, раза два выглянулъ темный большой лѣсъ; вмѣсто огородовъ и кладбищъ, окружающихъ Петербургъ, стали попадаться поля, зеленѣющія подъ рожью: но облака пыли, стукъ колесъ по твердому шоссе, крики кучеровъ, ямщиковъ и извощиковъ все это не давало дѣтямъ возможности живо представить себѣ, что они уже за городомъ. Они даже плохо слышали колокольчикъ, который болтался подъ дугою; а нарядный ямщикъ, сидѣвшій у нихъ на козлахъ, походилъ болѣе на кучера, чѣмъ иной бѣдный петербургскій извощикъ. Близость огромнаго, многолюднаго города слышна и видна была еще повсюду.

Начинало вечерѣть. Дѣти проснулись сегодня чуть-ли не въ три часа утра, провозились за укладкою цѣлый день; а потому глаза ихъ слипались, головки клонились на подушки, которыхъ было довольно въ тарантасѣ. Скоро наши маленькіе путешественники заснули, и спали долго и крѣпко, какъ спятъ только усталыя дѣти, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, при небольшой, убаюкивающей качкѣ экипажа, подъ усыпительные звуки почтоваго колокольчика.

Короткая петербургская ночь была свѣтла. Тарантасъ быстро удалялся отъ Петербурга. Александръ Сергѣевичъ торопился и оста-

навливался на станціяхъ только за тѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей. Дѣти, укрытые заботливою рукою отца, спали крѣпко и сладко. Они, вѣроятно, видѣли во снѣ свою маленькую квартиру, кухарку Марью, свои книги и игрушки, не подозрѣвая, что съ каждымъ часомъ становятся на десять или на двѣнадцать верстъ дальше отъ столицы.

Солнце уже было высоко и тарантасъ успѣлъ уѣхать болѣе ста верстъ, когда Володя и Лиза проснулись. Разоспавшіяся дѣти насилу могли вспомнить, что съ ними дѣлается, гдѣ они и что это за колокольчикъ звенитъ передъ ними. Но едва только мелькнула у нихъ мысль, что они въ дорогѣ, на пути въ деревню, ѣдутъ на почтовой тройкѣ и притомъ еще съ колокольчикомъ, какъ сна будто и не бывало! Весело и бодро вскочили они и съ любопытствомъ стали осматриваться кругомъ.

ГЛАВА II.

Большая почтовая дорога.

Твердое, каменистое шоссе уже исчезло. Экипажъ тихо катился по мягкой, простой почтовой дорогѣ и почтовый колокольчикъ, звонко побрякивалъ въ чистомъ утреннемъ воздухѣ. Ямщику понадобилось поправить упряжь пристяжныхъ лошадей: онъ остановилъ тройку и слѣзъ съ козелъ. Прежде всего поразила дѣтей глубокая тишина, царствовавшая въ поляхъ. Они до этого времени, жили безвыѣздно въ многолюдномъ и шумномъ городѣ, и не имѣли понятія о томъ, что такое сельская тишина. Только гдѣ-то, высоко, пѣлъ невидимый жаворонокъ. Серебряныя трели его вольной пѣсни звонко раздавались въ прозрачномъ, чистомъ воздухѣ, наполненномъ благоуханіями полей. По обѣимъ сторонамъ дороги, по волнистымъ холмамъ, подымались полосы разноцвѣтныхъ нивъ, то покрытыхъ зеленѣющими хлѣбами, то черныхъ, *отдыхающихъ подъ паромъ*. На горизонтѣ, гдѣ небо сходится съ землею, тянулась синяя, зубчатая полоса далекаго лѣса. Въ лощинѣ, между двумя длинными холмами, виднѣлись соломенныя крыши большаго *села*, разбросаннаго на скатѣ. Позолоченный крестъ сельской церкви ярко горѣлъ на солнцѣ. Съ другой стороны дороги можно было замѣтить вдали небольшую *деревню*, въ которой не было церкви. Подъ самымъ лѣсомъ, верстъ за десять, блестѣлъ чуть замѣтный крестикъ другаго села. Внизу, впереди—потому-что дорога шла подъ гору—огромное

стадо паслось между молодыми кустарниками. Нѣсколько крестьянъ пахали, таща одинъ за другимъ свои тяжелыя сохи, въ которыя были впряжены небольшія, деревенскія лошадёнки.

Дѣти молчали. Новость и прелесть сельской картины глубоко на нихъ подѣйствовала.

Минутъ черезъ двадцать тарантасъ застучалъ по деревянному, довольно ветхому мосту, построенному черезъ глубокій оврагъ. На днѣ оврага, въ высокой травѣ сверкала маленькая рѣчка. За мостомъ вскорѣ начался густой, темный лѣсъ. Громадныя вѣковыя сосны протягивали надъ дорогой свои длинные, красноватые, смолистые сучья, съ колючими, всегда зелеными вѣтвями. Колеса тарантаса врѣзались въ песокъ — и лошади пошли шагомъ.

Лѣсъ былъ бо́льшею частію сосновый, но кое-гдѣ виднѣлись пирамидальныя ели съ своими стройно расположенными сучьями, выгнутыми къ низу, какъ крыши китайскихъ домиковъ. Тамъ-и-сямъ бѣлѣли стройныя березы съ кудрявыми, ярко-зелеными верхушками; трепетали вѣчно дрожащіе листочки осины. Внутри лѣса, между деревьями, царствовали тѣнь, прохлада и тишина. По временамъ густой лѣсъ прерывался полянами. На опушкахъ такихъ полянъ, покрытыхъ свѣжей травою, береза, осина, небольшія елки и тонкій, гибкій орѣшникъ, перемѣшиваясь, составляли красивыя групы. Въ высокой, сочной травѣ видно было много цвѣтовъ, а кое-гдѣ блестѣли, какъ кораллъ, ярко-красныя ягодки вызрѣвшей земляники. Кукушка отзывалась гдѣ-то далеко въ глуши лѣса, по временамъ раздавался звонкій, рѣзкій крикъ иволги.

Тарантасъ ѣхалъ очень тихо, и наши путешественники пошли пѣшкомъ. Черезъ четверть часа, когда дѣти опять садились въ экипажъ, у нихъ въ рукахъ было уже по огромному букету лѣсныхъ цвѣтовъ. Правда, эти цвѣты были не такъ велики и красивы, какъ тѣ, которые бываютъ въ садахъ или цвѣточныхъ лавкахъ; но за то, какъ они были свѣжи! У иныхъ на листьяхъ еще дрожали алмазныя капли росы, неуспѣвшей высохнуть. Кромѣ того, въ корзинкѣ у Лизы краснѣлись горсти двѣ только-что сорванной, сочной земляники, непомятой, необыкновенно душистой, какой дѣти никогда не видывали въ Петербургѣ.

Высокій лѣсъ тянулся верстъ на пять и дѣти не могли имъ налюбоваться. Но лошадямъ трудно было тащить тарантасъ по глубокому, сыпучему песку и, кромѣ того, бѣдныхъ животныхъ безпокоили овода. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть, и, вмѣсто большихъ сосенъ,

показались кустарники. Опушка лѣса продолжалась еще съ полверсты: потомъ колеса экипажа застучали по болѣе твердому грунту. Опять по обѣимъ сторонамъ дороги пошли безконечныя поля, разстилающіяся по холмамъ до самаго горизонта.

Черезъ полчаса ямщикъ сильно погналъ лошадей, и остановился у небольшаго домика. У крыльца его стояла толпа ямщиковъ съ мѣдными бляхами на шляпахъ, двѣ или три телѣги и тройка, только-что воротившихся лошадей. Это была станція. Володя обратилъ вниманіе на большой, полосатый столбъ, на которомъ было крупными буквами написано: *отъ С.-Петербурга 154 версты.*

Станціонный смотритель, въ чиновничьемъ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами, ласково встрѣтилъ пріѣхавшихъ и спросилъ ихъ: не хотятъ ли они напиться чаю? Жена же смотрителя объявила, что у нея есть сливки, молоко и свѣжія яйца. Здоровый воздухъ полей, прогулка пѣшкомъ по лѣсу и легкая качка экипажа сильно возбудили дѣтскій аппетитъ. Предложеніе станціоннаго смотрителя было принято съ радостію. Большой самоваръ, правда, давно нечищенный, огромный горшокъ молока съ толстымъ слоемъ сливокъ наверху, круглыя деревянныя ложки и большой ломоть чернаго хлѣба мигомъ появились на столѣ. Дѣти не заставляли себя упрашивать: чай, молоко, яйца, которыя хозяйка принесла потомъ, и бѣлый хлѣбъ, захваченный еще изъ Петербурга, исчезали быстро.

Самоваръ, скатерть, чашки, мебель,—все на станціи было некрасиво и бѣдно. Простой, грубый, ничѣмъ не обитый диванъ и такіе же стулья, голыя стѣны, на которыхъ висѣли почтовыя объявленія въ рамкахъ, да какая-то картинка, запачканная мухами, — все это далеко не напоминало собою той великолѣпной почтовой станціи, гдѣ наши путешественники останавливались вчера вечеромъ, ѣдучи по шоссе. Тамъ стѣны высокихъ комнатъ были обиты дорогими обоями, мебель ясеневаго дерева блестѣла и лоснилась, на стѣнахъ висѣли прекрасные портреты, на столъ къ чаю былъ поданъ великолѣпный сервизъ. Но, не знаю почему, дѣтямъ какъ-то особенно нравилась скромная станція съ ея голыми стѣнами и скрипучимъ поломъ. Пріятное впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда Александръ Сергѣевичъ открылъ окно, и свѣжій деревенскій воздухъ, въ которомъ казалось не было ни одной пылинки, хлынулъ въ комнату.

Скоро подъ окномъ станціи собралась толпа босоногихъ мальчишекъ и дѣвочекъ, въ грязныхъ рубашонкахъ, съ волосами, не совсѣмъ гладко расчесанными, съ лицами и руками, не совсѣмъ чисто вымы-

тыми. Но въ этихъ грязныхъ дѣтскихъ рученкахъ, протянутыхъ къ верху, видна была очень привлекательная вещь. На деревянныхъ маленькихъ тарелочкахъ лежала крупная, сочная. совершенно вызрѣвшая земляника. Дѣти наперерывъ предлагали проѣзжающимъ свой товаръ. Наши маленькіе горожане съ трудомъ понимали, что говорили имъ эти жители села, которые также никогда не покидали деревни, какъ они никогда не покидали города: такъ языкъ деревенскихъ дѣтей мало походилъ на тотъ, къ которому привыкли Володя и Лиза въ столицѣ.

Послѣ небольшаго торгу, причемъ объяснилось, что продающіе считали еще на ассигнаціи, тогда-какъ покупающіе считали на серебро, нѣсколько тарелочекъ земляники было куплено. Душистая, сочная ягода, съ прекрасными сливками, вполнѣ расположила нашихъ маленькихъ путешественниковъ въ пользу деревенскихъ жителей. Дѣтямъ не хотѣлось даже разставаться со станціею: такъ она имъ понравилась. Володя взобрался на диванъ и прочелъ всѣ почтовыя объявленія, Лиза раздарила дѣвочкамъ нѣсколько обрывковъ лентъ и лоскутковъ ситцу. Маленькіе дикари были въ восторгѣ отъ такихъ подарковъ. Черезъ полчаса новая тройка была уже впряжена въ тарантасъ; новый и звонкій колокольчикъ побрякивалъ подъ дугою. Ямщикъ, старикъ съ сѣдою бородою, приправилъ послѣднія постромки и, перекрестясь, кряхтя, взлѣзъ на высокія козлы. Александръ Сергѣевичъ заплатилъ станціонному смотрителю прогоны, далъ на водку прежнему ямщику, расплатился также съ хозяйкою за самоваръ, яйца и кринку молока, причемъ, припоминая петербургскія цѣны, удивился, что съ него взяли такъ мало. Потомъ, простившись съ смотрителемъ и его женою, вся семья усѣлась въ тарантасъ. Ямщикъ махнулъ рукавицей, крикнулъ на лошадей: «эй, вы, голубчики!» и покатилъ дальше по большой дорогѣ.

ГЛАВА III.

Деревня, уѣздный и губернскій городъ.

Мѣняя лошадей на станціяхъ, останавливаясь только напиться чаю и поѣсть, ночуя въ экипажѣ, потому-что погода во всю дорогу стояла прекрасная, ѣхали наши путешественники два дня или, лучше сказать, двое сутокъ, потому-что они ѣхали день и ночь, уѣзжая въ сутки верстъ по двѣсти и болѣе. Много они проѣхали маленькихъ деревень. Въ иныхъ всего-то было 10 или 15 домовъ, низенькихъ, пошатнувшихся на бокъ, съ почернѣвшими бревенчатыми стѣнами, съ

полусогнившими соломенными крышами. Много проѣхали они и больших селъ, гдѣ иногда попадались прекрасныя каменныя церкви, нѣсколько домовъ почищѣ другихъ и двѣ-три маленькія грязныя лавчонки, въ которыхъ деготь и баранки, пряники и колеса, продавались вмѣстѣ. Эти лавчонки были бѣднѣе товаромъ, меньше и грязнѣе на видъ самой жалкой изъ овощныхъ лавокъ столицы.

Наши путешественники проѣхали также три уѣздные города и даже одинъ губернскій. Губернскій городъ походилъ еще на городъ. По главнымъ улицамъ его была каменная мостовая; кое-гдѣ попадались огромные каменные дома; но между ними не много было такихъ, къ какимъ дѣти привыкли въ столицѣ. Только одинъ губернаторскій домъ, да новыя присутственныя мѣста, высокій, прекрасный соборъ и нѣсколько старинныхъ церквей могли-бы, какъ казалось дѣтямъ, стоять безъ стыда и на петербургскихъ улицахъ. Но гостинный дворъ, посреди огромной, пустой площади, показался имъ и малъ, и бѣденъ, и грязенъ. Тутъ были, правда, два-три магазина; но какое сравненіе съ петербургскими магазинами! Было десятка-два вывѣсокъ, но какое сравненіе съ петербургскими вывѣсками! Народу и экипажей на улицахъ несравненно меньше.

Уѣздные города были еще меньше и бѣднѣе губернскаго: три, четыре немощоныя улицы, обставленныя низенькими деревянными домами; длинные, иногда полуразвалившіеся заборы; огороды и сады посреди города; деревянные столбики вмѣсто тротуаровъ; коровы и свиньи, бродящія по улицамъ; пустота, тишина, — отсутствіе движенія! Только пять или шесть каменныхъ домовъ, площадь, на которой помѣщались десятка два лавокъ, каменныя присутственныя мѣста, выкрашенныя когда-то желтою охрою, пять-шесть, полуистертыхъ вывѣсокъ сапожниковъ и портныхъ, вывѣшенный на палкѣ крендель булочника, да изрѣдка городскія дрожки доказывали, что это не деревня, а городъ.

Одинъ изъ такихъ городковъ наши путешественники проѣхали такъ быстро, что Володя, вспомнивъ, какъ они часа полтора тащились по Петербургу, спросилъ у отца: — Неужели это городъ?

— Города бываютъ разные, отвѣчалъ ему отецъ съ улыбкою: Въ Петербургѣ 500,000 жителей; въ губернскомъ городѣ, который мы проѣхали, не болѣе тридцати тысячъ; а здѣсь хорошо, если наберется тысячи три. Но есть города больше Петербурга. Въ Лондонѣ, столицѣ Англіи, два мильона пятьсотъ тысячъ жителей, то есть, въ пять разъ больше, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Вотъ городъ, такъ городъ! Вотъ должна быть толкотня на улицахъ! замѣтила Лиза.

— Да, сказалъ отецъ, говорятъ, что тамъ по улицамъ каждый день такое множество народа, какъ въ Петербургѣ въ Лазареву Субботу у гостиннаго двора. Кто же изъ уѣзднаго города въ первый разъ заѣдетъ въ Петербургъ, тому и въ простой день покажется, что онъ попалъ на *ярмарку*.

— А сколько жителей въ селѣ? спросилъ Володя.

— Села, какъ и города, бываютъ различные, отвѣчалъ Александръ Сергѣевичъ: въ иномъ селѣ бываетъ жителей тысячи двѣ и больше, а въ другомъ не наберешь и пятисотъ. Въ иной же деревнѣ бываетъ душъ пятьдесятъ и даже менѣе. Гдѣ же мало жителей, тамъ не можетъ быть ни хорошихъ лавокъ, ни богатыхъ магазиновъ; потому-что магазины и лавки живутъ покупателями.

— Теперь я понимаю, сказалъ Володя, почему въ маленькихъ городахъ нѣтъ и хорошихъ вывѣсокъ; а въ деревняхъ и совсѣмъ ихъ нѣтъ.

— Къ чему въ деревняхъ вывѣски, прибавила Лиза: въ деревнѣ, я думаю, каждый и такъ знаетъ, гдѣ кто живетъ.

Но несмотря на бѣдный видъ уѣздныхъ городовъ, одинъ изъ нихъ, не помню уже какой, чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ. Но лучше я разскажу по порядку, какъ это было.

На третій день пути Александръ Сергѣевичъ очень рано поутру, когда солнце только-что встало, разбудилъ разоспавшихся въ тарантасѣ дѣтей, говоря, что нужно выйти изъ экипажа и идти пѣшкомъ. Дѣти встали, дрожа отъ свѣжести утренняго воздуха, и начали съ любопытствомъ осматриваться вокругъ. Тарантасъ стоялъ на берегу рѣки, къ которой круто спускалась дорога. На рѣкѣ моста не было; но съ той стороны рѣки два перевозчика, въ синихъ рубахахъ, гнали къ берегу на шестахъ небольшой, довольно ветхій паромъ. На этомъ берегу столпилось, въ ожиданіи парома, множество крестьянъ и крестьянокъ, пѣшкомъ и въ телѣгахъ, и возовъ до двадцати съ различною кладью. Возы были нагружены сѣномъ, соломой, мѣшками съ мукой, горшками, кирпичомъ, дровами; на иныхъ телѣгахъ мычали телята и бараны или визжали поросята; у другихъ были привязаны сзади крестьянскія лошаденки, быки и коровы. Крестьяне и крестьянки, укрывшись тулупами и рогожами, сидѣли и лежали на телѣгахъ и просто на землѣ, хотя трава была покрыта серебристой росою. За плечами у крестьянокъ висѣли корзины съ яицами,

въ рукахъ были кадочки съ масломъ; иныя держали куръ, гусей, пучки луку, рыбу въ судкахъ и раковъ въ корзинкахъ, наполненныхъ крапивой. Это необыкновенное собраніе народа заинтересовало Володю. Ѣхавши по довольно пустынной почтовой дорогѣ уже два дня, онъ ни разу не встрѣчалъ такой кучи людей вмѣстѣ; хотя, говоря правду, куча была не очень большая, и на каждомъ перекресткѣ двухъ порядочныхъ улицъ въ Петербургѣ можно всякую минуту видѣть втрое больше народа.

Александръ Сергѣевичъ узналъ отъ крестьянъ, что они отправляются на ярморку въ уѣздный городъ, который былъ видѣнъ на противоположномъ, крутомъ и высокомъ берегу рѣки. Володя видѣлъ, какіе товары крестьяне везли въ городъ; но ему захотѣлось узнать что̀ они будутъ покупать тамъ. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ сѣдому старику, который, накрывшись тулупомъ, сидѣлъ на своей телѣгѣ, терпѣливо дожидаясь перевоза. Старикъ съ трудомъ понялъ, о чемъ его спрашивалъ Володя; но, понявши, усмѣхнулся и ласково отвѣчалъ:

— Что̀ намъ нужно въ городѣ? Какъ что̀? да вотъ, маленькій баринъ, мнѣ нужно купить соли, а соли въ деревнѣ не достанешь; нуженъ мнѣ и топоръ — мой совсѣмъ иступился; нужно еще двѣ косы — ужь косовица подходитъ. Женѣ куплю я въ городѣ ситцевый платокъ, а дѣтямъ по прянику. Вѣдь у насъ въ деревнѣ, кромѣ чернаго хлѣба, луку, молока, да яицъ, ничего не найдешь. Кто, можетъ, ѣдетъ купить себѣ сапоги; а другому нужна шляпа, кушакъ или рукавицы. Вотъ зятьку моему понадобились стекла, замокъ къ дверямъ и петли: онъ, вишь, строитъ себѣ избу; а стеколъ-то у насъ въ деревнѣ не дѣлаютъ и слесарей нѣтъ; гвоздей тоже, чай, захватитъ, потому-что и гвоздей у насъ не найдешь. А тамъ-отъ-ко стоитъ моя сноха съ пѣтухомъ и съ корзиной яицъ: ей нужно кумачу на кичку, ситцу на сарафанъ; иголки, чай, всѣ вышли; а, можетъ, купитъ она желѣзный ковшъ для воды или пару серповъ. Да мало ли чего кому нужно? У насъ же въ деревнѣ, почитай, ничего нѣту. Что̀ есть, то, какъ видишь, и веземъ продавать. Всѣмъ же намъ, баринъ, пуще всего нужны деньги....

— А зачѣмъ же вамъ деньги? спросилъ необдуманно Володя.

— Деньги-то зачѣмъ? отвѣчалъ крестьянинъ, засмѣявшись: какъ, зачѣмъ деньги? Извѣстно зачѣмъ! на подушное въ казну, на оброкъ барину, да и про черный день копѣйку спрятать не мѣшаетъ!

Пока Володя разговаривалъ съ крестьяниномъ, паромъ прича-

лилъ къ берегу. Крестьяне засуетились съ телѣгами. Но всѣхъ не пустили разомъ на паромъ, иначе онъ могъ бы потонуть. Тарантасъ нашихъ путешественниковъ спустили на рукахъ; кромѣ того, поставили десятка два возовъ, пустили тѣхъ, шли которые пѣшкомъ — и отчалили.

На высокомъ и крутомъ берегу живописно былъ раскиданъ маленькій уѣздный городокъ: красныя, зеленыя и сѣрыя крыши его пестрѣли посреди цвѣтущихъ садовъ; позолоченные кресты церквей весело играли на солнышкѣ. Небольшой городокъ казался издали такимъ веселымъ, такимъ чистенькимъ; ему было такъ пріютно между цвѣтущими садами! Дѣти въ одинъ голосъ сказали, что въ такомъ городкѣ жить гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пышномъ, красивомъ, но пыльномъ, душномъ и шумномъ Петербургѣ.

Напившись чаю въ городкѣ и перемѣнивъ лошадей на станціи, наши путешественники отправились далѣе.

Дорогою Александръ Сергѣевичъ разспрашивалъ Володю, о чемъ онъ говорилъ съ крестьяниномъ на берегу и что узналъ отъ него новаго. Володя хорошо помнилъ что везли крестьяне въ городъ и что хотѣли купить тамъ. Онъ разсказалъ также отцу и свой вопросъ о томъ, къ чему нужны деньги и отвѣтъ старика?

— Вопросъ твой о деньгахъ, сказалъ Володѣ отецъ: не такъ простъ, какъ кажется. Въ самомъ-дѣлѣ, къ чему людямъ деньги? Нужны человѣку пища, одежда, посуда, лошадь и другіе предметы, которые онъ употребляетъ: денегъ же онъ ни на что не употребляетъ. Однакожъ всѣ ищутъ денегъ, потому-что за деньги все можно достать, хотя сами по себѣ они никому не нужны и ни къ чему негодны. Но подумай хорошенько. Старику, съ которымъ ты говорилъ, нужны соль, топоръ и коса; а у него есть сѣно: вотъ онъ и везетъ сѣно въ городъ, чтобы промѣнять его на то, что ему нужно. Но сѣна вовсе не нужно тому купцу, у котораго есть соль, ни тому, который торгуетъ топорами и косами. У того же, кому нужно сѣно, нѣтъ ни топора ни косъ, ни соли; а купцу у котораго есть всѣ эти вещи, нужно купить себѣ товаровъ, которыхъ нѣтъ у мужика. Какъ же тутъ быть? Не будь денегъ, и каждый бы остался при своемъ товарѣ, и не получилъ бы того, что ему нужно. Но вотъ чиновникъ, которому нужно сѣно для лошадей, даетъ за него мужику деньги; за эти деньги мужикъ покупаетъ себѣ у купца соли; а купецъ на полученныя деньги покупаетъ, можетъ-быть, гдѣ нибудь очень далеко соли, желѣза, топоровъ или косъ, всего, чѣмъ онъ торгуетъ, и привозитъ

свой товаръ въ городъ. Такимъ-образомъ, ты видишь, что хотя деньги сами по-себѣ ни кому не нужны; но они необходимы для того, чтобы удобнѣе было промѣнивать товаръ на товаръ, и что безъ нихъ остановилась бы торговля.

— Да, худо было бы безъ денегъ, сказалъ Володя, подумавъ а между-тѣмъ вещь, кажется никому и ни къ чему не годная».

ГЛАВА IV.

Проселочная дорога.

На четвертый день пути наши странники должны были перемѣнить почтовыхъ лошадей на долгихъ, и свернутъ съ большой почтовой дороги на проселочную. Деревня, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ, находилась верстахъ въ шестидесяти въ сторонѣ отъ большой дороги. Наняли тройку долгихъ, и ямщикъ обѣщалъ къ вечеру же, покормивши лошадей на половинѣ дороги, доставить нашихъ путешественниковъ въ Карповку: такъ называли ту деревню, куда ѣхалъ Александръ Сергѣевичъ.

На проселочной дорогѣ картина нѣсколько измѣнилась, да и ѣхать было гораздо безпокойнѣе, чѣмъ по большой почтовой. Колеса широкаго тарантаса не попадали въ глубокія колеи, прорѣзанныя узкими крестьянскими телѣгами. Тарантасъ ѣхалъ какъ-то бокомъ и тряска увеличилась. Но дѣти не обращали на нее большаго вниманія: такъ занимало ихъ все, что они видѣли. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла высокая, густая рожь. Она уже отцвѣла, налилась и начинала желтѣть. Золотистыми, колеблющимися волнами тянулась она по обѣ стороны на необозримое пространство. Во ржи синѣло такое множество васильковъ, что дѣти, выйдя изъ экипажа, мигомъ нарвали два огромные пучка. Скоро два вѣнка, сплетенные искусными ручками Лизы, свѣжіе, синіе и блестящіе, перевитые съ колосьями ржи, украсили русыя головки дѣтей.

На дорогѣ имъ почти никто не попадался. Изрѣдка только проѣдетъ мужикъ, таща въ своей телѣжонкѣ тяжелую соху, пройдетъ косарь съ блестящей косой или вдали покажется пастухъ и пестрое стадо. Здѣсь деревни были ужь настоящія деревни: глухія, безмолвныя, окруженныя полями, лугами и лѣсами. Подъѣзжая къ деревнѣ, извощикъ долженъ былъ нѣсколько разъ вставать съ козелъ, чтобы отпирать скрипучія ворота околицы. Утлая огорожа, сдѣланная изъ жердей и кольевъ для того, чтобы скотъ, выходя изъ деревни, не

вытаптывалъ поля, задолго еще предупреждали нашихъ путешественниковъ, что они приближаются къ деревнѣ.

Наступила рабочая лѣтняя пора и деревни были почти совершенно пусты. Всѣ крестьяне были въ полѣ на работѣ; только ребятишки играли на улицахъ, да какая-нибудь старуха выходила набрать воды въ колодцѣ и немилосердно скрипѣла длиннымъ шестомъ, опуская бадью въ воду.

За деревней опять слѣдовали поля, луга, рощи. Попадались даже такія деревеньки, въ которыхъ и всего-то было пять-шесть дворовъ; но зато вдали виднѣлись иногда и большія села съ хорошенькими церквами и съ барскими высокими домами на горѣ, посреди большаго сада.

Въ полдень путешественники наши остановились кормить лошадей въ одной изъ деревень. Но и въ этой деревнѣ, хотя она была побольше другихъ, не было постоялаго двора; потому-что по проселочнымъ дорогамъ проѣзжающихъ мало.

ГЛАВА V.

Крестьянская изба.

Извощикъ остановился кормить лошадей у знакомаго крестьянина, изба котораго была побольше и почище другихъ. Приходилось простоять часа три, и путешественники наши вздумали, что не дурно было бы напиться чаю; но на вопросъ о самоварѣ старушка усмѣхнулась.

— Какіе у насъ, батюшка, самовары! сказала она: мы и чаю-то, почитай што отродясь не пивали; а вотъ, когда сливочекъ или яичекъ милости вашей угодно, такъ это у насъ есть.

Пришлось довольствоваться тѣмъ, что было, и дѣти съ удовольствіемъ съѣли даже засохшую булку, которая одна только и осталась у нихъ отъ послѣдняго города. Старуха, правда, вынесла краюху чернаго хлѣба; но онъ былъ такъ черствъ, что избалованные горожане до него и не дотронулись.

Здѣсь въ первый разъ дѣти были въ настоящей крестьянской избѣ. Нечего грѣха таить, она показалась имъ и грязна, и тѣсна, и душна. Въ углу стояла огромная печь; наверху половину избы занимали полати, закоптѣлыя отъ дыма. Маленькія, запачканныя окна мало пропускали свѣта. Земляной полъ былъ грязенъ. По голымъ стѣнамъ, между почернѣлыми бревнами которыхъ торчалъ мохъ, ползало

множество тараканов. Вся мебель избы состояла изъ двухъ большихъ лавокъ по стѣнамъ, скамейки и большаго деревяннаго стола. На столѣ стояла деревянная же солонка и лежалъ хлѣбъ, закрытый грубымъ полотенцемъ. У печи висѣлъ на веревочкѣ глиняный рукомойникъ. Въ переднемъ углу видно было нѣсколько почернѣлыхъ образовъ, украшенныхъ засохшими цвѣтами и вѣтками березы. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стояла непривлекательная постель.

Дома, кромѣ старухи и двухъ маленькихъ ребятишекъ, русыя всклоченныя головки которыхъ виднѣлись съ полатей, не было никого; а по словамъ старухи семья у нея была большая. Старикъ—мужъ ея, двое женатыхъ сыновей, двѣ взрослыя, еще незамужнія дочери и даже внукъ, мальчишка лѣтъ 10-ти, съ ранней зари ушли на косовицу. Тамъ они останутся цѣлый день и воротятся только поздно, поздно вечеромъ; а, можетъ быть, и заночуютъ въ полѣ. Трудовую и нероскошную жизнь ведутъ наши крестьяне въ деревняхъ, но трудами ихъ кормится вся Россія. Изъ такихъ маленькихъ, мрачныхъ, курныхъ избъ выходятъ всѣ тѣ копѣйки и рубли, на которые выстроенъ и живетъ пышный Петербургъ со всѣми своими богатыми лавками и магазинами. Блестящіе пароходы и громадные корабли, которые наши дѣти видѣли на Невѣ, пришли изъ разныхъ государствъ большею частью за хлѣбомъ. Но хлѣбъ въ столицу собирается изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, по рѣкамъ, каналамъ и дорогамъ, изъ всѣхъ этихъ маленькихъ—бѣдненькихъ деревень. На подать, которую даетъ крестьянинъ, содержатся блестящія войска, строятся корабли и крѣпости; изъ нея же платится жалованье чиновникамъ. Изъ крестьянскаго оброка строятся великолѣпные дома, покупаются блестящіе экипажи. Такъ—маленькіе, незамѣтные, роющіеся въ землѣ корешки питаютъ пышную, душистую розу, гордо качающуюся на своемъ тоненькомъ стебелькѣ. Сорвите розу, вмѣсто ея появится другая: повредите корень, весь кустъ завянетъ—и пышная роза не будетъ больше гордо качаться на тоненькой вѣткѣ.

Александръ Сергѣевичъ объяснилъ это Володѣ и Лизѣ, и дѣти, которыя начали-было уже неосторожно кричать, что въ избѣ и душно, и грязно, и гадко—пріутихли. Они боялись оскорбить своими замѣчаніями добрую старуху, и съ почтеніемъ смотрѣли на ея морщинистое загорѣлое лицо, на ея изсохшія, черныя руки. Видно было, что она довольно потрудилась въ свою жизнь; а теперь трудятся еще на пользу общую ея мужъ, ея дѣти и внуки.

Володя былъ мальчикъ умный и добрый. Онъ понялъ, какого уваженія заслуживаетъ эта добрая старая женщина, несмотря на ея истасканный сарафанъ и босыя ноги, и съ удовольствіемъ называлъ ее *бабушкою*. Ему было пріятно, когда она своей морщинистой, черной, дрожащей рукой погладила его по русой, курчавой головкѣ.

— Вотъ такой бы и у меня былъ теперь парнишко внучекъ!—сказала при этомъ старушка и глубоко вздохнула: — такой же востроглазый и бѣленькій, да упалъ съ лошади и расшибся.

— Какъ же это случилось, бабушка? спросила Лиза съ участіемъ.

— Вишь-ты, поѣхалъ лошадокъ загонять, а силёнки еще не хватало. И падалъ-то онъ у насъ не разъ, кажись; да въ этотъ разъ пришлось головою о камень: раскромсалъ совсѣмъ, и на третій денёкъ душу Богу отдалъ. По грѣхамъ нашимъ наказываетъ насъ, видно, Господь! окончила старушка и еще разъ глубоко вздохнула всею своей сухою, впалою грудью.

— Боже мой, какое несчастье! сказала Лиза, и слезы навернулись у ней на глазахъ:—неужели же нельзя было спасти бѣдняжку? Посылали ли вы, по крайней мѣрѣ, за докторомъ?

— Какіе ужь у насъ дохтура, барышенька моя милая, отвѣчала ласково старушка:—дохтура въ городѣ, и къ намъ не поѣдутъ. Мочили голову водкой, ажно голосилъ мой касатикъ, и ворожею позвали: та шептала, шептала, да не помогло. Видно ужь такъ Богу угодно—Его святая воля.

— Но зачѣмъ же было посылать дитя загонять скотъ? замѣтилъ Александръ Сергѣевичъ.

— А какъ же, баринъ, не посылать-то, отвѣчала старуха:—старшіе на работѣ въ полѣ; пріѣхалъ становой, лошадей требуетъ, кого жъ послать-то? У насъ парнишки не долго балуются; всѣмъ хлѣбушка нуженъ. Вонъ на полатяхъ еще лежатъ пока двое: одному по шестому, другому по пятому году, а годка черезъ три и тѣ пойдутъ въ работу.

— А въ школу, бабушка? перебилъ Володя:—когда же они ходятъ въ школу? когда учатся?

— Нѣтъ у насъ школъ, кормилецъ. Гдѣ ужъ въ такой деревнюшкѣ школы! Вонъ, баютъ, въ Апраксинскомъ-то, на селѣ,—чай видѣли, коли мимо ѣхали,—завели школу и учителя прианяли. Приказано, вишь-ты, дѣтей грамотѣ учить, да и то не вѣсть зачѣмъ. Къ чему намъ грамота? Мы люди темные, работящіе; некогда намъ книги читать. У насъ на деревнѣ и ни одного нѣту-ти грамотнаго, а живемъ же себѣ по милости Божіей не хуже другихъ. Да у насъ и выучиться-

то не у кого; не въ Апраксинское же посылать; вѣдь это верстовъ пятнадцать отселева будетъ, а пожалуй и больше!

—Какъ странно говоритъ эта старуха, подумалъ про себя Володя:— не все и поймешь, и прибавилъ вслухъ: вотъ что значитъ жить въ деревнѣ: ни доктора, ни школы, ни учителя, ни книгъ! Нѣтъ это не то, что у насъ въ Петербургѣ; тамъ школъ, учителей и книгъ сколько хочешь — учись только.

—Гдѣ ужъ намъ до Питера, батюшка, проговорила старушка, вздохнувъ:—вонъ ужъ и въ городѣ-то нашемъ, и весь-то онъ не величекъ, есть и дохтура, и учителя, а у насъ и церкви-то нѣту-ти близко, — за шесть верстъ къ обѣднѣ ходимъ. Мы, косатикъ, коли *Вѣрую,* да *Богородицу,* да *Отче нашъ* знаемъ, такъ слава-те, Христосъ; съ насъ и будетъ! Знали бы мы свое крестьянское дѣло: пахать да сѣять, жать да косить, сладить соху, срубить избу, справить телѣгу; да мало ли что надо знать въ нашемъ крестьянскомъ дѣлѣ!

— Что же? сказалъ Александръ Сергѣевичъ, это тоже наука; наука не легкая и полезная. У насъ въ Петербургѣ ей не выучишься, а безъ нея и прожить нельзя. Всякому свое. Вы для насъ, добрые люди, работаете; а мы должны учиться, чтобы умѣть устроить вашу жизнь, какъ-можно лучше. Безъ книгъ и безъ ученья тоже жизнь очень дурна, прибавилъ онъ обращаясь къ дѣтямъ, когда старушка ушла:— будетъ у насъ больше умныхъ, ученыхъ и образованныхъ людей, тогда и въ этой деревенькѣ, можетъ-быть, жизнь сдѣлается лучше, удобнѣе и пріятнѣе. Образованные люди придумали хорошія дороги, шоссе, паровыя машины, каналы, улучшенныя земледѣльческія орудія, фабрики. Съ помощію ихъ и въ эту деревню заглянетъ когда-нибудь образованіе, облегчится тяжелый трудъ крестьянина, выстроится школа и появятся здѣсь разныя удобства и удовольствія жизни, о которыхъ теперь и понятія не имѣютъ. Въ Германіи нѣтъ ни одного человѣка, который бы, по-крайней-мѣрѣ, не умѣлъ читать и писать. Въ Англіи и въ Америкѣ нѣтъ такой маленькой деревеньки, гдѣ бы не было школы. Тамъ уже начали косить, жать, сѣять, даже пахать машинами; а машина облегчаетъ и усиливаетъ трудъ человѣка. Надобно, чтобы и у насъ все это было такъ же. Мы, русскіе, гораздо позже другихъ народовъ начали учиться и во многомъ отстали: намъ надобно догонять. Учитесь же, дѣти мои, и помните, что мы должны чѣмъ нибудь отблагодарить крестьянъ за тотъ хлѣбъ, которымъ они насъ кормятъ; а отблагодарить мы можемъ только прилежнымъ ученьемъ и честными трудами на пользу общую. Тотъ изъ насъ, кто ничего не дѣлаетъ и ни-

кому не приноситъ никакой пользы — живетъ на чужой счетъ: на счетъ этихъ бѣдныхъ людей, трудящихся съ утра до вечера въ потѣ лица. Стыдно и грѣхъ ѣсть даромъ чей-нибудь хлѣбъ; а еще болѣе хлѣбъ крестьянскій, добытый такими тяжелыми, неусыпными трудами! Не трудясь на поляхъ сами, съ утра до вечера и съ дѣтства до смерти, какъ эти бѣдные люди, имѣя много свободнаго времени, котораго нѣтъ у крестьянъ,—мы должны употреблять это время на общую пользу. Ты вотъ, Володя, пойдешь служить; не забывай же никогда, что эти крестьяне поятъ и кормятъ тебя· служи честно и заботься о нихъ, сколько станетъ у тебя силъ. Ты, Лиза, вѣроятно будешь современемъ учить дѣтей; дѣти, которыхъ выучишь ты, будутъ учить другихъ и, такимъ образомъ, образованіе, можетъ-быть, дойдетъ и до этой деревеньки, гдѣ живутъ и трудятся наши истинные кормильцы. Пусть всякій дѣлаетъ честно свое дѣло и всѣмъ будетъ хорошо. Въ одиночку человѣкъ и простаго гвоздя не сдѣлаетъ. Для крестьянъ нужны образованные и ученые люди, а ученые и образованные люди не проживутъ безъ крестьянскихъ трудовъ. Для бѣдныхъ деревень нужны города и столицы, гдѣ находятся правительство, присутственныя мѣста, войско, университеты, гимназіи, училища, богатые купцы, фабрики, лавки и магазины; гдѣ живутъ люди, умѣющіе управлять государствомъ, вести торговлю, устроивать фабрики и заводы, рыть каналы, дѣлать желѣзныя дороги и шоссе, строить корабли, заниматься различными ремеслами, чеканить монету. Но для городовъ и столицъ еще болѣе нужны деревни и ихъ трудолюбивые, простые жители. Безъ деревень столицы и города существовать не могутъ: безъ столицъ, городовъ и образованныхъ людей крестьяне остались бы навсегда грубыми дикарями; а вы вѣрно читали въ вашихъ книжкахъ, какую жалкую жизнь ведутъ дикари.

ГЛАВА VI.

Прибытіе на мѣсто.

Накормивъ лошадей, попрощавшись съ доброй старушкой — отъ которой дѣти узнали столько полезнаго, хотя она сама и читать не умѣла — наши путешественники отправились далѣе. До Карповки оставалось верстъ двадцать, не больше, и извощикъ надѣялся поспѣть туда къ вечеру. Верстъ черезъ семь или восемь дорога пошла по крутому берегу живописной рѣчки: она извивалась, какъ огромная блестящая змѣя, на днѣ глубокой лощины, посреди кустовъ лозы и орѣшника. По ту сторону рѣчки разстилались далеко луга; на нихъ,

въ разныхъ мѣстахъ, видны были косари, сверкающіе своими стальными косами. Извощикъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на эти обширные, зеленые луга.

— Вотъ луга, такъ луга! сказалъ онъ, обращаясь къ Володѣ, который съ позволенія отца усѣлся возлѣ ямщика на козлахъ: — какая-бы ни была засуха, на нихъ всегда есть трава, и покосъ всегда хорошій.

— Отъ чего же это? спросилъ Володя.

— Да оттого, маленькій баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, что всякую весну эта рѣчёнка разливается куды-какъ широко — вонъ подъ тѣ самыя лозы, верстъ, чай, на семь! Какъ же вода потомъ сбудетъ, то и трава пойдетъ расти шибко, да гонко, — да такая зеленая, сочная! Эти луга, баринъ ты мой милый, *поёмные*, дорогіе луга, славные луга! Много они, сердешные, кормятъ лошадушекъ; а лошадушки, баринъ, кормилицы наши. Что бы мы безъ нихъ стали дѣлать? Они насъ и возятъ, милыя, они намъ и пашеньку пашутъ и боронятъ; а придется-ли дровецъ изъ лѣсу привести — опять-таки за лошадку. Они намъ и навозъ даютъ; безъ навоза наши поля родятъ плохо. Вотъ и выходитъ, баринъ, что луга-то вещь дорогая, особенно луга поёмные. Поле вездѣ распахать можно, хоть бы изъ-подъ самаго густаго лѣсу: выруби деревья, повыкорчи корни, да и распахивай землицу-то; а поёмнаго луга ужъ не распашешь! Гдѣ Богъ далъ, тамъ онъ и есть; а гдѣ сѣна много, тамъ и лошадка, и коровка, и овечка сыты. Эй, вы, сердешныя, трогай! — прибавилъ ямщикъ, подстегнувъ слегка правую пристяжную.

Начинало вечерѣть. Поверхность рѣчки блестѣла розовымъ свѣтомъ. Кое-гдѣ чернѣли на ней стада дикихъ утокъ. Длинноносый бекасъ со свистомъ перепархивалъ съ одного берега на другой; а бѣлыя чайки, блестя въ воздухѣ крыльями, съ печальнымъ крикомъ носились надъ водою: зорко высматривали онѣ, не выкажется ли гдѣ-нибудь серебристая спинка маленькой рыбки. Рыболовы — такъ называютъ этихъ чаекъ — большіе охотники до рыбы, и въ этотъ вечеръ, навѣрно, охотились удачно. Рыба то и дѣло всплескивалась тамъ-и-сямъ по рѣкѣ, ловя комаровъ и мошекъ, которые, ища сырости и не находя ея въ верху, кучами толклись надъ водою, предсказывая, что и завтра будетъ такая же прекрасная погода. Солнце стало садиться и окрасило самыми яркими цвѣтами, золотымъ, розовымъ и пурпуровымъ, серебряныя облака, столпившіяся къ западу, какъ-будто за тѣмъ, чтобы проводить на ночлегъ своего щедраго владыку, — огромное, по-

краснѣвшее солнце. Отражая косвенные вечерніе лучи, рѣчка сверкала, какъ растопленное золото. Становилось прохладнѣе; а подъ ивами, свѣсившимися надъ водою, было уже совершенно темно. Утомленныя длинной дорогой дѣти чувствовали усталость.

— Скоро ли будетъ Карповка? спросилъ Володя ямщика.

— Да вотъ, баринъ, только переѣдемъ на ту сторону: тутъ сейчасъ тебѣ и Карповка будетъ.

— Но какъ же мы переѣдемъ? опять на паромѣ? спросилъ Володя.

— Нѣтъ не на паромѣ, а по плотинѣ, маленькій баринъ. Вотъ сейчасъ плотина будетъ: слышь, какъ шумитъ!

Дѣти прислушались и, дѣйствительно, до нихъ достигъ отдаленный, пріятный звукъ падающей воды. Они никогда не видали плотины и потому любопытство ихъ было снова возбуждено. Шумъ все увеличивался. Минутъ черезъ десять дѣти увидѣли, что узкая рѣка разлилась широко, точно прудъ или маленькое озеро. Скоро показалась и самая плотина; а минутъ черезъ пять тарантасъ уже прыгалъ по хворосту, бревнамъ и соломѣ. Въ концѣ длинной плотины шумѣла мельница.

— За чѣмъ же здѣсь не сдѣлали моста? По плотинѣ такъ тряско ѣхать! сказалъ Володя.

— Моста-то зачѣмъ не сдѣлали? отвѣчалъ улыбаясь извощикъ: — вотъ и видно, маленькій баринъ, что ты въ деревнѣ отродясь не живалъ. Подъ мостомъ-то вода себѣ, знай, течетъ, да течетъ; а тутъ надо было запрудить воду, чтобы мельницу поставить. Глянь-ка! вишь тамъ, отколева мы ѣхали и отколева течетъ рѣчка, вода-то стоитъ высоко; а глянь-ка на другую сторону плотины: ишь ты въ какой глуби течетъ тамъ та-жъ рѣчка. Во всю ширину рѣчки насыпали плотину, вода-то поднялась и сперлась: не оставили ей сердешной нигдѣ проходу — и некуда ей больше течь, какъ вотъ подъ эвтотъ мостикъ; а изъ-подъ мостика и льется она на колесо; колесо вертится и вертитъ жернова; жернова перемалываютъ рожь на муку; мука же, чай, и самъ ты знаешь, къ чему годна.

Дѣти не совсѣмъ ясно поняли объясненіе извощика, хотя видѣли, что онъ говоритъ правду; что вода, стѣсненная плотиною, точно лилась на большое деревянное колесо мельницы, и колесо вертѣлось съ такою силою, что вся утлая мельница дрожала. Въ мельницѣ были видны люди и мѣшки съ мукою; а возлѣ мельницы стояло нѣсколько отпряженныхъ телѣгъ, на которыхъ также были мѣшки, вѣроятно съ рожью.

За плотиной началась густая роща, гдѣ было уже совершенно темно. Ямщикъ весело погналъ лошадей и черезъ минуту путешественники наши, миновавъ околицу, въѣхали въ маленькую деревеньку, въ концѣ которой, на пригоркѣ, стоялъ небольшой барскій домъ.

Александръ Сергѣевичъ попросилъ встрѣтившагося мужичка кликнуть старосту; поговорилъ со старостой, и черезъ минуту наши путешественники были уже въ своемъ новомъ жилищѣ. Здѣсь встрѣтила ихъ старушка-ключница и какой-то заспанный мальчишка, который съ изумленіемъ таращилъ глаза на пріѣхавшихъ баръ.

Дѣти такъ устали, что не могли даже дождаться чаю. На́-скоро были постланы имъ постели, и крѣпкій дѣтскій сонъ быстро овладѣлъ нашими маленькими путешественниками.

На другой день Володя и Лиза проснулись довольно рано, торопливо одѣлись, торопливо напились молока, которое принесла имъ старая ключница, и выбѣжали на крыльцо. Съ крыльца побѣжали они въ садъ, изъ сада въ березовую рощу, находившуюся за садомъ, изъ рощи на скотный дворъ, оттуда въ темное гумно, гдѣ теперь было пусто и сыро; съ гумна побѣжали на мельницу, которая сильно заняла дѣтей. Они видѣли въ одинъ день столько новаго, что все перепуталось въ ихъ головкахъ. Все ихъ радовало, все приводило въ восторгъ: и высокая старая яблоня въ саду, и развѣсистые клены, и пчельникъ, гудящій пчелами, и большое барское стадо, возвращающееся съ поля, и широкій дворъ, поросшій травою, и густые коноплянники; все, все казалось дѣтямъ такъ ново и занимательно! Они теперь только вполнѣ почувствовали огромную разницу между городскою и деревенскою жизнію; но не вполнѣ еще понимали, въ чемъ состоитъ эта разница. Проживъ четыре мѣсяца безъ выѣзда въ деревнѣ, испытали дѣти на себѣ всѣ удобства и неудобства, достоинства и недостатки деревенской жизни.

ОТДѢЛЪ II.

О ЧЕЛОВѢКѢ.

ПЯТЬ ВНѢШНИХЪ ЧУВСТВЪ.

1. Мы не могли бы ничего узнать о предметахъ, насъ окружающихъ, если бы Творецъ не одарилъ насъ способностями видѣть, слышать, осязать, обонять и вкушать. Всѣ эти способности называются *способностями ощущенія*. Всѣхъ способностей ощущенія пять: способность видѣть называется *зрѣніемъ;* способность слышать — *слухомъ;* способность осязать — *осязаніемъ;* способность ощущать запахъ — *обоняніемъ;* способность ощущать вкусъ — *вкусомъ*.

2. Зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе и вкусъ называются также пятью *внѣшними* чувствами человѣка. *Внѣшними* называются эти пять чувствъ потому, что ими ощущаетъ человѣкъ предметы, не внутри, но внѣ его находящіеся. Ощущая радость, печаль, гнѣвъ, благодарность, раскаяніе, мы ощущаемъ то, что совершается внутри насъ, въ нашей душѣ; а потому такія чувства называются *внутренними* или *душевными*.

3. Одинъ и тотъ же предметъ мы узнаемъ нѣсколькими внѣшними чувствами: цвѣтъ предмета мы узнаемъ зрѣніемъ; форму и величину — зрѣніемъ и осязаніемъ вмѣстѣ; вкусъ предмета — вкусомъ; запахъ — чувствомъ обонянія; звукъ, который издаютъ предметы, — чувствомъ слуха. Осязаніемъ, кромѣ формы предмета, мы узнаемъ также тепелъ онъ или холоденъ, тяжелъ или легокъ, твердъ или жидокъ.

4. Мы видимъ глазами, слышимъ ушами, обоняемъ носомъ, ощущаемъ вкусъ языкомъ, осязаемъ всею поверхностью нашего тѣла въ особенности концами пальцевъ. Вотъ почему пять внѣшнихъ чувствъ могутъ быть также названы *тѣлесными* чувствами человѣка; хотя собственно ощущаетъ душа, а не тѣло, и тѣло безъ души ничего не чувствуетъ.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВЕННЫЕ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ.

1. Знаете ли вы изъ чего дѣлается супъ? Чтобы сдѣлать супъ нужны: вода, мясо, лукъ, рѣпа, морковь, петрушка, или какія нибудь другія овощи; нужна крупа и соль; нуженъ огонь, а для огня—дрова; нужно, наконецъ, и искусство: кто не умѣетъ стряпать, тотъ супу не сваритъ. Супъ варитъ поваръ или кухарка; но воду берутъ изъ рѣки или колодца уже готовою; ее никто не приготовляетъ; мясо доставляютъ животныя; лукъ, петрушка, морковь растутъ на огородахъ; крупа дѣлается изъ зеренъ, а зерна созрѣваютъ на поляхъ; соль добываютъ въ горахъ или озерахъ; огонь разводитъ кухарка, но дрова для огня вырубаются въ лѣсу. Супъ, слѣдовательно, дѣлаютъ люди знающіе поварское искусство; но воды, соли, овощей, гречневыхъ, рисовыхъ или другихъ какихъ нибудь зеренъ, мяса и дерева для дровъ — люди сдѣлать не могутъ.

2. Деревянные дома строятся плотниками изъ дерева; деревья же сами собою выростаютъ изъ сѣменъ въ лѣсахъ. Каменные дома строятся каменьщиками изъ кирпичей; кирпичи дѣлаются изъ глины и песку; но песокъ и глина выкапываются уже готовыми изъ земли. Замки, ключи, ножи, топоры, сохи, подковы, шины и другія желѣзныя вещи приготовляются слесарями и кузнецами изъ желѣза; желѣзо выдѣлывается на заводахъ изъ желѣзной руды; но желѣзная руда уже готовою выкапывается рудокопами изъ земли. Чтобы выстроить деревянный домъ, надѣлать кирпичей, сдѣлать изъ желѣза какую угодно вещь, нужно имѣть искусство и *матеріялы*, изъ которыхъ все это дѣлается. Одного искусства недостаточно; потому что сдѣлать желѣзной руды, дерева, глины, даже малѣйшей песчинки человѣкъ не можетъ. Всѣ эти предметы созданы Богомъ, и человѣкъ только дѣлаетъ изъ нихъ то, что ему нужно.

3. Сапожникъ шьетъ сапоги изъ кожи животныхъ. Рубашки шьютъ изъ холста, холстъ ткачи ткутъ изъ нитокъ; нитки прядутъ пряхи изо льна и пеньки; но ленъ и пенька выростаютъ на поляхъ сами собою изъ сѣменъ, которыя человѣкъ сѣетъ. Не только цѣлаго коноплянаго сѣмени, но даже маленькаго кусочка его шелухи не сдѣлать человѣку.

4. Всѣ предметы, которые дѣлаетъ человѣкъ, называются предметами *искусственными:* чтобъ сдѣлать какой-нибудь предметъ необходимо искусство. Предметы, которыхъ человѣкъ сдѣлать не можетъ и которые созданы Богомъ или происходятъ отъ другихъ предме-

товъ, созданныхъ Богомъ, какъ напримѣръ дерево, выростающее изъ сѣмени, называются предметами *естественными* или *природными*. Всѣ искусственные предметы человѣкъ дѣлаетъ изъ естественныхъ или природныхъ.

5. Одинъ только Богъ сотворилъ все изъ ничего. Онъ создалъ солнце, луну, звѣзды, землю, воду, воздухъ, камни, соли, *земли* (например, глину, мѣлъ), золото, серебро, желѣзо и другіе *металлы*; Онъ создалъ первыя растенія, отъ которыхъ, посредствомъ сѣменъ, луковицъ и отростковъ, развелось теперь такое множество растеній; Онъ создалъ и первыхъ животныхъ, отъ которыхъ родились и рождаются и теперь всѣ другія животныя; Онъ создалъ и первыхъ людей, отъ которыхъ произошли всѣ люди.

6. Солнце, луна, звѣзды, земля, вода, воздухъ, камни, земли, соли, растенія, животныя и люди — все это предметы *естественные* или *природные*. Всѣ природные предметы вмѣстѣ называются *естествомъ* или *природою*. Науки изучающія природу — все что въ ней есть и какъ все въ ней дѣлается — называются *естественными науками*. Человѣкъ также есть *естественный* предметъ; но такъ-какъ Богъ одарилъ его разумомъ и свободною волею, то онъ изъ разныхъ естественныхъ предметовъ можетъ дѣлать множество *искусственныхъ*.

ОРУДІЕ И ОРГАНЪ.

1. Перо чинятъ ножикомъ; деревья рубятъ топоромъ; землю пашутъ сохою; платье шьютъ иглою: игла, топоръ, ножикъ, соха называются вообще *инструментами* или *орудіями*. Орудіемъ или инструментомъ называется всякая вещь, съ помощію которой человѣкъ дѣлаетъ изъ естественныхъ предметовъ какіе нибудь искусственные.

2. Люди глядятъ глазами, слушаютъ ушами, обоняютъ носомъ, говорятъ ртомъ, жуютъ зубами, ходятъ ногами, работаютъ руками; слѣдовательно, руки, ноги, глаза, носъ, ротъ, уши, зубы — также орудія. Ножикъ, пила, игла, соха, топоръ — искусственные предметы, дѣлаются людьми и существуютъ отдѣльно отъ человѣка: руки, глаза, ноги, уши, зубы, ротъ — предметы естественные: они даны человѣку Богомъ и составляютъ часть человѣческаго тѣла.

3. Естественныя орудія человѣческаго тѣла, данныя ему Богомъ

въ отличіе отъ искусственныхъ инструментовъ и орудій, сдѣланныхъ людьми, называются *органами*. Голова, глаза, носъ, ротъ, уши, грудь, сердце, желудокъ, руки, ноги, пальцы, языкъ, губы, зубы — все это *органы*, необходимые человѣку для жизни. Все тѣло человѣка состоитъ изъ множества необходимыхъ для него органовъ, а потому все тѣло называется иногда *организмомъ*. Органъ слово греческое и по-русски значитъ орудіе.

4. Мы знаемъ уже четыре органа человѣческаго тѣла: органъ зрѣнія — глаза, органъ слуха — уши, органъ обонянія — носъ, органъ вкуса—языкъ. Осязаніе не имѣетъ особаго органа: мы осязаемъ почти всею поверхностью нашего тѣла, въ особенности же тонко осязаніе въ концахъ пальцевъ. Но кромѣ этихъ органовъ ощущенія въ тѣлѣ человѣческомъ есть множество другихъ, посредствомъ которыхъ человѣкъ дышетъ, питается, ходитъ, работаетъ, говоритъ и дѣлаетъ множество различныхъ движеній.

ВЕЩЕСТВА, СОСТАВЛЯЮЩІЯ ТѢЛО ЧЕЛОВѢКА.

1. Ощупывая нашу руку, мы чувствуемъ, что въ ней, въ серединѣ, есть что-то твердое: это кость. Кость покрыта сверху мягкимъ веществомъ, которое мы называемъ мясомъ; а мясо закрыто еще сверху кожей. Обрѣзавъ руку, мы видимъ, что изъ нея течетъ жидкая, горячая, красная кровь. Слѣдовательно, рука состоитъ изъ веществъ твердыхъ, мягкихъ и жидкихъ.

2. То же самое замѣтимъ мы, ощупывая ногу, грудь или голову. Каждая часть нашего тѣла состоитъ изъ различныхъ веществъ: вездѣ есть кровь, мясо, кожа и кости. Ощупывая ухо, мы чувствуемъ, что въ немъ, подъ кожей, есть что-то такое, что мягче кости и тверже мяса—это хрящъ; хрящъ есть также и въ носу.

3. Вещества, составляющія наше тѣло, бываютъ слѣдовательно: *твердыя*, *мягкія* и *жидкія*. Твердыя части нашего тѣла суть кости, ногти и хрящи; мягкія — мясо, волосы, кожа, жилы; жидкія — кровь, слюна, слезы, потъ.

ГЛАВНЫЯ ЧАСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

1. Тѣло человѣка состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: *головы*, *туловища* и *членовъ*. Туловище,—самая большая часть человѣческаго

тѣла. Вокругъ туловища расположены голова и четыре члена: двѣ руки и двѣ ноги. Каждая изъ этихъ частей человѣческаго тѣла не простая, но состоитъ также изъ нѣсколькихъ частей.

2. Въ туловищѣ мы различаемъ спину, грудь, животъ; въ головѣ—глаза, носъ, ротъ, уши, щеки, подбородокъ. Рука состоитъ изъ трехъ частей: верхней или *плечевой*, средней или *локтевой* и нижней или *кисти*. Кисть также состоитъ изъ частей: въ ней мы видимъ ладонь, пальцы, ногти. Каждый палецъ то же есть сложный органъ: въ немъ мы можемъ ощупать нѣсколько косточекъ, одѣтыхъ мясомъ, а сверху покрытыхъ кожей; если обрѣзать палецъ—потечетъ кровь; слѣдовательно и палецъ органъ не простой, а очень сложный. Нога, какъ и рука, состоитъ тоже изъ трехъ частей: верхней или *бедра*, средней или *голени* и нижней или *ступни*. Въ ступнѣ мы различаемъ: подошву, подъемъ, пальцы, ногти.

3. Разсматривая глазъ, мы видимъ въ немъ зрачекъ, бѣлокъ, вѣки, рѣсницы, брови. Ротъ тоже не простой, а сложный органъ: въ немъ есть и зубы, и языкъ, и дёсна, и губы, и нёбо; а все это вмѣстѣ называется ртомъ.

4. Тѣло человѣка, слѣдовательно, состоитъ изъ множества органовъ и органовъ не простыхъ, но очень сложныхъ. Каждый изъ этихъ органовъ доставляетъ человѣку какую-нибудь пользу, и потерять какой-нибудь важный органъ очень тяжело. Посмотрите на слѣпаго, который потерялъ органъ зрѣнія — и пожалѣйте о немъ: это ужъ не то, что потерять какой-нибудь инструментъ или какое нибудь орудіе, сдѣланное руками человѣка—карандашъ или ножикъ, пилу или шило.

РУКА И НОГА.

1. Членами человѣческаго тѣла называются руки и ноги. Они прикрѣплены къ туловищу: одни вверху, другіе внизу. Это органы парные: одна рука и одна нога устроены совершенно также, какъ другая рука и другая нога; а потому, узнавъ устройство одной руки и одной ноги, мы будемъ знать устройство другой руки и другой ноги.

2. Руку не только можно подымать и опускать, но ее можно также сгибать и разгибать; потому что она органъ не простой, а состоитъ изъ нѣсколькихъ частей. Она ясно раздѣляется на три составныя части: первая, верхняя часть, идетъ отъ плеча до локтя и называется

плечевою; вторая — отъ локтя до кисти и называется *локтевою*; а третья — *кистью.*

3. Ощупывая руку, мы узнаемъ, что въ ней, въ серединѣ, должны быть кости. Въ верхней части руки, между плечомъ и локтемъ, одна кость; въ средней, отъ локтя до кисти, двѣ кости: одна изъ нихъ, потолще, называется *локтевою*, а другая, потоньше, *лучевою.* Мы могли бы ихъ ощупать ясно, если бы намъ не мѣшали твердые *мускулы* посредствомъ которыхъ мы сгибаемъ и разгибаемъ, опускаемъ и подымаемъ руку и движемъ кистью. Въ третьей части руки, въ кисти, костей очень много: въ каждомъ пальцѣ, исключая большаго, три косточки. Вотъ почему мы можемъ нашею кистью исполнять столько разнообразныхъ движеній.

4. То мѣсто, гдѣ рука соединяется съ туловищемъ, называется плечомъ; отъ плеча къ спинѣ идетъ широкая кость, называемая *лопаткой.* Къ лопаткѣ прикрѣплены мускулы, посредствомъ которыхъ мы движемъ всю руку. Спереди, отъ плеча, внизу шеи и вверху груди, идетъ изогнутая кость, которую называютъ *ключицею.* Лопатку при нѣкоторыхъ движеніяхъ руки весьма легко ощупать другою рукою, ключицу также. Ключица и лопатка помогаютъ человѣку двигать руку. Плечевая кость связана съ ключицей и лопаткой особенными упругими и крѣпкими *связками;* такими связками соединена, напримѣръ, въ локтѣ плечевая кость съ локтевою и лучевою, и разныя части ноги между собою. Въ кисти мы знаемъ ладонь и пальцы. Та часть кисти, на которой держатся пальцы, называется *пястью,* а та, которою кисть соединяется съ локтевою частью руки — *запястьемъ.* Въ каждомъ пальцѣ, исключая большаго, три части и три косточки. Большой палецъ короче другихъ и состоитъ только изъ двухъ частей. На концѣ пальцевъ, сверху, расположены ногти. Пясть и запястье состоятъ изъ множества отдѣльныхъ косточекъ.

5. Такое множество костей составляетъ одну нашу руку! А сколько въ ней еще другихъ, мягкихъ частей, дающихъ намъ возможность исполнять рукою тысячи самыхъ разнообразныхъ движеній и дѣлать множество прекрасныхъ вещей! Сильная, гибкая, красивая рука есть прекрасный даръ Божій человѣку, и стыдно ему, если онъ употребляетъ этотъ даръ не для того, чтобы дѣлать что-нибудь хорошее, или по лѣности вовсе его не употребляетъ. Если бы мы подарили кому нибудь хорошую гармонію и увидали, что тотъ, кому мы ее подарили, забросилъ ее или стучитъ ею по столамъ и стульямъ и портитъ полезныя вещи: неужели бы насъ не огорчило, что такъ по-

ступаютъ съ нашимъ подаркомъ? Можетъ ли же Создатель быть доволенъ, если мы лѣнимся, сидимъ сложа руки или употребляемъ ихъ для какихъ нибудь шалостей и дурныхъ дѣлъ.

6. Нога, какъ и рука, состоитъ также изъ трехъ частей: верхней или *бедра*, средней или *голени* и нижней или *ступни*. Бедро и голень соединяются между собою въ колѣнѣ, гдѣ для этого есть еще особенная косточка, называемая *чашкой*. При ушибахъ часто эти кости расходятся и тогда происходитъ *вывихъ* ноги; но если ломается кость, что иногда случается при сильныхъ ушибахъ, то это уже не вывихъ, а *переломъ*.

7. Верхняя часть ноги, бедро, состоитъ изъ одной кости, средняя — изъ двухъ; а нижняя, называемая стопою или ступнею, изъ множества костей. Въ стопѣ мы различаемъ: *пятку*, *подошву*, *подъемъ* и *пальцы*. *Щиколоткомъ* называется отростокъ голени, выдающійся тамъ, гдѣ ступня соединяется съ голенью. Ножные пальцы, хотя не такъ длинны и гибки, какъ ручные, но мы замѣчаемъ, что можемъ ими двигать, что даетъ намъ возможность ходить на цыпочкахъ, ступать осторожно и вѣрно; искусники пляшутъ даже на канатѣ и не падаютъ, если могутъ сохранить равновѣсіе.

Ногою, точно также, какъ и рукою, управляемъ мы посредствомъ *мускуловъ*, кусковъ мяса, упругихъ, какъ резина, прикрѣпленныхъ къ костямъ. Чѣмъ крѣпче мускулы, тѣмъ сильнѣе наши члены Чтобы сдѣлать мускулы крѣпкими, должно часто и много ихъ упражнять. У лѣнивцевъ, которые не любятъ ни ходить, ни работать, мускулы вялы, мягки и члены слабы, неповоротливы и скоро утомляются.

ГОЛОВА.

1. Голова самая важная часть человѣческаго тѣла. Она имѣетъ шарообразную форму; но не совсѣмъ шарообразную, а скорѣе овальную, похожую на яйцо, поставленное остріемъ къ низу. Она съ боковъ нѣсколько сжата, сзади немного выдалась. Верхушка головы называется *теменемъ*; выдающійся задъ—*затылкомъ*; передняя часть, непокрытая волосами — *лицомъ*; впрочемъ на лицѣ у взрослыхъ мужчинъ растутъ усы и борода. Въ лицѣ мы различаемъ: лобъ, виски, щеки, скулы, глаза, носъ, ротъ и по бокамъ головы уши.

2. Съ туловищемъ голова соединена посредствомъ шеи; но держится

она не на мягкой шеѣ, которая не могла бы удержать головы, а на *хребетномъ столбѣ.*

Хребетный столбъ очень длинная, сложная и подвижная кость, которая идетъ посерединѣ спины во всю длину туловища и черезъ шею, къ головѣ. Эта кость состоитъ изъ 33-хъ небольшихъ косточекъ, одна на другую наложенныхъ, называемыхъ позвонками; почему и весь хребетный столбъ называется иногда *позвоночнымъ.* Шейные позвонки, на которыхъ держится голова, легко ощупать рукою.

3. Вся верхняя часть головы, исключая нижней челюсти, представляетъ собою одинъ крѣпкій костяной ящикъ, сложенный изъ нѣсколькихъ костей, въ срединѣ котораго скрылъ Творецъ очень важный и очень нѣжный органъ — *мозгъ.* Этотъ костяной ящикъ называется *черепомъ.* Черепъ сверху покрытъ кожею и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волосами. Къ черепу прикрѣплены двѣ *челюсти*: одна, верхняя, неподвижна и составляетъ часть всего черепа; другая, нижняя челюсть, двигается мускулами сверху внизъ и съ одной стороны въ другую, что даетъ человѣку возможность жевать, говорить и дѣлать различныя движенія ртомъ; гибкость же шейныхъ позвонковъ хребетнаго столба позволяетъ человѣку подымать и опускать всю голову, поворачивать ее направо и налѣво, склонять ее въ ту или другую сторону, выражать однимъ движеніемъ головы согласіе и несогласіе, уваженіе или гордость.

4. Изъ пяти нашихъ внѣшнихъ чувствъ четыре имѣютъ свои органы въ головѣ, только одно осязаніе распространено по всему тѣлу и преимущественно сильно въ оконечностяхъ пальцевъ. Изъ этого мы уже можемъ видѣть, что голова самая важная часть человѣческаго тѣла. Но еще важнѣе она потому, что въ ней заключается мозгъ— органъ, безъ котораго тѣло ничего не могло бы чувствовать, хотя бы у него были всѣ органы чувствъ.

----◇----

ГЛАЗА.

1. Изъ всѣхъ органовъ чувствъ органъ зрѣнія самый необходимый для человѣка. Глаза — это два свѣтлыя окна, черезъ которыя душа наша смотритъ на міръ Божій. И какъ премудро устроены эти маленькія окошки!

Глаза расположены въ верхней части лица, подо лбомъ, въ особенныхъ углубленіяхъ, которыя находятся между корнемъ носа, висками и скулами и называются *глазными впадинами.*

2. Вынутый изъ глазной впадины глазъ представляется намъ почти такимъ же круглымъ, какъ яблоко; почему его въ этомъ видѣ и называютъ *глазнымъ яблокомъ.* Глазное яблоко покрыто все бѣлою, роговою оболочкою, которая на наружной части глаза называется бѣлкомъ. Бѣлокъ въ серединѣ глаза прозраченъ и выдается впередъ выпукло, какъ часовое стекло. За этой прозрачной частью видны: цвѣтной ободокъ, называемый *райкомъ,* и въ срединѣ его черный кружочекъ, называемый зрачкомъ: это небольшое круглое отверзтіе, ведущее внутрь глаза. Въ зрачкѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается все, что находится передъ глазами. Зрачокъ не всегда одинаковой величины: онъ можетъ расширяться и сжиматься. Чѣмъ свѣтлѣе, когда мы смотримъ, тѣмъ зрачокъ болѣе сжимается; чѣмъ темнѣе, тѣмъ онъ болѣе расширяется.

3. Раёкъ у различныхъ людей бываетъ различнаго цвѣта: черный, голубой, синій, карій, сѣрый, зеленоватый, а чаще разноцвѣтный; почему его и называютъ также *радужною перегородкою.* Когда расширяется радужная перегородка, зрачокъ становится меньше и наоборотъ. Въ глазныхъ уголкахъ мы видимъ красноватыя жилки, которыя появляются и на всемъ бѣлкѣ, когда глазъ нездоровъ: это кровь приливаетъ къ глазу.

4. Глазъ очень чувствителенъ, и маленькая мошка или такая крошечная песчинка, что мы ее и не замѣтили бы на другой части нашего тѣла, попадая въ глазъ, производятъ несносную рѣзь. Самый слабый ударъ по глазу можетъ его испортить и лишить человѣка одного изъ важнѣйшихъ чувствъ. Вотъ почему Творецъ защитилъ глаза множествомъ различныхъ средствъ. Если въ темнотѣ мы набредемъ на дверь, то ударъ придется по носу, по брови, по скулѣ, но не по глазу; потому-что глазъ помѣщенъ въ углубленіи между этими не столь чувствительными и нѣжными частями лица.

5. Для защиты отъ маленькихъ предметовъ, которые могли бы попадать въ глазъ, и для защиты отъ свѣта, когда глазъ устаетъ смотрѣть или свѣтъ очень силенъ, есть у каждаго глаза по парѣ *вѣкъ:* одно вѣко, нижнее, неподвижно; другое, верхнее, опускается и подымается очень быстро. Чтобы вѣки смыкались плотнѣе и лучше прикрывали глазъ отъ свѣта, они по краямъ опушены *рѣсницами.* Если опасность и не грозитъ глазу, то тѣмъ не менѣе верхнее вѣко часто быстро опускается и такъ же часто и быстро подымается—*мигаетъ.* Въ воздухѣ постоянно носится множество пылинокъ, которыя садятся

на открытый глазъ, и вѣко мигаетъ для того, чтобы стирать эти пылинки и держать глазъ въ постоянной чистотѣ.

6. Но всѣхъ этихъ средствъ для защиты и сохраненія глаза было еще мало: премудрый Творецъ позаботился и о томъ, чтобы глазъ, для котораго такъ нужна чистота, можно было обмывать. Вверху глаза, подъ лобною костью, находится особенный маленькій органъ (*слезная железа*), который постоянно отдѣляетъ слезы, и эти слезы, протекая по глазу, обмываютъ его и стекаютъ по бѣлку въ носъ черезъ маленькое отверстіе, находящееся въ томъ уголкѣ глаза, который лежитъ ближе къ носу. Когда слезъ набирается слишкомъ много, то онѣ наполняютъ глазъ и даже льются по щекамъ, что̀ бываетъ съ нами, когда мы плачемъ.

7. Но мы забыли сказать еще объ одной части глаза: о *бровяхъ*. Брови служатъ, во-первыхъ, для того, чтобы капли ѣдкаго пота, стекающія со лба, не попадали въ глаза. Вы помните, что Богъ повелѣлъ человѣку трудиться въ потѣ лица. Во-вторыхъ, брови защищаютъ глазъ въ видѣ навѣса отъ яркихъ солнечныхъ лучей, падающихъ сверху.

Замѣтимъ еще, что мы можемъ, не поворачивая головы, двигать нашими глазами, посредствомъ особенныхъ глазныхъ мускуловъ.

8. Такъ премудро устроилъ Господь органъ зрѣнія. Но мы знаемъ теперь одно только внѣшнее устройство глаза: внутреннее же его устройство такъ сложно и такъ мудро, что должно много учиться, чтобы понять его. Смотря на глазъ, люди не даромъ удивляются премудрости Божіей; но не должно также никогда забывать, что Тотъ, Кто далъ зрѣніе человѣку, оставаясь для насъ невидимымъ, безъ-сомнѣнія Самъ видитъ все: видитъ не только то̀, что̀ мы дѣлаемъ, но даже и то̀, что̀ мы думаемъ.

9. Многое вредитъ глазу, многое ему полезно. Для глаза вредно всякое слишкомъ сильное и продолжительное напряженіе зрѣнія. Не должно держать книгу или тетрадь ни слишкомъ близко, ни слишкомъ далеко отъ глазъ,—и то и другое вредно. Кто видитъ хорошо только вблизи, того называютъ близорукимъ. Иные рождаются съ этимъ недостаткомъ; другіе пріобрѣтаютъ его неосторожнымъ чтеніемъ и письмомъ. Очень вредно для глазъ, если человѣкъ усиливается читать въ сумерки, когда уже надобно зажигать свѣчи. Вредно смотрѣть на солнце, на яркое пламя, на снѣжныя поля при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Смотрѣть на предметы зеленаго цвѣта въ-особенности пріятно и полезно для глазъ. Должно сохра-

нять глаза въ чистотѣ и тщательно промывать ихъ утромъ холодною водою. Не должно вытирать глазъ грязнымъ полотенцемъ или грязною рукою. Недостатки зрѣнія поправляютъ очками; но очками же— если ихъ надѣвать безъ нужды или не тѣ, какіе слѣдуетъ—можно очень скоро испортить зрѣніе.

10. Часто бываютъ случаи, что человѣкъ вовсе теряетъ зрѣніе, хотя глаза у него смотрятъ попрежнему; бываютъ и такіе, когда жидкость, наполняющая глазъ, совершенно вытекаетъ и на мѣсто красиваго глаза открывается безобразная впадина; тогда нѣкоторые замѣняютъ природный глазъ искусственнымъ, сдѣланнымъ изъ стекла; но само собою разумѣется, что такимъ стекляннымъ глазомъ человѣкъ ничего не видитъ: только безобразіе лица отъ этого уменьшается. Одинъ всевидящій Богъ могъ создать зрѣніе.

У ш и.

1. Уши—парный органъ и потому расположены по обѣимъ сторонамъ головы. У человѣка ухо неподвижно, тогда какъ многія животныя могутъ шевелить ушами. Формою наружная часть уха напоминаетъ раковину, а потому видимую часть уха называютъ *ушною раковиною*. Но не должно думать, чтобы весь слуховой органъ состоялъ только въ этой видимой раковинѣ.

2. Главная часть слуховаго органа находится внутри височной кости и въ нее изъ ушной раковины ведетъ узкая трубочка. Ушная раковина только помогаетъ намъ слышать; но мы легко замѣтимъ, что у птицъ напримѣръ, у которыхъ нѣтъ ушной раковины, тѣмъ не менѣе, слухъ очень тонокъ, слѣдственно есть и слуховые органы. Но внутреннее устройство слуховаго органа, какъ и внутреннее устройство глаза, такъ премудро, что нужно много учиться, чтобы понять его хорошо.

3. Пользуясь своимъ органомъ слуха, который доставляетъ намъ столько наслажденій и помогаетъ обогащаться познаніями, мы должны съ благодарностію припоминать Того, Кто одарилъ насъ этимъ прекраснымъ органомъ, и помнить, что Тотъ, Кто далъ человѣку слухъ, навѣрное слышитъ Самъ не только что человѣкъ говоритъ, но и что онъ думаетъ.

*

НОСЪ.

1. Глаза и уши органы парные и потому они размѣщены *симметрически*. Носъ и ротъ органы одиночные и потому они расположены по серединѣ лица. Создатель позаботился не только о томъ, чтобы дать множество полезныхъ органовъ человѣку; но и о томъ, чтобы размѣстить ихъ красиво.

2. *Носъ*—самая выдающаяся часть лица. Онъ сложенъ изъ двухъ половинокъ и раздѣленъ внутри перегородкою. Въ носу можно различить нѣсколько частей: *корень* или основаніе носа, лежащее между глазами, *переносье, кончикъ носа* и двѣ *ноздри*. Одна часть носа — твердая косточка и прикрѣплена къ черепу; другая, полутвердая, состоитъ изъ хряща. Внутри носъ выстланъ кожицею, отдѣляющею слизь, почему и самую эту кожицу зовутъ *слизистою оболочкою*. Посредствомъ этой-то слизистой оболочки мы чувствуемъ запахъ и если она поражена болѣзнію, какъ напр. при насморкѣ, то мы утрачиваемъ на время чувство обонянія.

3. Слизистая оболочка, если ее растянуть, гораздо болѣе самаго носа, и потому она сложена въ немъ складками: чѣмъ больше въ ней складокъ, тѣмъ и чувство обонянія сильнѣе. У коровы и у собаки, напримѣръ, слизистая оболочка носа сравнительно гораздо больше, чѣмъ у человѣка, а потому и обоняніе у этихъ животныхъ гораздо тоньше. Собака чуетъ носомъ слѣдъ давно уже пробѣжавшаго зайца и посредствомъ обонянія отъискиваетъ своего хозяина, хотя бы онъ ушелъ за нѣсколько верстъ.

4. Носъ есть не только органъ обонянія, но и органъ дыханія. Носомъ человѣкъ дышетъ гораздо больше, чѣмъ ртомъ, и если при насморкѣ носъ у насъ заляжетъ, то мы чувствуемъ, какъ трудно и непріятно дышать однимъ ртомъ.

Носъ очень кстати помѣщенъ по сосѣдству со ртомъ: носъ обязанъ различать пищу по запаху, прежде чѣмъ она положена будетъ въ ротъ.

РОТЪ.

Ротъ очень сложный органъ и исполняетъ множество разнообразныхъ службъ.

Внѣшнюю часть рта составляютъ двѣ мягкія, красныя *губы*: верхняя и нижняя. Внутреннюю часть рта составляютъ: двѣ *челюсти*

нижняя и верхняя, *зубы* сидящіе въ челюстяхъ, *языкъ, нёбо* и вообще вся *полость* рта.

Челюсти тверды, потому-что онѣ костяныя; нижняя—подвижна; верхняя—прикрѣплена къ черепнымъ костямъ и движется только вмѣстѣ съ головою.

Зубы сидятъ твердо въ челюстяхъ своими корнями. Въ каждомъ зубѣ различаются двѣ части: верхняя—*коронка*, и нижняя—*корень*. Сверху зубъ покрытъ гладкою, блестящею *эмалью*, которую очень надобно беречь. Если мы, разгрызая какой-нибудь твердый предметъ, повредимъ эмаль зуба, то и самый зубъ скоро начнетъ портиться.

Человѣкъ родится безъ зубовъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по рожденіи они начинаютъ показываться одинъ за другимъ. Первые зубы называются *молочными*. На 7-мъ или 8-мъ году, а иногда позже, молочные зубы выпадаютъ и замѣняются другими — *постоянными*.

Зубы имѣютъ различную форму, смотря потому, гдѣ они сидятъ. Впереди находится въ каждой челюсти по четыре плоскихъ, острыхъ зуба (всѣхъ 8); они служатъ для того, чтобы ими, какъ ножами, разрѣзывать пищу; а потому называются *рѣзцами*. По обѣимъ сторонамъ рѣзцовъ находится въ обѣихъ челюстяхъ по одному острому зубу нѣсколько длиннѣе прочихъ; эти зубы служатъ для того, чтобы ими разрывать пищу и называются *клыками* (иногда зовутъ ихъ *глазными* зубами); всѣхъ клыковъ четыре. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ и въ обѣихъ челюстяхъ, идутъ толстые зубы съ плоскими коронками, называемые *коренными*: эти служатъ для того, чтобы ими раздавливать и размалывать пищу.

Зубы весьма важный органъ: размельчая и раздавливая пищу, они приготовляютъ ее для желудка. Глотать пищу кусками очень вредно. Кромѣ-того зубы у человѣка служатъ для произношенія многихъ звуковъ.

Человѣкъ, потерявшій зубы, говоритъ невнятно. Вотъ почему должно очень беречь свои зубы. Разгрызаніе очень твердыхъ предметовъ вредитъ зубамъ, потому-что при этомъ часто трескается эмаль. Эмаль трескается и тогда, когда, напившись горячаго, скоро послѣ того выйти на холодъ. Если мы въ холодный стаканъ сразу нальемъ горячей воды, то онъ треснетъ: точно такъ же трескается и зубная эмаль, очень похожая на стекло.

Языкъ есть органъ мягкій, мясистый, краснаго цвѣта, весьма подвижной и гибкій. Онъ прикрѣпленъ къ особенной косточкѣ, находящейся

въ верхней части горла и соединенной съ черепомъ. Къ основанію рта прикрѣпленъ языкъ мягкою перепонкою, которую зовутъ *уздечкой.* Языкъ, во-первыхъ, помогаетъ человѣку перемѣшивать и проглатывать пищу; во-вторыхъ, языкомъ человѣкъ ощущаетъ вкусъ предметовъ, и въ-третьихъ, языкъ необходимъ для произношенія словъ: безъ языка человѣкъ не могъ бы произнести ни одного слова, а издавалъ бы только неясные звуки.

На краю нёба, надъ языкомъ, виситъ еще маленькій *язычокъ:* онъ, какъ занавѣска, закрываетъ собою глотку, чтобы пища не попадала въ нее, прежде чѣмъ будетъ пережевана; а потому этотъ язычокъ и называется *нёбною занавѣскою.*

Изъ полости рта, черезъ шею, во внутренность тѣла идутъ два канала, изъ которыхъ одинъ называется *дыхательнымъ,* а другой *пищепріемнымъ горломъ.* Дыхательное горло состоитъ изъ твердыхъ, хрящеватыхъ колецъ, чтобы оно не могло сжиматься, и идетъ по передней части шеи въ *легкія,* наполняющія грудь. Дыхательнымъ горломъ и легкими мы дышемъ. Позади дыхательнаго горла, черезъ шею и всю грудь, тянется въ желудокъ мягкое пищепріемное горло или *пищеводъ:* посредствомъ этого горла мы пропускаемъ въ желудокъ пищу и питье.

Для смачиванія и размягченія пищи необходима еще *слюна,* которая отдѣляется *слюнными желёзками,* находящимися подъ челюстями и языкомъ. Мы чувствуемъ вкусъ только жидкихъ тѣлъ или тѣхъ, которыя приводятся въ жидкое состояніе слюною.

Ротъ, слѣдовательно, есть очень сложный органъ; но зато онъ и исправляетъ множество различныхъ службъ: во-первыхъ, мы дышемъ отчасти ртомъ, и воздухъ, проходя черезъ носъ и ротъ, входитъ въ легкія черезъ дыхательное горло; во-вторыхъ, ротъ приготовляетъ пищу для желудка, — и въ-третьихъ, черезъ ротъ, пройдя сначала черезъ дыхательное горло, выходитъ воздухъ изъ нашей груди, что даетъ намъ возможность говорить, кричать и пѣть.

Въ верхней части дыхательнаго горла находится широкое, хрящеватое кольцо, внутри котораго натянуто нѣсколько тонкихъ перепонокъ; при проходѣ воздуха эти перепонки дрожатъ и издаютъ звуки: это *органъ голоса.* Когда вы подуете въ маленькую гармонійку, то она издастъ звукъ отъ того, что стальная пружинка, закрывающая отверзтіе, въ которое вы дуете, дрожитъ. То же самое почти дѣлается и въ горлѣ, когда мы поемъ или говоримъ; но только тамъ не стальная пружинка, а тонкія перепонки и ихъ не одна, а множество.

По нашей волѣ эти перепонки дрожатъ, то̀ натягиваются, то̀ опускаются, и нѣтъ инструмента послушнѣе человѣческаго горла.

Но для того, чтобы звукъ, вылетающій изъ горла могъ превратиться въ слово, необходимо участіе всѣхъ различныхъ частей рта: языкъ, нёбо, зубы, губы и даже носъ дружно помогаютъ человѣку произносить различные звуки. Букву *а*, напримѣръ, мы можемъ произнести одною гортанью; чтобы произнести букву *б*, мы должны употребить наши губы; для произнесенія буквы *к*, мы прижимаемъ языкъ къ нёбу; букву *д* выдѣлываютъ вмѣстѣ губы и зубы; выговаривая букву *о*, мы дѣлаемъ изъ нашихъ губъ нѣчто похожее на эту букву; въ произношеніи буквы *н* принимаетъ участіе и нашъ носъ.

Несмотря на такое мудрое устройство горла и рта, несмотря на прекрасный органъ голоса, человѣкъ все же не заговорилъ бы, еслибы въ немъ не было мыслящаго *духа*. У обезьяны ротъ устроенъ почти совершенно такъ же, какъ у человѣка; но она не говоритъ ни одного слова; попугая можно выучить произносить довольно ясно отдѣльныя слова, но онъ будетъ произносить ихъ безъ смысла и не впопадъ. Органъ слова можетъ издавать множество звуковъ, но творецъ слова есть безсмертный и мыслящій духъ: онъ одинъ превращаетъ звуки въ слова и соединяетъ слова въ стройную рѣчь, исполненную мысли. Его-то мы должны воспитывать и обогащать познаніями и добрыми качествами, потому-что онъ одинъ будетъ жить вѣчно, а остальное все разрушится и сгніетъ.

ВНУТРЕННІЕ ОРГАНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Кромѣ наружныхъ, видимыхъ органовъ, въ человѣкѣ есть еще много внутреннихъ, скрытыхъ внутри его тѣла. Приложивъ руку къ лѣвой сторонѣ груди, мы слышимъ, что тамъ что̀-то бьется, какъ живое, и стучитъ равномѣрно, точно часовой маятникъ. Это—*сердце*, очень важный органъ, который движется, бьется во всю жизнь человѣка, и днемъ и ночью, не переставая ни на минуту, и останавливается тогда только, когда человѣкъ умираетъ. Но не даромъ же такъ неутомимо бьется сердце, не даромъ же несетъ такую тяжелую, безпрерывную службу: вѣрно оно исполняетъ какое-нибудь важное дѣло, необходимое для жизни человѣка.

Вдыхая и выдыхая воздухъ, мы видимъ, какъ подымается и опускается наша грудь, и если на минуту перестанемъ дышать, то

почувствуемъ, какъ это тяжело; прекращеніе же дыханія на долгое время неминуемо влечетъ за собою смерть. Почему же дыханіе такъ необходимо? Почему мы должны дышать безпрестанно? Почему, потерявъ возможность дышать, человѣкъ задыхается и умираетъ?

Если мы долго не ѣдимъ, то испытываемъ непріятное чувство голода, слабѣемъ, теряемъ силы и знаемъ очень хорошо, что еслибы человѣку не дать пищи нѣсколько дней, то онъ непремѣнно умретъ отъ голода; каждый изъ насъ испытывалъ также, какое непріятное, мучительное чувство — жажда, и всякому извѣстно, что безъ питья можно точно такъ же умереть, какъ и безъ пищи. Почему же намъ такъ необходимы пища и питье? Почему безъ нихъ мы не можемъ жить?

ПИТАНІЕ.

1. Сколько платья переноситъ человѣкъ впродолженіи своей жизни; а между-тѣмъ иной лѣтъ семьдесять, восемьдесять и даже больше носитъ на себѣ тѣло и оно не изнашивается. Сколько тысячъ верстъ выходитъ человѣкъ впродолженіи жизни, сколько сапогъ истопчетъ онъ, изъ какой бы крѣпкой кожи они ни были сдѣланы; а между-тѣмъ кожа на ногахъ его останется цѣла, хотя она гораздо тоньше сапожной кожи. Перчатку поносишь недолго и она развалится, а тонкую кожу на рукахъ мы носимъ всю жизнь и она все не стирается. Еслибы человѣкъ сдѣланъ былъ не то, что изъ дерева, но даже изъ желѣза, — то и тогда, впродолженіи такой долгой жизни, при безпрестанномъ движеніи, онъ долженъ бы, кажется, истереться, а всѣ суставы его разшататься и развинтиться; но нѣтъ, мягкое тѣло человѣка все живетъ, да живетъ, старѣется, морщится, но остается цѣлымъ.

Чтобы узнать, отъ чего такая разница между предметами не живыми и живымъ тѣломъ человѣка, должно сначала узнать, отъ чего не имѣющіе жизни предметы стираются отъ употребленія, уменьшаются въ объемѣ и вѣсѣ, а потомъ распадаются на куски. Потрите напилкомъ кусокъ дерева или желѣза и вы замѣтите, что отъ нихъ отскакиваютъ маленькія частички. Частичка отламывается за частичкой, впадина все дѣлается больше и больше и, продолжая работать напилкомъ, мы всю вещь можемъ искрошить въ порошокъ. То же самое дѣлается при всякомъ употребленіи вещи, только не такъ быстро и не такъ замѣтно. Отъ безпрестаннаго тренія, которому подвергаются

всѣ вещи (даже камень и тотъ трется вѣтромъ), онѣ стираются. Чѣмъ мягче вещь и треніе сильнѣе, тѣмъ быстрѣе разрушается она. Даже серебряная ложка, которою долго ѣдятъ, и та обтирается по краямъ, становится тоньше и дѣлается, наконецъ, негодною къ употребленію? Но что было бы, еслибы каждая, отдѣлившаяся отъ тренія частичка, замѣнялась немедленно новою? Стерлась ли бы тогда вещь?

3. Отъ нашего тѣла, при его безпрестанныхъ движеніяхъ, точно также безпрестанно отдѣляются маленькія, едва замѣтныя или даже и вовсе незамѣтныя частички и ихъ отдѣляется гораздо больше, чѣмъ отъ желѣза и дерева; потому что тѣло мягче и желѣза, и дерева; но въ томъ-то и дѣло, что въ тѣлѣ нашемъ эти частички, отдѣлившіяся или сдѣлавшіяся негодными, безпрестанно замѣняются новыми и все оно безпрестанно подновляется, чего не дѣлается съ вещами, лишенными жизни. Вещи не *питаются* и потому, стираясь, не подновляются; но тѣло наше безпрестанно подновляется тою пищею и тѣмъ питьемъ, которыя человѣкъ, черезъ ротъ и горло, пропускаетъ себѣ въ желудокъ.

Пища, разжеванная, перемѣшанная со слюною во рту, проглатывается и пропускается черезъ *пищеводъ* въ желудокъ. Здѣсь, съ помощію особыхъ жидкостей, отдѣляемыхъ стѣнками желудка, поджелудочною железою и печенью ([1]), пища передѣлывается въ пищевую кашицу. Изъ этой кашицы жидкія, годныя для питанія части всасываются особенными тоненькими трубочками въ кровь, протекающую по нашимъ жиламъ; а твердыя или негодныя извергаются вонъ.

Кровь есть та красная жидкость, которая окрашиваетъ наши губы, языкъ, щеки и всему нашему тѣлу придаетъ красноватый оттѣнокъ. Кому случалось обрѣзать себѣ палецъ, тотъ знаетъ, что такое кровь. Она протекаетъ по всему нашему тѣлу въ безчисленномъ множествѣ тоненькихъ, мягкихъ трубочекъ, называемыхъ *жилами*. Смотря на нашу руку, мы замѣтимъ подъ кожею, какими вѣточками разстилаются по всему тѣлу жилы. Но мы видимъ только толстыя вѣточки, а самыхъ тонкихъ черезъ кожу и замѣтить нельзя. Но что жилы, по которымъ течетъ кровь, расходятся въ безчисленномъ множествѣ по всему тѣлу, въ этомъ легко убѣдиться: гдѣ бы

([1]) *Печень* — тоже железа, только очень большая: она отдѣляетъ желчь; точно также, какъ *слюнная железа*—слюну; а слёзная—слезы. Печень лежитъ внизу, подъ ребрами, съ правой стороны.

мы ни прорѣзали себѣ кожу, вездѣ потечетъ изъ-за нее кровь. Самый красный цвѣтъ мяса происходитъ отъ того, что въ немъ безчисленное множество жилокъ, наполненныхъ кровью. Вотъ эта-то кровь питаетъ, т. е. подновляетъ все тѣло, и кости, и мускулы, и кожу; изъ нея же выдѣлываются волоса и ногти, которые безпрестанно растутъ, — слюна, потъ и слёзы, которые постоянно отдѣляются. Но какъ изъ одной и той же крови выдѣлываются такія разнообразныя и разноцвѣтныя вещи: это вамъ объяснить невозможно. Богъ такъ премудро устроилъ человѣка, что, даже учившись очень много, нельзя понять всего, что въ немъ дѣлается. Но дѣло въ томъ, что кровь, подновивъ ту или другую частичку тѣла, и замѣнивъ отжившую частицу новою, забираетъ то, что уже сдѣлалось отъ употребленія негоднымъ, и, какъ хорошій работникъ, унося прочь это негодное, выбрасываетъ его вонъ черезъ дыханіе и потъ или переработываетъ вновь.

Мелкія жилки, въ которыхъ течетъ кровь, не все остаются такими мелкими: соединяясь одна съ другою, онѣ становятся все толще и толще и уже въ видѣ толстыхъ трубокъ сходятся къ сердцу и вливаютъ въ него кровь.

Сердце для того и бьется, чтобы заставить кровь двигаться. Это—мясистый мѣшокъ (мускулъ), пустой въ серединѣ и состоитъ изъ двухъ, раздѣленныхъ перегородкою половинокъ, правой и лѣвой. Когда сердце сожмется, то погонитъ кровь въ жилы; когда разожмется, то кровь въ него вливается. Жилы, по которымъ кровь течетъ къ сердцу, называются *венами*; а жилы, по которымъ сердце разгоняетъ кровь по всему тѣлу, называются *артеріями*.

Кровь въ вёнахъ темно-краснаго цвѣта и не годится для питанія. Изъ вёнъ она двумя толстыми трубками вливается въ правую сторону сердца; а оттуда сердце, сжимаясь, выгоняетъ ее въ легкія. *Легкія* наполняютъ собою грудь и въ нихъ человѣкъ, посредствомъ дыхательнаго горла, вдыхаетъ воздухъ. Дыхательное горло раздѣляется въ груди на двѣ вѣтви, а эти вѣтви раздѣляются на множество маленькихъ вѣточекъ, оканчивающихся крошечными пузырьками. Къ этимъ-то пузырькамъ легкихъ подходитъ изъ сердца *венозная кровь*, а изъ дыхательнаго горла — воздухъ. Воздухъ, прикасаясь къ крови, очищаетъ ее и изъ темно-красной дѣлаетъ ярко-красною, и изъ негодной для питанія тѣла — годною. Вотъ для чего человѣкъ безпрестанно дышетъ: если онъ перестанетъ дышать, то кровь пере-

станетъ очищаться; сердцу не надъ чѣмъ будетъ работать; питаніе прекратится и человѣкъ умретъ. Негодныя частицы крови выдыхаются нами вонъ черезъ легкія; а годная для питанія кровь идетъ по артеріямъ обратно въ сердце — только уже не въ правую, а въ лѣвую его половину. Принявъ артеріальную кровь, сердце раздуется, потомъ сожмется и погонитъ ее сначала по одной очень толстой артеріи, а потомъ, по безчисленному множеству болѣе и болѣе тонкихъ артерій, расходящихся, какъ вѣтки, по всему нашему тѣлу. Здѣсь очистившаяся воздухомъ кровь опять принимается за свое безпрерывное подновленіе частицъ нашего тѣла.

Такимъ-образомъ происходитъ въ насъ *кровообращеніе* и кровь, безпрестанно обращаясь то къ сердцу, то изъ сердца въ легкія, изъ легкихъ опять въ сердце и изъ сердца опять по всему тѣлу, безпрестанно питаетъ, т.-е. подновляетъ, наше тѣло. Вотъ почему наше тѣло не изнашивается.

Безпрестанно питая тѣло, кровь сама издерживается; надобно, наконецъ, ее подновить, прибавить къ ней матеріалу. Эту обязанность исполняетъ желудокъ. Онъ, какъ мы уже знаемъ, вырабатываетъ изъ всего, что мы ѣдимъ и пьемъ, матеріалъ для крови: безъ этого кровь скоро истощилась бы, тѣлу нечѣмъ было бы питаться и подновляться; оно ослабѣло бы, обезсилѣло, а потомъ и совсѣмъ замерло. Вотъ почему пища и питье такъ необходимы для человѣка; вотъ почему при недостаточности пищи тѣло худѣетъ, силы его слабѣютъ; а если питаніе совершенно прекратится, то и умираетъ.

Желудокъ, вмѣстѣ съ другими пищеварительными органами, сердце и легкія работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Втроемъ они заботятся, чтобы изъ пищи и питья приготовить кровь, сдѣлать ее годною къ питанію черезъ соприкосновеніе съ воздухомъ — и разослать ее по всему тѣлу. Кровь подновитъ все, что слѣдуетъ, какъ добрый работникъ унесетъ все, что сдѣлалось уже негоднымъ, и выброситъ вонъ эти негодныя, уже отжившія частицы.

Вся работа, посредствомъ которой безпрестанно подновляется наше тѣло, называется *процессомъ питанія* или просто питаніемъ. Питаніе совершается въ человѣкѣ посредствомъ трехъ различныхъ работъ или процессовъ, дружно стремящихся къ одной цѣли: посредствомъ *пищеваренія, кровообращенія* и *дыханія*. Если хотя одна изъ этихъ работъ организма остановится, то вслѣдъ за ней остановится и другая; а потомъ прекратится и самая жизнь. Каждая изъ этихъ работъ выполняется нѣсколькими органами, изъ которыхъ мы

назвали немногіе: каждый органъ дѣлаетъ свое дѣло, а всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ одно—поддерживаютъ жизнь въ организмѣ человѣка. Мы узнали только самыя крупныя работы организма; а не знаемъ еще тысячи мелкихъ, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, каждая необходима для жизни. Будемъ учиться, узнаемъ болѣе; но всего не знаютъ и самые ученые люди. Мудро устроилъ Господь человѣка, такъ мудро, что люди учатся, учатся — и до-сихъ-поръ еще не могутъ понять вполнѣ, какъ онъ устроенъ!

МОЗГЪ И НЕРВЫ.

Мы знаемъ уже, что внѣшніе предметы отражаются въ глазу человѣка, какъ въ зеркалѣ. Если закрыть глаза, то предметы перестанутъ въ нихъ отражаться и человѣкъ перестанетъ ихъ видѣть. Однако же предметы отражаются не въ однихъ глазахъ, они отражаются и въ зеркалѣ, и въ водѣ, и въ полированномъ кускѣ мѣди или стали; но ни мѣдь, ни зеркало, ни вода, отражая предметы, не ощущаютъ того, что они отражаютъ, — не видятъ. Искусственный глазъ, который бы отражалъ предметы, устроить очень легко: но нельзя сдѣлать такого, который бы видѣлъ; потому что нельзя сдѣлать тѣхъ тоненькихъ, бѣленькихъ ниточекъ, которыя, разстилаясь сѣткою за глазомъ, идутъ потомъ къ мозгу, находящемуся въ черепѣ. Черезъ посредство этихъ тоненькихъ, бѣленькихъ, по одиночкѣ едва замѣтныхъ ниточекъ, собирающихся потомъ въ черепномъ мозгу, видимъ мы предметы, отражающіеся въ нашихъ глазахъ. Точно такія же бѣленькія, едва замѣтныя ниточки идутъ отъ всѣхъ другихъ органовъ нашихъ ощущеній къ мозгу: отъ органа обонянія или слизистой оболочки, которою выстлана внутренность носа, — отъ органа вкуса или языка,—отъ органа слуха и наконецъ—отъ органа осязанія или отъ всей поверхности нашего тѣла. Эти тоненькія бѣленькія ниточки, разсыпанныя по всему тѣлу и собирающіяся въ мозгу,—посредствомъ которыхъ человѣкъ видитъ, что отражается въ глазу, слышитъ, что раздается въ ушахъ, чувствуетъ запахъ, вкусъ, осязаетъ предметы—называются *нервами.* Тѣ нервы, которые идутъ отъ мозга къ глазамъ, называются *зрительными нервами;* тѣ, которые идутъ отъ мозга къ ушамъ — *слуховыми;* къ языку — *нервами вкуса;* къ носу—*нервами обонянія;* а тѣ нервы, которые распространяются по всей поверхности тѣла и посредствомъ которыхъ человѣкъ осязаетъ предметы, называются *нервами осязанія.*

Мы знаемъ уже, что члены нашего тѣла приводятся въ движеніе мускулами. Мускулъ есть упругій кусокъ мяса, имѣющій способность сжиматься и разжиматься, какъ кусокъ резины. Сжимаясь и разжимаясь, мускулы двигаютъ наши члены; такъ, напр., чтобы поднять локтевую часть нашей руки, мы должны сжать (сократить) мускулы, которыми локтевая кость соединена съ плечевою; а если этотъ мускулъ расширится, растянется, то и согнутая рука разожмется. Но самъ по себѣ мускулъ не можетъ ни сжиматься, ни расширяться: надобно, чтобы кто-нибудь его сжалъ или расширилъ. Эту важную работу выполняютъ тѣ же тоненькія, едва замѣтныя, бѣленькія ниточки—нервы. Ихъ множество въ каждомъ мускулѣ и оттуда онѣ опять же идутъ къ мозгу.

Посредствомъ нервовъ зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія и осязанія, человѣкъ, какъ мы уже знаемъ, ощущаетъ всѣ предметы; а потому и нервы эти называются *нервами ощущенія*. Тѣ же нервы, которые идутъ отъ мускуловъ къ мозгу и посредствомъ которыхъ человѣкъ выполняетъ множество самыхъ разнообразныхъ движеній—заставляя растягиваться и сокращаться безчисленное множество мускуловъ, расположенныхъ и въ его лицѣ и во всѣхъ членахъ его тѣла—называются *нервами движенія* или *двигательными нервами.*

Нервы ощущенія и нервы движенія, гдѣ бы они не находились, собираются къ мозгу. *Мозгъ*, по цвѣту и составу своему, похожъ на нервы. Онъ состоитъ изъ мягкой бѣловатой массы, которая заключается въ черепѣ и внутри того позвоночнаго хребта, который отъ черепа, черезъ шею, идетъ по серединѣ спины, вдоль всего туловища. Къ этимъ-то двумъ костянымъ хранилищамъ мозга идутъ всѣ *нервы.*

Мозгъ черепной и мозгъ хребетный соединены между собою въ затылкѣ и оба составляютъ вмѣстѣ одинъ большой, очень сложный органъ. Нѣкоторые нервы, какъ, напр. зрительный, слуховой, нервы вкуса и нервы обонянія идутъ прямо къ головному мозгу; другіе же, какъ нервы осязанія и нервы движенія, идутъ отчасти къ хребетному, а отчасти къ головному мозгу; но дѣло въ томъ, что всѣ нервы, со всего тѣла, собираются и соединяются въ одномъ центральномъ органѣ нашего тѣла — мозгѣ. Посредствомъ этого-то органа душа, существо невидимое и недоступное ни одному изъ нашихъ пяти чувствъ, получаетъ всѣ ощущенія и управляетъ всѣми движеніями тѣла.

----◇----

КОСТИ.

Кто понялъ значеніе органа, называемаго мозгомъ, тотъ вѣроятно догадается и самъ, что такой важный, чувствительный, нѣжный и мягкій органъ, посредствомъ котораго человѣкъ и чувствуетъ, и движется, не можетъ остаться открытымъ и долженъ быть спрятанъ очень тщательно. И дѣйствительно: Творецъ скрылъ мозгъ въ костяномъ черепѣ и въ костяномъ позвоночномъ столбѣ. Черепъ и позвоночный столбъ—главныя, основныя кости въ тѣлѣ человѣка.

Черепъ состоитъ изъ двухъ частей: верхней, сложенной изъ плоскихъ костей, похожихъ на черепки горшка, и нижней, которая называется собственно лицомъ и состоитъ изъ множества костей различной формы. Между этими костями мы замѣтили двѣ челюсти: верхнюю и нижнюю.

Позвоночный столбъ, поддерживающій черепъ, идетъ въ задней части шеи и потомъ посерединѣ спины, вдоль всего туловища. Онъ состоитъ изъ 33-хъ костяныхъ колецъ, наложенныхъ одно на другое и соединенныхъ крѣпкими связками, что даетъ человѣку возможность сгибать и разгибать свой позвоночный столбъ, поворачиваться въ разныя стороны и дѣлать множество различныхъ движеній. Кольца позвоночнаго столба называются *позвонками*, и будучи наложены одно на другое своими краями, образуютъ собою длинную трубку, въ которой, какъ мы уже знаемъ, находится спинной мозгъ; между позвонками есть отверзтія, откуда выходятъ нервы и расходятся по всему тѣлу. Въ черепѣ есть тоже отверзтіе, откуда также выходятъ нервы; такъ, напримѣръ, за каждымъ глазомъ есть отверзтіе, въ которомъ проходитъ зрительный нервъ.

Къ верхнимъ спиннымъ позвонкамъ прикрѣплены ребра. Этихъ реберъ по двѣнадцати съ каждой стороны. Они, загибаясь какъ дуги, составляютъ грудную полость, въ которой Создатель скрылъ отъ поврежденій два другіе важные органа — сердце и легкія. Семь паръ верхнихъ реберъ, соединяются между собою на переди груди *грудною костью*, которую каждый легко можетъ ощупать рукою. Пять нижнихъ паръ реберъ не соединяются между собою — и называются *ложными ребрами*. Плечевая кость прикрѣпляется къ ребрамъ двумя костями: *лопаткой* и *ключицею*. Ключица находится спереди и идетъ отъ плеча къ грудной кости, лопатка — сзади: эта плоская, треугольная кость лежитъ на

ребрахъ и къ ней то, собственно, прикрѣплены тѣ мускулы, посредствомъ которыхъ мы двигаемъ всю руку. Изъ какихъ костей состоитъ рука—мы это уже знаемъ.

Внизу хребетный столбъ, поддерживающій въ вертикальномъ положеніи все наше тѣло, соединяется съ тазовыми костями, къ которымъ внизу прикрѣплены *бедренныя кости* или бедра. Бедро, какъ мы уже знаемъ, соединяется въ колѣнѣ съ голенью, и при этомъ соединеніи находится еще особая косточка, называемая *предкольнникомъ* или *чашкою*. Въ голени идутъ двѣ кости: одна изъ нихъ, потолще, называется *большою берцовою костью*; другая, потоньше, *малою берцовою костью*. Берцовыя кости упираются въ стопу, которая состоитъ изъ трехъ частей: *предплюсны, плюсны* и *пальцевъ*; точно также, какъ кости кисти, раздѣляются на *пясть, запястье* и *пальцы*.

Всѣ кости человѣческія, вмѣстѣ соединенныя, называются скелетомъ. Скелетъ составляетъ какъ-бы фундаментъ человѣческаго тѣла, на которомъ все оно держится. Кости соединены между собою крѣпкими *связками*. Къ костямъ *сухими жилами* прикрѣплены мускулы; сухими эти жилы называютъ для того, чтобы отличить ихъ отъ тѣхъ мягкихъ жилъ, въ которыхъ протекаетъ кровь. Между мускулами и въ самыхъ мускулахъ пробираются *артеріи* и *вены*, разносящія кровь по всему тѣлу и собирающія ее потомъ къ сердцу и къ легкимъ. Повсюду, разсыпаны тоненькія ниточки *нервовъ*, посредствомъ которыхъ мы чувствуемъ и движемся — и которыя отовсюду собираются къ центральному органу движенія и чувства, *мозгу*. Все же это сверху одѣто кожею, въ которой мы замѣчаемъ множество маленькихъ отверстій или *поръ* и на которой и у человѣка есть едва замѣтные волоски. Кромѣ того, внутри туловища, какъ мы уже знаемъ, скрыты важные внутренніе органы тѣла: *сердце* и *легкія* въ груди; *желудокъ, печень, селезенка, поджелудочная железа*—въ животѣ.

Такъ премудро устроенъ человѣкъ! Но мы знаемъ въ немъ только самые важные, самые крупные органы и не знаемъ еще множества другихъ. Наука, разсматривающая устройство всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, называется *анатоміею*; наука, которая показываетъ, какъ каждый изъ этихъ органовъ отправляетъ свое дѣло и какъ всѣ они вмѣстѣ даютъ человѣку возможность питаться, чувствовать и двигаться,—называется *физіологіею*. Обѣ эти науки необходимы для медика, который долженъ знать, какъ устроено и какъ живетъ че-

ловѣческое тѣло, чтобы имѣть возможность помочь ему въ случаѣ разстройства того или другаго органа.

Пользуясь способностями всѣхъ органовъ нашего тѣла, мы должны съ благодарностію и любовію вспоминать Того, Кто далъ намъ такой прекрасный и мудрый организмъ, посредствомъ котораго мы питаемся, слышимъ, видимъ, осязаемъ, чувствуемъ вкусъ и запахъ предметовъ, выражаемъ наши чувства и желанія словами и движеніями. Мы такъ привыкли пользоваться прекраснымъ устройствомъ нашего тѣла, что и не думаемъ о томъ, каково бы намъ было, если бы оно устроено было иначе. Только потерявши тотъ или другой органъ, мы сознаемъ вполнѣ, какъ онъ былъ для насъ полезенъ. Взгляните на нищаго, потерявшаго употребленіе ногъ, и подумайте, съ какою завистью долженъ онъ смотрѣть на наши здоровыя ноги; взгляните на слѣпца, потерявшаго зрѣніе, и подумайте, скольких наслажденій лишился онъ! Подумайте объ этомъ хорошенько и тогда вы отъ души скажете въ молитвѣ вашей Господу Богу: «благодарю Тебя, Создатель мой, что Ты сотворилъ меня такъ премудро и съ такою щедростію одарилъ мое тѣло драгоцѣнными способностями».

ЖИВОТНОЕ И РАСТЕНІЕ.

Каждый изъ насъ очень легко отличитъ животное отъ растенія; но если между животными и растеніями есть различіе, то есть между ними и сходство.—Отъищемъ сначала сходство.

1. Животныя растутъ и растенія также растутъ, т. е. изъ маленькихъ дѣлаются большими.

2. Животныя питаются, т. е. принимаютъ въ себя пищу и питье и выдѣлываютъ изъ нихъ свое собственное тѣло. Растенія также питаются: берутъ изъ воздуха, воды и земли тѣ матеріалы, какіе имъ нужны, и изъ этихъ матеріаловъ строятъ свое тѣло: стволъ, кору, листья, цвѣты и плоды. Какимъ-образомъ иначе маленькое сѣмечко могло бы сдѣлаться большою липою? Мы знаемъ уже, что только одинъ Богъ можетъ творить изъ ничего.

3. Животное, лишенное долгое время или питья или пищи, умираетъ: то же самое дѣлается и съ растеніями: не поливайте цвѣтка, сорвите его, выдерните съ корнемъ изъ земли—онъ засохнетъ. Лишите животное воздуха—оно умретъ; для растенія воздухъ тоже необходимъ: посредствомъ воздуха растеніе передѣлываетъ и сгущаетъ соки въ

свое тѣло; точно такъ же, какъ животное дышетъ для того, чтобы передѣлывать негодную для питанія кровь въ годную.

4. Прорѣжьте кожу животнаго, изъ-за нея потечетъ кровь: точно такъ же изъ-за коры растенія потечетъ сокъ. Правда, кровь краснаго цвѣта, а древесный сокъ, по большей части, бѣлаго; но есть и животныя, у которыхъ кровь не красная, а бѣлая; напр. у жука, паука и другихъ насѣкомыхъ. Правда, кровь у животнаго теплая, а сокъ растенія холоденъ; но есть и животныя съ холодною кровью, какъ напр. рыбы.

5. У растенія нѣтъ сердца, которое бы разгоняло кровь по всему тѣлу и потомъ опять ее собирало; но соки и въ растеніи такъ же обращаются. Они подымаются сначала отъ корней къ верху, по стволу доходятъ до листьевъ, въ которыхъ прикасаются къ воздуху, дѣлаются оттого годными для питанія, сгущаются (листья можно сравнить съ легкими животнаго) и потомъ спускаются внизъ и питаютъ все тѣло растенія. Отъ того все растеніе увеличивается въ объемѣ, дѣлается выше и толще, выгоняетъ новыя вѣтки, пускаетъ почки, развертываетъ листья и цвѣты, даетъ плоды и сѣмена.

6. У растенія нѣтъ особеннаго органа для пищеваренія, нѣтъ желудка; но оно также перевариваетъ пищу, т.-е., взявъ матеріалъ изъ земли и воздуха, передѣлываетъ его въ соки, годные для питанія. Особеннаго желудка растенію и не нужно, потому-что оно не двигается съ мѣста и гдѣ растетъ, тамъ и находитъ себѣ пищу; тогда какъ животное должно отъискать ее и унести съ собою про запасъ; почему животному и необходимъ для этого особенный мѣшокъ — желудокъ.

7. У растенія нѣтъ рта и зубовъ, но оно всасываетъ пищу своими корнями; а зубовъ ему не нужно, потому что оно всасываетъ пищу всегда въ жидкомъ или воздухообразномъ видѣ: у тѣхъ животныхъ, которыя питаются одной жидкою пищею, также зубовъ нѣтъ.

8. Отъ животныхъ родятся другія маленькія животныя, которыя потомъ выростаютъ: растенія также производятъ цвѣты, плоды и въ нихъ сѣмена, и изъ этихъ сѣменъ происходятъ новыя растенія, совершенно подобныя тѣмъ, отъ которыхъ произошли сѣмена.

9. У животныхъ есть множество органовъ, которыми оно питается и живетъ; у растенія также есть органы: корни, листья, кора, цвѣты, плоды, сѣмена.

10. Способностію питаться, расти, то-есть, жить, животныя и растенія одинаково отличаются отъ камней, металловъ, земель, солей, отъ воздуха и воды, отъ земли, солнца, луны и звѣздъ, отъ всѣхъ

тѣхъ предметовъ, которые не питаются, не растутъ и не живутъ; а потому и не имѣютъ необходимыхъ для этого органовъ. Всѣ предметы, не имѣющіе жизни, а потому не имѣющіе и органовъ, необходимыхъ для жизни, называются *безжизненными* или *неорганическими*. Предметы, живущіе и имѣющіе органы, необходимые для жизни, называются *живыми, органическими*, таковы растенія, животныя и люди. Мы говоримъ: живая муха, живые цвѣты, и этимъ отличаемъ ихъ отъ искусственныхъ мухъ и поддѣльныхъ цвѣтовъ, которые, хотя съ виду очень могутъ быть похожи на живые, но не живутъ: не питаются, не растутъ, не могутъ умереть или завянуть и не имѣютъ никакихъ органовъ, необходимыхъ для жизни.

Вотъ сколько сходства нашли мы между животными и растеніями. Теперь поищемъ различія; постараемся отыскать что-нибудь такое у животныхъ, чего уже совершенно нѣтъ въ растеніяхъ.

1. У растеній нѣтъ глазъ, нѣтъ ушей, нѣтъ носа для обонянія запаха; ротъ, какъ мы видѣли, замѣняется у растеній корнями, но растенія не имѣютъ языка, которымъ они могли бы ощущать вкусъ. Кора растеній напоминаетъ кожу животныхъ; но эта кожа растеній ничего не чувствуетъ, слѣдовательно ее нельзя назвать органомъ осязанія. Итакъ у растеній нѣтъ ни одного изъ пяти органовъ чувствъ, которые есть у животныхъ. Растеніе, слѣдовательно, не имѣетъ чувства и необходимыхъ для него органовъ: вотъ уже одно очень важное отличіе растеній отъ животныхъ.

2. Другое столь же важное отличіе состоитъ въ томъ, что растеніе не можетъ двигаться по своей волѣ, какъ двигается животное. Растенія двигаетъ иногда вѣтеръ, иногда животное; но по *собственной волѣ* растеніе не двигается. Оно, правда, подымается вверхъ, когда растетъ, развертываетъ листья, выгоняетъ новыя вѣтки, трескается, когда старѣетъ; но и животное, и человѣкъ, и растеніе растутъ и старѣются *не по своей волѣ* и даже не замѣчаютъ, какъ это съ ними дѣлается. Но такъ-какъ растеніе не движется по своей волѣ, то ему не нужны и мускулы, которыми животное приводитъ въ движеніе свое тѣло. Тѣло, которое, пожалуй, можно назвать и мясомъ, есть у растеній; но мускуловъ у него нѣтъ, да ему они и не нужны: вотъ другое важное отличіе растеній отъ животныхъ.

3. Мы знаемъ, что органы чувства чувствуютъ не сами собою и мускулы сжимаются также не сами собою; но что для этого необходимы нервы и мозгъ. Посредствомъ мозга и нервовъ животное видитъ, слышитъ, осязаетъ предметы, чувствуетъ запахъ пахучихъ,

воздухообразныхъ тѣлъ, прикасающихся къ слизистой оболочкѣ носа, и вкусъ жидкихъ веществъ, прикасающихся къ языку. Посредствомъ мозга и нервовъ животное сжимаетъ и расширяетъ мускулы и тѣмъ самымъ двигаетъ всѣми членами тѣла. У растенія нѣтъ органовъ чувствъ и нѣтъ органовъ движенія, мускуловъ; а потому ему не нужны ни мозгъ, ни нервы. Ни въ одномъ растеніи нѣтъ ни мозга, ни нервовъ.

4. Но мы знаемъ, что мозгъ есть мягкая масса, а нервъ — тоненькая, бѣленькая ниточка, и что ни мозгъ, ни нервъ сами по себѣ не могутъ ни чувствовать, ни двигаться. Это органы безчувственные и неподвижные, посредствомъ которыхъ невидимая *душа* животнаго ощущаетъ предметы и двигаетъ тѣломъ.

5. У растеній нѣтъ органовъ чувствъ, нѣтъ органовъ движенія, нѣтъ мозга и нервовъ, нѣтъ въ нихъ и души. Растенія—существа живыя, но *неодушевленныя*; животныя — существа *живыя* и *одушевленныя*; животныя и растенія—существа *живыя* и *органическія*. Камни, металлы, земли, соли, воздухъ, вода, газы (угаръ напр.), земля, облака, звѣзды, солнце, луна, дымъ, пламя, всѣ искусственные предметы, сдѣланные человѣкомъ (живыхъ предметовъ человѣкъ сдѣлать не можетъ), суть предметы не только *неодушевленные*, но не *живые* и *неорганическіе*.

СПОСОБНОСТИ ДУШИ.

Душа есть предметъ невидимый и недоступный ни одному изъ нашихъ пяти тѣлесныхъ чувствъ: ее нельзя ни слышать, ни видѣть, ни обонять, ни осязать, поэтому душу называютъ предметомъ *безтѣлеснымъ*. Но хотя ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, именно она-то въ насъ видитъ, слышитъ, испытываетъ всѣ ощущенія и управляетъ нашими движеніями.

Богъ одарилъ безтѣлесную душу многими способностями:

1. Мы уже знаемъ, что душа имѣетъ способность *ощущать* то, что отражается въ глазахъ, раздается въ ухѣ, прикасается къ тѣлу. Бездушное тѣло можетъ сохранять всѣ органы, необходимые для ощущенія, но ощущать ничего не будетъ. Ощущаетъ душа, но не тѣло. Душа, слѣдовательно, имѣетъ *способность ощущенія*.

2. Если мы видѣли какой-нибудь предметъ и потомъ увидимъ его снова, то припоминаемъ, что мы его видѣли уже прежде. Даже не видя снова предмета, мы можемъ вспомнить его, если что-нибудь другое намъ его напомнитъ, а иногда и безъ напоминанія. Душа, слѣ-

довательно, имѣетъ способность нетолько что-нибудь ощущать, но и *помнить* свои ощущенія. Эта способность называется способностью *памяти* или просто *памятью*. Душа имѣетъ способность ощущенія и память.

3. Если мы видѣли какой-нибудь предметъ, то потомъ, и не видя уже этого предмета, можемъ по своей волѣ *представить* его себѣ; такъ-что онъ какъ-будто стоитъ передъ нашими глазами: такъ мы представляемъ себѣ лица знакомыхъ намъ людей, хотя бы эти люди въ это время и не находились передъ нами. Эта способность души представлять себѣ живо отсутствующіе предметы, называется *способностію представленія*.

4. Видѣвъ нѣсколько предметовъ, мы можемъ составить изъ нихъ новый предметъ, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ: такъ поступаемъ мы всякій разъ, когда составляемъ какую-нибудь картину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли домъ, въ другомъ—рѣку, въ третьемъ—дерево, въ четвертомъ—дорогу, въ пятомъ—гору, въ шестомъ—мельницу: изъ всѣхъ этихъ видѣнныхъ нами предметовъ, припоминая и представляя ихъ себѣ, мы составляемъ такой ландшафтъ, какого прежде никогда не видали и какого, можетъ-быть, нигдѣ и нѣтъ. Эта способность—изъ припоминаемыхъ и представляемыхъ нами ощущеній составлять какія-нибудь картины на бумагѣ или только въ головѣ нашей—называется *способностію воображенія* или просто *воображеніемъ*. Душа наша, слѣдовательно, имѣетъ способность ощущать, помнить свои ощущенія, представлять ихъ себѣ и составлять изъ нихъ въ своемъ воображеніи новыя картины.

Когда мы спимъ и видимъ сны, тогда работаетъ въ душѣ нашей больше всего воображеніе. Изъ того, что мы видѣли и слышали на яву, воображеніе наше строитъ такія картины, которыхъ мы никогда не видали и которыя иногда пугаютъ насъ, а иногда доставляютъ намъ большое удовольствіе. Сны или, какъ ихъ иначе еще называютъ, сонныя *грёзы*,—произведенія нашего воображенія. Не только во снѣ, но и на яву воображеніе часто овладѣваетъ нами. Посмотрите на мальчика, который, усѣвшись верхомъ на палочку, представляетъ себѣ, что онъ ѣдетъ на лошади: лошадь существуетъ только въ его воображеніи. Дѣти часто воображаютъ себя большими героями, большими силачами, потому-что они слыхали о герояхъ, о силачахъ.

5. Видя нѣсколько предметовъ или припоминая и представляя ихъ себѣ, мы сравниваемъ ихъ между собою: находимъ между ними сход-

ство и различіе, и выводимъ изъ этого свои заключенія. Такъ, напримѣръ, видя два яблока, мы заключаемъ, что одно изъ нихъ больше или меньше, краснѣе или желтѣе, лучше или хуже другаго; мы смотримъ, напримѣръ, на два растенія, сравниваемъ ихъ во всемъ и заключаемъ, что хотя оба эти растенія цвѣты; но что одинъ изъ этихъ цвѣтковъ—роза, а другой—гвоздика; видя двухъ животныхъ, мы сравниваемъ ихъ и заключаемъ, что оба они животныя, но что одно изъ этихъ животныхъ—птица, а другое—лошадь, что у лошади нѣтъ крыльевъ, что у птицъ двѣ ноги, а у лошади ихъ четыре и т. д. Сравнивать какіе-нибудь различные видимые или представляемые нами предметы между собою, находить между ними сходство и различіе, выводить изъ этого свои заключенія — называется *разсуждать*; а самая способность души разсуждать — называется *разсудкомъ*.

Душа имѣетъ способность ощущать предметы, припоминать и представлять ихъ себѣ, воображать новые, находить между предметами сходство и различіе и выводить изъ этого свои заключенія; душа имѣетъ способности: ощущенія, памяти, представленія, воображенія и разсудка.

6. Мы не только ощущаемъ холодъ, тепло, боль, вкусъ и запахъ, но и чувствуемъ, что одни изъ этихъ ощущеній для насъ пріятны, а другія непріятны. Мы испытываемъ въ душѣ нашей желаніе избѣгать непріятнаго и получать пріятное и кромѣ того множество другихъ *внутреннихъ* ощущеній и чувствъ: печаль, радость, гнѣвъ, благодарность. Эти внутреннія, душевныя ощущенія, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя испытываетъ душа посредствомъ тѣла, называются *душевными, внутренними чувствами*. Душа имѣетъ пять внѣшнихъ, тѣлесныхъ чувствъ и много внутреннихъ или душевныхъ.

7. Мы уже знаемъ, что движеніями тѣла управляетъ душа и что тѣло безъ души, несмотря на всѣ свои органы движенія, остается неподвижнымъ. Способность души управлять движеніями тѣла называется *произволомъ*.

Перечислимъ же теперь всѣ узнанныя нами способности души:

1) Пять внѣшнихъ чувствъ, 2) память, 3) способность представленія, 4) воображеніе, 5) разсудокъ, 6) нѣсколько внутреннихъ душевныхъ чувствъ и 7) произволъ. Душа наша получаетъ внѣшнія ощущенія, помнитъ ихъ, представляетъ ихъ себѣ, воображаетъ новыя картины, чувствуетъ удовольствіе или неудовольствіе отъ своихъ ощущеній и представленій, желаетъ избѣжать непріятнаго или полу-

чить пріятное, испытываетъ при этомъ разнообразныя внутреннія чувства: гнѣвъ, радость, печаль, надежду, отчаяніе, рѣшается избѣжать непріятнаго или получить пріятное и приводитъ для того въ движеніе нервы и мускулы, а посредствомъ ихъ и члены тѣла.

СХОДСТВО МЕЖДУ ЧЕЛОВѢКОМЪ И ЖИВОТНЫМЪ.

Между человѣкомъ и нѣкоторыми животными мы находимъ много сходства. 1) Человѣкъ родится отъ другихъ людей, животное родится отъ другихъ животныхъ. 2) Человѣкъ въ дѣтствѣ питается молокомъ матери: всѣ млекопитающіяся животныя — также. 3) Человѣкъ растетъ и изъ маленькаго дѣлается большимъ: животное также растетъ. 4) Человѣку, какъ и всякому животному, для жизни необходимы: пища, питье и воздухъ. 5) Человѣкъ имѣетъ пять внѣшнихъ чувствъ: бо́льшая часть животныхъ также видятъ, слышатъ, имѣютъ осязаніе, ощущаютъ вкусъ и запахъ предметовъ. 6) Человѣкъ имѣетъ способность памяти; животное также помнитъ: собака узнаетъ своего хозяина; пчела отыскиваетъ дорогу въ свой улей и узнаетъ его между десятками другихъ ульевъ. 7) У человѣка есть способность воображенія, у животныхъ — также. Мы знаемъ, что сны или грёзы производятся воображеніемъ; а нѣтъ сомнѣнія, что животныя видятъ сны, хотя и не могутъ разсказать ихъ: собака во снѣ иногда лаетъ и визжитъ, — слѣдовательно, ей что-нибудь снится; ослы во снѣ очень часто ревутъ и лягаются задними ногами; еслибы у этихъ животныхъ не было воображенія, то они не могли бы видѣть сновъ. 8) Человѣкъ имѣетъ способность сравнивать предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые больше или лучше, или почему-нибудь кажутся ему полезнѣе или пріятнѣе. Животное также имѣетъ способность сравнивать между собою предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые кажутся ему лучше: собака, преслѣдуя зайца, изъ нѣсколькихъ дорогъ выбираетъ самую кратчайшую; муравьи, строя свои жилища, изъ многихъ соломинокъ и вѣточекъ выбираютъ тѣ, которыя имъ по силамъ, — слѣдовательно и у животныхъ есть разсудокъ, хотя у нихъ его гораздо меньше, чѣмъ у человѣка. 9) Человѣкъ чувствуетъ удовольствіе и неудовольствіе и по произволу управляетъ движеніями своего тѣла: для животнаго также одно ощущеніе кажется пріятнымъ, другое непріятнымъ; оно также ищетъ перваго и избѣгаетъ послѣдняго и управляетъ по произволу своими

движеніями; животное, также какъ и человѣкъ, имѣетъ способность *произвола.* 10) У человѣка есть множество внутреннихъ душевныхъ чувствъ; у животнаго также мы можемъ различить ихъ нѣсколько: оно сердится, печалится, боится, любитъ, ненавидитъ, ощущаетъ радость и злость, — только выражаетъ все это не словами, а криками, тѣлодвиженіями и дѣйствіями. У животнаго, какъ и у человѣка слѣдовательно есть внутреннія, душевныя чувства. 11) У человѣка есть тѣло и душа; у животнаго есть также тѣло и душа; почему мы и называемъ животныхъ одушевленными.

Но есть нѣчто такое у человѣка, чего нѣтъ у животнаго, и что̀ составляетъ отличительную принадлежность людей.

ОТЛИЧІЕ ЧЕЛОВѢКА ОТЪ ЖИВОТНАГО.

Мы нашли много сходства у человѣка съ животнымъ: покажемъ же теперь различіе между ними.

1. У человѣка двѣ руки и двѣ ноги: двухъ рукъ и двухъ ногъ нѣтъ ни у одного животнаго: у птицы двѣ ноги и два крыла, у паука шесть ногъ и нѣтъ рукъ, у лошади четыре ноги и ни одной руки, у обезьяны четыре руки и ни одной ноги; только человѣкъ имѣетъ возможность, ходя на ногахъ, свободно распоряжаться своими руками. Вотъ единственное рѣзкое отличіе человѣка отъ животныхъ по тѣлесному устройству. Другаго отличія, столь же рѣзкаго и общаго, нѣтъ. Но зато, какое различіе мы видимъ между человѣкомъ и животнымъ въ ихъ дѣйствіяхъ!

2. Слушая разговоръ на иностранномъ, непонятномъ для насъ языкѣ, мы слышимъ звуки, *но не понимаемъ ихъ смысла.* Кто не умѣетъ читать, тотъ, хотя и смотритъ въ книгу, но *не понимаетъ,* что̀ въ ней написано. Мы чувствуемъ, какъ бьется наше сердце, но *не понимаемъ,* какъ и для чего оно бьется, пока намъ этого не объяснятъ. Мы видимъ, какъ вѣтеръ качаетъ деревья, слышимъ, какъ онъ воетъ въ трубѣ, ощущаемъ его движеніе нашимъ тѣломъ; но почему мы *узнали,* что это воздухъ, который движется, и почему *открываемъ причину* движенія воздуха? Мало еще видѣть, слышать, осязать, — надобно еще понимать то, что̀ мы видимъ, слышимъ осязаемъ, *узнавать* цѣль его и причину.

Животное такъ же, какъ и мы, видитъ, слышитъ и осязаетъ, помнитъ, воображаетъ и разсуждаетъ; но ничего *не понимаетъ,* — *не знаетъ* ничему причины и цѣли, ничего не можетъ узнать, ничему

не можетъ само выучиться, хотя человѣкъ и можетъ пріучить иныхъ животныхъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Способность понимать то, что̀ мы слышимъ и видимъ, узнавать причину и цѣль того, что̀ дѣлается вокругъ насъ и съ нами, способность учиться и знать все больше и больше—принадлежитъ только людямъ: эта способность называется *разумомъ*. Разума нѣтъ у животныхъ.

2. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь дурное, то хотя намъ, можетъ быть, и пріятно было это сдѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали не то, что̀ слѣдовало. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь хорошее, то хотя бы намъ и непріятно было его дѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали то, что должны были сдѣлать, и довольны своимъ поступкомъ. У насъ есть способность, которая очень хорошо различаетъ добро отъ зла: эта способность называется *совѣстью*. У животныхъ совѣсти нѣтъ.

3. Мы не всегда дѣлаемъ то, что̀ намъ пріятно: иногда мы принуждаемъ себя дѣлать и то, что̀ намъ непріятно, но что̀ *должно быть* сдѣлано. Животное этой способности не имѣетъ: оно дѣлаетъ всегда только то, что̀ ему пріятно. Способность, которую имѣетъ человѣкъ,—заставить себя дѣлать то, что̀ должно—называется *свободною волею*, или просто *волею*. Животныя имѣютъ произволъ, но воли не имѣютъ.

4. Животное никогда не наслаждается ни красивымъ цвѣткомъ, ни хорошенькимъ видомъ, ни прекрасной картиной: оно чувствуетъ удовольствіе только отъ того, что̀ для него полезно, или пріятно для его тѣлесныхъ чувствъ. Оно чувствуетъ пользу предметовъ и то тѣлесное удовольствіе, которое ему эти предметы доставляютъ. Кошка терзаетъ канарейку, не полюбовавшись ея прекрасными перышками; она точно такъ же растерзаетъ и соловья: ей мало дѣла до его чудной пѣсни. Оселъ любитъ кушать розы, но не имѣетъ способности любоваться прекраснымъ цвѣткомъ. Одинъ только человѣкъ любуется безкорыстно прекрасными созданіями Божіими или прекрасными произведеніями другихъ людей. Онъ наслаждается, смотря на звѣзды, хотя онѣ не доставляютъ ему никакой пользы; онъ любуется чудесною статуею, хотя отъ этого холоднаго куска мрамора ему также нѣтъ никакой пользы. Эта способность безкорыстно любоваться красотою Божіихъ созданій и произведеній человѣка, называется *чувствомъ красоты*. Чувства красоты нѣтъ у животныхъ: оно принадлежитъ только людямъ.

5. Одинъ только человѣкъ имѣетъ *понятіе о Богѣ*, хотя и не видитъ Его; одинъ только человѣкъ имѣетъ способность вѣрить въ

невидимаго Создателя міра, любить Его, молиться Ему, надѣяться на Его милосердіе и стараться исполнять Его волю. Животныя не молятся, и способность молиться составляетъ величайшее и самое рѣзкое отличіе человѣка отъ животнаго. Способностію вѣрить въ Бога, любить Его, надѣяться на Него, молиться Ему и исполнять Его волю, человѣкъ больше всѣхъ прочихъ своихъ способностей отличается отъ животныхъ. Человѣкъ, забывающій Бога, какъ бы онъ уменъ ни былъ, похожъ на животное болѣе, чѣмъ дикарь, не умѣющій сдѣлать для себя одежды и выстроить хижины, но призывающій имя невидимаго Создателя міра.

6. Всѣ эти способности, разумъ, совѣсть, воля, чувство красоты, вѣра въ Бога, любовь къ Нему и надежда на Него, принадлежатъ невидимому существу, живущему въ тѣлѣ и душѣ человѣка. Это существо называется *духомъ*. Иногда его называютъ также *душею безсмертною и разумною* въ отличіе отъ души животной. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли; но вдохнулъ въ него душу безсмертную и разумную, или духъ. Тѣло наше сгніетъ и распадется на тѣ вещества, изъ которыхъ оно составлено; но духъ нашъ безсмертенъ и возвратится къ Тому, Кто намъ далъ его.

Присутствіе божественнаго, безсмертнаго духа въ человѣкѣ даетъ людямъ возможность дѣлать многое, чего не въ состояніи дѣлать животныя.

1. Разуму мы обязаны *даромъ слова*. Животное, какъ и человѣкъ, выражаетъ удовольствіе и неудовольствіе, свои желанія, свои внѣшнія и внутреннія ощущенія различными звуками голоса. По лаю собаки можно отличить, радуется ли она или злится; по визгу можно слышать, визжитъ ли она отъ радости или отъ боли; она ворчитъ и стонетъ и выражаетъ тѣмъ различныя ощущенія. Но только одинъ человѣкъ умѣлъ придумать *слова* для выраженія своихъ понятій о предметахъ и связать эти слова въ правильную рѣчь, полную смысла. Обезьяна не говоритъ, хотя у нея во рту такой же языкъ, какъ и у человѣка: у нея нѣтъ разума. Попугая человѣкъ выучиваетъ даже произносить нѣсколько словъ: слѣдовательно толстый языкъ попугая способенъ къ произношенію *членораздѣльныхъ* звуковъ; но онъ произноситъ эти слова безъ всякаго смысла, не понимая самъ, что онъ говоритъ. Не языку и не органу голоса, а разуму обязанъ человѣкъ способностію выражать словами свои мысли,—обязанъ *даромъ слова*.

2. Животное съ какими способностями родится, съ такими и из-

дыхаетъ; человѣкъ можетъ усилить всѣ свои способности, потому-что имѣетъ разумъ и волю надъ ними. Имѣя отъ природы зрѣніе гораздо слабѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, человѣкъ изобрѣлъ *телескопъ*, посредствомъ котораго видитъ онъ горы и пропасти на лунѣ, изучаетъ движеніе звѣздъ, отстоящихъ отъ насъ на безчисленные милліоны верстъ. Человѣкъ изобрѣлъ *микроскопъ*, посредствомъ котораго разсматриваетъ такихъ маленькихъ животныхъ, которыя недоступны ни для какого взора. Человѣкъ можетъ, упражняя свою память, усиливать ее и дѣлать ее способною помнить безчисленное множество предметовъ; точно также можетъ онъ усилить свое воображеніе и свой разсудокъ, и люди до того развили въ себѣ эти способности, что ихъ почти нельзя и сравнивать съ подобными же способностями у животныхъ; хотя и у животныхъ, какъ мы знаемъ, есть способность ощущенія, память, воображеніе и разсудокъ. У дикаря едвали болѣе разсудка, чѣмъ у слона; но если мы сравнимъ разсудокъ слона, умнѣйшаго изъ животныхъ, съ разсудкомъ образованнаго европейца, то намъ даже можетъ показаться страннымъ назвать эти способности однимъ и тѣмъ же именемъ: такъ человѣкъ развилъ свой разсудокъ образованіемъ. У животныхъ мы видимъ признаки воображенія; но какое сравненіе съ воображеніемъ человѣка, которое создало столько художественныхъ произведеній!

3. Мы видимъ, какъ искусно птица вьетъ свое гнѣздо, пчела лѣпитъ свои соты и паукъ ткётъ свою паутину: такъ искусно, что и человѣкъ при всемъ своемъ искусствѣ не можетъ имъ подражать.

И замѣчательно, что пчелка, едва родится, едва выползетъ изъ ячейки, какъ и принимается за работу. Она не учится ни у кого; а какъ только родится, такъ и знаетъ, что ей нужно дѣлать. Такое знаніе, которому животное не учится, но съ которымъ оно родится, называется *инстинктомъ*. Это еще одна изъ способностей души, которой мы прежде не замѣтили. Зная, что животныя не могутъ учиться и пріобрѣтать познаній, какъ люди, но что для жизни ихъ, тѣмъ не менѣе, нужны нѣкоторыя знанія, Богъ далъ каждому животному необходимые для него *инстинкты*. Человѣку далъ Творецъ гораздо менѣе инстинктовъ, чѣмъ животнымъ, но зато Онъ далъ ему разумъ, т.-е. способность учиться и узнавать все, что ему нужно, и съ этою способностію люди пріобрѣли такое множество познаній, что ихъ нельзя и сравнивать съ врожденными знаніями или инстинктами животныхъ.

Пчелка съ самаго созданія міра одинаковымъ образомъ дѣлаетъ свои

соты; пауки ткутъ и теперь свою паутину точно такъ же, какъ ткали ее семь тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но сравните дикаря, который умѣетъ только выломать дубину въ лѣсу и выкопать нору въ землѣ съ европейцемъ, который покрылъ землю прекрасными городами, красивыми зданіями, дивными произведеніями художествъ, желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, садами, парками, обработанными полями, изобрѣлъ тысячи матерій для одежды, наполнилъ свое жилище множествомъ искусственныхъ предметовъ, — и вы представите себѣ все огромное различіе между разумомъ человѣка и инстинктомъ животнаго. Щедрый Творецъ раздѣлилъ между животными нѣсколько врожденныхъ знаній, необходимыхъ имъ для жизни: человѣку же, котораго Онъ возлюбилъ болѣе всѣхъ своихъ созданій, далъ Господь самый источникъ знаній — разумъ: источникъ, изъ котораго человѣкъ черпаетъ, черпаетъ уже нѣсколько тысячелѣтій и не можетъ исчерпать всего, что̀ въ немъ находится. Этотъ-то неисчерпаемый источникъ знанія, частица божественнаго разума, даетъ человѣку возможность образовываться, знать всё болѣе и болѣе, становиться умнѣе и улучшать свое состояніе. И надобно сказать правду, что человѣкъ умѣлъ воспользоваться этимъ даромъ Божіимъ и сдѣлался властелиномъ земли и царемъ всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ многія гораздо сильнѣе его. Слону такъ же легко раздавить человѣка, какъ намъ раздавить мышь; но человѣкъ, пользуясь своимъ разумомъ, заставилъ слона повиноваться себѣ. Во сколько разъ тигръ и левъ сильнѣе и ловче человѣка; но человѣкъ изобрѣлъ порохъ — и природная сила слона и льва пали передъ разумною силою человѣка.

Такъ щедро одарилъ Господь свое любимое созданіе, — человѣка! Онъ нетолько далъ ему тѣло и живую душу; но и вдохнулъ въ него безсмертный, разумный и свободный духъ. Онъ далъ ему разумъ, — источникъ всѣхъ знаній; Онъ далъ ему совѣсть, чтобы онъ различалъ добро отъ зла; Онъ далъ ему волю, чтобы онъ свободно могъ дѣлать добро; Онъ далъ ему чувство красоты и, наконецъ, вложилъ въ него понятіе о Божествѣ. Какъ же намъ, видя такую любовь Творца къ людямъ, не любить Его, не молиться Ему, не исполнять Его воли, не полагаться вполнѣ на Его премудрость и на Его неисчерпаемое милосердіе? Но что̀ же мы должны чувствовать, когда узнаемъ, что сотворившій насъ Богъ сходилъ къ намъ на землю, училъ насъ, какъ мы должны жить, и на крестѣ претерпѣлъ за насъ мучительныя страданія? Какъ же намъ всею силою духа нашего не любить Того, Кто такъ безпредѣльно насъ любитъ и такъ щедро

осыпалъ насъ, осыпаетъ и теперь своими безчисленными благодѣяніями?

СОТВОРЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божію; но человѣка на ней еще не было и не кому было любоваться ея красотою. Днемъ яркое солнце всходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали миріады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, вздымался высоко чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ. Волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы подымали выше облаковъ свои блестящія, серебряныя вершины; повсюду лилися полныя, синія рѣки; кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады; журчали сверкающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ, прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали;—красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ алмазы, носились въ воздухѣ, соловей пѣлъ свою громкую пѣсню: но человѣка еще не было и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Безчувственное солнце, луна и звѣзды текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не утѣшала ничьего слуха. Животныя хотя и видѣли, и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось, не требуя красоты, искало только пищи и, пожирая премудрыя созданія Божіи, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностію: «Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ! какъ я люблю Тебя!» Все, что было создано, жило по законамъ Создателя и не могло жить иначе, не имѣя своей воли: не могло грѣшить, зато не могло дѣлать и добра, не зная, что такое зло и добро.

Увидя, какъ хорошъ міръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое бы по безсмертному духу своему было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной,—которое бы исполняло

Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, но понимая ихъ мудрость и благость, — стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію и убѣгало лжи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

«Создадимъ человѣка по образу и по подобію нашему», сказалъ Господь и сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ безсмертную, разумную и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ; съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на міръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастія, благодарности и любви къ Создателю.

«Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному», подумалъ Господь и, желая увеличить счастье человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: «Любите другъ друга, размножайтеся, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вамъ!»

Мѣсто гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ: тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаютъ свои воды. Но, увы! теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня; видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердо — и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

ОТДѢЛЪ III.

О ЖИВОТНЫХЪ.

ЛОШАДЬ.

Лошадь — самое большое и самое красивое изъ *нашихъ домашнихъ* животныхъ. Рослая лошадь имѣетъ въ вышину (отъ земли до верхушки спины, гдѣ кладется сѣдло) до двухъ аршинъ шести вершковъ и болѣе: слѣдовательно, она почти ростомъ съ человѣка; въ длину лошадь бываетъ до сажени.

Взглянувъ на лошадь, можно убѣдиться, что она создана Творцемъ для службы человѣку и въ упряжи, и подъ верхомъ: круглая, широкая спина ея такъ и просится подъ сѣдло. Не то мы видимъ у коровы: къ ея острой спинѣ сѣдло не пристанетъ; а потому люди, когда видятъ что-нибудь не на мѣстѣ, говорятъ: «пристало, какъ коровѣ сѣдло». Длинныя, сильныя и легкія ноги лошади, вооруженныя крѣпкими копытами, показываютъ, что ея назначеніе — бѣгать; а красивая грива и длинный, легкій хвостъ, кажется, для того и назначены, чтобы развѣваться по воздуху.

Тѣло лошади состоитъ изъ семи главныхъ частей: красивой, длинной головы, длинной, гибкой шеи, длиннаго, почти круглаго туловища, и четырехъ ногъ: двухъ заднихъ и двухъ переднихъ. По этому послѣднему признаку лошадь причисляется къ животнымъ *четвероногимъ*. На шеѣ лошади красивая *грива*; на лбу, между ушами, *чолка*; сзади туловища — длинный, красивый *хвостъ*, волосы котораго начинаются почти у самаго корня, тогда-какъ у коровы волосы только на концѣ хвоста. Кромѣ чолки, гривы и хвоста, довольно длинные волосы находятся у лошадей на ногахъ, невдалекѣ отъ копыта: эти волосы называются *щеткою*. Все тѣло лошади покрыто небольшими, гладкими волосами или шерстью, которая у различныхъ лошадей бываетъ различнаго цвѣта. По цвѣту шерсти лошади бываютъ: вороныя или черныя, сѣрыя, рыжія, гнѣдыя, пѣгія и т. д.;

цвѣтъ лошади называется *мастью*. Длинное туловище лошади не подымается вертикально, какъ у человѣка; но идетъ горизонтально.

Посмотрѣвъ внимательно на голову лошади, мы увидимъ, что у нея есть всѣ тѣ же органы чувствъ, какіе мы находимъ у человѣка. Голову лошади мы также можемъ раздѣлить на двѣ части: на черепъ и морду, и замѣтимъ, что у лошади черепъ, сравнительно съ мордою, гораздо меньше, чѣмъ у человѣка. Голова лошади представляется нѣсколько четвероугольною, съуженною къ концу, и на краяхъ этого четвероугольника, гораздо болѣе съ боковъ, чѣмъ у людей, расположены два глаза, такъ что лошадь, не ворочая шеею, можетъ смотрѣть и впередъ и въ бокъ. Это расположеніе глазъ, встрѣчаемое нами и у многихъ другихъ животныхъ, необходимо лошади потому, что хотя шея ея и гибка, но далеко не такъ, какъ у человѣка. Глаза у лошади большіе, продолговатые и очень умные. Когда молодая лошадь горячится, глаза ея сверкаютъ и наливаются кровью. Два довольно длинные уха, но вовсе не безобразныя, какъ у осла, торчатъ на головѣ къ верху. Лошадь можетъ шевелить ушами или, какъ говорится, *прядетъ* ими. Когда лошадь злится или боится, то она наклоняетъ уши назадъ; когда прислушивается, то подымаетъ ихъ къ верху или, какъ говорятъ, *настораживаетъ*. Лошадь очень чутка и, прислушавшись къ музыкѣ, скоро начинаетъ выступать подъ тактъ мѣрными шагами. Носъ у лошади длинный, съ двумя широкими ноздрями, которыми она храпитъ. Ротъ большой и во рту, въ каждой челюсти, три рода зубовъ: по шести рѣзцовъ, по два клыка и по двѣнадцати коренныхъ; всѣхъ зубовъ у лошади сорокъ; во рту языкъ, а ротъ закрывается двумя толстыми губами. Голова лошади суха, костиста и видно, какъ по ней идутъ жилы.

Такимъ-образомъ мы видимъ, что лошадь должна имѣть зрѣніе, слухъ, обоняніе и вкусъ; а что у нея есть осязаніе, то въ этомъ и сомнѣваться нельзя: она чувствуетъ самое легкое прикосновеніе шпоръ, жало овода и ударъ кнута. Шея у лошади длинная, сплюснутая съ боковъ; грудь широкая и сильная; она много вдыхаетъ воздуха своими широкими ноздрями, а потому не легко задыхается. Лошадь рѣдко издаетъ звуки: она ржетъ, стонетъ, храпитъ; а когда ей очень больно, то кричитъ рѣзко и пронзительно.

Внутренніе органы у лошади тѣ же, что и у человѣка; но устроены нѣсколько иначе, сообразно ея назначенію. У нея также есть сердце, легкія, желудокъ и мозгъ въ черепѣ и хребетномъ столбѣ; но желудокъ у лошади больше и длиннѣе человѣческаго; потому-что лошадь

ѣстъ траву, а не мясо. Мяса можно съѣсть небольшой кусокъ и быть сытымъ; а травы надобно съѣсть много, чтобы насытиться. Животныя, питающіяся травою и вообще растеніями, овсомъ, ячменемъ и т. п. называются *травоядными*. Хребетный столбъ у лошади гораздо длиннѣе, чѣмъ у человѣка, и идетъ отъ хвоста къ черепу не вертикально, а горизонтально; но состоитъ также изъ костяныхъ позвонковъ, наполненныхъ мозгомъ. Отъ хребетнаго или позвоночнаго столба идутъ ребра, закрывающія важные органы: сердце и легкія. Біеніе сердца, которое у лошади, такъ же какъ у человѣка, разгоняетъ горячую, красную кровь по всему тѣлу, можно слышать у лошади въ лѣвой сторонѣ груди, — тамъ, гдѣ лѣвая передняя нога отдѣляется отъ туловища.

Всѣ животныя, имѣющія позвоночный столбъ, называются *позвоночными* животными. У паука, напримѣръ, или у рака такого столба нѣтъ. Всѣ животныя, имѣющія въ жилахъ своихъ красную, горячую кровь, называются животными *теплокровными*. У нѣкоторыхъ животныхъ есть позвоночный столбъ, но нѣтъ теплой крови: у рыбы, напримѣръ, есть позвоночный столбъ, и мы, кушая рыбу, стараемся отобрать мясо отъ позвоночнаго столба, отъ позвонковъ котораго идутъ колючія кости, ребра; но кровь у рыбъ гораздо холоднѣе, чѣмъ у лошади или у человѣка. Лошадь — животное *млекопитающее*, потому-что жеребята сосутъ своихъ *матокъ*. Лошадиное молоко пьютъ, какъ лекарство; а кочевые народы, калмыки, киргизы, башкиры, ѣдятъ лошадиное мясо и приготовляютъ изъ лошадинаго молока опьяняющій напитокъ, *кумысъ*, который для нихъ замѣняетъ водку. Лошадь, точно такъ же, какъ корову, овцу, свинью и другихъ животныхъ, привыкающихъ къ дому человѣка, называютъ животнымъ *домашнимъ*. Въ *дикомъ* состояніи лошади теперь не встрѣчаются; но въ степи, предоставленныя самимъ себѣ, лошади скоро *дичаютъ*. Въ Америкѣ вовсе не было лошадей; но европейцы завезли ихъ туда и теперь тамъ много *одичалыхъ* лошадей. Есть, впрочемъ, нѣсколько дикихъ лошадиныхъ породъ: но это не совсѣмъ лошади.

Еще мы забыли сказать объ одномъ замѣчательномъ признакѣ лошади: на концахъ ея ногъ у нея не пальцы, какъ у насъ, и не мягкія лапы, какъ у кошки или собаки, а твердыя, роговыя *копыта* и притомъ копыта цѣльныя, а не раздѣленныя на-двое, не раздвоенныя, какъ у коровъ; почему лошадь зовутъ животнымъ *однокопытнымъ*.

Лошадь очень умное животное, скоро привыкаетъ къ человѣку и угадываетъ его желанія. Она очень полезна для людей своею силою и своимъ быстрымъ бѣгомъ; а потому люди очень холятъ ее, бере-

гутъ, припасаютъ ей на зиму сѣно и овесъ, безъ чего она не могла бы существовать въ холодномъ климатѣ, такъ-какъ зимою ей негдѣ было бы достать травы. Лошадь очень храбро и смѣло идетъ на сраженіе по волѣ человѣка. Въ степяхъ лошади живутъ табунами или, какъ говорятъ, *косяками*, и очень дружны между собою. Когда на нихъ нападаетъ хищный звѣрь, онѣ собираются въ кружокъ, головами въ середину, гдѣ прячутся жеребята, и выставляютъ врагу свои заднія копыта, удары которыхъ такъ сильны, что волки не рѣшаются нападать на такое лошадиное каре.

Лошади такъ привыкаютъ къ человѣку, такъ помогаютъ ему и пахать землю, и ѣздить, и сражаться, что стыдно обращаться съ ними жестоко и несправедливо. Человѣкъ, который накладываетъ на лошадь чрезмѣрную тяжесть или бьетъ ее, когда она не понимаетъ, чего онъ отъ нея хочетъ, или изъ прихоти загоняетъ ее на-смерть, или не кормитъ и не поитъ, какъ слѣдуетъ, своего вѣрнаго друга и товарища, можетъ быть названъ злымъ и неблагодарнымъ человѣкомъ.

Лошадиныхъ породъ множество, и если взглянуть на прекраснаго арабскаго коня и бѣдную клячу водовоза, то не вѣрится, что это животныя одной и той же породы. Но главные признаки у всѣхъ лошадей одинаковы; а потому и жалкую клячу нашего крестьянина, едва передвигающую ноги, за которую платятъ рублей двадцать, и красиваго, быстраго, какъ вѣтеръ, арабскаго коня, стоющаго нѣсколько тысячъ, называютъ одинаково лошадью.

КОРОВА.

Корова тоже животное домашнее. Она, какъ и лошадь, очень полезна для человѣка, хотя не имѣетъ лошадиной красоты, быстроты и легкости; да коровѣ этого и не нужно, потому что она создана не для ѣзды. Она ниже лошади, хотя въ длину бываетъ иногда не меньше. Части тѣла у коровы тѣ же, какія и у лошади, только устроены нѣсколько иначе, сообразно ея назначенію. На головѣ у коровы два рога, пустые въ серединѣ, но очень крѣпкіе, которыми она, сколько можетъ, защищается отъ собакъ и волковъ. По этому признаку быковъ и коровъ называютъ *рогатымъ скотомъ*. Голова коровы шире и короче, чѣмъ лошадиная. Въ верхней челюсти у ней нѣтъ переднихъ рѣзцовъ: лошадь можетъ кусаться, а корова ужъ никакъ. Шея у нея короткая, безъ гривы, и напереди шеи, возлѣ груди, виситъ довольно безобразное воло, или подгрудокъ.

Корова не разомъ съѣдаетъ траву или сѣно: пожуетъ, проглотитъ; а потомъ, давъ пищѣ полежать въ желудкѣ, *отрыгнетъ* ее и начинаетъ снова пережевывать. Посмотрите, какъ она ѣстъ: ѣстъ-ѣстъ, да и ляжетъ; но лёжа все продолжаетъ что-то жевать. Что же это она жуетъ такое? То сѣно, которое она, пожевавши и перетерши своими зубами и шерсткимъ языкомъ, проглотила, потомъ отрыгнула и опять начала пережевывать. Для этой цѣли у коровы не одинъ желудокъ, а цѣлыхъ четыре. По этому признаку корову называютъ животнымъ, *отрыгающимъ жвачку*. Не одна корова отрыгаетъ жвачку; но и верблюдъ, и овца, и олень и коза.

Мы знаемъ уже, что всѣ животныя, которыя въ молодости кормятся молокомъ своихъ матерей, какъ телята, щенки, котята, жеребята и множество другихъ, называются млекопитающимися животными; слѣдовательно и корова животное млекопитающее. Птички несутъ яйца, и маленькая птичка, вылупившись изъ яйца, тотчасъ же начинаетъ или сама себѣ отыскивать зерна, какъ цыплята курицы, или ѣстъ тѣ, которыя приноситъ ей въ клювѣ мать, какъ напр. маленькіе голуби и канарейки; слѣдовательно, птицъ никакъ уже нельзя назвать млекопитающими животными. Вотъ почему, когда за обѣдомъ всего бываетъ много, то говорятъ обыкновенно: «птичьяго молока только не было»; птичьяго молока конечно уже нельзя достать ни за какія деньги, потому что у птицъ его нѣтъ. Если человѣка можно было бы назвать животнымъ, то его должно бы назвать животнымъ млекопитающимся, потому что въ младенчествѣ онъ кормится молокомъ матери.

Люди употребляютъ въ пищу молоко коровъ, овецъ, козъ, а иногда лошадиное и ослиное. Изъ молока приготовляютъ сыръ, масло, сливки, сметану; а самое молоко ѣдятъ сырое, вареное и кислое.

Вы знаете уже, какой у коровы хвостъ, какая спина и что у нея на каждой ногѣ не одно, а два копыта; почему и причисляютъ ее къ животнымъ *двукопытнымъ*. Коровы, какъ и лошади, бываютъ различной масти; но шерсть ихъ длиннѣе и не такъ блеститъ, какъ у лошадей. Корова гораздо глупѣе лошади и иногда бываетъ очень упряма. Она мычитъ, реветъ и стонетъ.

Рогатый скотъ, быки и коровы, доставляютъ много пользы людямъ: кожи этихъ животныхъ идутъ на выдѣлку сапожнаго товара, мясо въ пищу, рога для различныхъ мелкихъ вещей, копыта употребляются при приготовленіи синьки и для выварки изъ нихъ столярнаго

клея; шерсть идетъ на войлокъ; даже навозъ — и тотъ удобряетъ поля.

Коровы бываютъ также различной породы и иныя очень дороги, какъ напр. тирольскія и голландскія. Въ Россіи лучшею породою коровъ считается холмогорская. Эту породу коровъ велѣлъ доставить изъ Голландіи Петръ Великій и она развелась въ окрестностяхъ Холмогоръ, городка Архангельской губерніи; а потому ее и зовутъ холмогорскою.

КОРОВА И ЛОШАДЬ.

Сравненіе.

Сходство: Корова и лошадь—обѣ принадлежатъ къ числу животныхъ домашнихъ, четвероногихъ, млекопитающихъ, травоядныхъ; у обѣихъ есть голова, шея, туловище, хвостъ и ноги; обѣ покрыты густою, жесткою шерстью различной масти. И корова и лошадь могутъ ходить, бѣгать, скакать и плавать; обѣ дышутъ ртомъ и носомъ и имѣютъ всѣ пять чувствъ. У обѣихъ есть позвоночный столбъ, красная, горячая кровь, сердце, легкія, печень и желудокъ.

Различіе: Лошадь обыкновенно больше коровы, длиннѣе и выше. Лошадь служитъ намъ для ѣзды и перевозки тяжестей: корова снабжаетъ насъ молокомъ и мясомъ. По общему впечатлѣнію, которое производятъ на насъ оба животныя, лошадь кажется намъ животнымъ ловкимъ, быстрымъ, граціознымъ; а корова тяжелымъ и неповоротливымъ. У коровы голова короче и толще, чѣмъ у лошади. У коровы есть рога, которыхъ у лошади нѣтъ. У коровы нѣтъ зубовъ въ верхней челюсти и недостаетъ клыковъ. Шея лошади гораздо подвижнѣе, имѣетъ красивый выгибъ и украшена гривою: шея коровы неповоротлива, идетъ прямо и обезображена подгрудкомъ или воломъ. Туловище коровы какъ-то виситъ и кости, особенно заднія лопатки, сильно выдаются. Коровій хвостъ легко отличить отъ хвоста лошади: у лошади хвостъ почти весь состоитъ изъ волосъ; тогда какъ у коровы волоса только на нижней половинѣ хвоста. Ноги у лошади длиннѣе и красивѣе. У коровы копыта раздвоенныя, плоскія, похожія на башмакъ: у лошади копыта цѣльныя, круглыя, высокія. Волоса на кожѣ коровы нѣсколько длиннѣе, чѣмъ у лошади, лежатъ не такъ густо и мало блестятъ. Лошадь ходитъ, бѣгаетъ рысью и скачетъ гораздо быстрѣе коровы. Лошадь ржетъ, а корова мычитъ и реветъ. Корова пере-

жевываетъ жвачку и потому желудокъ ея гораздо сложнѣе, чѣмъ у лошади; у коровы собственно 4 желудка. Лошадь животное чрезвычайно умное, хорошо понимаетъ человѣка, сильно привыкаетъ къ нему, горда и смѣла; корова гораздо глупѣе лошади, лѣнивѣе, меньше привыкаетъ къ человѣку и часто бываетъ упряма.

ОСЕЛЪ.

Глуповатая, лѣнивая и упрямая фигура осла такъ часто попадается въ басняхъ, что намъ не мѣшаетъ познакомиться съ этимъ четвероногимъ мудрецомъ. Оселъ принадлежитъ къ лошадиной породѣ и по устройству своего тѣла, и потому, что у него, какъ у лошади, копыто не раздвоено. По этому признаку лошадь, осла, мула, зебра, полосатую фигуру котораго вы вѣроятно видали на картинкахъ, причисляютъ къ одному отдѣлу животныхъ *однокопытныхъ*. Оселъ также принадлежитъ къ числу домашнихъ животныхъ; цвѣтъ его шерсти по большей части темно-сѣрый, но поперегъ плечь и вдоль спины у него идутъ крестообразно двѣ темныя полосы. Число зубовъ у осла то же, что и у лошади; но хвостъ его больше похожъ на коровій: только на концѣ хвоста находится пучокъ волосъ. Длинныя, подвижныя уши осла пріобрѣли всеобщую извѣстность. Онъ не можетъ бѣгать такъ скоро, какъ лошадь; гораздо неповоротливѣе и лѣнивѣе ея; за то шагъ его вѣренъ; вотъ почему на ослахъ обыкновенно ѣздятъ по узкимъ тропинкамъ, тамъ, гдѣ лошадь легко можетъ оступиться. Оселъ лучше лошади переноситъ трудности дороги и не такъ разборчивъ въ кормѣ: бурьянъ, рѣпейникъ, на которые лошадь и не взглянетъ, составляютъ для осла очень лакомую пищу; за то онъ очень разборчивъ въ питьѣ и пьетъ только чистую воду. Кожа осла гораздо толще лошадиной и нужна хорошая палка, чтобъ прибавить ходу животному, вообще неповоротливому.

Кожу ословъ употребляютъ чаще на выдѣлку пергамента и для барабановъ, рѣже на выдѣлку подошвъ. Молоко ослицы идетъ въ пищу и очень полезно для людей, имѣющихъ слабую грудь. Ревъ осла чрезвычайно непріятенъ; это какое-то печальное, тяжелое завываніе: слышно, какъ ослу трудно вытянуть его длинную, нелѣпую ноту; слушая прерывистый ревъ осла, можно подуматъ, что шишка рѣпейника остановилась у него въ горлѣ; говорятъ, впрочемъ, что ревомъ своимъ онъ довольно вѣрно предсказываетъ дурную погоду. По своему тер-

пѣнію, которое не напрасно называется ослинымъ, по неприхотливости въ пищѣ и по физической силѣ — ослы одни изъ самыхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Жаль только, что они дурно переносятъ холодъ и потому не могутъ разводиться вездѣ, какъ лошади. Ослы водятся въ юго-западной Европѣ, Азіи и особенно въ Египтѣ; въ Каирѣ, столицѣ Египта, вмѣсто извощичьихъ экипажей, на улицахъ стоятъ осѣдланные ослы.

У осла должно быть особенно сильно развито воображеніе, потому что онъ очень часто видитъ сны и во снѣ мечется и лягается. Можетъ-быть онъ потому и кажется такимъ лѣнивымъ и неповоротливымъ, что слишкомъ много мечтаетъ. Во всякомъ случаѣ оселъ вовсе не такъ глупъ, какъ о немъ обыкновенно говорится въ басняхъ. Неповоротливость, лѣность, нечувствительность къ ударамъ, нелѣпый крикъ, длинныя, шевелящіяся и отвислыя уши дали, вѣроятно, ослу ту знаменитость, которою онъ пользуется въ разсказахъ, басняхъ и даже въ разговорномъ языкѣ. Ослиная глупость, ослиное терпѣніе — такія фразы, значеніе которыхъ весьма понятно, и самое имя бѣднаго осла сдѣлалось браннымъ словомъ. Назовите кого-нибудь львомъ и онъ не разсердится, хотя левъ ничуть не умнѣе осла и приноситъ людямъ только вредъ, тогда какъ оселъ служитъ человѣку вѣрою и правдою. Люди были несправедливы къ бѣдному ослу, который часто служитъ имъ лучше хорошей лошади и его услуги притомъ обходятся гораздо дешевлѣ лошадиныхъ.

ОВЦА.

Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ сдѣлалъ овцу домашнимъ животнымъ; но тогда какъ лошадей въ дикомъ состояніи уже вовсе нѣтъ, дикіе бараны живутъ еще стадами въ нѣкоторыхъ азіятскихъ горахъ. У барана, самца овечьей породы, есть рога; у овцы ихъ нѣтъ; тогда какъ не только у козловъ, но и у козъ есть рога. Маленькихъ овецъ зовутъ ягнятами. По раздвоеннымъ копытамъ своимъ баранъ и овца причисляются къ одному отряду животныхъ съ быкомъ и коровою. Овца уже и потому приближается къ коровѣ, что обѣ отрыгаютъ жвачку и у обѣихъ недостаетъ однихъ и тѣхъ же зубовъ. Само собою разумѣется, что овца принадлежитъ къ животнымъ четвероногимъ, млекопитающимъ и травояднымъ. Ростомъ овца гораздо меньше коровы; лобъ у нея небольшой, но вы-

пуклый; носъ съ маленькимъ горбомъ; морда заострена къ концу; уши маленькія, стоячія; рога у барановъ угловаты и загнуты въ витушку, чего у козловъ и козъ не бываетъ; вотъ отчего пошла поговорка: «свернуть кого-нибудь въ бараній рогъ». Рога, какъ у коровы, такъ и у барана, пусты или *полы* въ серединѣ; тогда какъ у оленя, который также имѣетъ раздвоенныя копыта и отрыгаетъ жвачку, въ серединѣ роговъ пустоты нѣтъ. Шея овцы коротка и сжата съ боковъ; хвостъ тоже коротенькій и имѣетъ смѣшную привычку никогда не оставаться въ покоѣ, а постоянно качаться изъ стороны въ сторону, какъ маятникъ. Лошади ржутъ, коровы мычатъ, овцы и козы блеютъ. Шерсть у овцы длинная, волнистая, иногда бѣлая, какъ снѣгъ, иногда сѣроватая, иногда совершенно черная, иногда бѣлая съ черными пятнами или рыжеватая. Шерсть овцы по качеству своему бываетъ очень разнообразна, смотря по породѣ, къ которой овца принадлежитъ: у однѣхъ эта шерсть бываетъ длинная, мягкая, какъ шелкъ, волнистая, бѣлая, какъ снѣгъ; у другихъ — шерсть короче, жестче; у третьихъ—курчавая.

Овца, какъ и корова, доставляетъ человѣку мясо и молоко; но кромѣ того доставляетъ теплую овчину и мягкую прекрасную шерсть, изъ которой выдѣлываются и толстое простое сукно, и тончайшія дорогія сукна, и множество шерстяныхъ матерій, употребляемыхъ для женской одежды. Шкура овцы и барана, вмѣстѣ съ шерстью, идетъ на тулупы; а выдѣланная—на сапожный товаръ. Жиръ употребляется въ пищу, для выдѣлки мыла и свѣчей; даже кости овцы, какъ и кости коровы, не пропадаютъ даромъ. Изъ шкурокъ молодыхъ ягнятъ дѣлаются тѣ красивыя черныя и сѣрыя *смушки*, которыми такъ часто убираются дѣтскія платья. Для добыванія съ овецъ шерсти, ихъ стригутъ иногда разъ, иногда два раза въ годъ; но прежде, чтобы шерсть была чиста, овецъ тщательно моютъ.

Драгоцѣнныя для человѣка свойства овцы были давно оцѣнены людьми, и читая исторію Авраама, мы видимъ, что люди и въ то время уже кочевали по степямъ съ овечьими стадами. Но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что овца довольно глупое животное. Если, напримѣръ, одна овца въ стадѣ вздумаетъ прыгнуть, то всѣ сдѣлаютъ то же самое; раздастся выстрѣлъ—и все стадо шарахнется, само не зная куда; если передовому барану съ разбѣгу вздумается попасть въ яму, то и все стадо, ни мало не думавши, кинется вслѣдъ за нимъ. Едва-ли справедливо, что овцы, завидя волка, идутъ прямо на него;

но вѣрно только то, что, почуя приближенie злѣйшаго врага своего, овцы совершенно теряются: остаются на мѣстѣ и глупо постукиваютъ въ землю своими копытками. У барановъ есть еще весьма смѣшная привычка испытывать, на чемъ бы то ни было, крѣпость своего лба. Разъ мальчикъ-пастухъ заснулъ, сидя на камнѣ, и качалъ головою, какъ всегда случается съ человѣкомъ, дремлющимъ въ сидячемъ положенiи; баранъ увидалъ это и, вѣроятно, вообразилъ, что мальчикъ хочетъ съ нимъ помѣряться, чей лобъ крѣпче: —прицѣлился, разогнался баранъ, и изо всей силы хватилъ бѣднаго пастуха прямо въ лобъ, такъ, что тотъ полетѣлъ съ камня къ верху ногами. Можете себѣ представить непрiятное пробужденiе бѣднаго сонливца.

Овцеводство составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ промысловъ во всѣхъ странахъ; но чѣмъ холоднѣе, тѣмъ труднѣе развести хорошую, *тонкорунную* овечью породу (*руно*, т. е. овечья шерсть). У насъ, въ Россiи, также разводятъ много овецъ, особенно въ южныхъ губернiяхъ, и ежегоднаго дохода съ овецъ получается въ Россiи около 25 миллiоновъ рублей: такую огромную выгоду приноситъ это глуповатое, трусливое, чрезвычайно кроткое и полезное созданiе.

КОШКА.

Кто изъ насъ не знаетъ очень хорошо, что такое кошка; но попробуйте перечислить признаки, которыми она отличается, напримѣръ, отъ собаки, и вы увидите, что это не такъ легко. Голова кошки кругла, лобъ плоскiй, морда короткая. На головѣ у ней торчатъ два короткiя, острыя уха, до которыхъ она не охотно позволяетъ дотрогиваться; ротъ, въ которомъ находится жесткiй, шероховатый языкъ, великъ сравнительно съ головою; во рту 30 зубовъ, очень острыхъ, и изъ нихъ 4 — длинные острые клыка, которыми кошка разрываетъ пищу; по обѣимъ сторонамъ рта торчатъ усы; надъ глазами тоже длинные волосы—брови; хвостъ длинный и пушистый; а все тѣло чрезвычайно гибко и мягко. Замѣчательны глаза кошки: они какъ-будто расколоты по серединѣ и эта щель, уменьшающаяся до тоненькой линiи днемъ, широко раскрывается въ темнотѣ, что нужно кошкѣ для ея ночныхъ охотъ за мышами. Четыре кошачьи ноги оканчиваются мягкими лапами, въ которыхъ кошка прячетъ, какъ въ ножнахъ, свои сильные, острые, кривые когти—главное орудiе ея защиты и ея пропитанiя.

Втяжные когти, и шероховатый языкъ,—отличительные признаки всей кошачьей породы, къ которой принадлежатъ, кромѣ домашней кошки, львы, тигры, барсы, леопарды, пантеры. Левъ и тигръ своимъ жесткимъ языкомъ могутъ пролизать до крови кожу животнаго.

Котята родятся слѣпыми и питаются молокомъ матери. Они очень живы и веселы; но чѣмъ старѣе становится кошка, тѣмъ дѣлается лѣнивѣе. Кошки визжатъ, мяукаютъ и мурлычатъ. Послѣдній звукъ, выражающій удовольствіе, происходитъ отъ дрожанія перепонки, находящейся у кошки въ горлѣ. Кошка очень ласкова и любитъ, чтобъ ее ласкали; при этомъ она выгибаетъ спину, виляетъ пушистымъ хвостомъ, мурлычитъ; но когда разсердится, то подымаетъ шерсть, оскаливаетъ зубы, шипитъ, какъ змѣя, и готова вонзить въ непріятеля острые когти и зубы.

Кошка очень ловко лазитъ по деревьямъ, ловитъ маленькихъ птичекъ и разгуливаетъ по крышамъ и карнизамъ домовъ, будто по полю. Ѣстъ она все мясное; но болѣе всего любитъ маленькихъ птичекъ, голубей и мышей; не пропускаетъ и рыбы, если она ей попадется. Травой она питаться не можетъ, а потому ее причисляютъ къ животнымъ *плотояднымъ*.

Къ человѣку кошка не привязана, но только къ тому мѣсту, гдѣ живетъ. Кошка ласковое, но лукавое животное: завидя добычу, она притворяется, будто ея не видитъ, подходитъ тихонько, едва замѣтно, присѣдаетъ, полузакрываетъ глаза, ласково повертываетъ пушистымъ гибкимъ хвостомъ — и вдругъ, какъ молнія, съ необыкновенной силой и ловкостью, кидается на бѣдную жертву. Но замѣчательно, что если, кинувшись, кошка промахнется, она ужъ не станетъ болѣе преслѣдовать своей жертвы, а отходитъ прочь.

Когда кошка сдѣлалась домашнимъ животнымъ, неизвѣстно; но надобно полагать, что стоило много труда пріучить ее къ дому. Дикія кошки и теперь водятся во множествѣ; да и домашняя не совершенно бросила привычки *хищнаго* животнаго и часто вспоминаетъ, для чего ей даны кривые, острые когти, упругіе, гибкіе члены, сильныя лапы и острые зубы.

СОБАКА.

Изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ самое привязанное къ человѣку, безъ-сомнѣнія, собака. Она живетъ съ человѣкомъ повсюду, какъ въ самыхъ жаркихъ, такъ и въ самыхъ холодныхъ странахъ; оберегаетъ

его домъ, имущество и стада; помогаетъ ему на охотѣ; часто утѣшаетъ его своею безкорыстною дружбою и нерѣдко жертвуетъ за него своею жизнію. Каждый изъ насъ такъ часто видѣлъ это животное, что безъ сомнѣнія можетъ перечислить всѣ части его тѣла. Собачьихъ породъ много: борзыя, гончія, лягавыя, водолазы, пуделя, моськи, мордашки, бульдоги и т. д. Всѣхъ собачьихъ породъ насчитываютъ до ста; но главныхъ 30. По росту собаки также очень разнообразны, начиная отъ самыхъ маленькихъ, которыя могутъ помѣститься въ карманѣ, до меделянскихъ, овчарокъ и водолазовъ, величиною съ добраго теленка. Морды собачьи не похожи одна на другую: у борзой, напримѣръ, длинная, красивая, сухая морда; а у мордашки точно будто обрублена. Верхняя губа по большей части покрываетъ нижнюю. Уши или торчатъ къ верху, какъ у дворняшекъ, или длинныя и висятъ къ низу, какъ у лягавыхъ; языкъ длинный, широкій и гладкій; носъ влажный и холодный, а слизистая оболочка его имѣетъ такъ много складокъ, что если бы её растянуть, то она могла бы закрыть всю собаку: вотъ почему у собакъ такое же чуткое обоняніе, какъ и у коровъ. Зубы у собаки—единственное ея оружіе; а потому они остры и ихъ больше, чѣмъ у лошади; а именно 42. Заднія ноги длиннѣе переднихъ и у нѣкоторыхъ собакъ, какъ напр. у борзыхъ, очень длинны, что даетъ имъ возможность прыгать и бѣгать съ необыкновенною быстротою. Хвостъ по большей части длинный, покрытый волосами, иногда косматый. Кожа покрыта шерстью, которая, какъ по длинѣ, такъ и по цвѣту, бываетъ чрезвычайно разнообразна: иногда гладка и блеститъ; а иногда завивается, какъ напримѣръ у пуделя и овчарки, оберегающей стада отъ волковъ. Ноги оканчиваются не копытами, а лапами, на которыхъ замѣтны пальцы: на переднихъ ногахъ по 4, а на заднихъ по 5-ти. На пальцахъ небольшіе, нѣсколько искривленные когти; но не втяжные, и не столь кривые, какъ у кошки. Собака, какъ и кошка, ходятъ на пальцахъ; почему этихъ животныхъ называютъ *пальцеходящими*, въ отличіе отъ *стопоходящихъ*, каковы, напримѣръ, медвѣдь, барсукъ, енотъ, которые, ходя, опираются на всю стопу, какъ человѣкъ.

Собака ѣстъ и хлѣбъ, и молоко, и овсянку, но охотнѣе всего мясо; а потому ее и причисляютъ къ *плотояднымъ* животнымъ. Воду она лакаетъ языкомъ и любитъ прохлаждать ею свое всегда сухое горло. Щенки родятся слѣпыми и только черезъ 10 или 12 дней начинаютъ смотрѣть; они кормятся молокомъ матери и потому собакъ причисляютъ къ животнымъ млекопитающимся. Кровь у собаки кра-

сная и теплая; внутренніе органы у нея тѣ же, какъ у кошки и лошади. Собака можетъ визжать, лаять, выть и ворчать. Во снѣ собака часто бредитъ. Чутьё ея такъ тонко, что она по слѣдамъ отыскиваетъ пробѣжавшую дичь, слышитъ даже если она недавно пролетѣла въ воздухѣ.

Мы уже сказали, что собака полезна человѣку, какъ вѣрный сторожъ и добрый товарищъ; но въ сѣверныхъ странахъ она замѣняетъ и лошадь. Въ Китаѣ собакъ ѣдятъ. Собачій мѣхъ употребляется для воротниковъ и тёплыхъ сапоговъ; а собачья кожа — для перчатокъ. Собаки часто подвергаются болѣзни, называемой *водобоязнью*. Бѣшеную собаку можно узнать по мутнымъ глазамъ, опущенному хвосту, по пѣнѣ, клубящейся изо рта; но болѣе всего по хриплому лаю.

СОБАКА И КОШКА.

Сходство: Собака и кошка принадлежатъ къ домашнимъ животнымъ и содержатся въ домахъ для охраненія ихъ. Голова, шея, туловище, хвостъ и члены у нихъ одни и тѣ же. Оба животныя принадлежатъ къ четвероногимъ, ходятъ, бѣгаютъ, скачутъ и плаваютъ; оба ходятъ на пальцахъ. Кожа у обоихъ покрыта густо растущими волосами различныхъ цвѣтовъ. Оба дышатъ посредствомъ легкихъ, воздухомъ, вбирая его ртомъ и носомъ; оба имѣютъ голосъ. Собака и кошка принадлежатъ къ плотояднымъ животнымъ; но, какъ домашнія животныя, кормятся, по бо́льшей части, остатками отъ пищи людей. Оба принадлежатъ къ животнымъ *живородящимъ* и млекопитающимъ; дѣтенышей приносятъ отъ 4 — 8, которыя родятся слѣпыми и нѣкоторое время сосутъ молоко матери. Внутреннее устройство собаки и кошки сходно съ устройствомъ лошади и коровы.

Различіе: По достиженіи полнаго развитія, кошки, по бо́льшей части, бываютъ одинаковаго роста; ростъ собакъ бываетъ различенъ, смотря по породѣ: есть собаки ростомъ гораздо больше кошекъ, а есть и меньше. Кошки обыкновенно тонки и гибки: собаки быстры и сильны. Голова у кошки треугольная и отчасти круглая: у собаки же она продолговата, съ ясно очерченнымъ носомъ. У нѣкоторыхъ собачьихъ породъ уши бываютъ длинныя, висячія: у кошекъ уши всегда маленькія и остроконечныя. Глазной зрачокъ у ко-

шекъ представляетъ всегда удлиненный, перпендикулярный разрѣзъ; а у собакъ онъ бываетъ обыкновенно круглый. Зубы у собакъ не только длиннѣе, но ихъ и числомъ больше, нежели у кошекъ. У собаки преимущественно развито чутье, а у кошекъ зрѣніе. Ноги у кошки короче, чѣмъ у собаки. Когти на лапахъ у собакъ бываютъ обыкновенно тупые, нѣсколько загнутые и всегда наружу: у кошки же они — остры, сильно загнуты, наподобіе крючковъ, могутъ быть спрятаны и выпущены наружу, смотря по желанію животнаго. Походка кошки тиха и спокойна; имѣя мягкую подошву, она можетъ подкрадываться очень тихо; кошка ловко лазитъ, цѣпляясь своими когтями. Соразмѣрно росту, хвостъ у кошки длиннѣе, чѣмъ у собаки, и до самаго конца своего покрытъ въ одинаковой мѣрѣ волосами. У собаки, по большей части, на концѣ хвоста бываетъ пучокъ волосъ и самый хвостъ часто загнутъ къ верху. Кожа у кошки не совершенно плотно прилегаетъ къ тѣлу и покрыта мягкими волосами, которые у нея длиннѣе, чѣмъ у собаки. При треніи въ темнотѣ кошачьяго мѣха можно видѣть отдѣляющіяся электрическія искры. Голосомъ оба эти животныя совершенно различаются: про собаку говорятъ, что она лаетъ, ворчитъ и воетъ; а про кошку, что она мяукаетъ и мурлычитъ. Собака защищается зубами, кошка — когтями. Лукавая, хитрая кошка на добычу свою бросается обыкновенно изъ-за засады, дѣлая прыжокъ, и, въ случаѣ неудачи, никогда не преслѣдуетъ своей жертвы: собака, напротивъ, ловитъ свою добычу съ громкимъ лаемъ и ей приходится ее долго преслѣдовать. Собака вѣрна и понятлива: кошка хитра и лукава.

Свинья.

Свинья очень некрасива съ виду, любитъ валяться въ грязи, лѣнива, неповоротлива, прожорлива и неразборчива въ пищѣ; вотъ почему самое имя свиньи звучитъ какъ-то непріятно. Но что для человѣка порокъ, то для животнаго можетъ быть достоинствомъ. Прожорливость, неразборчивость въ пищѣ, лѣность необходимы свиньѣ для того, чтобы, пожирая всякую, ни къ чему уже негодную, пищу, передѣлывать ее во вкусное мясо и отличное сало. Питаясь полусогнившими листьями капусты, испортившимся картофелемъ, помоями, желудями, травою, корнями растеній, падалью, словомъ всякаго рода растительною и животною пищею (почему свинью и зовутъ живот-

нымъ всеяднымъ), свинья быстро растетъ, толстѣетъ, покрывается большимъ слоемъ жира. Содержаніе ея обходится недорого, ухода большаго она также не требуетъ; а между-тѣмъ вся ея толстая туша идетъ на пользу человѣку. Вкусное мясо ея ѣдятъ вареннымъ, жаренымъ, соленымъ, копченымъ; сало, съ котораго не снимаютъ даже кожи, тоже употребляется въ пищу; даже внутренности и кровь—и тѣ не пропадаютъ даромъ: изъ нихъ приготовляютъ колбасы и сосиски; а крѣпкая щетина, которая торчитъ у свиньи вдоль всей спины, идетъ на половыя щетки и кисти красильщиковъ. Кромѣ того свинья очень плодовита и даетъ хозяину каждый годъ по десяти и даже по двѣнадцати поросятъ. Вотъ почему бѣдняки, которые не могутъ содержать уже ни коровы, ни лошади, ни даже овцы, держатъ свиней, прокармливая ихъ чѣмъ попало, что только остается отъ ихъ бѣднаго хозяйства. Но кромѣ той пользы, которая дѣлаетъ свинью однимъ изъ самыхъ полезныхъ *домашнихъ* животныхъ, она еще достойна вниманія и потому, что имѣетъ значительное сходство.... съ чѣмъ бы вы думали? съ бегемотомъ, носорогомъ, тапиромъ и слономъ—этими великанами жаркихъ странъ, съ которыми въ умѣренныхъ климатахъ мы можемъ познакомиться только на картинкахъ или въ звѣринцахъ.

Если мы внимательно посмотримъ на свинью, то прежде всего кинется намъ въ глаза ея несоразмѣрно большая голова, съ усѣченнымъ тупымъ *рыломъ*, на концѣ котораго находится подвижной *пятачокъ*, которымъ свинья ворочаетъ во всѣ стороны. Эта подвижность оконечности свинаго рыла зависитъ отъ особеннаго подвижнаго хряща, находящагося на концѣ перегородки, раздѣляющей ноздри. Еслибы этотъ подвижной хрящъ былъ подлиннѣе, то онъ легко бы намъ напомнилъ длинный, загнутый крючкомъ носъ тапира или даже хоботъ слона.

Глаза у свиньи маленькіе, сравнительно съ величиною ея головы: глаза у слона также очень не велики. Свинья смотритъ вѣчно въ землю, изъ подлобья, и потому трудно разсмотрѣть, какіе у нея глаза, а глаза у ней прекраснаго голубаго цвѣта. Уши у свиней иногда не очень велики и торчатъ къ верху, особенно у дикихъ; но часто также висятъ и болтаются, какъ тряпки: то же самое сказали бы вы объ ушахъ слона, которыя всегда висятъ къ низу. Нижняя челюсть свиньи кажется гораздо короче верхней: ротъ у слона тоже почти у самой груди. Въ челюстяхъ свиньи 44 зуба и устройство ихъ показываетъ, что она животное всеядное, употребляющее и растительную, и мясную пищу: у слона зубовъ гораздо менѣе и устройство ихъ показываетъ, что онъ

можетъ ѣсть только пищу растительную. У дикихъ кабановъ, а иногда и у домашнихъ, клыки выдаются далеко наружу, въ видѣ трехгранныхъ штыковъ: бѣда тому, кто попадется подъ одинъ изъ этихъ штыковъ! Короткая шея кабана чрезвычайно сильна и ударъ его клыковъ страшенъ для собакъ и охотниковъ. У слона клыковъ, служащихъ для разрыва пищи, нѣтъ; но у самцовъ по обѣимъ сторонамъ хобота торчатъ два огромные *бивня*, въ длину иногда по сажени и вѣсомъ до трехъ пудовъ. Туловище свиньи длинное и толстое, хребетъ немного выгнутъ къ верху, какъ и у слона; переднія ноги коротки и прямы, а заднія длиннѣе и нѣсколько выгнуты назадъ; хвостъ небольшой, свернутый въ колечко. На каждой ногѣ свиньи не по одному копыту, какъ у лошади, и не по два, какъ у коровы, а по четыре: на два переднія копыта свинья ступаетъ, два заднія находятся нѣсколько выше и до земли не дотрогиваются. Вотъ почему свинью зовутъ животнымъ *многокопытнымъ* и *парнокопытнымъ*. У слона также нѣсколько копытъ, потому и его зовутъ животнымъ многокопытнымъ; но парнокопытнымъ его нельзя назвать, потому что на каждой ногѣ у него по пяти копытъ.

Кожа у свиньи необыкновенно толста, и дикаго кабана, напримѣръ, не проймешь и пулею, если она не попадетъ ему въ голову. По этому признаку свинью называютъ животнымъ *толстокожимъ*: бегемотъ, слонъ, носорогъ, тапиръ, также животныя *толстокожія*. Кожа у свиньи покрыта рѣдкою щетиною, которая на хребтѣ и длиннѣе, и крѣпче: кожа слоновъ тоже покрыта рѣдкими волосами, но щетины на спинѣ у нихъ нѣтъ. Звуки, издаваемые свиньею, называются хрюканьемъ; иногда свиньи, а въ особенности поросята визжатъ: звуки, издаваемые слонами, также напоминаютъ хрюканье.

----◇----

Слонъ.

Въ животномъ царствѣ, при всемъ его огромномъ разнообразіи, ни одно животное не обращаетъ на себя столько нашего вниманія, какъ слонъ. По величинѣ своей онъ уступаетъ только одному киту, а понятливостію превосходитъ обезьяну; онъ силенъ, трудолюбивъ, кротокъ и въ короткое время такъ привыкаетъ къ своему вожатому (корнаку), что почти вполнѣ понимаетъ его. Этотъ колоссъ между животными ростомъ бываетъ отъ 8—12, а въ длину отъ 12—16 футовъ; вѣситъ болѣе 150 пудовъ. Его толстая, грубая, какъ мозоль, кожа

покрыта рѣдкими жесткими волосами и пуля не пробиваетъ ее. Голова у слона велика и нѣсколько продолговата; небольшіе глаза съ рѣсницами смотрятъ умно; широкія, отвислыя уши висятъ; ротъ приходится почти у самой груди. Переднихъ зубовъ бываетъ обыкновенно 2, и то только на одной верхней челюсти; клыковъ вовсе нѣтъ; число коренныхъ бываетъ различно, отъ 1—3 въ каждой челюсти. Зубы эти въ длину имѣютъ отъ 2—5 фут. и вѣсятъ отъ 20—48 фунтовъ; у самцовъ бивни бываютъ еще длиннѣе, до 8 фут. и вѣсятъ иногда до трехъ пудовъ; въ продажѣ они извѣстны подъ именемъ слоновой кости. Подпорою слону служатъ четыре непомѣрно толстыя ноги; на каждой ступнѣ у него по 5 пальцевъ, такъ плотно обтянутыхъ толстою кожею, что присутствіе ихъ можно узнать только по выдающимся копытамъ. Но самая интересная часть слоноваго тѣла—хоботъ. Онъ составляетъ удлиненіе носа, всегда бываетъ необыкновенно подвиженъ и часто въ длину имѣетъ отъ 7—8 фут.; животное однако совершенно произвольно можетъ втягивать его въ себя и сокращать до 2 футовъ. На концѣ хобота отростокъ въ родѣ пальца, съ отверзтіемъ въ срединѣ и съ двумя носовыми ноздрями. Хоботъ состоитъ весь изъ верхней кожаной оболочки, нервовъ и мускуловъ и потому представляетъ собою самый совершенный по чувствительности органъ осязанія. Слонъ своимъ хоботомъ дѣлаетъ все, что дѣлаемъ мы руками: онъ можетъ свертывать его и развертывать, поворачивать въ разныя стороны; а кончикомъ своего хобота слонъ поднимаетъ съ земли самыя маленькія монеты, иногда нѣсколько разомъ, развязываетъ затянутые узлы, отворяетъ ключомъ замки, раскупориваетъ бутылки, срываетъ цвѣты, набравши воды брызгаетъ ею, какъ изъ фонтана, и пр. Кромѣ удивительной чувствительности, хоботъ надѣленъ необыкновенною силою, такъ что однимъ ударомъ его слонъ убиваетъ человѣка и сильныхъ животныхъ, высоко поднимаетъ съ земли тяжести вѣсомъ до 200 фунт.; на себѣ же слонъ можетъ нести отъ 2,000 до 4,000 фун.; вообще онъ обладаетъ силою 6-ти лошадей. Когда слонъ идетъ обыкновенною своею походкою, то лошадь догоняетъ его только рысью; впрочемъ слоны могутъ бѣгать и плаваютъ хорошо.

Живутъ слоны большими стадами, иногда до 400 головъ, въ тѣнистыхъ лѣсахъ внутренней Африки, въ южной Азіи и на островахъ Цейлонѣ и Суматрѣ; доживаютъ до 200 лѣтъ.

Питаются слоны растительною пищею; любятъ хлѣбныя растенія и потому часто причиняютъ страшный вредъ полямъ, засѣяннымъ

рисомъ. Содержаніе ручныхъ слоновъ обходится весьма дорого: среднимъ числомъ полагается слону въ сутки до 100 фунт. варенаго риса и столько же травы или листьевъ.

Дѣлая слоновъ ручными, люди заставляютъ ихъ исполнять различныя работы: употребляютъ для подъёма и перевозки всякаго рода тяжестей, для поѣздокъ на охоты и на нихъ же въ остъ-индской арміи перевозятъ пушки. Слоновъ не впрягаютъ въ экипажи; но обыкновенно садятся въ палатку, устроенную на спинѣ слона. Для управленія слономъ, у головы его сидитъ вожатый (корнакъ): въ рукахъ вожатаго острый молотокъ, которымъ онъ бьетъ слона въ голову и такимъ образомъ управляетъ животнымъ. Всѣ правильныя требованія своего вожатаго слонъ исполняетъ покорно, и безъ гнѣва переноситъ заслуженное наказаніе; но за несправедливое и жестокое обращеніе мститъ страшно.

Разсказываютъ, что однажды слонъ, разсердясь на своего вожатаго за то, что тотъ, принуждая его работать чрезъ силу, въ то же время заставлялъ его часто терпѣть голодъ и вовсе за нимъ не ухаживалъ, убилъ его однимъ ударомъ хобота. Жена корнака, видя мужа убитымъ, въ порывѣ отчаянія бросила къ ногамъ животнаго двухъ своихъ малютокъ, приговаривая: «ты убилъ ихъ отца, убей же и ихъ вмѣстѣ со мною». Слонъ съ состраданіемъ взглянулъ на женщину, хоботомъ поднялъ съ земли старшаго изъ малютокъ, посадилъ его къ себѣ на спину и съ тѣхъ поръ повиновался ему, какъ вожатому.

Приморскіе города по всему протяженію Малабарскаго берега изобилуютъ строевымъ и преимущественно корабельнымъ лѣсомъ, который составляетъ главный предметъ торговли жителей. Нарубленный лѣсъ, въ громадныхъ бревнахъ, до продажи обыкновенно лежитъ затопленнымъ въ водѣ: для того, чтобы вынуть его оттуда и сложить на берегъ, туземцы употребляютъ однихъ слоновъ. Для этого вожатый бросаетъ слону канатъ съ петлею на концѣ; слонъ, схвативъ хоботомъ канатъ, зацѣпляетъ имъ бревно, затягиваетъ узелъ и, постоянно отступая назадъ, вытаскиваетъ бревно изъ воды; потомъ, подталкивая бревна хоботомъ тò съ одного, тò съ другаго конца, слонъ сваливаетъ ихъ въ правильные ряды.

Дѣлать злыя шутки надъ собою слонъ не позволяетъ и часто жестоко мститъ за нихъ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что однажды вожатый, сидя на слонѣ, вздумалъ бить у него на головѣ твердые кокосовые орѣхи. Животное терпѣливо перенесло жестокую боль; но проходя въ тотъ же самый день базарную площадь,

слонъ остановился передъ кучею кокосовыхъ орѣховъ, взялъ одинъ орѣхъ хоботомъ и такъ ударилъ имъ по головѣ своего вожака, что тотъ мертвымъ свалился на землю.

Такъ понятливъ и чувствителенъ этотъ великанъ жаркихъ странъ! Не даромъ же его небольшіе глаза смотрятъ такъ умно. Но безъ хобота слонъ самое жалкое животное и, если онъ потеряетъ хоботъ, эту свою единственную, ловкую и сильную руку, то ему остается только умереть: вотъ почему онъ такъ бережетъ свой хоботъ въ борьбѣ со львомъ и тигромъ, которыхъ онъ часто побѣждаетъ, подбрасывая хоботомъ къ верху и потомъ, подхватывая на страшные бивни, или бросая на землю и растаптывая тяжелыми ногами. Впрочемъ слонъ очень мирнаго характера и никогда не нападаетъ первый; а напротивъ старается скрыться; но раздраженный — страшенъ по своей необычайной силѣ, быстротѣ и ловкости своего хобота.

Это прекрасное, умное *домашнее* животное приноситъ, какъ мы видѣли, большую пользу человѣку своею силою и своею смѣтливостью; но кромѣ того и самое мясо слона идетъ въ пищу; кожа на выдѣлку вещей, требующихъ особенной прочности; а кость бивней цѣнится дорого. Цѣна хорошаго ручнаго слона въ Индіи достигаетъ до 2,000 рублей; по перевозѣ въ Европу, гдѣ его показываютъ въ звѣринцахъ, слонъ обходится до семи и восьми тысячъ.

ОДНОГОРБЫЙ ВЕРБЛЮДЪ ИЛИ ДРОМАДЕРЪ.

Дромадеръ, т. е. бѣгунъ, котораго арабы зовутъ также *кораблемъ пустыни,* служилъ людямъ уже во времена Авраама. Въ настоящее время верблюдъ, какъ домашнее животное, живетъ въ юго-западной Азіи, сѣверной Африкѣ, Греціи и Турціи, въ Крыму, Астрахани и вообще въ южныхъ степяхъ Россіи. Въ итальянскомъ городѣ Пизѣ правительство также содержитъ верблюжій заводъ. Теперь съ успѣхомъ стали разводить верблюдовъ и въ сѣверной Америкѣ. Въ дикомъ состояніи верблюды не встрѣчаются.

Хотя по многимъ свойствамъ своимъ верблюдъ похожъ на знакомыхъ намъ животныхъ, отрыгающихъ жвачку, каковы, напримѣръ, корова и овца (самая морда верблюда напоминаетъ нѣсколько овечью); но онъ во многомъ отъ нихъ и отличается. Бѣднаго, трудолюбиваго, послушнаго верблюда нельзя назвать красивымъ животнымъ. Неуклюжая, тяжелая, мозолистая стопа его, высокія некрасивыя ноги, съ наро-

стами на переднихъ пальцахъ, кривая, широкая спина, на которой качается жирный горбъ, если только верблюдъ не потерялъ его отъ продолжительнаго голода; длинная, согнутая шея, которую верблюдъ на бѣгу вытягиваетъ впередъ; морда, похожая на овечью; короткій, всегда грязный хвостъ; длинные, жесткіе волоса грязно-бураго цвѣта, — всѣ эти признаки, не дѣлаютъ верблюда привлекательнымъ по наружности. Но за то, какія драгоцѣнныя, полезныя для человѣка свойства имѣетъ это некрасивое созданіе! Въ пищѣ верблюдъ очень не прихотливъ, и совершенно доволенъ, если ему удастся покушать сухихъ и колючихъ степныхъ растеній; безъ воды же можетъ оставаться до восьми дней. Верблюдъ очень силенъ и ходитъ рысью быстро; въ длину онъ бываетъ до десяти футовъ, а въ вышину до пяти. На него вьючатъ иногда отъ шести сотъ до тысячи фунтовъ, и съ такимъ грузомъ онъ можетъ пройти отъ ста восьмидесяти до двухъ сотъ верстъ въ день. Понятно, что такое животное является для человѣка истиннымъ сокровищемъ въ песчаныхъ пустыняхъ, гдѣ нѣтъ ни травы, ни воды, и гдѣ солнце жжетъ невыносимо: не будь верблюда, и никакая торговля не была бы возможна въ этихъ страшныхъ пустыняхъ; а теперь по нимъ тянутся цѣлые караваны верблюдовъ, нагруженныхъ дорогими товарами. Милосердъ Создатель, подарившій верблюда пустынямъ Африки и Азіи, а снѣжнымъ тундрамъ сѣвера легконогаго оленя, питающагося мхомъ, добываемымъ изъ-подъ снѣга. Въ Россіи верблюдовъ можно видѣть въ Крыму, въ Астрахани и въ Киргизскихъ степяхъ.

Верблюды живутъ отъ тридцати до сорока лѣтъ; ихъ молоко и мясо, хотя рѣдко, но употребляется въ пищу; изъ верблюжей шерсти дѣлаютъ сукно, и даже навозъ верблюжій идетъ на топливо, точно также, какъ навозъ лошадей и рогатаго скота въ нашихъ южныхъ степяхъ, гдѣ, какъ и во всѣхъ степяхъ, нѣтъ лѣса.

Извѣстны двѣ породы верблюдовъ: верблюды одногорбые и двугорбые; но обѣ эти породы одинаково полезны и сходны въ главныхъ своихъ признакахъ. Горбы верблюда состоятъ изъ жира и опадаютъ, когда онъ долго терпитъ голодъ и жажду: это запасныя кладовыя животнаго про черный день, и жиръ горбовъ, всасываясь въ кровь, питаетъ верблюда и поддерживаетъ его силы долгое время. Чтобы навьючивать высокое животное, его пріучили становиться на переднія колѣни и, такимъ-образомъ, подставлять спину для вьюка.

СѢВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ.

Для насъ олень не болѣе, какъ предметъ любопытства; но для жителя крайняго сѣвера это животное, нетребующее почти никакого за собою ухода, замѣняетъ все: лошадь, рогатый скотъ, овцу и вообще всѣхъ домашнихъ животныхъ; олень кормитъ, одѣваетъ человѣка и на немъ же сѣверный житель пробѣгаетъ огромныя пространства своихъ безграничныхъ снѣжныхъ пустынь.

Сѣверные олени бываютъ двухъ видовъ: ручные (домашніе) и дикіе; въ дикомъ состояніи впрочемъ олени теперь встрѣчаются уже рѣдко. Ручные (домашніе) сѣверные олени ростомъ обыкновенно бываютъ до трехъ съ половиной, а въ длину до шести съ половиной футовъ; голову свою съ вѣтвистыми, нѣсколько назадъ отброшенными рогами, всегда держатъ низко, понуривъ; растущая на тѣлѣ ихъ шерсть лѣтомъ бываетъ короткая, темно-сѣрая, а зимою длинная, бѣлая; лѣтомъ сѣверные олени линяютъ, а осенью, какъ самцы, такъ и самки, сшибаютъ съ себя рога и впродолженіи всей зимы, до весны, остаются безъ нихъ (комолые). У молодыхъ оленей рога бываютъ бѣлые, у оленей средняго возраста — бурые, а у стариковъ — черные. На каждомъ рогѣ у оленя во второй годъ выростаютъ двѣ вѣтки, въ третій три и т. д. На шеѣ у оленей растетъ довольно длинная грива; ноги ихъ, вооруженныя копытами, тонки; хвостъ почти незамѣтный.

Олени отрыгаютъ жвачку и на каждой ногѣ у нихъ по широкому раздвоенному копыту, какъ у коровы. Плоскія, широкія копыта и находящіеся за ними отростки, называемые шпорцами, даютъ легкому и быстрому животному возможность бѣгать по снѣгу, не проваливаясь. Рога у оленя не пустые въ серединѣ, какъ у коровы или овцы, но плотные, почему оленей и причисляютъ къ роду плотнороговыхъ, жвачныхъ, двукопытныхъ животныхъ; а коровъ къ роду *полороговыхъ*: полый, т. е. пустой въ серединѣ.

Жители крайняго сѣвера держатъ у себя оленей стадами, часто въ нѣсколько тысячъ головъ, и богатство человѣка измѣряется тамъ обыкновенно количествомъ оленей. Хозяева оленьихъ стадъ нисколько не заботятся о содержаніи и уходѣ за своими оленями, частію, вслѣдствіе грубости нравовъ, безпечности и лѣности, — частію же по совершенной невозможности заготовить на зиму кормъ въ большомъ количествѣ (олень животное травоядное). Весь уходъ за оленями

ограничивается только тѣмъ, что ихъ оставляютъ на свободѣ и предоставляютъ имъ самимъ находить себѣ пищу; но чтобы они не разбрелись, то привязываютъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку оленей, что и заставляетъ другихъ постоянно оставаться вблизи привязанныхъ товарищей. Тощій, безплодный и по виду непитательный бѣлый мохъ (ягель) и разнаго рода лишаи составляютъ главную пищу оленей во всякое время года. Сверхъ того, въ короткое лѣто, когда и въ этихъ угрюмыхъ странахъ показывается солнце и, растопивъ ледяную кору, вызываетъ изъ земли бѣдную травку, а зачахлыя деревья начнутъ покрываться небогатою зеленью, — олени питаются травою и молодыми древесными листьями вайды, осины и березы. Зимою олени обыкновенно тощаютъ, потому-что съ большимъ трудомъ должны добывать себѣ скудную пищу, раскапывая снѣгъ и копытами пробивая ледяную кору, плотно одѣвающую всю землю послѣ осеннихъ дождей. На лѣто олени, водящіеся у обитателей нашихъ сѣверныхъ владѣній, цѣлыми стадами переселяются съ хозяевами своими къ югу, чтобы спастись тамъ въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и отчасти въ лѣсахъ отъ страшныхъ враговъ своихъ, — комаровъ и оводовъ. Весною и рано лѣтомъ овода обыкновенно цѣлыми роями летаютъ надъ стадами оленей и, садясь къ нимъ на спину, кладутъ въ ихъ густую шерсть свои яйца, величиною въ горчичное зерно. Изъ этихъ яицъ скоро выходятъ червячки, которые, отъискивая пищу, пробуравливаютъ кожу оленей и углубляются въ ихъ тѣло. Отъ этого вся спина оленей покрывается большими желваками, имѣющими на вершинкѣ своей небольшія устьица или отверзтія. Отъ нестерпимаго зуда олени расчесываютъ себѣ всю спину до-крови, большую часть дня проводятъ въ водѣ, куда заходятъ по самую шею, отказываются совершенно отъ корма и часто умираютъ. Червячокъ между тѣмъ превращается въ тѣлѣ животнаго въ личинку, выростаетъ до величины жолудя и вываливается черезъ устьице на землю, зарывается въ нее и черезъ нѣсколько недѣль вылетаетъ уже оводомъ.

Осенью олени возвращаются обратно въ свои родныя мѣста и если встрѣчаютъ по дорогѣ рѣки или ручьи, то обыкновенно переплываютъ ихъ очень быстро. Совершая эти путешествія, они постоянно слѣдуютъ въ извѣстномъ порядкѣ: впереди идутъ самки (важенки), съ оленятами (пыжики), самцы же слѣдуютъ за ними только черезъ нѣсколько дней.

Оленье молоко необыкновенно жирно и даетъ очень много масла;

но такъ какъ масло это не вкусно, то изъ молока чаще приготовляется сыръ; мясо оленей пріятно на вкусъ и питательно; изъ оленьихъ костей туземцы выдѣлываютъ ножи, ложки, иглы; а кожа оленей вмѣстѣ съ шерстью идетъ на одежду. Самоѣдъ, тунгусъ, корякъ и другіе жители сѣвера съ головы до ногъ одѣты въ оленью кожу, и одежда эта такъ тепла и удобна, что рѣшительно незамѣнима никакою другою. Въ этой чрезвычайно теплой одеждѣ, сшитой рѣшительно изъ однѣхъ оленьихъ шкуръ и не нитками, а оленьими же высушеными жилами, туземцы отправляются въ дальній путь не иначе, какъ на оленяхъ. Въ свои высокія, легкія сани (чунки), они впрягаютъ по одному или по нѣскольку оленей. Олени на ходу никогда не скачутъ, а бѣгутъ постоянно бойкою рысью и обыкновенно пробѣгаютъ въ часъ верстъ по десяти и болѣе; но могутъ бѣжать и гораздо быстрѣе.

ЗАЯЦЪ.

Когда охотникъ возвращается съ охоты, то часто изъ его сумки торчатъ длинныя уши бѣднаго зайчика. Заяцъ величиною съ кошку, только немного подлиннѣе. Чтобы представить себѣ форму головы зайца, то стоитъ согнуть нѣсколько указательный палецъ руки. Уши у зайца длинны; онъ пригибаетъ ихъ къ спинѣ, когда бѣжитъ; шевелитъ ими отъ удовольствія, когда кушаетъ. Глаза у зайца расположены болѣе настороны, чѣмъ у лошади; а потому и называютъ его косымъ. Говорятъ, будто онъ не видитъ ничего впереди себя; но это несправедливо: бѣдный зайка только труслив до крайности и часто, не видя съ испугу, куда бѣжитъ, кидается прямо на охотника.

Самый замѣчательный признакъ зайца состоитъ въ томъ, что его заднія ноги гораздо длиннѣе переднихъ, такъ что онъ не ходитъ и не бѣгаетъ, а только прыгаетъ; но прыгаетъ иногда аршина на три и больше. Съ такимъ устройствомъ ногъ зайцу очень ловко бѣжать на гору; но если ему случится бѣжать отъ собакъ подъ гору, то онъ скатывается кубаремъ. Другой отличительный признакъ зайца составляютъ его зубы. Ротъ у него очень небольшой и онъ не открываетъ его широко и не кусается; не разрываетъ пищи какъ собака, но грызетъ ее; а потому и зубы у зайца устроены особеннымъ образомъ: въ нижней челюсти у него два переднихъ зуба, а въ верхней — четыре, два впереди большіе и два маленькіе — сзади; нижніе передніе зубы сходятся только съ маленькими. Верхними передними

зубами заяцъ упирается въ то, что грызетъ, напримѣръ, въ молодое деревцо; а нижними подгрызаетъ, какъ долотомъ. Клыковъ у зайца нѣтъ: они ему не нужны; но коренные зубы, для размалыванія пищи, есть. Такое устройство зубовъ само уже показываетъ, что зайцу суждено грызть свою пищу. Онъ грызетъ съ охотою капусту, рѣпу, молодой овесъ, кору деревьевъ. По этому признаку зайца, равно какъ и другое знакомое вамъ животное, бѣлку, у которой зубы похожи на заячьи, причисляютъ къ породѣ *грызуновъ*. Къ этой же породѣ принадлежатъ: мышь, крыса, сурокъ, бобръ-строитель, шеншила.

Заяцъ одно изъ самыхъ беззащитныхъ животныхъ и полагается только на быстроту своихъ ногъ; его немилосердо преслѣдуютъ собаки, волки, орлы и охотники. Мясо зайца употребляется въ пищу, мѣхъ идетъ на дешевыя шубы, а шерсть для выдѣлки шляпъ.

ЛИСИЦА.

Волкъ такъ похожъ на собаку, что ихъ безъ привычки отличить трудно. Лисицу же можно отличить съ перваго взгляда; но, тѣмъ не менѣе, и она принадлежитъ къ собачьему роду.

Лисица бываетъ обыкновенно нѣсколько болѣе зайца, — въ длину около двухъ футовъ, а вышиною отъ одного до полутора фута. Пушистый хвостъ лисицы, длиною въ одинъ футъ, никогда не загибается вверхъ, а напротивъ всегда держится наравнѣ съ туловищемъ. Все тѣло у нея покрыто рыжими, золотистыми волосами, за исключеніемъ кончика хвоста, который, равно какъ горло и щеки, бѣлаго цвѣта; но бываютъ лисицы почти черныя и такія цѣнятся дорого. Голова у лисицы остроконечная съ длиннымъ, выдавшимся впередъ рыломъ и большимъ ртомъ, въ которомъ находится сорокъ два острыхъ зуба. Туловище ея тонко и гибко, и она вообще ловка и проворна. На переднихъ лапахъ лисы по пяти, а на заднихъ по четыре пальца, съ нѣсколько загнутыми, острыми, но не выдвижными когтями. Лисица можетъ ходить, бѣгать, прыгать и ползать, голосъ ея напоминаетъ лай собаки.

По зубамъ лисицы мы можемъ уже догадаться, что она животное плотоядное, и дѣйствительно, мясо составляетъ главную ея пищу: гуси утки, куры, голуби, зайцы, кролики, крысы и мыши часто попадаютъ къ ней на зубокъ, и хотя всѣ эти звѣри, зная хорошо, что у кумушки-лисы зубы остры, избѣгаютъ всякой встрѣчи съ нею; но

лиса чрезвычайно хитра и всегда съумѣетъ промыслить себѣ обѣдъ. Если же случится, что у нея останется что-нибудь отъ завтрака или обѣда, то она предусмотрительно зарываетъ остатокъ въ землю.

Охотникъ преслѣдуетъ лисицу и ружьемъ, и тенетами, не столько за опустошенія, которыя она производитъ въ курятникѣ, сколько привлекаемый ея мягкимъ, теплымъ, цѣннымъ мѣхомъ. Мясо лисицы никогда въ пищу не употребляется.

Лисицы живутъ по бо́льшей части на открытыхъ поляхъ, вырывая для себя глубоко въ землѣ большія, темныя норы, со множествомъ входовъ и выходовъ; часто, чтобы избавить себя отъ труда, онѣ отбиваютъ такія норы у барсуковъ.

ЛЕВЪ И ТИГРЪ.

Левъ и тигръ — двѣ громадныя кошки, хотя они и не занимаются уже ловлею мышей. Сто́итъ только посмотрѣть въ какомъ-нибудь звѣринцѣ, какъ эти страшныя животныя поворачиваются въ своихъ клѣткахъ, прячутъ и выпускаютъ свои страшные когти, протягиваютъ лапы, выгибаютъ спину, играютъ хвостомъ, то̀ полузакрываютъ свои глаза, то̀ вновь открываютъ ихъ во всю величину, чтобы убѣдиться, что они ни что иное, какъ громадныя кошки. Левъ, имѣя гриву и прямое рыло, еще менѣе похожъ на кошку; но сходство тигра съ кошкой съ перваго взгляда кидается въ глаза.

Левъ, котораго, по его величественному виду, громадной силѣ, страшному голосу, назвали царемъ звѣрей, бываетъ обыкновенно сѣро-желтоватаго цвѣта, до сажени въ длину и аршина полтора въ вышину. У него на концѣ длиннаго хвоста большой пучокъ волосъ, а на шеѣ длинная, косматая грива; у львицы гривы нѣтъ.

Въ древнія времена левъ жилъ и въ южной Европѣ; теперь въ Европѣ онъ бываетъ только въ звѣринцахъ. Въ дикомъ состояніи левъ водится въ Африкѣ и южной Азіи. Самые большіе львы встрѣчаются въ Персіи. Левъ, какъ говорятъ, кидается на человѣка только голодный или раздраженный.

Тигръ — самое страшное и самое злое изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ. Онъ бываетъ красновато-желтаго цвѣта, съ черными полосами. Въ длину онъ тоже достигаетъ иногда сажени; но въ вышину нѣсколько меньше льва. Онъ необыкновенно ловокъ, быстръ, дѣлаетъ

огромные прыжки и нападаетъ на всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, не только голодный, но и сытый.

Чтобы судить о силѣ этихъ животныхъ, довольно сказать, что левъ однимъ ударомъ лапы можетъ перебить крестецъ лошади и уноситъ быка, какъ волкъ ягненка. Онъ выступаетъ величаво; но, кидаясь на добычу, дѣлаетъ прыжки сажени въ четыре. Вотъ почему, когда посреди ночи въ пустынѣ раздастся ревъ льва, подобный грому, то все живое трепещетъ и спѣшитъ укрыться.

О силѣ и дерзости тигра можно судить по разсказу, который слѣдуетъ ниже.

ОХОТА ЗА ТИГРОМЪ.

Большое общество англичанъ, жившихъ въ одной изъ остъ-индскихъ колоній, однажды отправилось на слонахъ на охоту за тиграми. Не успѣли еще англичане отъѣхать далеко отъ дому, какъ на полянѣ передъ ними показался огромный тигръ. Появленіе его было такъ неожиданно и навело на охотниковъ такой страхъ, что неуспѣли они придти въ себя отъ изумленія, какъ тигръ однимъ прыжкомъ вскочилъ на спину ближайшаго къ нему слона, впился своими когтями въ одного изъ охотниковъ, стащилъ его на землю, схватилъ зубами за ногу и, перебросивъ къ себѣ на спину, въ виду цѣлой толпы изумленныхъ охотниковъ, скрылся съ своею жертвою въ ближайшихъ кустарникахъ. Придя наконецъ въ себя, охотники сошли со слоновъ и бросились за тигромъ по кровавому слѣду, который онъ оставилъ за собою: спасти своего товарища они уже не надѣялись, но рѣшились, по-крайней-мѣрѣ, отомстить звѣрю. Кровавый слѣдъ, въ началѣ слишкомъ замѣтный, мало-по-малу началъ исчезать и, наконецъ, исчезъ почти совершенно. Охотники готовы были уже воротиться, какъ вдругъ увидѣли передъ собою цѣлую лужу крови и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея своего товарища, лежащаго безъ чувствъ, а у ногъ его мертваго тигра. Бросившись къ товарищу, охотники хотѣли поднять его съ земли, но тутъ только замѣтили, что нога несчастнаго была еще въ пасти у звѣря; глубоко впившіеся и крѣпко сжатые зубы дѣлали всѣ усилія охотниковъ безполезными и, только разорвавъ совершенно пасть тигра, могли они освободить ногу несчастнаго. Когда первыя медицинскія пособія были поданы, рана перевязана, и бѣднякъ уже внѣ всякой опасности лежалъ у себя въ домѣ, охотники, обступивъ его, просили разсказать имъ,

какимъ чудомъ спасся онъ отъ смерти. Вотъ что разсказалъ имъ раненый: «падая со слона, я вѣроятно сильно ударился о земь головою, потому-что потерялъ всякое сознаніе и очнулся только отъ боли на спинѣ у тигра, который мчался со мною въ кустарники. Мысленно простившись со всѣмъ, что только было дорогаго у меня на землѣ, я готовился смѣло встрѣтить близкую смерть; но вдругъ вспомнилъ, что со мною была пара моихъ вѣрныхъ пистолетовъ, изъ которыхъ рѣдко когда случалось мнѣ давать промахъ. Собравши остатокъ силъ, я вытащилъ изъ-за пояса пистолетъ и, уставивъ его въ животное, выстрѣлилъ; но плохо разсчитанный выстрѣлъ только ранилъ тигра, который пришелъ еще въ бо̀льшую ярость и еще глубже впился зубами въ мою ногу. Забывъ о страшной боли, думая только о мщеніи, я вытащилъ другой пистолетъ и, приложивъ его къ сердцу животнаго, выстрѣлилъ. Мгновенно за выстрѣломъ оба мы, тигръ и я, лежали уже на землѣ,—я, страдая отъ боли, а тигръ, мертвый, у ногъ моихъ; скоро я потерялъ всякое сознаніе и пришелъ въ себя только здѣсь, на кровати».

КРОТЪ.

Кто самъ не видалъ крота, тотъ все же знаетъ о немъ что-нибудь по его работамъ: стоитъ только пойти на ближайшій лугъ, чтобы увидать маленькіе земляные холмики, взрытые кротомъ. Въ поляхъ кротовыя работы не приносятъ никакого вреда; но въ садахъ кротъ порядочно надоѣдаетъ садовникамъ, взрывая ихъ красивыя дорожки и клумбы.

Изъ всѣхъ млекопитающихъ кротъ одинъ только находитъ пищу подъ землею. Лисица, барсукъ и нѣкоторыя другія животныя часто также роютъ себѣ подземныя жилища; но искать пищи выходятъ наружу. Ни одно животное не способно такъ рыться въ землѣ, какъ кротъ. Длиною онъ бываетъ, вмѣстѣ и съ хвостомъ, небольше трехъ вершковъ. Его длинная головка оканчивается хоботообразнымъ рыльцемъ; на концѣ рыльца твердый и подвижной хрящъ, какой мы уже видѣли у свиньи, тоже любящей взрывать землю. Голова крота соединяется незамѣтно съ длиннымъ, ровнымъ, мягкимъ тѣломъ; короткія лапы очень велики сравнительно съ туловищемъ и переднія, которыя гораздо сильнѣе заднихъ, прекрасно приспособлены къ тому, чтобы ими вырывать и выбрасывать землю: они вывернуты наружу и снабжены пятью широкими и плоскими, какъ лопатки, когтями.

Сначала кротъ носомъ взроетъ, разрыхлитъ землю; а потомъ передними лапами выроетъ ее, какъ ему нужно. Вотъ почему онъ съ такою непонятною быстротою ходитъ въ землѣ. Заднія ноги его слабы и обращены подошвами внизъ: онѣ служатъ кроту для передвиженія. Устройство переднихъ лопатокъ, ключицъ, плечевыхъ костей показываетъ, что кроту суждено бо́льшую часть жизни проводить въ землѣ, не выходя наружу. Всѣ отверзтія на головѣ крота очень тщательно защищены отъ земли, которая могла бы туда попадать: кожа, спускающаяся съ верхней губы, прикрываетъ ротъ; а густые волоса закрываютъ маленькіе черные глазки, которые такъ малы и незамѣтны, что многіе считаютъ крота слѣпымъ. Волоса защищаютъ также уши крота или, лучше сказать, ушныя отверзтія, потому что ушныхъ раковинъ у крота нѣтъ. Все тѣло крота покрыто мягкимъ, гладкимъ, лоснящимся мѣхомъ чернаго цвѣта.

Судя по работамъ, воздвигаемымъ кротомъ съ такою скоростью, долго думали, что онъ питается корнями растеній и потому очень вреденъ для полей, садовъ и лѣсовъ; но, осмотрѣвши внимательно зубы крота, убѣдились, что это неправда. Они у него вовсе не такъ устроены, какъ у грызуновъ, напр. у зайца или у бѣлки. Въ верхней челюсти у крота 6, а въ нижней восемь острыхъ переднихъ зубовъ; за ними — довольно острые, согнутые клыки; а потомъ идутъ коренные зубы. Взрѣзая кротовъ, находили въ ихъ желудкѣ яички и личинки насѣкомыхъ, дождевыхъ червей и другихъ, вредныхъ для полей маленькихъ животныхъ, но ни кусочка какого-нибудь растенія; слѣдовательно кротъ питается насѣкомыми, которыя вредятъ растеніямъ. Вотъ почему крота, равно какъ и ежа, причисляютъ къ животнымъ *насѣкомоядным*ъ. Прежде старались истреблять кротовъ, какъ животныхъ, которыя вредны корнямъ растеній; тогда какъ кротъ, напротивъ, истребляетъ насѣкомыхъ вредныхъ растеніямъ: такъ незнаніе бываетъ иногда причиною несправедливости.

Мѣхъ крота употребляется для одежды. Норы крота вырыты очень искусно: это цѣлыя подземныя зданія со множествомъ галлерей и переходовъ. Тѣ небольшія, черныя кучки земли, которыхъ такъ много нарываютъ кроты повсюду, указываютъ отверзтія, служащія для прохода воздуха въ подземныя жилища кротовъ: безъ нихъ кроту нельзя было бы дышать; дышать же для него, какъ вы знаете, необходимо.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ.

Каждому, вѣроятно, случалось видѣть летучую мышь, какъ она по ночамъ снуетъ взадъ и впередъ около жилыхъ мѣстъ и падаетъ, завидя что-нибудь бѣлое. Въ длину она не менѣе 4-хъ дюймовъ и, устройствомъ головы и туловища, очень походитъ на обыкновенную мышь; но въ устройствѣ членовъ имѣетъ много особенностей.

Голова и туловище летучей мыши покрыты мягкими, темно-сѣрыми волосами, которые на брюхѣ принимаютъ свѣтло-сѣрый оттѣнокъ; носъ у нея тупой, плоскій, съ двумя очень замѣтными ноздрями, образующими длинные разрѣзы, идущіе кверху; глаза маленькіе и уши большія, съ особымъ отросткомъ въ срединѣ. Длинно растянутый ротъ летучей мыши внутри усѣянъ острыми зубами; всѣхъ зубовъ у ней тридцать два.

Разсматривая крылья летучей мыши, мы вовсе не замѣчаемъ на нихъ перьевъ, какъ у птицъ: это только тонкая, полупрозрачная перепонка, соединяющая и покрывающая четыре члена животнаго, изъ которыхъ два передніе гораздо длиннѣе заднихъ; по этому признаку летучихъ мышей причисляютъ къ породѣ *рукокрылыхъ* млекопитающихъ животныхъ. Изъ-подъ перепонки, соединяющей члены, выдается по пяти одинаково длинныхъ пальцевъ заднихъ ногъ, съ острыми когтями; четыре длинныхъ пальца на переднихъ оконечностяхъ прикрыты совершенно перепонкою, такъ что, съ обѣихъ сторонъ, наружу выдается только по одному большому пальцу съ острымъ цѣпкимъ когтемъ, въ видѣ крючка. На рыльцѣ летучей мыши очень много желёзъ, отдѣляющихъ жирную, зловонную жидкость, которою она увлажаетъ себѣ тѣло и перепонку.

Днемъ летучихъ мышей не видно,—только поздно вечеромъ вылетаютъ онѣ изъ своихъ притоновъ, находящихся обыкновенно подъ крышами, въ разрушенныхъ и покинутыхъ зданіяхъ, овинахъ или въ дуплахъ деревьевъ. Далеко отъ своихъ гнѣздъ летучія мыши не рѣшаются отлетать,—много-много если шаговъ на 100. Зато это небольшое пространство прорѣзываютъ онѣ своимъ порывистымъ полетомъ разъ двадцать въ минуту; безпрестанно описывая на лету неправильныя линіи, бросаясь изъ стороны въ сторону, ловятъ онѣ ночныхъ бабочекъ, жуковъ и другихъ насѣкомыхъ. Задолго до солнечнаго восхода возвращаются онѣ опять въ свои притоны и, повиснувъ на заднихъ ногахъ, засыпаютъ до вечера. Летучія мыши принадлежатъ къ

роду животныхъ зимоспящихъ: осенью онѣ отъискиваютъ мѣста темныя, сырыя, но защищенныя отъ стужи, и тамъ, уцѣпившись задними ногами и совершенно повиснувъ на нихъ, спятъ всю зиму.

Въ маѣ самка приноситъ не болѣе одного дѣтеныша. Только-что родившаяся летучая мышь крѣпко прицѣпляется къ груди матери, носится съ нею повсюду и питается ея молокомъ впродолженіи 10-ти недѣль; по истеченіи же этого времени, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, молодая мышь оставляетъ мать и отправляется сама отъискивать себѣ пищу.

Сняться съ земли и подняться вверхъ летучая мышь не можетъ; чтобы полетѣть, она должна непремѣнно броситься съ какой-нибудь высоты на воздухъ, который тогда упрется въ ея перепонку, какъ упирается, напримѣръ, въ зонтикъ, если, держа его въ рукахъ, прыгнуть съ высоты. Кромѣ способности летать, летучія мыши имѣютъ еще другую — лазить, цѣпляясь за стѣну или за что-нибудь другое своими длинными крючковатыми когтями, и хватаясь попеременно то̀ однимъ, то̀ другимъ пальцемъ, подвигаются онѣ впередъ очень медленно и съ трудомъ. Бѣдныя летучія мыши — существа нетолько совершенно безвредныя, но напротивъ, полезныя, потому что истребляютъ вредныхъ насѣкомыхъ; если же человѣкъ преслѣдуетъ летучую мышь, то единственно за ея непривлекательную наружность.

----◇----

ОБЫКНОВЕННАЯ ОБЕЗЬЯНА.

Обыкновенная обезьяна называется турецкой обезьяной, маго и мартышкою. Ее приходится намъ встрѣчать часто не только въ звѣринцахъ, но и на плечахъ шарманщиковъ, разгуливающихъ съ нею по улицамъ большихъ городовъ. Маго животное чуждое нашему климату. Ея родина собственно сѣверная Африка; одичалая, мартышка встрѣчается изрѣдка и въ Европѣ, но единственно только въ Испаніи, на скалахъ, окружающихъ Гибралтаръ.

По устройству тѣла и по понятливости своей обезьяна имѣетъ большое сходство съ человѣкомъ; въ породахъ большихъ обезьянъ сходство это выдается еще рѣзче; мартышка же ростомъ не бываетъ выше 2—3 футовъ.

Тѣло мартышки все покрыто сѣрыми волосами и одно только лицо остается свободнымъ отъ волосъ и бываетъ тѣлеснаго цвѣта; хвостъ ея едва замѣтенъ; но есть и длиннохвостыя обезьяны, преимущественно

американскія, у которыхъ хвостъ такъ длиненъ, что онѣ могутъ свертывать его узломъ.

Голова мартышки отличается отъ головы ребенка сильно выдающимся впередъ ртомъ—что происходитъ отъ особаго развитія челюстей—почти не выдающимся, плоскимъ подбородкомъ, черезъ-чуръ малымъ разстояніемъ между глазами и заходящими одинъ за другой глазными зубами. Число и названіе зубовъ вообще такое, какъ и у человѣка; но члены тѣла устроены совершенно иначе: у обезьянъ на всѣхъ четырехъ конечностяхъ такіе же длинные пальцы, способные схватывать и удерживать предметы, какъ у насъ на рукахъ, отчего обезьянамъ и даютъ названіе *четверорукихъ*. Такое устройство членовъ мѣшаетъ обезьянамъ свободно ходить, но даетъ средство превосходно лазить; вотъ почему ихъ называютъ иногда *лазунами*.

Маго живутъ въ лѣсахъ теплаго пояса, по большей части собираясь стадами; на деревья взбираются онѣ, обхватывая стволъ, а не цѣпляясь за кору ногтями. По землѣ ходятъ съ трудомъ, ступая на всѣ четыре конечности. Хотя плоды и составляютъ главную ихъ пищу, но онѣ ѣдятъ также насѣкомыхъ и яйца маленькихъ птичекъ. Хищническіе походы свои онѣ совершаютъ всегда подъ предводительствомъ начальниковъ, вооруженныхъ палками.

Обезьяны вообще живы, вертлявы, проворны, хитры, переимчивы; но старѣясь глупѣютъ и дѣлаются злыми; ручными становятся съ трудомъ. Страсть ихъ къ подражанію извѣстна всѣмъ.

ТЮЛЕНЬ.

Тюлень, или морская собака, живетъ въ моряхъ и именно въ сѣверныхъ, изъ которыхъ заходитъ иногда и въ устья рѣкъ. Голова его похожа на собачью и звуки, которые онъ издаетъ, на лай. Трудно себѣ представить, что это животное млекопитающее; но тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо, и маленькія, живородящіеся тюленьчики питаются молокомъ матери. Массивное туловище тюленя удлинено сзади и сверху приплюснуто, толстая кожа покрыта короткими, гладкими, серебристыми волосами. Величиною совершенно взрослый тюлень бываетъ иногда около сажени. На круглой головѣ у него замѣтны ушныя раковины и большіе, *добрые* глаза; ноздри, при погруженіи животнаго въ воду, закрываются особенными клапанами; во рту находятся острые зубы. Короткія, загнутыя назадъ, широкія

переднія ноги тюленя называются *ластами*; они плохо служатъ для ходьбы по сушѣ, но зато отлично исполняютъ должность веселъ при плаваніи. Что ласты назначены для послѣдняго употребленія, — это замѣтно и по перепонкѣ, соединяющей и покрывающей пальцы, такъ что ихъ почти совершенно не видно. На заднихъ, совершенно вывернутыхъ назадъ ногахъ, служащихъ тюленю при плаваніи вмѣсто руля, перепонка идетъ не такъ далеко и пальцы выдаются наружу. По особенному устройству своихъ членовъ, называемыхъ ластами, тюлени причисляются къ особому отдѣлу животныхъ—*ластоногихъ*, куда принадлежатъ моржи и сивучи, тоже жирные обитатели холодныхъ морей.

Тюлени очень добрыя и смирныя животныя. Они съ любопытствомъ высовываютъ свои головы изъ воды, когда заслышатъ шумъ; но также быстро и прячутся. Плаваютъ они на брюхѣ и на спинѣ; ныряютъ отлично; живутъ болѣе въ водѣ, чѣмъ на сушѣ; но не могутъ пробыть подъ водою долѣе четверти часа: имъ непремѣнно надобно вынырнуть, чтобы выдохнуть изъ легкихъ испортившійся воздухъ и вдохнуть свѣжій, при чемъ воздухъ вылетаетъ изъ ихъ ноздрей съ шумомъ. Зимою тюлени пробиваютъ ледъ, чтобъ просунуть сквозь него морду и подышать воздухомъ, чего рыбы не дѣлаютъ, потому что онѣ обладаютъ жабрами, добывающими воздухъ изъ воды. Тюлени часто выходятъ на берегъ или на льдину, чтобы отдохнуть или покормить своихъ дѣтенышей, которыхъ, впрочемъ, не оставляютъ на берегу, но уносятъ въ воду, придерживая ихъ передними ластами. На сухомъ пути тюлени очень неповоротливы; а потому ихъ легко убиваютъ, ударяя по головѣ чекушею (дубина) или вонзая въ толстое тѣло острые крючья. Питаются они рыбами, моллюсками и морскими растеніями.

Пользу людямъ приносятъ тюлени своимъ жиромъ, котораго у всѣхъ *ластоногихъ* очень много, и кожею, идущею на различныя подѣлки. Тюленью кожу съ шерстью можно иногда видѣть у насъ на ящикахъ и погребцахъ. Жиръ тюленій извѣстенъ въ продажѣ подъ именемъ ворвани и идетъ, большею частію, на выдѣлку кожъ.

КИТЪ.

Есть море, которое зовутъ Ледовитымъ моремъ. Въ этомъ морѣ не только зимою, но и лѣтомъ множество льда, который лежитъ иногда неподвижно, огромнымъ ледянымъ полемъ или, разбившись на куски, плаваетъ большими массами. Плавающія льдины бываютъ

часто такъ громадны и такъ высоко торчатъ изъ воды, что ихъ называютъ ледяными горами. Если вѣтеръ столкнетъ двѣ такія ледяныя горы и онѣ ударятся одна о другую, то раздается страшный стукъ, подобный пушечному выстрѣлу. Не дай Богъ кораблю попасть между такими горами—его раздавитъ въ щепки. Но и въ это страшное море пускаются смѣлые мореходцы и открываютъ въ немъ и землю, и острова, гдѣ, конечно, уже нѣтъ людей. На этихъ островахъ четыре мѣсяца солнце не сходитъ съ неба и четыре мѣсяца не показывается на горизонтѣ. Въ эту четырехмѣсячную ночь бываютъ такіе холода, о какихъ мы съ вами и понятія не имѣемъ. Вы спросите меня: есть ли животныя въ Ледовитомъ морѣ и на его холодныхъ островахъ? Есть—и очень много. По берегамъ его живутъ олени, бѣлые медвѣди, лисицы; въ водахъ Ледовитаго моря ловятъ китовъ, тюленей и моржей; а по поверхности его, когда оно еще не замерзло, плаваетъ множество водяной птицы. Я хочу только разсказать вамъ объ одномъ жильцѣ холодныхъ морей: о китѣ и о томъ, какъ его ловятъ.

«Чудо-юдо, рыба китъ» говорится въ русскихъ сказкахъ; но въ томъ-то и дѣло, что китъ вовсе не рыба, а такое же живородящее и млекопитающее животное, какъ корова или лошадь, и что киту, хотя изрѣдка, необходимо высовывать голову изъ воды, чтобы подышать воздухомъ, которымъ дышемъ и мы съ вами. Но китъ, не будучи рыбой, которая, какъ вы знаете, родится изъ яичекъ икры и не питается въ дѣтствѣ молокомъ матери, такъ похожъ на рыбу, что его причислили къ особому отдѣлу животныхъ—*рыбообразныхъ*, куда относится и дельфинъ, о которомъ вы, можетъ-быть, слыхали.

Величина и тяжесть кита такова, что изъ сорока слоновъ можно было бы слѣпить не болѣе одного кита. Въ длину онъ бываетъ иногда до десяти саженей. Голова кита несоразмѣрно велика и составляетъ почти треть его туловища. Вмѣсто переднихъ членовъ у него два плавательные пера; вмѣсто заднихъ—большой рыбій хвостъ, лежащій впрочемъ горизонтально. Уши у кита очень малы; а небольшіе глаза его помѣщаются почти у самыхъ плавательныхъ перьевъ. Ноздри похожи на отверзтіе насоса и находятся на вершинѣ головы. Кривой ротъ въ длину имѣетъ до двухъ сажень, а въ ширину не много менѣе; языкъ бываетъ сажени въ три; но глотка такая маленькая, что въ нее едва можно просунуть руку. Зубы бываютъ у кита только въ молодости; а потомъ вмѣсто зубовъ выростаетъ у него во рту до четырехъ сотъ роговыхъ пластинокъ, изъ которыхъ

каждая бываетъ до двухъ саженъ длиною и въ полвершка шириною, а къ концу растрепливаются на мелкія волокна. Изъ этихъ роговыхъ пластинокъ добываютъ до трехъ тысячъ фунтовъ такъ-называемаго *китоваго уса*, который вы вѣроятно видали. Усы эти служатъ киту вмѣсто невода для ловли мелкихъ морскихъ животныхъ, которыми онъ кормится. Зачерпывая огромное количество воды своимъ широкимъ ртомъ, китъ пропускаетъ ее чрезъ свои усы; а все что можетъ служить ему для пищи, остается у него во рту, за усами, и идетъ въ глотку; остальную же воду китъ выбрасываетъ фонтанами черезъ два отверзтія, находящіяся у него на головѣ. Плавательныя перья, которыя бываютъ у кита болѣе сажени, замѣняютъ ему руки. Китовая самка иногда поддерживаетъ ими своихъ дѣтенышей, когда тѣ устанутъ плавать. Хвостъ у кита сажени три въ ширину и такъ силенъ, что однимъ ударомъ его китъ можетъ не только опрокинуть, но разбить въ щепы большую лодку. Подъ кожей у этого громаднаго морскаго звѣря лежитъ слой жира, толщиною иногда въ аршинъ и болѣе. Китовый усъ и китовый жиръ, называемый въ продажѣ *ворванью*, употребляются въ различныхъ производствахъ. Несмотря на величину свою, китъ питается только самыми маленькими рыбками, моллюсками, раками и т. п. небольшими водяными животными. Онъ плаваетъ очень быстро и проплываетъ иногда въ часъ до четырехъ миль. Подъ водою китъ можетъ оставаться минутъ сорокъ и даже больше; потомъ необходимо долженъ выплыть на поверхность воды и разъ девять вдохнуть въ себя воздухъ.

Множество кораблей отправляется для ловли китовъ въ сѣверныя моря. Одинъ изъ матросовъ садится на мачту и смотритъ, не видно ли гдѣ-нибудь кита; какъ только завидитъ онъ знакомый фонтанъ или голову чудовища, то даетъ знать объ этомъ, и въ то же время съ корабля спускаютъ лодку съ матросами и гарпунщиками. Въ рукахъ у гарпунщиковъ длинныя, острыя желѣзныя сваи съ крючками (гарпуны), привязанныя на длинной веревкѣ. Тихо подплываетъ лодка къ громадному животному и гарпунщикъ изо всей силы вонзаетъ въ него свое оружіе; въ ту же минуту китъ опускается въ воду и канатъ, къ которому привязанъ гарпунъ, бѣжитъ съ лодки съ такою силою и быстротою, что если нечаянно онъ какъ-нибудь попадетъ на человѣка, то растрощитъ его въ тоже мгновеніе. Побывъ подъ водою нѣсколько времени, китъ непремѣнно долженъ вынырнуть на верхъ, чтобъ подышать воздухомъ. Тогда опять вонзаютъ ему въ тѣло гарпуны и острыя копья: море окрашивается кровью животнаго.

Китъ бьется въ это время съ такою силою, что удары его тяжелаго хвоста по водѣ бываютъ слышны за нѣсколько верстъ. Наконецъ онъ истекаетъ кровью, теряетъ силы, поворачивается на бокъ и издыхаетъ. Тогда подтягиваютъ кита къ кораблю; сходятъ на громадное животное, какъ на островъ, вырѣзываютъ жиръ, а изъ пасти достаютъ усы и языкъ; остальное бросаютъ на жертву акуламъ и хищнымъ птицамъ.

КАНАРЕЙКА.

Желтенькая канарейка — одна изъ самыхъ маленькихъ птичекъ; но и въ ея маленькомъ тѣлѣ есть много замѣчательнаго для того, кто умѣетъ смотрѣть со вниманіемъ. Пёрышки у канарейки двухъ родовъ: одни, маленькія, называются пухомъ, другія, побольше, собственно перья; самыя большія въ хвостѣ и въ крылышкахъ. Каждое пёрышко устроено очень хитро: въ немъ есть стержень и бородка; снизу оно пусто въ серединѣ, сверху украшено другими маленькими пёрышками. У канарейки круглая головка съ двумя черными круглыми глазками, которые закрываются не вѣками, какъ у насъ, а особенной кожицей, которая, когда нужно, выдвигается изъ-за угла глаза. Головка оканчивается твердымъ толстенькимъ клювомъ, заостреннымъ къ концу. Когда канарейка откроетъ свой клювъ, то можно видѣть, что у нея нѣтъ зубовъ, хотя и есть языкъ. Клювъ или носикъ канарейки, какъ его обыкновенно называютъ, состоитъ изъ двухъ частей, верхней и нижней, напоминающихъ наши челюсти. На верхней части носика можно замѣтить двѣ маленькія дырочки: это ноздри канарейки, органъ ея обонянія. Ушей у канарейки не видать, но однако не трудно убѣдиться, что канарейка слышитъ очень хорошо; а если она слышитъ, то слѣдовательно у нея долженъ быть органъ слуха. Но и мы слышимъ не тѣми ушами, которыя видны по обѣимъ сторонамъ нашей головы,—это только часть нашего слуховаго органа, да и при томъ не самая важная; важнѣйшая же часть его скрыта у насъ въ головѣ. Слуховой органъ есть и въ головѣ канарейки, только мы его не видимъ.

Туловище у канарейки овальное, похожее формою на яйцо. Между туловищемъ и головою — шейка и звонкое горлышко; позади туловища хвостъ, въ которомъ сидятъ самыя длинныя перышки. По бокамъ у канарейки, вмѣсто рукъ, два крыла, въ которыхъ также си-

дятъ длинныя перышки; носикъ же замѣняетъ канарейкѣ руки. Внизу туловища двѣ ноги и на каждой ногѣ по четыре пальца: три идутъ впередъ, а одинъ назадъ. Такое устройство пальцевъ даетъ ей возможность держаться на тонкой вѣточкѣ. На пальцахъ когти изъ твердаго роговаго вещества, изъ котораго состоитъ и носикъ. Канарейка не можетъ переступать нога за ногу, какъ ходитъ, напримѣръ, пѣтухъ, и если не летаетъ, то прыгаетъ обѣими ногами разомъ.

Канарейка поетъ очень пріятно и её причисляютъ къ числу *пѣвчихъ* птицъ. Она очень мило купается и разглаживаетъ носикомъ свои перышки. Кормятъ ее канареечнымъ или коноплянымъ сѣменемъ, булкою, сахаромъ, зеленымъ салатомъ и другою травкою. Канарейка поетъ только при дневномъ свѣтѣ, а въ темнотѣ засыпаетъ. Осенью и весною канарейка линяетъ, т. е. теряетъ свои перышки, на мѣсто которыхъ выростаютъ другія, и на это время она прекращаетъ свои пѣсни. Въ иныхъ домахъ разводятъ канареекъ, и потому держатъ ихъ по нѣскольку паръ въ большой клѣткѣ, приготовляя для нихъ по угламъ гнѣздышки. Въ эти гнѣздышки канарейка сама наноситъ хлопчатой бумаги, собственныхъ своихъ перышекъ и пуху, а потомъ *снесетъ* туда нѣсколько маленькихъ сѣрыхъ яичекъ, изъ которыхъ черезъ двѣнадцать дней выходятъ крошечныя канареечки, почти совершенно безъ перышекъ; мать кормитъ ихъ зернышками, которыя размягчаетъ прежде во рту, — кормитъ до тѣхъ поръ, пока птенчики не оперятся и не начнутъ летать и сами кормиться.

Канарейка дышетъ, и если ей зажать носикъ, то она можетъ задохнуться; слѣдовательно, у канарейки есть легкія; у нея есть сердце, которое очень сильно бьется, когда бѣдную птичку возьмутъ въ руки; у нея есть кровь, артеріи и вены; есть и желудокъ, переваривающій пищу. Для жизни канарейкѣ необходимы: пища, питье и воздухъ.

УТКА.

У утки широкая голова съ широкимъ носомъ; шея довольно длинная, изогнутая; туловище овальное, тяжелое; широкій хвостъ, короткія крылья и двѣ желтоватыя ноги съ тремя пальцами напереди, соединенными перепонкою, и однимъ маленькимъ позади. Эта перепонка показываетъ, что утка принадлежитъ къ числу плавающихъ или водяныхъ птицъ: ногами своими утка загребаетъ воду, какъ вес-

лами. Перья утокъ по цвѣту бываютъ очень разнообразны; но бо́льшею частью сѣроватыя, а у дикихъ утокъ совершенно сѣраго цвѣта. Дикія утки живутъ почти постоянно на водѣ и стараются выбирать такія мѣста, гдѣ имъ удобно было бы строить свои гнѣзда. Въ эти гнѣзда онѣ кладутъ по 14 сѣро-зеленоватыхъ яицъ, изъ которыхъ недѣли черезъ три выходятъ утята.

Какъ только утята выйдутъ на свѣтъ Божій, такъ мать и ведетъ ихъ тотчасъ же на воду плавать; но этимъ хлопоты матери не прекращаются и долго еще должна она охранять своихъ слабыхъ утятъ отъ хищныхъ птицъ и человѣка.

«Утка самая горячая мать», говоритъ одинъ опытный охотникъ: «когда собака или человѣкъ спугнетъ ее съ гнѣзда, для чего надобно почти наступить на него, то она притворяется какою то хворою или неумѣющею летать; трясется на одномъ мѣстѣ, безпрестанно падаетъ, такъ что, кажется стоитъ только погнаться за нею, чтобы ее поймать. Рѣдкая собака не поддастся обману и не погонится за ней; обыкновенно утка сводитъ собаку за версту и болѣе; но охотнику хорошо извѣстно, что́ значатъ такія продѣлки и, несмотря на то, онъ часто, по непростительной жадности, позабывъ о томъ, что утка летитъ такъ плохо отъ яицъ, т. е. отъ гнѣзда, что съ нею гибнетъ цѣлая выводка, сейчасъ ее убиваетъ, если не помѣшаетъ близкое преслѣдованіе собаки, у которой она иногда *виситъ надъ рыломъ*, какъ говорится. Впрочемъ утка, отведя собаку въ сторону, скоро воротится назадъ, налетитъ на охотника и все же будетъ убита. Еще бо́льшую горячность показываетъ утка къ своимъ утятамъ, если когда нибудь застанетъ ее человѣкъ плавающую съ своей выводкой на открытой водѣ: утята, съ жалобнымъ пискомъ, какъ будто приподнявшись надъ водою, точно бѣгутъ по ней,—бросаются стремглавъ къ ближайшему камышу и проворно прячутся въ немъ, даже ныряютъ, если пространство велико; а матка, шлепая по водѣ крыльями и оглашая воздухъ особеннымъ тревожнымъ крикомъ, начнетъ кружиться предъ человѣкомъ, привлекая все его вниманіе на себя и отводя въ противоположную сторону отъ дѣтей».

«Утка самая прожорливая птица. Она ѣстъ съ утра до поздней ночи, ѣстъ все, что́ ни попало: щиплетъ растущую по берегамъ молодую гусиную травку, жретъ немилосердо водяной мохъ или шелкъ, зелень, цвѣтъ и всѣ водяныя растенія; жадно глотаетъ мелкую рыбешку, рачатъ, лягушатъ и всякихъ водяныхъ, воздушныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ; за недостаткомъ же всего этого набиваетъ полонъ зобъ ти-

ной и жидкой грязью, и производитъ эту операцію нѣсколько разъ въ день. Дворовыя же утки охотно ѣдятъ и всякую мясную пищу. Такому постоянному апетиту отвѣчаетъ и пищевареніе; съ необыкновенною скоростію изныкаетъ и разлагается въ ея зобѣ всякая пища. Очевидно, что пищеварительный сокъ у нея долженъ быть очень остръ и горячъ.»

Дикія утки прилетаютъ къ намъ весною и всю весну и лѣто они живутъ парами, но къ осени собираются въ большія стада, а при наступленіи зимы улетаютъ въ теплые края, гдѣ воды не замерзаютъ.

ГОЛУБИ И КУРЫ.

Голубь и курица птицы и притомъ домашнія птицы: у нихъ, вмѣсто рта и носа, клювъ; вмѣсто переднихъ конечностей — крылья; тѣло покрыто перьями; дѣтеныши ихъ выходятъ изъ яицъ. Но если мы всмотримся попристальнѣе, то увидимъ, что между голубемъ и курицей, несмотря на общіе имъ признаки птицы, есть большое различіе.

Голубь выходитъ изъ яйца слабымъ, голымъ, слѣпымъ и нетолько не можетъ самъ себѣ отыскивать пищи, но даже не можетъ ѣсть той, которою питаются его родители и которою онъ будетъ питаться самъ, когда оперится и выростетъ. Голубка долгое время должна собственнымъ тѣломъ согрѣвать обнаженное тѣльце птенца; нетолько приноситъ ему въ гнѣздо пищу, но даже размягчать ее прежде въ своемъ собственномъ зобу въ мягкую кашицу, которою потомъ уже она питаетъ своихъ безперыхъ крошекъ. Совершенно не такъ появляется на свѣтъ цыплёнокъ. Онъ тоже выходитъ изъ яйца, которое долго согрѣвала своимъ тѣломъ курица; но выходитъ уже зрячій, покрытый мягкимъ теплымъ пухомъ и съ такими крѣпкими ногами, что, какъ только выйдетъ, такъ и начинаетъ бѣгать самъ; самъ, съ небольшою помощію матери, ищетъ онъ себѣ пищи, находитъ и клюетъ зерна, крошки хлѣба и маленькихъ насѣкомыхъ въ первый же день своего появленія на свѣтъ. Цыпленокъ не знаетъ гнѣзда и если ему надобно спрятаться отъ непогоды или отъ коршуна, то онъ прячется подъ крыло матери.

Наблюдая, какъ выходятъ изъ яицъ другія птицы, мы увидимъ, что однѣ изъ нихъ похожи въ этомъ отношеніи на голубей, другія на куръ. Такъ индейки, гуси, утки, журавли, аисты и множество другихъ появляются на свѣтъ точно такъ же, какъ цыплята; а канарейки, соловьи, чи-

жи, малиновки, вороны, орлы, ястреба и множество другихъ выходятъ изъ яицъ обнаженными и безпомощными, какъ голуби; долго лежатъ въ гнѣздѣ и долго не могутъ сами себѣ добывать кормъ. Тѣ птицы, которыя выходятъ изъ яицъ и, не зная гнѣзда, тотчасъ же начинаютъ бѣгать, плавать (напр. утята), называются *выводковыми;* тѣ же, которыя выходятъ на свѣтъ безъ перьевъ и пуху, слабыми и безпомощными, долго лежатъ въ гнѣздѣ и долго не могутъ сами себѣ находить пищу, называются *птенцовыми.* Весь многочисленный классъ птицъ раздѣляется на два эти подкласса: птенцовыхъ и выводковыхъ.

Но этимъ еще не ограничивается различіе между голубемъ и курицею. Какъ только выростутъ и укрѣпятся молоденькіе голуби, такъ и начинаютъ они летать высоко въ воздухѣ. Острыя и длинныя крылья даютъ имъ возможность легкаго и быстраго полета. Уставая, они рѣдко садятся на землю, развѣ замѣтятъ гдѣ нибудь разсыпанныя зерна пшеницы или овса; даже спать садятся они на высокія деревья, выбирая для этого тонкія вѣтви, которыя могли бы они обхватить гибкими пальцами; гнѣзда свои вьютъ подъ крышами высокихъ зданій или на высокихъ деревьяхъ; домашнія—въ высокихъ голубятняхъ. Куры кладутъ свои яица на землѣ, по большей части въ ямкахъ, вырытыхъ въ землѣ, или въ гнѣздахъ, устроенныхъ кое какъ, весьма не искусно. Родившись на землѣ, курица почти никогда ее не покидаетъ. У курицы круглыя, короткія крылья, вовсе неспособныя къ легкому, высокому и быстрому полету. Она много-что можетъ перелетѣть черезъ заборъ или взлетѣть на крышу сарая, и то летитъ съ трудомъ, шумно, неловко. Спитъ она, или сидя на землѣ, или же взмостившись на жердь, на которой долго старается усѣсться, соблюдая равновѣсіе; но никогда не сядетъ она на тонкую вѣтку, потому что пальцы ея недостаточно гнутся для этого. Воздухъ—родной элементъ для голубя, въ которомъ онъ рѣетъ свободно и легко; земля—для курицы, которой она почти никогда не покидаетъ. Голубя можно назвать *воздушною, летающею* птицею; курицу—*земною, бѣгающею;* точно такъ же, какъ утку и гуся *водяными—плавающими.* Впрочемъ, не всѣ выводковыя птицы летаютъ такъ плохо, какъ куры; дикіе гуси, дикія утки, журавли, аисты и множество другихъ выводковыхъ птицъ перелетаютъ за многія тысячи верстъ и подымаются такъ высоко, что кажутся въ небѣ маленькими, движущимися точками.

Голуби кормятся только зернами и пьютъ воду, всасывая её: куры также клюютъ зерно; но кромѣ того клюютъ червей и насѣкомыхъ, которыхъ онѣ вырываютъ изъ земли своими крѣпкими лапами и ло-

латкообразными когтями; пьютъ онѣ, зачерпывая воду носикомъ. Голуби живутъ всегда парами, кладутъ дважды въ годъ по 2 яичка (домашніе иногда по пяти разъ въ годъ); на яицахъ сидятъ, какъ самки, такъ и самцы попеременно. Куры большею частію живутъ стаями и яицъ кладутъ много, о которыхъ пѣтухъ вовсе не заботится. Голуби, исключая домашнихъ, принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ и прилетаютъ къ намъ весною изъ теплыхъ странъ; куры, какъ извѣстно, не летаютъ никуда. Но тогда какъ курицѣ все равно, гдѣ бы не жить, домашній голубь сильно привыкаетъ къ той крышѣ, подъ которой родился и выросъ. На этомъ послѣднемъ свойствѣ голубей основана возможность голубиныхъ почтъ: завезутъ голубя за 500, за 1000 верстъ и болѣе, и когда понадобится дать вѣсточку домой, то только привяжутъ ему къ шейкѣ или къ ножкѣ записку и выпустятъ на волю; голубокъ уже навѣрно прилетитъ и съ запиской въ свое родимое гнѣздо.

Нетолько по образу жизни, но и по устройству тѣла, отъ котораго зависитъ и самый образъ жизни, голуби и куры много различаются. У голубя клювъ прямой; на верхней челюсти двѣ выпуклости, изъ которыхъ та, что поближе къ головѣ, покрыта мягкою кожицею, и въ ней носовыя отверстія, закрытыя хрящеватою чешуйкою; края верхней челюсти не заходятъ за нижнюю: у куръ клювъ нѣсколько короче, верхняя челюсть длиннѣе и края ея заходятъ за нижнюю; весь клювъ и крышечки, закрывающія ноздри, тверды. У голубей вся головка всегда густо покрыта перьями; у куръ, напротивъ, перья на головѣ бываютъ часто рѣдки, оставляютъ прогалины, на которыхъ мы замѣчаемъ наросты то красноватаго, то желтоватаго цвѣта. Иногда эти кожистые наросты бываютъ очень велики и различныхъ формъ: такъ напр. у простаго пѣтуха они являются въ видѣ гребешка; у индейскаго пѣтуха (который также принадлежитъ къ куриной породѣ) въ видѣ длиннаго, краснаго, болтающагося носа. Эти наросты у иныхъ куриныхъ породъ бываютъ и на щекахъ, и на шеѣ. О различіи въ крыльяхъ мы уже говорили; но и по хвосту голубь и курица не похожи другъ на друга. У голубя хвостъ всегда прямой и довольно короткій; у куръ, смотря по различію породы, хвостъ устроенъ очень различно: то торчитъ кверху метелкой, то щиткомъ, то въ видѣ серпа, то въ видѣ красиваго вѣера, который можетъ распускаться и собираться, какъ напр. у индейскаго пѣтуха и павлина (индейскій пѣтухъ и павлинъ разные роды одного и того же отдѣла куриныхъ). Ноги у голубя не вполнѣ годны для ходьбы,

хотя голуби тоже могутъ ходить, а не прыгаютъ, какъ напр. воробьи и вороны; но шагъ голубиный коротокъ и на землѣ голубь скоро утомляется. Четыре его пальца всѣ расположены на одинаковой высотѣ, совершенно свободны, т. е. не соединены между собою никакою перепонкою, и такъ гибки, что могутъ захватывать (три пальца напередъ и одинъ назадъ) самую тоненькую вѣтку; когти слабы. У курицы также двѣ ноги и по четыре пальца на каждой ногѣ; но шагъ у нея широкій, спокойный, твердый; нога длинна, мускулиста, вся одѣта жесткою кожею; пальцевъ у курицы на каждой ногѣ также по четыре; задній палецъ расположенъ нѣсколько выше переднихъ, такъ что только когтемъ достаетъ до земли, а три передніе пальца при основаніи соединены крѣпкой перепонкой; на концахъ пальцевъ ногти крѣпкіе, широкіе, въ видѣ лопаточекъ, словомъ, приспособленные къ тому, чтобы разрывать ими землю и отыскивать зерна и насѣкомыхъ, но обнять ими тоненькой вѣтки курица не можетъ. У пѣтуховъ на заднихъ пальцахъ бываютъ довольно длинные и крѣпкіе отростки, называемые шпорами.

Куриныхъ породъ, и дикихъ, и домашнихъ, очень много. Къ куриному отряду птицъ принадлежатъ: обыкновенныя куры, индейскія куры, павлины, цесарскія куры, а также фазаны, куропатки, тетерева, рябчики и др.

Голуби тоже очень разнообразны; но далеко не такъ, какъ куры. Они бо́льшею частію различаются величиною, расположеніемъ и цвѣтомъ перьевъ, образомъ жизни и полетомъ; но такихъ рѣзкихъ отличій, какъ между куриными породами, между голубями нѣтъ. Весь отдѣлъ куриныхъ породъ принадлежитъ къ *выводковымъ*; отрядъ голубей принадлежитъ къ *птенцовымъ*.

СОЛОВЕЙ.

Соловей прекрасная пѣвчая птичка, прилетающая къ намъ только на лѣто, носитъ очень простую сѣренькую одежду, по которой никакъ нельзя узнать, какіе богатые таланты скрываются въ этомъ маленькомъ созданіи. Онъ любитъ гнѣздиться въ густыхъ кустарникахъ, поближе къ водѣ, особенно въ кустахъ крыжовника и боярышника. Соловьи поютъ обыкновенно по утрамъ рано и по вечерамъ, а иногда и во всю ночь, особенно вскорѣ по возвращеніи изъ своего путешествія. Питаются они маленькими жучками и личинками насѣкомыхъ,

которыхъ отыскиваютъ въ землѣ. Чтобы поближе и чаще слушать соловьевъ, люди ловятъ ихъ и запираютъ въ клѣтки; но этотъ дурной обычай должно бы вовсе искоренить, потому что отъ него во многихъ мѣстахъ соловьи совершенно исчезли. Вблизи жилья опасными врагами соловьевъ являются кошки. Бѣдные маленькіе пѣвцы сидятъ обыкновенно очень невысоко и когда поютъ, то закрываютъ глаза, какъ будто наслаждаясь сами собственною пѣснею; а потому ловить ихъ очень удобно. Совы также обижаютъ соловьевъ; а глупые мальчишки часто раззоряютъ соловьиныя гнѣзда.

Соловей очень похожъ на воробья, только онъ потоньше и вся небольшая фигурка его стройнѣе и благороднѣе; точно также похожа на воробья и канарейка, только цвѣтъ ея перышекъ не тотъ: вотъ почему и канарейку и соловья естествоиспытатели относятъ къ одному отряду птицъ, *воробьиному*. Этотъ отрядъ очень многочисленъ и къ нему причисляются почти всѣ мелкія пташки, пѣнье, чириканье и свистъ которыхъ наполняетъ наши лѣса: жаворонки, коноплянки, чижики, подорожники, ласточки, дрозды, синицы и даже вороны, хотя они, какъ кажется, вовсе не похожи на воробьевъ. Многочисленный воробьиный отрядъ птицъ подраздѣляется на множество семействъ: воробьиныя *дроздовыя*, воробьиныя *вороновыя* и т. д.; но мы ихъ перечислять не будемъ.

АИСТЪ.

Кто бывалъ на югѣ Россіи, тотъ вѣроятно видалъ не разъ длинноносаго, длинноногаго аиста, вытягивающаго свою длинную шею гдѣ нибудь на крышѣ дома или бродящаго по полямъ и глотающаго лягушекъ десятками. Въ вышину аистъ достигаетъ до полутора аршинъ; довольно большая голова его украшена длиннымъ, острымъ, твердымъ носомъ краснаго цвѣта; за то хвостъ очень коротокъ; яйцевидное туловище аиста поддерживается двумя длинными, красными, *голыми* ногами, почему аиста и причисляютъ къ отряду птицъ *голенастыхъ*, къ которымъ принадлежатъ также: журавль, цапля, дрохва и др. По особенному устройству ногъ аистъ можетъ простаивать цѣлые часы на одной ногѣ, и въ такомъ положеніи его чаще всего можно видѣть на крышахъ домовъ и овиновъ.

Цвѣтъ перьевъ аиста бѣлый, но въ крыльяхъ у него есть и черныя перья. Есть также и черный аистъ, но тотъ дикъ и живетъ въ уединенныхъ мѣстахъ, тогда какъ бѣлый рѣдко совьетъ себѣ гнѣздо гдѣ-нибудь на деревѣ и всегда почти старается примоститься поближе къ жилищу человѣка. Шея у аиста длинная, гибкая, покрытая бѣлыми перышками, которыя тамъ, гдѣ шея сходится съ туловищемъ, очень длинны, такъ что вѣтеръ часто развѣваетъ на аистѣ эту пушистую пелеринку.

Если аистъ не высовываетъ своей головы изъ гнѣзда или не стоитъ у него на часахъ на одной ногѣ, то вѣрно бродитъ гдѣ-нибудь по мокрымъ лугамъ или болотамъ, подымая высоко одну ногу за другою съ величайшею важностію и осторожностію. Когда аисту вздумается полетѣть, то онъ сдѣлаетъ сначала нѣсколько прыжковъ. Ранней весною и осенью аистъ часто кружится высоко въ воздухѣ. Голоса аистъ собственно не имѣетъ, но только трещитъ своимъ длиннымъ носомъ, выражая этимъ звукомъ гнѣвъ, радость и горе.

Взглянувъ на длинныя, голыя и крѣпкія ноги аиста, можно уже догадаться, что ему суждено бродить по мокрымъ лугамъ и болотамъ; а такая же длинная шея и длинный, острый, крѣпкій носъ говорятъ, что аисту приходится вытаскивать свою пищу изъ воды и земли. Сдѣлавъ такія замѣчанія, мы не ошибемся: аистъ дѣйствительно принадлежитъ къ породѣ птицъ болотныхъ; питается онъ только животною пищею; глотаетъ десятками лягушекъ, изъ которыхъ иная еще долго бьется, проходя сквозь длинное горло аиста, — змѣй, ящерицъ, кротовъ, мышей, жуковъ, но также иногда и маленькихъ птичекъ, которыхъ поглощаетъ цѣликомъ и съ перьями, даже не ощипывая ихъ, какъ дѣлаютъ это птицы, принадлежащія къ породѣ хищныхъ. Аистъ часто таскаетъ цыплятъ, маленькихъ уточекъ и гусятъ, и въ гнѣздѣ его нерѣдко находятъ такія вещи, которыя ему уже вовсе не нужны, какъ напр. куски полотна, платки или рубашки. Но, несмотря на такія воровскія наклонности, аиста всѣ любятъ: онъ какъ-то сдружается съ тѣмъ домомъ, на которомъ совьетъ свое гнѣздо, и хозяева думаютъ, что онъ приноситъ имъ счастіе и предохраняетъ домъ отъ пожаровъ. Этотъ послѣдній предразсудокъ зависитъ вѣроятно оттого, что аистъ дѣйствительно очень чутокъ и, помѣщая свое гнѣздо возлѣ трубы, можетъ легко услышать дымъ раньше, чѣмъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ много ядовитыхъ змѣй, аистъ дѣйствительно оказываетъ людямъ важную услугу, истребляя вредныхъ гадовъ тысячами: онъ ловко схватываетъ змѣю за шею и, нисколько не страшась ея ядовитыхъ зубовъ, пропускаетъ ее въ свое длинное горло.

Аисты принадлежатъ къ числу перелётныхъ птицъ. Ранней весною появляются они въ умѣренныхъ странахъ Европы и проводятъ тамъ цѣлое лѣто. Осенью улетаютъ въ жаркую Африку, гдѣ зимы никогда не бываетъ, снова выводятъ тамъ дѣтенышей и спокойно проводятъ всю зиму, потому что тамъ ихъ также берегутъ и любятъ. Нельзя не удивляться тому непонятному инстинкту, который вложенъ Творцемъ во всѣхъ перелетныхъ птицъ, а въ томъ числѣ и въ аистовъ. Трудно представить себѣ, какъ аистъ нетолько находитъ себѣ дорогу за тысячи верстъ, но отыскиваетъ именно ту деревню, тотъ домъ и то гнѣздо, въ которомъ жилъ прошлый годъ.

Гнѣзда аистовъ, которыя, какъ мы уже сказали, кладутся большею частію на соломенныхъ крышахъ крестьянскихъ хижинъ, дѣлаются довольно грубо изъ хвороста, кусковъ дерна и соломы. Въ эти гнѣзда самка кладетъ отъ трехъ до пяти бѣлыхъ яицъ; черезъ двадцать одинъ день появляются маленькіе, уже одѣтые пухомъ и зрячіе аисты, которыхъ впрочемъ заботливые родители, хотя и недолго, кормятъ лягушками и мышами. У молодыхъ аистовъ и носъ и ноги сѣраго цвѣта; красными становятся они впослѣдствіи. Почти ежегодно изъ гнѣзда аистовъ выпадаетъ то яйцо, то дѣтенышъ, и крестьяне думаютъ, что аистъ такимъ образомъ расплачивается за квартиру.

Передъ отлетомъ въ южныя страны, аисты собираются большими стаями и суетливо носятся въ воздухѣ. Послѣ такого сборища, оканчивающагося часто дракой, почти всякій разъ находятъ на землѣ нѣсколько мертвыхъ аистовъ: говорятъ, что аисты своими острыми и твердыми носами убиваютъ тѣхъ своихъ товарищей, отъ которыхъ не ожидаютъ, чтобы они могли совершить далекое странствованіе.

КОБЧИКИ И ДРУГІЯ ХИЩНЫЯ ПТИЦЫ.

Кобчикъ—птичка небольшая, да ноготокъ у ней востёръ. Кобчикъ не много болѣе голубя; но съ перваго же взгляда видно, что у него должны быть вовсе не кроткія, голубиныя свойства. И клювъ и когти у кобчика такого рода, что безъ сомнѣнія держатъ въ почтительномъ отдаленіи маленькихъ птичекъ. Клювъ у него короткій, но толстый, крѣпкій, загнутый книзу острымъ крючкомъ. Небольшія ноги сильны, почти до низу покрыты перьями, а мускулистыя лапы вооружены каждая четырьмя острыми, крючковатыми когтями; три пальца идутъ впередъ, одинъ назадъ; первые суставы пальцевъ короче послѣднихъ;

особенно крѣпки, длинны и остры когти на заднихъ пальцахъ и на среднемъ изъ переднихъ. Этотъ крючковатый носъ и острые крѣпкіе когти созданы для того, чтобы разрывать мускулы животныхъ. Въ самомъ-дѣлѣ, кобчикъ принадлежитъ къ породѣ *хищныхъ* птицъ и питается, похищая и умерщвляя воробьевъ, цыплятъ, гусятъ и другихъ маленькихъ, беззащитныхъ птичекъ.

Кобчики живутъ, какъ и вообще всѣ хищныя птицы, уединенно; летаютъ высоко; остановившись въ воздухѣ и трепеща крыльями, зорко высматриваютъ добычу и стрѣлою спускаются на неё. Гнѣздо свое кобчикъ вьетъ на высокихъ деревьяхъ; самка кладетъ отъ трехъ до шести зеленоватыхъ яичекъ съ сѣрыми крапинками; она кормитъ дѣтенышей остатками своей кровавой пищи, пріучая ихъ смолоду терзать маленькихъ птичекъ. Насѣкомыми кобчики питаются рѣдко, только въ крайней необходимости: мясо позвоночныхъ животныхъ и притомъ животрепещущее, только что растерзанное, самая любимая и почти единственная ихъ пища.

Кривой острый клювъ, кривые, заостренные крѣпкіе когти, широкія, остроконечныя крылья, образъ жизни и пища кобчика составляютъ рѣзкіе признаки, какъ его, такъ и всякой другой хищной птицы. Орелъ, коршунъ, соколъ, ястребъ имѣютъ тѣ же хищные признаки, хотя по величинѣ и по виду своему отличаются отъ кобчика.

Кромѣ дневныхъ хищныхъ птицъ, есть еще ночныя: совы и филины. Острый, крючковатый клювъ, острые, крѣпкіе, крючковатые когти показываютъ, что и совы принадлежатъ къ породѣ хищниковъ; но глаза у нихъ на переди головы, полузакрыты перьями, которыхъ на головѣ у совы весьма много; зрачки большіе и такъ устроены, что сову ослѣпляетъ сильный дневной свѣтъ; за то ночью она раскрываетъ свои круглые глаза во всю величину и видитъ ими отлично. Вотъ почему днемъ совы прячутся въ дуплахъ деревьевъ, въ старыхъ строеніяхъ и только послѣ солнечнаго заката вылетаютъ искать пищи; онѣ тогда ловко ловятъ маленькихъ птичекъ, мышей и вообще мелкихъ животныхъ. Летаютъ совы тихо; крылья у нихъ неспособны къ быстрому полету, мягки, слабо разсѣкаютъ воздухъ; но за то на этихъ мягкихъ крыльяхъ сова неслышимо подкрадывается къ своей добычѣ. Слухъ у совъ очень тонокъ и изъ всѣхъ птицъ только нѣкоторыя породы совъ имѣютъ нѣчто въ родѣ ушной раковины.

Всѣ птицы ненавидятъ сову, и если ей случится какъ-нибудь днемъ выпорхнуть изъ своего гнѣзда, то даже самыя мелкія пташки съ

яростію нападаютъ на неё: онѣ знаютъ, что днемъ сова ничего не видитъ и её можно щипать и клевать безнаказанно.

ЯЩЕРИЦА.

Весною подлѣ старыхъ стѣнъ или земляныхъ валовъ часто удается увидать маленькое животное, отъ шести до восьми дюймовъ въ длину, зеленаго или сѣраго цвѣта, на четырехъ маленькихъ ножкахъ одинаковой величины, съ лапками о пяти пальцахъ, съ узенькой мордочкой, съ хвостомъ, который длиннѣе самого животнаго и волочится по землѣ, словомъ — ящерицу. Но она такъ пуглива и быстра, что не успѣешь разсмотрѣть её хорошенько, какъ она уже юркнула къ себѣ въ норку, вырытую гдѣ-нибудь по близости. Если бы у насъ достало смѣлости взять въ руки это, впрочемъ, совершенно невинное и безвредное животное, то мы увидали бы, что вся кожа ящерицы покрыта тонкими чешуйками; что едва можно различить, гдѣ голова у ней соединяется съ шеей, а шея съ туловищемъ; что голова у ней широка и плоска, рыльце закруглено, челюсти далеко выдаются впередъ, а ротъ хотя разрѣзанъ далеко, но раскрывается не широко. Языкъ у ящерицы, въ видѣ тоненькой вилочки, далеко высовывается наружу; острыхъ зубовъ во рту у ней очень много и они сидятъ нетолько по краямъ, но даже въ серединѣ рта и въ самомъ горлѣ; маленькіе, живые, острые глазки животнаго закрываются тремя вѣками; у ящерицы есть носовыя и ушныя отверстія, шея толстая, туловище же гибкое; хвостъ у ней очень вертлявъ и извивается, какъ змѣйка, по землѣ. Маленькое бѣдное животное такъ некрасиво, такъ, съ одной стороны, напоминаетъ намъ кровожаднаго крокодила, котораго мы видали на картинкахъ; а съ другой, гибкую, извивающуюся, скользскую змѣю; такъ быстро исчезаетъ при малѣйшемъ шумѣ и такъ жадно и ловко кидается на свою добычу, бабочекъ, червей, муравьевъ, мухъ, жуковъ, — что люди невольно заподозрили ея острые, хотя совершенно безвредные зубы въ ядовитости, и часто преслѣдуютъ бѣдняжку то̀ палкой, то̀ камнемъ. Особенно подозрительнымъ кажется, что ея длинный и вертлявый хвостикъ, который часто при самомъ легкомъ ударѣ отскакиваетъ отъ туловища, вертится послѣ этого и оказываетъ признаки жизни до захожденія солнца. Но острые зубки ящерицы, которыми она едва можетъ прокусить кожу человѣка, вовсе не имѣютъ тѣхъ ядовитыхъ пузырьковъ, которые дѣлаютъ столь опаснымъ уку-

шеніе ядовитыхъ змѣй; тонкій же выдвижной, раздвоенный язычокъ ея опасенъ только для бабочекъ и мухъ, потому что помогаетъ насѣкомоядной ящерицѣ ловить ихъ. Въ особенности же непріятно то ощущеніе холода, которое испытываемъ мы, прикасаясь къ кожѣ крокодила, змѣи и маленькой ящерицы; холодъ кожи всѣхъ этихъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу пресмыкающихся, объясняется тѣмъ, что у всѣхъ у нихъ, вслѣдствіе особеннаго устройства легкихъ и сердца, кровь движется медленно и имѣетъ весьма мало теплоты: вотъ почему также ящерицы въ холодныхъ климатахъ на зиму забираются въ глубокія норы и засыпаютъ тамъ до весны. У ящерицы есть еще и то сходство съ крокодиломъ, что оба эти животныя по временамъ линяютъ, т. е. перемѣняютъ свою кожу, сбрасывая ее цѣликомъ или кусками, что ящерица дѣлаетъ очень ловко, пролѣзая между камнями. Сбросивъ старую кожу, подъ которой выросла уже новая, ящерица забирается въ нору и дожидается тамъ, пока новая одежда ея достаточно затвердѣетъ. Ящерица, хотя и не птица, но точно также какъ крокодилъ и змѣя, несетъ яица, изъ которыхъ потомъ выходятъ маленькія животныя.

Разрѣзавъ бѣлое брюшко ящерицы и разсмотрѣвъ ея внутренности, мы найдемъ, что у нея есть также сердце, легкія, желудокъ, мозгъ, жилы и нервы, какъ и у собаки, или у коровы; но все это устроено нѣсколько иначе, сообразно съ ея потребностями и образомъ жизни. Мы найдемъ также, что есть у нея и позвоночный столбъ и по этому признаку должны будемъ отнести ее къ отдѣлу животныхъ позвоночныхъ. Но хотя у нея есть четыре маленькія ножки, однакожъ она тащитъ свое тѣло по землѣ, т. е. *пресмыкается* и во многомъ подходитъ къ безногой змѣѣ, кровожадному крокодилу и тяжелой, неуклюжей черепахѣ. Изъ всѣхъ этихъ пресмыкающихся животныхъ, впрочемъ, вполнѣ пресмыкается только одна змѣя.

Ужъ.

Ужъ хотя и змѣя, но самая невинная змѣя, такая же безвредная, какъ и ящерица. Въ среднихъ и южныхъ мѣстностяхъ Россіи можно встрѣчать ужей очень часто. Они водятся въ сырыхъ мѣстахъ, плотинахъ, въ сараяхъ, овинахъ, подъ полами домовъ и иногда цѣлыми десятками выползаютъ изъ своихъ убѣжищъ погрѣться на

солнышкѣ. Но видъ змѣи, жало, постоянно показывающееся наружу, холодная скользская кожа не внушаютъ довѣрія къ животному.

Разсмотрѣвъ ужа поближе, мы увидимъ, что тѣло его длинно и кругло (въ длину ужъ иногда бываетъ больше аршина), покрыто чешуйками и твердыми щитками, головка сѣро-зеленоватая, спина отливаетъ сталью, на бокахъ и спинѣ много бѣлыхъ и черныхъ пятенъ, а поперегъ шеи идетъ желтоватая полоска, признакъ, отличающій ужа отъ другихъ змѣй, иногда очень на него похожихъ. Голова ужа средней величины, формою похожа на яйцо, нѣсколько приплюснутое сверху, и покрыта чешуйками. Въ мордочкѣ, закругленной спереди, два носовыя отверзтія, идущія въ пасть; глаза безъ вѣкъ; пасть, какъ и у всѣхъ змѣй, раскрывается очень широко, потому что разрѣзъ ея идетъ далеко, а кости черепа подвижны и кожа растягивается. Такая широкая пасть необходима змѣѣ, потому-что она не жуетъ, а глотаетъ свою добычу цѣликомъ; добыча же эта часто бываетъ гораздо болѣе змѣиной головы. Въ пасти ужа мы замѣтимъ четыре ряда острыхъ зубовъ: одинъ рядъ въ верхней челюсти, другой въ нижней, а два по срединѣ неба; всѣ эти зубы остры, неспособны перемалывать и раздавливать пищу, но только хватать добычу и удерживать её. Небольшіе зубы ужа могутъ нанести маленькую ранку; но эта ранка скоро заживаетъ, потому-что у ужа нѣтъ тѣхъ переднихъ большихъ, выдающихся зубовъ, снабженныхъ канальчиками въ серединѣ и ядовитыми пузырьками сверху, которые бываютъ у ядовитыхъ змѣй. Когда ядовитая змѣя вонзитъ свои передніе зубы въ тѣло животнаго, то тѣмъ самымъ придавитъ ядовитые пузырьки и крошечная капля яду, пройдя сквозь канальчики зубовъ, скатится въ ранку и мигомъ отравитъ кровь. Жало же ужа, какъ и жало всякой змѣи, хотя оно-то именно и наводитъ страхъ на людей, въ сущности есть безвредный, вилообразный язычокъ, служащій змѣѣ органомъ осязанія. Этимъ языкомъ змѣя ощупываетъ предметъ, но не можетъ имъ чувствовать вкуса пищи, потому что онъ прячется въ особенное влагалище всякій разъ, какъ пища проходитъ въ глотку животнаго.

Глаза у ужа, какъ у всякой другой змѣи, не имѣютъ вѣкъ; смотрятъ на добычу прямо, неподвижно, не мигая; отчего и родилось мнѣніе о волшебной силѣ змѣиныхъ глазъ. Внѣшнихъ ушей ужъ не имѣетъ; но слышитъ отлично: слѣдовательно мы можемъ заключить, что у него есть внутренній слуховой органъ.

Ногъ у ужа, какъ и у другихъ змѣй, нѣтъ; нѣтъ даже плаватель-

ныхъ перьевъ, которыя мы замѣчаемъ у рыбъ; но тѣмъ не менѣе змѣи движутся и плаваютъ очень быстро. Онѣ ползаютъ на брюхѣ, извиваясь и упираясь изгибами своего тѣла въ тотъ предметъ, по которому ползутъ. Этому способствуетъ особенная сила змѣиныхъ мускуловъ и гибкость позвоночнаго хребта, идущаго по всему тѣлу животнаго и состоящаго у нѣкоторыхъ змѣй изъ трехъ сотъ позвонковъ, тогда какъ у человѣка, какъ мы знаемъ, ихъ всего 33. Отъ этихъ позвонковъ идутъ очень подвижныя ребра, которыя двигаются тѣмъ удобнѣе, что у змѣй нѣтъ грудной кости и всѣ ребра между собою не срастаются. Реберъ этихъ иногда бываетъ до двухъ сотъ паръ.

Ужъ, также какъ и другія змѣи, шипитъ и иногда свиститъ. Кормится онъ лягушками, кротами, мышами, ящерицами, маленькими птичками и другими мелкими животными, которыхъ сначала задушитъ, потомъ обольетъ слюною и наконецъ проглотитъ, не жевавши. Проглотивъ лягушку, напримѣръ, которая вдвое больше его собственной головы, ужъ поневолѣ ложится и лежитъ неподвижно, какъ палка, ожидая пока въ его сильномъ желудкѣ животное переварится. Точно также кормится и огромный удавъ; только тотъ проглатываетъ иногда цѣлаго большаго барана. На зиму ужи забираются въ норы, недоступныя для морозовъ, и лежатъ тамъ неподвижно до весны. Кожу свою мѣняютъ ежегодно разъ пять; когда придетъ время, она лопается сначала на мордѣ, а потомъ ужи сдираютъ ее съ себя, проползая между камнями или въ щели. Журавли, аисты и хищныя птицы ударомъ носа въ голову убиваютъ ужа тотчасъ же, потому что кости, составляющія его черепъ, не совсѣмъ срастаются.

Ужи-самки въ августѣ мѣсяцѣ кладутъ въ кучи листьевъ или дупла деревьевъ отъ двадцати до тридцати небольшихъ яичекъ, которыя, вмѣсто извѣстковой скорлупы, покрыты бѣлою кожею и соединены одно съ другимъ клейкимъ веществомъ. Изъ этихъ яичекъ недѣли черезъ три выходятъ маленькія змѣйки, которыя сначала кормятся червяками и насѣкомыми; а потомъ, когда подростутъ, принимаются за птичекъ, мышей и кротовъ.

ЛЯГУШКА.

Въ большомъ пруду жило вмѣстѣ множество лягушекъ; всю зиму пролежали онѣ въ глубокой тинѣ, безъ пищи, безъ дыханія, окоче-

нелыя, словно мертвыя; имъ снилось солнечное сіяніе, хорошенькія мушки, водяныя кувшинчики и жирные червячки, въ то самое время, когда по гладкой, ледяной поверхности пруда, мальчишки катались наונькахъ. Но вотъ весна постучалась въ ледяную кровлю и она разлетѣлась въ куски. Солнце пригрѣло воду и лягушки проснулись, стали протягивать свои онѣмѣвшіе члены и радостно подыматься къ верху. Вотъ одна уже высунула мордочку изъ воды и квакнула во все горло, за ней другая, третья—и скоро образовался цѣлый хоръ. Всю теплую майскую ночь, съ вечера до утра, кричатъ онѣ безъ устали и два толстые мѣшка, находящіеся по обоимъ сторонамъ шеи у самцовъ, помогаютъ имъ издавать сильные звуки. Теперь веселыя лягушки начинаютъ класть яички, развѣшивая по водянымъ растеніямъ какое-то студенистое вещество, похожее на бѣлокъ: тамъ-и-сямъ въ немъ видны бѣлыя точечки, изъ которыхъ современемъ образуются лягушата. Яички положены, но никто о нихъ не заботится; одно щедрое солнце, катясь по голубому небу, не забываетъ заглянуть и въ тѣнистый уголокъ пруда, заросшій водяными растеніями, гдѣ безъ него маленькія точки никогда бы не сдѣлались лягушками. Подъ вліяніемъ благотворныхъ лучей солнца точечки увеличиваются, а свѣтлая, студенистая масса раздѣляется на части и уменьшается. Вотъ что-то въ ней зашевелилось: это вѣрно молодая лягушка; но какой у нея странный видъ! Круглое, черное тѣльце и длинный широкій хвостъ — вотъ и все животное. Въ тѣлѣ нельзя различить ни головы, ни шеи, ни туловища, ни ногъ, — только глаза и ротъ, да по сторонамъ двѣ нѣжныя кожицы протягиваются въ водѣ: это жабры, которыми дышетъ маленькое твореніе; онѣ состоятъ изъ множества очень искусно устроенныхъ сосудовъ, которые вбираютъ воздухъ, находящійся въ водѣ. Весело смотрѣть, какъ движется молодая лягушечка. У многихъ животныхъ есть хвостъ: лошадь отгоняетъ имъ мухъ, собака выражаетъ хвостомъ своимъ удовольствіе, обезьянамъ хвостъ помогаетъ карабкаться на деревья; но у всѣхъ этихъ тварей, кромѣ хвоста, есть еще другія орудія движенія; у молодой же лягушки хвостъ все: рука, нога и плавательное перо. Посмотрите, какъ ловко управляетъ этимъ хвостомъ и какъ быстро движется съ его помощію скользкій, маленькій *головастикъ:* такъ зовутъ маленькую лягушку. Но пока головастикъ гоняется за червяками и водяными насѣкомыми, у него начинаютъ показываться заднія ноги. Сначала это только два крючка; но, день за днемъ, онѣ увеличиваются и на нихъ появляются пальцы, соединенные плавательной перепонкой. Съ такими ножками лягушкѣ плавать уже гораз-

до удобнѣе и она рѣже становиться добычею жадной щуки. По мѣрѣ того, какъ растутъ у лягушки заднія ноги, жабры ея уходятъ внутрь тѣла.

Когда лягушка научится управлять своими задними ногами и съ помощію ихъ быстро прыгать впередъ, тогда начинаютъ у нея появляться и переднія; а съ ними лягушкѣ уже очень легко и удобно двигаться во всѣ стороны. Вмѣстѣ съ тѣмъ она вообще стала и больше, и сильнѣе, и умнѣе; голова, грудь и брюшко начинаютъ обозначаться ясно. Но чѣмъ больше и ловче становятся ноги, тѣмъ меньше и слабѣе дѣлается хвостъ; а когда ноги совершенно выростутъ, то хвостъ совершенно исчезнетъ. До-сихъ-поръ лягушка могла жить только въ пруду и въ норахъ подъ водою отыскивала себѣ червячковъ; но теперь бóльшая часть этихъ червячковъ уже превратилась въ комаровъ и мухъ, которые летаютъ надъ прудомъ или садятся на траву; лягушкѣ въ водѣ становится плохо, и она начинаетъ посматривать, какъ бы ей выбраться на берегъ. Пока у лягушки были жабры, ей невозможно было оставаться долго внѣ воды: она погибла бы на сушѣ, какъ погибаетъ и всякая рыба; но въ то время, когда ея ножки дѣлались сильнѣе и пріобрѣтали способность прыгать, жабры ея совершенно изчезли и замѣнились легкими, которыми она можетъ и на сушѣ вдыхать воздухъ, какъ и мы съ вами. Теперь выползаетъ лягушка на берегъ, учится прыгать все выше-и-выше и снимать вкусную муху съ голубой незабудки, при чемъ широкій и длинный языкъ, въ видѣ лопаточки, оказываетъ лягушкѣ большую услугу: быстрѣе молніи высовываетъ она его и ловитъ имъ зазѣвавшееся насѣкомое.

Лягушка нетолько отдѣлывается отъ своего хвоста, но также по временамъ и отъ своей кожи, съ тою только разницею, что хвостъ лягушки всасывается въ ея тѣло и мало-по-малу употребляется весь на выдѣлку другихъ ея членовъ, а кожу она сбрасываетъ прочь. Кожа эта такъ тонка, что разостланная на бумагу она едва замѣтна; но найти такую кожицу удается весьма рѣдко, потому-что обыкновенно, какъ только лягушка сброситъ ее, такъ немедленно же и скушаетъ.

Не всѣ лягушки довольствуются искусствомъ прыгать между болотными фіалками и незабудками, водянымъ лютикомъ, осокой и камышемъ; иной захочется взобраться повыше, на кусты и деревья, засѣсть тамъ въ зеленыхъ листьяхъ между птицами и затянуть свою удивительную пѣсню. Вы вѣроятно знаете древесную лягушку, это-

го предсказателя погоды, которую иногда садятъ на лѣсенку въ стаканъ, до половины наполненный водою: въ хорошую погоду взбирается лягушка на верхнія ступеньки, въ дурную спускается на нижнія и въ самую воду. Древесная лягушка очень ловко прыгаетъ съ листка на листокъ и, притаившись на нижней сторонѣ листа, терпѣливо выжидаетъ пеструю муху или красивую бабочку. На каждомъ пальцѣ у древесной лягушки есть пухлая кожица, которою она крѣпко присасывается къ листьямъ и къ гладкой кожѣ деревьевъ. Цвѣтъ древесной лягушки зеленый и такъ подходитъ подъ цвѣтъ листьевъ, что бѣдная муха летаетъ близёхонько, не видя своего врага. Замѣчательно, что эта лягушка мѣняетъ свой цвѣтъ, смотря по цвѣту листьевъ: весною она зеленая, лѣтомъ становится темнѣе, а къ осени совсѣмъ темнѣетъ. Она очень ловко ловитъ мухъ и бабочекъ, придерживаясь одною ногою за листокъ и бросаясь всѣмъ тѣломъ впередъ. Въ питьѣ у нея также нѣтъ недостатка: ея тонкая кожица всасываетъ дождевыя капли и росу.

Такъ изъ ничтожной черной точки выходитъ мало-по-малу рѣзвая лягушка, которая прыгаетъ не только по цвѣтамъ и травѣ, но и по деревьямъ.

Часть жизни своей лягушка проводитъ въ водѣ, а часть на сушѣ; почему ея нельзя причислить ни къ рыбамъ, хотя у нея съ молоду и бываютъ жабры, какъ у рыбъ, ни къ звѣрямъ, ни къ птицамъ: для лягушки и подобныхъ ей существъ, саламандръ, жабъ и др. должно было назначить особый классъ, *земноводныхъ*, которыхъ зовутъ еще *голыми*, потому-что ихъ тонкая кожа не покрыта ни чешуей, ни волосами, ни перьями. У лягушки есть черепъ, позвоночный столбъ, нервы, легкія и сердце; но кровь въ ея жилахъ холодна.

ОКУНЬ.

Вы конечно видали окуня и не только видали, но и кушали, и вѣроятно знаете отчасти, что находится внутри его. Овальное тѣло окуня, очерченное двумя кривыми линіями, заострено съ обѣихъ сторонъ; съ боковъ оно приплюснуто, а снизу нѣсколько болѣе выгнуто, чѣмъ сверху. Когда окунь плыветъ, то мы видимъ только узенькую полоску, т. е. спинку окуня. Онъ весь покрытъ маленькими, круглыми, жесткими, блестящими, зазубренными чешуйками, которыя лежатъ краями

9

одна на другой, какъ черепицы на кровлѣ; каждая чешуйка, взятая отдѣльно, блеститъ, прозрачна, зеленоватаго цвѣта. Въ тѣлѣ окуня мы замѣчаемъ голову, туловище и хвостъ; но не видимъ ни рукъ, ни ногъ, а вмѣсто ихъ *плавательныя* перья, или *плавники*. На треугольной головѣ рыбы замѣчаемъ мы два глаза безъ вѣкъ и двѣ ноздри, которыя имѣютъ только одно внѣшнее отверстіе и не сообщаются съ горломъ, какъ у коровы, лошади и другихъ животныхъ, дышущихъ ртомъ и носомъ. Ушей у окуня не видно вовсе, но слуховой органъ вѣроятно скрытъ въ головѣ; потому что окунь очень хорошо слышитъ. По обѣимъ сторонамъ головы мы видимъ у окуня двѣ твердыя крышечки; а приподнявши одну изъ нихъ, замѣтимъ подъ нею красныя, зубчатыя, бахромистыя *жабры*. Такого органа мы не замѣчали еще ни у одного изъ животныхъ, кромѣ лягушки въ состояніи головастика. Твердыя крышечки, закрывающія жабры, называются *жаберными крышками*. Ротъ окуня очень великъ, сравнительно съ величиною животнаго, и открывается широко; а во рту мы замѣтимъ маленькій языкъ и множество маленькихъ острыхъ зубовъ, расположенныхъ неправильно по всей полости рта; у щуки, напримѣръ, есть зубы даже въ горлѣ.

Верхняя часть туловища окуня называется спинкою, нижняя брюшкомъ; шеи окунь, какъ и всякая другая рыба, не имѣетъ. Переднюю часть туловища называютъ иногда грудью. У окуня восемь плавниковъ, или плавательныхъ перьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма яркаго краснаго цвѣта. На спинѣ мы видимъ два плавника, одинъ за другимъ: передній натянутъ на колючихъ косточкахъ, которыя окунь подымаетъ, когда его вытащатъ изъ воды, какъ будто стараясь защититься ими. На хвостѣ мы видимъ также два плавника, *хвостовые*, соединенные въ одинъ хвостъ. Возлѣ нихъ, снизу, расположенъ еще плавникъ, называемый *подхвостнымъ*; на брюхѣ еще одинъ; наконецъ, такъ-называемые *грудные* плавники расположены около жабръ. Плавники служатъ рыбѣ для того, чтобы она могла двигаться въ водѣ, идти впередъ, поворачивать въ сторону, подыматься вверхъ и опускаться внизъ; это очень мудро-придуманныя весла для плавающаго животнаго.

Когда вы ѣли окуня, то вѣроятно замѣтили, что вамъ приходилось отдѣлять отъ костей бѣлое вкусное мясо, въ которомъ замѣтны полоски красноватаго жира. Въ головѣ вы видѣли нѣсколько большихъ черепныхъ костей, съ которыми соединенъ позвоночный столбъ, идущій во всю длину рыбы. Отъ столба, по обѣ сто-

роны, идутъ острыя ребра, куски которыхъ могутъ, если рыбу ѣсть неосторожно, воткнуться въ горло и надѣлать большой бѣды.

Когда чистятъ окуня, то изъ него вытекаетъ небольшое количество холодной, красноватой крови. Жабры служатъ окуню для дыханія. Окунь, какъ и всякое другое животное, дышетъ также воздухомъ; но только тѣмъ воздухомъ, который находится въ водѣ. Дыханіе это совершается такъ: окунь, плавая, раскрываетъ ротъ и набираетъ въ него воды; потомъ пропускаетъ эту воду черезъ особенное отверзстіе въ жабры, а изъ жабръ она опять выливается вонъ. Жабры— это легкія рыбъ: къ нимъ приливаетъ кровь (вотъ почему они красны) и прикоснувшись къ воздуху, находящемуся въ водѣ, отправляется обратно для питанія тѣла. Когда вы вынете окуня изъ воды, то бѣдная рыбка широко раскрываетъ свой ротикъ, какъ будто ловитъ воздухъ; но ей нуженъ не воздухъ, а вода, безъ которой жабры ея скоро засыхаютъ, дыханіе рыбы прекращается и она издыхаетъ или, какъ говорятъ, засыпаетъ.

Изъ убитаго окуня кухарка вынимаетъ часто пузыри, наполненные воздухомъ, которые помогаютъ рыбѣ плавать и называются *плавательными* пузырями. Рыба по волѣ можетъ наполнять ихъ воздухомъ и выпускать его оттуда: въ первомъ случаѣ она подымается вверхъ, какъ бутылка, которую вы, наполнивъ воздухомъ и заткнувъ пробкою, насильно погрузите въ кадку съ водою; когда же въ плавательномъ пузырѣ воздуха нѣтъ, то рыбѣ легче опуститься на дно.

Иногда въ брюхѣ окуня находятъ икру; разсмотрите ее, и вы увидите, что она вся состоитъ изъ безчисленнаго множества маленькихъ зернышекъ: это все будущіе окуни. Всѣхъ зернышекъ въ окунѣ болѣе 300,000. Окунь кладетъ икру, прикрѣпляя ее слизью къ камню или къ берегу рѣки, и потомъ оставляетъ ее. Часть этой икры съѣдятъ другія рыбы; а часть, подъ вліяніемъ солнца, въ 5 или въ 6 дней превратится въ маленькихъ рыбокъ. Млекопитающія животныя, не исключая тюленя и кита, рождаютъ живыхъ дѣтенышей; птицы кладутъ яица; а рыбы *мечутъ* икру.

Окунь питается червячками, маленькими водяными животными и маленькими рыбками. У окуня можно замѣтить всѣ пять чувствъ. Въ его плоской головкѣ есть немножко смысла, который помогаетъ ему избѣгать враговъ и находить себѣ пищу. Есть у него и сердце, и жилы, въ которыхъ течетъ холодная, красноватая кровь; есть мозгъ въ головѣ и позвоночномъ хребтѣ; есть нервы, мускулы и желудокъ; есть, кромѣ того, плавательные пузыри; вмѣсто легкихъ есть жаб-

ры; есть мускулы, которыми онъ двигаетъ члены своего тѣла; но органовъ голоса у него нѣтъ: окунь — нѣмъ.

СЕЛЬДИ.

Кто не знаетъ сельдей? Кто не пробовалъ этой рыбки, которую съ одинаковымъ удовольствіемъ кушаетъ и богачъ, и бѣднякъ, которая даетъ занятіе многимъ сотнямъ кораблей, многимъ тысячамъ людей? Но что же мы знаемъ о селедкѣ? Что она рыба, что ее солятъ, что у нея тонкія, мягкія косточки, которыми нельзя подавиться—и только; а между тѣмъ это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ рыбокъ и намъ не мѣшаетъ съ нею познакомиться поближе.

Фигуру селедки легко описать: ее длинное, сильно сжатое съ боковъ туловище имѣетъ закругленную спинку и острое брюшко съ зазубринами въ видѣ пилы; все тѣло селедки покрыто твердыми, большими чешуйками; въ длину она имѣетъ до девяти дюймовъ. Спинка у селедки темная съ синимъ отливомъ; остальное тѣло серебристое; на жаберныхъ крышкахъ красныя пятнышки, а плавники сѣраго цвѣта. На головѣ у нея два глаза, прикрытые прозрачной кожицей, и двѣ глухія ноздри, глухія потому, что изъ нихъ нѣтъ выхода въ ротъ. Ротъ смотритъ къ верху; верхнія челюсти широкія, большія; нижнія, маленькія; зубы—и на челюстяхъ, и на языкѣ, и на нёбѣ. Между головою и туловищемъ находятся жаберныя отверстія, закрытыя жаберными крышечками, приподнявъ которыя, мы можемъ видѣть самыя жабры—дыхательный органъ рыбы. Вмѣсто переднихъ ногъ у окуня два грудные плавника, вмѣсто заднихъ—брюшные: эти плавники даютъ рыбамъ возможность двигаться въ водѣ; хвостовой, подхвостный и спинной плавники служатъ селедкѣ вмѣсто руля.

Селёдка не живетъ въ прѣсной водѣ нашихъ рѣкъ и озеръ; она любитъ соленую воду морей и потому называется морскою рыбою. Весною ежегодно оставляетъ она морскія глубины и плыветъ къ берегамъ и устьямъ рѣкъ, чтобы сложить тамъ свою икру, состоящую, какъ мы знаемъ, изъ крошечныхъ яичекъ, изъ которыхъ черезъ нѣсколько времени выходятъ крошечныя селёдочки; этихъ икряныхъ яичекъ въ одной селёдкѣ бываетъ до 70,000. Сложивъ икру, селёдки опять уплываютъ; а на мѣсто ихъ появляются миріады маленькихъ рыбокъ, которыя потомъ также исчезаютъ, уходя, какъ говорятъ одни, въ глубину моря, или на сѣверъ, какъ утверждаютъ другіе; но вообще ту-

да, гдѣ могутъ найти для себя пищу—маленькихъ морскихъ животныхъ. Особенно много приходитъ сельдей икриться къ берегамъ Нѣмецкаго моря, и здѣсь-то прежде всего люди начали ихъ ловить.

Издали еще можно замѣтить, когда плывутъ сельди, преслѣдуемыя акулами и другими хищными морскими рыбами: безчисленныя стаи сельдей покрываютъ собою море верстъ на двадцать въ окружности и плывутъ такимъ густымъ слоемъ, что если бросить въ нихъ копье, то оно не потонетъ. Шумъ отъ плывущихъ сельдей похожъ на шумъ сильнаго дождя. Чешуйки на сельдяхъ сидятъ очень некрѣпко; плывя тѣсною толпою, сельди обтираютъ другъ о друга множество такихъ чешуекъ и, кромѣ того, теряютъ по дорогѣ бездну икры, такъ что море кажется мутнымъ; а сильный запахъ, издаваемый сельдями, и особенный свѣтъ, распространяющійся отъ нихъ ночью на поверхности моря, указываютъ рыбакамъ на легкую добычу.

Сельдей начали уже ловить давно, лѣтъ 700 тому назадъ; но сначала эта ловля не приносила большой пользы, потому-что вынутая изъ воды селёдка тотчасъ же засыпаетъ и начинаетъ портиться. Въ 1416 году голландскій рыбакъ Вильгельмъ Бюкель изобрѣлъ способъ солить сельдей, такъ что теперь ихъ можно сохранять въ прокъ цѣлые годы и развозить въ самыя отдаленныя страны. Съ этихъ поръ многія тысячи людей занялись сельдяною ловлею, и изобрѣтеніе Бюкеля обогатило Голландію. Вотъ почему голландцы поставили Бюкелю памятникъ.

Ловятъ сельдей огромными сѣтями; къ одной сторонѣ этихъ сѣтей привязываются камни, къ другой—пустыя бочки, и сѣть, опущенная въ море, стоитъ какъ стѣна. Сѣти для этой ловли плетутся иногда изъ пеньки, но чаще изъ грубаго шелка, который крѣпче пеньки. Въ сѣтяхъ сельди запутываются жабрами и при хорошемъ счастіи можно вытащить за одинъ разъ отъ 100 до 140 тысячъ селедокъ. Въ тотъ же день ихъ солятъ въ бочкахъ или коптятъ въ дыму. Одни голландскіе рыбаки привозятъ домой ежегодно до четырехъ сотъ милліоновъ сельдей. Въ Россіи также ловятъ сельдей по берегамъ Бѣлаго Каспійскаго и Чернаго морей; но эти сельди хуже голландскихъ.

ХРУЩЪ ИЛИ МАЙСКОЙ ЖУКЪ.

Это маленькое насѣкомое очень хорошо знакомо каждому изъ насъ; но, разсмотрѣвъ его поближе и повнимательнѣе, мы откроемъ въ немъ много любопытнаго, чего прежде не замѣчали.

Небольшое тѣло хруща весьма замѣтно раздѣляется на три части: голову, туловище и члены; головка у него очень небольшая и весьма мало подвижная; на ней мы замѣтимъ два большіе блестящіе глаза и ротъ, состоящій изъ шести частей, называемыхъ *жвалами*, которыя имѣютъ способность двигаться изъ стороны въ сторону и зубцами своими перетираютъ пищу; такого сложнаго рта мы не видѣли еще ни у одного животнаго. На головѣ хруща замѣтимъ мы еще два маленькіе члена въ родѣ двухъ тоненькихъ усиковъ, утолщающихся къ концу и усаженныхъ роговыми пластинками; усики эти называются *щупальцами*: ими хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, ощупываетъ предметы, къ которымъ прикасается. Туловище хруща начинается тотчасъ за головою и оканчивается назади остріемъ; въ туловищѣ можно различить переднюю часть, или грудь, и заднюю, или брюшко. Сверху нельзя замѣтить, гдѣ оканчивается грудь и гдѣ начинается брюшко; но снизу это очень хорошо видно. Грудь состоитъ изъ трехъ колецъ неодинаковой величины. Первое и ближайшее къ головѣ, сравнительно съ другими, очень велико: если смотрѣть сверху, то кажется, что оно одно образуетъ всю грудь; оно, какъ и вся грудь, покрыто волосами. Второе, очень маленькое колечко, выходитъ наверху между крыльями сердцевиднымъ щиткомъ. Третьяго кольца сверху совершенно не видно, но внизу оно довольно широко. Къ каждому изъ этихъ грудныхъ колецъ прикрѣплено по парѣ ногъ. Брюшко хруща, котораго сверху за крыльями почти совершенно не видать, состоитъ тоже изъ шести колецъ чернаго цвѣта; на каждомъ изъ этихъ колецъ по два бѣлыхъ пятнышка; роговидное окончаніе брюшка выходитъ треугольникомъ и имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Всѣ члены хруща прикрѣплены къ груднымъ его кольцамъ попарно и называются ножками; двѣ первыя пары сидятъ близко одна возлѣ другой; заднія, укрѣпленныя на третьемъ кольцѣ груди, отодвинуты нѣсколько далѣе. Каждая ножка состоитъ изъ пяти члениковъ, или *суставцевъ*; послѣдній изъ суставцевъ, соотвѣтствующій лапѣ звѣря, называется лапкою и снабженъ крючковатыми коготками. Эти суставчатыя, членистыя ножки помогаютъ маленькому животному двигаться; а крючковатыя лапки даютъ ему возможность сидѣть крѣпко, уцѣпившись за листокъ дерева или за вѣтку.

Такимъ образомъ мы видимъ, что хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, состоитъ изъ множества отдѣльныхъ члениковъ, или сустав-

цевъ: въ груди три суставца, въ брюшкѣ шесть, въ каждой ножкѣ по пяти, ротъ—изъ шести суставцевъ; даже щупальцы и тѣ не простые, а состоятъ тоже изъ суставцевъ. Вотъ почему хруща причисляютъ къ животнымъ *членистымъ* или *суставчатымъ*, къ которымъ мы причислимъ и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество другихъ животныхъ, если разсмотримъ ихъ хорошенько.

Сверху на спинкѣ хруща мы видимъ два свѣтло-коричневыя, блестящія крыла, жесткія, глянцовитыя, по которымъ вдоль идутъ выпуклыя полоски; но это, собственно, не крылья—трудно было бы летать на такихъ жесткихъ и тяжелыхъ крыльяхъ,—а только крышки для настоящихъ крыльевъ или, какъ ихъ называютъ, *надкрылья*. Когда жукъ собирается летѣть, то онъ подымаетъ эти плоскія роговыя крылья и развертываетъ изъ-подъ нихъ два другія крыла—тонкія, нѣжныя и большія. Эти послѣднія мягкія крылышки такъ тонки, что почти прозрачны; но тѣмъ не менѣе въ нихъ достаточно силы и крѣпости, чтобы поддерживать на воздухѣ довольно тяжелое тѣло жука. При полетѣ жукъ производитъ своими крыльями особеннаго рода знакомое намъ *жужжанье*; но голоса собственно онъ не имѣетъ.

Хрущъ безопасенъ для людей: онъ не можетъ ни кусаться, ни колоться; но сильно вредитъ деревьямъ и кустамъ, пожирая на нихъ листъ. Самка хруща кладетъ яички въ землю и потомъ вовсе о нихъ не заботится. Изъ яичекъ жука выползаютъ не жуки, но маленькіе, голые червячки бѣлаго цвѣта, вовсе на жука не похожіе, и уже изъ червячковъ, черезъ три года на четвертый, дѣлаются хрущи. Такой переходъ животнаго изъ одной формы въ другую, называется *превращеніемъ* (метаморфозой). Превращеній мы не замѣчали съ вами ни у звѣрей, ни у птицъ, ни у рыбъ, и видѣли нѣчто подобное только у лягушекъ.

Если случайно раздавить жука, то изъ него потечетъ не красная, но бѣлая, жидкая кровь. Костей при этомъ у жука не окажется; а наоборотъ, мы увидимъ, что внѣшняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюхо, не говоря уже о крѣпкихъ роговыхъ крыльяхъ, гораздо тверже и жестче, чѣмъ то, что мы находимъ внутри жука. У звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся мы видѣли кости внутри; а здѣсь, напротивъ, кости замѣняются твердымъ наружнымъ покровомъ и къ этому покрову прикрѣпляются мускулы, дающіе животному возможность двигаться. Замѣтивъ это, мы конечно не будемъ уже искать въ жукѣ ни позво-

ночнаго хребта, ни реберъ, а потому и не причислимъ его къ животнымъ позвоночнымъ. Внутри жука естествоиспытатели нашли желудокъ, сердце и нервы, что даетъ ему возможность, какъ и всякому другому насѣкомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыханія жуковъ также необходимъ воздухъ, какъ и для всего, что живетъ; но дыхательный органъ у жука устроенъ совершенно иначе, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ читали. Это не легкія и не жабры, а маленькія трубочки, находящіяся въ тѣлѣ животнаго, отверзтія которыхъ выходятъ устьицами между кольцами груди и брюха. Въ этихъ трубочкахъ кровь жука соприкасается съ воздухомъ и изъ нихъ уже расходится по всему тѣлу. Органовъ обонянія и слуха у жуковъ не открыли; органы осязанія есть, но не распространены у нихъ по всему тѣлу, покрытому толстою, жесткою кожею, а находятся въ щупальцахъ, которые торчатъ у жука на головѣ и безпрестанно шевелятся.

Если мы встрѣтимъ животное, которое, подобно жуку, состоитъ изъ множества члениковъ, или суставцевъ, то причислимъ его къ обширному отдѣлу животныхъ суставчатыхъ; но если мы встрѣтимъ такое суставчатое животное, у котораго, какъ у жука, три пары ногъ, то мы причислимъ его къ классу *насѣкомыхъ*. Паука, напримѣръ, мы назовемъ животнымъ суставчатымъ; но не можемъ назвать его насѣкомымъ, потому что у него не шесть, а восемь ногъ; не назовемъ мы также насѣкомымъ и сороконожку, хотя смѣло можемъ назвать ее животнымъ суставчатымъ; пчела же и муха, хотя онѣ и мало похожи на жука, должны быть причислены къ насѣкомымъ: онѣ не только состоятъ изъ суставчиковъ, но имѣютъ но шести ногъ.

----◇----

ШЕЛКЪ.

Хорошенькая лента на вашей шляпѣ, красивый пестрый платочекъ, чудесное, блестящее, крѣпкое платье — сдѣланы изъ шелку. Но откуда же берется шелкъ? Изъ чего онъ дѣлается? Вы засмѣетесь, если вамъ сказать, что онъ дѣлается изъ земли, воздуха и воды, и подумаете, что это шутка; но тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Люди конечно не могли бы сдѣлать изъ земли, воздуха и воды шелку; но для природы, дѣйствующей по волѣ Божіей, это возможно.

Маленькое зернышко сидитъ вмѣстѣ съ другими въ мясистой, вкусной ягодкѣ, по формѣ нѣсколько похожей на малину, по цвѣту также темно-красной или бѣлой. Эту ягодку зовутъ *шелковицей* и дерево, на которомъ она растетъ—*шелковичнымъ* деревомъ. На каждой ягодкѣ, какъ и на ягодкѣ малины, множество зернышекъ, и одного изъ этихъ зернышекъ достаточно, чтобы изъ него выросло большое шелковичное дерево. Прилежно сосетъ шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляютъ: земля, вода и воздухъ. И что же оно строитъ изъ этой пищи? Внизъ, подъ землю пускаетъ оно сильные, крѣпкіе корни, вверхъ — стволъ; изъ ствола выгоняетъ сучья, изъ сучьевъ вѣтки, изъ вѣтокъ листья; между листьями появляются маленькіе, незамѣчательные цвѣты, а изъ цвѣтовъ дѣлается снова шелковичная ягода. Но откуда же берется шелкъ?

Для шелка нужно еще другое зернышко или, лучше сказать, другой зародышъ, который почти еще меньше перваго. Щедрый Создатель позаботился сотворить такой зародышъ для дерева, которое сотворилъ для зародыша. Зародышъ этотъ—маленькое яичко, величиною съ булавочную головку; снаружи оно покрыто твердою скорлупою; внутри мягко. Солнце знаетъ уже, что ему дѣлать съ этимъ яичкомъ: оно до тѣхъ поръ грѣетъ его своими теплыми лучами, пока мягкая масса, находящаяся внутри яичка, не превратится въ крошечнаго червячка, который такъ малъ, что даже и въ яичкѣ съ булавочную головку ему достаточно мѣста, чтобы лежать свернувшись. Полежитъ, полежитъ да и соскучится червячокъ: ему захочется выглянуть изъ своей тѣсной келейки на Божій свѣтъ. Но какъ пробить твердую скорлупу? Для этого червячку даны два острые зуба, которыми онъ прогрызаетъ себѣ дыру въ стѣнкахъ своей тюрьмы. Долго трудится онъ, но наконецъ выглядываетъ на Божій свѣтъ; радостно простираетъ на зеленомъ листочкѣ шелковицы свое измятое тѣльце и пьетъ ароматный воздухъ. Но послѣ тяжелой работы у червячка появляется отличный аппетитъ и онъ имѣетъ уже средства удовлетворять ему: на головѣ у него два выпуклые глаза, которыми онъ видитъ пищу; на брюшкѣ шестнадцать ножекъ, шесть впереди и десять сзади, которыми онъ ползетъ къ молодому нѣжному листку, только что развернувшемуся изъ почки. Этотъ листокъ-завтракъ, обѣдъ и ужинъ шелковичнаго червяка; а онъ день и ночь только и дѣлаетъ, что ѣстъ, да пьетъ. Но прилежное деревцо идетъ на перегонки съ обжорливостію червячка, и едва онъ успѣетъ кончить одинъ листъ, какъ, смотришь, возлѣ уже развернулся другой. Наконецъ червякъ до того откормится, до

того растолстѣетъ, что ему становится тѣсно въ его кожѣ; тогда онъ призадумывается, перестаетъ ѣсть и сидитъ неподвижно, блѣднѣетъ и кажется готовится издохнуть; а кожа на немъ дѣйствительно лопается. Повернется червякъ нѣсколько разъ — и скинулъ старое платье, которое сдѣлалось для него слишкомъ тѣсно. Что же, неужели онъ останется голымъ? Какъ бы не такъ! Подъ старой кожей у него давно заготовлена новая, свѣжая — и красивѣе, и шире прежней. Переодѣвшись, опять начинаетъ червячокъ ѣсть безъ-устали и день, и ночь, пока и новая кожа станетъ ему слишкомъ тѣсна: опять переодѣванье и въ третій, и въ четвертый разъ, и каждый разъ новое платье и свѣтлѣе, и шире стараго. Черезъ шесть или семь недѣль изъ крошечнаго червячка, который выползъ изъ яичка величиною въ булавочную головку, выходитъ большая гусеница, величиною въ мизинецъ, которая изъ сока шелковичныхъ листьевъ заготовила внутри себя много матеріалу для будущихъ своихъ работъ. Изъ этого сока приготовляетъ она тонкую, свѣтлую нитку и, прикрѣпивъ ее однимъ концомъ къ вѣточкѣ дерева, начинаетъ дѣлать странныя движенія: вертясь во всѣ стороны, выпускаетъ она изъ нижней губы тонкія нити, которыя навертываетъ вокругъ себя точно такъ, какъ мы навертываемъ клубокъ нитокъ, съ тою только разницею, что мы начинаемъ навертывать клубокъ изъ нутри, а гусеница снаружи, и сначала прядетъ внѣшнія нити, а потомъ внутреннія. Такъ работаетъ гусеница семь или восемь дней и, ни разу не порвавши своей нити, свиваетъ изъ нея порядочный клубокъ бѣлаго, слегка желтоватаго цвѣта, величиною въ маленькое куриное яйцо. Такой клубокъ зовутъ *кокономъ*. Наружный слой кокона состоитъ изъ множества скрѣпленныхъ и склееныхъ между собою нитокъ; но подъ этимъ наружнымъ слоемъ свернута очень правильно тоненькая ниточка, такая длинная, что дитя должно пробѣжать четверть часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червякъ устроиваетъ себѣ маленькую комнатку и, наработавшись въ-волю, лежитъ въ ней усталый и безсильный. Шесть недѣль онъ ѣлъ безъ-устали, четыре раза мѣнялъ свое платье и восемь дней кружился, прялъ и свивалъ тонкія нити: теперь пора ему и отдохнуть. Послѣдній разъ снимаетъ онъ свое рабочее платье. Ему не нужны болѣе его 16-ть ножекъ: ему некуда бѣжать; ему не нужны его глаза: въ комнаткѣ темно и смотрѣть не на что; ему не нужны и зубы, которые изгрызли столько листьевъ, — и вотъ все это, вмѣстѣ съ мохнатой кожей, твердѣетъ и

превращается въ жесткую оболочку куколки, въ которой бывшій червячокъ лежитъ неподвижно, и кажется мертвымъ. Подъ жесткой кожей куколки (такъ зовутъ въ это время умнаго червячка) выработывается нѣчто совершенно новое. Черезъ 14 дней темная, твердая кожа куколки лопается и изъ нея выходитъ—бабочка. Два большіе глаза видны у нея на головкѣ, 4 крыла даютъ ей возможность летать по воздуху, а 6 ногъ пригодятся ей, чтобы садиться на цвѣты. По всему видно, что этому маленькому насѣкомому назначено летать въ солнечныхъ лучахъ и въ тепломъ воздухѣ. Но какъ же ей выйти изъ своей тюрьмы, въ которую она сама себя заперла? Ножки ея слабы и не могутъ разорвать тысячи нитокъ, прежнихъ зубовъ у нея вовсе нѣтъ; нѣжный язычокъ бабочки годится только для того, чтобы пить медъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ; пришлось бы ей погибнуть непремѣнно въ ея твердой тюрьмѣ, еслибы Богъ не далъ ей другаго средства: изъ собственнаго своего сока сплела гусеница коконъ; нѣсколькихъ капель другаго сока, который есть у бабочки, довольно, чтобы проѣсть нитки кокона и открыть ей дверь, черезъ которую она и вылетаетъ на свѣтъ Божій.

Человѣкъ нашелъ возможность воспользоваться трудами шелковичнаго червяка, и только немногимъ бабочкамъ позволяетъ выбраться изъ тюрьмы; потому что диры, которыя онѣ при этомъ дѣлаютъ въ коконѣ, портятъ шелкъ. Нѣкоторымъ только изъ бабочекъ позволяютъ носиться въ воздухѣ за тѣмъ, чтобы онѣ снова могли положить на вѣтви дерева свои яички, изъ которыхъ современемъ образуются полезные червячки. Въ прочихъ коконахъ посредствомъ жара умерщвляютъ куколокъ; потомъ развиваютъ тонкія нити, прядутъ изъ нихъ болѣе толстыя, красятъ ихъ въ самые разнообразные цвѣта и ткутъ прекрасныя шелковыя матеріи, платки и ленты.

Такимъ-то образомъ шелкъ дѣлается изъ сока шелковичной гусеницы; сокъ шелковичной гусеницы—изъ сока шелковичныхъ листьевъ; а сокъ шелковичныхъ листьевъ добываетъ дерево изъ земли, воды и воздуха. Вотъ какъ шелковое платье дѣлается изъ земли, воды и воздуха съ помощію двухъ крошечныхъ зародышей: зернышка шелковичной ягоды, величиною въ небольшую песчинку, и яичка шелковичной бабочки.

Шелковичная бабочка далеко не такъ красива, какъ ея подруги: крылышки ея скромнаго, свѣтлосѣраго цвѣта; но это именно одна ба-

бочка, за которою человѣкъ ухаживаетъ такъ заботливо; онъ строитъ для нея особые дома, отапливаетъ комнаты, садитъ ея любимыя деревья, приготовляетъ ей пищу и даже не разъ подвергалъ за нее свою собственную жизнь опасности.

БАБОЧКА.

Зачѣмъ пестрая бабочка такъ дѣятельно перепархиваетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ и прячетъ свою головку въ душистыя чашки цвѣтовъ? Вѣрно и у нея есть ротикъ, вѣрно и она отыскиваетъ себѣ пищу въ цвѣтахъ. Да, ротъ есть и у бабочки, только очень маленькій; но это потому, что она свою пищу не ѣстъ, а пьетъ длиннымъ *язычкомъ*, который у ней образованъ изъ нижнихъ челюстей, свернутыхъ въ трубочку, такъ что его лучше назвать маленькимъ *хоботкомъ*. Свой хоботокъ бабочка то вытягиваетъ, чтобы добыть себѣ соку изъ цвѣтовой чашечки, то свиваетъ спирально, чтобы ей удобнѣе было летать съ нимъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ хоботокъ, или язычокъ, длиненъ, а у другихъ его вовсе нѣтъ. Но чѣмъ же живутъ эти послѣднія? твердой пищи онѣ жевать не могутъ, а хоботка для всасыванія жидкой у нихъ нѣтъ?—Ничѣмъ! Такія бабочки ничего не ѣдятъ во всю свою жизнь; за то и живутъ только одинъ день и, положивъ яички, умираютъ. На головѣ бабочки мы замѣтимъ щупальцы и два большіе очень сложные глаза, составленные изъ нѣсколькихъ тысячъ маленькихъ глазковъ. На чешуйчатой, нѣсколько поднятой груди бабочки сидятъ два непрозрачныя большія крыла и шесть маленькихъ, длинныхъ, пятисуставчатыхъ ногъ. Тамъ, гдѣ брюшко сходится съ грудью, прикрѣплены еще два заднія крыла. Всѣ четыре крыла бабочки усажены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ разноцвѣтныхъ чешуекъ, похожихъ на блестящую пыль. Если разсмотрѣть эти чешуи въ микроскопъ, то можно видѣть, что онѣ, какъ перышки, однимъ острымъ концемъ сидятъ въ крылѣ, а другимъ, широкимъ, уложены другъ на друга, словно черепицы на кровлѣ. Отъ чешуекъ зависятъ тѣ яркіе цвѣта бабочкиныхъ крыльевъ которыми мы такъ любуемся и онѣ же, замѣняя перья, помогаютъ бабочкѣ летать. Бабочка, у которой по неосторожности мы сотремъ съ крыльевъ эту красивую пыль, почти не можетъ летать.

Какъ по цвѣту, такъ и по величинѣ, бабочки бываютъ очень разнообразны. Живутъ онѣ вообще весьма недолго, нѣкоторыя одинъ день. Яички свои онѣ кладутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣтки, кото-

рыхъ мать никогда не увидитъ, могутъ найти себѣ обильную пищу. Изъ яичекъ бабочки не выходитъ маленькая бабочка, а выползаетъ червячокъ, называемый *личинкою* и *гусеницею*. Тѣло гусеницы состоитъ изъ двѣнадцати колецъ или суставчиковъ, имѣетъ на каждой сторонѣ по девяти дыхательныхъ трубочекъ и не менѣе восьми, не болѣе шестнадцати ножекъ. На треугольной головкѣ гусеницы находятся два большіе глаза, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ шести маленькихъ. Ротъ устроенъ такъ, что гусеница можетъ отлично пожирать листья, траву и плоды, даже платье и мебель.

Гусеница мѣняетъ кожу нѣсколько разъ, потому что она быстро растетъ; а ростетъ быстро потому, что очень много ѣстъ и тѣмъ самымъ приноситъ большой вредъ плодовымъ деревьямъ, садамъ и огородамъ. Когда гусеница выростетъ до настоящей своей величины, то переходитъ она въ состояніе *куколки*. Куколки бываютъ также разнообразны, какъ самыя бабочки. Читая о шелковомъ червякѣ, мы узнали, какъ гусеница дѣлаетъ *коконъ* и лежитъ въ немъ въ видѣ куколки безъ пищи, чувства и движенія, — до тѣхъ поръ, пока не превратится въ бабочку. Тогда новая бабочка выпускаетъ изо рта каплю жидкости, разъѣдающей твердыя стѣнки куколки: коконъ лопнетъ — и новый, крылатый жилецъ воздуха выходитъ на свѣтъ Божій; выйдя, трепещетъ крылышками, расправляетъ ихъ и черезъ нѣсколько часовъ уже свободно порхаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Красивое созданіе бабочка, когда, пройдя всѣ свои превращенія, она сдѣлается наконецъ крылатымъ животнымъ, красивое и безвредное, потому что пьетъ только сокъ цвѣтовъ; но гусеница, та же бабочка, только въ другомъ видѣ, очень прожорлива и наноситъ большой вредъ садамъ, полямъ, лѣсамъ и огородамъ. Хорошо еще, что птицы тысячами истребляютъ яички бабочекъ, а лягушки, ящерицы и другія насѣкомоядныя животныя пожираютъ ихъ самихъ. Моль, которая наноситъ такой страшный вредъ платьямъ и мебели, вредна не тогда, когда летаетъ, но когда ползаетъ въ видѣ маленькихъ, бѣленькихъ червячковъ. Гусеница вообще ѣстъ такъ много, что кожа ея лопается нѣсколько разъ, за то она и наѣдается на всю недолгую жизнь свою въ видѣ бабочки; бабочкѣ же не нужно долго времени, чтобы положить яички, а потомъ ей остается только умереть и засохнуть гдѣ нибудь на цвѣткѣ или на травкѣ.

КОМНАТНЫЯ МУХИ.

Комнатныя мухи очень намъ знакомы: онѣ надоѣдаютъ намъ все лѣто и только зимою оставляютъ насъ въ покоѣ. Мы знаемъ, сколько у мухи крылышекъ, но не знаемъ, какъ замѣчательны ихъ глаза: только въ *микроскопъ* можно разсмотрѣть, что глаза мухи состоятъ изъ множества крошечныхъ глазокъ, которые смотрятъ во всѣ стороны и предостерегаютъ муху отъ опасности. Изо рта у мухи высовывается хоботокъ, которымъ она всасываетъ жидкости. Если ей попадется какая-нибудь твердая пища, напр. сахаръ, то она сначала размягчаетъ его маленькою свѣтлою каплею, которую выпускаетъ изъ хоботка. Тѣло мухи усѣяно безчисленными, едва замѣтными волосками, а крылья чрезвычайно тонки и прозрачны.

Но откуда появляются мухи? Онѣ появляются изъ *куколокъ*, которыхъ обыкновенно не видать, но которыя находятся въ конюшняхъ, хлѣвахъ, тѣнистыхъ и сырыхъ мѣстахъ. Изъ такихъ куколокъ черезъ 14 дней выходитъ маленькая мушка. Но прежде еще куколка бываетъ червячкомъ или, какъ говорятъ, *личинкою*; личинка же выходитъ изъ яичка. Такихъ яичекъ несетъ муха въ четверть часа 90, такъ что изъ одной мухи въ годъ можетъ разродиться нѣсколько милліоновъ мухъ. Бѣда была бы человѣку отъ множества этихъ насѣкомыхъ если бы зимніе холода не убивали бо̀льшей части личинокъ и куколокъ, а куры не выкапывали ихъ изъ сору; если бы ласточки, воробьи и другія маленькія птички не ловили самихъ мухъ тысячами въ воздухѣ, а пауки не заманивали ихъ въ свои невидимыя тенета. Мухи ползаютъ очень хорошо по самымъ гладкимъ предметамъ: по стеклу и фаянсу; онѣ могутъ ползать даже къ верху ногами, потому что у нихъ на лапкахъ есть маленькія подушечки, изъ которыхъ вытекаетъ клейкій сокъ. Этимъ то сокомъ онѣ болѣе всего пачкаютъ мебель, картины и посуду.

ПАУКЪ.

Кого не мучатъ лѣтомъ мухи, комары и мошки! Но есть страны, въ которыхъ эти маленькія, едва примѣтныя животныя просто тиранятъ большихъ животныхъ и даже человѣка. Въ сѣверныхъ странахъ появляются лѣтомъ такія тучи комаровъ, оводовъ и мошекъ, что цѣлыя стада оленей, не зная куда дѣваться отъ нихъ, находятъ одно спасеніе

въ водѣ и часто простаиваютъ цѣлые дни въ рѣкахъ, показывая изъ воды только морду, да рога. Вообще гдѣ много болотъ, тамъ много и комаровъ. Единственное средство избавиться отъ нихъ — это постоянный дымъ. Но что значатъ наши комары передъ москитосами тропическихъ странъ? Въ этихъ роскошныхъ земляхъ, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто, гдѣ деревья покрыты большими, благоухающими цвѣтами, гдѣ миндаль, сахарный тростникъ, кофе и кокосъ растутъ на открытомъ воздухѣ: тамъ, въ тѣни кокосовыхъ пальмъ и деревьевъ мушкатнаго орѣха и корицы, таятся миріады москитосовъ, жала которыхъ наполнены ядомъ, производящимъ несносную боль; тамъ спать, даже въ комнатахъ, невозможно иначе, какъ подъ густою сѣткою, потому-что укушеніе нѣсколькихъ москитосовъ можетъ произвести опасную болѣзнь. Они закусываютъ на смерть коровъ и лошадей, а обезьяны убѣгаютъ отъ нихъ изъ лѣсовъ.

Но къ счастью есть и много птицъ, которыя истребляютъ несносныхъ насѣкомыхъ: ласточки, рѣполовы, воробьи и множество другихъ птицъ уничтожаютъ мухъ и комаровъ тысячами; есть кромѣ того цѣлый разрядъ маленькихъ животныхъ, которыя, кажется, для того и созданы, чтобы истреблять крылатыхъ мучителей: это пауки, породъ которыхъ множество.

Все тѣло и весь образъ жизни паука приспособлены къ его занятію: голова и грудь у него совершенно срослись, но за то круглое, шарообразное брюхо, едва прикрѣпленное къ груди, втрое больше всего остальнаго тѣла. Въ немъ запасаетъ себѣ паукъ пищу на ненастные дни, когда мухи и комары скрываются въ дупла деревьевъ и всякаго рода щели. Такое время постъ для паука; но въ теплую погоду ему раздолье, и онъ ѣстъ очень много: за то онъ можетъ оставаться безъ пищи цѣлые мѣсяцы.

Какъ опытные охотники, пауки стерегутъ свою добычу въ разныхъ мѣстахъ и, смотря по мѣсту, гдѣ производятъ ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущіе свою добычу въ лѣсу, бываютъ обыкновенно зеленаго цвѣта, подъ цвѣтъ листьевъ; тѣ же, которые живутъ на поляхъ или таятся въ углахъ зданій, бываютъ сѣрые, темные, подъ цвѣтъ съ тѣми мѣстами, гдѣ раскидываютъ свои сѣти. Восемь зоркихъ глазъ торчатъ у паука на головѣ и восемь длинныхъ ногъ даютъ ему возможность бѣгать очень скоро. Пауки охотятся самымъ разнообразнымъ образомъ. Многіе изъ нихъ тихо подкрадываются къ комару, который, утомясь отъ ночныхъ подвиговъ, сладко дремлетъ на какомъ нибудь листкѣ. Ему снится,

можетъ быть, какъ онъ летитъ черезъ окошко въ спальню, садится на бѣлое личико ребенка, глубоко запускаетъ въ его тѣло свое острое жало и пьетъ съ наслажденіемъ чистую кровь, — пьетъ, дрожитъ отъ удовольствія, краснѣетъ и пухнетъ.... Но близкое наказаніе ждетъ маленькаго злодѣя! Паукъ подкрадывается осторожно, измѣряетъ глазами разстояніе отдѣляющее его отъ добычи, дѣлаетъ еще нѣсколько неслышныхъ шаговъ... и вдругъ сильный, смѣлый, быстрый прыжокъ: злому комару уже не вырватся изъ цѣпкихъ лапъ паука. Во рту паука два острые зуба; пустые въ серединѣ, они наполняются ядовитою жидкостію и отъ укушенія ихъ острый ядъ проникаетъ въ тѣло насѣкомаго.

Чѣмъ сѣвернѣе страны, тѣмъ меньше въ нихъ роскошныхъ плодовъ, ароматическихъ цвѣтовъ и пестрыхъ птицъ; но за то тѣмъ меньше въ нихъ ядовитыхъ растеній и животныхъ. Гдѣ порхаетъ бриліантовая колибри и зрѣетъ сахарный тростникъ, тамъ таятся въ рѣкахъ и болотахъ крокодилы и змѣи и даже самые комары обладаютъ опаснымъ ядомъ. Наши сѣверные пауки вовсе не опасны, и если многіе ихъ боятся, то развѣ потому, что у маленькаго насѣкомаго такой хищническій видъ. (*) Но зубы (жвалы) паука не опасные для человѣка, очень опасны для мягкаго тѣла мухи, а вытекающій изъ нихъ ядъ быстро умерщвляетъ ее. Впрочемъ для мухъ гораздо опаснѣе тѣ пауки, которые не гоняются за ними, а плетутъ для нихъ хитрую сѣть. Мухи и комары любятъ кучами плясать въ воздухѣ по вечерамъ и пауки, подмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ толкутся крылатыя насѣкомыя, разстилаютъ тамъ свою незамѣтную паутину; но какъ и изъ чего они ее дѣлаютъ?

Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное можетъ выпускать, когда захочетъ. Отверстій, черезъ которыя выходитъ этотъ прядильный сокъ, цѣлыя тысячи въ брюшкѣ паука, и тонкая паутинка, какъ она ни тонка намъ кажется, сплетена изъ множества еще гораздо тончайшихъ паутинокъ. Сокъ, выходя на воздухъ, твердѣетъ и липкая паутина дѣлается достаточно крѣпкою, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутинкѣ паукъ смѣло

(*) Впрочемъ въ нашихъ южныхъ степяхъ живутъ въ земляныхъ норахъ пауки, называемые *тарантулами*, укушеніе которыхъ если не смертельно, то производитъ однако сильную боль и опухоль; но бараны выкапываютъ изъ земли тарантуловъ своими тоненькими ножками, ѣдятъ ихъ и только толстѣютъ отъ этой пищи. Тарантулы такъ боятся барановъ, что никогда не всползутъ на человѣка, одѣтаго въ шерстяное платье, и если пастухъ, ложась спать на землю, постелетъ овчинный тулупъ, то ему нечего бояться тарантула.

спускается съ дерева на землю или съ потолка на полъ и снова подымается вверхъ, легче и ловче всякаго матроса; по такимъ же паутинамъ бѣгаетъ онъ взадъ и впередъ и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно разсмотрѣть ножки паука. Ножекъ у него восемь и на каждой по три лапки: двѣ большихъ и одна маленькая, а на каждой лапкѣ множество зубчиковъ и крючковъ. Такъ-какъ у паука восемь ногъ, то слѣдовательно онъ имѣетъ двадцать четыре лапки; если одна изъ нихъ какъ нибудь и оборвется на скоромъ бѣгу, то двадцать три другихъ готовы поддержать его.

Какъ искусно, какъ правильно устроиваетъ свои сѣти паукъ, и каждая порода по своему! Вотъ самая обыкновенная изъ паутинъ множество паутинокъ, образуя совершенно правильную фигуру, идутъ всё уменьшаясь при приближеніи къ центру; а радіусами въ этомъ искусномъ многоугольникѣ — прямыя, какъ стрѣлки, перекрёстныя паутинки. Въ самомъ же центрѣ засѣдаетъ самъ строитель и хозяинъ и ему слышно малѣйшее движеніе его искусной сѣти. Пауки впрочемъ, при постройкѣ своихъ паутинъ, очень умно приспособляются къ мѣстности и разнообразятъ свою работу, смотря потому, приходится ли имъ разстилать паутину въ углу комнаты, на вѣткѣ или на высокой травѣ. Если въ паутину попадетъ слишкомъ большая муха и паукъ видитъ, что ему съ ней не справиться и что она своими движеніями можетъ перепортить всю его сѣть, то онъ самъ обрываетъ ближайшія нитки, чтобы тѣмъ спасти остальную работу и поскорѣе освободить слишкомъ сильную плѣнницу. Но если паукъ и замѣчаетъ, что муха будетъ ему по силамъ, то онъ все же, какъ опытный охотникъ, не кидается на нее тотчасъ же, а выжидаетъ терпѣливо, пока она своими безпокойными движеніями запутается еще больше въ клейкую паутину и выбьется изъ силъ. Кинься онъ на муху раньше, она, быть-можетъ, собрала бы послѣднія силы и вырвалась или по крайней мѣрѣ въ отчаянной борьбѣ перепортила бы много паутины. Замѣтивъ что муха утомилась, паукъ опутываетъ ее уже самъ еще больше и тогда садится спокойно наслаждаться своею добычею.

Какъ много у насъ пауковъ, мы можемъ судить объ этомъ по множеству паутины, особенно осенью, когда на домахъ и на заборахъ почти всѣ углы затканы ею; въ лѣсу нельзя сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы паутина не попала въ лицо, и даже по полямъ носятся ея длинныя серебристыя нити. На этихъ нитяхъ плаваютъ по воздуху тоже крошечные, черненькіе паучки: эти уже въ воздухѣ преслѣдуютъ

свою добычу. Одни пауки охотятся днемъ, другіе вечеромъ, третьи ночью; одни въ лѣсу, другіе въ кустахъ, третьи въ травѣ; тѣ въ строеніяхъ; тѣ носяся по воздуху,—охотятся и истребляютъ миріады вредныхъ насѣкомыхъ.

Самка паука несетъ яички, изъ которыхъ выходятъ безъ превращеній маленькіе паучата. Мать любитъ нѣжно своихъ дѣтей и защищаетъ ихъ съ опасностію собственной жизни; она опутываетъ свои яички толстою, мягкою паутиною, дѣлаетъ изъ нихъ крошечные клубочки и эти клубочки прикрѣпляетъ къ своему тѣлу. Замѣчено, что пауки, таскающіе съ собою мѣшочки съ яичками, ужасно безпокоятся, когда у нихъ отымутъ хотя одинъ такой мѣшочекъ, и показываютъ признаки величайшей радости, когда получатъ его обратно. Есть порода пауковъ, которая, выкапывая нору въ землѣ, кладетъ въ нее мѣшочки съ яицами; при входѣ въ это жилище паукъ очень искусно устроиваетъ подъемную дверь, которую закрываетъ землею и очень сильно удерживаетъ снизу своею спинкою, когда врагъ хочетъ ее открыть. Такъ-то и въ разбойничей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви.

Пауки, какъ мы уже знаемъ, принадлежатъ къ животнымъ суставчатымъ; но къ насѣкомымъ ихъ причислить нельзя. Пауки имѣютъ столько особенностей и породъ ихъ такое множество, что естествоиспытатели назначили для пауковъ особый классъ между животными суставчатыми.

ДОЖДЕВОЙ ЧЕРВЯКЪ.

Сравнивая дождеваго червя съ орломъ, напримѣръ, мы найдемъ между ними мало сходства, но, тѣмъ не менѣе, дождевой червякъ чувствуетъ, движется, отыскиваетъ себѣ пищу, кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ потомъ другіе черви; слѣдовательно, и дождевой червякъ — животное, только животное низшаго разряда. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей; нѣтъ собственно ни головы, ни туловища, ни членовъ; все его длинное, мягкое, красное тѣло покрыто кожицею и состоитъ болѣе, чѣмъ изъ ста колецъ, изъ которыхъ каждое подвижно. Первое, бо̀льшее кольцо образуетъ верхнюю губу; второе, мѐньшее, вытянутое хоботкомъ, — нижнюю. Настоящихъ ногъ у червя не замѣтно, но на одной сторонѣ колецъ

находятся волоски, сидящіе рядами. Съ помощію этихъ волосковъ передвигается дождевой червь, извиваясь всѣмъ тѣломъ, чему способствуетъ кольцеобразное его строеніе. У большаго дождеваго червя эти ножки-волоски очень замѣтны и если его положить волосками къ верху, то онъ непремѣнно перевернется. Между кольцами червя естествоиспытатели нашли маленькія устьица (отверзтія), которыми червякъ дышетъ и изъ которыхъ онъ выпускаетъ жидкость, увлажающую его тѣло. Костей у дождеваго червя нѣтъ; но желудокъ въ видѣ черной жилки тянется, начиная отъ самаго рта, во всю длину животнаго. Черный цвѣтъ этого желудка зависитъ отъ находящейся въ немъ пищи.

Дождевой червякъ живетъ, какъ извѣстно, въ землѣ, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходитъ онъ только въ теплую, влажную погоду и то ночью, чтобъ запастись влагою и пищею. Если въ такую погоду выйти въ садъ до восхожденія солнца, то можно увидать множество червей; но для этого должно идти очень осторожно, потому что хотя у червей нѣтъ ни глазъ, ни ушей, за то осязаніе у нихъ очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожаютъ множество червей; садовники истребляютъ ихъ также; а рыбаки ловятъ для того, чтобъ насадить на крючокъ. Жирная земля, гніющій кусочекъ растенія, нѣжный корешокъ и листикъ—вотъ что составляетъ пищу дождевыхъ червей; но на поляхъ и лугахъ это ничтожное животное можетъ надѣлать много зла.

Дождевой червякъ не любитъ ни сильныхъ засухъ, ни сильныхъ морозовъ: отъ тѣхъ и другихъ онъ забирается поглубже въ землю, зимою больше, чѣмъ на сажень. Въ водѣ, на солнцѣ и на холодѣ онъ умираетъ; особенно страшна ему соленая вода, которою садовники выживаютъ червей изъ саду. Размножаются дождевые черви яичками; изъ яичекъ червя выползаютъ, безъ всякихъ превращеній, такіе же червяки, только гораздо поменьше, съ меньшимъ числомъ колецъ, которыя приростаютъ потомъ. Замѣчательно еще, что червякъ не умираетъ, если его разрѣзатъ поперегъ, а каждая его часть начинаетъ жить своею особенною жизнью.

Познакомившись съ устройствомъ червяка, мы, хотя и причислимъ его къ животнымъ суставчатымъ, но конечно не причислимъ къ насѣкомымъ, ни его, ни піявки, ни глисты, а сдѣлаемъ для нихъ особый классъ червей, потому что у нихъ не только нѣтъ ногъ, но нѣтъ, собственно говоря, ни головы, ни груди, ни брюшка. Гусеницу

часто зовутъ также червякомъ; но мы знаемъ, что это не червякъ, а только временная форма насѣкомаго.

УЛИТКА.

Въ тѣнистыхъ, сырыхъ садахъ, на валахъ, стѣнахъ и поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Это безвредное животное, но очень занимательно. Если вамъ случится найти его, то возьмите его въ руки и разсмотрите поближе.

Прежде всего кидается въ глаза сдѣланный искусно изъ извести домикъ улитки: та спиральная раковина, которая держится у нея на спинѣ. Съ одной стороны раковина эта завертывается остріемъ, съ другой открывается широко; но какъ только вы взяли въ руку раковину, такъ животное и ушло въ неё: вы видите только, что въ серединѣ лежитъ какое-то мягкое, скользское, студенистое вещество; но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнетъ ёжиться, стараясь спрятаться глубже въ раковину; слѣдовательно—это животное: оно ощущаетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться. Положите же раковину на землю, и отойдя немного въ сторону, дожидайтесь терпѣливо. Животное успокоится и понемногу станетъ выдвигать изъ раковины голову, мягкую, слизистую, но въ которой вы ясно замѣтите четыре такіе же мягкіе отростка, или щупальцы, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки — глаза животнаго. Кромѣ головы животное выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое брюшко, называемое *ногою;* посредствомъ этой ноги улитка ползаетъ и плаваетъ и ею же присасывается она къ деревьямъ, заборамъ, листьямъ капусты, а въ водѣ—къ камнямъ или какимъ-нибудь водянымъ растеніямъ. Самая раковина прикрѣплена къ спинѣ животнаго, на которой въ складкахъ, называемыхъ епанчею, есть органы, отдѣляющіе известковую массу и выдѣлывающіе изъ нея раковину. Острый, верхній зачатокъ раковины родится вмѣстѣ съ животнымъ, когда оно выходитъ изъ яичка; потомъ раковина растетъ по мѣрѣ роста животнаго и принимаетъ спиральную форму потому, что самое животное, выростая, мало-по-малу подвигается далѣе спиралью. Трудно было бы понятъ иначе, какъ такое мало-подвижное животное, какъ улитка (многія породы улитокъ всю жизнь остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ), не об-

ладающее ни лапками, ни ножками, выдѣлываетъ такую крѣпкую, искусную раковину.

Въ улиткѣ нельзя ясно отличить ни головы, ни груди, ни брюха; все животное мягко и способно принимать самыя разнообразныя формы. Вотъ почему улитку причисляютъ къ особому отдѣлу животныхъ, *мягкотѣлыхъ*. Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имѣютъ свойство выдѣлять изъ нея известку для своихъ раковинъ. Множество разнообразныхъ раковинъ, которыя мы находимъ на берегахъ рѣкъ, озеръ и морей, не болѣе, какъ домики *мягкотѣлыхъ* животныхъ. Иногда эти раковины состоятъ изъ двухъ красивенькихъ блюдечекъ, которыя, будучи скрѣплены съ одной стороны, могутъ раскрываться и закрываться съ другой. Такія раковинки называются створчатыми (какъ двери) и въ такихъ раковинахъ живутъ устрицы, которыхъ охотники кушаютъ съ большимъ удовольствіемъ; въ подобныхъ же раковинахъ живутъ и тѣ мягкотѣлыя животныя, которыя производятъ драгоцѣнный жемчугъ.

ИНФУЗОРІИ ИЛИ НАЛИВОЧНЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Много, много мы видимъ животныхъ простыми глазами; но еще болѣе увидимъ мы, вооружившись микроскопомъ—инструментомъ, въ которомъ увеличительныя стекла сложены такъ, что показываютъ предметъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе его настоящей величины. Животныя, которыхъ можно видѣть только въ микроскопъ, называются животными *микроскопическими*. Такихъ животныхъ находятъ преимущественно въ стоячей водѣ, въ болотахъ и канавахъ; но ихъ можно найти и во всякой водѣ, если она только заключаетъ въ себѣ какія нибудь органическія вещества и, сверхъ-того, была подвергнута дѣйствію солнечныхъ лучей; даже въ дождевой и соленой морской водѣ могутъ показаться микроскопическія животныя, если такая вода постоитъ нѣкоторое время на солнцѣ.

Этихъ микроскопическихъ животныхъ называютъ также *инфузоріями* или *наливочными* животными, потому-что они являются въ водѣ всякій разъ, какъ мы *нальемъ* ее на какія нибудь животныя или растительныя вещества, напримѣръ хоть на сѣнную труху, и поставимъ въ тепло. Постоявъ нѣсколько дней, а лѣтомъ, въ жаркое

время, нѣсколько часовъ, вода, налитая такимъ образомъ, обыкновенно затянется тонкою плевою, и тогда, если мы возьмемъ одну каплю такой воды и станемъ наблюдать ее въ микроскопъ, то найдемъ въ ней цѣлый міръ безконечно-малыхъ, безконечно разнообразныхъ живыхъ существъ—инфузорій.

Какою дѣятельностію кипитъ этотъ маленькій міръ! Однѣ изъ инфузорій кружатся на поверхности; другія, столпившись въ кучу, грѣются на солнечномъ лучѣ; третьи то мгновенно разсыпаются въ разныя стороны, то гонятся за какою-нибудь чуть-чуть примѣтною частичкою растенія: стоитъ только чѣмъ-нибудь прикоснуться къ каплѣ воды и всѣ эти живыя крошки стремительно опускаются на дно. Какъ онѣ разнообразны по величинѣ своей и внѣшнему виду! Однѣ представляютъ какую-то студенистую массу, другія совершенно прозрачны; нѣкоторыя покрыты волосами; нѣкоторыя, формой своей напоминающія раковъ или рыбъ, имѣютъ нѣчто въ родѣ плавательныхъ перьевъ, клешней, хвостовъ, лапъ, хоботковъ и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузоріи имѣютъ также различные органы, посредствомъ которыхъ питаются, пожираютъ другъ друга и размножаются. Онѣ также одарены нѣкотораго рода чувствительностію: по крайней мѣрѣ ясно выражаютъ чувство страха и боли. По мѣрѣ того, какъ капля воды, которую мы наблюдаемъ подъ микроскопомъ, высыхаетъ, а лучъ солнца въ то же время начинаетъ пригрѣвать инфузорій сильнѣе, онѣ становятся вялыми, ихъ движенія дѣлаются медленнѣе, онѣ начинаютъ дрожать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ капля высохнетъ совершенно,—умираютъ. Умирая, нѣкоторыя инфузоріи разлагаются мгновенно, такъ, что черезъ нѣсколько секундъ не остается уже ни малѣйшихъ признаковъ ихъ существованія; разложеніе другихъ продолжается долѣе, — нѣсколько дней, даже до недѣли.

Если подумать, что въ такомъ крошечномъ животномъ, которое мы едва видимъ въ микроскопъ, увеличивающій въ нѣсколько тысячъ разъ, есть отдѣльные и притомъ не простые, а сложные органы, есть чувство и даже нѣкотораго рода соображеніе; то удивленіе овладѣваетъ умомъ нашимъ,—удивленіе и благоговѣніе къ Создателю, который творитъ одинаково свободно и въ безграничныхъ пространствахъ, наполненныхъ громадными мірами, между которыми Земля, гдѣ мы живемъ, далеко не самый большой, и въ крошечной инфузоріи, которую, увеличивъ ее въ 20 тысячъ разъ, мы едва видимъ. А сколько же есть еще звѣздъ, недоступныхъ самымъ сильнымъ

телескопамъ нашимъ; сколько есть еще животныхъ, которыхъ мы не можемъ видѣть ни въ какіе микроскопы! Безконечно и безпредѣльно всемогущъ Господь и безграничной мудрости полны дѣла Его.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 1-я.)

«Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки!
Однѣ, какъ изумрудъ, другія, какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть, право, менѣе булавочной головки!»

И. Крыловъ.

Положимъ, что кто-нибудь, чтобы испытать, со вниманіемъ ли читали вы до-сихъ-поръ эту книгу, введетъ васъ въ большую комнату, наполненную множествомъ самыхъ разнообразныхъ предметовъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ: книгами, игрушками, картинками, конфектами, пирожками, фруктами, поддѣльными и живыми цвѣтами, раковинками, гнѣздами птицъ, чучелами животныхъ, моделями строеній, образчиками костюмовъ и оружія разныхъ народовъ и проч. и проч., и скажетъ вамъ: «все это ваше; возьмите и дѣлайте съ нимъ все, что вамъ угодно». Нѣтъ сомнѣнія, вы будете довольны такимъ богатымъ подаркомъ. Но когда осмотритесь вокругъ, когда захотите отыскать ту или другую вещь, и замѣтите, что въ такомъ страшномъ безпорядкѣ, въ какомъ находятся всѣ подаренныя вамъ вещи, очень трудно что-нибудь найти, что вмѣсто книги съ картинками вамъ попадается подъ руку русская грамматика, вмѣсто русской грамматики—ариѳметика, вмѣсто конфекты—раковина, вмѣсто игрушки—курточка или стрѣлы дикаря, то радость ваша сильно поуменьшится. Вы скоро убѣдитесь, что хотя вамъ и подарили всѣ этѣ вещи; но пока онѣ находятся въ такомъ безпорядкѣ, онѣ не вполнѣ ваши: вы не только не можете отыскать того, что вамъ нужно, но даже не знаете, что у васъ есть и чего нѣтъ.

Приходится вамъ самимъ установить порядокъ въ этой грудѣ вещей; но какъ приняться за дѣло, съ чего начать? Подумайте сначала хорошенько, а нето вы провозитесь долго, и ничего не сдѣлаете; долго будете держать иную вещь, не зная, куда ее сунуть. Погодите— я вамъ помогу: отдѣлимъ прежде всего предметы искусственные отъ

предметовъ естественныхъ: книги, пирожное, конфекты, платье, картины, игрушки и т. п. положимъ въ одну сторону; камни, металлы, раковины, цвѣты — въ другую. Но куда же мы дѣнемъ чучелы животныхъ? Я совѣтую вамъ поставить ихъ къ предметамъ естественнымъ, потому что хотя эти чучелы обдѣланы руками человѣка, набиты и прикрѣплены къ подставкамъ, но кожа для этого снята съ животныхъ; кромѣ того живыя животныя могутъ быть только въ звѣринцахъ: въ кунсткамерахъ же и зоологическихъ кабинетахъ они всегда бываютъ въ видѣ чучелъ. Къ естественнымъ предметамъ я совѣтую вамъ отнести также и растенія, хотя они были бы и поддѣльныя; туда же положимъ и картины животныхъ и растеній, потому что эти изображенія назначены замѣнять собою тѣ естественные предметы, которыхъ мы не могли достать. Къ естественнымъ предметамъ отнесемъ мы также гнѣзда, раковины, соты пчелъ, коконъ, паутину, куколки насѣкомыхъ, потому что это работа животныхъ, производящихъ различные предметы по инстинкту, а не человѣка, который одинъ только способенъ производить по волѣ искусственные предметы.

Хорошо, вотъ мы раздѣлили всѣ наши вещи на двѣ группы; а порядку все-еще мало: конфекты лежатъ возлѣ сапоговъ, кусокъ желѣза подлѣ чучелы вороны. Всего разомъ сдѣлать нельзя и потому примемся сначала за предметы искусственные. Отдѣлимъ съѣстное отъ платья, платье соберемъ въ одну кучу, книги въ другую, игрушки въ третью, модели строеній въ четвертую, оружія въ пятую и т. д., давая мѣсто каждой вещи по ея назначенію. Немного стало получше, а все-еще плохо, и если мы захотимъ отыскать напримѣръ какую-нибудь книгу, то проищемъ ее очень долго. Примемся же сначала за книги и приведемъ ихъ въ порядокъ: учебники положимъ въ одно мѣсто, сказки въ другое; если у насъ есть двѣ грамматики, положимъ ихъ вмѣстѣ; а если какая нибудь книга имѣетъ двѣ, три части, то поставимъ ихъ по порядку. Это будетъ наша маленькая библіотека, для которой мы назначимъ особую комнату; въ кунсткамерахъ книгъ не бываетъ. Теперь дошла очередь до платья: сапоги поставимъ къ сапогамъ, курточки повѣсимъ къ курточкамъ, и также вынесемъ все это въ особую комнату; потому что обыкновенныхъ, всякому знакомыхъ платьевъ въ кунсткамерѣ держать не зачѣмъ; въ ней находятся только почему либо для каждаго занимательныя вещи: кому же охота смотрѣть на обыкновенную курточку или простые башмаки? Костюмы, оружія, модели жилищъ и монеты различныхъ народовъ — это

другое дѣло; но мы поступимъ благоразумно, если разложимъ всѣ эти вещи сначала по частямъ свѣта, а потомъ по народамъ. Тогда, если насъ попросятъ указать шляпу тирольца, чалму турка, стрѣлы тунгуса или что нибудь подобное, то намъ стоитъ только вспомнить, гдѣ живетъ тотъ или другой народъ.

Устроившись съ платьемъ, примемся за съѣстное; пирожки положимъ къ пирожкамъ, крендели къ кренделямъ, конфекты къ конфектамъ и т. д. Но лучше намъ вынести все съѣстное въ другую комнату; потому-что съѣстнаго въ кунсткамерахъ не бываетъ, да оно же къ тому и портится скоро. Игрушки отправимъ въ дѣтскую: ихъ мѣсто тамъ, а не въ кунсткамерѣ.

Поработавъ такимъ образомъ часа два,-три надъ группою искусственныхъ предметовъ, мы приведемъ ихъ въ отличный порядокъ: будемъ знать, что есть, чего нѣтъ; чего у насъ много, чего мало; гдѣ что стоитъ и лежитъ, и, попривыкнувъ немного, даже ощупью, въ темнотѣ найдемъ все, что намъ угодно. Вотъ теперь эти вещи дѣйствительно ваши: вы знаете ихъ и, какъ угодно, распоряжайтесь ими. Но, Боже мой, какой за то еще хаосъ въ группѣ естественныхъ предметовъ! Какъ-то мы успѣемъ справиться съ ними? Подумаемъ, попробуемъ, авось и удастся.

Отдѣлимъ сначала предметы неорганическіе отъ органическихъ: камни, металлы, земли положимъ въ одну сторону; всѣ растенія и изображенія ихъ, разнаго рода сѣмена, орѣхи и засушенные плоды, чучелы и изображенія животныхъ—въ другую.

Но куда же мы отнесемъ эти красивыя раковины? Мы знаемъ, что онѣ состоятъ изъ извести и что теперь въ нихъ нѣтъ ничего органическаго, живаго; но знаемъ также, что онѣ выросли органически, на спинкахъ мягкотѣлыхъ животныхъ, своихъ прежнихъ хозяевъ. Положимъ же ихъ къ группѣ органической: онѣ будутъ напоминать намъ цѣлый классъ животнаго царства. Съ ними же рядомъ положимъ мы и вѣтвистый кусочекъ краснаго коралла; потому что и кораллъ есть также произведеніе особыхъ морскихъ животныхъ, называемыхъ *коралловыми полипами*, которые, собираясь въ безчисленномъ множествѣ, строятъ коралловые острова посреди морей и океановъ.

Вотъ мы и отдѣлили организмы отъ неорганизмовъ; все, что принадлежитъ къ царству растеній и животныхъ, лежитъ у насъ на одной сторонѣ; все, въ чемъ нѣтъ жизни: камни, металлы, земли, соли—на другой. Теперь возьмемся за органическіе предметы и раздѣлимъ

ихъ на два царства: одно—царство растеній, другое—царство животныхъ.

Но вотъ, впрочемъ, кусокъ обыкновенной губки, которою въ классахъ стираютъ мѣлъ съ черной доски? Куда отнести ее? Что это органическое произведеніе природы, въ этомъ естествоиспытатели уже не сомнѣваются; но они еще не рѣшили, признавать ли этотъ организмъ за растительный или за животный. Губка растетъ въ моряхъ, подъ водою, прицѣпившись къ камню и ее конечно причислили бы къ водянымъ растеніямъ, еслибы не замѣтили, что изъ скважинъ губки часто правильно выпрыскивается вода и что это прекращается, когда до губки дотронуться; поэтому нѣкоторые думаютъ, что губка своего рода кораллъ, образуемый животнымъ, а покрывающая ее обыкновенно слизь—само животное. Но еще неизвѣстно, справедливо ли это предположеніе, потому что и въ нѣкоторыхъ растеніяхъ, какъ напримѣръ въ интересномъ растеніи *стыдливая мимоза*, замѣтно движеніе: листики его свертываются, когда до нихъ дотронутся рукою или когда на нихъ сядетъ какое-нибудь насѣкомое. Но что стыдливая мимоза растеніе и что оно движется, какъ машинка, пружинку которой тронули, а не какъ животное, которое ощущаетъ прикосновеніе,—въ этомъ уже убѣдились. Помѣстимъ же губку на границѣ растительнаго и животнаго царства.

Вотъ теперь у насъ нѣсколько болѣе порядка; завтра мы займемся исключительно животнымъ царствомъ, тѣмъ болѣе, что въ нашей кунсткамерѣ оно составляетъ большую половину.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 2-я.)

Прежде всего раздѣлимъ все царство животныхъ на двѣ большія группы: къ одной отнесемъ всѣхъ тѣхъ животныхъ, у которыхъ есть позвоночный хребетъ, къ другой—тѣхъ, у которыхъ позвоночнаго хребта нѣтъ, и, оставивъ покуда безпозвоночныхъ въ безпорядкѣ, займемся прежде отдѣломъ животныхъ *позвоночныхъ*.

Въ этомъ отдѣлѣ мы видимъ звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся; а потому и разставимъ ихъ по этимъ пяти *классамъ*. Такимъ образомъ въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ у насъ будутъ: I. Классъ звѣрей, куда мы отнесемъ всѣхъ животныхъ млекопитающихъ. II. Классъ птицъ, куда мы отнесемъ всѣхъ пернатыхъ. III. Классъ пресмыкающихся, гдѣ помѣстятся всѣ жи-

вотныя, влачащія свое тѣло по землѣ и имѣющія позвоночный столбъ; червякъ хотя и ползаетъ, но въ этотъ классъ не попадетъ. IV. Классъ составятъ земноводныя, проводящія половину своей жизни въ водѣ, а половину на сушѣ; V-й классъ будутъ занимать рыбы.

Управившись такимъ образомъ съ позвоночными животными, мы назначимъ для нихъ особый шкафъ и размѣстимъ ихъ по классамъ, назначая для каждаго класса столько полокъ, сколько придется.

Прежде всего начнемъ съ звѣрей и дадимъ первое мѣсто четырерукимъ обезьянамъ, такъ какъ по тѣлесному устройству своему онѣ ближе всѣхъ подходятъ къ человѣку. За обезьянами поставимъ, пожалуй, чучелку летучей мыши, у которой, хотя она и не птица, вмѣсто рукъ что-то въ родѣ крыльевъ. Мы знаемъ, что летучія мыши питаются насѣкомыми, а потому поставимъ по сосѣдству съ ними другихъ насѣкомоядныхъ: крота, ежа и маленькую землеройку. Такимъ образомъ у насъ уже будутъ три *отряда* млекопитающихъ животныхъ: 1-й отрядъ, *четырерукихъ;* 2-й, *рукокрылыхъ;* 3-й, *насѣкомоядныхъ.*

Устроимъ теперь 4-й отрядъ изъ *хищныхъ, плотоядныхъ* звѣрей, гдѣ помѣстимъ льва, тигра, собаку, лисицу, медвѣдя и волка. Выстроивъ всѣхъ хищныхъ животныхъ въ одну линію, мы скоро замѣтимъ, что тутъ могло бы быть болѣе порядка, какъ и въ книгахъ стоящихъ рядомъ, но не въ томъ порядкѣ, въ которомъ онѣ должны бы стоять; что медвѣдь, напримѣръ, не долженъ бы стоять подлѣ тигра, а кошка возлѣ собаки. Соединимъ же въ отдѣльныя *семейства* тѣхъ хищныхъ животныхъ, которыя имѣютъ между собою болѣе сходныхъ признаковъ. Такимъ образомъ въ отрядѣ хищныхъ звѣрей составится еще нѣсколько *семействъ. Къ первому семейству* будетъ принадлежать медвѣдь съ его широкою, тяжелою стопою, на которой онъ ходитъ, опираясь на всю ступню, а не на одни пальцы, какъ ходятъ всѣ прочія хищныя животныя; къ этому семейству принадлежатъ также енотъ, барсукъ и др. *стопоходящія* животныя. *Во второе семейство* хищнаго отряда мы помѣстимъ собаку и, рядомъ съ нею, поставимъ волка и лисицу. Что волкъ и собака, эти два непримиримые врага, должны стоять на нашей полкѣ рядышкомъ, въ этомъ легко убѣдиться: не всякій даже отличитъ съ разу волка отъ дворовой собаки, хотя они очень хорошо узнаютъ другъ друга. Только блестящіе, жадные глаза, толстая, неповоротливая шея, хвостъ, который виситъ, какъ палка, и вообще какой-то дикій, разбойничій видъ изобличаютъ волка. Но лисицу съ перваго взгляда можно и не отнести къ семейству собакъ, если не обратить вниманія на ея кровожадные зубы и большіе, невыдвижные когти или не прислушаться къ ея лаю, весьма

похожему на собачій. Впрочемъ между собаками можно встрѣтить много очень похожихъ на лисицъ и почти съ такимъ же длиннымъ, пушистымъ хвостомъ. *Третье семейство* хищныхъ мы уже очень легко составимъ изъ льва, тигра, леопарда, барса и нашей домашней кошки. Всѣ эти животныя, несмотря на разную величину и различный цвѣтъ мѣха, такъ похожи другъ на друга по своимъ кошачьимъ пріемамъ, что нѣтъ возможности ошибиться; но еслибы мы призадумались, то намъ стоитъ только взглянуть на выпускные и втяжные когти звѣря, чтобы, припомнивъ бархатную, но очень опасную лапку кошки, причислить его къ кошачьему семейству, какая бы у него ни была физіономія. Такимъ образомъ въ отрядѣ хищныхъ звѣрей будутъ у насъ три семейства: 1) семейство *медвѣжье* или *стопоходящее*; 2) семейство *псовое* или *собачье* и 3) семейство *кошачье*— съ выпускными, острыми когтями. Есть еще нѣсколько семействъ хищнаго отряда звѣрей, но тѣхъ мы съ вами не знаемъ.

Возлѣ отряда хищныхъ, поставимъ другой, опасный только для молодыхъ растеній, хлѣбовъ и съѣстныхъ припасовъ нашихъ кладовыхъ; словомъ, 5-й *отрядъ, грызуновъ*, изобличаемыхъ устройствомъ своихъ переднихъ зубовъ, приспособленныхъ къ тому, чтобы ими удобно было грызть что попало, и отсутствіемъ клыковъ, употребляемыхъ другими звѣрями для разрыва пищи. Въ этомъ отрядѣ мы тоже означимъ нѣсколько семействъ: въ 1-мъ помѣстимъ бѣлку и векшу, живущихъ въ дуплахъ деревьевъ; ко 2-му семейству отнесемъ тѣхъ грызуновъ, которые вырываютъ себѣ норы подъ землею и живутъ въ поляхъ: лѣниваго байбака, сурка, суслика и овражка, который въ нашихъ южныхъ степяхъ своими острыми, грызущими зубами уничтожаетъ иногда цѣлыя поля пшеницы; 3-е семейство составимъ изъ мышей и крысъ, полевыхъ и домашнихъ; въ 4-е помѣстимъ бобровъ-строителей, прекрасныя шкурки которыхъ цѣнятся такъ дорого; а 5-е назначимъ длинноногимъ, прыгающимъ зайцамъ. Такимъ образомъ въ отрядѣ грызуновъ намъ извѣстно 5 семействъ; а именно: 1) бѣлковыхъ, 2) сурковыхъ, 3) мышиныхъ, 4) бобровыхъ и 5) зайцевыхъ.

У *травоядныхъ* животныхъ зубы приспособлены къ пережевыванію травы; у *плотоядныхъ* къ разрыву мускуловъ мяса; у *грызуновъ* къ тому, чтобы грызть пищу; но есть и такіе звѣри, у которыхъ или вовсе нѣтъ зубовъ, или ихъ очень мало, да и тѣ не совсѣмъ похожи на зубы: не имѣютъ ни корней, ни эмали: для такихъ животныхъ естествоиспытатели устроили особый, 6-й *отрядъ, беззубыхъ*. Сюда относится нѣсколько похожій на обезьяну *лѣнивецъ*

или *ай.* Лѣнивцемъ этого звѣря зовутъ потому, что онъ почти никогда не сходитъ съ дерева, листьями котораго кормится, и если ему приходится перемѣнить мѣсто, то кричитъ жалобно: ай! ай! Но не отъ лѣности кричитъ бѣдный звѣрь, а отъ того, что ему больно и трудно ходить: длинные и крючковатые когти его сильно пригнуты къ ладони и приспособлены только къ тому, чтобы цѣпляться за вѣтки. Къ этому же отряду относятся *броненосцы*, тѣ странные звѣри, тѣло которыхъ покрыто чешуйчатою бронею, и *муравьѣды*, у которыхъ вовсе нѣтъ зубовъ, а длинная заостренная морда, съ длиннымъ, далеко высовывающимся языкомъ, приспособленнымъ къ тому, чтобы, всадивъ его въ муравьиную кучу, вытащить разомъ цѣлую сотню муравьевъ.

Вотъ мы и устроили уже окончательно шесть отрядовъ млекопитающихъ животныхъ: 1) четырерукихъ, 2) рукокрылыхъ, 3) насѣкомоядныхъ, 4) хищныхъ, 5) грызуновъ и 6) беззубыхъ или неполнозубыхъ. Но вотъ попалось намъ подъ руки изображеніе слона; составимъ же для него и для тѣхъ животныхъ, которыя похожи на него по своей толстой кожѣ и по числу копытъ, особый, 7-й отрядъ, *многокопытныхъ и толстокожихъ.* Въ этомъ отрядѣ, возлѣ слона, мы помѣстимъ бегемота, носорога, тапира, дикаго кабана и нашу домашнюю свинью. Присмотрѣвшись хорошенько къ копытамъ этихъ животныхъ, мы увидимъ однако, что и здѣсь можно устроить два семейства: *парнокопытныхъ*, какова домашняя свинья и ея дикая родня, и *непарнокопытныхъ*, каковы великаны звѣринаго царства: бегемотъ, носорогъ и слонъ.

Такъ-какъ дѣло дошло до различія животныхъ по копытамъ, то намъ слѣдуетъ теперь возлѣ отряда многокопытныхъ поставить новый 8-й отрядъ, *двукопытныхъ.* Животныя этого отряда, кромѣ числа копытъ, имѣютъ еще тотъ отличительный признакъ, что у нихъ желудокъ устроенъ особеннымъ образомъ и что всѣ они жуютъ жвачку. Сюда, не задумавшись, помѣстимъ мы быка и корову, барана и овцу, козла и козу, оленя и верблюда. Сюда же можемъ мы помѣстить серну, кабаргу, жирафа и ламу, если когда нибудь увидимъ ихъ хотя въ чучелахъ или на картинахъ; потому-что и жирафъ съ страшно-длинными передними ногами, и кабарга съ двумя своими клыками, торчащими внизъ, и красивая, пугливая лама съ вытянутой шеей, и легконогая серна — животныя жвачныя. Въ этомъ большомъ и полезномъ для человѣка отрядѣ животныхъ жвачныхъ, мы можемъ также ввести нѣкоторый порядокъ. Раз-

смотрѣвъ ноги верблюда и быка, мы увидимъ, что если быка можно назвать *раздѣльнокопытнымъ* животнымъ, то верблюда скорѣе слѣдуетъ назвать *мозоленогимъ*, потому-что у него копыта болѣе похожи на раздвоенныя мозоли. Разсматривая ближе весь отрядъ животныхъ-двукопытныхъ, мы найдемъ въ нихъ нѣсколько семействъ: 1) *семейство бычачьихъ*, 2) *семейство козловыхъ*, куда по рогамъ, пустымъ въ серединѣ, причислимъ и серну, 3) *семейство оленевыхъ*, куда отойдетъ и кабарга, 4) *семейство верблюдовыхъ*, куда отойдетъ и лама. Жирафъ или камелеопардъ составитъ особое 5) *семейство камелеопардовыхъ*.

За двукопытными намъ слѣдуетъ помѣстить 9-й отрядъ, *однокопытныхъ*, въ которомъ мы знаемъ лошадь и длинноухаго осла, а можетъ быть видали на картинкахъ и полосатаго зебра.

Далѣе мы устроимъ особый 10-й отрядъ, *ластоногихъ*, для звѣрей, у которыхъ вмѣсто ногъ *ласты*, болѣе способные къ плаванію, нежели къ движенію на сушѣ, почему ластоногіе болѣе живутъ въ водѣ, нежели на воздухѣ; но тѣмъ не менѣе они дышатъ легкими, родятся живыми и въ молодости питаются молокомъ своихъ матокъ. Въ этотъ отрядъ помѣстимъ мы и неуклюжаго тюленя съ усами, и моржа съ его длинными клыками.

Но куда же мы отнесемъ кита? Онъ также звѣрь, а не рыба, дышетъ легкими, въ дѣтствѣ питается молокомъ матери; но у него нѣтъ заднихъ ластовъ, а хвостъ, какъ у рыбы, только стоитъ не вертикально, а лежитъ горизонтально. Для этихъ звѣрей-рыбъ, мы должны устроить особый 11-й отрядъ, *рыбообразныхъ*, куда отнесемъ и зубастаго дельфина и беззубаго кита.

Но, можетъ-быть, вы видали на картинахъ небольшаго звѣря, у котораго носъ вовсе не звѣриный, а совершенно какъ у утки, и котораго потому назвали *утконосомъ*. Не зная, куда отнести такое странное животное, естествоиспытатели составили для него и ему подобныхъ особый двѣнадцатый отрядъ *птице-звѣрей*. Утконосы имѣютъ на пальцахъ плавательныя перепонки, плаваютъ отлично, отыскивая въ водѣ червей, водяныхъ насѣкомыхъ и моллюсковъ; однако утконосъ не рыба и не птица, а звѣрь, потому что покрытъ шерстью, дышетъ легкими, рождаетъ живыхъ дѣтёнышей и питаетъ ихъ своимъ молокомъ.

Можетъ-быть вамъ также случится видѣть на картинкѣ еще и другаго страннаго звѣря, кенгуру, или двуутробку, съ очень длинными задними ногами, на которыхъ это животное любитъ стоять, и съ очень

короткими передними, — замѣчательнаго тѣмъ, что на брюхѣ у него есть особенная сумка, гдѣ двуутробка долго носитъ своихъ дѣтёнышей послѣ ихъ рожденія. Такихъ животныхъ есть нѣсколько семействъ и для всѣхъ ихъ естествоиспытатели устроили особый 13-й отрядъ, — *животныхъ сумчатыхъ.*

Вотъ теперь мы разставили, какъ слѣдуетъ, одинъ классъ изъ отдѣла позвоночныхъ животныхъ, классъ млекопитающихъ, и, войдя въ нашу маленькую кунсткамеру, уже не пропустимъ нечаянно слона, какъ сдѣлалъ это «любопытный» въ баснѣ Крылова, зазѣвавшійся на мушекъ и таракашекъ. Теперь мы не только знаемъ, гдѣ у насъ что стоитъ, но и почему одно поставлено здѣсь, а другое въ другомъ мѣстѣ, и даже если намъ дадутъ новую картинку или новую чучелу млекопитающаго животнаго, котораго мы еще не видали, то, разсмотрѣвъ его внимательно, мы сами угадаемъ, къ какому отряду оно относится и гдѣ должно быть поставлено.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 3-я.)

Устроивъ классъ млекопитающихъ животныхъ, примемся за птицъ, которыхъ мы очень легко можемъ отличить отъ всякаго звѣря по ихъ перьямъ, клюву, крыльямъ и ногамъ. Прежде всего сдѣлаемъ изъ класса птицъ два большія подраздѣленія, или два подкласса: I) *выводковыхъ* и II) *птенцовыхъ*; различія между ними вы вѣроятно еще не забыли.

Кромѣ особенности въ выкормкѣ дѣтенышей и въ образѣ жизни, довольно вѣрными признаками выводковыхъ птицъ служатъ тупые, короткіе, прямые когти, соединенные иногда плавательной перепонкой, и особенное положеніе задняго пальца, котораго у нихъ или вовсе нѣтъ, или онъ очень малъ, и который почти всегда прикрѣпляется къ лапѣ нѣсколько повыше переднихъ пальцевъ. При подраздѣленіи подкласса птицъ выводковыхъ на отряды, мы замѣтимъ четыре отряда, и къ 1-му, *куриному отряду*, причислимъ всѣхъ тѣхъ птицъ, которыя, подобно курицамъ, скребутъ лапами и разрываютъ землю; сюда относятся: павлины, индѣйки, куры, фазаны, тетерева, куропатки, перепёлки и другія семейства куринаго, скребущаго отряда.

Для водныхъ или плавающихъ птицъ, съ плавательной перепонкой между пальцами, мы устроимъ также особый 2) отрядъ *плавающихъ.*

Въ этомъ отрядѣ мы помѣстимъ: гусей, лебедей, утокъ, чайку, нырка и бабу-птицу съ ея огромнымъ мѣшкомъ для складки рыбы.

Къ выводковымъ же относится длинноногій 3) отрядъ *птицъ болотныхъ или голенастыхъ*, изъ которыхъ съ одной, съ аистомъ, мы познакомились хорошо. Въ этотъ же отрядъ мы поставимъ чучелу журавля, цапли, дрохвы, о которыхъ вы можетъ-быть слыхали; а также дупеля и бекаса, потому-что хотя они гораздо поменьше аиста ростомъ, но длинный носъ и длинныя голыя ноги говорятъ ясно, что этимъ птицамъ назначено жить въ болотистыхъ мѣстахъ.

Въ подклассѣ выводковыхъ есть еще одинъ 4) отрядъ, *птицъ бѣгающихъ*; къ этому отряду принадлежитъ огромнѣйшая изъ птицъ, страусъ, у котораго только два пальца и такія длинныя и быстрыя ноги, что не всякая лошадь догонитъ его. Въ крыльяхъ и хвостѣ страуса находятся бѣлыя, красивыя перья, которыми часто украшаютъ дамскія шляпы. Страусы водятся въ африканскихъ степяхъ, дѣлаютъ гнѣзда на землѣ,—да и трудно было бы имъ дѣлать ихъ на деревѣ, потому-что въ каждомъ гнѣздѣ бываетъ до шестидесяти яицъ, а каждое яйцо вѣситъ до трехъ фунтовъ.

За выводковыми слѣдуетъ поставить отрядъ птенцовыхъ, характеристическимъ признакомъ которыхъ могутъ служить пальцы, прикрѣпляющіеся всѣ на одной высотѣ, безъ плавательныхъ перепонокъ и съ узкими, длинными, кривыми и острыми когтями. Въ этомъ *подклассѣ* птицъ мы можемъ сдѣлать четыре отряда: въ 1-й отрядъ помѣстимъ *хищныхъ*: сначала *дневныхъ*, а потомъ *ночныхъ*; за отрядомъ хищныхъ поставимъ 2-й, *голубиный*, въ которомъ только есть одинъ родъ, голуби, со множествомъ видовъ; далѣе слѣдуетъ 3-й отрядъ, *воробьиный*—самый обширный, куда помѣщаются всѣ птицы, не находящія мѣста въ другихъ отрядахъ: здѣсь и канарейка, и воробей, и чижикъ, и скворецъ, и синица, и ласточка; здѣсь даже сорока и некрасивая ворона; здѣсь почти всѣ тѣ мелкія пташки, которыя населяютъ наши лѣса и поля.

Но куда же поставимъ мы чучелу попугая? Странный клювъ, толстый языкъ и ноги съ пальцами, устроенными такъ, что пара ихъ идетъ впередъ, а пара назадъ, отчего попугай такъ цѣпокъ, заставляютъ насъ назначить для него особый, 4-й отрядъ, *парнопалыхъ*, или *лазуновъ*, т. е. такихъ птицъ, у которыхъ одна пара пальцевъ напередъ, а другая назадъ. Сюда же мы отнесемъ дятла, который съ помощью особаго устройства своихъ острыхъ когтей, такъ отлично лазитъ по деревь-

ямъ и безъ-умолку стучитъ своимъ крѣпкимъ носомъ въ кору дерева, добывая изъ-подъ нея червячковъ. Замѣтивъ, какъ попугай виситъ внизъ головою на кольцѣ клѣтки и какъ дятелъ лазитъ по стволу дерева, вы и сами догадаетесь, что пальцы у этихъ птицъ должны быть устроены иначе, чѣмъ у тѣхъ, которыя никогда не лазятъ по деревьямъ и не висятъ на вѣткахъ.

Рыбъ въ нашемъ собраніи не много, а потому мы положимъ ихъ безъ раздѣленія на отряды. Мы помѣстимъ къ нимъ и летучую рыбу, хотя у нея есть крылья, но тому же праву, по какому помѣстили летучую мышь въ классѣ звѣрей, а не птицъ. У летучей рыбы нѣтъ ни птичьяго клюва, ни птичьихъ перьевъ, ни ногъ, и даже крылья ея не птичьи: это только рыбьи плавники, увеличенные въ объемѣ, что даетъ летучей рыбѣ возможность переноситься въ воздухѣ, когда въ водѣ ее преслѣдуетъ жадная акула; жабры же указываютъ намъ ясно, въ какой стихіи суждено жить этой рыбѣ-птицѣ.

Изъ третьяго класса, *пресмыкающихся*, мы знаемъ три отряда: *черепахъ, ящерицъ* и *змѣй.* Изъ четвертаго класса, *земноводныхъ*, мы познакомились съ одною лягушкою, которая подобно насѣкомымъ, рождается не прямо лягушкою изъ яйца, но сначала головастикомъ и потомъ уже изъ головастика превращается мало-по-малу въ лягушку.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 4-я.)

Мы покончили съ позвоночными животными; но намъ предстоитъ еще много труда съ животными, неимѣющими позвонковъ; ихъ очень, очень много, а мы не знаемъ изъ нихъ и тысячной доли. Прежде всего раздѣлимъ животныхъ безпозвоночныхъ на тѣ отдѣлы, которые намъ уже знакомы: I-й отдѣлъ *суставчатыхъ*, тѣло которыхъ состоитъ изъ маленькихъ суставцевъ, или члениковъ; II-й отдѣлъ *червей*; III-й отдѣлъ *мягкотѣлыхъ*, и IV-й отдѣлъ *инфузорій*; есть еще нѣсколько отдѣловъ безпозвоночныхъ животныхъ, но мы о нихъ еще ничего не знаемъ.

Отдѣлъ животныхъ суставчатыхъ мы можемъ еще подраздѣлить на классы, точно такъ же, какъ мы раздѣляли отдѣл позвоночныхъ на пять классовъ. Отдѣлъ суставчатыхъ имѣетъ четыре класса: 1-й классъ *насѣкомыхъ*, 2-й классъ *пауковъ*, 3-й классъ *многоножекъ* и 4-й *ракообразныхъ*.

Къ насѣкомымъ мы причислимъ всѣхъ тѣхъ суставчатыхъ животныхъ, которыя имѣютъ по шести ногъ и выдерживаютъ одно или нѣсколько превращеній. Насѣкомыхъ такая бездна и мы знаемъ ихъ такъ мало, что намъ трудно съ ними справиться. Будемъ ихъ разбирать по крыльямъ: въ одно мѣсто положимъ тѣхъ, у которыхъ верхнія крылья жестки, какъ у жуковъ; въ другое тѣхъ, у которыхъ крылья покрыты чешуйками, какъ у бабочекъ; въ третье — двукрылыхъ, каковы комары, мухи, слѣпни, овода; въ четвертое — перепончато-крылыхъ, у которыхъ крылья въ видѣ прозрачной перепонки, куда относятся оса, пчела и муравей, и такимъ-образомъ устроимъ нѣкоторый порядокъ въ классѣ насѣкомыхъ.

Для пауковъ и всѣхъ паукообразныхъ мы должны назначить особый классъ; для раковъ и всѣхъ покрытыхъ, какъ они, скорлупою, другой. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть въ отдѣлѣ суставчатыхъ животныхъ: 1, классъ насѣкомыхъ; 2, классъ пауковъ; 3, классъ ракообразныхъ, и если прибавить еще 4-й классъ многоногихъ, куда, напримѣръ, принадлежитъ мокрица, имѣющая множество ножекъ и появляющаяся въ сырыхъ жилищахъ, то мы перечислимъ и всѣ классы суставчатыхъ.

Въ отдѣлѣ *червей* мы знаемъ одного дождеваго червя, а въ отдѣлѣ *мягкотѣлыхъ* одну улитку; въ отдѣлѣ же инфузорій, мы не знаемъ ни одного отдѣльнаго животнаго и прочли о нихъ только кое-что вообще; слѣдовательно, мы не можемъ сдѣлать подраздѣленій въ этихъ отдѣлахъ. Есть еще два отдѣла животныхъ безпозвоночныхъ, о которыхъ мы уже ровно ничего не знаемъ, а именно, отдѣлъ *головоногихъ* и *лучистыхъ*. У головоногихъ все тѣло заключается въ мѣшечкѣ (или епанчѣ); изъ мѣшечка выдвигается голова съ двумя глазами и ртомъ, окруженнымъ щупальцами или ногами, которыми животное движется и хватаетъ пищу, почему его и называютъ *головоногимъ*. У *лучистыхъ* животныхъ всѣ органы тѣла расположены лучами, расходящимися во всѣ стороны, какъ напримѣръ у *морской звѣзды*, которую вы, можетъ-быть, видали хотя на картинкѣ: трудно даже и признать ее за животное; а между-тѣмъ можно замѣтить, что она движется, что у нея есть желудокъ и дыхательные органы. Къ этому отдѣлу суставчатыхъ животныхъ относятся и коралловые полипы, о которыхъ мы говорили, что они отлагаютъ внутри своего тѣла тѣ красныя и бѣлыя каменистыя вѣтки, которыя мы называемъ кораллами. Къ животнымъ головоногимъ принадлежитъ и *каракатица*, изъ спинки которой вынимаютъ ту известковую пластинку,

которую называютъ *канареечною пѣнкою,* потому-что канарейки очень любятъ клевать ее. Губку мы положимъ на границѣ животнаго и растительнаго царства, такъ какъ сами естествоиспытатели еще не знаютъ, куда ее отнести.

Такимъ образомъ мы раздѣлили всѣхъ животныхъ на двѣ группы — позвоночныхъ и безпозвоночныхъ. Въ группѣ позвоночныхъ мы нашли одинъ отдѣлъ, который подраздѣлили на пять классовъ: 1) млекопитающихъ, 2) птицъ, 3) рыбъ, 4) пресмыкающихся и 5) земноводныхъ. Классы мы подраздѣлили на отряды, если они намъ были извѣстны, и въ нѣкоторыхъ изъ отрядовъ находили тѣ семейства, которыя намъ знакомы. Огромное число безпозвоночныхъ животныхъ мы раздѣлили на шесть отдѣловъ: 1) отдѣлъ суставчатыхъ, 2) отдѣлъ червей, 3) отдѣлъ мягкотѣлыхъ, 4) отдѣлъ головоногихъ, 5) отдѣлъ лучистыхъ и 6) отдѣлъ инфузорій. Съ первымъ отдѣломъ животныхъ суставчатыхъ мы познакомились болѣе всего и потому могли подраздѣлить его на классы: 1) классъ насѣкомыхъ, 2) классъ пауковъ, 3) классъ многоногихъ и 4) классъ ракообразныхъ. У насѣкомыхъ мы перечислили даже нѣсколько отрядовъ; но съ классами и отрядами другихъ отдѣловъ мы вовсе незнакомы. Кто хочетъ познакомиться поближе съ царствомъ животныхъ, тотъ долженъ изучать науку о животныхъ, *зоологію*, въ которой описаны всѣ извѣстныя животныя: ихъ видъ, характеръ, образъ жизни, и для каждаго животнаго, какъ бы оно мало ни было, опредѣлено мѣсто, которое оно должно занимать: тотъ отдѣлъ, классъ, подклассъ, тотъ отрядъ и то семейство, тотъ родъ и видъ, къ которому оно должно быть отнесено.

Устроившись кое-какъ съ животными, намъ приходится приняться теперь за растенія и минералы; но такъ какъ мы о нихъ еще ничего не знаемъ, то и оставимъ ихъ покуда въ безпорядкѣ.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 5-я.)

Племена людей.

Прежде чѣмъ заняться растеніями, заглянемъ, что такое лежитъ въ этомъ сундукѣ, котораго мы до сихъ поръ не замѣчали. Ба! цѣлое собраніе куколъ, да какихъ хорошенькихъ—и все человѣческія фигуры!

Какъ онѣ разнообразны и по платью, и по цвѣту лица! Куда же мы помѣстимъ всѣхъ этихъ маленькихъ человѣчковъ?

Мы знаемъ уже, что люди, по тѣлесному устройству своему, также предметъ естественный и принадлежатъ къ *царству* животныхъ, относятся къ отдѣлу животныхъ позвоночныхъ и къ *классу* млекопитающихъ, въ которомъ должны составить особый отрядъ—*двурукихъ*. По безсмертному духу, обитающему въ человѣкѣ, люди конечно не могутъ быть причислены къ царству животныхъ. Но такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ живыми людьми, а съ бездушными куклами, представляющими только тѣлесный образъ человѣка, а не тотъ духовный его образъ, по которому человѣкъ сходенъ съ Божествомъ; то и поставимъ всѣ эти человѣческія фигуры въ шкафъ животнаго царства, отдѣливъ для нихъ первую верхнюю полку, передъ четверорукими обезьянами; потому что и по совершенству своего тѣлеснаго организма человѣкъ долженъ занимать первое мѣсто въ царствѣ животныхъ.

Разсмотрѣвъ поближе физіономіи этихъ куколъ, мы по чертамъ и цвѣту лица безъ труда раздѣлимъ ихъ на три большія группы. Къ первой группѣ отнесемъ всѣхъ бѣлыхъ и нѣсколько смугловатыхъ человѣчковъ, съ длиннымъ, овальнымъ лицомъ, прямымъ, высокимъ лбомъ, прямымъ или нѣсколько горбатымъ, тонкимъ носомъ, выдающимся подбородкомъ и одѣтыхъ такъ разнообразно. Во вторую группу поставимъ мы всѣ эти широкія, грязно-желтоватыя физіономіи съ выдавшимися скулами, короткимъ, нѣсколько сплюснутымъ носомъ, съ узкимъ лбомъ и небольшимъ, невыдающимся подбородкомъ, на которомъ очень мало волосъ, и съ узенькими, нѣсколько вкось прорѣзанными, черными, блестящими глазами. Въ третью группу отойдутъ у насъ всѣ черныя, курчавыя головки съ толстыми, красными, мясистыми губами; въ этихъ фигуркахъ вы, вѣроятно, уже съ перваго раза узнали негровъ или, какъ у насъ ихъ еще называютъ, араповъ. Но вотъ еще нѣсколько фигурокъ, надъ которыми призадумаешься, куда ихъ отнести: у однѣхъ цвѣтъ лица какой-то неопредѣленный, буро-желтоватый, у другихъ мѣдно-красный; по платью же видно, что это должны быть дикари; но мы покудова отложимъ ихъ въ сторону и займемся сначала тремя главными группами.

Эти три группы, столь различныя по физіономіи, назначены представлять собою три большіе отряда или, какъ ихъ называютъ, три *рассы* рода человѣческаго: первая называется *индо-кавказскою* рас-

сою, вторая *монгольскою*, третья *негрскою* или просто неграми; первая преимущественно живетъ въ Европѣ, западной Азіи и сѣверной Африкѣ; вторая—въ восточной и сѣверной Азіи; а третья—въ средней и южной Африкѣ.

Индо-кавказская расса людей самая могущественная, самая образованная и самая разнообразная. Къ ней относится такое множество различныхъ племенъ, что ее еще подраздѣляютъ на два семейства: семейство племенъ *семитическихъ* и семейство племенъ *индо-европейскихъ*. Къ первому семейству принадлежитъ еврей, лицо котораго такъ характеристично, что его вездѣ можно узнать, какъ бы онъ ни одѣлся; арабы (не арапы), живущіе въ Аравіи, абиссинцы, живущіе къ югу отъ Египта, и нѣкоторыя другія племена. Евреи, какъ вы знаете, замѣчательны тѣмъ, что въ ихъ племени сохранялось поклоненіе Единому Истинному Богу въ то время, когда всѣ другіе народы предались идолопоклонству; изъ ихъ племени произошли великіе пророки, святые мужи и апостолы, и въ ихъ же племени воплотился Спаситель. Прежде евреи имѣли у себя отчизну; но теперь разсѣяны по всѣмъ землямъ, между другими народами. Арабы тоже замѣчательный народъ: они когда-то составляли могущественное, образованное государство; но потомъ оно разрушилось и самый народъ одичалъ. Живутъ они въ Аравіи и въ сѣверной Африкѣ, гдѣ извѣстны подъ именемъ мавровъ.

Къ индо-европейскому семейству принадлежатъ почти всѣ племена, живущія въ Европѣ. Эти могущественныя племена владѣютъ теперь почти всѣмъ земнымъ шаромъ, покрываютъ всѣ моря своими кораблями, посылаютъ свои *колоніи* въ самыя отдаленныя страны, повсюду вводятъ христіанство, торговлю и образованность. У насъ здѣсь нѣсколько представителей индо-европейской рассы. Вотъ русскій мужичокъ съ окладистой бородою и въ красной рубахѣ, красивыя складки которой живописно раскинулись по его могучему тѣлу; вотъ англійскій рыжій матросъ въ синей курткѣ и въ соломенной матросской шляпѣ: онъ смотритъ такимъ крѣпкимъ и твердымъ, какъ будто выкованъ изъ желѣза; вотъ смуглый красивый испанецъ въ плащѣ, при шпагѣ и съ перомъ на шляпѣ. Но этотъ господинъ во фракѣ къ какому принадлежитъ народу? По физіономіи онъ европеецъ, по костюму онъ можетъ быть и русскимъ, и англичаниномъ, и нѣмцемъ: на немъ общій европейскій костюмъ образованнаго человѣка, тогда какъ на другихъ надѣты ихъ національные костюмы. По цвѣту же глазъ и волосъ нельзя отличить одинъ европейскій народъ отъ другаго: у

каждаго народа можно найти и блондиновъ, и брюнетовъ, хотя, напримѣръ, у южныхъ европейскихъ народовъ брюнетовъ больше, а у сѣверныхъ больше блондиновъ. Къ числу индо-европейцевъ слѣдуетъ причислить и полуазіатца—турка, въ его красивомъ костюмѣ, персіянина и даже индійца, хотя этотъ послѣдній такъ смуглъ, что только по длиннымъ и правильнымъ чертамъ лица можно причислить его къ одной рассѣ съ нами. Къ этому же семейству отнесемъ мы древнихъ грековъ и римлянъ, которые такъ много содѣйствовали нашему образованію.

Индо-кавказская расса получила свое названіе отъ того, что племена ея, какъ говорятъ, вышли изъ Индіи и черезъ Кавказскія горы проникли въ Европу.

За представителями нашей рассы поставимъ узкоглазаго, очень некрасиваго калмыка и разодѣтаго въ шелкъ китайца съ его длинною косою. Монголы заслуживаютъ второе мѣсто послѣ индо-кавказцевъ, потому что къ ихъ рассѣ принадлежатъ китайцы, образованіе которыхъ уже тогда достигло высокой степени, когда въ Европѣ жили еще дикари; но теперь оно остановилось и не идетъ далѣе. Къ этой же рассѣ относится и то страшное племя монголовъ, которое нѣсколько столѣтій тому назадъ составило на время огромное государство и покорило не только всю Азію, но и Россію. Въ настоящее время ничтожныя монгольскія орды скитаются по средне-азіятскимъ пустынямъ, а одна изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ калмыковъ, кочуетъ и у насъ со своими стадами. Къ монголамъ поставимъ мы дикаго алеута, самоѣда и звѣрообразнаго эскимоса: ихъ широкія физіономіи достаточно указываютъ, какой они рассы.

Возлѣ монголовъ помѣстимъ негровъ: глянцевито-черный цвѣтъ лица, узкій, завалившійся назадъ лобъ, выдающіяся впередъ челюсти, красныя, отвислыя губы даютъ возможность съ перваго взгляда вездѣ узнать негра. Это племя никогда не было образованнымъ. У себя дома, въ жаркой Африкѣ, негры живутъ по своему счастливо. Но какъ жалокъ бѣдный негръ, когда жадный европейскій купецъ увезетъ его съ родныхъ береговъ и продастъ въ рабство, въ тяжелыя работы на сахарныхъ или хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Стыдно признаться, что между христіанскими народами есть еще такіе, которые имѣютъ рабовъ и обращаются съ бѣдными неграми, какъ съ животными. Негръ, какъ онъ ни дикъ, какъ ни черенъ—человѣкъ: имѣетъ безсмертную душу, имѣетъ даръ слова, имѣетъ сердце, способное чувствовать радость и горе, любовь и благодарность, способное любить свободу и ненавидѣть

рабство, можетъ образовываться, можетъ познавать Бога и молиться ему, можетъ сдѣлаться христіаниномъ.

За неграми поставимъ дикаря съ пепельнымъ цвѣтомъ лица, съ покатымъ лбомъ, съ челюстями, выдвинутыми впередъ: это малаецъ, вспыльчивый и жестокій, житель острововъ Индійскаго архипелага и полуострова Малакки. Малайцы остаются въ дикомъ состояніи, хотя уже много европейцевъ поселилось между ними.

Теперь дошло дѣло и до этого мѣдно-краснаго дикаря съ лукомъ и стрѣлами, на узкой головѣ котораго, украшенной длинными, гладкими волосами, развѣвается пучокъ перьевъ; замѣтьте, какими узорами расписано его тѣло. Это представитель бѣдныхъ американскихъ дикарей, которыхъ европейцы называютъ *краснокожими*. Мы дали ему послѣднее мѣсто не потому, чтобы онъ былъ обиженъ природою больше другихъ: напротивъ, американскія племена имѣли у себя большія и довольно образованныя государства, когда Колумбъ открылъ Америку; но теперь они всё болѣе-и-болѣе исчезаютъ, вымираютъ и уступаютъ свою родину европейскимъ поселенцамъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ теперь, что родъ человѣческій, хотя и произошелъ отъ одной пары первыхъ людей, но раздѣляется въ настоящее время на пять рассъ; каждая расса на нѣсколько племенъ, а племена дѣлятся еще на народы. Мы съ вами принадлежимъ къ русскому народу; русскій народъ принадлежитъ къ славянскому племени (кромѣ русскихъ есть еще и другія славянскія племена: поляки, чехи, сербы, болгары); славянское племя принадлежитъ къ индо-европейскому семейству; индо-европейское семейство есть часть индо-кавказской рассы; а индо-кавказская расса есть часть единаго человѣческаго рода. Всѣ же люди, къ какому бы племени и къ какой бы рассѣ они ни принадлежали, носятъ въ себѣ безсмертный и свободный духъ, созданы по образу и по подобію Божію, и должны любить другъ друга, какъ братья, дѣти одного Небеснаго Отца.

ОТДѢЛЪ IV.

О РАСТЕНІЯХЪ.

ЯБЛОНЯ.

Кто изъ насъ не видалъ яблони и не кушалъ ея вкусныхъ плодовъ? Но посмотрѣть на яблоню и покушать яблокъ, не значитъ еще знать, что такое яблоня и какъ она растетъ. Если написать все, что дѣлается съ яблоней, то изъ этого выйдетъ очень большая и очень занимательная книга.

Яблоня—большое дерево; но мы видимъ и очень маленькія яблонки, которыя торчатъ изъ земли гибкими тросточками. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и тоненькая тросточка станетъ большимъ, толстымъ деревомъ съ цѣлымъ лѣсомъ вѣтвей. Яблоня, слѣдовательно, растетъ, какъ растутъ и дѣти, и этимъ уже отличается отъ кремня, куска желѣза или куска мѣди, которые, если ихъ не трогать, останутся всегда одними и тѣми же. Маленькую яблоню можно выдернуть съ корнемъ; но корни большой глубоко засѣли въ землю, и ее не выдернешь и десяткомъ лошадей. Корни сидятъ въ землѣ, а на поверхность выходитъ стволъ, покрытый толстою корою. Если содрать кору, то можно увидѣть подъ нею крѣпкій, бѣлый стволъ дерева; но дерево безъ коры засохнетъ. Поднявшись къ верху, стволъ раздѣляется на толстые сучья, которые, въ свою очередь, дѣлятся на вѣтви и наконецъ на тоненькія вѣточки; а на вѣточкахъ, какъ маленькія зеленыя птички, дрожатъ и шепчутся листья.

Каждую осень эти листья желтѣютъ и спадаютъ, уступая свое мѣсто маленькимъ, твердымъ почкамъ, которыя вы можете видѣть на всякой вѣткѣ во всю зиму. Присмотритесь къ этимъ почкамъ, и вы замѣтите, что всѣ онѣ завернуты въ твердую, блестящую кожицу коричневаго цвѣта; но придетъ весна, почка вздуется, начнетъ расти, разорветъ свой крѣпкій, блестящій покровъ—и развернется цвѣт-

комъ или листикомъ. Яблоня, слѣдовательно, имѣетъ нѣсколько отдѣльныхъ и различныхъ частей, необходимыхъ другъ для друга, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ яблоню; а именно: корень, сучья, вѣтки, кору и почки.

Каждый изъ этихъ органовъ яблони также не простой, но сложный органъ и въ свою очередь имѣетъ нѣсколько частей. Разсматривая корень, мы найдемъ на немъ тоненькія бѣленькія *мочки*, которыми растеніе высасываетъ необходимый для него сокъ изъ земли. Если эти мочки обрѣзать, то хотя корень останется, но дерево засохнетъ. Перепиливъ горизонтально стволъ дерева, мы найдемъ, что онъ состоитъ изъ множества слоевъ: тонкихъ круговъ, которые, начинаясь отъ сердцевины дерева, дѣлаются все больше и больше и доходятъ до самой коры. Разсмотрѣвъ кору, мы найдемъ и въ ней также двѣ части: одну внѣшнюю, сѣрую, растрескавшуюся, а другую внутреннюю, зеленоватую и гибкую, называемую *лубомъ*.

Но посмотрите на каждый листикъ, какой это сложный органъ! Къ вѣткѣ онъ прикрѣпленъ *черешкомъ*; отъ черешка идетъ по серединѣ листка, раздѣляя его на двѣ половины, главный нервъ (жилка); отъ главнаго нерва въ обѣ стороны, наподобіе вѣтокъ, распространяются другіе, болѣе и болѣе тонкіе; эти маленькіе нервы соединены между собою еще болѣе тоненькими жилками, перерѣзывающими весь листокъ во всѣхъ направленіяхъ. Листья у разныхъ деревьевъ бываютъ различные: у яблони они почти круглые, зубчатые по краямъ и нѣсколько заостренные къ концу; верхняя сторона листа, обращенная къ солнцу, зеленаго цвѣта, нижняя — сѣровата. Если ножичкомъ содрать съ листа верхнюю кожицу, то мы увидимъ подъ нею сочную мякоть.

Мы знаемъ уже, что дерево не имѣетъ ни чувства, ни движенія; а потому ему не нужно и органовъ чувства и движенія: не нужно мускуловъ и нервовъ. Но дерево питается и, слѣдовательно, имѣетъ органы питанія. Свѣсьте маленькую, чуть показавшуюся изъ-подъ земли яблоньку и попробуйте свѣсить большое дерево, и вы убѣдитесь, что, когда яблоня выростетъ, то въ ней прибавятся десятки пудовъ того матеріала, изъ котораго она состоитъ. Откуда же взяла яблоня этотъ матеріалъ? Мы уже знаемъ, что одинъ только Богъ творитъ изъ ничего и что ни человѣкъ, ни животное, ни растеніе изъ ничего ничего не могутъ сдѣлать. Дитя растетъ, потому-что питается; потому же самому растетъ и дерево. Бабочка за пищей летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, червячокъ ползаетъ по травѣ и листьямъ; но яблоня не трогается

съ мѣста; а потому, должно-быть, достаетъ себѣ пищу, матеріалъ для своего роста, тамъ же, гдѣ стоитъ, и изъ того, что̀ ее окружаетъ. Чѣмъ же окружено дерево и откуда оно могло бы взять себѣ пищу?.. Во-первыхъ, корни его роются въ землѣ; во-вторыхъ, листья его дрожатъ въ воздухѣ, и въ-третьихъ, его часто поливаетъ дождь, смачивая его и землю, въ которой оно стоитъ. Не откуда яблонѣ взять себѣ пищи, неоткуда достать матеріала для новыхъ вѣтвей, для своихъ ежегодно мѣняющихся листьевъ, для своихъ сочныхъ яблокъ, если она не возьметъ его изъ земли, воды и воздуха. Чудную же работу выполняетъ яблоня, несмотря на то, что у нея нѣтъ ни чувствъ, ни сознанія, ни движенія! Изъ грязной некрасивой земли, изъ безцвѣтной жидкой воды, изъ невидимаго воздуха выработываетъ она и твердый стволъ, и гибкую вѣтку, и глянцовитую почку, и зеленые листья, и сочный, вкусный, румяный плодъ. Это дѣлаетъ она не своимъ умомъ, — потому что тамъ, гдѣ нѣтъ чувства, не можетъ быть и ума, — но премудростію Создателя, который и безчувственное дерево одарилъ такою чудною жизненною силою.

Но что̀ это за бѣлыя, какъ снѣгъ, или слегка розоватыя, красивыя и душистыя существа, которыя усыпаютъ яблоню весною еще прежде, чѣмъ на ней появятся листья? Это цвѣты, изъ которыхъ яблоня, къ концу лѣта, выработаетъ свои яблоки. Устройство цвѣтка тоже не простое. Посмотрите на него, и вы увидите, что этотъ органъ сложенъ изъ нѣсколькихъ другихъ органовъ: цвѣтокъ состоитъ изъ пяти бѣлыхъ, какъ снѣгъ, листочковъ, по которымъ на иныхъ яблоняхъ идутъ розоватыя полоски; всѣ эти листики, всѣ эти розоватые *лепестки* выходятъ изъ одной зеленой *чашечки*, тоже съ пятью зелеными листиками, сросшимися при основаніи; посреди бѣленькихъ лепестковъ торчатъ нѣсколько тоненькихъ ниточекъ, съ маленькими желтенькими мѣшочками на верху. Эти бѣлые лепестки называются *вѣнчикомъ*, а стебельки съ желтенькими мѣшочками — *тычинками*. Посреди тычинокъ, въ глуби цвѣтка, въ самой зеленой чашечкѣ, скрывается еще особенный органъ, называемый *плодничкомъ*, изъ котораго и образуется *завязь* будущаго яблока.

Все это мы разсмотримъ потомъ подробнѣе, а теперь взглянемъ на самое яблоко. Оно состоитъ также изъ нѣсколькихъ частей. На верху у него углубленіе съ хохолкомъ (глазокъ), снизу хвостикъ, похожій на черешокъ листка, только потоньше и подлиннѣе; этотъ хвостикъ называется *ножкой*; на ней прежде сидѣлъ цвѣтокъ. Сверху

яблоко покрыто кожицей, которая бываетъ различнаго цвѣта у яблокъ различной породы; но большею частію у зрѣлаго яблока она желтаго или розоваго цвѣта; бываютъ впрочемъ яблоки красные, какъ кращенка. Срѣжемъ эту гладкую, блестящую кору, которой ѣсть нельзя, и мы найдемъ подъ нею сочное, бѣлое, вкусное мясо. Обрѣзавъ осторожно мясо, мы увидимъ, что въ серединѣ яблока, изъ толстой глянцовитой кожицы, устроенъ хитрый домикъ, состоящій изъ пяти комнатокъ, раздѣленныхъ стѣнками. Въ этихъ комнаткахъ есть и жильцы: въ каждой изъ нихъ сидитъ по парѣ маленькихъ зернышекъ, темно-коричневыхъ, почти совершенно черныхъ, если яблоко созрѣло. Вотъ для какихъ гостей приготовило яблоко свой сочный плодъ!

Но возьмемъ самое зернышко, разрѣжемъ его и увидимъ, что и въ немъ, какъ оно ни мало, есть нѣсколько различныхъ частей; но главная — лежащій въ сѣмени крошечный зародышъ будущей большой яблони. Посадите это зернышко въ землю и поливайте его: кожица размякнетъ, а маленькій зародышъ начнетъ увеличиваться, расти, и скоро, выбившись изъ своей тюрьмы, пуститъ корешокъ къ низу, а два листика къ верху; эти два первые, *зародышные* листика скоро опадутъ; но между ними уже была готова почка, изъ которой образуется стебелекъ съ листиками; а десятка черезъ два лѣтъ изъ стебелька выростетъ огромное дерево, которое и само будетъ давать сотни и тысячи плодовъ.

Любопытно было бы посмотрѣть, какъ все это дѣлается: какъ изъ крошечнаго зародыша образуется большая яблоня, какъ и чѣмъ она питается, какъ и изъ чего дѣлаетъ свои листья и плоды, и какъ опять въ этихъ плодахъ появляются сѣмена будущихъ растеній. Да и одна ли яблоня занимается этимъ дѣломъ! Каждое дерево, каждый кустарникъ, каждый цвѣтокъ, каждая самая маленькая травка дѣлаетъ то же самое: начинается изъ зародыша, даетъ корень и стебель, убирается листьями и цвѣтами и, наконецъ, приноситъ плодъ, въ которомъ приготовляются сѣмена будущихъ растеній. Яблоня, груша, слива, земляника, роза, сосна, ель, колосъ ржи или пшеницы, одуванчикъ, цвѣты котораго дѣти такъ любятъ раздувать по воздуху, жгучая крапива, — всѣ что-нибудь да готовятъ. И сколько разнообразныхъ произведеній выставляетъ на удивленіе и на пользу человѣку цѣлое царство растеній! Еслибы мы захотѣли высчитать здѣсь всѣ, какіе есть на свѣтѣ, растенія, и разсказать, какъ каждое изъ нихъ готовитъ что нибудь особое: одно душистую розу, другое красивый тюльпанъ, третье колючую шишку, четвертое крѣпкій орѣхъ, пятое сочное яблоко,

шестое маковую головку и т. д.,—то мы и въ нѣсколько мѣсяцевъ не разсказали бы всего. Для этого есть цѣлая большая наука, которую называютъ *ботаникою*.

ВИШНЯ.

Вишневое дерево такъ извѣстно каждому, что мы не думаемъ подробно его описывать, тѣмъ болѣе, что у него всѣ тѣ же главныя части, какія мы видѣли у яблони, только оно не бываетъ такъ толсто и высоко; кожа на немъ темно-коричневаго цвѣта и глаже, чѣмъ на яблонѣ; листочки круглопродолговатые, заострены къ концу, по краешкамъ зубчаты, глянцевиты и прекраснаго зеленаго цвѣта. Но мы обратимъ особенное вниманіе на цвѣты вишни, которые во множествѣ появляются на ней въ концѣ мая или въ началѣ іюня и одѣваютъ ее всю бѣлою пеленою.

Сорвите одинъ изъ такихъ цвѣтковъ, разсмотрите его хорошенько, и вы легко отличите въ немъ нѣсколько частей:

1) Снизу видна цвѣточная *ножка*, которая у цвѣтка то же, что черешокъ у листа, но длиннѣе, принимаетъ нѣсколько другую форму и къ верху немного утолщается. 2) Къ этой толстой части ножки прикрѣплено пять зеленыхъ листочковъ, сросшихся краями въ основаніи и образующихъ такъ называемую *чашечку*. Чашечка охраняетъ отъ засухи, холода и излишней влаги внутренніе, болѣе важные органы цвѣтка, почти совершенно обнимая его, пока онъ находится въ видѣ почки. 3) За листочками чашечки мы находимъ снова пять листочковъ, только уже не зеленыхъ, а бѣлыхъ съ розовымъ отливомъ. Эти красивые листочки, которые такъ разнообразны по цвѣту въ различныхъ растеніяхъ, называются *лепестками;* а всѣ пять лепестковъ вмѣстѣ—*вѣнчикомъ*. У вишни лепестки вѣнчика не сростаются одинъ съ другимъ, какъ напримѣръ у колокольчика. Вѣнчикъ тоже еще не самая главная часть цвѣтка, а только служитъ охраняющимъ покровомъ для другихъ, внутреннихъ, болѣе существенныхъ частей этого сложнаго и красиваго организма; а именно: для *плодничка* и *тычинокъ*. 4) Плодничокъ находится въ серединѣ цвѣтка. Онъ тоже, какъ и зеленые листы чашечки и бѣлые лепестки вѣнчика, дѣлается изъ листа почки, который, сростаясь краями, образуетъ нѣчто въ родѣ зеленаго кувшинчика, толстенькаго снизу и съ длиннымъ, тонкимъ горлышкомъ, которое къ верху раскрывается

рыльцемъ. Нижняя, толстенькая часть плодника въ серединѣ имѣетъ пустое пространство и называется *завязью*; горлышко, которое называютъ *столбикомъ* плодника, имѣетъ видъ узкаго канальца, который внизу сообщается съ пустотою завязи, а вверху раскрывается рыльцемъ. 5) Вокругъ плодничка стоитъ множество тоненькихъ растительныхъ нитей которыя также, какъ и плодникъ, образовались изъ свернувшихся и сросшихся листочковъ цвѣточной почки; стоячія ниточки эти называются *тычинками*. На верху каждой тычинки прикрѣпленъ мѣшочекъ или, какъ его называютъ, *гнѣздышко*, наполненное крошечными желтыми *пылинками*. Замѣтимъ же хорошенько всѣ эти части цвѣтка и посмотримъ, чѣмъ каждая изъ нихъ занимается.

Сначала цвѣтокъ появляется на вѣткѣ въ видѣ почки, точно такой же, какъ почка листьевъ; но потомъ та изъ почекъ, которой назначено быть цвѣткомъ, растетъ и развивается быстрѣе другихъ. Скоро зеленая чашечка начинаетъ раскрываться и даетъ возможность развернуться и свернутымъ въ ней бѣлымъ лепесткамъ, которые, развертываясь въ свою очередь, открываютъ плодничокъ и тычинки. Когда цвѣтокъ совершенно развернется, а плодничокъ и тычинки достигнутъ своей зрѣлости, тогда мѣшочки на тычинкахъ раскрываются сами собою и изъ нихъ высыпается желтая плодотворная пыль. Для превращенія красиваго цвѣтка во вкусную вишню, достаточно, чтобы хотя одна изъ безчисленнаго множества тычинковыхъ пылинокъ упала на рыльце плодничка и завязла въ той липкой жидкости, которою въ это время покрывается рыльце. Недолго плодотворная пылинка остается лежать на рыльцѣ; скоро ей захочется заглянуть во внутрь плодника, и вотъ она начинаетъ расти, вытягивается въ длинненькую и такую тонкую ниточку, что можетъ, дѣлаясь все длиннѣе, проникнуть по канальцу столбика въ самую внутренность завязи. Что же видитъ тамъ плодотворная пылинка, вытянувшаяся въ нитку? Она находитъ въ завязи уже готовую для себя колыбельку: мѣшочекъ, состоящій изъ нѣсколькихъ крошечныхъ листиковъ, свернутыхъ въ одну крошечную же почку; пылинка проникаетъ однимъ концомъ своимъ въ этотъ мѣшочекъ и тамъ остается. Эта минута имѣетъ большое значеніе въ жизни цвѣтка и съ этого времени цвѣтокъ начинаетъ быстро измѣняться. Оплодотвореніе уже совершилось, и органы, служившіе цвѣтку при этомъ процессѣ, болѣе ему не нужны: зеленая чашечка, бѣлые лепестки, тычинки и даже столбикъ плодничка быстро вянутъ, сохнутъ и опадаютъ. На цвѣточной ножкѣ остается одна нижняя часть плодничка, или завязь, и уже не прежняя завязь, а съ дорогою пылинкою

внутри. На этой-то пылинкѣ сосредоточиваются съ этихъ поръ всѣ материнскія заботы растенія: къ ней посылаетъ оно лучшіе свои соки, и въ такомъ количествѣ, что даже листьямъ растенія достается мало, и они нѣсколько привядаютъ; а завязь, питаясь обильно, быстро растетъ, измѣняется и превращается скоро въ очень вкусный плодъ.

Но какъ она измѣнилась! Возможно ли во вкусной, красной, мясистой вишнѣ узнать зеленую завязь бывшаго плодничка? А между-тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что вишня дѣлается изъ завязи, оплодотворенной пылинкою. Сама пылинка, занимая центральное мѣсто въ завязи, образуетъ душистое зернышко вишни, вкусъ и запахъ котораго напоминаетъ нѣсколько горькій миндаль; мѣшочекъ, въ который попала пылинка, твердѣетъ, обнимаетъ своего гостя плотно со всѣхъ сторонъ и мало-по-малу превращается въ твердую скорлупу вишневой косточки; стѣнки же завязи, по отпаденіи столбика, быстро толстѣютъ, мѣняютъ свой цвѣтъ и, словомъ, дѣлаются круглою, мясистою вишнею.

Вотъ какъ изъ почки вишневаго дерева дѣлается сначала цвѣтокъ, а потомъ вишня, и вы вѣроятно замѣтили сами, что вишня бываетъ сначала зеленою какъ завязь, потомъ бѣлою, потомъ уже начинаетъ желтѣть или краснѣть, пока не сдѣлается, у однихъ породъ вишни, прозрачно-бѣлою (черешня), у другихъ, розовою, у третьихъ, пунцовою, у четвертыхъ, почти черною.

У безчисленнаго множества другихъ цвѣтущихъ растеній, оплодотвореніе цвѣтка и развитіе плода совершается также или почти также, какъ и у вишни, съ небольшими отмѣнами: у мака, напр., стѣнки плодничка превращаются въ большую маковую головку, заключающую въ себѣ безчисленное множество маковыхъ зеренъ и закрытую сверху красивою крышечкою, похожею на звѣзду. Когда макъ созрѣетъ, головка его пожелтѣетъ и засохнетъ, тогда маковыя зернышки легко могутъ высыпаться на землю въ отверзтія, находящіяся подъ крышкой. У орѣха стѣнки плодничка превращаются въ твердую шелуху, надъ которой дѣти любятъ пробовать остроту и крѣпость своихъ молодыхъ зубовъ.

Оплодотвореніе яблони происходитъ точно такимъ же образомъ, какъ и оплодотвореніе вишни; но у яблонь плодничокъ не выдвигается такъ далеко наружу, какъ у вишни, но прячется въ самой глубинѣ цвѣточной чашки. Кромѣ-того плодничокъ яблони образуется не изъ одного листика, какъ плодничокъ вишни, но изъ пяти листочковъ, сросшихся между собою краями, идущими къ центру завязи, такъ

что вся завязь въ серединѣ перегорожена на пять отдѣленій; отъ каждаго изъ этихъ отдѣленій идетъ къ верху по небольшому столбику, и хотя всѣ эти столбики снаружи срослись въ одинъ, но у каждаго изъ нихъ свой особый каналъ и особое рыльце. Плодничокъ яблони также окруженъ тычинками; но, чтобы яблоко начало вполнѣ формироваться, недостаточно одной пылинки, а нужно ихъ десять, по два на каждое рыльце и на каждую комнатку завязи; потому что въ каждой комнаткѣ приготовлено мѣсто для двухъ жильцовъ, двухъ маленькихъ зернышекъ, которыя, когда созрѣютъ, сдѣлаются черными. Слѣдовательно, изъ стѣнокъ плодничка дѣлается не самое яблоко, а та его твердая глянцовитая сердцевина, раздѣленная на пять комнатъ, въ которой лежатъ яблочныя зерна.

Разрѣзавъ яблоко поперегъ, мы ясно увидимъ бывшій пятикомнатный плодникъ, сложенный изъ пяти сросшихся листочковъ, но только увеличенный въ объемѣ и превратившійся въ твердую, бѣлую кожу. Разсмотрите же со вниманіемъ, какъ зернышки прикрѣплены здѣсь къ стѣнкамъ плодничка: это бывшіе плодниковые мѣшочки, превратившіеся въ зерно, послѣ того какъ въ нихъ попала плодотворная пыль.

Но изъ чего же образовалось вкусное бѣлое мясо яблока, которое для насъ гораздо интереснѣе, чѣмъ его кожистая, колючая сердцевина? Изъ завязи оно образоваться не могло, потому что завязь пошла, какъ мы знаемъ, на другое дѣло. Но припомните, что плодничокъ яблока сидитъ глубоко внутри зеленой чашечки, такъ что листья чашечки могутъ вполнѣ обнять плодникъ. Какъ только въ пяти комнаткахъ плодника заведутся новые жильцы, плодотворныя пылинки,— то сейчасъ же и начинается превращеніе: тычинки и бѣлые лепестки сохнутъ и опадаютъ. Но чашечка не опадаетъ, какъ у вишни; а напротивъ, остается и выполняетъ важную работу: пять ея зеленыхъ листиковъ начинаютъ снова свертываться и обхватываютъ со всѣхъ сторонъ оплодотворенную уже завязь плодника; потомъ они сростаются между собою совершенно, образуя своими концами тотъ маленькій хохолокъ, который мы видимъ на верхушкѣ яблока. Вслѣдъ за этимъ листики начинаютъ толстѣть, наливаться, и превращаются въ то, что мы собственно называемъ яблокомъ. Если у васъ достанетъ терпѣнья прослѣдить, какъ образуется яблоко, то вы сами замѣтите, какъ свернутся листики чашечки, какъ они станутъ мало-по-малу сростаться, такъ долго, что видны будутъ слѣды, гдѣ они сростаются; какъ потомъ исчезнутъ и эти слѣды, и пять неровно-сложенныхъ листочковъ быв-

шей зеленой чашечки цвѣтка превратятся въ совершенно круглое и гладкое яблоко.

БЕРЕЗКА И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

У каждаго дерева есть своя особая физіономія. Толстый коренастый дубъ, съ твердыми, какъ желѣзо, сучьями, на которыхъ даже сильный вѣтеръ шевелитъ только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго богатыря, смѣло и упорно подставляющаго невзгодамъ свою могучую грудь; отъ сосны и ёлки, отъ ихъ неумирающей, колючей, темной зелени вѣетъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣтахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ,—богатая, хлѣбосольная хозяйка; дуплистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только передъ смертью — осенью, когда рождающіеся холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣе, привѣтливѣе, милѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой одеждой; ея яркая, кудрявая, нѣжная зелень весною первая радуетъ наши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чѣмъ нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умывшись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышетъ свѣжестью, чистотою и весельемъ.

Листья березки маленькія зеленыя сердечки, заостренныя къ верху, съ зазубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только что развернутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и липнутъ къ рукамъ. Кромѣ листьевъ вы вѣроятно замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошенькія, длинныя *серёжки*: это цвѣты березы. Такихъ серёжекъ на каждой березѣ два сорта: на тѣхъ серёжкахъ, которыя подлиннѣе, находятся тычинки и приготовляется плодотворная пыль; на другихъ, покороче,—тысячи плодничковъ, готовыхъ жадно подхватить эту пыль.

Мы знаемъ, что у яблони и вишни, точно также, какъ и у множества другихъ растеній, и плодники, и тычинки сидятъ на одномъ цвѣткѣ; у березы, напротивъ, эти два органа находятся на различныхъ цвѣткахъ, хотя на одномъ и томъ же деревѣ.

Тычинковыя серёжки подготовляются березою еще съ осени и рано начинаютъ развиваться весною, даже раньше листьевъ. Когда

же, вмѣстѣ съ душистымъ листомъ, появятся тоненькія, зеленыя плодниковыя серёжки, тогда, при малѣйшемъ вѣтрѣ, съ вызрѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная, плодотворная пыль. Безчисленное множество такихъ пылинокъ слетитъ съ каждой березы на землю, но много ихъ падаетъ и на липкіе плоднички. Получивъ плодотворную пылинку, плодничокъ закрывается и начинаетъ пригоготовлять сѣмя, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждаго дозрѣвшаго сѣмени березы, какъ оно ни мало, есть два крылышка, и каждое крылышко вдвое больше самаго сѣмени. Осенью, когда крылатыя сѣмена дозрѣютъ, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны—и несетъ далеко, далеко: такъ приспособлено каждое сѣмечко къ воздушному путешествію. Безчисленные милліоны этихъ сѣменъ, попадая на воду, на песокъ, на другія деревья, засыхаютъ и погибаютъ; но многія найдутъ себѣ почву и пустятъ корешки. Впрочемъ сѣмя березы самое неприхотливое въ выборѣ мѣста: оно можетъ пустить свой корешокъ и на крышѣ стараго дома и на верху старинной колокольни, куда нанесло вѣтромъ нѣсколько горстей пыли. Береза по преимуществу сѣверная красавица и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ еще на границахъ сибирскихъ тундръ, не вдалекѣ отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ вынести мертвящей стужи; березка гнется, ёжится, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройку береза употребляется рѣдко; но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы вѣроятно замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы: это потому, что въ корѣ березы или берёстѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго вещества — смолы. Изъ берёсты дѣлаютъ (или гонятъ) деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землею, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землею берёста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую смолу, деготь. Берёстою же, такъ какъ она по обилію смолы очень трудно гніетъ, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодыя, липкія почки и душистые листья березы настаиваютъ въ спиртѣ и приготовляютъ изъ нихъ такимъ образомъ лекарство, очень полезное при порѣзахъ. Стволъ березы часто кривъ, сучковатъ и негоденъ для построекъ; но древесина ея бѣла, крѣпка и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлаютъ

иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается такъ-называемая карельская береза, которая по красотѣ и прихотливости своихъ слоевъ цѣнится дорого столярами.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые первыми лучами солнца, побѣгутъ вверхъ, чтобъ заняться приготовленіемъ молодыхъ вѣтокъ, листьевъ и цвѣтовъ, стволъ березы пробуравливаютъ и вставляютъ въ дырочку жолобокъ, по которому течетъ изъ дерево сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губятъ много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши. Это, конечно, очень красиво, но сколько при этомъ погибаетъ молодаго лѣса!

Березъ нѣсколько породъ, изъ которыхъ мы замѣтимъ двѣ: одну кудрявую, веселую, и другую, которая, подобно ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя космы и точно роняетъ слезы: такія грустныя березки, также какъ и ивы, называютъ плакучими.

По формѣ своихъ цвѣтовъ, береза причисляется къ семейству *серёжчатыхъ* растеній. Къ этому семейству принадлежатъ, кромѣ березы: ива, тополь, орѣшникъ, платанъ или чинаръ, растущій только въ теплыхъ климатахъ, и даже дубъ, хотя крупные плоды его, называемые жолудями, твердые, вырѣзные листья, и крѣпкій могучій стволъ вовсе не напоминаютъ березы.

Ива, о которой мы будемъ еще говорить, имѣетъ въ свою очередь множество породъ: верба, лоза, ветла и даже кустарникъ, называемый у насъ тальникомъ, принадлежатъ къ породѣ ивъ.

Орѣшникъ уже не дерево, а рослый кустарникъ, тоже съ серёжчатыми цвѣтами и съ плодами, очень хорошо знакомыми дѣтямъ.

Дубъ — могучее и полезное дерево и имѣетъ до ста различныхъ породъ. Твердое дерево дуба цѣнится дорого и употребляется для подѣлокъ, требующихъ особенной крѣпости. Жолуди дуба — любимая пища свиней. На листьяхъ его образуются часто круглые чернильные орѣшки. Орѣшки эти происходятъ отъ того, что одно насѣкомое, называемое *орѣхотворкою*, проткнувши кору дубоваго листа, кладетъ подъ нее свои яички. Чернильные орѣшки, слѣдовательно, не плоды дерева, а скорѣе болѣзненные наросты на его раненыхъ листьяхъ.

Стройный прекрасный тополь, который боится морозовъ и не растетъ въ холодномъ климатѣ, имѣетъ также нѣсколько породъ: серебристый тополь, у котораго нижняя сторона листа блеститъ, какъ серебро, пирамидальный, вытягивающійся къ верху стройною, зеленою пирамидою, душистый и другіе.

Всѣ эти разнообразныя деревья и кустарники, по формѣ своихъ цвѣтовъ, причисляются къ одному *семейству серёжчатыхъ.*

ИВА.

На противоположныхъ берегахъ безъ умолку журчащаго ручья стоятъ двѣ ивы съ красноватыми, гибкими вѣтвями. Обѣ онѣ выросли изъ двухъ родныхъ сѣмечекъ, которыя когда-то сидѣли рядышкомъ въ цвѣткѣ старой ивы. Когда эти сѣмена были еще завернуты въ мягкій хлопокъ и спали одинъ возлѣ другаго, въ одной теплой колыбелькѣ, сильный порывъ вѣтра выхватилъ ихъ оттуда и забросилъ одно сѣмечко по эту сторону ручья, а другое по ту. Они попали въ мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-по-малу, сдѣлались сами большими деревьями. Но не одни они были здѣсь,—вокругъ ихъ выросли и другія деревья, и двумъ сестрамъ нельзя было даже взглянуть другъ на друга; вотъ почему онѣ опустили свои вѣтви и шелестятъ такъ грустно своими плачущими листочками; вотъ почему и люди считаютъ иву за печальное дерево: часто садятъ ее на могилахъ уснувшихъ друзей своихъ и называютъ ее плакучею; въ-самомъ-дѣлѣ съ вѣтвей ивы скатываются, точно слезы, свѣтлыя капельки; но эти капельки приготовляетъ не ива, а живущія на ивѣ насѣкомыя.

Однакожъ и плакучая ива имѣетъ свои веселые дни. Раннею весною, когда другія деревья и кустарники еще спятъ, почки ивъ начинаютъ уже пробуждаться. Завернутыя въ темно-коричневыя чешуйки, спятъ онѣ до тѣхъ поръ на вѣтвяхъ; но едва повѣетъ теплотой весны, онѣ разрываютъ свою темницу и выглядываютъ оттуда бѣлыми и мягкими какъ шелкъ барашками. Барашки — цвѣты ивы; но эти цвѣты на обѣихъ ивахъ различны.

На одной ивѣ барашки желтоватаго цвѣта и множество пыльничковъ выглядываютъ у нихъ изъ-за чешуекъ; а въ этихъ пыльничкахъ вызрѣваетъ золотистая пыль. Медомъ пахнутъ эти барашки, и пчелки толпою спѣшатъ къ нимъ позапастись душистою пищею. «Хорошо», говорятъ пчеламъ золотые барашки: «берите себѣ медъ, Господь съ вами; но за то сослужите намъ службу: тамъ за ручьемъ растетъ родная намъ ива, слетайте къ ней, скажите ей отъ насъ — здравствуй и снесите ей въ подарокъ сколько можете, нашей золотой пыли.» Золотымъ, мохнатымъ пчелкамъ такая услуга ни по чемъ: по-

работавши хлопотливо на ивовыхъ барашкахъ, онѣ и такъ всѣ перепачкають свое мохнатое платье золотою пылью и имъ только стоитъ полетѣть къ другой ивѣ и отнести подарокъ. На другой ивѣ барашки нѣжнѣе и зеленѣе, но также пахнутъ медомъ и манятъ къ себѣ пчелокъ. Но изъ-за каждой чешуйки выглядываютъ уже не пыльники, а по два плодничка съ открытыми устьицами, которыя жадно ожидаютъ золотаго подарка родной сестрицы. Пчелки принесутъ этотъ подарокъ и вѣрно передадутъ его, кому онъ посланъ; а въ награду за посольство и здѣсь получаютъ медъ. Съ радостью принимаютъ плодниковые барашки подарки родной, хотя далекой сестры, прячутъ ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ современемъ маленькія зернышки. Осенью снова полетитъ вѣтеръ, снова разнесетъ зерна и хотя многія тысячи ихъ погибнутъ, но ихъ такъ много, что какое-нибудь непремѣнно упадетъ на плодородную землю и сдѣлается ивой. Такъ, благодаря пчелкамъ, пересылаетъ одна ива другой благотворный подарокъ.

На яблонѣ и вишнѣ тычинки и плоднички на одномъ цвѣткѣ; на березѣ—на двухъ цвѣткахъ, но на одномъ и томъ же деревѣ; на ивѣ—на двухъ разныхъ деревьяхъ: на одномъ цвѣточки съ плодничками, на другомъ съ тычинками. Ива, слѣдовательно, живетъ на два дома и ее зовутъ *двудомнымъ* растеніемъ, береза растеніе *однодомное*.

Къ двудомнымъ растеніямъ принадлежитъ и обитательница жаркихъ странъ—*финиковая пальма*, у которой, кромѣ такого расположенія цвѣтовъ на двухъ деревьяхъ, нѣтъ ничего общаго съ нашей ивой. На одной пальмѣ—плоднички, на другой—пыльнички, и финики не выростутъ на первой пальмѣ и плоднички ея засохнутъ безъ плода, если услужливый вѣтеръ не принесетъ ей золотистой пыли отъ родной сестры, растущей иногда гдѣ нибудь очень далеко, за морями, за сотни верстъ.

Къ двудомнымъ же растеніямъ принадлежитъ и наша конопля; но стержни ея растутъ рядомъ другъ подлѣ друга. Посмотрите на эти стержни: на однихъ вы увидите прямыя головки съ конопляными зернышками, на другихъ зернышекъ нѣтъ. Вы уже сами угадаете, гдѣ были плоднички и гдѣ тычинки. Стебельки съ плодничками называются коноплей; стебельки съ тычинками—посконью или замашкой, потому что, выдергивая ихъ ранѣе, чѣмъ коноплю, крестьянки машутъ ими по воздуху, чтобы вытрясти изъ нихъ плодотворную пыль на плоднички конопляныхъ стеблей.

РОЖЬ.

Русскій народъ не даромъ называетъ рожь своею кормилицею: она дѣйствительно кормитъ многіе милліоны людей и въ этомъ отношеніи стоитъ несравненно выше и душистой розы и могучаго дуба. Познакомимся же поближе съ этимъ благодѣтельнымъ маленькимъ растеніемъ.

Вытащимъ изъ земли стебелекъ ржи въ концѣ іюня или началѣ іюля, когда рожь цвѣтетъ, и увидимъ, что этотъ стебелекъ имѣетъ тѣ же четыре главныя части, какія мы видѣли и у яблони: корень, стволъ, листья и цвѣты; но только все это у колоса ржи устроено совершенно иначе, по своему.

Корень весь состоитъ изъ небольшаго пучка тоненькихъ нитокъ (мочекъ), которыя начинаются у самаго основанія стебля и образуютъ собою небольшую кисточку, скрывающуюся въ землѣ. Тоненькій стебелекъ ржи, называемый соломинкою, тоже что у яблони стволъ; но соломинка пуста въ серединѣ и раздѣляется на нѣсколько частей, соединяемыхъ колѣнцами, которыя внутри соломинки составляютъ перегородки. Высотою колосокъ соломенки бываетъ отъ двухъ до трехъ аршинъ, и если принять въ разсчетъ тонкость ея стѣнокъ, то нельзя не удивляться, какъ она при такой высотѣ, подымая тяжелый колосъ, часто гнется до земли подъ напоромъ вѣтра—и не ломается. Листья у ржи, которые можно видѣть покудова рожь еще не отцвѣтетъ, длинны, заострены къ концу и не имѣютъ черешковъ, на которыхъ держатся, напримѣръ, листья яблони или дуба; листочикъ ржи прикрѣпляется къ соломинкѣ всѣмъ своимъ основаніемъ и плотно обнимая ее идетъ вверхъ, только уже на половинѣ начинаетъ онъ отворачиваться и потомъ, загнувшись красиво, качается въ воздухѣ. Разсмотрѣвъ внимательнѣе листокъ ржи, мы замѣтимъ еще другое важное отличіе его отъ листковъ яблони, вишни, березы и другихъ знакомыхъ намъ растеній: полоски его, называемыя нервами или жилками, идутъ параллельно вдоль всего листочка, а не развѣтвляются въ разныя стороны.

Цвѣтокъ ржи называется колосомъ; но колосъ есть не одинъ цвѣтокъ, а собраніе множества цвѣтковъ на одной и той же оси. Оборвавъ съ колоса маленькіе колоски, его составляющіе, мы найдемъ, что ось, на которой они держатся, изогнута въ разныя стороны и что маленькіе колоски сидѣли именно на этихъ изгибахъ. Каждый маленькій колосокъ состоитъ изъ нѣсколькихъ цвѣтовъ; но какъ про-

вты эти полезные цвѣты! Замѣтимъ при этомъ, что все, что очень полезно, очень просто и рѣдко отличается наружнымъ великолѣпіемъ или величественнымъ видомъ. У цвѣтка ржи тѣ же части, какія и у цвѣтка яблони; но по виду онѣ очень скромны. Его цвѣточная чашечка состоитъ только изъ двухъ неокрашенныхъ плёнокъ и на одной изъ нихъ торчитъ колючая *ость* или усикъ, очень длинный у нѣкоторыхъ хлѣбныхъ растеній, например у пшеницы. Вмѣсто разукрашеннаго разноцвѣтнаго вѣнчика другихъ цвѣтовъ у ржи опять же двѣ тоненькія, простыя, неокрашенныя *плёночки*. Посреди этихъ плёночекъ сидитъ маленькій плодничокъ, окруженный тремя желтыми пыльниками, которые пробиваются наружу, когда цвѣтетъ колосокъ. Вотъ почему кажется, что колосъ цвѣтущей ржи весь окруженъ какимъ-то зеленожелтоватымъ пухомъ. Разсмотрѣвъ этотъ дрожащій пухъ въ увеличительное стекло, мы замѣтимъ, что это такія же тычинки, какія мы видѣли и въ цвѣткѣ вишни. Подсмотримъ же теперь, какъ работаетъ искусный стебелёкъ ржи, какъ приготовляетъ онъ пищу милліонамъ людей. Начнемъ съ начала, т.-е. съ зерна.

Чтобы разсмотрѣть хорошенько зерно ржи, для этого надобно сначала положить его дня на два между двумя мокрыми войлоками въ тепломъ мѣстѣ и, когда зернышко разбухнетъ, осторожно, тонкимъ и острымъ ножомъ, разрѣзать его вдоль, пополамъ. Разсмотрѣвъ внимательно, съ помощію увеличительнаго стекла, внутренность ржанаго зерна, мы увидимъ, что въ немъ за сѣроватой и твердой оболочкой кожицы слѣдуетъ мучнистое бѣлое вещество, называемое *бѣлкомъ*. Этимъ-то бѣлкомъ, котораго почти нѣтъ въ зернѣ яблони и вовсе нѣтъ въ зернѣ боба или гороха, кормятся милліоны людей. Въ срединѣ бѣлка, нѣсколько съ боку, мы замѣтимъ крошечный бѣленькій зародышъ будущаго растенія, который и теперь уже представляется крошечнымъ растеніемъ, потому-что у него есть корешокъ, и стебелекъ, и листочикъ. Обративъ вниманіе на этотъ листочикъ зародыша, скрывающійся уже въ сѣмени и называемый потому *сѣменнымъ листкомъ* или *сѣменною долею*, ботаники открыли, что этихъ зародышныхъ листиковъ у ржи и у многихъ другихъ растеній бываетъ всего по одному, а у дуба, липы, яблони, вишни и множества другихъ — по два или по нѣскольку, какъ напримѣръ, въ зернышкѣ сосны. Какое, кажется, ничтожное, едва замѣтное различіе! Но оно оказалось такъ важно, что ботаники на основаніи его раздѣлили всѣ растенія на *односѣменодольныя* и *двусѣменодольныя*. Мы увидимъ далѣе, какое сильное вліяніе имѣетъ это различіе на всю жизнь растенія; а те-

перь замѣтимъ только, что растенія бываютъ *односѣменодольныя* и *двусѣменодольныя*.

Для того, чтобы зародышъ началъ свою умную работу, ему нужны согрѣвающія и питающія нѣдра земли, нужна влага, тепло и на нѣкоторое время отсутствіе солнечнаго свѣта. Безъ этого зародышъ будетъ спать въ зернѣ, не показывая признаковъ жизни, и можетъ проспать такъ даже нѣсколько столѣтій. Въ гробахъ египетскихъ мумій были найдены зерна пшеницы: посаженныя въ землю они развились и принесли плодъ; слѣдовательно, болѣе трехъ тысячъ лѣтъ сохраняли они въ себѣ жизненную силу.

Когда, лежа въ землѣ, зернышко размокнетъ и согрѣется, тогда бѣлокъ его, напитавшись влагою, превращается въ мягкую и сладкую кашицу. Вы знаете, что человѣкъ въ младенчествѣ, прежде чѣмъ станетъ ѣсть всякаго рода пищу, питается молокомъ матери, которое Господь приготовилъ для него въ материнской груди, то же самое дѣлаетъ и младенецъ растительнаго царства, хлѣбный зародышъ: прежде, чѣмъ онъ будетъ въ силахъ самъ себѣ отыскивать пищу, ему необходимо вырости и окрѣпнуть и вотъ, — Всемогущій Творецъ приготовилъ для него въ нѣдрахъ роднаго хлѣбнаго зернышка питательную, легко добываемую пищу.

Размокнувъ, зародышъ просыпается и начинаетъ дѣятельно всасывать мягкую, сладкую пищу; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ быстро растетъ и развиваетъ свои члены: корешокъ, стебелёкъ и листокъ. Скоро молодцу становится тѣсно въ родимомъ домикѣ, къ тому же и стѣнки домика размякли, и вотъ зародышъ разомъ выходитъ къ низу корешкомъ и къ верху листикомъ. И вотъ что замѣчательно: какъ ни положишь зерно (крестьянинъ, конечно, сѣетъ зерна, какъ попало), оно непремѣнно пуститъ листикъ къ верху, а корешокъ къ низу; перевернется даже, если надобно, но ни за что не выглянетъ корешкомъ къ верху: видно частичка Божіей премудрости досталась на долю и крошечнаго зародыша.

Мы уже знаемъ, какіе корешки пускаетъ хлѣбное зерно, и замѣтимъ только, что корешки растутъ сверху внизъ, а не снизу вверхъ, какъ стебель; что кончики корешковъ всегда молоды и нѣжны, и могутъ легко всасывать земную влагу.

Теперь посмотримъ на листочекъ, выглянувшій къ верху. У двусѣменодольныхъ растеній такихъ первыхъ листочковъ выглядываетъ два и между ними появляется стебелёкъ съ почечкой на верху, которая опять въ свою очередь развертывается въ листья, выгоняя между

листьями, новый стебелёкъ, съ новой *верхушечной* почкой. Не то мы видимъ у ржи, растенія съ одной сѣменной долей: у нея не два *всходныхъ* листочка, а одинъ, и выходитъ трубочкою; изъ середины этого листка потомъ показывается другой, тоже трубочкою и т. д., только концы этихъ остроконечныхъ листьевъ заворачиваются и качаются въ воздухѣ; нижнія же, свернутыя трубочкою, половины ихъ, сросшись краями, образуютъ собою пустой въ серединѣ стебелёкъ или соломинку. Какъ только листокъ ржи, выглянетъ наружу, то немедленно начинаетъ зеленѣть: онъ уже умѣетъ отъискать въ солнечномъ лучѣ зеленую краску. Пока зародышъ тянулся вверхъ, пища, заготовленная ему въ нѣдрахъ родимаго зернышка, вся истощилась; но она и не нужна ему болѣе: онъ уже выросъ, окрѣпъ и можетъ самъ себѣ отыскивать пищу и въ землѣ, если она хорошо разрыхлена и удобрена, и въ воздухѣ, если онъ тепелъ и влаженъ.

Изъ чего же зародышъ строитъ такую длинную и крѣпкую соломинку? изъ чего выдѣлываетъ длинные листья, колючій колосъ и питательное зерно? Изъ земли, воды и воздуха. Мы знаемъ уже, что вода имѣетъ прекрасное свойство растворять въ себѣ многія твердыя вещества, какъ напр. соль, сахаръ и известку. Вотъ такую-то, пропитанную разными веществами влагу всасываетъ зародышъ изъ земли своими нѣжными корешками и подымаетъ ее вверхъ до самаго окончанія колоса, — на огромную высоту, если взять въ разсчетъ, какъ тонки стѣнки соломинки. Этотъ подъемъ влаги вверхъ дѣлается посредствомъ маленькихъ, видныхъ только въ микроскопъ, удлиненныхъ клѣточекъ или сосудовъ, изъ которыхъ состоятъ и стѣнки соломинки и самые листья ея. Также почти вода подымается по куску сахара, когда мы однимъ концомъ его прикоснемся къ водѣ. Соломинка ржи, слѣдовательно, есть не только удивительное по высотѣ, тонкости и крѣпости своей зданіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасная водоподъемная машина, какой не сдѣлать человѣку.

Но не изъ одной земли беретъ себѣ пищу хлѣбное растеніе: земля даетъ ему только самый грубый матеріалъ, болѣе для одной постройки соломы. Матеріалъ, изъ котораго составляется мучнистое, дорогое для насъ зернышко, умное растеніе большею частію беретъ изъ воздуха; такъ что, кушая хлѣбъ, мы безъ большой ошибки можемъ сказать, что ѣдимъ воздухъ, только переработанный хлѣбнымъ колоскомъ въ мучнистыя зерна. Эту воздушную работу совершаютъ зеленые листья, качающіеся въ воздухѣ и соломинка, которая образовалась изъ листьевъ свернутыхъ и сросшихся въ трубочку. Для этой цѣли на поверх-

ности зеленыхъ листьевъ есть крошечныя отверзтія, называемыя *устьицами*, которыя остаются потомъ и въ соломинкѣ. Въ эти-то устьица проникаетъ воздухъ, и премудро созданное растеніе беретъ изъ воздуха то, что̀ ему нужно для своихъ работъ, и выгоняетъ прочь то, что̀ для него не годится.

Но пора перестать стебельку ржи расти, выгонять листокъ за листкомъ и вытягивать длинную соломинку. Настаетъ время и изъ середины послѣдняго листка выходитъ стебелёкъ, а на немъ начинаютъ образовываться маленькіе колоски, составляющіе потомъ всѣ вмѣстѣ одинъ ко̀лосъ.

Мы уже знаемъ, изъ чего состоитъ хлѣбный ко̀лосъ ржи, и изъ чего состоитъ каждый маленькій колосокъ; мы уже знаемъ, что у каждаго маленкаго колоска̀ есть плодничокъ и тычинки съ плодотворной пылью. Теперь посмотримъ, что̀ дѣлаютъ эти колоски. Настаетъ время — и мѣшочекъ съ пылью, качающійся на концѣ тычинки, раскрывается: плодотворная пылинка падаетъ на рыльце плодничка, опускается въ середину его и находитъ тамъ теплую и спокойную колыбель. Почуявъ зародышъ новаго сѣмени, растеніе быстро начинаетъ измѣняться: перестаетъ заниматься прежними работами, перестаетъ заботиться о цвѣтахъ, о листьяхъ о постройкѣ соломинки; всѣ его лучшіе соки обращаются на то, чтобъ вскормить дорогое дитя и приготовить ему пищу — мучнистый сытный бѣлокъ, — приготовить про запасъ на будущее время, когда слабый зародышъ будетъ лежать одиноко въ сырой землѣ. Тычинки опадаютъ, каждый колосокъ снова крѣпко запирается; соломинка, не получая питательной влаги, сохнетъ и желтѣетъ; зато каждое зернышко *наливается*, толстѣетъ, а потомъ оболочка его твердѣетъ и сохнетъ. Еще пройдетъ нѣсколько дней — и зрѣлый, тяжелый, пожелтѣвшій колосъ гнется къ землѣ, и кланяясь, зоветъ къ себѣ жнецовъ.

Безчисленные, какъ песокъ морской, колоски разомъ исполнили свое дѣло — и спѣлая, золотистая рожь волнуется, какъ море. Выходитъ крестьянинъ на поле и любуется Божьимъ даромъ; беретъ ко̀лосъ въ руки, смотритъ и замѣчаетъ, достаточно ли затвердѣли и потемнѣли хлѣбныя зерна, которыя сначала мягки и бѣлы, а потомъ, къ концу іюля, становятся твердыми и темнѣютъ. Наконецъ приходитъ пора и жать хлѣбъ. Цѣлыми семьями берутся люди за серпы и цѣлые долгіе лѣтніе дни, несмотря на страшный жаръ, подрѣзываютъ они *подъ корень рожь высокую*, и бережно складываютъ ее въ снопы, а потомъ и въ копны. Спѣшатъ люди изо-всѣхъ силъ, спѣшатъ потому, что если хлѣб-

ныя зерна совершенно созрѣютъ, то начнутъ сыпаться, какъ и всякія другія зерна; спѣшатъ и потому, что соломинкѣ становится уже не въ мочь держать тяжелый колосъ, а она сама стала тверже и ломче: если не срѣзать ее теперь, то скоро не только градъ или сильный дождь, но даже и вѣтеръ можетъ положить рожь лоскомъ; зерна ея разсыплются по землѣ, и тогда уже не собрать ихъ.

Работаютъ крестьяне день, другой; работаютъ недѣлю, двѣ; трудясь въ потѣ лица, спѣшатъ убрать Божій даръ. Наконецъ дѣло кончено—рожь сжата и на нивахъ, гдѣ еще недавно волновались золотые колосья, стоятъ стройными рядами копны хлѣба. Съ радостію смотритъ крестьянинъ на свое богатство и спѣшитъ свозить его въ гумны. Осенью и зимою перемолотятъ рожь, потомъ перемелютъ, и повезутъ муку по цѣлому міру.

Сколько дѣятельности даетъ хлѣбный колосокъ человѣку! Сколько рукъ и ногъ приводитъ онъ въ движеніе! Сколько шумныхъ мельничныхъ колесъ, сколько барокъ, сколько обозовъ, двигается хлѣбнымъ колоскомъ! Онъ, этотъ великій даръ Божій, заставилъ человѣка промѣнять *кочевую* жизнь на *осѣдлую*, выстроить себѣ постоянное жилище и поселиться деревнями, пріучить лошадь и вола къ домашней жизни, разрывать горы, добывая изъ нихъ желѣзо, и дѣлать плуги, строить барки и корабли, прокладывать дороги, рыть канавы, вести торговлю и вмѣстѣ съ тѣмъ узнавать, что̀ дѣлается въ Божьемъ мірѣ, учиться и образовываться. Трудна, умна, хлопотлива неприметная работа хлѣбнаго ко̀лоса; но за то, какія великія дѣла онъ дѣлаетъ! На ко̀лосѣ показалъ премудрый Творецъ, чего можетъ Онъ достигнуть самымъ маленькимъ созданіемъ. Крошечный, едва примѣтный хлѣбнаго зерна зародышъ, не только кормитъ милліоны людей, но заставляетъ ихъ строиться въ государства и образовываться! Казалось бы для такого великаго дѣла нужны и огромныя существа; но Всемогущій Создатель употребилъ для этого крошечный, едва примѣтный зародышъ хлѣбнаго зерна. Мы знаемъ, что Спаситель накормилъ однажды пять тысячъ народа пятью хлѣбами; а здѣсь мы видимъ, что тотъ же Господь маленькимъ хлѣбнымъ зернышкомъ измѣняетъ жизнь рода человѣческаго. Когда люди начали сѣять рожь, неизвѣстно, но въ дикомъ состояніи ржи еще до сихъ поръ ни гдѣ не найдено.

Къ хлѣбнымъ растеніямъ относятся у насъ: рожь, пшеница, ячмень и овесъ. Между всѣми этими растеніями много сходнаго, особенно между пшеницей и рожью, такъ даже, что ко̀лоса пшеницы и ржи непривычный человѣкъ и не различитъ. Но на ко̀лосѣ пшеницы ма-

ленькіе колоски расположены правильными рядами и усики длиннѣе, чѣмъ у ржи; у овса колоски разсыпаются метёлкой.

Рожь, пшеница, овесъ, ячмень извѣстны въ ботаникѣ подъ однимъ общимъ именемъ *злаковъ*. Къ злакамъ же относятся и другія хлѣбныя растенія, которыя въ нашемъ климатѣ рѣдко можно видѣть въ натурѣ, но плодами которыхъ мы часто пользуемся; таковы: *рисъ*, которымъ исключительно питаются жители Китая и Остъ-Индіи, и зерна котораго мы знаемъ очень хорошо; *маисъ* или *кукуруза*, растущая и у насъ въ южныхъ губерніяхъ и извѣстная въ Малороссіи подъ именемъ *пшенички*. Сюда же относится *бамбукъ*, толстый, крѣпкій тростникъ, растущій только въ жаркихъ странахъ, и *сахарный тростникъ*, со стеблемъ, наполненнымъ сладкою влагою, изъ которой выдѣлываютъ сахаръ. Къ злакамъ же причисляютъ и нѣсколько полевыхъ травъ, которыя также всходятъ, растутъ и выдѣлываютъ колосъ, какъ и рожь, но только имѣютъ зерна очень мелкія. Мы безъ сомнѣнія много встрѣчали такихъ злаковъ на лугахъ, но мало обращали на нихъ вниманія. Теперь же, зная устройство одного изъ важнѣйшихъ злаковъ, ржи, мы легко отъищемъ на лугахъ тѣ растенія, которыя по устройству своему напомнятъ намъ колосокъ ржи, пшеницы, ячменя или овса. Между луговыми, не хлѣбными, злаками замѣчателенъ *лисій хвостъ*, одна изъ лучшихъ кормовыхъ травъ для лошадей. Лисій хвостъ легко отличить отъ другихъ злаковъ по его мягкому пушистому колосу, который дѣйствительно имѣетъ сходство съ хвостомъ лисицы. *Тимофѣева трава*, *мятликъ*, *полевица*, *овсяница* и другіе злаки также встрѣчаются на нашихъ лугахъ и вмѣстѣ съ клеверомъ (дятлина), мышинымъ горошкомъ, кукушкинымъ цвѣтомъ и другими луговыми травами, которыя, хотя и травы, но къ злакамъ не принадлежатъ, покрываютъ лѣтомъ наши луга.

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

Всѣ наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-востокѣ Россіи также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья, тотъ вѣроятно и самъ подумалъ, что всѣ они съ-родни другъ другу. Высокій стройный ростъ, смолистая кора, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остающаяся какъ лѣтомъ, такъ и зимою, соединяютъ всѣ эти деревья въ одно семейство и въ то же время отличаютъ ихъ отъ прочихъ деревъ. Такой лѣсъ называютъ *хвой-*

нымъ потому, что тонкіе и острые, какъ иглы, листочки деревьевъ, его составляющихъ, называются *хвоями*. Русскій народъ любитъ свои родимые хвойные лѣса за то, что они впродолженіи шестимѣсячной зимы оживляютъ, хотя нѣсколько, своею зеленью видъ пустынныхъ полей, занесенныхъ снѣгомъ, и называетъ хвойные лѣса *красными*, т. е. прекрасными, въ отличіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревъ, на зиму теряютъ свою листву, и остаются черными, почему ихъ называетъ *чернымъ* лѣсомъ или просто *чернолѣсьемъ*. Хвойные лѣса въ прежнія времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную полосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія, количество лѣсовъ очень поуменьшилось. Впрочемъ и теперь еще въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Вологодской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойные лѣса на многія тысячи верстъ. На самомъ сѣверѣ, въ климатѣ очень холодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

Хвойные лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему прекрасныя, толстыя, длинныя, крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще и лакомство — кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ идти на постройку мачтъ на кораблѣ, называются *мачтовыми* и цѣнятся дорого.

Въ нашихъ лѣсахъ *ель* и *сосна* часто стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно по ея пирамидальному виду, который зависитъ отъ того, что сучья ея, начиная снизу до верху, постоянно и правильно укорачиваются— по ея четырех-граннымъ игламъ и по зубчатымъ чешуйкамъ ея однолѣтнихъ шишекъ. Если ель растетъ въ тѣснотѣ, между другими деревьями, то нижніе сучья ея опадаютъ; если же на свободѣ, какъ напримѣръ въ садахъ, то длинные, нѣсколько обвисшіе къ низу сучья ели начинаются у самой земли и идутъ пирамидой къ верху. У сосны сучья не висятъ къ низу, а часто располагаются на верху зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на сучьяхъ этотъ оттѣнокъ сильно увеличивается. Листья или иглы сосны сидятъ всегда по два вмѣстѣ и какъ-бы выходятъ изъ бѣловатой, тонкой чешуйки. По свойству древесины, сосна и ель еще сильнѣе различаются: дерево сосны имѣетъ красноватый оттѣнокъ, твердо, ровно, слоисто, пропитано смолою, а потому превосходно для всякаго рода прочныхъ построекъ и даетъ жаркій и продолжительный

огонь въ печи; еловая древесина бѣловата, дрябла, мягка, легко гніетъ, сучковата, а въ печкѣ сырая только трещитъ, а сухая сгораетъ, какъ солома, оставляя мало жару. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную: ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двадцати и болѣе сажнье, и въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ діаметрѣ.

Цвѣты сосны и ели заключаются въ шишкахъ, изъ которыхъ однѣ, тычинковыя, а другія плодниковыя. Подобное раздѣленіе мы видѣли уже и въ серёжкахъ березы. Тычинковыя длинненькія, зеленоватыя, мягкія шишки состоятъ изъ тычинокъ; а на плодниковой шишкѣ за каждой чешуйкой находятся два сѣменныя гнѣздышка. Во время оплодотворенія чешуйки плодниковой, шишки отворочены; когда же плодотворная пыль попадетъ на нихъ, тогда онѣ закрываются, и почти подъ каждой чешуйкой начинаетъ вызрѣвать пара твердыхъ сѣменъ, а у кедровъ пара вкусныхъ орѣшковъ. Плодниковыя или сѣменныя ешишки на ели вызрѣваютъ впродолженіи года, на соснѣ — впродолженіи двухъ лѣтъ. Когда шишка дозрѣетъ, то снова раскрывается, и изъ за чешуекъ ея выскакиваютъ сѣмена, при которыхъ есть небольшія крылышки. Еловую или сосновую шишку можно сравнить съ хлѣбнымъ колосомъ, у котораго также на одной оси собрано въ кучу множество цвѣтовъ; но тогда какъ въ колосѣ хлѣба въ каждомъ цвѣткѣ и тычинки и плодничики находятся вмѣстѣ, у ели и сосны они расположены въ двухъ отдѣльныхъ шишкахъ, находящихся однако на одномъ деревѣ, почему ель и сосну называютъ растеніями однодомными.

Иглы свои и ель и сосна мѣняютъ точно такъ же, какъ и лиственныя деревья мѣняютъ листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество красноватыхъ, отжившихъ уже иголъ. Но тогда какъ на лиственныхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, на хвойныхъ перемѣна эта совершается постепенно впродолженіи цѣлаго года, и новыя хвои постепенно замѣняютъ опавшія. Вотъ почему оба эти дерева постоянно зелены. Иглы на соснѣ остаются два года, на ели — одинъ годъ.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не по парно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются вкусные орѣхи. *Лиственница* — самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ, деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягки, ярко-зеленаго цвѣта, сидятъ пучками и на зиму опадаютъ; потому быть

можетъ народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы; т. е. мѣняющей свои хвои, какъ лиственное дерево мѣняетъ листья. По своему пирамидальному виду, лиственница походитъ на ель; но древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и даже крѣпче чѣмъ у сосны. Въ водѣ лиственница не гніетъ и потому ее употребляютъ для постройки кораблей и для свай, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ; а кора ея идетъ на выдѣлку кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и во всей Сибири.

Къ роду хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также: *пихта*, *кипарисъ*, пахучее, желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы; *можжевельникъ*, смола и ягоды котораго употребляются для куренія, и нѣкоторыя другія.

----◇----

БѢЛАЯ ЛИЛІЯ.

Бѣлая лилія, прекрасный, душистый, величественный цвѣтокъ, служащій по снѣжной бѣлизнѣ своей эмблемою чистоты, растетъ у насъ только въ цвѣтникахъ; но въ жаркомъ и сухомъ климатѣ, въ горахъ Персіи, Аравіи и Палестины ее встрѣчаютъ и въ дикомъ состояніи. Если мы не пожалѣемъ прекраснаго растенія и выдернемъ его съ корнемъ, то увидимъ, что корня у него собственно и нѣтъ; а вмѣсто корня большая луковица желтоватаго цвѣта, вся состоящая изъ длинныхъ сочныхъ чешуекъ, наложенныхъ одна на другую. Разрѣзавъ луковицу вдоль, найдемъ, что чешуйки ея прикрѣплены къ длинному стержню. Внизу этотъ стержень нѣсколько выдается и, сросшись съ чешуйками, образуетъ *донце* луковицы, отъ котораго къ низу виситъ пучокъ тоненькихъ мочокъ, а къ верху идетъ стебель, круглый и высокій.

Мы еще не видали луковицы и потому познакомимся съ нею поближе. Что̀ такое луковица? ни корень, ни стебель, ни листъ. Но если ужь сравнивать ее съ знакомыми намъ частями растеній, то болѣе всего походитъ она на почку. Луковица, какъ и почка, представляетъ собраніе не вполнѣ развитыхъ листьевъ и стебля будущаго растенія. Когда луковицу посадятъ, то отъ нее пойдутъ корневыя мочки въ землю, а стебель растенія потянется къ верху; сама же луковица, давшая жизнь растенію, сгніетъ; но возлѣ нея образуется нѣсколько новыхъ молоденькихъ почекъ или молоденькихъ луковицъ, изъ ко-

торыхъ каждая на будущее лѣто можетъ дать особое растеніе. Растенія, размножающіяся луковицами, называются *луковичными*. Нашъ обыкновенный лукъ есть тоже луковичное растеніе, и въ луковицѣ его ясно можно видѣть, какъ чешуйки или листья почки, что все равно, вложены одинъ въ другой. Въ луковицѣ чеснока вы можете найти между листьями маленькія луковички или глазки.

Даже картофелина, или клубень картофеля, какъ ее называютъ, есть тоже луковица или почка; но только листочки этой почки срослись въ одну плотную массу, въ которой однако можно примѣтить отдѣльные глазки. Картофель размножается клубнями, которые садятъ въ землю или цѣлыми, или разрѣзавъ ихъ на части, но такъ, чтобы въ каждой части былъ глазокъ. Старая картофелина, выгнавъ стебель къ верху, — на которомъ появятся современемъ маленькіе лиловые цвѣточки и сѣмена, — и пустивъ мочковатое корневище къ низу, сама сгніетъ; но на мочкахъ корневища образуется множество новыхъ клубней.

Лукъ, чеснокъ и картофель полезны человѣку своими луковицами; но морковь, рѣпа, свекла, рѣдька, полезны своими корнями, почему эти послѣднія растенія и называютъ растеніями *корнеплодными*. Картофель же и лукъ нельзя назвать корнеплодными растеніями. Корнеплодныя растенія размножаются не корнями, а сѣменами, вызрѣвающими на стебляхъ: сѣмя, посаженное въ землю, даетъ толстый мясистый корень къ низу, иногда длинный, какъ у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, какъ у брюквы и рѣпы, а къ верху выгоняетъ небольшой пучокъ листьевъ, называемый ботвою. Въ первый годъ на листвѣ, или ботвѣ, вы не найдете ни цвѣтовъ, ни сѣменъ; но если на другой годъ вы посадите корень моркови, свеклы или рѣпы, то онѣ дадутъ уже цвѣтъ и сѣмена. На всякомъ большомъ огородѣ вы встрѣтите нѣсколько такихъ корнеплодныхъ растеній, посаженныхъ на сѣмена и, пожалуй, по незнанію можете принять ихъ за какія-нибудь другія, неизвѣстныя вамъ растенія.

Но возвратимся къ нашей бѣлой лиліи. Стебель лиліи подымается аршина на полтора въ вышину и отъ него идутъ листья во всѣ стороны, которые внизу широки и довольно круглы; но чѣмъ выше, тѣмъ уже и острѣе. На верхушкѣ лилейнаго стебля появляется нѣсколько большихъ, бѣлыхъ, пахучихъ цвѣтовъ, на коротенькихъ цвѣточныхъ ножкахъ. У цвѣтковъ лиліи нѣтъ чашечки, а только бѣлая коронка, или вѣнчикъ, состоящая изъ шести большихъ лепест-

ковъ, красиво отогнутыхъ назадъ. По числу листьевъ, составляющихъ цвѣточный покровъ, бываетъ въ лиліи и шесть тычинокъ съ желтыми большими пыльниками. Тычинки эти въ основаніи своемъ прикрѣплены къ листьямъ вѣнчика; плодникъ же занимаетъ середину цвѣтка. Завязь плодника представляетъ коробочку съ тремя внутренними гнѣздышками: въ каждомъ гнѣздышкѣ вызрѣваетъ по нѣскольку желтыхъ сѣменъ. Но изъ сѣменъ трудно выростить лилію: гораздо скорѣе разводится она луковицами.

СТРОЕНІЕ РАСТЕНІЙ.

Какое безчисленное множество листьевъ рождается каждую весну и умираетъ каждую осень, утучняя собою землю! Кажется для природы ничего не стоитъ произвесть такую пустую вещь, какъ листокъ; а между тѣмъ, разсмотрѣвъ хорошенько устройство листка, мы убѣдимся, что оно сложнѣе и труднѣе устройства самой трудной и сложной машины, сдѣланной руками человѣка. Посмотрите, сколько въ немъ жилокъ и какъ эти жилки, развѣтвляясь все больше и больше, становятся до того мелки, что за ними, безъ помощи микроскопа, и слѣдить невозможно. Но этого мало: если взять напримѣръ листокъ садовой гвоздики и ножичкомъ проскоблить его довольно крѣпкую верхнюю кожицу, то подъ нею мы увидимъ зеленую, влажную мякоть. Возьмемъ немного этой мякоти на кончикъ ножика и опустимъ её въ каплю воды, въ которой она и расплывется. Если взглянуть теперь въ микроскопъ на такую каплю воды, то можно увидѣть, что въ ней плаваютъ маленькіе шарообразные, прозрачные пузырьки, наполненные жидкостью, въ которой въ свою очередь плаваютъ еще меньшія, крошечныя зеленыя крупинки, и отъ этихъ-то крупинокъ кажется зеленымъ весь листокъ. Эти крошечные пузырьки, съ крупинками въ серединѣ, ботаники называютъ *клѣточками,* или *ячейками.*

Какъ ни мала эта клѣточка, но она имѣетъ большое значеніе, потому-что изъ подобныхъ клѣточекъ составляется нетолько весь листъ, его мякоть, жилки и кожица, но все растеніе: вѣтки, сучья, стволъ, кора, корень, цвѣтокъ, плодъ, зерно и самый зародышъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что дома строютъ изъ кирпичей и можемъ въ этомъ легко убѣдиться, потому-что кирпичъ видѣть не трудно; но видѣть клѣточки, изъ которыхъ, какъ домъ изъ кирпичей, выстроено

растеніе, можно только въ сильно - увеличивающій микроскопъ. Изъ одинаковыхъ кирпичей люди строятъ и дома, и колокольни, и мосты, и стѣны: изъ однѣхъ и тѣхъ же клѣточекъ, природа, которая гораздо искуснѣе людей, строитъ милліоны самыхъ разнообразныхъ растеній и въ каждомъ растеніи выдѣлываетъ самыя разнообразныя части. Трудно представить себѣ, что, напримѣръ, красивый цвѣтокъ розы, вкусная мякоть груши, полѣно березы или сосны и даже твердая шелуха орѣха состоятъ изъ одинаковыхъ клѣточекъ; а между тѣмъ это истина, — и все, что растетъ, даже тѣло всякаго животнаго и все тѣло человѣка, состоитъ изъ подобныхъ же растительныхъ *клѣточекъ*. Но это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что мягкія клѣточки не только могутъ принимать, смотря по обстоятельствамъ, самую разнообразную форму, но могутъ, кромѣ того, наполняться самыми различными веществами.

Стѣнки каждой растительной клѣточки обладаютъ чуднымъ свойствомъ пропускать внутрь клѣточки тѣ частицы различныхъ веществъ, находящихся и въ воздухѣ, и въ водѣ, и въ землѣ, которыя необходимы растенію, и выпускать вонъ тѣ, которыя растенію болѣе не нужны. При проходѣ сквозь стѣнки клѣточки и, находясь внутри ея, различныя вещества разлагаются на свои составныя части, соединяются съ новыми и измѣняются такъ, что ихъ и узнать нельзя. Растительная клѣточка — удивительнѣйшее созданіе Божіе, и человѣкъ не только не можетъ сдѣлать одной клѣточки, но даже не можетъ вполнѣ понять, какъ она работаетъ. Въ мягкихъ частяхъ растенія, клѣточки, которыхъ ничто не жметъ, имѣютъ шарообразную форму, или сдавлены другъ другомъ немного и наполнены тою или другою жидкостью; въ сухихъ, твердыхъ частяхъ онѣ напротивъ сжимаются, вытягиваются и сами сухи и тверды; въ лепесткѣ розы онѣ наполнены розовымъ веществомъ, въ листьяхъ — зеленымъ, въ картофелинѣ — крахмаломъ и т. д. Иногда клѣточка вытягивается въ длинную трубочку, иногда эта трубочка свертывается винтомъ; разорвите осторожно какой-нибудь мясистый листокъ, и вы увидите, какъ между двумя кусками листка потянутся тоненькія, какъ паутина, курчавыя нити: это трубочки, свернутыя винтомъ или, какъ говорятъ, спиралью. Эти вытянутыя клѣточки, нити и трубочки такъ тонки, что ихъ на пространствѣ шириною въ палецъ можно уложить нѣсколько тысячъ; онѣ называются *сосудами*, такъ какъ въ нихъ содержатся жидкости. Сосуды растеній бываютъ глухіе, т. е. закры-

тые съ объихъ сторонъ; потому-что они ни что иное, какъ вытянутыя, расплюснутыя клѣточки.

Когда такихъ сосудовъ соберется вмѣстѣ много, тогда они образуютъ *волокно*, уже видимое для глаза, и слышное подъ рукою, какъ напр. волокно конопли, изъ котораго дѣлаются нитки. Такимъ-образомъ и полотно, которое мы носимъ, все состоитъ изъ клѣточекъ или сосудовъ, сложившихся въ волокна. Весь стволъ самаго толстаго дерева, точно также, какъ и стебель самой маленькой травки, состоятъ изъ такихъ волоконъ и клѣточекъ. Волокна въ стволѣ дерева тянутся одно за другимъ и лежатъ одно возлѣ другаго, вдоль всего ствола; а потому дерево такъ легко колется вдоль, тогда какъ поперегъ его можно только разрѣзать или распилить.

Есть растеніе, называемое *первопузырьникомъ*, которое все состоитъ изъ одной только шарообразной клѣточки (пузырька), наполненной жидкостью, со множествомъ плавающихъ въ ней красноватыхъ крупинокъ. Эти крупинки мало-по-малу растутъ, разрываютъ содержащую ихъ клѣточку и дѣлаются новыми, самостоятельными клѣточками; въ нихъ опять появляются крупинки и, въ свою очередь, снова растутъ, снова разрываютъ содержащій ихъ пузырёкъ и т. д. Въ этомъ состоитъ и вся жизнь первопузырьника, простѣйшаго изъ растеній. Отъ красныхъ первопузырьниковъ, плавающихъ въ Красномъ или Чермномъ морѣ, зависитъ красноватый цвѣтъ его водъ, отъ котораго оно получило свое названіе. Но чѣмъ-же питается первопузырьникъ, когда у него нѣтъ корней? Всею своею поверхностью; тонкія стѣнки его высасываютъ изъ воды и воздуха тѣ частички, которыя нужны растенію.

Проще первопузырьника растенія быть не можетъ; но вотъ другое, немного посложнѣе: въ немъ клѣточки уже срастаются одна съ другою и образуютъ длинную тонкую нить зеленаго цвѣта, который происходитъ отъ зеленыхъ крупинокъ, плавающихъ внутри каждой клѣточки. Это растеніе называется *зеленой нитчаткой* и покрываетъ лѣтомъ поверхность стоячихъ водъ, каналовъ и прудовъ, въ видѣ нитокъ, сбитыхъ въ клочья. Какъ первопузырьникъ, такъ и нитчатка причисляются къ семейству *водорослей*, потому что появляются всегда на водахъ.

Въ растеніяхъ, болѣе развитыхъ, клѣточки начинаютъ складываться не только вдоль, но въ ширину и толщину, нѣсколько ожимая другъ друга, но не превращаясь еще въ длинныя трубочки, или сосуды; таково устройство грибовъ и другихъ простыхъ растеній. Въ

деревьяхъ, въ цвѣтахъ, въ травахъ клѣточки находятся уже не въ своемъ первоначальномъ видѣ; но, сжимаясь, растягиваясь, удлинняясь, свертываясь, высыхая или наполняясь жидкостями, самыхъ разнообразныхъ свойствъ и цвѣтовъ, составляютъ разнообразнѣйшіе *сосуды*, изъ которыхъ состоитъ все растеніе. Растенія, состоящія изъ клѣточекъ, превратившихся уже въ сосуды, называются *сосудистыми*; а растенія, только сложенныя изъ клѣточекъ почти въ ихъ первообразной формѣ, называются *клѣтчатыми*; каковы, напримѣръ, плѣсень, лишаи, грибы и мхи.

ПИТАНІЕ РАСТЕНІЯ.

Растенія не только сложены изъ клѣточекъ, какъ зданія изъ кирпичей, но и питаются посредствомъ тѣхъ же самыхъ клѣточекъ. У растеній, какъ мы знаемъ, нѣтъ особеннаго желудка, какъ у животныхъ; но такъ какъ все назначеніе растенія состоитъ въ томъ, чтобы разростаться (увеличиваться въ объемѣ и размножаться), то все его тѣло состоитъ изъ безчисленнаго множества крошечныхъ желудковъ или, лучше сказать, все растеніе есть одинъ желудокъ, всасывающій и переработывающій пищу. Теперь посмотримъ, какъ совершается этотъ процессъ питанія въ деревѣ.

Дождевая или снѣговая вода, проникая въ почву, гдѣ роются корни дерева, растворяетъ въ себѣ нѣкоторыя землистыя вещества, встрѣчаемыя ею на пути, подобно тому, какъ она растворяетъ обыкновенную поваренную соль. Растворъ этотъ всасывается не всею поверхностію корня, но только самыми тонкими корешками, такъ называемыми *корневыми мочками*, которыя идутъ во всѣ стороны отъ корня и похожи на нити или волоски. Корни растутъ сверху внизъ, а потому на концахъ корневыхъ мочекъ находятся всегда самыя молодыя, самыя свѣжія клѣточки съ тонкими стѣнками, способными сильно всасывать пищу, почему концы мочекъ иногда называютъ *губочками*. Всосанная корневыми мочками жидкость подымается вверхъ, переходя изъ клѣточки въ клѣточку и по промежуткамъ между клѣточками; точно такъ же, какъ подымается вода вверхъ по сахару, подмоченному снизу или по кучѣ песку. Достигнувъ ствола, соки продолжаютъ подниматься выше, придерживаясь преимущественно средней части растенія, которая называется *сердцевиною*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только на нѣкоторое время свѣжую вѣтку поставить въ воду, окра-

шенную карминомъ или индиго, и потомъ разрѣзать вѣтку въ длину: красныя или синія полоски около сердцевины укажутъ намъ путь восходящаго сока.

Восходящій сокъ, по мѣрѣ того какъ онъ подымается выше-и-выше, растворяетъ въ себѣ нѣкоторыя твердыя вещества, встрѣчаемыя имъ въ растеніи, и дѣлается гуще; въ этомъ легко можемъ убѣдиться, сдѣлавъ на стволѣ березы отверзтія на различныхъ высотахъ и собирая вытекающій сокъ посредствомъ жолобковъ, придѣланныхъ подъ этими отверзтіями. Когда сокъ дойдетъ до листьевъ. . . Но позвольте, мы еще не знаемъ съ вами вполнѣ устройства листа, а потому не будемъ въ состояніи понять, что дѣлаетъ листочекъ съ соками растенія.

Разсмотрѣвъ подъ микроскопомъ кожицу листа, мы увидимъ, что она вся состоитъ изъ клѣточекъ прозрачныхъ, плоскихъ, болѣе или менѣе сухихъ и плотно прилегающихъ одна къ другой. На нижней поверхности листа мы, кромѣ-того, замѣтимъ въ кожицѣ множество маленькихъ отверзтій, ведущихъ въ *пещерки*, находящіяся въ листовой мякоти. Эти отверзтія называются *устьицами*, потому что каждое изъ нихъ окружено двумя клѣточками, имѣющими вмѣстѣ форму губъ (устъ).

Достигнувъ листьевъ, восходящій сокъ растенія скопляется по преимуществу въ клѣточкахъ, окружающихъ маленькія пещерки. Здѣсь-то онъ соприкасается съ воздухомъ, который входитъ въ пещерки черезъ маленькія устьица; подобно тому, какъ кровь человѣка соприкасается съ воздухомъ въ легкихъ. Черезъ эти устьица испаряется лишняя вода, бывшая въ сокѣ, что легко повѣрить на опытѣ, если помѣстить подъ стклянку пучокъ листьевъ живаго растенія: при охлажденіи стклянки внутренность ея покрывается парами. Черезъ устьица же входитъ въ листочекъ воздухъ, который постоянно содержитъ въ себѣ небольшое количество газа, называемаго *углекислымъ*. Газъ этотъ отдѣляется при дыханіи животныхъ, горѣніи и гніеніи органическихъ тѣлъ.

Углекислый газъ, войдя въ пещерку вмѣстѣ съ воздухомъ, подъ вліяніемъ свѣта разлагается въ сокахъ на составляющія его простыя вещества: *углеродъ* и *кислородный газъ*. Углеродъ соединяется съ соками, сообщая имъ густоту, а кислородный газъ, необходимый для дыханія животныхъ и людей, возвращается опять въ воздухъ. Вотъ отчего намъ такъ легко и пріятно дышать днемъ въ мѣстахъ обильныхъ травами и деревьями. Ночью, наоборотъ, растенія погло-

щаютъ кислородъ; почему вредно держать въ комнатѣ, гдѣ мы спимъ, много растеній.

Легко удостовѣриться, что растенія, подъ вліяніемъ свѣта, впитываютъ изъ воздуха углекислый газъ и, поглощая изъ него углеродъ, выпускаютъ чистый кислородъ. Для этого возьмемъ стклянку, наполнимъ ее углекислымъ газомъ и, помѣстивъ въ ней живое растеніе, выставимъ на солнце. Черезъ нѣсколько времени въ стклянкѣ, вмѣсто углекислаго газа останется только кислородный, присутствіе котораго обнаружится яркимъ горѣніемъ тлѣющей лучинки, опущенной въ стклянку.

Растительные соки, сгустившись и обогатившись углеродомъ въ листьяхъ, переходятъ опять въ стволъ и опускаются внизъ, но идутъ уже не около серцевины, а между корою и твердою частью дерева, называемаго древесиною, образуя на своемъ пути новый слой коры и новый слой древесины (лубъ). Такъ какъ растительность на зиму прекращается и старые слои древесины постепенно отвердѣваютъ, то новый, однолѣтній слой ея всегда отличается нѣсколько по цвѣту отъ прежняго, прошлогодняго и, взглянувъ на отрубъ дерева, по числу слоевъ или круговъ, идущихъ отъ сердцевины къ корѣ, можно судить о числѣ лѣтъ, прожитыхъ деревомъ. На отрубѣ толстой сосны вы можете иногда насчитать болѣе ста слоистыхъ круговъ: значитъ, эта сосна росла болѣе ста лѣтъ. Дубы растутъ по пяти сотъ лѣтъ и больше, а есть и такія деревья, которыя растутъ болѣе тысячи лѣтъ. Снаружи дерева лежитъ самый старый слой коры, который отъ прибавленія подъ нимъ ежегодно новыхъ слоевъ растягивается и, наконецъ, трескается. За корою идетъ молодой, недавно образовавшійся лубъ, далѣе ежегодные слои древесины, а въ серединѣ — сердцевина.

Жизнь цѣлаго растенія состоитъ въ жизни клѣточекъ, его составляющихъ. Всасывая тѣ или другія питательныя вещества, дѣятельныя клѣточки перерабатываютъ ихъ въ новые соки, деревянистые, крахмальные, сахаристые, маслянистые, которыми мы пользуемся, употребляя растенія для той или другой цѣли. У сахарнаго тростника, напримѣръ, бо́льшая часть клѣточекъ, составляющихъ его сердцевину, наполнена растворомъ сахара; растворъ этотъ выжимаютъ и получаютъ сахарный песокъ. Клѣточки, составляющія картофельныя клубни, наполнены водянистымъ веществомъ, содержащимъ въ растворѣ крахмалъ, изъ котораго дѣлается и картофельная мука. Въ сѣменахъ льна, мака, подсолнечника, въ плодахъ маслины и многихъ другихъ рас-

теній, клѣточки наполнены масломъ. Ароматъ цвѣтовъ и листьевъ нѣкоторыхъ растеній происходитъ отъ испаренія летучихъ маслъ, заключающихся въ клѣточкахъ. Твердыя части дерева состоятъ изъ клѣточекъ, наполненныхъ древеснымъ веществомъ, которое послѣ обжиганія дерева превращается въ уголь; это и есть тотъ углеродъ, который былъ поглощенъ растеніемъ изъ воздуха; но тамъ, въ соединеніи съ кислородомъ, онъ былъ углекислымъ *газомъ*, а здѣсь является чистымъ и въ твердомъ видѣ. Зола же, остающаяся при обжиганіи дерева, состоитъ изъ тѣхъ землистыхъ веществъ, которыя растеніе своими корнями добыло изъ почвы въ жидкомъ видѣ, въ растворѣ.

Ростъ и развитіе растенія зависитъ единственно отъ разрожденія клѣточекъ. Въ первопузырникѣ мы видѣли, какъ изъ одной клѣточки разрождаются другія; то же самое дѣлается и въ каждомъ растеніи при его ростѣ; только вновь разродившіяся клѣточки не расходятся въ разныя стороны, какъ въ первопузырникахъ, а крѣпко прикрѣпляясь другъ къ другу своими стѣнками, образуютъ нити, волокна, трубочки, сосуды. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа клѣточекъ, прибавляющихся ежегодно, растеніе прибываетъ въ вышину и толщину; и такимъ образомъ изъ какого нибудь маленькаго сѣмени черезъ десятки лѣтъ дѣлается громадное дерево.

ГРИБЫ.

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рыжикомъ или бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена. У рыжика мы отличаемъ только округленный *пенёкъ* или ножку, которая поддерживаетъ *шляпку* гриба. Зеленый цвѣтъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ, но они отличаются довольно разнообразными и яркими цвѣтами, несмотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожъ найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и ощущенія; слѣдовательно, оба они растенія. Но кромѣ-того, сравнивъ устройство гриба съ устройствомъ яблони, най-

демъ еще, что оба они состоятъ изъ крошечныхъ ячеекъ или клѣточекъ, которыя составляютъ главный матеріалъ всякаго органическаго существа; точно также, какъ кирпичъ служитъ существеннымъ матеріаломъ для всѣхъ каменныхъ построекъ, несмотря на безконечно-разнообразный видъ самыхъ построекъ. Клѣточки яблони и гриба, при возрастаніи этихъ растеній, безпрестанно разрождаются одна изъ другой, группируются по плану, начертанному Творцемъ, и образуютъ болѣе сложные органы, отъ которыхъ зависитъ видъ, свойство и жизнь самыхъ растеній. У яблони однѣ изъ клѣточекъ, вытягиваясь и примыкая одна къ другой, образуютъ древесныя волокна, которыя современемъ твердѣютъ и располагаются слоями, обхватывающими другъ друга: изъ такихъ слоевъ, какъ мы знаемъ, состоитъ стволъ яблони. Другія клѣточки образуютъ трубочки, называемыя сосудами, служащія для содержанія и движенія соковъ. Вотъ почему яблоня и подобныя ей растенія называются *сосудистыми.* Грибъ, подобно яблонѣ, состоитъ также изъ клѣточекъ, но мягкихъ и наполненныхъ слизистыми и нерѣдко ядовитыми веществами. Клѣточки у гриба никогда не образуютъ такихъ волоконъ и сосудовъ, какъ у яблони, и если изъ нихъ составляются иногда тоненькія трубочки и нити, то онѣ никогда не располагаются слоями, обхватывающими одинъ другаго, какіе мы видѣли въ отрубѣ сосны. Вотъ почему всѣ грибы и подобныя имъ по устройству растенія называются растеніями *клѣтчатными.*

Яблоня и грибъ еще болѣе различаются способомъ размноженія. У яблони мы замѣчаемъ цвѣтки, существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плоднички. Изъ цвѣтковъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣменъ, которыя въ свою очередь служатъ хранилищами зародышей для будущихъ поколѣній. У грибовъ цвѣтовъ нѣтъ они; размножаются *крупинками,* которыя въ нѣсколько разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для отличія отъ настоящихъ сѣменъ, называются *крупинками* или *спорами.* Споры у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. рыжика или сыроѣжки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, между тонкими и нѣжными пластинками или гребешками, идущими отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч., нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усѣяна маленькими дырочками, которыя суть ни что иное какъ кончики весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, распо-

ложенныхъ отвѣсно и плотно примыкающихъ одна къ другой, отчего вся нижняя сторона гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются крупинки, служащія для размноженія грибовъ.

По различію въ устройствѣ органовъ размноженія, яблоня, вишня и подобныя имъ цвѣтущія растенія составляютъ въ ботаникѣ отдѣлъ растеній *сосудистыхъ*, *цвѣтковыхъ*; а грибы, лишаи, мхи и проч. отдѣлъ *клѣтчатныхъ*, *безцвѣтковыхъ*.

Когда сѣмечко яблони попадаетъ въ сырую и теплую землю, то послѣ нѣкотораго времени появляются изъ него два сѣменные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почка, изъ которой впослѣдствіи разовьется стебель съ листьями, цвѣтами и плодами. Грибъ послѣ кратковременной своей жизни весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цвѣтковыхъ растеній, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самаго гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во всѣ стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ скучиваются болѣе, нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли въ видѣ маленькихъ грибковъ. Пенёкъ и шляпка молоденькаго грибка, при его появленіи на свѣтъ, по большей части бываютъ покрыты одною общею перепонкою и запрятаны какъ-бы въ мѣшкѣ; впослѣдствіи перепонка эта разрывается, и шляпка гриба выходитъ наружу. На пенькѣ иногда можно замѣтить остатки общей разорванной оболочки, которая, напримѣръ, очень ясно видна на тоненькой ножкѣ опёнка.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно, вслѣдствіе чего клѣточки ея могутъ окрѣпнуть: грибы же, напротивъ, растутъ необыкновенно быстро, такъ что нѣкоторыя породы грибовъ въ одну ночь успѣваютъ вырости и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По приблизительному вычисленію натуралистовъ, при наблюденіи за ростомъ одного большаго гриба, называемаго *гигантскимъ ноздревикомъ*, въ одинъ часъ образуется въ немъ около двадцати тысячъ новыхъ клѣточекъ. По причинѣ такого быстраго роста большая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ обыкновенныхъ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы:

рыжики, березовики, масленики, подосиновики, бѣлые грибы (боровики), и проч., которые имѣютъ шляпку, укрѣпленную на пенькѣ или ножкѣ, попадаются грибы весьма разнообразные по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидные, величиною съ человѣческую голову, прикрѣпленные къ землѣ коротенькою ножкою, толщиною въ гусиное перо, таковъ, напримѣръ, *гигантскій ноздревикъ*. Есть грибы микроскопическіе, т. е. такіе, которые едва замѣтны простымъ глазомъ, и могутъ быть хорошо разсмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Семейство грибовъ очень обширно; число ихъ породъ, извѣстныхъ до-сихъ-поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты, каковъ, напримѣръ, мухоморъ.

Бо́льшая часть грибовъ *чужеядны*, т. е. живутъ на другихъ растеніяхъ и питаются ихъ соками; таковъ, напримѣръ, грибъ *трутнякъ*, который нерѣдко можно видѣть на корѣ старыхъ деревъ и въ-особенности березъ; этотъ жесткій, деревянистый грибъ имѣетъ видъ конскаго копыта; его употребляютъ на выдѣлку трута для огнивъ. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гніющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, бревнахъ и на стѣнахъ въ сырыхъ погребахъ, причисляютъ также къ семейству грибовъ. Плѣсень можно легко произвести въ комнатѣ: стоитъ только густо варенный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ покоѣ; на вторыя или третьи сутки замѣтимъ уже на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ и пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибковъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся къ верху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся крупинки для размноженія. Безъ-сомнѣнія нѣсколько такихъ крупинокъ, плававшихъ въ воздухѣ, попало на поверхность крахмала и, найдя тамъ всѣ благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія, произвело новую семью едва замѣтныхъ грибковъ. Были примѣры, что микроскопическія крупинки чужеядныхъ грибовъ попадали въ легкія нѣкоторыхъ водныхъ птицъ и развивались въ плѣсень на внутренней поверхности легочныхъ пузырьковъ. Чужеядные микроскопическіе грибки чернаго цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто покрываютъ колосья ржи и овса, какъ-бы сажею; грибки эти, поглощая растительные соки, совершенно пріостанавливаютъ ростъ сѣ-

менъ. Микроскопическіе чужеядные грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошковатаго налёта на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растеній и нерѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его соки.

КАКЪ И ИЗЪ ЧЕГО ДѢЛАЮТЪ ПОЛОТНО И ДРУГІЯ ТКАНИ ДЛЯ ОДЕЖДЫ?

Полотно выдѣлываютъ изъ пеньки и льна. Узнаемъ же сначала, что такое пенька.

Кто бывалъ въ деревнѣ, тотъ вѣрно замѣтилъ на огородахъ высокое растеніе, извѣстное подъ именемъ конопли. Конопля растетъ густо, довольно толстыми стеблями, аршина въ два съ половиною вышины; она издаетъ особенный, очень сильный запахъ; любитъ жирную землю, а потому ее сѣютъ преимущественно на огородахъ, гдѣ земля гораздо болѣе удобрена, чѣмъ на поляхъ. Кто не видалъ самой конопли, тотъ вѣрно видалъ по крайней мѣрѣ конопляное сѣмя, которымъ кормятъ канареекъ и другихъ маленькихъ плѣнницъ нашихъ клѣтокъ. Конопляное сѣмя вызрѣваетъ на коноплѣ, помѣщаясь на верхушкѣ стеблей кистями. Оно такъ маслянисто, что изъ него выдѣлывается большое количество постнаго масла. Стебли конопли бываютъ двоякаго рода: одни съ плодничками, въ которыхъ вызрѣваютъ сѣмена, другіе, на которыхъ сѣменъ не бываетъ, съ тычинковыми цвѣтками. Конопля, слѣдовательно, есть растеніе двудомное. Плодниковые стебли собственно и зовутся коноплею, а тычинковые называются посконью или замашкой. Посконь совершенно созрѣваетъ послѣ обсѣмененія растенія, когда на плодниковыхъ стебляхъ конопляное зернышко только что начинаетъ наливаться; а потому *посконь берутъ*, т. е. выдергиваютъ изъ земли гораздо ранѣе конопли и, выдергивая, машутъ ею по воздуху, чтобы разсыпать изъ тычинокъ на плодники остальную плодотворную пыль, почему посконь и зовутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *замашкою*. Изъ поскони приготовляются веревки и самый грубый холстъ.

Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, тогда начинаютъ *брать* коноплю, т. е. выдергивать ея стебли изъ земли и связывать ихъ въ небольшіе пучки. Просушивъ на солнцѣ пучки конопли, выколачиваютъ изъ нихъ сѣмена или просто отрѣзываютъ снизу корни, а сверху кисти съ сѣменами, оставляя одни стебли, для выдѣлки

изъ нихъ *пеньки.* Приготовленную такимъ-образомъ коноплю кладутъ въ рѣчку или въ прудъ, недалеко отъ берега, такъ однако, чтобы она вся покрылась водою; а для того, чтобы ее не унесло теченіемъ, то накладываютъ на нее сверху камни или бревна и оставляютъ въ такомъ положеніи недѣли на двѣ. Это называется *мочить пеньку*. Для мочки обыкновенно выбираютъ неглубокія мѣста въ рѣчкахъ или въ прудахъ и притомъ такія, которыя наиболѣе освѣщены солнцемъ. Мочатъ коноплю за тѣмъ, чтобы размочить въ водѣ клейкое вещество, которымъ стебель пропитанъ, и отдѣлить полезный, тягучій *лубъ* отъ коры, лежащей сверху, и сердцевины, лежащей внутри. Только изъ волокнистаго и мягкаго луба конопли и можетъ быть приготовлена пенька. Когда найдутъ, что конопля довольно размочена и что волокна ея отдѣляются легко, тогда вынимаютъ ее изъ воды и ставятъ снова *сушиться на солнцѣ.* При мочкѣ и при сушкѣ конопля издаетъ сильный, тяжелый и даже вредный запахъ. Когда конопля высохнетъ, тогда сердцевина ея растирается и разсыпается легко, а тонкія и крѣпкія *волокна,* составляющія лубъ, легко раздѣляются между собою. Высушивъ коноплю, начинаютъ ее *мять* весьма нехитрою машиною, которой все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы искрошить высохшія сердцевину и кору конопли и отдѣлить ихъ прочь. Помявъ пеньку, начинаютъ ее трепать и расчесывать, стараясь, чтобы ея длинныя и тонкія волокна не путались и раздѣлились по возможности тоньше. Чѣмъ лучше очищены волокна пеньки и чѣмъ они тоньше, — тѣмъ пенька лучше и тѣмъ тоньше холстъ можно изъ нея сдѣлать. Изъ грубой, худо очищенной, толстой пеньки, вьютъ веревки и канаты и ткутъ грубую дерюгу; изъ тонкой, мягкой пеньки выдѣлываютъ дорогія полотна и тончайшій батистъ.

Для льна не нужно такой жирной земли, какъ для пеньки, а потому его сѣютъ на поляхъ. Ленъ растетъ гораздо ниже пеньки; но стебельки его тоньше, а чтобы стебли льна были какъ можно тоньше и длиннѣе, его сѣютъ густо. Ленъ цвѣтетъ маленькими лиловыми цвѣточками, а маслянистыя, маленькія сѣмена его вызрѣваютъ въ плодниковыхъ коробочкахъ. Его также берутъ осенью и почти такъ же мочатъ и обработываютъ, какъ пеньку. Изъ сѣмянъ льна также можно выдѣлывать масло.

Когда такимъ образомъ обработаютъ пеньку или ленъ, тогда начинаютъ ихъ прясть на прялкахъ или машинами, и приготовляютъ нитки, изъ которыхъ уже выдѣлывается полотно. Нитки суть ни что иное, какъ сученыя волокна конопли или льна.

Если присмотрѣться къ куску даже самаго плотнаго полотна или тончайшаго батиста, то сейчасъ же можно замѣтить, что они состоятъ изъ нитокъ, переплетенныхъ между собою крестъ-на-крестъ. Приготовленіемъ полотна изъ нитокъ занимаются ткачи. Они ткутъ полотно на своихъ станкахъ, которые и называются ткацкими станками.

Выходя изъ рукъ ткача, полотно имѣетъ сѣрый цвѣтъ и его надобно еще выбѣлить. Бѣлятъ полотно очень просто: его разстилаютъ на лугу, гдѣ постоянно бываетъ солнце, и время отъ времени смачиваютъ водою, не давая полотну совершенно высохнуть. Солнце, постоянно высушивая смоченное полотно, т. е. вытягивая изъ него испаряющуюся воду, отдѣляетъ вмѣстѣ съ нею частицы, дающія полотну сѣрый цвѣтъ, и дѣлаетъ его бѣлымъ, какъ снѣгъ.

Изъ льна и пеньки дѣлается много различныхъ предметовъ: нитки, веревки, канаты, полотна самой разнообразной доброты и цѣны, парусина, батистъ, достигающій поразительной тонины, салфетки и скатерти. Полотно называется также холстомъ, хотя подъ именемъ холста чаще разумѣютъ ткани, сдѣланныя изо льна. Лучшими полотнами за границей считаются голландскія и ирландскія, а у насъ ярославскія.

Въ Россіи много производится льна и пеньки. Лучшимъ льномъ считается *псковскій*. Много льна и пеньки отправляется отъ насъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ требуется много пеньки для выдѣлки парусовъ, а также веревокъ и канатовъ для корабельныхъ снастей; потому-что въ Англіи кораблей больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Ситецъ также матерія, употребляемая для одежды; но дѣлается не изъ пеньки и не изо льна, а изъ *хлопчатой бумаги*, которую также прядутъ и ткутъ. Хлопчатая бумага добывается также изъ растенія, называемаго *хлопчатникомъ*. Это кустистое растеніе теплыхъ климатовъ. Въ большихъ плодникахъ его цвѣтовъ лежатъ маслянистыя зерна, завернутыя въ длинные, мягкіе волосы бѣлаго, а иногда слегка желтоватаго цвѣта. Когда сѣмена совершенно созрѣютъ, коробочка хлопчатника трескается, чему помогаютъ сами упругія волокна *хлопка*: такъ называютъ эти бѣлыя нити. Съ одного куста собирается иногда до двухъ фунтовъ хлопка, что по объему очень много, такъ какъ хлопокъ чрезвычайно легокъ. Этотъ-то хлопокъ и передѣлывается въ нитки, а потомъ въ матеріи разнаго рода, которыя потому и называются хлопчатобумажными матеріями. Сѣмена хлоп-

чатника идутъ въ пищу, или для выдѣлки изъ нихъ масла. Хлопчатобумажныхъ матерій, которыя отлично принимаютъ различныя краски, множество, и хлопчатникъ одѣваетъ гораздо бо́льшее число людей, чѣмъ ленъ и пенька. Разсчитываютъ, что хлопка производится ежегодно на 500 милліоновъ рублей серебромъ; наибольшее количество его выдѣлывается въ Америкѣ, Индіи и Китаѣ. Многія тысячи фабрикъ и милліоны работниковъ занимаются передѣлкою хлопка въ хлопчатобумажныя ткани; его и прядутъ и ткутъ очень искусными машинами.

На одежду человѣкъ употребляетъ еще сукно. Сукно дѣлается уже не изъ растеній, но изъ овечьей шерсти, которую остригаютъ у овецъ, моютъ, чешутъ и потомъ также прядутъ и ткутъ. Изъ шерсти приготовляютъ многія шерстяныя матеріи.

Шелковыя матеріи дѣлаются, какъ мы уже знаемъ, изъ шелку; а шелкъ дѣлаетъ шелковичный червякъ на шелковичныхъ деревьяхъ.

О РАЗМНОЖЕНІИ РАСТЕНІЙ.

Какимъ множествомъ разнообразнѣйшихъ растеній природа ежегодно украшаетъ землю! На самомъ маленькомъ пространствѣ,—какое разнообразіе видовъ и красокъ! Не менѣе можно удивляться быстротѣ, съ которою природа закрываетъ растеніями каждое пустое мѣсто, кусокъ незанятаго поля или заброшенной дороги, голую скалу, даже стѣны и кровли, и сѣетъ траву и цвѣты, деревья и кустарники вездѣ, гдѣ окажется хотя горсть плодородной земли. Мы видимъ это безпрестанно, но не обращаемъ вниманія на это замѣчательное явленіе, потому-что привыкли смотрѣть на него съ дѣтства. Величайшая мудрость Создателя проявляется въ самыхъ простыхъ и естественныхъ явленіяхъ, которыхъ не замѣчаютъ именно потому, что они такъ просты и естественны.

Бо́льшая часть растеній обладаетъ удивительною силою размноженія. Растеніе, извѣстное подъ именемъ табаку, приноситъ ежегодно до 40,000 зернышекъ. Дубъ живетъ болѣе пяти сотъ лѣтъ: положимъ, что въ это время онъ принесетъ желуди только 50 разъ и дастъ каждый разъ до 500 желудей; то всѣхъ желудей будетъ 25,000, а изъ каждаго можетъ вырости цѣлое дерево. Если теперь предположить, что изъ этихъ деревъ также выростутъ дубы и что они также будутъ приносить желуди, то скоро число дубовъ надобно будетъ счи-

тать сотнями милліоновъ. Такая сила размноженія объясняетъ, откуда берется безчисленное множество растеній, покрывающихъ землю.

Если бы каждое зернышко, отдѣляясь отъ родимаго растенія, падало тутъ же на землю, и оставалось лежать тамъ, гдѣ упало, то подъ каждымъ растеніемъ набралась бы куча зеренъ и ни одно изъ нихъ не могло бы пустить корней въ землю и прорости. Но Богъ своею премудростію устроилъ дѣло иначе. Многія зернышки, какъ только созрѣютъ, такъ и разносятся въ разныя стороны: они такъ малы и легки, что малѣйшее движеніе вѣтра уноситъ ихъ далеко. Зернышки нѣкоторыхъ растеній снабжены примѣтными перышками, которыя помогаютъ имъ летать. Такія перышки, или пухъ, бываютъ напримѣръ, на одуванчикѣ, который дѣти любятъ раздувать, помогая такимъ образомъ разсѣянію его сѣменъ. Когда шишка сосны созрѣваетъ вполнѣ, то она трескается и зерна, одаренныя тоже крылышками, разсыпаются изъ нея во всѣ стороны. У степной травы, ковыля, къ каждому острому зернышку прикрѣпленъ длинный, пушистый и легкій хвостикъ, и вѣтеръ несетъ созрѣвшій ковыль (перекати-поле) за сотни верстъ.

Когда осенью вѣютъ постоянные, сильные вѣтры, на которые мы часто жалуемся, то не должно забывать, что осенью именно созрѣваютъ сѣмена растеній, и что вѣтеръ дѣлаетъ то же самое, что и пахарь, когда онъ, выйдя на поле, раскидываетъ полною горстью сѣмена ржи. Припомните также, что именно въ это время дожди размачиваютъ землю и дѣлаютъ ее способною принять въ себя сѣмена растеній. Такъ все служитъ одно другому въ великомъ созданіи Божіемъ, и нельзя не видѣть, что вся природа есть твореніе одного всеобъемлющаго ума. Тотъ, кто повелѣлъ растеніямъ производить сѣмена, Тотъ же посылаетъ вѣтеръ, когда эти сѣмена созрѣютъ и даетъ дожди, чтобы растворить землю.

Но этого мало: многія птицы и животныя способствуютъ, сами того не зная, размноженію растеній. У многихъ сѣменъ есть цѣпкіе крючечки, которыми они прицѣпляются къ животнымъ, даже къ платьямъ людей, и разсѣеваются въ самыя отдаленныя мѣста. Другія сѣмена такъ тверды, что остаются непереваренными въ желудкѣ птицъ и, такимъ образомъ появляется, напр., вишневое дерево гдѣ-нибудь на верхушкѣ старой башни. Есть и такія сѣмена, которыя, попадая въ рѣку, уносятся въ море и остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не прибьетъ къ берегу, гдѣ они начинаютъ прорастать. Конечно, множество сѣменъ пропадаетъ да-

ромъ, только удобряя землю (потому-что ни что въ природѣ совершенно даромъ не пропадаетъ); множество служитъ пищею для животныхъ и людей; но за то каждое растеніе приноситъ такъ много сѣмянъ, что если тысячная доля изъ нихъ произрастетъ, то и того достаточно, чтобы покрыть землю растеніями. Такимъ образомъ все въ природѣ, облака и дождь, вѣтеръ и буря, птицы и звѣри, содѣйствуютъ распространенію растеній, повинуясь волѣ Всемогущаго Создателя.

ПОЛЬЗА, ДОСТАВЛЯЕМАЯ ЧЕЛОВѢКУ ЖИВОТНЫМИ И РАСТЕНІЯМИ.

Человѣкъ, какъ господинъ земли, данной ему въ обладаніе, пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей и даже своихъ прихотей царствомъ животнымъ и растительнымъ.

Отъ животныхъ мы получаемъ мясо, сало, ворвань, молоко, яица, кожу, шерсть, щетину, кость, рога и копыта, пухъ, перья, китовый усъ, жемчугъ, перламутръ, медъ, шелкъ и нѣкоторые другіе предметы. Многія животныя, не служа намъ ни для пищи, ни для одежды, приносятъ удовольствіе: напримѣръ соловьи, канарейки, попугаи; другія возятъ насъ; третьи охраняютъ нашъ домъ; многія служатъ намъ, истребляя другихъ вредныхъ животныхъ; но есть и такія, которыя, сколько мы знаемъ, только вредны, какъ напримѣръ: ядовитыя змѣи, безполезный, хотя величественный левъ, надоѣдающая муха и пр.

Царство растительное доставляетъ намъ еще гораздо болѣе пользы, чѣмъ царство животныхъ. *Въ пищу* мы употребляемъ такое множество разнообразнѣйшихъ растеній, что и перечесть ихъ невозможно. У однихъ растеній мы съѣдаемъ плоды, каковы: яблоки, груши, апельсины, орѣхи, ягоды и т. д. Другія намъ служатъ своими цвѣтами, напримѣръ артишоки, мясистой коронкой которыхъ мы лакомимся; винныя ягоды, у которыхъ цвѣтокъ скрывается внутри плода; роза, изъ душистыхъ листьевъ которой варятъ варенье, и т. д. У третьихъ мы пользуемся сѣменами, таковы: рожь, пшеница, ячмень и всѣ вообще хлѣбныя растенія; конопля, ленъ, подсолнечникъ, изъ сѣмянъ которыхъ добываютъ различныя масла. Въ четвертыхъ идетъ намъ въ пищу сердцевина, какъ напримѣръ сердцевина саговой пальмы, изъ которой дѣлаютъ саго. У пятыхъ мы беремъ листья, какъ напримѣръ у капусты, мяты, у чайнаго дерева; потому что хотя иные чаи называются цвѣточными, но бѣлые листики, которые мы замѣчаемъ между черными, вовсе не цвѣты, а

только молодые еще пушистые листочки того же чайнаго дерева. Шестыя предлагаютъ намъ свой сокъ, напримѣръ: сахарный тростникъ, береза, кленъ, свекла, изъ сока которой также выдѣлываютъ сахаръ. Седьмыя даютъ намъ свои луковицы, напримѣръ: лукъ, чеснокъ, картофель; осьмыя—корни: какъ напр. морковь, свекла, рѣпа и др.; девятыя служатъ намъ всѣмъ своимъ тѣломъ, напримѣръ грибы. Мы не говоримъ уже здѣсь о лекарственномъ употребленіи растеній: растеніямъ, идущимъ въ лекарство и числа нѣтъ.

Растенія не только питаютъ, но и одѣваютъ насъ, таковы: ленъ, пенька, хлопчатобумажный кустарникъ, въ плодникахъ котораго, закрывая сѣмена, выростаетъ бѣлая, пушистая хлопчатая бумага. Многія растенія доставляютъ краску, которою мы раскрашиваемъ наши ситцы, кисеи, сукна, нашу мебель и стѣны домовъ.

Кромѣ пищи и одежды, растенія даютъ намъ матеріалъ для нашихъ построекъ, для нашихъ лодокъ и кораблей, для нашей мебели и для тысячи мелкихъ вещей, которыя мы употребляемъ: для бумаги на которой мы пишемъ, для чернилъ, которыми мы пишемъ; только перья доставляютъ намъ крикливые гуси.

Но всего этого мало; растенія даютъ намъ еще чистый воздухъ для дыханія. Люди и животныя, вдыхая воздухъ, выдыхаютъ уже негодный для дыханія газъ—угольную кислоту: растенія же, поглощая этотъ газъ берутъ изъ него необходимый для нихъ уголь и отсылаютъ назадъ въ воздухъ чистый кислородъ, безъ котораго не можетъ жить ни одно животное. Растенія постоянно освѣжаютъ воздухъ, который портится дыханіемъ животныхъ.

Растенія кормятъ собою не только человѣка, но и все, что живетъ и дышетъ. Одни животныя кормятся прямо растеніями, а другія, пожираютъ тѣхъ животныхъ, которыя выкормились растеніями; но все, что живетъ, посредственно или непосредственно, кормится растеніями. Левъ разрываетъ маленькую серну, но серна выкормилась травою; орелъ терзаетъ бѣднаго зайчика, но зайчикъ выкормился корою молодыхъ деревьевъ, листьями и зелеными стебельками овса; лиса лакомится курицею, а вкусное мясо курицы выработалось изъ хлѣбныхъ зеренъ; быкъ и корова даютъ намъ питательное мясо; но мясо это образовалось изъ травы и сѣна, переработанныхъ въ кровь въ желудкѣ животнаго. Крѣпкая, какъ сталь, слоновая кость выдѣлывается изъ рису, листьевъ и травы, которыми кормится травоядный слонъ. Пчелка приноситъ намъ медъ; но она беретъ его изъ чашечекъ тѣхъ же растеній. Шелковичный червь прядетъ для насъ шелковичную

нитку; но матеріалъ, изъ котораго выдѣлывается эта нитка—листья шелковичнаго дерева.

А сколько красоты придаютъ растенія нашей землѣ! Они прикрываютъ, оживляютъ и украшаютъ тѣ бездушные камни, глины, пески, тѣ бездушные минералы, изъ которыхъ состоитъ кора земнаго шара. Кто бывалъ въ песчаной или каменистой пустынѣ, гдѣ на многія сотни верстъ вокругъ нѣтъ ни деревца, ни травки, и потомъ вступитъ въ болѣе счастливую страну и, ставъ посреди роскошнаго, ярко зеленаго луга, взглянетъ на волнующіяся поля, полныя хлѣбныхъ колосьевъ, на пестрые цвѣты, на тѣнистыя рощи, въ которыхъ дышетъ прохладою, и на темные, задумчивые лѣса, — тотъ невольно возблагодаритъ Того, Кто, создавъ землю, повелѣлъ ей облечься въ роскошную растительную одежду.

КУНСТКАМЕРА.

(Ст. 6-я.)

Классификація растеній.

Узнавъ кое что о растеніяхъ, возвратимся къ нашей маленькой кунсткамерѣ и попробуемъ, не будемъ ли мы теперь въ состояніи распредѣлить тѣ изображенія растеній и тѣ засушенныя травы и цвѣты, которые у насъ есть. Но какъ же мы будемъ ихъ раздѣлять и размѣщать?

Мы знаемъ уже, что одни растенія состоятъ изъ клѣточекъ, превратившихся въ разнообразные сосуды; а у другихъ растеній сосудовъ вовсе нѣтъ, или очень мало, и они состоятъ изъ простыхъ клѣточекъ, сросшихся между собою. Знаемъ также, что у этихъ послѣднихъ растеній не бываетъ ни цвѣтка, ни сѣменъ и что они размножаются только крупинками, или спорами. По этому признаку ботаники раздѣляютъ всѣ растенія на *сосудистыя-цвѣтковыя* и *безцвѣтковыя-клѣтчатыя*.

Клѣтчатыя растенія раздѣляются въ свою очередь на листовыя, у которыхъ есть листья, какъ напримѣръ — мхи, и безлистныя, какъ напримѣръ —грибы, лишаи (ягель), къ которымъ принадлежитъ и исландскій мохъ, несправедливо называемый мохомъ, и водоросли, изъ которыхъ мы познакомились съ одной нитчаткой. Такъ и

расположимъ образчики и картинки растеній, находящіеся въ нашей кунсткамерѣ: сначала положимъ изображеніе нитчатки, потомъ грибы и образчикъ исландскаго мха; далѣе помѣстимъ клѣтчатныя листовыя растенія: различнаго рода мхи, — и примемся тогда за растенія сосудистыя, въ которыхъ разнообразія гораздо больше.

Мы уже знаемъ, что всѣ сосудистыя растенія можно раздѣлить на два класса, по числу сѣменныхъ долей или сѣменныхъ листковъ зародыша: классъ растеній *односѣменодольныхъ* и классъ растеній *двусѣменодольныхъ*.

Тѣ растенія, у которыхъ при разрѣзѣ стебля или ствола мы не замѣтимъ ни концентрическихъ круговъ, ни коры, у которыхъ листья вырастаютъ какъ-бы одинъ изъ средины другаго (почему ихъ и называютъ *средбростными*), нѣтъ главнаго стержневаго корня, а только мочки, какъ у луковицы и колоска ржи, жилки на листѣ идутъ вдоль листка, а не расходятся по немъ во всѣ стороны, наконецъ растенія, которыя всходятъ однимъ листочкомъ, а не двумя или болѣе, — мы причислимъ къ классу растеній односѣменодольныхъ. Всѣ прочія сосудистыя растенія мы отнесемъ къ двусѣменодольнымъ.

Отдѣливъ такимъ-образомъ односѣменодольныя растенія въ одну группу, мы замѣтимъ, что они очень разнообразны: здѣсь будетъ у насъ и высокая пальма, съ пучкомъ огромныхъ листьевъ на верху, и широколиственный бананъ, съ его большими хлѣбными плодами, и луковица, и наши хлѣбныя растенія, и сахарный тростникъ, и луговая травка лисій хвостъ, и, наконецъ, осока, которою легко можно порѣзать руку и которую мы также причислимъ къ односѣменодольнымъ растеніямъ, если только хорошенько разсмотримъ ея длинныя, рѣжущія по краямъ листья съ продольными полосками. Попробуемъ же, нельзя ли какъ-нибудь привести въ порядокъ всѣ эти разнообразныя растенія. При этомъ удобномъ случаѣ мы замѣтимъ, между прочимъ, что всѣ большія древовидныя односѣменодольныя растенія, какъ, напримѣръ, пальмы, принадлежатъ только жаркимъ странамъ; въ нашемъ же умѣренномъ климатѣ изъ односѣменодольныхъ растеній мы знаемъ только растенія небольшія: злаки, осоки и луковицы. Замѣтивъ всѣ эти различія, мы получаемъ возможность раздѣлить односѣменодольныя растенія на нѣсколько семействъ. Начнемъ съ того, что намъ больше знакомо.

Первое семейство мы составимъ изъ *злаковъ*, куда отнесемъ всѣ растенія, цвѣтущія колосомъ. Это семейство мы можемъ еще подраздѣлить на нѣсколько родовъ: 1) *хлѣба*, куда отнесемъ всѣ растенія,

дающія хлѣбныя зерна: рожь, ячмень, овесъ, пшеницу, маисъ и рисъ; 2) *тростники*, куда относятся всѣ растенія, похожія на нашъ тростникъ, который цвѣтетъ черными, красивыми султанами; бамбукъ, этотъ гигантскій тростникъ жаркихъ странъ, который бываетъ величиною съ наши деревья, и полезный сахарный тростникъ. 3-й родъ семейства злаковъ составятъ *луговыя травы*, принадлежащія къ злакамъ: лисій хвостъ, полевица и другія.

Ко *второму семейству* односѣменодольныхъ растеній мы отнесемъ знакомую намъ *осоку*, которую зовутъ иногда также *ситникомъ*; почему и все это семейство растеній называется *ситниковымъ*. Замѣтимъ между прочимъ, что къ этому же семейству принадлежитъ и твердый, широколиственный папирусъ, на которомъ писали древніе египтяне, не зная еще употребленія бумаги. По-французски бумага и теперь еще называютъ le papier, по-нѣмецки, das Papier, отъ латинскаго слова papyrus.

За семействомъ осокъ помѣстимъ *третье семейство луковичныхъ* или *лилейныхъ*; потому что у луковичныхъ растеній, какъ мы знаемъ, также одна сѣменная доля, вмѣсто корней—мочки и листья съ продольными жилками. Здѣсь мы помѣстимъ нашъ простой лукъ, лилію, тюльпанъ, ирисъ, ландышъ, спаржу и другія похожія на нихъ растенія, если у насъ такія найдутся.

За луковичнымъ или лилейнымъ семействомъ помѣстимъ картинки пальмъ и банановъ, которые всѣ вмѣстѣ составятъ одно *четвертое, пальмовое семейство*. Замѣтимъ между прочимъ, что породъ пальмовыхъ множество и многія изъ нихъ даютъ питательные или вкусные плоды, какъ напримѣръ: финиковая пальма, сладкіе плоды которой вы вѣроятно кушали; кокосовая пальма, огромные орѣхи которой вы вѣроятно видѣли; саговая пальма, сердцевину которой, въ видѣ саговыхъ крупъ, вы тоже знаете.

Пальмы имѣютъ нѣсколько сотъ видовъ; но на картинкѣ вы почти всегда узнаете это дерево жаркихъ странъ по отсутствію вѣтвей и по пучку листьевъ, выходящихъ изъ вершины дерева.

Гораздо труднѣе справиться намъ съ обширнымъ отдѣломъ растеній двусѣменодольныхъ, которыхъ такое множество и которыя такъ разнообразны, что одно перечисленіе ихъ названій могло бы наполнить толстую книгу. Ботаники насчитываютъ болѣе полутораста семействъ двусѣменодольныхъ растеній, а въ каждомъ семействѣ множество родовъ, и въ каждомъ родѣ нѣсколько видовъ. Мы перечислимъ только тѣ изъ семействъ, съ которыми познакомились въ на-

шей книгѣ и прибавимъ къ нимъ нѣсколько другихъ, въ которыхъ находятся какія нибудь общеизвѣстныя растенія.

1) Къ семейству *хвойныхъ* принадлежатъ: сосна, ель, кедръ, лиственница, пихта, кипарисъ, можжевельникъ. 2) Къ семейству *сережчатыхъ* растеній принадлежатъ: береза, ива, тополь, дубъ, орѣшникъ. 3) Къ семейству *розоцвѣтныхъ*—знакомыя намъ яблоня и вишня, съ розовыми цвѣтами, а также груша, слива, миндаль, персикъ, малина, земляника, клубника, шиповникъ и роза. 3) Къ семейству *мотыльковыхъ*, у которыхъ цвѣтки формою своею напоминаютъ крылья мотылька, а сѣмена заключаются въ стручкѣ, принадлежатъ: горохъ простой, сахарный и горошекъ душистый; бобъ, фасоль, чечевица, акація, трилистникъ, составляющій одну изъ самыхъ полезныхъ кормовыхъ травъ, и неизвѣстный намъ *индиго*, изъ стебля и листьевъ котораго добывается самая лучшая синяя краска. Мотыльковое (или бобовое) семейство растеній одно изъ самыхъ многочисленныхъ: въ немъ заключается 467 родовъ и 6,500 видовъ различныхъ растеній. Можете представить себѣ, какъ трудно изучить одно это бобовое семейство! 4) Къ семейству *кувшинчиковыхъ* мы можемъ отнести только одно знакомое намъ водяное растеніе, распускающее на поверхности тихихъ водъ свои прекрасные бѣлые и желтые цвѣты въ родѣ кувшинчиковъ. 5) Изъ семейства *маковыхъ* мы знаемъ только одинъ макъ, цвѣтущій такими яркими цвѣтами. Мелкія сѣмена этого растенія идутъ въ пищу и на выдѣлку маковаго масла; а изъ сочныхъ маковыхъ головокъ въ жаркихъ странахъ добываютъ опій, одуряющее вещество, которое азіатцы употребляютъ вмѣсто водки. 6) Къ семейству *камелевыхъ* причисляются красивыя деревца камелій, съ темно-зелеными, твердыми, зубчатыми и глянцовитыми листьями и роскошными бѣлыми и розовыми цвѣтами; къ тому же семейству принадлежитъ и знаменитый чай, который китайцы разводятъ въ такомъ множествѣ кустами на отлично обработанныхъ поляхъ своихъ. 7) Къ семейству *померанцевыхъ* причисляютъ померанецъ, лимонъ и апельсинъ, небольшія деревья, также съ прекрасными блестящими, зелеными листьями, съ душистыми бѣлыми цвѣтами и съ сочными душистыми плодами, кислаго, горькаго и сладкаго вкуса. Въ Италіи есть цѣлыя апельсинныя и лимонныя рощи; у насъ померанцевыя растенія могутъ расти и приносить плоды только въ оранжереяхъ. 7) Изъ семейства *крыжовниковыхъ* мы очень хорошо знаемъ крыжовникъ и смородину. 8) Къ семейству *зонтичныхъ* относятся всѣ растенія съ цвѣтами, расположенными въ видѣ зонтиковъ,

какъ-то: укропъ, петрушка, морковь, анисъ, тминъ и ядовитая цикута, которая по запаху походитъ на петрушку. 9) Къ семейству *сложноцвѣтныхъ* относятся такія растенія, у которыхъ цвѣты тѣсно соединены въ одну кучу, такъ-что эту кучу цвѣтовъ съ перваго взгляда принимаютъ за одинъ цвѣтокъ. Къ этому семейству принадлежитъ знакомый намъ всѣмъ одуванчикъ, желтый цвѣтокъ котораго, вызрѣвши, превращается въ пушистый шаръ. Присмотритесь хорошенько къ одуванчику, и вы увидите, что весь цвѣтокъ его состоитъ изъ множества маленькихъ отдѣльныхъ цвѣточковъ. Къ сложноцвѣтнымъ принадлежитъ также подсолнечникъ, у котораго, какъ и у одуванчика, на одномъ цвѣточномъ донцѣ появляется такое множество цвѣтовъ, а потомъ сѣменъ; полынь, ромашка, артишокъ, астра, бархатка, красивенькій василёкъ и колючій репейникъ, всѣ растенія очень хорошо намъ знакомыя. 10) Къ семейству *паслёновыхъ* принадлежитъ картофель. Разсмотрите хорошенько лиловый цвѣточекъ и ягодку картофеля и вы будете имѣть понятіе о томъ, что такое паслёнъ вообще. Одинъ изъ видовъ паслёна, а именно черный паслёнъ, очень ядовитъ. Къ одному семейству съ картофелемъ относится табакъ и еще болѣе одуряющее растеніе—дурманъ. По клубнямъ своимъ картофель одно изъ самыхъ полезныхъ растеній; но по цвѣтамъ и ягодамъ принадлежитъ къ такой семьѣ, гдѣ много растеній одуряющихъ и ядовитыхъ. 11) Къ семейству *крапивныхъ* растеній принадлежатъ два растенія, очень хорошо намъ знакомыя—конопля и крапива. Изъ волоконъ крапивы пробовали также (и довольно удачно) выдѣлывать нитки. Къ крапивному семейству кромѣ того принадлежатъ: хмѣль, шелковица, винная ягода. Винная ягода очень замѣчательна: это собственно не ягода, а цѣлый цвѣтокъ, или лучше сказать множество цвѣточковъ, расположенныхъ *внутри* мясистаго общаго донца. Разорвавши винную ягоду, вы увидите въ ней множество мелкихъ сѣменъ и остатки тычинокъ. Къ этому же полезному семейству растеній принадлежитъ хлѣбное дерево, мучнистые, сытные плоды котораго составляютъ для жителей Южнаго океана такую же повседневную пищу, какъ для насъ хлѣбъ изъ пшеничной или ржаной муки. Изъ волоконъ хлѣбнаго дерева дикари ткутъ себѣ одежду, а листья идутъ на покрышку жилищъ. Но такъ-какъ за хлѣбнымъ деревомъ не нужно никакого ухода и оно очень легко разводится, то дикари, привыкнувъ легко находить готовую пищу, одежду и жилище, достаточные въ ихъ жаркомъ климатѣ, привыкли вмѣстѣ съ тѣмъ къ лѣности и остаются до-сихъ-поръ жалкими, невѣжественными людьми. Наши же хлѣбныя растенія за-

ставили человѣка трудиться, думать, учиться другъ у друга, торговать и образовываться.

Каждое семейство растеній дѣлится еще на множество родовъ и каждый родъ на множесто видовъ. Такъ ива, напримѣръ, принадлежитъ къ *семейству серёжчатыхъ* растеній и составляетъ въ этомъ семействѣ особенный родъ ивы. Родъ ивы раздѣляется на нѣсколько *видовъ*: ива плакучая, верба, лоза, вётла и другія. Каждое же дерево по одиначкѣ называется *дсобью*. Изъ множества сходныхъ между собою *дсобей*, (отдѣльныхъ деревьевъ) составляется *видъ*; изъ нѣсколькихъ сходныхъ между собою видовъ составляется *родъ*; изъ нѣсколькихъ сходныхъ родовъ составляется *семейство*; изъ множества семействъ составляется *классъ* растеній; изъ нѣсколькихъ классовъ *отдѣлъ*.

Чтобы изучить всѣ эти роды, виды, семейства растеній, нужно много заниматься ботаникой, и тогда только мы, взглянувъ на какое угодно растеніе, скажемъ, клѣтчатное ли оно или сосудистое; а если, напримѣръ, оно сосудистое, то опредѣлимъ, принадлежитъ ли оно къ отдѣлу растеній односѣменодольныхъ или двусѣменодольныхъ. Узнавъ же, напримѣръ, что оно растеніе двусѣменодольное, мы разсмотримъ устройство его цвѣтка и опредѣлимъ, къ какому семейству оно относится, если будемъ знать отличительные признаки всѣхъ семействъ; а далѣе опредѣлимъ родъ и видъ. Теперь же покуда мы можемъ сдѣлать такія опредѣленія только для немногихъ извѣстныхъ намъ растеній; такъ, напримѣръ, мы можемъ сказать о *вербѣ*, что она есть одинъ *видъ* изъ *рода ивы*; а ива по устройству цвѣтка есть *родъ* изъ *семейства серёжчатыхъ*, слѣдственно родственница орѣху, осинѣ, березѣ и другимъ. *Семейство же серёжчатыхъ* растеній, по устройству всего ихъ организма, принадлежатъ *къ отдѣлу* растеній *двусѣменодольныхъ*; растенія же *двусѣменодольныя* принадлежатъ всѣ къ *сосудистымъ*. То же самое можемъ мы найти для сосны или ели, для лиліи, для гриба, яблони и вообще тѣхъ немногихъ растеній, съ которыми познакомились покороче.

----◆----

ОТДѢЛЪ VI.

ТѢЛА НЕОРГАНИЧЕСКІЯ.

КРЕМЕНЬ.

Всѣ мы знаемъ, что кремень есть *камень* и притомъ очень *твердый* камень, который трудно раздробить на части. Если однакожъ отбить кусокъ кремня, то *изломъ* никогда не будетъ гладокъ, но съ углубленіями, похожими на маленькія раковинки: вотъ почему говорятъ, что въ изломѣ кремень *раковистъ*. Кремень очень *твердъ*, а потому края его могутъ быть иногда такъ остры, что ими можно рѣзать дерево и даже проводить черточки на стеклѣ, которое нельзя разрѣзать ножомъ, а только самымъ твердымъ камнемъ — алмазомъ.

Чтобы узнать, какое изъ двухъ тѣлъ тверже, должно однимъ чертить по другому и то, которое проводитъ черту, тверже того, на которомъ черта проводится. Такъ хорошимъ стальнымъ ножомъ можно провести черту на мягкомъ, незакаленномъ желѣзѣ. Алмазомъ можно провести черту на какомъ угодно тѣлѣ; но на алмазѣ ничѣмъ нельзя провести черты, потому алмазъ называютъ самымъ твердымъ камнемъ. Полируютъ алмазы только алмазнымъ же порошкомъ.

Кремень находятъ иногда очень большими кусками, которые бываютъ покрыты известковой корой. Цвѣта кремень бываетъ различнаго: иногда сѣрый, желтоватый, иногда совершенно бѣлый, иногда черный, часто *дымчатый* съ полосками. Въ тоненькихъ пластинкахъ бѣлый кремень очень прозраченъ, и его, какъ мы узнаемъ послѣ употребляютъ для выдѣлки прозрачнаго стекла; даже совершенно черный кремень и тотъ пропускаетъ свѣтъ, когда полоски его тонки. Поверхность кремня гладка и блеститъ; если потереть кремень, то онъ издаетъ особенный, ему свойственный слабый запахъ. Вкуса кремень не имѣетъ никакого, потому-что не распускается въ водѣ.

При ударѣ сталью о кремень выскакиваютъ искры. Искры эти

ни что иное, какъ очень маленькіе кусочки стали, раскалившіеся отъ удара. Если нѣсколько времени *высѣкать* искры стальнымъ огнивомъ, то сталь сотрется; а если мы положимъ бѣлый листъ бумаги и надъ нимъ станемъ высѣкать огонь, то увидимъ на бумагѣ маленькіе кусочки перегорѣвшей стали. Искра слѣдовательно ни что иное, какъ кусочикъ стали, раскалившійся до-красна отъ сильнаго удара по кремню. Отъ сильнаго удара и тренія не одна сталь нагрѣвается. Двѣ палки можно тереть одна о другую до того, что обѣ загорятся. Если ударить нѣсколько разъ молоткомъ по гвоздю, то можно ощупать осязаніемъ, что шляпка гвоздя и молотокъ нагрѣются. Неподмазанное колесо при скорой ѣздѣ до того трется объ ось, что изъ обоихъ идетъ дымъ и оба могутъ загорѣться. Но чѣмъ тверже тѣла, тѣмъ отъ тренія ихъ происходитъ болѣе тепла. Вотъ почему, чтобы высѣчь огонь, бьютъ по кремню не желѣзомъ, а сталью, которая гораздо тверже желѣза.

Кремень, какъ и другіе камни, выкапывается изъ земли, а потому и называется предметомъ *ископаемымъ*.

ГЛИНА И ЧТО ИЗЪ НЕЯ ДѢЛАЕТСЯ.

Глина такой необходимый, полезный для человѣка матеріалъ, что Создатель щедро распространилъ его почти на всѣхъ мѣстахъ земнаго шара. Глина принадлежитъ къ отдѣлу земель и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ составныхъ частей той земли, по которой мы ходимъ. По большей части она бываетъ съ чѣмъ-нибудь смѣшана, въ-особенности съ пескомъ, и въ чистомъ видѣ находится довольно рѣдко. Она непрозрачна, не имѣетъ того блеска, которымъ отличаются металлы, и той твердости, которою отличаются камни, хотя во многихъ камняхъ она бываетъ главною составною частію. Чаще всего попадается глина желтовато-сѣроватаго цвѣта и рѣже глина голубая и бѣлая.

Одно изъ главныхъ свойствъ глины заключается въ томъ, что она очень любитъ воду, жадно впитываетъ ее въ себя и въ смѣшеніи съ водою дѣлается мягкою и лѣпкою; а когда высохнетъ, т. е. когда вода отъ тепла превратится въ паръ и улетитъ въ воздухъ, то глина твердѣетъ, какъ камень, и даже трескается. Вотъ почему почва, состоящая преимущественно изъ глины или, какъ говорятъ, очень глинистая почва, неудобна для земледѣлія. Въ дождливое время гли-

нистая почва, напитавшись водою, не пропускаетъ ее въ глубь земли, какъ напр. почва песчаная, черезъ которую вода проходитъ безпрепятственно; почему на глинистой почвѣ вода часто скопляется лужами, подъ которыми посѣянное зерно, отъ недостатка воздуха, гибнетъ или, какъ говорятъ, вымокаетъ. Въ засуху глинистая почва твердѣетъ, какъ камень, и сжимаетъ безпощадно бѣдное зернышко, или трескается, оставляя сѣмя наружу, такъ что оно не можетъ пустить корешковъ въ твердую, какъ камень, глину. Но если глина хорошо перемѣшана съ пескомъ, тогда почва дѣлается весьма удобною для земледѣлія. Это свойство глины —жадно впитывать въ себя воду и дѣлаться при этомъ вязкою и лѣпкою, а потомъ, высохнувъ, твердѣть, — подало людямъ мысль приготовлять изъ нея кирпичъ, черепицу, и различную посуду.

Хотя глина смѣшивается съ водой, но въ ней не растворяется, а потому не имѣетъ вкуса. Если однакожъ приложить кусокъ сухой глины къ языку, то можно испытать особое ощущеніе, происходящее отъ того, что глина жадно потянетъ въ себя влагу, которою покрытъ нашъ языкъ. Смоченная водой глина издаетъ особенный, ей свойственный запахъ. Изъ глины въ послѣднее время научились добывать красивый, серебристый металлъ, называемый глиніемъ; слѣдовательно глина не простое, а составное тѣло.

Кирпичъ изъ глины дѣлаютъ очень просто. Выбираютъ такое мѣсто, гдѣ бы по близости можно было найти въ землѣ глину, песокъ и воду, и устроиваютъ на немъ кирпичный заводъ, состоящій изъ сарая, съ одною крышею безъ стѣнъ, для того, чтобы вѣтеръ могъ продувать свободно, и большой печи, въ которой можно было бы обжигать кирпичъ. Возлѣ сарая вырываютъ неглубокую яму, перемѣшиваютъ глину, песокъ и воду или лопатами, или ногами, а иногда лошадьми, заставляя ихъ топтаться въ такой ямѣ. Послѣ того накладываютъ глину въ формы въ родѣ деревянныхъ ящиковъ, открытыхъ сверху; палкой снимаютъ то, что оказывается лишнимъ, и выкладываютъ изъ формы на доску уже сырой кирпичъ или сырецъ; словомъ, дѣлаютъ почти то же, что и маленькія дѣти, когда они лѣпятъ изъ песку различныя штучки, съ тою только разницею, что формочки, надѣланныя дѣтьми изъ песку, чѣмъ болѣе высыхаютъ, тѣмъ легче разсыпаются; а глина, напротивъ, чѣмъ становится суше, тѣмъ дѣлается тверже. Налѣпивъ такимъ образомъ цѣлую доску будущихъ кирпичей, раскладываютъ ихъ осторожно подъ крышей сарая, гдѣ они не могутъ размокнуть отъ дождя и гдѣ въ то же время ихъ со всѣхъ

сторонъ хорошо прохватываетъ вѣтромъ. Искусный и прилежный работникъ въ одинъ день можетъ наработать такихъ еще мягкихъ кирпичей болѣе тысячи.

Лежа въ сараѣ, кирпичи просыхаютъ и нѣсколько твердѣютъ, но изъ такихъ кирпичей, просушенныхъ только вѣтромъ, нельзя еще строить домовъ, потому что первый дождь можетъ легко опять ихъ размочить. Давши хорошенько просохнуть кирпичамъ, ихъ складываютъ потомъ въ большую печь, которая устроивается такъ, что внизу есть у нея нѣсколько топокъ, куда кладутъ дрова, а сверху на кирпичномъ днѣ съ отверстіями, пропускающими пламя, кладутъ въ нѣсколько рядовъ кирпичи ребрами, такъ чтобы между ними могъ свободно проходить огонь. Затопивъ печи, понемногу начинаютъ усиливать огонь, и когда увидятъ, что кирпичи уже достаточно обожжены, то такъ же постепенно начинаютъ уменьшать огонь, и наконецъ совершенно его тушатъ. Отъ дѣйствія жара кирпичъ окончательно высыхаетъ, дѣлается краснымъ, звонкимъ и, сравнительно съ сырцомъ, легкимъ, потому-что отъ него отдѣлилась вода. Чѣмъ лучше обожженъ кирпичъ, тѣмъ менѣе онъ напитывается водою и тѣмъ прочнѣе. Изъ кирпичей строятъ каменные дома, каменные мосты, церкви; изъ кирпичей выстроены громадные города, въ которыхъ живутъ милліоны людей.

Глиняную посуду лѣпить тоже не очень трудно, и вы скоро поймете это производство, если заглянете въ мастерскую горшечника. Изъ особенной тонкой бѣлой глины, называемой фарфоровою, которая попадается очень рѣдко, дѣлаютъ дорогую фарфоровую посуду. У насъ фарфоровая глина находится въ Черниговской губерніи, въ Глуховскомъ уѣздѣ.

ПОВАРЕННАЯ СОЛЬ.

Соль есть единственный минералъ, употребляемый человѣкомъ въ пищу, въ лекарствахъ же употребляются нѣкоторые другіе. Она не только улучшаетъ вкусъ многихъ блюдъ, но полезна и даже необходима для здоровья. Кромѣ-того солью же сохраняютъ въ прокъ мясо, сало, рыбъ, птицъ, грибы, огурцы и многія другія органическія тѣла.

Какого цвѣта соль — вы это знаете; но по цвѣту трудно отличить ее отъ сахара, за то по вкусу мы можемъ узнать вездѣ присутствіе соли. Соль совершенно распускается въ водѣ, причемъ вода пріобрѣтаетъ

соленый вкусъ. Но вода не можетъ распускать въ себѣ сколько угодно соли, а только опредѣленное количество, смотря по количеству самой воды, и если переложить соли, то вода перестанетъ ее распускать, или, какъ говорится, насытится солью.

Но, распустивъ соль въ водѣ, можно снова добыть ее оттуда: стоитъ только воду, насыщенную солью, кипятить до-тѣхъ-поръ, пока вся вода, превращаясь постепенно въ паръ и улетая въ воздухъ, выкипитъ; соль остается тогда на днѣ сосуда. Налейте соленой воды на плоское чайное блюдечко и поставьте его куда нибудь на нѣсколько дней: вода мало-по-малу испарится, а на днѣ блюдечка появится множество маленькихъ шестигранныхъ кристаликовъ, у которыхъ всѣ шесть площадокъ равны между собою и которыя потому называются *кубиками.* Соляные кристаллы прозрачны и блестятъ.

Такъ какъ соль можетъ быть въ твердомъ и въ жидкомъ видѣ, то ее добываютъ или выкапывая изъ земли, какъ множество другихъ камней и металловъ, или доставая изъ водъ, насыщенныхъ солью, или изъ озеръ, въ которыхъ соль осѣдаетъ на дно кристаллами. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ морѣ вода вездѣ, хотя не въ одинаковой степени, напитана солью; но въ морской водѣ, кромѣ соли, есть и другія примѣси, такъ что вкусъ этой воды горько-соленый и она для питья негодится.

Твердую, каменную соль добываютъ у насъ въ Илецкой-Защитѣ (въ Оренбургской губерніи). Кромѣ-того у насъ есть множество озеръ, въ которыхъ соль толстыми пластами осѣдаетъ на дно, откуда ее и достаютъ. Самое большое изъ такихъ озеръ, Ельтонъ, находится въ Саратовской губерніи. Есть у насъ и соляные источники, вода которыхъ пріобрѣтаетъ соль, пробираясь въ глубинѣ земли между пластами каменной соли: изъ такой воды соль вываривается въ *соляныхъ варницахъ.*

----◇----

СѢРА.

Желтая сѣра принадлежитъ также къ минеральному царству и добывается изъ нѣдръ земли въ чистомъ видѣ, или въ смѣшеніи съ другими минералами. Она легко плавится и не нужно большаго огня, чтобъ дать ей жидкій видъ. При охлажденіи сѣра, равно какъ и соль, принимаетъ форму кристалловъ; но только эти кристаллы уже не кубики, а двѣ четырехстороннія пирамидки, сложныя основаніями. Въ водѣ

сѣра не распускается и потому вкуса не имѣетъ; но запахъ, хотя слабый, издаетъ, особенно если ее сильно потереть рукой. Ломается сѣра очень легко; въ водѣ тонетъ, слѣдовательно тяжелѣе воды; въ огнѣ сильно горитъ голубымъ пламенемъ и даетъ смрадные и удушливые пары, которые, попадая въ легкія, возбуждаютъ сильный кашель.

Сѣра употребляется въ нѣкоторыхъ производствахъ: для сѣрныхъ спичекъ, для приготовленія пороха, въ которомъ она смѣшивается съ селитрою и углемъ, а также и въ лѣкарствахъ.

ИЗВЕСТНЯКЪ.

Вы вѣрно видали известковый камень или известнякъ. Во многихъ мѣстахъ изъ него состоятъ цѣлые холмы и горы, покрытые травою или лѣсомъ. Известнякъ, добытый изъ земли, бываетъ бѣлаго, немного желтоватаго цвѣта. Безчувственнымъ и безсмысленнымъ кажется намъ этотъ камень и, конечно, въ немъ нѣтъ ни чувства, ни ума, хотя есть одно очень замѣчательное свойство. Известнякъ очень любитъ воду и въ каждомъ известковомъ камнѣ, вырытомъ изъ земли, почти одну четверть его тяжести составляетъ находящаяся въ немъ вода, хотя вы можете разбить камень и не найдете въ немъ воды ни капли, и даже, разсматривая камень въ микроскопъ, не отыщете никакой пещерки, гдѣ бы вода могла скрыться: вода и известка, соединившись, сдѣлались однимъ существомъ, известковымъ камнемъ. Но у двухъ друзей, есть общій врагъ, который можетъ ихъ разлучить. Этотъ врагъ—огонь! Онъ повсюду безъ устали преслѣдуетъ воду, открываетъ ее вездѣ, даже въ известковомъ камнѣ, и бьется съ нею до-тѣхъ-поръ, пока не выгонитъ её изъ ея убѣжища и не заставитъ улетѣть въ облака. Мы сейчасъ увидимъ, какъ это дѣлается.

Известковый камень, какъ и многіе другіе камни, лежитъ въ землѣ большими массами. Тѣ мѣста, гдѣ откапываютъ камень и выламываютъ его, называются *каменоломнями*. Возлѣ каждой известковой каменоломни устроивается огромная печь для *обжиганія* извести. Наломавъ камня, складываютъ его въ печь кусками, такъ чтобы между ними могло свободно проходить сильное пламя. Потомъ затапливаютъ печь и топятъ ее нѣсколько дней, до-тѣхъ-поръ, пока весь известковый камень раскалится. Тутъ уже приходится водѣ не въ терпежъ, и она поневолѣ покидаетъ своего друга и вылетаетъ въ

воздухъ въ видѣ пара. Выгнавъ всю воду, перестаютъ топить печь и известка, оставшаяся отъ известковаго камня, мало-по-малу охладѣваетъ; но у нея навсегда остается сильная жажда къ водѣ, и можно было бы сказать, что она страшно тоскуетъ по своемъ старинномъ другѣ, еслибы только известка могла тосковать. Приложите кусокъ выжженной извести къ мокрымъ губамъ, или возьмите его въ мокрую руку, и вы почувствуете, съ какою жадностію станетъ онъ всасывать воду; почувствуете что-то въ родѣ обжога. Гдѣ бы ни нашла известка каплю воды, она мигомъ ее всосетъ. Люди пользуются этимъ свойствомъ извести, чтобы извлекать воду отовсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть. Такъ, напримѣръ, если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько известки, и хотя вода очень также дружна и со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно, но съ известкой она еще дружнѣе: оставляетъ спиртъ и соединяется съ известкой.

Если мы возьмемъ фунта три такой выжженной извести и нальемъ на нее воды, то камень, какъ-будто отъ удовольствія, разгорячится, задымится и, напившись вволю, разсыплется въ мелкій порошокъ. Этотъ порошокъ, бѣлый какъ снѣгъ, совершенно сухъ; но свѣсьте его и вы увидите, что въ немъ уже не три фунта, а четыре, и что слѣдовательно въ этомъ сухомъ порошкѣ есть одинъ фунтъ мокрой, очень мокрой воды. Точно такъ же разсыплется выжженная известка, если оставить ее долго на открытомъ воздухѣ; потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известка соединяется. Известка, въ которой нѣтъ воды, называется *негашенною* известью; а соединить ее съ водою называется погасить известку. Обыкновенно гасятъ известку не по немногу, а разомъ, наливая на нее много воды; тогда известка дымится, шипитъ, а вода клокочетъ и кипитъ, какъ-будто подъ ней разложенъ огонь: съ такой горячей дружбой соединяются эти два пріятеля. При быстромъ гашеніи извести изъ нея образуется тѣсто, которымъ бѣлятъ дома; а подмѣшавъ въ это тѣсто песку, каменьщики употребляютъ эту смѣсь, какъ *цементъ*, для того чтобы связывать (склеивать) кирпичи, изъ которыхъ складываются наши громадные каменные дома.

Здѣсь встрѣтились мы въ первый разъ съ весьма любопытнымъ свойствомъ которое имѣютъ нѣкоторыя тѣла — напримѣръ, известка и вода — соединяться другъ съ другомъ такъ крѣпко и плотно, что изъ двухъ тѣлъ образуется одно — новое, какъ напримѣръ, *известковый камень*. Такихъ соединенныхъ или сложныхъ тѣлъ множество: даже

самая вода, какъ мы узнаемъ современемъ, сложное тѣло. Сложныхъ тѣлъ гораздо болѣе, чѣмъ простыхъ, несложныхъ, каковы напримѣръ металлы, уголь и нѣкоторыя другія простыя тѣла. Простыя тѣла, изъ которыхъ слагаются сложныя, называются *химическими элементами.* Ученые, занимающіеся изслѣдованіемъ, изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ сложено каждое сложное тѣло, называются *химиками*; а самая наука о составѣ тѣлъ—*химіей.* Стремленіе одного тѣла соединяться съ другимъ, какъ, напримѣръ, известки съ водою, называется *химическимъ сродствомъ.*

Мы слыхали уже объ одномъ воздухообразномъ тѣлѣ, *кислородѣ,* столь необходимомъ для дыханія животныхъ. Кислородъ — простое тѣло, имѣетъ сродство съ желѣзомъ; а соединившись съ нимъ, образуетъ новое тѣло уже сложное — желѣзную ржавчину. Вы вѣроятно замѣтили, что кусокъ желѣза, долго лежа на воздухѣ, ржавѣетъ, т. е. поверхность его покрывается красноватою ржавчиною. Эта ржавчина есть новое тѣло, уже не похожее на желѣзо, которое образовалось отъ того, что желѣзо соединилось съ кислородомъ, находящимся въ воздухѣ. Покройте желѣзо слоемъ масла и оно не заржавѣетъ; потому-что кислородъ воздуха будетъ отдѣленъ отъ желѣза слоемъ масла и воздухъ будетъ уже прикасаться не къ желѣзу, а къ маслу.

ПРОИЗВОДСТВО СТЕКЛА.

Мы такъ привыкли пользоваться стекломъ, что не можемъ себѣ представить, какъ жили люди, не зная его употребленія. Безъ зеркалъ можно было бы еще обойтись; прекрасную стеклянную посуду можно было бы замѣнить глиняною; но чѣмъ замѣнить стекло въ окнахъ, особенно въ холодныхъ странахъ, гдѣ необходимо имѣть такія окна, которыя бы, пропуская въ комнату свѣтъ, не выпускали изъ комнаты тепла? А между-тѣмъ лѣтъ двѣсти тому назадъ у насъ въ Россіи, даже въ городахъ, много было домовъ съ оконницами изъ слюды, особеннаго камня, который весьма легко раздирается на тонкіе и прозрачные слои. У эскимосовъ и теперь, вмѣсто стеколъ, употребляются куски льда; въ землянкѣ башкира часто въ окнахъ бываетъ бумага, пропитанная постнымъ масломъ. Но слюда очень быстро портится отъ солнца, ледъ очень быстро таетъ, а пропитанная масломъ бумага мало пропускаетъ свѣта, и потому всѣ эти матеріалы не могутъ вполнѣ замѣнить собою стекла. Въ настоящее время упо-

требленіе стекла до того уже распространено, что, кромѣ юртъ дикарей, нѣтъ такой бѣдной избушки, въ которой не было бы хотя нѣсколькихъ его кусочковъ. Но какъ же дѣлается стекло? Вѣроятно изъ какихъ-нибудь недорогихъ матеріаловъ, если оно по цѣнѣ своей доступно всякому бѣдняку. Дѣйствительно, стекло дѣлается изъ трехъ, весьма дешевыхъ веществъ: песка или кремня, поташа и извести или мѣла. Изъ этихъ трехъ вещей намъ менѣе всего извѣстенъ *поташъ*; потому-что онъ не находится въ природѣ въ чистомъ видѣ, но приготовляется изъ золы. Песокъ берутъ самый мелкій и чистый; но чтобы сдѣлать его еще мельче, то накаливаютъ его въ сильномъ огнѣ, а потомъ бросаютъ въ холодную воду, отчего каждая песчинка трескается на нѣсколько еще меньшихъ кусочковъ. Всѣ эти три вещества — песокъ, поташъ и известь, кладутся въ особенныя печи, устроиваемыя на стеклянныхъ заводахъ, и дѣйствіемъ сильнѣйшаго жара превращаются въ жидкую и прозрачную стеклянную массу.

Вы вѣроятно знаете, какъ выдуваются соломинкою мыльные пузыри: почти точно такъ же дѣлается и стекло. Но для этого берется уже не соломинка, которая сгорѣла бы отъ жара жидкаго стекла, а желѣзная трубочка, обдѣланная деревомъ, такъ чтобы ею работникъ не могъ обжечь себѣ губъ. На одинъ изъ концовъ этой трубочки набираютъ стеклянной жидкости, какъ дѣти набираютъ на соломинку жидкаго мыла, чтобы выдуть мыльный пузырь, а въ другой начинаютъ дуть: тогда изъ жидкости образуется также мягкій пузырь, которому не даютъ застыть и сдѣлаться совершенно твердымъ, постоянно подогрѣвая его въ печи. Повертывая трубочку, то подымая ее вверхъ, то опуская внизъ, даютъ стеклянному пузырю форму бутылки или графина, смотря потому, что хотятъ приготовить. Для приготовленія оконныхъ стеколъ стараются сначала выдуть такую фигуру, которая, если ее обрѣзать сверху и снизу, походила бы на правильный цилиндръ. Сбоку этого цилиндра проводятъ сначала черту холодною водою, а потомъ по этой чертѣ проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ, отчего цилиндръ даетъ трещину въ томъ самомъ мѣстѣ. Тогда его снова нагрѣваютъ, меньше прежняго, и, осторожно развертывая въ листъ, выравниваютъ желѣзнымъ брускомъ. Такимъ-образомъ приготовляютъ тѣ прозрачныя, гладкія пластинки, которыя мы видимъ въ окнахъ. Не легка эта работа: чтобы сдѣлать простую бутыль, много долженъ поработать человѣкъ; но сколько долженъ поработать онъ, чтобы сдѣлать гладкое, чистое и толстое зеркальное стекло въ нѣсколько аршинъ длиною и шириною!

ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играли важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится и желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоцѣнные каменья, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и въ прозѣ: на скромный шиферъ немногіе обратили вниманіе. Однакожъ несмотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, что все-равно, грифельная доска не мало способствуетъ къ образованію людей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнатъ ея исторію.

Вотъ тропинка, ведущая въ горы по берегу ручья. Замѣтьте, какъ темна въ немъ вода; это отъ того, что ручей бѣжитъ по руслу изъ чернаго шифернаго камня. Но вотъ и горы: мы слышимъ уже стукъ молотовъ, шумъ падающихъ каменьевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ — и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой; наверху немножко земли, въ которой расползлись во всѣ стороны корни громадныхъ, вѣковыхъ сосенъ.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣги и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ одни разрѣзываютъ его на меньшіе куски и выскабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее тонкимъ пескомъ. Наконецъ стальнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцовитость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянныя рамки конечно уже нетрудно.

Разсказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Этого никто навѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шифернаго камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня и желѣзной охры (соединеніе желѣза и кислорода). Кромѣ того есть въ шиферѣ немного простаго элемента, *кали*, главной составной части поташа, нѣсколько воды и много угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы вѣроятно замѣтили, что иногда грифель проводитъ на доскѣ красную черточку, это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ попалось

побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня; но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно разсмотрѣть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только химикъ, проникающій въ самый составъ тѣлъ, можетъ разыскать составныя части шифера, раздѣлить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями, повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное время, когда земля еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ илъ и этотъ илъ осаживался слоями гдѣ нибудь въ спокойной бухтѣ; морскія растенія дали, по всей вѣроятности, угольныя частицы, а кали и желѣзо были принесены водою. Такимъ-образомъ изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образовали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ его теперь находятъ. Если же мы невидимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растеній, то это можетъ быть потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь и въ то же время помогъ соединиться тѣснѣе всѣмъ составнымъ частямъ камня.

Но какъ бы тамъ ни было, замѣчательно только то, что шиферъ приготовлялся для нашихъ досокъ еще въ то время, когда нетолько не было на землѣ ни одного училища, но даже не было ни одного человѣка и звонкій крикъ ребенка нигдѣ еще не оглашалъ воздуха. Мы же теперь, дѣлая ариѳметическую задачу, превращаемъ снова въ пыль тотъ камень, для образованія котораго нужны были многіе вѣка, волны океана, размытыя скалы, безчисленные милліоны растеній и подземный огонь, отъ котораго гранитъ таялъ, какъ воскъ.

ГРАНИТНЫЙ ВАЛУНЪ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, еслибы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ сдѣланъ. Онъ не похожъ на

шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Вамъ вѣроятно случалось, разбивъ доску, замѣтить, что шиферъ, изъ котораго она сдѣлана, весь состоитъ изъ слоевъ, точно будто сложенъ изъ тонкихъ, окаменѣвшихъ листовъ черной бумаги. Въ булыжникѣ вы такихъ слоевъ не видите: напротивъ, онъ какъ-будто весь слѣпленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, крѣпко сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко — это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое, стекловидное зернышко — это кусочекъ кремня; а вотъ и свѣтлая блестка — это слюда, которую также находятъ отдѣльными довольно большими кусками.

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плотную массу? Этого хорошенько никто не знаетъ; но видно только, что тутъ работалъ страшно-сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди, занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша Земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь горитъ внутри земнаго шара; и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканѣ съ водою и дадите смѣси спокойно осѣсть на дно, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ котораго сдѣлана ваша доска, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ незамѣтно, силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня и потому называется огненною породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ вырости здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ могъ бы выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи или можетъ быть даже въ Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ вѣроятно идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно, подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленные, расплавленные вышли онѣ оттуда и потомъ, мало по малу, застыли на воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человѣкъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то куполами, то остроконечными башнями.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоитъ взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы и теперь стоящей гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу вёрстъ? Конечно никто не привезъ на лошадяхъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привезти для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся изъ одного такого камня, найденнаго невдалекѣ отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому-что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, разсказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, разскажетъ намъ о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской прибрежной гранитной скалы, у подошвы которой шумѣли бурныя волны, морскія птицы вили на этой скалѣ свои гнѣзда, а морскія животныя приходили отдыхать у ея подошвы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою, скала казалась все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Русская пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень. Много такихъ капель падало на нашу скалу и мало-по-малу показались въ ней сначала едва замѣтныя трещины: въ эти трещины проникали новыя капли и углубляли ихъ все больше и больше. Зимою, когда эти капли, прокравшіяся въ гранитъ, замерзали, то, тѣмъ самымъ, раздвигали все дальше и дальше его частицы. Наполните бутылку водою и выставьте ее на морозъ: когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ.

Вѣтеръ и солнце помогали водѣ и холоду, и вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, со множествомъ подобныхъ ему каменьевъ, захотѣлъ путешествовать—рухнулся со скалы и покатился внизъ, въ море, а тамъ уже ждалъ его отличный экипажъ: громадная ледяная глыба, стоявшая у подошвы горы. Долго ли, коротко ли стояла эта глыба, но мало по малу она набрала много молчаливыхъ пассажировъ и ей пора было бы уже отправиться въ путь, да то бѣда,

что она очень плотно примерзла къ берегу. Однакоже солнце и вѣтеръ дружными усиліями помогаютъ льдинѣ сняться съ якоря и пуститься странствовать по міру, куда глаза глядятъ, или, лучше сказать, куда гонитъ ее вѣтеръ. «Прощай на вѣки родина!» могли бы сказать каменья, еслибы у нихъ былъ языкъ.

Море въ тѣ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь: только высокія, гористыя страны выглядывали изъ него, а наша низменная, ровная матушка-Россія вся еще пряталась подъ водою, по которой очень удобно было странствовать ледянымъ глыбамъ.

Вотъ глыба, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, все подвигалась къ югу; а на югѣ, какъ вы знаете, солнце грѣетъ больше и припекало глыбу, которая пустилась въ путь, позабывъ что она ледяная. Глыба все движется дальше и дальше, а солнце печетъ и топитъ ее все больше и больше; становится наконецъ глыбѣ не въ терпежъ, и вотъ она роняетъ сначала одинъ камень, за нимъ другой,—и растеряла всѣхъ своихъ пассажировъ по лицу будущей Россіи: «лежите, молъ, тутъ голубчики до скончанія вѣка»; а наконецъ и сама вся растаяла.

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человѣкъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчистить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему устроить фундаментъ для дома; тамъ ограду изъ камней; тамъ сложить изъ нихъ и цѣлую избу; тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дѣло дошло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось уже очень плохо. Тщательно разыскали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мохомъ; отыскали, свезли въ кучи и тысячи молотковъ принялись усердно колоть твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы что при желѣзныхъ дорогахъ могли и отдохнуть камни, но не тутъ-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиною; опять бьютъ камень въ куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ, чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысяче-пудовая машина.

Такъ заботился Всемогущій Господь о человѣкѣ, когда еще человѣка не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ, водѣ, вѣтру и огню, приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ; хотя долго еще послѣ того человѣкъ не имѣлъ понятія, ни о шоссѣ, ни о желѣзныхъ

дорогахъ и таскался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлать лошадь. Но Всевидящій Творецъ далъ человѣку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что разскажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы съумѣемъ заставить его заговорить: и еслибы люди забыли Бога, то самые камни могли бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человѣку.

Желѣзо.

Взявъ въ руки какую-нибудь желѣзную вещь, мы легко убѣдимся, что желѣзо металлъ очень твердый. Но спрашивается, какъ изъ такого твердаго и вовсе негибкаго металла приготовляютъ такія различныя вещи? И дѣйствительно, очень было бы трудно давать желѣзу разнообразныя формы, еслибы оно не имѣло свойства дѣлаться мягкимъ въ сильномъ жару.

Всякій вѣроятно знаетъ, какъ въ огнѣ легко разгорячается и раскаляется желѣзо, причемъ и само оно дѣлается краснымъ, какъ огонь. Но если жаръ еще усилить, тогда желѣзо начинаетъ бѣлѣть, маленькія голубыя искры начинаютъ отскакивать отъ него во всѣ стороны, и оно дѣлается до того мягкимъ и ковкимъ, что кузнецъ или слесарь, съ помощію молотка и щипцовъ, дѣлаютъ изъ него что имъ угодно. Для того, чтобы сдѣлать желѣзо мягкимъ, требуется сильный жаръ и каждый, кто былъ въ кузницѣ, вѣроятно замѣтилъ, какъ кузнецы усиливаютъ жаръ раскаленныхъ угольевъ посредствомъ большихъ раздувальныхъ мѣховъ. Если жаръ еще усилить, то желѣзо начнетъ плавиться, то есть превращаться въ жидкость; но для этого уже жаръ долженъ быть страшно — великъ, потому что желѣзо плавится трудно.

Еслибы желѣзо не имѣло этого послѣдняго свойства, не могло плавиться, то мы имѣли бы очень мало желѣза, потому-что въ чистомъ видѣ оно почти никогда не находится въ землѣ, откуда добываютъ, какъ желѣзо, такъ и всѣ другіе минералы.

Желѣзо находятъ всегда почти въ видѣ *руды*, т. е. въ соединеніи съ другими минералами: глиною, кремнемъ, сѣрою. Мѣста, гдѣ выкапываютъ изъ земли желѣзную руду, называются *желѣзными рудниками*, а люди, занимающіеся добываніемъ какъ желѣза, такъ и другихъ рудъ, — *рудокопами*. Накопавъ желѣзной руды, которая иногда находится на большой глубинѣ, а иногда лежитъ почти на

поверхности, работники доставляютъ её на *желѣзные заводы*, гдѣ изъ этой руды добываютъ чугунъ, желѣзо и сталь.

На желѣзныхъ заводахъ устроены большія *плавильныя* печи, саженей по пяти вышиною, на толстыхъ каменныхъ стѣнахъ. Въ такую печь кидаютъ желѣзную руду вмѣстѣ съ угольями, известкой и глиной, которыя помогаютъ желѣзу плавиться. Потомъ растапливаютъ печь и до того увеличиваютъ жаръ, что желѣзная руда распускается. Расплавленное желѣзо по своей тяжести опускается внизъ и собирается въ особенномъ, нарочно для того устроенномъ мѣстѣ, откуда его выпускаютъ въ канавки, вырытыя въ пескѣ, или въ особенныя глиняныя формы. Желѣзо въ такомъ видѣ имѣетъ въ себѣ еще много угля, хрупко, темнаго цвѣта, и называется *чугуномъ*. Изъ чугуна *выливаются* многія вещи: ядра, рѣшетки, заслонки для печей, цѣлыя колонны, котлы и проч., но чугунъ хрупокъ и не имѣетъ той *ковкости*, которою обладаетъ желѣзо. Заводы, на которыхъ льютъ изъ чугуна различныя вещи, называются *чугунолитейными заводами*.

Чтобы изъ хрупкаго чугуна приготовить ковкое желѣзо, должно чугунъ подвергать снова вліянію сильнаго жара и долго колотить тяжелымъ молотомъ; отъ этого чугунъ отдѣлитъ отъ себя почти весь уголь, станетъ плотнѣе, словомъ, сдѣлается ковкимъ желѣзомъ. Первоначально желѣзо приготовляется въ формѣ большихъ полосъ и называется въ такомъ видѣ полосовымъ желѣзомъ. Изъ желѣзныхъ полосъ, которыя повсюду развозятся съ заводовъ на продажу, кузнецы и слесаря приготовляютъ множество разнообразныхъ вещей.

Для приготовленія изъ желѣза стали, нужно снова раскаливать желѣзо, снова соединять его съ углемъ; но, раскаливъ его до̀бѣла, ему уже не позволяютъ охлаждаться понемногу, а разомъ опускаютъ его въ холодную воду. Въ стали угля гораздо меньше, чѣмъ въ чугунѣ; въ чистомъ желѣзѣ угля вовсе нѣтъ. Чистое желѣзо слѣдовательно есть тѣло простое; чугунъ и сталь тѣла сложныя. Приготовленіе хорошей стали очень трудно: лучшею сталью считается англійская и дамасская. Изъ стали дѣлаютъ такія вещи, въ которыхъ нужна особенная твердость или упругость, какъ напримѣръ, иголки, острыя сабли, бритвы, упругія часовыя пружины, огнива, пилы, и проч.

Желѣзо въ восемь разъ тяжелѣе воды. Оно имѣетъ свойство, лежа на воздухѣ и особенно въ сыромъ мѣстѣ или въ водѣ, покрываться ржавчиною, — красноватымъ хрупкимъ веществомъ, которое, какъ мы знаемъ, есть химическое соединеніе желѣза съ кислородомъ возду-

ха. Если кусокъ желѣза долго остается въ сыромъ мѣстѣ, то можетъ весь превратиться въ ржавчину и разсыпаться: такъ иногда ломается перержавѣвшая петля на двери или перержавѣвшій ключъ въ замкѣ.

Желѣзо — самый полезный изъ металловъ. Изъ него приготовляются тысячи самыхъ необходимыхъ вещей: топоры, сохи, оружіе, подковы, замки, цѣпи, болты, петли и проч.; изъ него же дѣлаютъ различныя машины, пароходы, рельсы для желѣзныхъ дорогъ. Подумайте только, какъ необходимъ для человѣка даже простой желѣзный гвоздь, и вы поймете, что еслибы Творецъ не создалъ желѣза и не распространилъ его по всей землѣ въ такомъ огромномъ количествѣ, то люди никогда не достигли бы нынѣшней степени образованія. Если горсть испанцевъ побѣждала сотни тысячъ первобытныхъ жителей Америки, то это главнымъ образомъ потому, что американцы не знали употребленія желѣза: съ топорами и копьями, сдѣланными изъ костей и кремней, трудно сражаться противъ людей, вооруженныхъ стальными мечами.

Желѣзная руда, добываемая въ видѣ камней, нерѣдко имѣетъ свойство притягивать желѣзо и намагничивать стальныя полоски; такая руда называется *магнитнымъ* камнемъ.

МѢДЬ.

По твердости своей и по блеску, который называется вообще металлическимъ блескомъ, мѣдь имѣетъ много сходнаго съ желѣзомъ; но отличается отъ него совершенно своимъ краснымъ цвѣтомъ. Въ нашихъ мѣдныхъ деньгахъ мѣдь сплавлена съ чугуномъ и потому гораздо темнѣе той, изъ которой дѣлаются самовары, кухонная посуда, дверныя ручки и прочія блестящія вещи. Мѣдь тверже свинца и олова, но мягче желѣза; за то она легче его плавится и тянется почему изъ нея удобнѣе дѣлать различныя тонкія вещи. Въ сыромъ воздухѣ, въ соленой и кислой водѣ мѣдь покрывается не красноватой ржавчиной, какъ желѣзо, но особенною яркою зеленью; эта зелень, называемая *мѣдянкою*, очень ядовита. Вотъ почему самовары, кастрюли и другую мѣдную посуду, назначенную для приготовленія пищи или питья, покрываютъ внутри *полудою*, т. е. слоемъ олова. Мѣдь легко распускается въ различныхъ кислыхъ и крѣпкихъ жидкостяхъ (кислотахъ), и тогда даетъ прекрасную зеленую или синюю краску, употребляемую въ различныхъ производствахъ. Иногда та-

кою краскою покрываютъ обои; но обивать комнаты такими обоями очень вредно для здоровья.

Мѣдь имѣетъ еще одно драгоцѣнное свойство — легко соединяться съ другими металлами. Пользуясь этимъ свойствомъ, приготовляютъ изъ мѣди бронзу, томпакъ, новое серебро и другіе *искусственные металлы.* Мѣдь издаетъ очень пріятный звукъ, почему изъ мѣди льютъ колокола; но чтобы звукъ былъ еще чище, прибавляютъ къ ней серебра. Изъ мѣди также льются пушки, тогда какъ ружья дѣлаются изъ желѣза, ядра изъ чугуна, а пули изъ свинца. Такъ-какъ мѣдь гораздо мягче стали, то на отполированной мѣдной пластинкѣ вырѣзываютъ острымъ стальнымъ рѣзцомъ различныя изображенія; наполнивъ же эти углубленія особенною черною краскою, отпечатываютъ на бумагѣ различныя гравюры.

Въ чистомъ видѣ мѣдь хотя и находится въ горахъ, но рѣдко; чаще ее находятъ въ видѣ мѣдной руды, въ соединеніи съ другими минералами, и тогда должно ее отдѣлять; при чемъ поступаютъ почти такъ же, какъ и при обработкѣ желѣза. Мѣди находятъ гораздо менѣе, чѣмъ желѣза, и добывать ее труднѣе; а потому она и гораздо дороже.

ЗОЛОТО.

Золото хотя цѣнится дорого, но далеко не такъ полезно для человѣка, какъ желѣзо и мѣдь. Оно впрочемъ по рѣдкости своей, по прекрасному цвѣту, сильному блеску и потому, что почти никогда не находится въ соединеніи съ другими металлами и никогда не ржавѣетъ, заслуживаетъ вполнѣ названіе *благороднаго* металла. Свойство золота никогда не ржавѣть, подало мысль покрывать имъ главы церквей, которыя, оставаясь постоянно на воздухѣ и подъ дождемъ, тѣмъ не менѣе блестятъ ярко до тѣхъ поръ, пока остается на нихъ позолота.

Золото въ девятнадцать разъ тяжелѣе воды; слѣдовательно гораздо тяжелѣе желѣза. Въ чистомъ видѣ оно очень мягко, а потому, если хотятъ изъ него сдѣлать какую нибудь вещь, то примѣшиваютъ къ нему мѣдь или серебро. Расплавленное золото имѣетъ зеленоватый блескъ. Оно очень сильно тянется, и изъ одного червонца можно выковать такой тонкій листъ золота, что этимъ листомъ легко покрыть и лошадь, и всадника. Оно разъ въ пятнадцать дороже серебра, и за фунтъ золота можно пріобрѣсть пятнадцать фунтовъ серебра.

Золото находятъ всегда въ чистомъ видѣ, но по большей части очень маленькими кусочками; впрочемъ въ Россіи находили иногда куски пуда въ два вѣсу; но такіе куски попадаются очень рѣдко. Чаще же всего находятъ золото или въ камняхъ, маленькими крапинками,— тогда нужно разбить камень въ мелкіе кусочки, чтобы добыть изъ него золото, — или крошечными зернышками и блестками въ пескѣ, и тогда должно долго промывать песокъ, чтобы отдѣлить отъ него золото. Вы видѣли блестки слюды въ гранитѣ: почти такими же маленькими блестками и крупинками находится и золото въ камняхъ. Когда камень отъ дѣйствія воды и воздуха разсыпается въ песокъ, тогда и золото изъ него освобождается. Вотъ почему золото находятъ большею частью на днѣ высохшихъ рѣкъ, которыя вынесли его вмѣстѣ съ пескомъ изъ горъ. Такія мѣста, гдѣ находится золото въ пескѣ, называются *золотыми россыпями*. Золотыхъ россыпей много въ Калифорніи, Австраліи и у насъ въ Сибири. Но не всякій золотоносный песокъ стоитъ промывать, потому что въ иномъ золота слишкомъ мало.

Изъ золота дѣлаютъ монету и различныя драгоцѣнныя вещи; имъ же позолачиваютъ другіе металлы.

РТУТЬ.

Ртуть есть единственный металлъ, встрѣчающійся въ природѣ въ жидкомъ видѣ: капельками въ различныхъ камняхъ, особенно въ известковыхъ. Ртуть блеститъ, какъ серебро, и по подвижности своихъ частичекъ называется иногда живымъ серебромъ. Она въ тринадцать разъ тяжелѣе воды, слѣдовательно гораздо тяжелѣе желѣза. Вотъ почему желѣзо въ ртути не тонетъ, тогда какъ очень быстро тонетъ въ водѣ. Частички ртути гораздо слабѣе связаны одна съ другою, чѣмъ частички желѣза, но гораздо плотнѣе, чѣмъ частички воды. Бросьте на полъ ложку ртути и она вся разсыплется серебристыми шариками, а не расплещется, какъ вода. При сильномъ жарѣ ртуть кипитъ и превращается въ пары.

Для добыванія ртути изъ камней, въ которыхъ она находится въ видѣ маленькихъ капель, камни толкутъ въ порошокъ и порошокъ этотъ сыплютъ въ желѣзные кувшины, которые, закупоривъ ихъ плотно, ставятъ на жаръ. При этомъ ртуть превращается въ пары и

по трубочкѣ, придѣланной къ крышкѣ кувшина, переходитъ въ другой сосудъ, гдѣ охлаждается и сгущается.

Ртуть очень равномѣрно сжимается отъ холода и расширяется отъ тепла; по этому свойству ее употребляютъ для инструментовъ, называемыхъ термометрами, которые служатъ для опредѣленія степени теплоты и холода. По причинѣ сильнаго блеска ртути, отъчего въ ней всѣ предметы ясно отражаются, она идетъ также для подкладки подъ зеркальныя стекла. На ровномъ столѣ разстилаютъ тонкій оловянный листъ, намазываютъ на него ртути, а сверху кладутъ стекло. Кромѣ этого ртуть употребляется при позолотѣ различныхъ вещей. Для этого смѣшиваютъ ее съ золотомъ, отъчего получается густая масса, которою натираютъ позолачиваемую вещь, и потомъ сильно ее нагрѣваютъ: ртуть превращается въ пары, а золото остается на поверхности нагрѣваемой вещи въ видѣ тонкаго слоя. Такая позолота называется позолотою черезъ огонь.

КУНСТКАМЕРА.

(Статья 7-я.)

(Классификація минераловъ.)

Возвратимся снова къ нашей кунсткамерѣ и окончимъ ея устройство. Теперь осталось намъ разложить одни минералы, и это мы сдѣлаемъ съ вами весьма легко, потому что у насъ есть только образщики самыхъ извѣстныхъ минераловъ.

Минералы, или ископаемые, какъ ихъ называютъ, потому что они выкапываются изъ земли, отличаются одинъ отъ другаго кристаллизаціей, изломомъ, тяжестью, цвѣтомъ, блескомъ и проч. Всѣ минералы мы можемъ раздѣлить на четыре группы: въ 1-ю помѣстимъ металлы, во 2-ю земли и камни, потому что камень, размельчившись, дѣлается составною частью земли; въ 3-ю соли, въ 4-ю горючіе минералы.

Металлы — тѣла простыя, т. е. не составлены изъ другихъ тѣлъ, по виду отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, тяжелы, ковки, плавятся и удобно принимаютъ различныя формы. Металлы мы раздѣлимъ съ вами на два разряда: въ первый помѣстимъ такъ называемые *драгоцѣнные* или *благородные* металлы, во второй металлы простые, которые также называютъ *неблагородными*, хотя нѣко-

торые изъ нихъ гораздо полезнѣе для человѣка самаго золота. Къ благороднымъ металламъ относятся: золото, серебро и платина; изъ нихъ дѣлаютъ монету (изъ платины монеты болѣе уже не дѣлаютъ) и разныя дорогія вещи и украшенія. Къ простымъ или неблагороднымъ металламъ относятся: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, ртуть, которая также металлъ, хотя и въ жидкомъ видѣ; цинкъ, который входитъ, какъ составная часть, во множество искусственныхъ металловъ, и многіе другіе, которыхъ мы еще не знаемъ.

Земли и камни не имѣютъ ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются въ водѣ, не горятъ и не тянутся. Въ нѣкоторыхъ изъ камней главную часть составляетъ кремень, какъ напр. въ горномъ хрусталѣ, кварцѣ, халцедонѣ, опалѣ и пр.; въ другихъ главною составною частью бываетъ глина, какъ напримѣръ въ яшмѣ, сапфирѣ, рубинѣ и др.; третьи содержатъ въ себѣ известку, какъ напримѣръ известковый камень или плитнякъ, мраморъ, гипсъ. Нѣкоторые камни слѣплены изъ кусковъ различныхъ земель и камней, какъ напримѣръ гранитъ, порфиръ и песчаникъ, который состоитъ весь изъ песчинокъ. Камни, какъ и металлы, раздѣляются на драгоцѣнный и простые. Самый драгоцѣнный камень — алмазъ: онъ весь состоитъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ вовсе недрагоцѣнный уголь и графитъ, употребляемый въ карандашахъ. Брилліантомъ называется тотъ же алмазъ, только отполированный другимъ образомъ. Къ драгоцѣннымъ же камнямъ, кромѣ алмаза, относятся: рубинъ, сапфиръ, смарагдъ, топазъ, бериллъ, гранатъ, аметистъ, опалъ и другіе.

Къ недрагоцѣннымъ камнямъ и землямъ относятся всѣ тѣ, которые попадаются въ большомъ количествѣ и большими массами. Изъ земель мы знаемъ съ вами глину и известку. Песокъ состоитъ изъ крошечныхъ песчинокъ, которыя, смѣшавшись напримѣръ съ глиною, образуютъ песчаную землю. Черноземомъ называется такая земля, въ которой много органическихъ остатковъ, т. е. остатковъ сгнившихъ растеній: такая земля очень плодородна, она покрываетъ огромныя пространства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Къ солямъ, кромѣ извѣстной намъ поваренной соли, относятъ также селитру, которая идетъ на выдѣлку пороха и на солку говядины; горькосоленую глауберову соль, употребляемую въ лекарства; поташъ, идущій на выдѣлку стекла и мыла.

Къ горючимъ минераламъ причисляютъ сѣру, каменный уголь, который, по замѣчанію геологовъ — людей, изучающихъ изъ чего сложена наша земля, — есть ничто иное, какъ остатокъ допотопныхъ лѣсовъ,

заваленныхъ землею, осаждавшеюся изъ воды. Къ горючимъ же ископаемымъ веществамъ можно причислить торфъ, образующійся изъ растеній въ нашихъ болотахъ, и янтарь, который есть ни что иное, какъ смола допотопныхъ деревьевъ. Къ горючимъ минераламъ можно причислить и самый алмазъ, который, хотя и не горитъ въ обыкновенномъ огнѣ, но безъ остатка сгораетъ въ кислородѣ.

Пріобрѣтя эти немногія познанія о минералахъ, намъ легко уже размѣстить нашу небольшую коллекцію. Теперь въ ней все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ; мы знаемъ что у насъ есть, и можемъ легко отыскать все, что захотимъ.

ВОДА.

Много мы съ вами разсматривали различныхъ тѣлъ и органическихъ и неорганическихъ, а между тѣмъ пропустили одно очень важное, безъ котораго не могутъ существовать ни растенія, ни животныя, и которое покрываетъ собою бо̀льшую часть земнаго шара, словомъ, пропустили воду. Что вода есть тѣло неорганическое, этого доказывать не нужно. Ее можно было бы назвать жидкимъ минераломъ (подобнымъ ртути), но ее и другое, столь же распространенное тѣло, воздухъ, называютъ обыкновенно *стихіями*, т. е. главными составными частями нашей планеты.

Вода для жизни земнаго шара почти то же, что кровь для жизни человѣческаго организма. Мы видѣли уже, какъ вноситъ вода въ растеніе питательныя для него вещества, и знаемъ, что безъ нея растеніе существовать не можетъ: гдѣ нѣтъ воды, тамъ нѣтъ растеній; гдѣ нѣтъ растеній, тамъ нѣтъ животныхъ; а гдѣ нѣтъ животныхъ, тамъ нѣтъ жизни. Поэтому въ песчаныхъ, скалистыхъ и безводныхъ пустыняхъ все вокругъ пусто и мертво.

Не только въ каждомъ растеніи есть вода, но и въ каждомъ животномъ. Все наше тѣло до того пропитано водою, что она, по вѣсу, составляетъ бо̀льшую его половину. Безъ этой воды мы не могли бы прожить ни одной секунды: она-то придаетъ мягкость и гибкость нашимъ членамъ; она растворяетъ пищу, и дѣлаетъ кровь жидкою; съ помощію воды разносятся по тѣлу всѣ питательныя вещества; она же въ видѣ пота уноситъ прочь отжившія частицы. Стоитъ познакомиться поближе съ такою, все-оживляющею стихіею.

Вода есть тѣло жидкое, т. е. такое, частицы котораго такъ не-

плотно связаны между собою, что безпрестанно стремятся разойтись — разлиться, не могутъ держаться одна на другой, если ихъ не подпереть съ боковъ; поэтому-то воду, какъ и всякую другую жидкость, держатъ въ сосудахъ. Однако же, если вода находится въ очень маленькомъ количествѣ, въ видѣ капельки, то частицы ея могутъ еще держаться другъ за друга, такъ что иная капелька долго дрожитъ на вѣточкѣ растенія, пока вѣтеръ не сброситъ ее на землю: по этому свойству воду называютъ жидкостью *капельною*. Частицы воздуха держатся еще слабѣе другъ за друга, чѣмъ частицы воды, и безпрестанно стремятся разойтись, отчего воздухъ не можетъ держаться въ видѣ капель, какъ вода.

Вода, какъ мы знаемъ, имѣетъ свойство распускать въ себѣ многія тѣла: соль, сахаръ, известку, остатки растеній, животныхъ и проч. Но такъ-какъ вода, протекая въ рѣкахъ, озерахъ, пробираясь внутри земли или собираясь въ колодцахъ, постоянно соприкасается съ какими-нибудь тѣлами, то въ природѣ чистой вовсе воды нѣтъ; чище прочихъ вода дождевая и снѣговая. Вода, заключающая въ себѣ известь, называется известковою: она жестка, и мыло распускается въ ней очень трудно. Вода морская имѣетъ горькосоленый вкусъ отъ присутствія въ ней различныхъ солей. Въ нѣкоторыхъ рѣкахъ вода наполнена органическими остатками, и такая вода скоро, какъ говорятъ, загниваетъ, издаетъ запахъ и вредна для питья; но это гніетъ не вода, а находящіяся въ ней органическія частицы; чистая же вода вездѣ одна и та же и не можетъ гнить и портиться. Въ минеральныхъ источникахъ вода пріобрѣтаетъ вкусъ, запахъ, а иногда и цвѣтъ тѣхъ минераловъ, между которыми она пробиралась въ землѣ, прежде чѣмъ вышла наружу въ видѣ источника. Если воду очистить совершенно отъ всякой посторонней примѣси, то она является жидкостью очень прозрачною, не имѣетъ никакого опредѣленнаго цвѣта, ни запаха, ни вкуса.

Всякій знаетъ, что вода не всегда остается въ жидкомъ видѣ: что на морозѣ она превращается въ ледъ, а на раскаленной плитѣ въ паръ. Изъ этого явленія мы можемъ заключить, что вода подъ вліяніемъ тепла и холода измѣняетъ свой видъ. Если налить воды въ горшокъ и долго кипятить ее, то она мало-по-малу вся выкипитъ. Куда же она дѣлась? — Превратилась въ пары и улетѣла въ воздухъ. Частицы воды, которыя и такъ не очень плотно держатся другъ за друга, отъ теплоты еще болѣе расходятся, такъ, что вода въ этомъ состояніистановится менѣе плотною, чѣмъ воздухъ, дѣлается легче

его и подымается вверхъ. Чтобы убѣдиться, что вода не пропала безъ слѣда, а превратилась въ паръ и находится въ воздухѣ, стоитъ только подержать надъ кастрюлькой, изъ которой идетъ паръ, холодное блюдечко, и вы замѣтите, что на блюдечкѣ скоро появятся капли воды. Откуда же взялись эти капли?—Это тѣ же пары воды: прикоснувшись къ холодному блюдечку, они охладѣли, сгустились и превратились въ капли.

Но не нужно нагрѣвать воду, чтобы она превратилась въ паръ. Намочите платокъ и повѣсьте его даже въ холодной комнатѣ: черезъ нѣсколько времени вы замѣтите, что платокъ высохъ, т. е. вода изъ него испарилась, хотя мы пару и не видали. Но не видали мы его потому, что, вылетая изъ холоднаго платка въ холодную же комнату, частицы воды охлаждались медленно, тогда какъ, выходя изъ горячей кастрюльки и попадая прямо въ холодный воздухъ, онѣ охлаждались очень быстро и превращались въ маленькія капельки, собраніе которыхъ мы называемъ паромъ. Вотъ почему зимою мы видимъ, какъ идетъ паръ отъ вспотѣвшей лошади, а лѣтомъ мы этого пара не видимъ, хотя конечно лошадь также и лѣтомъ потѣетъ.

Такимъ образомъ мы видимъ одну и ту же воду, при различной степени тепла и холода, въ четырехъ различныхъ видахъ: въ видѣ льда, въ видѣ жидкости, въ видѣ пара или крошечныхъ капель, и въ видѣ воздухообразномъ, или въ видѣ газа, когда воды мы уже видѣть не можемъ, хотя легко можемъ открыть ея присутствіе. Внесите холодный кусокъ стекла (или какого нибудь металла) въ теплую комнату и вы увидите, что стекло запотѣетъ, т. е. на немъ появится вода. Откуда же взялась эта вода? Изъ воздуха, гдѣ она была невидима, какъ самый воздухъ. Прикасаясь къ холодному стеклу, она охладилась и превратилась въ капли, какъ и тогда, когда мы держали холодное блюдечко надъ *видимыми* парами.

Не одна только вода имѣетъ свойство подъ вліяніемъ теплоты переходить изъ твердаго состоянія въ жидкое, изъ жидкаго въ пары, и изъ паровъ въ состояніе воздухообразное, или, какъ его еще иначе называютъ, *газообразное*. Мы знаемъ, что воскъ отъ теплоты дѣлается жидкимъ; желѣзо точно также при сильномъ огнѣ изъ твердаго дѣлается мягкимъ, потомъ жидкимъ; золото не только можно сдѣлать жидкимъ, но даже превратить въ паръ и газъ. Жидкая ртуть при сильномъ морозѣ такъ замерзаетъ, что ее можно ковать, какъ серебро; но если кипятить ртуть, то она превращается въ пары, очень вредные для здоровья. Замѣтимъ же что бо́льшая часть тѣлъ отъ

нагрѣванія расширяется, т. е. частицы, ихъ составляющія, болѣе и болѣе отдѣляются другъ отъ друга, такъ что тѣло изъ твердаго дѣлается жидкимъ, а изъ жидкаго воздухообразнымъ. Подвергая различныя тѣла вліянію жара, физики (такіе ученые люди, которые изучаютъ свойства тѣлъ) убѣдились, что всякое тѣло отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Но что значитъ: тѣло расширяется? Это значитъ, что тѣло занимаетъ больше мѣста, чѣмъ занимало прежде, не измѣняясь въ вѣсѣ. Возьмите губку въ одинъ фунтъ вѣсомъ и сожмите ее въ рукахъ: вѣсъ въ ней останется тотъ же самый, но она будетъ занимать менѣе мѣста; перестаньте сжимать губку и она опять распустится и займетъ прежнее мѣсто, но вѣсу въ ней не прибудетъ отъ этого. Стаканъ расплавленнаго свинца вѣситъ меньше, чѣмъ такой же стаканъ плотнаго свинца; масло, замерзая въ бутылкѣ, видимо уменьшается въ объемѣ и т. д. Вотъ почему кусокъ плотнаго свинца потонетъ въ свинцѣ растопленномъ и кусокъ твердаго воску—въ растопленномъ воскѣ.

Одно исключеніе изъ этого общаго правила составляетъ вода: стаканъ льду вѣситъ меньше, чѣмъ стаканъ воды, и если вы нальете водою бутылку до самыхъ краевъ и, закупоривъ ее, поставите на морозъ, то она лопнетъ: ледъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ занимала вода, изъ которой онъ сдѣлался. Вотъ почему ледъ легче воды; а такъ-какъ онъ легче воды, то плаваетъ на ней, а не тонетъ. Если вы станете замораживать масло и воду въ двухъ бутылкахъ, то увидите, что масло начнетъ застывать снизу; а вода на оборотъ станетъ застывать сверху. Этому удивительному свойству воды мы обязаны тѣмъ, что наши рѣки и озера зимою покрываются льдомъ только сверху, а внизу не замерзаютъ, что даетъ возможность рыбамъ жить въ водѣ и зимою: ледяная кора еще защищаетъ воду отъ дальнѣйшаго охлажденія. Если бы вода, какъ всѣ прочія тѣла, замерзая, сжималась, а не расширялась, то наши рѣки и озера зимою начинали бы замерзать снизу: вся вода превращалась бы въ сплошную массу льда, и всѣ водныя животныя погибали.

Подумайте же теперь, какъ премудро устроилъ все Господь-Богъ! Давъ всѣмъ тѣламъ свойство сжиматься отъ холода, Онъ одной водѣ повелѣлъ, превращаясь въ ледъ, расширяться — и тѣмъ самымъ спасъ милліоны живыхъ существъ отъ гибели.

ВОЗДУХЪ.

Положимъ на столъ маленькое перышко и махнемъ на него развернутой книгой: мы не дотронулись до пера; отчего же оно слетѣло на полъ? Испугаться оно, конечно, не могло, потому-что перо предметъ неодушевленный и у него нѣтъ ни глазъ, ни чувства. Между перышкомъ и книгою, которою мы махнули, должно слѣдовательно быть какое-нибудь третье тѣло, хотя мы его и не видимъ. Это третье невидимое нами тѣло, которое мы привели въ движенie книгою и которое въ свою очередь двинуло перышко, называется *воздухомъ*. Если мы опустимъ на воду, налитую въ тарелкѣ, бумажный корабликъ и, не дотрогиваясь до кораблика, станемъ чѣмъ-нибудь волновать воду, то корабликъ закачается и запрыгаетъ. Въ этомъ явленiи мы видимъ предметъ, заставляющiй прыгать корабликъ; но хотя мы и не видѣли, что такое мы взволновали книгою, однако, зная навѣрное, что перышко не могло подвинуться само собою, мы убѣждены, что взволновали какое-то невидимое тѣло. Когда воздухъ движется очень сильно, то развѣваетъ наше платье, срываетъ съ насъ фуражку, мѣшаетъ намъ идти, упираясь въ наше тѣло. Мы видимъ, какъ вѣтеръ несетъ пыль, листья и множество легкихъ предметовъ; но самаго вѣтра мы не видимъ, потому-что это ни что̀ иное, какъ движущiйся воздухъ.

Однакоже, если не зрѣнiемъ, то другими чувствами мы можемъ убѣдиться, что насъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ какое-то невидимое и упругое тѣло. Махнувъ сильно какимъ-нибудь широкимъ и длиннымъ предметомъ, мы чувствуемъ, какъ онъ во что-то упирается. Вѣтеръ мы очень хорошо ощущаемъ осязанiемъ. Когда же осѣнью вѣтеръ воетъ и свищетъ въ трубѣ, то мы знаемъ, что это воетъ и свищетъ движущiйся воздухъ. Махнувъ сильно палкою, мы слышимъ легкiй свистъ: это свиститъ конечно не палка, а воздухъ, разсѣкаемый палкою. Поведя палкою по водѣ, мы тоже услышимъ звуки. Такимъ образомъ, не видя воздуха, мы тѣмъ не менѣе узнаемъ о его существованiи посредствомъ двухъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ: осязанiя и слуха.

Воздухъ окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ вода рыбку, плавающую въ рѣкѣ, и если мы не чувствуемъ на себѣ тяжести воздуха, то только потому, что привыкли къ этой тяжести. Еслибы воздухъ вдругъ исчезъ изъ этой комнаты, то мы въ то же мгновенiе почувствовали бы, что его нѣтъ: намъ нечѣмъ было бы дышать. Въ без-

воздушномъ пространствѣ всякое животное быстро умираетъ. Но отчего же мы не видимъ воздуха? Если въ окнѣ вставлено очень чистое и прозрачное стекло, то намъ кажется тогда, что стекла вовсе нѣтъ, и мы должны дотронуться до него, чтобы убѣдиться въ его существованіи. Мы не видимъ стекла, потому что оно очень прозрачно: воздухъ еще прозрачнѣе стекла. Однакоже, если слой воздуха очень уже толстъ, то его можно видѣть. Голубое небо, разстилающееся надъ нашею головою, есть ни что иное, какъ слой воздуха верстъ въ пятьдесятъ толщиною, сквозь который мы видимъ небесныя свѣтила. Воздухъ окружающій землю называется *атмосферою*.

Не видя воздуха, мы не можемъ видѣть его свойствъ, а должны узнавать ихъ посредствомъ опытовъ, наблюдая, какъ онъ дѣйствуетъ на другія тѣла, напримѣръ на воду. Возьмемъ пустой стаканъ и глубокую чашку, наполненную водою; повернемъ стаканъ отверзтіемъ къ поверхности воды и станемъ понемногу опускать его въ воду. Мы увидимъ, что вода наполнитъ только небольшую часть стакана, а дальше не пойдетъ, хотя мы опустили бы весь стаканъ въ воду. Что же мѣшаетъ водѣ войти въ стаканъ? Въ стаканѣ не могло ничего быть другаго, кромѣ воздуха; слѣдовательно воздухъ есть *тѣло*, которое занимаетъ свое опредѣленное мѣсто въ стаканѣ и не уступаетъ этого мѣста водѣ. Опуская стаканъ въ воду, мы чувствуемъ, какъ онъ упирается. Это упирается не стаканъ, а воздухъ, который въ стаканѣ: повернемъ немного горизонтально стаканъ и увидимъ, какъ онъ самъ опустится и потонетъ. Это потому, что воздухъ вышелъ изъ стакана, и мы даже видимъ и слышимъ, какъ онъ выходитъ изъ воды большими пузырями, которые, достигнувъ поверхности, лопаются съ шумомъ.

Этотъ же самый опытъ можетъ убѣдить насъ и въ томъ, что воздухъ имѣетъ тяжесть, какъ и всякое другое тѣло, и давитъ на поверхность всѣхъ другихъ тѣлъ. Опустимъ стаканъ въ чашку съ водою горизонтально, такъ чтобы онъ весь наполнился водою, и потомъ, повернувъ стаканъ въ водѣ вертикально, подымемъ его изъ воды, такъ однако, чтобы края его все еще оставались въ водѣ: мы вытащимъ не только стаканъ, но и воду, вмѣстѣ со стаканомъ. Отчего же вода остается въ стаканѣ и не падаетъ внизъ? Оттого, что воздухъ тяжестію своею давитъ на поверхность воды въ чашкѣ, и вода уходитъ въ стаканъ, гдѣ воздуха нѣтъ, потому что онъ былъ вытѣсненъ оттуда водою. Высосите изъ какой нибудь плотной трубочки воздухъ и потомъ, не позволяя воздуху въ нее проникнуть, опустите

ее однимъ концомъ въ воду: какъ только вы откроете конецъ трубочки, находящійся въ водѣ, такъ вода быстро подымется въ трубку. Что же ее погонитъ туда?

Воздухъ, слѣдовательно, есть тѣло прозрачное, имѣющее тяжесть, но тяжесть эта незначительна; по крайней мѣрѣ, мы можемъ убѣдиться, что воздухъ гораздо легче воды. Заткнемъ пустую бутылку пробкой и мы увидимъ, что она не потонетъ: наполнимъ ее водою и она немедленно пойдетъ ко дну; значитъ, бутылка съ водою тяжелѣе бутылки съ однимъ воздухомъ.

Кто не знаетъ маленькихъ бузинныхъ пистолетовъ, которыми такъ любятъ играть дѣти? Но думали ли вы, почему пробка выскакиваетъ изъ такого пистолета, прежде чѣмъ до нея мы дотронемся палочкой? Потому, что между этой палочкой, плотно прилегающей къ стѣнкамъ бузинной трубки, и пробкой есть третье тѣло, которое, когда мы его давимъ, выдавливаетъ пробку. Двигая поршень взадъ и впередъ, прежде чѣмъ пробка выскочитъ, мы ощущаемъ, что въ трубочкѣ что-то упирается: точно какая нибудь пружина лежитъ между поршнемъ и пробкой. Это свойство тѣла сжиматься, когда его давятъ, и опять расширяться, когда его перестаютъ давить, называется *упругостію*. Воздухъ очень упругъ.

Если изъ обыкновеннаго пузыря вытѣснить воздухъ, то пузырь сьёжится и, не впуская въ него воздуха, намъ никакъ не удастся снова дать пузырю шарообразную форму. Что же такое сжимаетъ пузырь? Внѣшній воздухъ, который тѣснитъ его со всѣхъ сторонъ; а внутри пузыря воздуха нѣтъ и упираться нечему. Впустимъ въ пузырь *немножко* холоднаго воздуха, завяжемъ отверстіе пузыря крѣпко-накрѣпко и положимъ его у затопленной печи: пузырь мало по малу раздуется и, если мы не примемъ его во́время, то и лопнетъ. Воздухъ не могъ проникнуть въ пузырь, слѣдовательно тотъ воздухъ, который мы впустили, нагрѣлся, и отъ теплоты расширился; слѣдовательно воздухъ, какъ и всякое другое тѣло, отъ теплоты расширяется, а отъ холода сжимается. Зимою воздухъ холоденъ и густъ, лѣтомъ тепелъ и рѣдокъ. Рѣдкій воздухъ легче холоднаго и долженъ подыматься вверхъ: если легкій и большой шаръ наполнить очень теплымъ воздухомъ, то шаръ можетъ полетѣть вверхъ въ холодномъ воздухѣ.

Но и безъ нагрѣванія воздухъ стремится постоянно расшириться во всѣ стороны; невидимыя частички его стремятся безпрестанно разлетѣться, и если пузырь съ небольшимъ количествомъ воздуха положить въ безвоздушное пространство, то онъ быстро надуется и

даже можетъ лопнуть. Вода стремится *разлиться* по землѣ, — воздухъ стремится *разлетѣться* во всѣ стороны; вотъ почему воздухъ и другія тѣла, имѣющія то же свойство, уже не называютъ жидкостями, а *газами*. Частички воды только плохо соединены другъ съ другомъ: частички газа стремятся удалиться одна отъ другой, разлетѣться во всѣ стороны. Также разлетаются и частички воды, но тогда только, когда вода подымается въ видѣ пара. Понятно само собою, что воздухъ и всѣ газы должны быть гораздо легче воды.

Мы знаемъ уже, что воздухъ необходимъ для дыханія всѣхъ животныхъ, даже и для рыбъ, хотя онѣ живутъ въ водѣ. Если пустить рыбу въ чанъ съ водою и закрыть его плотно, такъ чтобы воздухъ къ водѣ не прикасался, то рыба издохнетъ, хотя у нея будетъ довольно воды. Вы вѣроятно замѣтили, что когда вода кипитъ, то на поверхности ея безпрестанно подымаются и лопаются пузыри: это вырывается воздухъ, выгоняемый жаромъ изъ воды. Если въ воду, хотя и холодную, но которая долго кипѣла, опустить рыбу, то она издохнетъ, потому-что въ такой выкипяченной водѣ не будетъ воздуха. Кротъ, роясь въ своей норѣ, и червякъ, закапываясь глубоко въ землю, продолжаютъ дышать. Гдѣ не бывали люди, и на высокихъ горахъ, и въ глубокихъ пещерахъ, вездѣ они находили воздухъ. Изъ этого мы заключаемъ, что воздухъ находится вездѣ на землѣ, проникаетъ даже въ воду и отчасти въ землю. Возблагодаримъ же Создателя, который съ такою щедростью окружилъ землю этою драгоцѣнною стихіею, безъ которой мы погибли бы скорѣе, чѣмъ безъ хлѣба и воды!

ТѢЛА ВОЗДУХООБРАЗНЫЯ ИЛИ ГАЗЫ.

Намъ часто встрѣчалось слово *газъ*, и мы познакомились ближе съ однимъ изъ газовъ, который совершенно необходимъ для нашей жизни, и обливаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, какъ вода обливаетъ рыбу, плавающую въ рѣкѣ. Но такихъ газообразныхъ тѣлъ, какъ воздухъ, много, и если мы мало знакомы съ ними, то именно потому, что всѣ они похожи на воздухъ. Впрочемъ различные газы хотя и похожи одинъ на другой своею воздушностью, легкостью и прозрачностью, имѣютъ различныя свойства, по которымъ химики узнали объ ихъ существованіи: въ одномъ, напримѣръ, зажженная лучинка горитъ необыкновенно ярко; въ другомъ, наоборотъ, потухаетъ; въ одномъ животное

можетъ дышать, въ другомъ умираетъ мгновенно. Нѣкоторые газы имѣютъ запахъ, другіе — безъ запаха; одни соединяются съ такими тѣлами, съ которыми другіе не соединяются и проч.

Но не хотите ли сами добыть одинъ весьма замѣчательный газъ, чтобъ убѣдиться въ существованіи этихъ невидимыхъ, но очень важныхъ и занимательныхъ воздушныхъ тѣлъ? Для этого возьмемъ высокую и не очень широкую банку; эта банка, какъ вамъ извѣстно, не пуста, но наполнена воздухомъ, и если опустимъ въ нее зажженную лучинку, то лучинка продолжаетъ горѣть: въ воздухѣ, слѣдовательно, лучинка горитъ. Наскоблимъ же теперь ложки двѣ или три мѣлу, высыплемъ его въ банку и нальемъ на него уксусу: мѣлъ сильно зашипитъ и вздуется; начнетъ подыматься пузырями, которые лопаясь будутъ выпускать газъ. Если послѣ этого опустимъ мы въ банку ту же зажженную лучинку, то она быстро погаснетъ: не вправѣ ли мы заключить изъ этого, что въ банкѣ надъ жидкостью, вмѣсто воздуха, собралось какое-то другое воздухообразное вещество, въ которомъ лучинка горѣть не можетъ? Это новое вещество есть *углекислый газъ*, или, какъ его еще называютъ, *угольная кислота*. Газъ этотъ значительно тяжелѣе воздуха, а потому-то онъ, вытѣснивъ воздухъ изъ банки, какъ вытѣснила бы его вода, самъ изъ нея не вылетаетъ, хотя она и открыта. Другіе газы легче воздуха и ихъ нельзя такъ собрать, какъ угольную кислоту, потому что они стремятся улетѣть вверхъ и разлетѣться въ воздухѣ. Углекислый газъ можно даже перелить осторожно изъ одной банки въ другую; но только надобно стараться, чтобы при этомъ не было ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ, иначе газъ разойдется въ немъ. Если ко дну банки, въ которую переливается газъ, прикрѣпимъ маленькую зажженную свѣчу, то убѣдимся, что газъ, хотя его и невидно, дѣйствительно переливается: какъ только дойдетъ онъ до огня, то немедленно же и потушитъ его.

Нальемъ осторожно воды въ банку съ угольною кислотою; закроемъ банку плотнѣе и взболтаемъ воду хорошенько: перемѣшавшись съ газомъ, вода пріобрѣтетъ кисловатый вкусъ, похожій на тотъ, который бываетъ и въ квасѣ, и въ шампанскомъ. Вы вѣроятно знаете, что если нагрѣть хорошо закупоренную бутылку кислыхъ щей, то они сильно заиграютъ и пробка вылетитъ съ шумомъ: это угольная кислота, пріобрѣтая отъ теплоты сильную упругость, стремится найти себѣ выходъ.

Если въ сосудъ, наполненный угольною кислотою, опустить животное,

то оно скоро издохнетъ; изъ чего мы можемъ заключить, что угольная кислота хотя и похожа на воздухъ, но дышать ею нельзя. Близъ Неаполя есть пещера, которую назвали *собачьей*, потому что, вбѣжавъ въ нее, собака быстро издыхаетъ, тогда какъ человѣкъ можетъ безопасно входить въ пещеру. Причина этого явленія для насъ теперь понятна: изъ известковыхъ камней, составляющихъ дно пещеры, отдѣляется много угольной кислоты; но такъ какъ этотъ газъ тяжелѣе воздуха, то онъ и остается слоемъ внизу и собака, входя въ этотъ слой, погибаетъ, тогда какъ человѣкъ, продолжая дышать воздухомъ, ничего не замѣчаетъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ рукахъ тѣло, котораго не видимъ, но свойства котораго мы узнали посредствомъ опытовъ: оно имѣетъ тяжесть и тяжелѣе воздуха, почему можетъ переливаться, какъ жидкость, изъ сосуда въ сосудъ; при нагрѣваніи расширяется и пріобрѣтаетъ сильную упругость; сообщаетъ водѣ кислый вкусъ; не поддерживаетъ ни горѣнія, ни дыханія.

Но откуда же взялся углекислый газъ? Онъ находился въ мѣлу въ соединеніи съ известью, а уксусъ выгналъ его оттуда; потому что находящаяся въ уксусѣ кислота имѣетъ бо́льшее стремленіе соединяться съ известью, чѣмъ кислота угольная.

Другіе газы имѣютъ и другія свойства; только добыть другіе газы безъ особенныхъ химическихъ снарядовъ не такъ легко. Общія же свойства всѣхъ газовъ состоятъ въ томъ, что всѣ они прозрачны, всѣ, кромѣ угольной кислоты, легче воздуха и потому постоянно стремятся улетѣть вверхъ; всѣ, какъ и воздухъ, безпрестанно стремятся расшириться во всѣ стороны и занять каждое пустое мѣсто; всѣ упруги и при нагрѣваніи расширяются. Кто будетъ изучать химію, тотъ узнаетъ, какую важную роль въ жизни природы играютъ газы, и что многія твердыя и жидкія тѣла состоятъ изъ однихъ газовъ, которые, соединившись, составили новое тѣло, очень хорошо видимое,—узнаетъ, что нѣкоторые газы, если ихъ сильно охлаждать и въ то же время сжимать, превращаются въ жидкость и что наоборотъ, многія жидкія и твердыя тѣла, подъ вліяніемъ жара, превращаются въ газы. Вода, напримѣръ, состоитъ изъ двухъ газовъ, водорода и кислорода, химически соединенныхъ, а при испареніи сама превращается въ невидимый газъ. Воздухъ состоитъ изъ *смѣси* двухъ газовъ: кислорода и азота.

Самый замѣчательный изъ всѣхъ газовъ, входящій и въ воду и въ воздухъ, есть *кислородъ*; онъ находится почти во всѣхъ тѣлахъ, но добывать его очень трудно безъ особенныхъ химическихъ сна-

рядовъ. Кислородъ замѣчателенъ тѣмъ, что безъ него невозможно ни горѣніе тѣлъ, ни дыханіе животныхъ. За то въ самомъ кислородѣ все горитъ необыкновенно сильно и ярко. Если опустить тлѣющую лучинку въ банку съ кислородомъ, то лучинка вспыхнетъ сильнымъ пламенемъ; желѣзо, которое въ огнѣ мы можемъ только раскалить, въ кислородѣ горитъ, разбрасывая отъ себя множество яркихъ искръ; даже алмазъ и тотъ сгораетъ безъ остатка въ кислородѣ. Мы знаемъ уже, что кислородъ, соединяясь съ желѣзомъ, образуетъ ржавчину. Почти такую же ржавчину образуетъ онъ, соединяясь со ртутью. Изъ соединенія кислорода со ртутью образуется красный порошокъ, называемый *окисью ртути*. Изъ этого порошка, нагрѣвая его, легко добыть чистый кислородъ; но надобно умѣть собрать газъ въ банку: потому что, будучи легче воздуха, онъ тотчасъ же улетитъ. Кислородъ получилъ свое названіе оттого, что соединяясь съ жидкостями, придаетъ имъ кислый вкусъ; а соединеніе кислорода съ твердыми тѣлами называютъ *окисями*; такова окись ртути, такова же окись желѣза или ржавчины. Угольную кислоту зовутъ кислотою потому, что въ ней кислородъ въ соединеніи съ другимъ тѣломъ—*углеродомъ*. Углеродъ въ чистомъ видѣ есть тѣло твердое—это уголь, графитъ нашихъ карандашей и алмазъ. Не правда ли, трудно себѣ представить, что уголь и алмазъ состоятъ изъ одного вещества? Но сжигая алмазъ въ кислородѣ, убѣдились, что отъ этого, точно также, какъ и отъ сжиганія угля, происходитъ угольная кислота т. е. соединеніе углерода съ кислородомъ.

Другой замѣчательный газъ, изъ соединенія котораго съ кислородомъ состоитъ вода, есть *водородъ*. Его можно добыть изъ воды, заставивъ, посредствомъ жара, кислородъ воды соединиться съ желѣзомъ: но этотъ опытъ труденъ и опасенъ. Водородъ тоже газъ безцвѣтный, прозрачный, не имѣетъ ни вкуса, ни запаха. Горящая лучинка, опущенная въ этотъ газъ, потухаетъ и животное въ немъ тотчасъ умираетъ. Водородъ въ четырнадцать разъ легче обыкновеннаго воздуха и потому имъ наполняютъ воздушные шары, которые подымаются въ воздухѣ по той же самой причинѣ, по какой подымается со дна воды пузырь, наполненный воздухомъ.

Мы сказали, что воздухъ есть смѣсь двухъ газовъ, кислорода и азота; изъ этой смѣси легко получить чистый азотъ. Для этого возьмемъ чашку наполненную водою, пустимъ на воду пробку съ кускомъ ваты, обмокнутымъ въ спиртъ, потомъ зажжемъ вату и покроемъ ее стаканомъ такъ, чтобы края его нѣсколько погружались

въ воду. Спиртъ, продолжая горѣть подъ стаканомъ соединяется съ кислородомъ воздуха, который находится подъ стаканомъ. Когда кислородъ истощится, то на мѣсто его войдетъ въ стаканъ вода, которая займетъ столько мѣста, сколько занималъ кислородъ. Надъ водою же будетъ находиться азотъ, въ которомъ, такъ же какъ и въ угольной кислотѣ, лучинка гаснетъ и животное издыхаетъ. Животное умираетъ въ этомъ газѣ не отъ вредныхъ свойствъ его, но отъ недостатка кислорода, который необходимъ для дыханія. Если въ комнатѣ можетъ помѣститься пять бочекъ воздуха, то чтобы этотъ воздухъ былъ годенъ для дыханія, въ немъ должна необходимо заключаться одна бочка кислорода и четыре бочки азота. Если воздухъ заключаетъ въ себѣ меньше кислорода, то дыханіе въ немъ затрудняется. Воздухъ также дѣлается негоднымъ для дыханія отъ примѣси къ нему другихъ вредныхъ газовъ, какъ напримѣръ угольной кислоты.

ОТДѢЛЪ VI.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

ВОДЫ.

Все хорошо въ природѣ, но вода — красота всей природы. Вода жива; она бѣжитъ или волнуется вѣтромъ; она движется и даетъ жизнь и движеніе всему ее окружающему. Разнообразны явленія водъ, и непонятны законы этого разнообразія. Изъ вершины высокой, первозданной горы, сложенной изъ каменнаго дикаго плитняка, бьетъ свѣтлая, холодная струя, скачетъ внизъ по уступамъ горы и, смотря по ея крутизнѣ, образуетъ или множество маленькихъ водопадовъ, или одно, много два большія паденія воды. Если она сжата каменьями, то гнется узкою лентою; если катится съ плиты, то падаетъ широкимъ занавѣсомъ; если же поверхность горы не камениста и не крута, то вода выроетъ себѣ постоянное небольшое русло, — и какъ все живо, зелено и весело вокругъ него! Неизвѣстно, откуда возьмутся несвойственныя горамъ травы, цвѣты, кусты и деревья, незабудки, дикій нарцисъ, кукушкины слёзки, тальникъ и березка. Нигдѣ по близости не ростутъ они; но видно вѣтеръ вездѣ разноситъ всякія сѣмена, да только не вездѣ они всходятъ и принимаются.

Любопытно бы знать, откуда появляется вода въ колодцахъ, ручьяхъ, въ озерахъ и рѣкахъ, изъ которыхъ она вѣчно течетъ и никакъ не можетъ вытечь, и наконецъ въ огромныхъ моряхъ и океанахъ? Вода падаетъ изъ облаковъ на землю въ видѣ дождя или росы, просачивается внутрь земли, откуда вновь появляется въ видѣ ключей, наполняющихъ колодцы и ручьи; ручьи текутъ въ маленькія рѣчки, маленькія рѣчки въ большія рѣки, а большія рѣки въ моря. Но откуда же берется вода въ облакахъ? Она подымается туда невидимо водянымъ паромъ отъ сырой земли, отъ влажныхъ луговъ, отъ лужъ, озеръ, рѣкъ и отъ самаго моря; скопляется на верху въ видѣ

облаковъ и снова падаетъ оттуда каплями. Такъ странствуетъ безпрестанно вода между небомъ и землей, и этотъ постоянный оборотъ воды очень важенъ для людей, растеній и животныхъ: безъ воды ни растенія, ни животныя не могли бы существовать; а безъ животныхъ, растеній и воды, не могли бы жить и люди.

ДОЖДЬ.

Мы знаемъ уже, что вода измѣняетъ свой видъ подъ вліяніемъ теплоты: ледъ превращается въ жидкость, а жидкость въ паръ; знаемъ также, что не нужно слишкомъ большаго количества тепла, чтобы вода испарялась: платокъ, намоченный водою, высыхаетъ и на морозѣ; кусокъ льда даже и на морозѣ уменьшается въ объемѣ—испаряется, хотя не такъ быстро, какъ на горячей плитѣ. Намъ извѣстно также, почему иногда мы не видимъ испареній воды, и почему зимою видно, какъ паръ валитъ клубами отъ разгоряченной лошади: а лѣтомъ этого не видать, хотя лошадь потѣетъ лѣтомъ еще болѣе, чѣмъ зимою. Припомнивъ всѣ эти явленія, мы легко объяснимъ себѣ, какъ вода подымается съ земли въ атмосферу въ видѣ пара и ниспадаетъ оттуда на землю въ видѣ множества капель или дождя.

Когда воздухъ холоднѣе поверхности земли или воды, то видно даже, какъ рѣки, озера, моря, болота и влажные луга испаряются. Такія видимыя испаренія называются *туманами* и бываютъ иногда такъ густы, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя разсмотрѣть человѣка. Но вода испаряется всегда, хотя мы не всегда видимъ эти испаренія, и опытами доказано, что въ воздухѣ всегда, какъ бы онъ сухъ намъ ни казался, находятся пары воды. (Припомните опытъ съ холоднымъ стаканомъ, внесеннымъ въ теплую комнату.)

Если пары, носящіеся высоко въ воздухѣ, становятся для насъ видимыми, то мы называемъ ихъ облаками. Облака отличаются отъ тумана только тѣмъ, что носятся въ высшихъ слояхъ атмосферы. Невидимые часто внизу, пары становятся видимыми наверху; потому что чѣмъ дальше отъ земли слои воздуха, тѣмъ они холоднѣе. Земля, какъ тѣло плотное и непрозрачное, гораздо долѣе сохраняетъ тепло, получаемое ею отъ солнечныхъ лучей, чѣмъ воздухъ; и чѣмъ рѣже воздухъ, тѣмъ менѣе онъ нагрѣвается(*). Но понятно, что воздухъ

(*) Всякое прозрачное тѣло, пропуская сквозь себя лучи свѣта, нагрѣвается ими гораздо менѣе непрозрачнаго. Солнечные лучи проходятъ сквозь стекла оконъ въ комнату

чѣмъ выше, тѣмъ рѣже. Если положить нѣсколько стопъ бумаги, одну на другую, то нижніе листы будутъ сдавлены гораздо болѣе, чѣмъ верхніе; точно также и нижніе слои атмосфернаго воздуха болѣе стиснуты и, слѣдовательно гуще, чѣмъ верхніе. Вотъ почему невидимыя испаренія земли, подымаясь въ в[illegible]хніе слои воздуха, становятся видимыми, дѣлаются облаками.

Люди, всходившіе на вы[illegible]я горы, вершины которыхъ выше облаковъ, убѣдились, что обл[illegible], не болѣе, какъ туманъ.

Тотъ же самый холо[illegible] который превращаетъ невидимые пары въ видимыя облака, превращаетъ и облака изъ парообразнаго тумана въ капли дождя. Если на облако, плавающее въ воздухѣ, повѣетъ холодный вѣтеръ, то пары, составляющіе облако, сгустятся, превратятся въ капли и, сдѣлавшись тяжелѣе воздуха, станутъ падать на землю дождемъ.

Облака могутъ находиться на различной высотѣ. Самыя высокія, верстахъ въ семи или восьми отъ земли, представляются намъ легкими, серебристыми, будто составленными изъ бѣлыхъ перышковъ, а потому и называются *перистыми* облаками. На такой высотѣ очень холодно, въ чемъ убѣдились люди, всходившіе на высокія горы или подымавшіеся въ воздушныхъ шарахъ, и потому перистыя облака, вѣроятно, состоятъ изъ замерзшихъ пузырьковъ или ледяныхъ кристалликовъ. Такія высокія, легкія облака могутъ ходить долго, не превращаясь въ дождь, и вообще замѣчено, что перистыя облака предвѣщаютъ хорошую погоду. Когда же паровъ въ воздухѣ набирается больше, тогда облака становятся тяжелѣе и спускаются ниже, собираются въ большія кучи, похожія на скалы, крѣпости, башни, и бѣгутъ быстро по направленію вѣтра; понятно, что такія *кучевыя* облака предсказываютъ дождь.

Не во всѣхъ странахъ земнаго шара выпадаетъ одинаковое количество дождя, да и дождь не равенъ дождю. Въ иной дождь въ нѣсколько минутъ нальется столько воды, сколько другой не нальетъ въ цѣлую недѣлю. Въ Петербургѣ почти цѣлую треть года бываютъ дождливые дни; но это еще не значитъ, чтобы Петербургъ былъ самое дождливое мѣсто на земномъ шарѣ. Въ странахъ жаркихъ, но близкихъ къ морю, дождь хотя идетъ рѣдко, да мѣтко: въ нѣсколько часовъ наливаетъ онъ столько воды, сколько не налить нашему мелкому дождику за цѣлую недѣлю. Но есть такія жаркія, сухія, степныя

и, отражаясь отъ ея стѣнъ, сильно нагрѣваютъ ее, а между тѣмъ самое стекло нагрѣвается очень мало.

мѣста, вдалекѣ отъ моря и большихъ рѣкъ, гдѣ почти никогда не падаетъ дождь. Растенія въ такихъ мѣстахъ засыхаютъ, почва трескается отъ жара, птицы, звѣри и насѣкомыя или уходятъ, или погибаютъ. Такія мѣста находятся въ серединѣ Африки и въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи. Есть и такія страны на землѣ, гдѣ проливной дождь идетъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а потомъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣтъ его ни капли. Такіе дожди называются *періодическими* и зависятъ отъ такихъ же періодическихъ вѣтровъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ сряду дуютъ въ одномъ направленіи, принося пары воды, и потомъ столько же времени въ другомъ, унося ихъ прочь.

РОСА, ИНЕЙ, СНѢГЪ И ГРАДЪ.

Ночью, когда солнце зайдетъ, поверхность земли, нагрѣтая за день, начинаетъ холодѣть, потому что теплота ея уходитъ въ воздухъ. Когда же земля станетъ холоднѣе воздуха, то на поверхности ея начинаетъ собираться въ капли тотъ невидимый водяной паръ, который до того времени находился въ воздухѣ: точно также, какъ на стѣнкахъ холоднаго стакана собираются капли воды, когда мы внесемъ его въ теплую комнату. Капли эти, называемыя росою, появляются на травѣ и на деревьяхъ обыкновенно къ утру, когда земля наиболѣе охладѣетъ. Онѣ блестятъ на солнышкѣ и остаются довольно долго, пока наконецъ не высохнутъ, т.-е. опять не превратятся въ невидимый водяной паръ. Во время засухи, когда земля ждетъ и не дождется дождя, роса, хотя немного, освѣжаетъ растительность, жаждущую влаги.

Осенью, когда земля впродолженіи ночи становится до того холодна, что небольшія частицы воды, дотронувшись до нее, могутъ превратиться въ ледъ, роса, образовавшаяся на землѣ, на охладѣвшей крышѣ дома, на заборѣ или на листьяхъ дерева — превращается въ *иней*, и мы, проснувшись поутру, послѣ холодной, долгой сентябрской или октябрской ночи, замѣчаемъ, что земля, трава, листья, заборы и крыши побѣлѣли. Но скоро поднявшееся солнышко снова превращаетъ иней въ росу, а росу въ невидимый паръ.

Если капли дождя падаютъ на землю сквозь воздухъ, который холоднѣе облаковъ, то эти капли на пути уже замерзаютъ и превращаются въ кусочки твердаго льда, или градъ; и такъ мы можемъ сказать, что градъ есть замерзнувшій дождь. Градъ бываетъ иногда очень

крупенъ и идетъ даже посреди самаго жаркаго лѣта, если вѣтеръ вдругъ охладитъ воздухъ, не успѣвши охладить облаковъ. Въ южной Америкѣ бываетъ иногда градъ величиною съ порядочное яйцо, и тогда онъ убиваетъ не только птицъ, но даже большихъ звѣрей.

Если облако, изъ котораго готовится идти дождь, само очень охладѣетъ, тогда водяные пары, составляющіе его, превращаются въ красивыя снѣжинки: маленькіе ледяные кристаллики, состоящіе изъ крошечныхъ кусочковъ льда, расположившихся симметрически вокругъ общаго центра. Снѣжинки очень разнообразны и иногда представляютъ собою весьма красивыя звѣздочки.

ВѢТЕРЪ.

Ваня стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ по осеннему небу быстро неслися, одно за другимъ, тяжелыя, свинцовыя облака. Отецъ Вани сидѣлъ у камина и читалъ книгу.

— Скажи мнѣ, папаша, спросилъ Ваня, отчего такъ бѣгутъ облака? Я спросилъ объ этомъ у Ѳедора и онъ сказалъ мнѣ, что облака гонитъ вѣтеръ. А вѣтеръ же отчего? спросилъ я: «вѣтеръ отъ облаковъ», отвѣчалъ мнѣ Ѳедоръ. Я какъ-то этого не понимаю: вѣтеръ гонитъ облака, а облака гонятъ вѣтеръ?

— Ты напрасно спрашивалъ объ этомъ у Ѳедора, сказалъ отецъ Вани, улыбнувшись: спроси у него, какъ надобно закладывать лошадь, и онъ разскажетъ тебѣ это очень хорошо; у каждаго надобно спрашивать о томъ, что онъ можетъ знать. Если ты хочешь, я объясню тебѣ, отчего идутъ облака и дуетъ вѣтеръ. Холодно ли у насъ въ передней?

— О, да! очень холодно, отвѣчалъ Ваня: гораздо холоднѣе, чѣмъ здѣсь.

— Это-то намъ и нужно, продолжалъ отецъ: замѣчай же внимательно, что я буду дѣлать; слушай, что я буду объяснять, и спрашивай, если чего нибудь не поймешь.

Сказавъ это, отецъ всталъ, зажегъ свѣчу, пріотворилъ немного дверь, такъ что образовалась узкая и длинная щель изъ кабинета въ переднюю, и поднесъ свѣчу, сначала къ низу щели: пламя свѣчи сильно нагнулось по направленію отъ передней къ кабинету.

— Куда теперь дуетъ вѣтеръ, спросилъ отецъ?

— Изъ передней въ кабинетъ, отвѣчалъ Ваня.

Отецъ поднялъ тогда свѣчу кверху щели и пламя сильно пошат-

нулось въ противоположную сторону, по направленію изъ кабинета въ переднюю.

— Теперь вѣтеръ дуетъ изъ кабинета въ переднюю, сказалъ Ваня, не дождавшись отцовскаго вопроса.

Повторивъ этотъ опытъ еще раза два, отецъ Вани затворилъ дверь, изъ которой сильно дуло въ ноги, поставилъ свѣчу на столъ, и началъ:

— Теперь ты видѣлъ, что въ растворенную дверь, внизу, дуетъ вѣтеръ изъ холодной передней въ теплый кабинетъ; а наверху, на оборотъ, изъ теплаго кабинета въ холодную переднюю. Постараемся же объяснить себѣ, отчего это дѣлается. Ты слыхалъ уже, что воздухъ, какъ всякое тѣло, отъ холода сжимается, становится гуще и слѣдовательно тяжелѣе, и наоборотъ — отъ тепла расширяется, становится рѣже и легче. Ты знаешь также, что въ водѣ тѣло, которое тяжелѣе воды, тонетъ, а то, которое легче воды, подымается вверхъ: то же самое дѣлается въ воздухѣ, во всякой жидкости и во всякомъ газѣ. Чѣмъ воздухъ гуще, тѣмъ онъ тяжелѣе и тѣмъ онъ сильнѣе жмется къ землѣ; чѣмъ воздухъ теплѣе, тѣмъ онъ рѣже, легче, и тѣмъ онъ болѣе стремится подняться вверхъ. Тяжелый же и легкій воздухъ, соединившись, всегда стремятся уравновѣситься: тяжелый занять мѣсто внизу, а легкій вверху. Ты это видѣлъ сейчасъ на опытѣ: холодный воздухъ входилъ изъ передней въ кабинетъ внизу, а теплый шелъ изъ кабинета въ переднюю вверху. Такимъ образомъ между теплымъ воздухомъ кабинета и холоднымъ передней установилось два *теченія* воздуха: одно вверху, другое обратное — внизу. Это-то теченіе или стремленіе воздуха и называется вѣтромъ. На земномъ шарѣ, также какъ и въ нашемъ домѣ, не всѣ мѣста одинаково теплы и одинаково холодны. Ты, вѣроятно, слыхалъ, что въ то время, когда у насъ бываетъ зима, въ другомъ мѣстѣ, противоположномъ нашему, стоитъ самое жаркое лѣто. Ты вѣроятно знаешь также, что есть страны, гдѣ солнце круглый годъ подымается почти отвѣсно надъ головою и никогда не бываетъ зимы, и другія, гдѣ зима царствуетъ бо́льшую часть года. Кромѣ того ты вѣроятно замѣчалъ, что песокъ или камень накаляются гораздо сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ земля, особенно влажная. Есть на земномъ шарѣ страны, почва которыхъ вся состоитъ изъ песка или камня, тогда какъ другія имѣютъ влажную почву, покрыты лѣсами и болотами: понятно, что въ одно и то же время воздухъ въ первыхъ будетъ теплѣе, чѣмъ во вторыхъ. Ты часто катался по рѣкѣ и вѣроятно замѣтилъ, что надъ водою воздухъ прохладнѣе, чѣмъ надъ землею. Надъ моремъ воздухъ лѣтомъ всегда прохладнѣе, а зимою

всегда теплѣе; потому-что вода въ большихъ моряхъ зимою не замерзаетъ и сообщаетъ теплоту воздуху. Слѣдовательно на земномъ шарѣ, въ одно и то же время въ различныхъ мѣстностяхъ, воздухъ имѣетъ различную температуру. (Температурою называется степень тепла или холода какого нибудь тѣла.) Вотъ почему воздухъ никогда почти не бываетъ въ спокойномъ состояніи; почти всегда движется съ большею или меньшею силою, а эти движенія воздуха и называются вѣтрами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вѣтры бываютъ періодическіе или *пассаты*, какъ ихъ еще называютъ: въ извѣстные мѣсяцы они дуютъ безпрестанно въ одномъ направленіи, принося или дождь, или ясную погоду, смотря потому, изъ какихъ странъ вѣтеръ дуетъ и какой воздухъ несетъ: сухой или пропитанный парами воды. Ты вѣроятно замѣтилъ, что у насъ морской, западный вѣтеръ влаженъ и тёпелъ, приноситъ облака и дождь; южный сухъ и приноситъ лѣтомъ жаръ; восточный по большей части холоденъ и сухъ; сѣверный дуетъ отъ Ледовитаго моря, наполненнаго плавающими льдинами, и всегда холоденъ. Въ Петербургѣ вѣтры очень перемѣнчивы; потому что Петербургъ окруженъ самыми разнообразными мѣстностями: на сѣверѣ у него большое Ладожское озеро, иногда долго покрытое льдомъ; на западѣ море, замерзающее зимою только у береговъ; на югѣ и востокѣ обширныя равнины, по которымъ свободно гулять вѣтрамъ. Если ты будешь присматриваться къ движенію облаковъ, продолжалъ отецъ Вани, то замѣтишь, что облака движутся иногда въ противоположныя стороны. Это случается тогда, когда облака находятся на различныхъ высотахъ и попадаютъ поэтому въ различныя теченія воздуха: однѣ плывутъ въ низшемъ теченіи, другія въ верхнемъ. Если бы ты пустилъ перышко вверху дверной щели, то оно полетѣло бы въ переднюю: пусти его внизу—и оно полетитъ въ кабинетъ.

— Но отъ чего же облака бываютъ различнаго цвѣта? спросилъ Ваня.

— Отъ различнаго освѣщенія ихъ солнцемъ или луною, отвѣчалъ отецъ: отъ различія въ разстояніи, на которомъ находятся отъ насъ облака, и, наконецъ, отъ различной степени густоты пара.

РУЧЕЙ.

Много я слышалъ уже о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, про-

бивающійся изъ-подъ большаго камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что такое онъ болтаетъ. Безчисленныя маленькія волны, перегоняя другъ друга, журча, пробиваются между каменьями и пескомъ, подымая и крутя его бѣлыя зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, разскажите мнѣ, зачѣмъ вы это такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О, залепетали волны: насъ много и очень много; тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть невозможно; мы всѣ хотимъ выйти на Божій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ.

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли ли вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь въ знакъ того, что вода снова скрылась въ землю.

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—залепетали волны, перебивая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ хотѣла разсказать, что съ ней было, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы, каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиначкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразсказали мнѣ!

— Я, прозвенѣла первая капелька, еще недавно была въ облакѣ, и принеслась съ нимъ изъ далекихъ, очень далекихъ странъ. Какихъ чудесъ не насмотрѣлась я, когда летѣла высоко въ небѣ, такъ высоко, что все облако казалось вамъ съ земли маленькимъ бѣлымъ пятномъ, тогда какъ оно занимало нѣсколько верстъ въ длину и ширину. Когда молнія разбила дубъ, что стоитъ на дорогѣ, и шелъ сильный дождь, тогда и я опустилась на землю.

— Мы, сказали двѣ другія капли, были снѣжинками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залепетали другія капли, и увы, согрѣшили: положили на землю тяжелый колосъ. А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ новыя капли. Мы носили корабли въ морѣ; мы утолили жажду жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вспѣнивалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы — вкуснымъ виномъ; мы лекарствомъ, мы — ядомъ; мы — моло-

комъ, звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы, съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ: я была когда-то слезою, прошептала она; я каплею пота, сказала вслѣдъ за ней другая, падая на землю; а я была уже въ твоемъ сердцѣ, прозвенѣла третья — была теплой капелькой крови, а потомъ, когда ты дохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ и стряхнулъ обратно въ рѣку остальныя капли, не слушая ихъ болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: разскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра и будутъ лежать тамъ вѣчно; развѣ человѣкъ выкопаетъ ихъ и построитъ изъ нихъ дома. Но какъ же удивился я, когда ручей сталъ мнѣ говорить самыя диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывавши дождемъ или снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже вашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самые затѣйливые ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ разсказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и карлахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охраняютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти карлы и эти духи—мы, мы, маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малы и безсильны; но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слыхалъ, что капля, падая за каплей, пробиваютъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Но скоро тяжелая ноша становится не подъ силу маленькой каплѣ и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ известки и гипса блестящіе, красивые кристаллы. Также мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленой и голубой кусочекъ мѣднаго купороса и раскрашиваемъ ими другіе каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры.... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но милліоны водяныхъ капель выпили эту соль и унесли ее куда нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ такой пещерѣ намъ привольно работать: звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимыя нами кусочки камня,

строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на ваши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнышкѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту, только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки, сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ цѣлыя подземныя озёра; потомъ выбѣгаютъ оттуда ручьями въ разсѣлины скалъ, или прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Къ намъ прибѣгаетъ иногда напиться горная саламандра, небольшое длинненькое животное, блѣдное и слѣпое: намъ скучно въ этихъ пещерахъ безъ солнца, а оно боится, какъ смерти, солнечныхъ лучей. Если на дорогѣ попадется намъ въ горѣ кусокъ дерева, мы начинаемъ хлопотать изо всѣхъ силъ: каждую клѣточку наполнимъ или кремнемъ, или известкой; древесину же разломаемъ и унесемъ прочь, словомъ, сдѣлаемъ то, что вы называете окаменѣлымъ деревомъ; но называете совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать отчетливо изъ камня каждую жилку, каждую ячейку! То же самое дѣлаемъ мы и съ раковинами, если они намъ попадутся, и любимъ подражать ихъ формамъ. Раковины тоже сдѣланы изъ известки какимъ нибудь животнымъ, которое строило себѣ этотъ домикъ за многія тысячи лѣтъ до насъ; но намъ эта известка нужна и мы её всю растащимъ, а на память о бывшемъ животномъ и его домикѣ, выстроимъ этотъ домикъ изъ другихъ матеріаловъ.

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ разсказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало по малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, и съ деревьями, которыя росли на землѣ, рухнула въ долину и засыпала четыре деревни съ людьми и животными. Но я перервалъ печальный разсказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Разскажи-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много ѣдятъ и пьютъ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и маленькій камешекъ, и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несутъ твои хлопотливые работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки: насъ уже давно ждутъ милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища и крѣпкіе кораллы, а для кораллов нужно много известки, потому что изъ нихъ дѣлаются цѣлые острова въ океанѣ.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растеній ждутъ насъ давно; даже травка на берегу и та проситъ, чтобъ мы дали ей частичку. — Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли: воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни безчисленныя водяныя насѣкомыя. — Мы несемъ угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки; — мы — гипсъ; мы — желѣзо; мы — фосфоръ; мы — множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ, людямъ. Не вы ли сами приходите искать соли тамъ, гдѣ мы её сложимъ? не вы ли приходите лечиться къ намъ и рады-радёхоньки, когда почуете, что въ насъ есть или сѣра, или желѣзо, или какой нибудь другой минералъ, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными источниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете насъ отъ сору, устроиваете для насъ красивые бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостинницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ или другихъ какихъ нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, зажурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покою и трудолюбивѣе муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно суетятся, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. Наработавшись въ волю и въ облакахъ, и въ травѣ, и въ листьяхъ, которые мы такъ освѣжаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, — мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки, изъ ручья бѣжимъ въ рѣчку, изъ рѣчки въ широкое безбрежное море, и тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи

солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъустали и не скучаемъ; намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божіемъ мірѣ, и поимъ неисчислимые милліоны растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобъ и я не прожилъ безъ пользы; а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

МАГНИТЪ.

Вотъ маленькая желѣзная полоска, которая по виду не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго и кажется самою простою желѣзною полоскою; но въ ней скрывается особенная, чудная сила, которая немедленно обнаружится, если мы поднесемъ эту палочку къ иголкѣ или къ какой-нибудь другой небольшой желѣзной или стальной вещи. Еще мы не успѣли дотронуться до иголки, а она уже подпрыгнула и пристала къ палочкѣ. Но возьмемъ иголку, продѣнемъ её въ небольшую пробку и пустимъ плавать по водѣ, налитой въ тарелку, такъ чтобы иголка находилась въ горизонтальномъ положеніи наверху воды. Издали уже будетъ чувствовать такая плавающая иголка приближеніе нашей волшебной палочки.

Но это еще не все. Потремъ иголку нашею желѣзною палочкою, начиная отъ середины и проводя къ концамъ, и притомъ такъ, чтобы одна половина иголки была натерта однимъ концомъ палочки, а другая другимъ, и замѣтимъ на самой палочкѣ, какимъ концомъ ея мы терли остріе и какимъ ушко. Положимъ, что тотъ конецъ, которымъ натёрто остріе, мы означимъ буквою *С*, а тотъ, которымъ натерто ушко, означимъ буквою *Ю*: тогда мы увидимъ очень замѣчательное явленіе. Поднесемъ конецъ *Ю* къ острію иголки, и иголка побѣжитъ прочь или обернется къ намъ ушкомъ; поднесемъ конецъ, означенный буквою *С*, и иголка остріемъ поплыветъ къ нашей полоскѣ: поднесемъ конецъ *С* къ ушку иголки—и иголка отойдетъ; поднесемъ конецъ *Ю*—и иголка приблизится. Держите вашу палочку горизонтально надъ иголкой и вы замѣтите, что вамъ никакъ не удастся обма-

нуть эту маленькую и безчувственную вещъ. Какъ только вы поставите вашу иголку концомъ *С* къ острію, которое вы натирали этимъ самымъ концомъ, то иголка непремѣнно поплыветъ къ магниту, и наоборотъ. Держите между иголкой и палочкой тонкій листъ бумаги — все равно: иголка всякій разъ угадаетъ, какъ вы повернули вашу палочку, и тотъ конецъ иголки, который натирали вы концомъ *Ю*, будетъ стремиться къ *Ю*, а тотъ, который вы натирали концомъ *С*, будетъ стремиться къ *С*.

Но этимъ еще не исчерпываются чудеса нашей палочки и иголки, натертой палочкою. Возьмите прочь вашу палочку: иголка получила уже отъ нея силу, которой прежде не имѣла. Посмотрите, какъ одинъ ея конецъ всегда стремится въ одну и ту же сторону, другой всегда въ противоположную: поставьте ее бокомъ, поверните какъ угодно, и она непремѣнно сама станетъ въ прежнее положеніе. Замѣтьте же, куда смотритъ остріе иголки и вы увидите, что оно постоянно смотритъ или на сѣверъ, или на югъ, т.-е. туда, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, или туда, гдѣ его никогда не бываетъ; но не на востокъ, гдѣ солнце восходитъ, и не на западъ, куда оно заходитъ. Кромѣ того вы замѣчаете, что ежели остріе иголки смотритъ на югъ, а ушко на сѣверъ, то вы ничѣмъ не заставите смотрѣть остріе на сѣверъ, а ушко на югъ.

Что такое притягиваетъ иголку къ палочкѣ, что отталкиваетъ ее, что заставляетъ ее становиться однимъ концомъ на сѣверъ, а другимъ на югъ — этого никто не знаетъ. Однакоже, хотя мы не знаемъ причины этого явленія, но можемъ воспользоваться имъ весьма хорошо. Положимъ, мы замѣтили, что остріе иголки смотритъ всегда на сѣверъ, а ушко на югъ, и взявъ такую иголку въ карманъ, пошли въ большой темный лѣсъ, находящійся отъ нашего дома къ сѣверу; положимъ, наконецъ, что, пробродивши въ этомъ лѣсу долго взадъ и впередъ, мы потеряли дорогу и рѣшительно не знаемъ, куда идти и какъ намъ выбраться изъ лѣсу. Мы знаемъ, что домъ нашъ лежитъ на югъ, но не знаемъ, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ; можно бы узнать это по солнцу, да день, какъ говорится, выдался сѣрый, солнце не показывается и мы можемъ легко пробродить въ лѣсу очень долго. Но вспомнимъ, что въ карманѣ у насъ спасительная иголка, которая и безъ солнца знаетъ, гдѣ сѣверъ и гдѣ югъ. Положимъ ее на маленькую щепочку и пустимъ на первую попавшуюся лужу: остріе иголки тотчасъ обернется на сѣверъ, а ушко на югъ.

Еще болѣе имѣетъ значенія такая иголка посреди безбрежнаго

моря, гдѣ нѣтъ предметовъ, по которымъ можно было бы узнать, откуда мы приплыли и куда намъ плыть, и гдѣ часто густой туманъ или облака по цѣлымъ недѣлямъ скрываютъ отъ насъ солнце и звѣзды. Тутъ можно, пожалуй, безъ спасительной иголки цѣлую недѣлю плыть на сѣверъ, тогда какъ надо ѣхать къ югу, или на востокъ, тогда какъ надобно ѣхать на западъ. Но чудная иголка показываетъ намъ сѣверъ и югъ; а слѣдовательно востокъ и западъ: станемъ лицомъ къ сѣверу — и налѣво у насъ будетъ западъ, а направо востокъ.

Но что же это за чудная палочка? Это не болѣе, какъ простая стальная палочка: она и сама получила отъ другаго предмета ту силу, которую передала иголкѣ. Вы уже знаете, что такое желѣзная руда: это заржавѣвшее, окисленное желѣзо, перемѣшанное иногда съ землею или какимъ нибудь другимъ минераломъ и находимое въ огромномъ количествѣ въ горахъ и въ болотахъ. Нѣкоторыя изъ желѣзныхъ рудъ обладаютъ удивительнымъ свойствомъ притягивать къ себѣ желѣзные предметы и сообщать стальнымъ палочкамъ и стальнымъ иголкамъ тѣ удивительныя свойства, которыя мы замѣтили въ нашей палочкѣ и въ нашей иголкѣ. Такія желѣзныя руды называются магнитными, потому что ихъ въ первый разъ нашли около малоазіятскаго города Магнезіи. Впослѣдствіи такія руды стали находить во многихъ мѣстахъ, а въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи, особенно въ Уральскихъ горахъ. Эта магнитная руда называется еще магнитнымъ камнемъ или просто магнитомъ. Магнитъ не только самъ обладаетъ свойствомъ притягивать и отталкивать желѣзныя вещи, но можетъ сообщить его стальнымъ и желѣзнымъ полоскамъ, съ тою только разницею, что въ желѣзѣ магнитныя свойства удерживаются до тѣхъ поръ, пока оно находится въ соприкосновеніи съ магнитомъ, а въ твердой стали, натертой такимъ образомъ, какъ мы натирали иголку, сохраняется очень долго. Давно уже было извѣстно свойство магнита, но еще никто не зналъ въ Европѣ, какую пользу можно извлечь изъ этихъ свойствъ (*); только въ XIV вѣкѣ одинъ итальянецъ, по имени Джіойо, вздумалъ примѣнить свойства намагниченной иглы къ морскимъ путешествіямъ. До тѣхъ поръ, плавая по морямъ, моряки узнавали дорогу по солнцу, лунѣ и звѣздамъ, а въ туманную или облачную погоду рѣшительно не знали, куда ѣхать, и потому боялись пускаться въ далекія морскія путешествія. Намагниченную игол-

(*) Китайцы давно знали свойства намагниченной иголки, а арабы уже употребляли ее въ морскихъ путешествіяхъ.

ку для этой цѣли не пускаютъ на воду, какъ мы дѣлали это съ вами, но, сдѣлавъ особую стальную стрѣлку съ колпачкомъ по серединѣ, надѣваютъ её на острый шпенёкъ, вдѣланный въ серединѣ круглаго ящика, такъ чтобы стрѣлка могла свободно обращаться вокругъ. На томъ концѣ стрѣлки, который обращается къ сѣверу, пишутъ букву N (Nord — по-русски сѣверъ), а на южномъ S (Sud — югъ). По бокамъ отмѣчаютъ востокъ и западъ. Между востокомъ и сѣверомъ, востокомъ и югомъ, югомъ и западомъ и т. д. дѣлаютъ еще нѣсколько дѣленій, указывающихъ направленіе на сѣверо-востокъ, сѣверо-западъ, юго-востокъ и т. д. И съ такимъ простымъ инструментомъ смѣло пускаются люди въ море, зная, что и въ туманную погоду, и ночью всегда легко будетъ отыскать ту дорогу, по которой должно ѣхать. Такой инструментъ называется *компасомъ*. Благодаря компасу, португальцы объѣхали Африку и проплыли въ Индію; Колумбъ, плывя постоянно на западъ, открылъ Америку; а Магелланъ — первый объѣхалъ вокругъ всю землю.

Такъ полезно намъ знаніе законовъ природы и такія громадныя выгоды можетъ дать намъ маленькая стрѣлка, если мы умѣемъ быть наблюдательными и прилагать наши наблюденія къ дѣлу.

ГОРѢНІЕ.

Потрите крѣпко два куска дерева одинъ о другой, и вы замѣтите, что они оба сдѣлаются сначала теплыми въ томъ мѣстѣ, гдѣ они трутся, а потомъ, если продолжать треніе, станутъ дымиться и могутъ даже загорѣться пламенемъ.

Налейте воды на обожженный кусокъ извести: известь жадно станетъ поглощать воду и при этомъ до того разгорячится, что отъ воды подымется паръ. Въ этомъ послѣднемъ опытѣ тепло появляется почти отъ того же, отъ чего и въ первомъ: частицы воды и частицы извести, сильно стремясь соединиться между собою, трутся, тѣснятъ другъ друга и разгорячаются. По соединеніи воды съ негашеной известью происходитъ новое тѣло, которое такъ сухо, какъ-будто въ немъ совершенно нѣтъ воды. Мы знаемъ уже, что такое соединеніе двухъ или болѣе тѣлъ, при которомъ образуется совершенно новое тѣло, называется *химическимъ* соединеніемъ въ отличие отъ *механическаго*, которое мы видѣли, въ гранитѣ, гдѣ отдѣльные кусочки камней только сплавились другъ съ другомъ.

Большая часть извѣстныхъ намъ тѣлъ природы не простыя, но

составлены изъ нѣсколькихъ простыхъ тѣлъ или веществъ. Чтобы разъединить тѣло на составляющія его вещества или, какъ говорятъ химики, *разложить* тѣло, чаще всего употребляютъ жаръ. Есть напримѣръ красный ртутный порошокъ, называемый окисью ртути (мы уже говорили о немъ). Если положить этотъ порошокъ въ баночку и сильно нагрѣвать, то онъ превратится въ чистую ртуть. Отъ чего это? Отъ того, что красный порошокъ былъ ничто иное, какъ *химическое* соединеніе газа, кислорода, и металла, ртути: отъ жара кислородъ отдѣлился и улетѣлъ въ воздухъ, а чистая ртуть осталась на донышкѣ сосуда. Отъ жара всѣ частички краснаго порошка нѣсколько разошлись, а кислородъ освободился и улетѣлъ. Но если жаръ разъединяетъ два тѣла, заставляя ихъ разойтись изъ тѣснаго химическаго соединенія, то и, наоборотъ, для того чтобы сплавить два металла, необходимъ также жаръ: надобно сначала разъединить частички обоихъ металловъ, такъ чтобы онѣ могли перемѣшаться между собою и, сильно сцѣпившись одна съ другою, составить новый искусственный металлъ. Мы знаемъ также, что жаръ необходимъ для того, чтобы частички кремня, извести и поташа соединились въ новое тѣло — стекло.

Замѣтивъ хорошенько всѣ эти явленія, мы постараемся теперь понять, почему два куска сухаго дерева, если ихъ долго тереть одинъ о другой, загораются. Но для этого мы должны сначала припомнить еще, какъ и изъ чего образовался кусокъ дерева.

Мы помнимъ, что корни дерева всасывали изъ земли воду, и въ водѣ, въ видѣ раствора, разныя землистыя вещества: известь, кремень, соль и др. Мы помнимъ также, что растеніе своими листочками брало изъ воздуха угольную кислоту: кислородъ выпускало назадъ въ воздухъ, а углеродъ поглощало и переработывало въ свое собственное тѣло. Слѣдовательно, въ кускѣ дерева должно быть: *первое* — разныя землистыя вещества, *второе* — много углерода, угля, и *третье* — много воды.

При треніи дерева, оно нагрѣвается, а тепло, какъ мы знаемъ, разъединяетъ частички тѣла и заставляетъ ихъ удаляться одна отъ другой. Если же мы все будемъ продолжать треніе, то тѣ мѣста древесныхъ кусковъ, въ которыхъ они трутся, такъ разгорячатся, частички ихъ такъ разойдутся, что кусокъ дерева начнетъ разлагаться на вещества, его составляющія, и тѣ изъ этихъ веществъ, которыя легче воздуха, начнутъ улетать вверхъ: дерево задымится. *Углеродъ* и *водородъ*, бывшіе въ деревѣ, составивъ одинъ газъ, который называется *углеродисто-водороднымъ* газомъ, вылетаютъ въ воздухъ. При усиленномъ треніи

жаръ до того увеличится, что отдѣляющійся сложный газъ начнетъ разлагаться и соединяться съ кислородомъ воздуха: изъ водорода и кислорода образуются пары воды, а изъ углерода и кислорода образуется новый газъ,—угольная кислота, съ которою мы уже знакомы. При этихъ химическихъ соединеніяхъ жаръ увеличивается до того, что вспыхиваетъ пламя. Но что же такое это самое пламя и откуда оно взялось?

Вы, вѣроятно, замѣчали, что когда бьютъ огнивомъ о кремень, то выскакиваютъ искры. Мы знаемъ уже, что эти искры ничто иное, какъ сильно нагрѣтыя, раскаленныя маленькія частички стали; но не трудно себѣ представить, что еслибы этихъ искръ было очень много вмѣстѣ, то они составили бы нѣчто въ родѣ пламени. Еще ярче блестятъ частички углерода или, попросту, угля, если ихъ раскалить. При соединеніи же водорода и кислорода, образуется сильный жаръ, гораздо сильнѣе того, который мы замѣтили при соединеніи извести и воды, такъ что частички углерода или угля, освободившись отъ водорода и прежде своего соединенія съ кислородомъ воздуха, сильно раскаляются, а множество такихъ раскаленныхъ частичекъ угля, собравшись вмѣстѣ, образуютъ пламя. Соединившись же химически съ кислородомъ воздуха, частички угля тухнутъ, хладѣютъ и образуютъ съ ними новое тѣло — угольную кислоту.

Что же сдѣлалось съ другими составными частями дерева? Сожгите его совершенно, и вы увидите, что отъ него останутся угли и немножко золы; но если вы будете продолжать раскаливать угли, то отъ всего древеснаго куска останется только одна зола, т.-е. тѣ землистыя частицы,—кремень, соль, известь, которыя дерево вмѣстѣ съ водою всосало своими корнями изъ земли. Кусокъ дерева уничтожился; но ни одна частичка, его составлявшая, не исчезла. Въ мірѣ, какъ мы знаемъ, ничто изъ ничего не дѣлается; но также ничто въ ничто не обращатеся, ничто не исчезаетъ. Углеродъ соединился съ воздухомъ и образовалъ угольную кислоту; изъ землистыхъ веществъ образовалась зола; а паръ, образовавшійся изъ водорода и кислорода, пошелъ себѣ гулять въ облакахъ, пока ему не придется превратиться въ капли дождя или росы.

Чтобы повѣрить опытомъ справедливость всего, что было сказано, зажжемъ свѣчку, т.-е. нагрѣемъ свѣтильню до того, чтобы она вспыхнула; но нагрѣемъ, конечно, не треніемъ, а пламенемъ сѣрной спички, что въ сущности все равно. Зажегши свѣчу, станемъ наблюдать, какъ она горитъ. Въ свѣчкѣ почти тѣ же матеріалы, что и въ деревѣ. Что пламя состоитъ изъ частичекъ раскаленнаго угля, въ этомъ убѣдиться легче всего: стоитъ только охладить эти частички и онѣ превратятся въ черный

уголь. Возьмите холодную серебряную ложку, стекло или какое нибудь другое холодное тѣло, которое не могло бы загорѣться, подержите его въ пламени свѣчи, и вы увидите, что на этомъ тѣлѣ появится черная копоть, т. е. тѣ же частички чернаго угля, только въ очень мелкомъ видѣ. Если вы хотите убѣдиться, что при горѣніи свѣчки отдѣляется вода, то стоитъ подержать надъ свѣчкою стаканъ, и вы замѣтите, что на стѣнкахъ стакана появится влага.

Землистыхъ частицъ въ салѣ нѣтъ, а потому золы и не осталось. Но свѣтильня, сдѣланная изъ нитокъ, которыя, какъ мы знаемъ, сдѣланы изъ волоконъ растенія, оставляетъ послѣ себя немножко золы или, какъ говорится, нагара. Свѣтильня же служитъ для того, чтобы проводить растопленное сало вверхъ, гдѣ оно разлагается на составныя части, сильно накаляющіяся. Безъ свѣтильни однѣ частички сала охлаждали бы другія, и мы должны были бы растопить всю свѣчу и накалить сильно все сало, чтобы оно загорѣлось. Свѣтильня даетъ возможность сгорать салу понемногу, что для свѣчи и необходимо.

Въ печкѣ, при горѣніи въ ней дровъ, совершается то же самое. Труба въ печи устроивается для того, чтобы воздухъ, проходя въ дверцы и соединяясь съ углеродомъ дровъ, могъ улетать вверхъ въ видѣ угольной кислоты; а несгорѣвшій уголь осаждается въ трубѣ въ видѣ сажи или остается въ печи въ видѣ кусковъ угля. Стоитъ закрыть плотно дверцы и трубу въ печкѣ и дрова погаснутъ. Это потому, что кислородъ не будетъ болѣе входить въ печь: кислородъ не будетъ болѣе соединяться съ углеродомъ дровъ — и горѣніе прекратится. Если же, наоборотъ, мы долго не закроемъ трубы, то въ печкѣ не останется ни одного уголька. Угли остаются отъ того, что мы не даемъ имъ перегорѣть, закрывая трубу и тѣмъ самымъ прекращая притокъ кислорода.

Горѣніе, слѣдовательно, есть не болѣе какъ разложеніе тѣла на составлявшія его вещества и новое соединеніе этихъ веществъ съ кислородомъ воздуха; причемъ образуется тепло, жаръ и даже пламя.

Такимъ образомъ мы видимъ, что кислородъ совершенно необходимъ для горѣнія и что тамъ, гдѣ нѣтъ кислорода, ничто горѣть не можетъ. (Припомните опытъ надъ угольной кислотою.) Но если соединеніе кислорода происходитъ не такъ быстро и сильно, то хотя теплота и будетъ отдѣляться, но не будетъ большаго жара и вовсе не будетъ пламени. Такъ при гніеніи, т. е. при разложеніи на составныя вещества различныхъ органическихъ тѣлъ происходитъ то же, что и при горѣніи свѣчи или разложеніи сала, съ тою только разни-

цею, что при этомъ не бываетъ сильнаго жара и пламени. Если, напримѣръ, листья лежатъ долго въ большой кучѣ, то начинаютъ гнить, т. е. разлагаться на составныя вещества, причемъ можно замѣтить, что отъ этой кучи идетъ тепло и даже подымается паръ. Стоги свѣжаго, не вполнѣ высохшаго сѣна скоро начинаютъ гнить, т. е. медленно горѣть, такъ что, всунувъ руку въ такое гніющее сѣно, мы почувствуемъ сильный жаръ.

То же самое горѣніе совершается и въ нашихъ легкихъ, когда мы дышемъ. Кровь, притекая къ пузырькамъ легкихъ, разлагается углеродъ, который есть въ крови, какъ и во всякомъ органическомъ веществѣ, соединяется съ частію кислорода воздуха, вошедшаго въ легкія, и улетаетъ вонъ черезъ дыхательное горло въ видѣ угольной кислоты, которая, какъ мы знаемъ, въ печкѣ улетаетъ черезъ трубу; другая же часть кислорода соединяется съ кровью и дѣлаетъ её изъ темной ярко-красною. Почти то же происходитъ, какъ мы знаемъ, когда кислородъ воздуха соединяется съ желѣзомъ и образуетъ красноватую ржавчину. При химическомъ соединеніи кислорода съ кровью также отдѣляется теплота, отъ которой зависитъ теплота во всѣхъ животныхъ. Чѣмъ быстрѣе происходитъ оборотъ крови, и слѣдовательно соединенія съ кислородомъ, тѣмъ кровь животнаго теплѣе. У животныхъ хладнокровныхъ, например у рыбъ, оборотъ крови и соединеніе ея съ кислородомъ происходитъ очень медленно. Вотъ почему также, когда дыханіе прекращается, тѣло животнаго охладѣваетъ.

Что при дыханіи, какъ и при горѣніи свѣчи, отдѣляется вода, въ этомъ легко убѣдиться, дохнувъ нѣсколько разъ на холодное стекло.

Чтобы увѣриться, наконецъ, и въ томъ, что при дыханіи изъ горла улетаетъ угольная кислота, стоитъ только сквозь соломинку дышать въ воду, въ которой растворена известь. Вода, вначалѣ совершенно чистая, помутится, и на дно сосуда станетъ осаждаться мѣлъ, который есть ничто иное, какъ химическое соединеніе извести съ угольною кислотою (*).

Сообразивъ все сказанное и припомнивъ то, что было сказано прежде о необходимости дыханія, мы придемъ къ заключенію, что человѣкъ живетъ и сохраняетъ жизненную теплоту до тѣхъ-поръ, пока продолжается въ немъ процессъ горѣнія.

(*) Во всякой аптекѣ легко можно получить известковую воду.

ГРОМЪ И МОЛНІЯ.

Мы знаемъ уже, какое важное значеніе имѣетъ для насъ оконное стекло, защищающее наши жилища отъ холода и непогоды и свободно пропускающее отрадные лучи свѣта. Но вотъ искусный работникъ беретъ толстое стекло, дѣлаетъ изъ него большой кругъ и провертываетъ въ срединѣ стекляннаго круга дыру. Въ эту дыру вса-живаетъ онъ валикъ съ ручкою, а валикъ утверждаетъ на двухъ ножкахъ; словомъ, укрѣпляетъ стеклянный кругъ подобно тому, какъ точильщикъ укрѣпляетъ свое вертящееся каменное колесо. Съ одного края стекла, на той же доскѣ, на которой стоятъ ножки, поддерживающія кругъ, ставится деревянная подставка и къ верхнему концу ея придѣлываются двѣ досчечки, такъ чтобы онѣ, какъ двѣ широкія ладони, обнимали собою одинъ край стекляннаго круга. Досчечки эти съ той стороны, гдѣ онѣ прилегаютъ къ стеклу, обтягиваются кожей, а кожа намазывается смѣсью ртути и цинка. Вся же машина устроивается такъ, чтобы кругъ, когда станутъ вертѣть ручку валика, на которомъ онъ утвержденъ, терся о кожу, натянутую на досчечкахъ и намазанную *амальгамой*: такъ называютъ эту смѣсь ртути и цинка. Къ досчечкамъ придѣлывается металлическая цѣпочка, спускающаяся до земли.

Если теперь начать вертѣть стеклянный кругъ и въ то же время поднести палецъ къ краю его, то изъ стекла перескакиваетъ въ палецъ маленькая голубая искорка, причемъ слышенъ легкій трескъ и во всемъ тѣлѣ, особенно въ суставахъ руки, чувствуется какое-то сотрясеніе: довольно замѣтный и быстрый ударъ. Вотъ вамъ громъ и молнія въ самомъ маленькомъ видѣ.

Въ стеклѣ находятся двѣ различныя, невидимыя жидкости, которыя обѣ называются *электричествомъ*; но одна—*положительнымъ* электричествомъ, а другая — *отрицательнымъ*. Обѣ эти невидимыя жидкости — двѣ старинныя неразлучныя пріятельницы, и гдѣ находится одна, тамъ и другая; если же ихъ раздѣлятъ насильно, то онѣ жадно ищутъ перваго случая, чтобы вновь соединиться: вотъ причина искорки, выскакивающей изъ стекла въ палецъ, а также и причина грома и молніи.

Что такое это за жидкости сами по себѣ, мы не знаемъ, потому что не можемъ ихъ видѣть отдѣльно отъ тѣхъ предметовъ, въ которыхъ онѣ находятся. Но дѣло въ томъ, что если онѣ находятся въ

равномъ количествѣ въ стеклянномъ кругѣ, то живутъ между собою такъ дружно, что ихъ не слышно и не видно; но какъ только одного электричества станетъ меньше другаго, тогда то, котораго болѣе, ищетъ случая выйти изъ тѣла и перейти въ другое тѣло трескучей, блестящей искоркой. Электричество появляется только тогда, когда между различными электричествами нарушено равновѣсіе. Если два мальчика сядутъ на два конца доски, которая какъ-разъ серединою лежитъ на бревнѣ, и если оба мальчика имѣютъ одинаковый вѣсъ и сидятъ смирно, то и доска и мальчики будутъ неподвижны. Но стоитъ только одному мальчику подпрыгнуть, чтобы одинъ конецъ доски стукнулся о землю, а другой подпрыгнулъ къ верху. Точно такъ же, если два мальчика съ одинаковой силой будутъ тянуть каждый къ себѣ одну и ту же веревку, то оба останутся неподвижными; но стоитъ только одному выпустить веревку, чтобы другой шлепнулся затылкомъ о землю. Оба эти явленія объясняются нарушеніемъ *равновѣсія*. Точно также треніемъ стекляннаго кружка о кожанныя досчечки раздѣляются два электричества, находящіяся въ стеклянномъ кругѣ, и тогда какъ одно изъ нихъ по металлической цѣпочкѣ сбѣгаетъ въ землю, другое остается въ стеклѣ и ищетъ себѣ выхода, чтобы опять соединиться съ своею пріятельницею, ушедшею въ землю. Чтобы электричество, сбѣжавшее въ землю, не перебѣжало опять въ стекло, для этого всю электрическую машину утверждаютъ на стеклянной подставкѣ, потому что замѣчено, что электричество, которое быстро пробѣгаетъ по металлическимъ вещамъ, очень медленно проходитъ черезъ стекло, смолу и нѣкоторыя другія вещества. Но человѣкъ стоитъ на землѣ и потому электричество, пробѣжавши съ цѣпочки въ землю, пробѣгаетъ и въ человѣка; вотъ почему, когда человѣкъ подноситъ руку къ стеклянному кружку, то два разъединенныя электричества опять стремятся соединиться и празднуютъ эту встрѣчу блестящей, трескучей искоркой.

Но почему же эти странныя жидкости назвали электричествомъ, и что̀ это за слово? Слово электричество не русское, а происходитъ отъ греческаго слова *электронъ*, что значитъ янтарь. Электричествомъ же, или янтарностью, назвали эту силу потому, что прежде всего ее замѣтили въ янтарѣ. Если взять кусокъ янтаря и всякой другой смолы, потому что янтарь есть тоже смола, или даже просто кусочекъ сургуча, потому что и сургучъ дѣлается изъ смолы, и потереть имъ о сукно, то хотя искорки и не покажется, но сургучъ станетъ притягивать и отталкивать маленькіе кусочки бумажки или де-

рева; ту же самую силу замѣтимъ мы и въ кускахъ сѣры. Если же куски смолы или сѣры натирать долго шерстью или мѣхомъ, то электричество проявляется въ нихъ не только притяженіемъ легкихъ тѣлъ, но и трескучими искорками. Не только въ стеклѣ, смолѣ, сѣрѣ находятся оба электричества, но и въ каждомъ другомъ тѣлѣ: въ землѣ, въ водѣ, въ воздухѣ, въ камняхъ и металлахъ, растеніяхъ, животныхъ и людяхъ; но только не вездѣ ихъ такъ легко раздѣлить, какъ въ стеклѣ или въ смолѣ, а потому не вездѣ они такъ и замѣтны.

Оба эти электричества находятся также и въ облакахъ и часто раздѣляются тамъ во время жара, особенно лѣтомъ. Отъ чего происходитъ это раздѣленіе электричества въ облакахъ, съ точностію не извѣстно; можетъ быть отъ того, что облака, движимыя различными теченіями воздуха, трутся одно о другое, или можетъ быть отъ обращенія водяныхъ паровъ въ капли. Но дѣло въ томъ, что если сближаются два облака, наполненныя двумя различными электричествами, то искра, которая происходитъ при этомъ прикосновеніи, будетъ молніею, а трескъ громомъ. Если же оба раздѣленныя электричества собираются — одно въ землѣ, а другое въ облакахъ, то тогда электричество изъ облаковъ стремится къ землѣ и конечно стремится къ самому ближайшему предмету на землѣ: къ верхушкѣ скалы, высокому дереву, высокой колокольнѣ или крышѣ дома. Почуя приближеніе облачнаго электричества, другое, скрывающееся въ землѣ, стремится къ нему навстрѣчу. И это стремленіе съ обѣихъ сторонъ такъ быстро и сильно, что воздухъ едва успѣваетъ давать дорогу электричеству; а отъ сильнаго колебанія воздуха происходитъ громъ, точно такъ, какъ происходитъ слабый свистъ, когда вы машете палкой по воздуху. Если оба электричества, земное и облачное, соединяются въ деревѣ или въ крышѣ дома, или въ какомъ нибудь другомъ подымающемся кверху и не слишкомъ крѣпкомъ предметѣ, то онъ растрескивается и загорается. Если электричества соединяются въ пескѣ, то песокъ сплавляется въ стекловидные куски, которые зовутъ громовыми стрѣлами; а если, къ несчастію, на дорогѣ соединенія двухъ электричествъ попадется животное или человѣкъ, то погибель ихъ неизбѣжна, и за мгновеннымъ ударомъ слѣдуетъ мгновенная смерть.

Если къ краю стекла электрической машины мы вмѣсто пальца поднесемъ длинную мѣдную или желѣзную палочку, то искра такъ же быстро перебѣгаетъ по палочкѣ въ наше тѣло, какъ будто бы мы держали палецъ у самаго стекла. Еслибы наша металлическая палочка

была въ цѣлую версту длиною, то и тогда мы не успѣли бы мигнуть глазомъ, какъ почувствовали бы искру въ нашемъ тѣлѣ. Вотъ почему металлы называются *хорошими проводниками* электричества. Если же мы поднесемъ къ стеклу электрической машины кусокъ сургуча, стеклянную палочку или шелковый снурокъ, то не замѣтимъ, чтобы электричество передавалось нашей рукѣ. Вотъ почему шелкъ, смола и стекло называются *дурными проводниками.* Но замѣчательно, что эти-то дурные проводники и употребляются для добыванія электричества; можетъ быть потому, что электричество въ нихъ скопляется и задерживается лучше, чѣмъ въ хорошихъ проводникахъ.

Если на верхушкѣ дома или колокольни поставить металлическій шпицъ и отъ этого шпица провести металлическую проволоку въ землю или въ ближайшій колодезь, то молнія, попадая въ шпицъ, пойдетъ мимо дома по проволокѣ въ колодезь, потому что металлъ лучше проводитъ электричество, чѣмъ дерево. Такимъ образомъ предохраняются зданія отъ ударовъ молніи. Такія предохранительныя орудія называются *громоотводами.*

Вы вѣроятно замѣтили, что громъ всегда раздается послѣ того, какъ блеснетъ молнія, и чѣмъ дальше отъ насъ совершается гроза, тѣмъ дольше не слышно грома послѣ молніи. Причина этого очень понятна: свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду 280,000 верстъ, а звукъ только 157 саженей; слѣдовательно, звукъ движется гораздо медленнѣе, чѣмъ свѣтъ, и свѣтъ молніи долетаетъ къ намъ гораздо быстрѣе, чѣмъ звукъ грома. Вотъ почему по продолжительности времени проходящаго отъ появленія молніи до громоваго удара, можно разсчитать приблизительно отдаленность грозы.

Электричество пробѣгаетъ въ людяхъ и животныхъ съ такою же неудержимостію и быстротою, какъ и въ металлической палочкѣ, и еслибы тысяча человѣкъ взяли другъ друга за руки и первый изъ этой длинной вереницы дотронулся до электрической машины, то послѣдній почувствовалъ бы электрическій ударъ почти въ то же самое мгновеніе, какъ и первый, и съ тою же самою силою. Вотъ почему случалось иногда, что цѣлое стадо лошадей, испуганное грозою и столпившееся въ кучу, было убиваемо однимъ громовымъ ударомъ.

Замѣчательно также, что молнія, попадая въ металлическія вещи, легко плавимыя и особенно блестящія, часто расплавляетъ ихъ совершенно.

ЗВУКЪ.

Если разбить камень на мелкіе куски, то каждый изъ этихъ кусковъ можно еще разбить на болѣе мелкіе кусочки; но и самую малѣйшую песчинку можно опять раздробить на нѣсколько частей, еще болѣе мелкихъ, и кажется, что нѣтъ такой маленькой частички, которую нельзя было бы раздѣлить еще на части. Но физики предполагаютъ, что есть такія маленькія частички, которыхъ уже нельзя раздробить болѣе; но что эти частички такъ малы, что мы не можемъ ни видѣть ихъ по одиначкѣ, ни ощупать рукой. Такія *недѣлимыя* болѣе уже частички, физики назвали *атомами*, и предполагаютъ, что изъ атомовъ состоитъ всякое тѣло: твердое, жидкое и воздухообразное. Въ твердыхъ тѣлахъ атомы сильно держатся другъ за друга, въ жидкихъ слабѣе, въ газообразныхъ еще слабѣе. Въ тѣлахъ упругихъ (какъ напр. стальная пружина или кусокъ резины) атомы, положеніе которыхъ нарушено какою нибудь постороннею силою, какъ только эта сила перестанетъ дѣйствовать, стремятся опять прійти въ прежнее положеніе: кусокъ резины, если его перестанутъ растягивать, опять сожмется; стальная пружина, если её перестанутъ гнуть, опять выпрямится. Одни тѣла имѣютъ болѣе упругости, другія менѣе. Воздухъ— одно изъ самыхъ упругихъ тѣлъ.

Если мы бросимъ камень въ воду, то положеніе частичекъ воды нарушится: она заколышется и отъ того мѣста, гдѣ упалъ камень, пойдутъ по поверхности воды круговыя волны, которыя, всё расширяясь болѣе и болѣе, становятся всё менѣе замѣтными и, наконецъ, исчезаютъ. Если волна дойдетъ до берега, то ударится о него и нѣсколько отхлынетъ назадъ. Долго волнуется рѣка, по которой пролетитъ быстрый пароходъ, и долго волны, поднятыя имъ, бьются о берега, всякій разъ отражаясь назадъ. Если маленькая лодочка пойдетъ по рѣкѣ вслѣдъ за пароходомъ, то ее долго качаетъ и подкидываетъ.

То же самое должно дѣлаться и въ воздухѣ, который какъ вода, обливаетъ землю со всѣхъ сторонъ, съ тою только разницею, что волненія воды мы видимъ, а волненія воздуха мы видѣть не можемъ, потому что не видимъ самаго воздуха. Когда покой атомовъ, составляющихъ воздухъ, нарушенъ ударомъ, то эти атомы дрожатъ, ходятъ взадъ и впередъ и приводятъ въ движеніе сосѣдніе атомы, тѣ въ свою очередь толкаютъ другіе, и такимъ образомъ дрожь атомовъ

воздуха распространяется на большое пространство; но чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлается слабѣе; точно такъ же какъ и волны воды, въ которую вы бросите камень. Если же дрожитъ какое нибудь другое упругое тѣло, наприм. струна, то и воздухъ, прикасающійся къ этому тѣлу, также начинаетъ дрожать, и эта дрожь воздуха быстро распространяется на значительное разстояніе. Съ воздухомъ въ этомъ случаѣ дѣлается то же самое, что дѣлается съ водою, если вы нальёте ее въ стаканъ и начнете стучать по краю сосуда. Дрожь сосуда сообщится водѣ и по ней пойдутъ маленькія волны.

Наоборотъ, если какое нибудь твердое тѣло будетъ находиться посреди всколыханнаго, дрожащаго воздуха, то волны воздуха будутъ биться о него, точно такъ же, какъ волны моря бьются о берега; если же предметъ маленькій и легкій, то станутъ колебать его, какъ колебали лодочку волны рѣки, по которой пролетѣлъ пароходъ. Повѣсьте листъ бумаги не въ дальнемъ разстояніи отъ пустаго стакана или отъ струны, начните ударять по стакану или заставьте дрожать струну, и вы увидите, что взволнованный воздухъ заставитъ дрожать и листъ бумаги. Бумага, конечно, не можетъ чувствовать, что она дрожитъ; но если вмѣсто бумаги мы представимъ себѣ нервъ слуховой животнаго, одареннаго чувствомъ, то поймемъ, что животное можетъ ощущать дрожаніе нерва и слѣдовательно дрожаніе воздуха. Такіе именно нервы находятся во внутреннемъ слуховомъ органѣ животныхъ, и кончики этихъ нервовъ плаваютъ тамъ въ жидкости, которую колышетъ взволнованный воздухъ, ударяясь о перепонку, закрывающую эту жидкость, какъ ударяются волны рѣки о берега. Ощущеніе, которое испытываетъ слуховой нервъ, когда дрожащій воздухъ заставляетъ его самого дрожать, называется *звукомъ*.

Струна дрожитъ и заставляетъ также дрожать воздухъ; дрожаніе воздуха, сообщаясь отъ атома къ атому, доходитъ до уха и заставляетъ дрожать натянутую въ немъ перепонку; отъ дрожи перепонки дрожитъ находящаяся за ней жидкость; отъ дрожанія жидкости дрожатъ плавающіе въ ней концы слуховыхъ нервовъ; а дрожаніе слуховыхъ нервовъ кажется животному звукомъ. Въ безвоздушномъ пространствѣ звуковъ не бываетъ, хотя бы язычокъ колокольчика бился о его стѣнки, или хотя бы натянутая струна дрожала. Кожа барабана звучитъ, когда по ней бьютъ; струна скрипки, когда по ней тянутъ смычкомъ; колонна воздуха, находящаяся внутри трубы, флейты, свистка, — когда на нее сильно дуютъ. Во всѣхъ этихъ

случаяхъ дрожатъ сначала атомы звучащаго тѣла, отъ нихъ атомы воздуха, а отъ нихъ атомы слуховыхъ нервовъ.

Свѣтъ.

Теперь мы знаемъ, отчего происходитъ звукъ и что мы не слыхали бы звуковъ, если бы не было воздуха. Но отчего происходитъ свѣтъ? Мы можемъ сколько угодно колебать воздухъ и хотя будемъ слышать звуки, но свѣта не увидимъ; слѣдовательно свѣтъ происходитъ уже не отъ колебаній воздуха. Причины, отъ которой происходитъ свѣтъ, никто вполнѣ не знаетъ; но чтобы объяснить это явленіе хоть сколько нибудь, ученые предполагаютъ, что весь міръ наполненъ особымъ, невидимымъ, чрезвычайно-тонкимъ газомъ, *эѳиромъ*. Эѳиръ, говорятъ ученые, такъ тонокъ и такъ легокъ, что его нельзя ни ощупать, ни взвѣсить; но также, какъ и воздухъ, эѳиръ состоитъ изъ атомовъ, также упругъ, также можетъ дрожать, и эта дрожь также распространяется волнами и волны эти отражаются отъ всякаго тѣла. Но колебать тонкія частички эѳира можетъ только пламя быстрыми движеніями горящихъ частицъ: вотъ почему свѣтъ распространяется отъ горящихъ тѣлъ. Солнце, какъ думаютъ ученые, постоянно окружено пламенемъ, и это пламя заставляетъ дрожать на огромное пространство частички эѳира, наполняющаго вселенную. Дрожь эѳира распространяется несравненно быстрѣе, чѣмъ дрожь воздуха, и въ нѣсколько секундъ доходитъ отъ солнца до земли. Достигая до земли, волны дрожащаго эѳира отражаются отъ нея и отъ всѣхъ находящихся на ней предметовъ, какъ волны возмущенной рѣки отражаются отъ берега; а отраженныя волны эѳира доходятъ до глазъ человѣка.

Наши слуховые нервы, а тѣмъ болѣе нервы осязанія, слишкомъ грубы для того, чтобы ощущать дрожаніе такого тонкаго вещества, каковъ эѳиръ. Для этого есть у насъ особые нервы, одаренные гораздо большею чувствительностію,—нервы зрѣнія, идущіе отъ мозга къ глазамъ. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ, какъ дрожаніе свѣтоваго эѳира сообщается зрительнымъ нервамъ, мы должны познакомиться съ однимъ свойствомъ свѣта.

Дрожащій эѳиръ, или свѣтъ, имѣетъ свойство проникать сквозь воду, стекло и воздухъ. Такія тѣла, сквозь которыя проникаетъ свѣтъ, называются прозрачными, а такія, сквозь которыя свѣтъ не проникаетъ, напримѣръ дерево, называются непрозрачными. Когда

мы закрываемъ ставнями окна, то дрожаніе эѳира, идущее отъ солнца, не можетъ проникнуть въ комнату, и мы ничего въ ней не видимъ; но если зажжемъ свѣчу, то пламя свѣчи заставитъ дрожать эѳиръ, находящійся въ комнатѣ; а волны дрожащаго эѳира, отражаясь отъ стѣнъ и всѣхъ предметовъ, находящихся въ нашей комнатѣ, будутъ доходить до нашего глаза. За зрачкомъ глаза находится прозрачное, какъ хрусталь, вещество, а за этимъ веществомъ расположена цѣлая сѣтка зрительныхъ нервовъ. Но такъ какъ дрожащій эѳиръ свободно проходитъ сквозь прозрачныя тѣла, то, слѣдовательно, дойдетъ и до зрительныхъ нервовъ, заставитъ дрожать атомы этихъ нервовъ, а эта дрожь покажется намъ свѣтомъ.

Каждый предметъ мы видимъ при солнечномъ свѣтѣ только потому, что волны дрожащаго эѳира, отражаясь отъ каждой точки предмета, доходятъ до нашего глаза.

Чѣмъ сильнѣе дрожаніе эѳира, тѣмъ свѣтъ ярче; чѣмъ слабѣе, тѣмъ и свѣтъ слабѣе. Если же между освѣщеннымъ предметомъ и нашимъ глазомъ мы поставимъ темное, непрозрачное тѣло, то волны эѳира, отраженныя отъ предмета, не будутъ доходить до нашего глаза и мы перестанемъ видѣть предметъ.

Отъ всякаго горящаго тѣла, а слѣдовательно и отъ солнца, окруженнаго пламенной атмосферой, дрожь эѳира распространяется во всѣ стороны лучами, по прямымъ линіямъ. Но если лучъ свѣта попадаетъ изъ болѣе жидкаго прозрачнаго тѣла въ болѣе плотное, тоже прозрачное, какъ напримѣръ изъ воздуха въ стекло или въ воду, то измѣняетъ свое направленіе, *преломляется*. Если вы въ свѣтлый солнечный день всунете палку въ воду, такъ что половина ея останется на верху, то палка вамъ представится переломленною, хотя она конечно цѣла.

Но почему же мы видимъ луну ночью, почему и она распространяетъ свѣтъ, хотя и не такой яркій, какъ солнце? Нѣтъ ли пламени и вокругъ луны? Нѣтъ, она свѣтитъ не своимъ собственнымъ свѣтомъ, а тѣмъ, который получаетъ отъ солнца; потому что съ луны бываетъ видно еще солнце, когда съ той части земли, гдѣ мы находимся, его уже не видать больше. Солнечные лучи, отражаясь отъ луны, доходятъ до земли, и вотъ почему луна кажется намъ свѣтлою. Точно также свѣтлымъ кажется намъ всякій предметъ, освѣщенный свѣчею, хотя самой свѣчи мы можемъ въ это время и не видѣть.

ТЯЖЕСТЬ.

Лѣтъ за полтораста до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ геніальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился въ 1642 и умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія; но теперь въ умѣ его родился вопросъ: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло кверху или въ сторону? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину и спросилъ себя: какая причина, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ должно быть находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, тогда какъ земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, — и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать далѣе и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ, легкихъ тѣлъ, т.-е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щепка, пущенная на воду, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристаютъ къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня; т.-е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станетъ удерживать её сзади, то перетянетъ тотъ,

кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей, то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно также, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, притягиваются другъ къ другу; но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли, гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, какъ онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ, какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это большее или меньшее притяженіе земли и даетъ большую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравнивая тяжесть тѣла съ какою нибудь испытанною тяжестью, напр. съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д. Но отъ чего же одни тѣла тяжелѣе другихъ? Отъ чего земля сильнѣе притягиваетъ кусокъ желѣза, чѣмъ такой же кусокъ пробки? Мы уже читали, что всякое тѣло, по предположенію ученыхъ, состоитъ изъ атомовъ: чѣмъ больше этихъ атомовъ стѣснилось въ тѣлѣ, тѣмъ сильнѣе притягиваетъ его земля, чѣмъ меньше, тѣмъ притяженіе земли слабѣе. Вотъ почему плотный кусокъ желѣза сильнѣе притягивается къ землѣ, чѣмъ кусокъ пробки такой же величины.

Желая опредѣлить тяжесть всѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло притягивается землею, ученые стали сравнивать тяжесть каждаго тѣла съ тяжестью совершенно чистой воды, и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиной разъ легче стакана ртути; что желѣзо въ восемь съ половиной разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать съ половиной и т. д. Такой вѣсъ тѣлъ, взятый сравнительно съ вѣсомъ чистой воды того же объема, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ вѣсомъ*.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, если бы оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее—и вы увидите, что такая масса воды будетъ въ нѣсколько разъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ, потому что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльнаго вѣса* воды. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена; а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнув-

шаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ; точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но всѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ въ ту сторону, куда ихъ бросили; но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна, съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая—притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу.

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли и земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, а земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а земля вокругъ солнца съ необыкновенною силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе: слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Ньютонъ убѣдился, что всѣ они падаютъ съ одинаковою скоростью, если имъ не мѣшаетъ воздухъ, нѣсколько задерживающій падающія тѣла. Кромѣ того Ньютонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость, по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія пролетаетъ 16 футовъ, то во вторую пролетитъ 16×3, т.-е. 48 футовъ; въ третью 16×5, т.-е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7, т.-е. 112 ф. и т. д.

Приложивъ открытый имъ *законъ* тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открылъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ астрономіи.

ОТДѢЛЪ VII.

ВЗГЛЯДЪ ЗА ПРЕДѢЛЫ ДѢТСКАГО МІРА.

ПРИГЛАШЕНІЕ ВЪ ДАЛЬ.

Кто сидитъ у себя дома, въ своей родной деревнѣ или въ своемъ родномъ городкѣ, тому, можетъ-быть, очень хорошо, и не хочется никуда въ даль. Но, когда блестящее солнце встаетъ поутру во всемъ своемъ величіи и скрывается вечеромъ за ближнею горою, когда мѣсяцъ гуляетъ по небу, или маленькимъ, блѣднымъ рожкомъ, или полнымъ, блестящимъ кругомъ, а небо усыпано звѣздами, изъ которыхъ одна блеститъ лучше другой; то не спрашиваетъ ли себя мирный домосѣдъ: откуда выходитъ солнце утромъ и куда скрывается оно вечеромъ? зачѣмъ гуляетъ по небу мѣсяцъ? куда онъ прячется днемъ? отъ чего мѣняетъ онъ свою физіономію? и что это за блестящія точки, которыя смотрятъ на насъ съ неба тысячами мигающихъ глазокъ? И дѣльно дѣлаетъ тотъ, кто задаетъ себѣ такіе вопросы.

Небо—великая книга, въ которой блестящими буквами написаны премудрость, всемогущество и благость Господа. Можно много занимательнаго и полезнаго прочесть въ этой книгѣ; но надобно прежде выучиться понимать языкъ, на которомъ она написана.

ВБЛИЗИ И ВДАЛИ.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальнозоркій человѣкъ будетъ видѣть однѣ только чернѣющіяся строчки и много-много, если различитъ большія буквы. Пусть же кто нибудь возьметъ въ руки эту книгу и, продолжая держать ее такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить

съ нею все дальше и дальше: за десять, за пятнадцать саженей строчки исчезнутъ; саженей за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженей дальше — и не только нельзя будетъ разобрать, что держитъ уходящій человѣкъ въ рукахъ, но и самаго человѣка трудно уже будетъ узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человѣка, а за пять, за шесть — и весь человѣкъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою почти неподвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро: еще нѣсколько саженей далѣе — и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различаете широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы; но черезъ минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетаетъ съ прежнею быстротою: еще минута, другая — пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезаетъ въ синевѣ небесной.

Случалось ли вамъ видѣть приближеніе паровоза, когда онъ несется по прямой, какъ стрѣла, желѣзной дорогѣ? Сначала вы видите вдали какую-то повидимому неподвижную точку; но эта точка все растетъ и растетъ, движется все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ, минутъ черезъ десять, громадный паровозъ, таща за собою длинную вереницу вагоновъ, съ неимовѣрною быстротою проносится мимо васъ.

Всѣ предметы, какъ бы они велики ни были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся. Верстъ за десять большой домъ покажется на горизонтѣ чуть замѣтною точкою; верстъ за двадцать пять и порядочный городъ будетъ небольшимъ пятномъ; а за шестьдесятъ, за семьдесятъ верстъ высокія горы, вершины которыхъ уходятъ за облака, кажутся намъ не болѣе маленькихъ холмовъ, чуть подымающихся надъ горизонтомъ.

Если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдали, вѣроятно догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое нибудь очень высокое зданіе, если его можно еще видѣть на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой нибудь предметъ на горизонтѣ на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то хотя бы этотъ предметъ казался вамъ неболь-

ше болотной кочки, вы безъ сомнѣнія подумаете, что это должна быть какая нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая вамъ кажется величиною съ большую тарелку, находится отъ васъ почти за 400 тысячь верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что луна на-самомъ-дѣлѣ только въ 49 разъ менѣе всей той земли, на которой мы живемъ. Но солнце, которое кажется намъ не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше! Можно себѣ представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ почти за 150 милліоновъ верстъ! Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце: какъ же должны быть велики эти маленькія звѣздочки, когда мы видимъ ихъ на такомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

ЗЕМЛЯ.

Мы уже знаемъ, что звѣздочки, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія земли, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если съ одной изъ этихъ звѣдочекъ можно было бы взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною блестящею точечкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, селъ и полей, много необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе двухъ третей всей земной поверхности занято водою: морями и океанами.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя не согласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть съ разу невозможно. Представьте себѣ, что по огромному, почти шарообразному куполу какой нибудь церкви ползетъ маленькая, очень маленькая мошка: трудно будетъ ей узнать форму этого купола и долго она проползаетъ по немъ, прежде чѣмъ узнаетъ, что это шаръ. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ,

меньше, чѣмъ маленькая мошка въ отношенiи самаго большаго церковнаго купола. И долго человѣкъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большаго *шара.*

Если человѣку удавалось быть на морѣ или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить—неизвѣстно. Были, правда, такiе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было немного и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошiе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше и дальше и нигдѣ не находя края земнаго. Наконецъ нашлись такiе смѣльчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, которая, если бы она ползла все прямо по куполу, хоть и не скоро, а опять бы, не возвращаясь назадъ, приползла къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

ГЛОБУСЪ.

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ потому, что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидитъ человѣкъ десять китоловъ; а лодка эта въ десять разъ меньше кита. Зная же, какъ великъ человѣкъ въ натурѣ, мы заключаемъ и о величинѣ громаднаго морскаго звѣря. На картинкахъ по большей части всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; за то возлѣ такой горы человѣка и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же нарисуемъ человѣка, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькiй холмикъ. На картинахъ, слѣдовательно, предметы изображаются по большей части въ уменьшенномъ видѣ, но пропорцiонально; т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинѣ одинъ предметъ, во столько же разъ уменьшенъ и другой,

Если же на картинѣ иногда рисуютъ человѣка больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человѣкъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ намъ кажется меньше.

На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на самомъ маленькомъ лоскуткѣ: стоитъ только вымѣрять, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на лоскуткѣ бумаги такой четвероугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ саженей. На этомъ маленькомъ четвероугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печка и т. д. Такъ же можемъ мы нарисовать и цѣлый садъ. Если мы нарисуемъ деревья, кусты, бесѣдки, и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т.-е. тѣ, которые поближе — въ большемъ видѣ, а тѣ которые дальше — въ меньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ садъ во всѣхъ направленiяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а потомъ означимъ на этой фигурѣ положенiе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ, всѣхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большаго города, означивъ на планѣ теченiе рѣки, положенiе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома по одиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стоитъ узнать названiе улицы и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать не только планъ дома, сада, города, но и планъ цѣлой большой страны и означить на этомъ планѣ всѣ рѣки, озера, моря, положенiе горъ, лѣсовъ, границы губернiй, города. Но понятно, что на такомъ планѣ рѣка, длиною въ двѣсти или триста верстъ, будетъ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною; цѣлый большой городъ — одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе уже не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что и нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всѣ предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ, или *карту*, всей земли! Здѣсь уже рѣка въ тысячу верстъ длиною будетъ небольшою черточкою въ полвершка.

Но какъ же нарисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющій землю, называется *глобусомъ*. Если же хотятъ представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земнаго шара, то обыкновенно рисуютъ её въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, каково полушаріе въ натурѣ, а плоскихъ: въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земнаго шара, въ другомъ—другой.

Взглянувъ на такую карту двухъ земныхъ полушарій, вы тотчасъ же узнаете, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земнаго шара и вся вмѣстѣ называется *океаномъ*. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками*, и между которыми разбросано множество маленькихъ *островковъ* и островковъ. По серединѣ материковъ вы замѣчаете еще воду въ видѣ озеръ или въ видѣ рѣкъ, изображаемыхъ тоненькими, извивающимися черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *заливы*; въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море и образуетъ *полуострова*. Иногда два моря, или заливъ съ моремъ, соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ*. Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ*. Большія части океана, лежащія у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются иногда *морями*.

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обоихъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше, чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи, гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ, на другомъ—Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ, потому что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Мы прочтемъ въ слѣдующей статьѣ, какъ и кто первый открылъ этотъ Новый Свѣтъ. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго, лежитъ Атлантическій океанъ, а къ западу—Тихій океанъ; на югѣ земнаго шара—Южный, а на сѣверѣ — Сѣверный или Ледо-

витый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земнаго шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распространяютъ теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Стараго Свѣта, Европа, Азія и Африка, окружаютъ довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе къ сѣверу жили дикія, необразованныя племена, незнавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіятскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ небольшой, но предпріимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорятъ даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки; а это, по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно-смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянъ ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Нилъ, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе къ западу, на африканскомъ же берегу, жили карѳагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикіи. Карѳагеняне были тоже народомъ торговымъ, и странствовали по тогдашнему времени довольно далеко, — ѣздили даже въ самую Англію, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на двухъ полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Аппенинскимъ, или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были люди очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею; но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю и выѣхать изъ Средиземнаго моря, за *Гибралтарскій проливъ*, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались не многіе. Если же какой нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, который казался тогда грекамъ и римлянамъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ

и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какую небольшую часть земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованныя, полудикія племена людей, и теперь не легко, а тогда было совершенно невозможно. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, слоновую кость, дорогія ткани и различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между-тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь, но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ то время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ*, и не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому нибудь такая мысль, то этого было бы еще недостаточно: согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карѳагенъ, Грецію и Египетъ, почти весь извѣстный міръ того времени и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карѳагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славились Венеція, Генуа, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добирались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море, за Гибралтарскій проливъ,—никто не рѣшался попробовать объѣхать вокругъ земной шаръ. Наконецъ нашелся человѣкъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человѣкъ былъ Христофоръ Колумбъ.

ХРИСТОФОРЪ КОЛУМБЪ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1436 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ пу-

тешествій, и уже въ то время запала у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль, и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англіи: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ, неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинанда и его супруги Изабеллы три небольшіе корабля и сто двадцать человѣкъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были все люди смѣлые и предпріимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу — и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старый міръ исчезъ позади мореходцевъ, впереди же разстилался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывутъ день, плывутъ другой, ничего не видно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходцы обрадовались, не зная еще какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывутъ еще нѣсколько дней и надежда начала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ, гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Заѣдемъ-то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, кроткое, постоянно ясное небо, тихое море — все было хорошо: Колумбъ радовался, что ему благопріятствовала погода; но спутники его, не имѣвшіе ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и можетъ быть скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, еслибы различныя, обманчивыя впрочемъ, явленія, по временамъ не пробуждали въ морякахъ надежды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ

лугомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ растеній были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другія были такъ свѣжи и зелены, какъ будто сейчасъ только отдѣлились отъ почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили берега Испаніи и, несмотря на всѣ явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ и впередъ, чтобы потомъ погубить ихъ. Матросы начинали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили — и не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега все невидать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что-бы-то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность такого расположенія умовъ; но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокоивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый откроетъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, командиръ котораго, стоя на палубѣ, махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ: «Земля, земля! Сеньоръ, мнѣ слѣдуетъ награда!» Все взволновалось: матросы полѣзли на мачты, карабкались по снастямъ и всѣ утверждали, что земля точно видна на юго-западѣ; самъ Колумбъ поколебался и велѣлъ поворотить на юго-западъ. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое всѣ приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ни что такъ дурно не дѣйствуетъ на мужество человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба флотилія его отъѣхала отъ Испаніи на семьсотъ семь морскихъ миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивалъ ни къ сѣверу, ни къ

югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастію адмирала, черезъ два дня снова показались птицы и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: «земля! земля!», что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто всполошитъ экипажъ напраснымъ крикомъ, теряетъ право на награду, еслибы потомъ и въ самомъ дѣлѣ увидалъ землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пеликанъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ казался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако прошло еще нѣсколько дней, а берега не было. Экипажъ начиналъ терять терпѣніе, и когда наконецъ, на семидесятый день пути, солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ, — на корабляхъ началось возмущеніе. Всѣ требовали, чтобы Колумбъ поворотилъ назадъ и положеніе его было самое отчаянное. Но къ великому счастію признаки земли на слѣдующій же день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова всѣ стали глядѣть впередъ и каждый желалъ первый увидать землю.

Оставшись ночью на палубѣ, Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удерживать въ повиновеніи своихъ матросовъ, — еще одинъ день и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонёкъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подозвалъ одного изъ своихъ спутниковъ, и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однакоже оба они молчали, потому что огонёкъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонёкъ до двухъ часовъ утра, когда наконецъ пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли — и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой виднѣлся ясно невдалекѣ, не болѣе, какъ па разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, такъ долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ.

Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Однакоже, несмотря на всю дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпуровое платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на деревьяхъ были очень красивые, но незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычайная прозрачность моря, придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя—и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Санъ-Сальвадоръ, что значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности, какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ спѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его ропотомъ и недовѣріемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовища, вынырнувшія ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе-то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, тогда бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени они ободрились и стали понемногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубаго неба на землю.

Внѣшность дикарей не выказывала ни богатства, ни образованія. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а бородъ у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и назвалъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америки, и даже самые острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вдѣланы камни, зубы животныхъ и рыбьи кости. Желѣза дикари, казалось, никогда не видали и, какъ дѣти, хватаясь неосторожно за блистающіе мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стеклянныя бусы и разноцвѣтные камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ, вкусные плоды и тюки хлопчатой бумаги. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Дикари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объясняли Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова, есть большая земля, гдѣ много золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жаждая бо́льшихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября, приблизился онъ къ большому острову Кубѣ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители при приближеніи кораблей покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ посѣтилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару сѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей, и кромѣ того собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса, покрытые плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зелень лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ;

крошечныя колибри, похожія на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; ряды ярко-красныхъ птицъ (фламинго) показываются иногда вдали; милліоны блестящихъ, какъ бриліанты, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды, и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отливаетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоцѣнными каменьями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали драгоцѣнныя жемчужины, поражала испанцевъ. Словомъ, Куба показалась Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испаньолой, или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

ВАСКО-ДЕ-ГАМА.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предпріимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно, объѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ король португальскій, Эмануилъ-Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человѣка.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй-Надежды, и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама также, какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софалъ; въ началѣ марта 1498 года достигли они Зангвебарскаго берега Африки. Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португаль-

цахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Ненависть къ христіанамъ, а болѣе всего опасеніе, чтобы богатая индѣйская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что столѣтій черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предпріимчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государство въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало по малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индѣйская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеція, Генуа и др. вели торговлю съ Индіею не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ непріятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предпріимчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ, какъ только онъ приставалъ гдѣ нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога въ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Калькутту, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами; но адмиралу удалось пріобрѣсть благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама основалъ на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софалъ, которыя существуютъ и въ настоящее время. Силою оружія наказалъ онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индѣйскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатью богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ

португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534-мъ году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный человѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, присутствіемъ духа, честностію, непоколебимою вѣрностью своему слову и истиннымъ благочестіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ Камоэнсъ.

МАГЕЛЛАНЪ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но ни тотъ, ни другой не объѣхали вокругъ земнаго шара. Это предстояло сдѣлать другому великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришло въ голову выполнить мысль, невыполненную Колумбомъ, и, отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства къ достиженію его великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ Южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но несмотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе: только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана въѣхалъ въ тотъ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной Земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива;

но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земнаго шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ недавно нашли еще такъ много золота, и найдите въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тринадцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленькій. Четыре мѣсяца плылъ по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. Погода все это время была такъ хороша и такъ тиха, съ небольшимъ попутнымъ вѣтромъ, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго мореходца, Магеллановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень спокойно и очень скоро; но теперь всякій матросъ знаетъ, что его ждетъ впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы и, пожалуй, многіе изъ нихъ думали, что вотъ доплывутъ до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и все идти впередъ, да впередъ.

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленькій флотъ, оказалась группою острововъ, на которыхъ жили дикари. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей, а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими, или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ сосѣднимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и признать своимъ властителемъ короля Испаніи. Магелланъ согласился, и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ обѣщалъ воевать. Но едва испанцы вступили во враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что ис-

панцы, видя какъ мало остается у нихъ зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы спѣшили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы устрашить дикихъ; но, къ несчастью, корабли, по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шелъ тише всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказывалъ своимъ товарищамъ спасаться. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиною въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забылъ всѣ свои обѣщанія и измѣннически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, сжечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молукскихъ островов и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ было воротиться въ Америку, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же, подъ начальствомъ Себастіана дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй-Надежды, возвратился въ Испанію 6-го сентября 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Витторія (по-испански—побѣда). Испанцы вытащили его на берегъ и хранятъ теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе не рѣдкость: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однѣхъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно объѣзжаютъ землю вокругъ. Особенно часто совершаютъ это путешествіе англійскіе корабли, которые, отправляясь изъ *метрополіи*, идутъ мимо мыса Доброй-Надежды въ англійскія же *колоніи*, находящіяся въ Австраліи, плывутъ потомъ по Тихому океану, и черезъ Магеллановъ проливъ, мимо мыса Горна, выѣзжаютъ въ Атлантическій океанъ; а тамъ уже прямая дорога до Англіи.

ВЕЛИКІЕ АСТРОНОМЫ.

Паровозъ движется въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ можетъ идти человѣкъ; но еслибы вокругъ земнаго шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, неостанавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю дней въ тридцать; потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37-ти тысячъ. Шаръ не маленькій! По вычисленію же ученыхъ земля, со всѣми своими камнями и металлами, имѣетъ почти тяжесть желѣза. Можете себѣ представить, какова должна быть тяжесть желѣзнаго шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но, объѣхавъ всю землю вокругъ, люди нигдѣ не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ — пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной* земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ тоже самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ болѣе чѣмъ въ 1000 милліоновъ верстъ въ окружности. Вокругъ самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокругъ солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и шесть съ лишнимъ часовъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою ужасною быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣть, не за что зацѣпиться; а останови ее что нибудь въ ея быстромъ полётѣ, хотя на мгновеніе, то отъ страшнаго сотрясенія погибло бы не только все живущее на землѣ; но и она сама разсыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то единственно обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ землею движется и воздухъ или *атмосфера*, окружающая землю прозрачнымъ слоемъ, верстъ въ пятьдесятъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ ея атмосферою; но совершенно не замѣчаемъ этого и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось быстро плыть въ лодкѣ или, еще лучше, на пароходѣ, тотъ вѣроятно замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бегутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно также, обращаясь съ запада на востокъ, вмѣстѣ съ

землею, мы видимъ, что солнце идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ничто подобное не можетъ убѣдить насъ въ движенiи земли; потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною; но тому, какъ они узнали наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она ворочается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество верстъ въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно люди, открывшие эти истины, были великiе, генiальные люди.

Первый, кому пришла въ голову мысль, что земля движется, былъ великiй греческiй мудрецъ, по имени Пиѳагоръ, жившiй болѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пиѳагоръ много путешествовалъ и вездѣ прилежно узнавалъ все, что знали другiе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецiю, Пиѳагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передавалъ имъ свои глубокiя свѣдѣнiя. Онъ сообщилъ имъ много очень умныхъ мыслей и между прочимъ говорилъ также, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходитъ на землѣ день и ночь, и что, когда какое нибудь мѣсто земнаго шара повертывается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пиѳагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствiяхъ и хотя былъ язычникъ, но вѣрилъ въ безсмертiе души, во всемогущество и благость Божiю; а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкiя несчастья жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ знанiй получалъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

Но, несмотря на слова Пиѳагора, люди не вѣрили въ движенiе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока

явился другой человѣкъ, подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XV-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что кажущаяся неподвижною земля безпрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мчится вокругъ солнца. Кромѣ того онъ убѣдился, что нѣкоторыя изъ звѣздочекъ не такъ неподвижны, какъ другія, и вмѣстѣ съ землею вертятся вокругъ солнца. Эти звѣзды, въ отличіе отъ *неподвижныхъ*, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были *планетами*. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи, и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился въ Фрауэнбургѣ до настоящаго времени и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ диру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, черезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

Открытіе Коперника хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особеннаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ итальянскомъ городѣ Пизѣ и учился такъ прилежно, что уже на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и пріобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашелъ, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло: принялся самъ за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ былъ еще очень плохъ; но, тѣмъ не менѣе, помогъ Галилею повѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды не маленькія искорки, а цѣлые большіе міры, движущіеся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощію своего, еще очень несовершеннаго, телескопа онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ телескопъ на луну, онъ увидалъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашелъ возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и что эти пятна

движутся, то скрываются, то вновь показываются, и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящейся атмосферой, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами *планету*, извѣстную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна, и иногда тоже превращается въ тоненькій рожекъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой большой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки; а наблюдая за движеніемъ этихъ звѣздочекъ, убѣдился, что это четыре луны, которыя съ различной быстротою обращаются вокругъ Юпитера, точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ: молодой профессоръ успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы разсказали здѣсь кое-какъ, въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало извѣстнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непремѣнно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго Писанія; тогда какъ, пренапротивъ, открытія Галилея показывали только безграничную премудрость Создателя и объясняли слова Іисуса Христа, который говорилъ ученикамъ, что въ домѣ Его Отца много есть жилищъ. Однакоже *инквизиція* (такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами) приговорила Галилея къ тюремному заключенію. Великаго, геніальнаго старца, который всю жизнь свою провелъ въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старикъ былъ выпущенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ онъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ:

«пусть будетъ по вашему, а все же она движется». За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы; но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провелъ остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человѣчество нѣсколькими новыми истинами. Скоро отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе; но до самой послѣдней минуты, пока владѣлъ еще однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слѣпота, глухота, безсонница и боль во всѣхъ членахъ, слѣдствіе тюремной сырости, отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6 января 1641 года, геніальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея покоится теперь въ церкви Святаго Креста во Флоренціи, а великій художникъ, Микель-Анджело, соорудилъ надъ нимъ прекрасный памятникъ.

Въ концѣ того самаго года, когда умеръ Галилей, родился въ Англіи Исаакъ Ньютонъ, дивный человѣкъ, которому суждено было далеко распространить открытія Коперника и Галилея. Мы уже знаемъ кое-что о Ньютонѣ, и здѣсь повторимъ только, что онъ первый открылъ законъ взаимнаго притяженія между всѣми тѣлами, земными и небесными, и доказалъ, что по тому же самому закону, по которому земля притягиваетъ яблоко, луна притягивается землею, земля и всѣ другія планеты—солнцемъ, а солнце какимъ-то далекимъ, неизвѣстнымъ тѣломъ. Онъ открылъ возможность измѣрять величину отдаленныхъ планетъ, разстояніе ихъ отъ земли, взвѣшивать ихъ тяжесть, исчислять быстроту ихъ движенія и съ величайшей точностью опредѣлять путь каждой изъ нихъ. Послѣ Ньютона астрономы стали предсказывать минута въ минуту не только затмѣнія солнца и луны, но и появленіе кометъ, изъ которыхъ иныя появляются чрезъ многія сотни лѣтъ.

Будучи однимъ-изъ величайшихъ людей, какіе когда либо существовали на земномъ шарѣ, по истинно необычайному уму своему, Ньютонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи, и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностію движенія безчисленныхъ міровъ,

взвѣшивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной. Во всемъ же, что удавалось ему открыть, онъ признавалъ помощь Творца — источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было подумать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона! Однакоже, пришелъ часъ смерти — и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, чье имя онъ вспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 году, на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

Вотъ какіе великіе люди открыли намъ движеніе земли, планетъ и другихъ небесныхъ тѣлъ. Въ настоящее же время уже всякій, сколько нибудь образованный человѣкъ знаетъ, что земля вертится вокругъ самой себя и съ тѣмъ вмѣстѣ движется вокругъ солнца.

Недавно открыли весьма легкій способъ доказывать очевидно движеніе земли. Земля движется, слѣдовательно движутся и всѣ точки ея поверхности, а слѣдовательно движется и полъ нашей комнаты. Но если къ потолку высокой комнаты привѣсить на тонкой длинной ниткѣ или проволокѣ тяжелый маятникъ и покачнуть его въ какую нибудь сторону, то, какъ доказали ученые, онъ будетъ качаться и взадъ и впередъ по одному направленію, не перемѣняя его съ движеніемъ земли. Если же на полу комнаты насыпать песку, такъ чтобы маятникъ, качаясь, оставлялъ на немъ черточки, то эти черточки не будутъ проходить по одной и той же линіи, а станутъ ложиться одна возлѣ другой, пересѣкая другъ друга. Этого не могло бы быть, еслибы полъ оставался на одномъ и томъ же мѣстѣ въ пространствѣ.

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ земля, а надъ головою небо: не низкій потолокъ, до котораго иногда не трудно достать и рукою, но громадно-высокій, чистый какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высокомъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ множество замѣчательныхъ явленій: днемъ — ярко блистающее солнце, ночью—кротко сіяющую луну, миріады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка между ними бродячую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того почти всегда носится по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то̀ темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то̀ будто вылитыхъ изъ серебра, то̀ отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громадныхъ торжественныхъ воротъ, протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ни что̀ не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ голубой, высоко подымающійся въ срединѣ небесный сводъ краями своими упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, въ которой небо сходится съ землею, кажется намъ громаднымъ кругомъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ — заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячи верстъ и вы нетолько не выйдете изъ этого круга, но будете всегда находиться какъ-разъ посерединѣ его. Этотъ дивный кругъ ученые называютъ *горизонтомъ*.

Не удивительно, что въ то время, когда всякій жилъ больше дома, на родинѣ, люди думали, что небо есть громадный хрустальный сводъ, стоящій краями своими на землѣ, какъ чаша, опрокинутая на столъ. Но вотъ люди стали путешествовать и по морю, и по землѣ, забираясь каждый разъ всё дальше и нигдѣ не доѣзжая до краевъ небеснаго свода. Напротивъ, куда ни заѣзжалъ человѣкъ, хотя бы за много тысячъ верстъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, подымающійся высоко надъ головою и себя въ срединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самою высокою точкою свода.

Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что, слѣдовательно, оно кажется намъ только сводомъ; на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, обливающій землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ (*атмосфера* имѣетъ верстъ пятьдесятъ въ толщину) кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ го-

лубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а плаваютъ въ воздухѣ.

Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть ни что иное, какъ преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочекъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновеніе разноцвѣтная радуга. Слѣдовательно, радуга только кажется намъ дугою, а небо — только кажется намъ сводомъ.

Мы уже знаемъ, какъ умные люди убѣдились въ томъ, что земля есть шаръ, который нигдѣ не держится на подставкахъ, а несется въ пространствѣ, обращаясь вокругъ самого себя и въ то же время обходя вокругъ солнца. Но недурно было бы узнать подробнѣе, какъ это такъ вертится земля и что отъ этого происходитъ.

Посмотрите, какъ вертится волчокъ, и вы замѣтите, что часто онъ *вертится, стоя на одномъ мѣстѣ:* остріе ножки, на которомъ стоитъ волчокъ, мѣста не перемѣняетъ; но тѣмъ не менѣе весь волчокъ вертится, и каждая точка его головки описываетъ круги и мѣняетъ мѣста такъ быстро, что отверстіе, сдѣланное въ головкѣ волчка, кажется намъ темноватымъ пояскомъ. Вы вѣроятно умѣете заставить круглую монету вертѣться быстро по гладкому столу и вѣроятно замѣчали, что часто и она, какъ волчокъ, вертится на одномъ мѣстѣ. Но присмотритесь внимательнѣе, и вы замѣтите, что монета, при быстромъ движеніи, кажется намъ полупрозрачнымъ шаромъ, въ серединѣ котораго протянута темноватая линія. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линіи. Что же это такое за линія, которую мы видѣли, когда монета вертѣлась? Это именно та линія въ монетѣ, которая не перемѣняла мѣста, когда всѣ другія точки монеты описывали круги вокругъ этой линіи, и описывали ихъ такъ быстро, что вся монета казалась намъ вертящимся шаромъ. Возьмите ту же монету между двумя пальцами, такъ, чтобы, ударяя по одному ея краю, вы могли заставить ее вертѣться, и вы увидите, что вся монета вертится, но мѣста своего не перемѣняетъ или, лучше сказать, что всѣ точки монеты обращаются, кромѣ тѣхъ двухъ точекъ, къ которымъ вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линіи, которую можно провести между этими двумя точками, и которая казалась намъ темноватою линіею, когда монета быстро вертѣ-

лась. То же самое будетъ конечно, если вмѣсто монеты мы будемъ вертѣть шарикъ; только линіи, не перемѣняющей своего мѣста, вы не замѣтите, потому что она будетъ внутри шара.

Такъ какъ земля есть тоже вертящійся шаръ, то и въ ней, какъ въ каждомъ вертящемся шарѣ, должны быть двѣ точки, которыя при обращеніи шара не перемѣняютъ своего мѣста. Эти двѣ точки на земномъ шарѣ называются *полюсами*: одинъ *сѣвернымъ* полюсомъ, а другой *южнымъ*. Линія же, соединяющая эти точки, неперемѣняющая своего мѣста, какъ та тёмненькая линія, которую мы замѣтили въ серединѣ вертящейся монеты, называется *земною осью*; потому что она также не перемѣняетъ своего мѣста, какъ и ось вертящагося колеса. Земная ось соединяетъ оба полюса, сѣверный и южный, и проходитъ черезъ самый центръ земнаго шара. Но разумѣется само-собою, что еслибы вы могли разрѣзать шаръ земной вдоль оси на двѣ равныя половины, какъ разрѣзываютъ яблоко, то не увидѣли бы тамъ никакой оси, какъ не видали и тёмненькой линіи посрединѣ остановившейся монеты. Земная ось только *предполагаемая* линія, вокругъ которой вращаются всѣ точки земнаго шара, и описываютъ круги тѣмъ больше, чѣмъ дальше отстоятъ отъ оси, а на поверхности шара отъ полюсовъ, составляющихъ окончанія оси.

Если на краю вертящейся монеты вы сдѣлали прежде нѣсколько мѣтокъ въ разныхъ мѣстахъ, то убѣдитесь, что чѣмъ ближе мѣтка къ одной изъ тѣхъ двухъ точекъ, которыя прикасаются къ вашимъ пальцамъ, тѣмъ ме́ньшій кругъ будетъ она описывать при обращеніи монеты. Самый же большой кругъ будетъ описывать та мѣтка, которую вы положите посерединѣ, въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ точекъ, не перемѣняющихъ мѣста. Точно также и на земномъ шарѣ: чѣмъ дальше отстоитъ какое нибудь мѣсто отъ обоихъ полюсовъ разомъ, тѣмъ бо́льшій кругъ будетъ описывать оно при обращеніи земнаго шара. Но какая же точка на поверхности земнаго шара будетъ дальше всѣхъ отъ обоихъ полюсовъ разомъ? Конечно та, которая лежитъ посерединѣ, т.-е. въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Такихъ точекъ можно конечно наставить на шарѣ множество одна возлѣ другой; но всѣ эти точки вмѣстѣ составятъ одну круговую линію. Этотъ кругъ, всѣ точки котораго находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, можетъ быть конечно только одинъ. Такой кругъ на земномъ шарѣ называется *экваторомъ*. На глобусѣ экваторъ чертятъ; но на земномъ шарѣ конечно никто его не начертилъ, и этотъ кругъ такой же *предполагае-*

мый кругъ, какъ земная ось предполагаемая линія. Такъ какъ экваторъ опоясываетъ землю въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, то слѣдовательно и раздѣляетъ землю на двѣ равныя половины, на два равныхъ *полушарія*: изъ которыхъ одно, гдѣ находится сѣверный полюсъ, называется *сѣвернымъ*, а другое, противоположное, *южнымъ* полушаріемъ. Это не тѣ полушарія, которыя произойдутъ, если мы разрѣжемъ землю вдоль оси: тѣ полушарія будутъ уже не сѣверное и южное, а восточное и западное.

Проведите какую угодно прямую линію по поверхности шара — то эта линія не будетъ уже совершенно прямая линія, а будетъ дуга. Если же вы будете вести линію всё прямо и прямо по поверхности шара, то наконецъ обойдете весь шаръ и начертите на немъ правильный кругъ. Замѣтьте же какую нибудь точку на экваторѣ и ведите отъ нее линію по поверхности шара всё прямо къ сѣверному полюсу; потомъ отъ сѣвернаго полюса по другой сторонѣ шара, не отклоняясь ни вправо, ни влѣво, ведите ту же линію къ южному полюсу; достигнувъ южнаго полюса, ведите далѣе, до экватора, и если вы проводили вашу линію вѣрно, не отклоняясь ни направо, ни налѣво, ни къ востоку, ни къ западу, то она непремѣнно придетъ къ той точкѣ, отъ которой вы начали её вести, и вы начертите совершенно правильный кругъ, который пройдетъ черезъ оба полюса и пересѣчетъ экваторъ въ двухъ точкахъ. Такой кругъ, проходящій чрезъ оба полюса, называется *полуденникомъ* или *меридіаномъ*. Подумавъ немного, вы поймете и сами, что тогда, какъ экваторъ можно провести только одинъ, полуденниковъ можно провести безчисленное множество: всѣ эти полуденные круги, сколько бы вы ихъ ни провели, непремѣнно пересѣкутся между собою въ каждомъ изъ полюсовъ. Вы легко также сообразите, что всѣ эти полуденники будутъ одинаковой величины.

Не то произойдетъ, если вмѣсто того, чтобы проводить круги черезъ полюсы, вы станете проводить ихъ *параллельно* экватору, т. е. такъ, чтобы всѣ точки проводимаго вами круга находились на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Вы увидите, что всякій кругъ параллельный экватору, будетъ меньше экватора и тѣмъ меньше, чѣмъ дальше онъ будетъ отъ экватора и чѣмъ ближе къ полюсу. Такихъ круговъ, точно такъ же какъ и полуденныхъ, можно провести безчисленное множество; но конечно одинъ никогда не сойдется съ другимъ, какъ не сходятся никогда двѣ параллельныя линіи. Такіе, тоже воображаемые, круги называютъ *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Черезъ всякую точку земнаго шара можно провести параллельный кругъ и полуденникъ, а слѣдовательно ихъ можно провести и черезъ ту точку, на которой мы теперь находимся. Станемъ же на точку, гдѣ пересѣкутся эти два круга и, оборотившись лицомъ *къ югу*, будемъ наблюдать, какъ ходитъ солнце по небу. Прежде всего мы замѣтимъ, что утромъ солнце покажется изъ-за горизонта, на *востокѣ*, и будетъ подыматься всё выше и выше, а потомъ станетъ спускаться, всё ниже и ниже, и наконецъ спрячется за горизонтомъ, *на западѣ*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себѣ слѣдъ, то мы увидѣли бы дугу, подобную дугѣ радуги, и эта дуга однимъ концомъ упиралась бы въ горизонтъ на западѣ, а другимъ на востокѣ. Самая высшая точка этой дуги будетъ та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будетъ какъ-разъ посерединѣ дуги, такъ что солнце употребляетъ столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спуститься отъ нея къ западу. Слѣдовательно въ этой *срединной* точкѣ солнце бываетъ какъ-разъ посреди дня, т.-е. ровно въ 12 часовъ. Еслибы мы могли съ точностію замѣтить, когда солнце бываетъ въ этой точкѣ, то намъ ничего не стоило бы повѣрять наши часы. Но слѣдить за ходомъ солнца и подмѣтить ту точку, съ которой оно начинаетъ спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно, довольно легкое средство повѣрять часы по солнцу. Стоитъ только на чистомъ и открытомъ мѣстѣ, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ, и которое бы съ утра до вечера освѣщалось солнцемъ, воткнуть въ землю отвѣсно палку и замѣчать цѣлый день, какъ падаетъ на бѣлый песокъ тѣнь отъ этой палки. Когда солнце поутру покажется на востокѣ изъ-за горизонта, то отъ палки протянется по направленію къ западу такая длинная тѣнь, что трудно даже замѣтить, гдѣ она оканчивается (*). Къ западу тѣнь протянулась потому, что солнце свѣтитъ съ востока; длинна же она потому, что солнце очень низко, на самомъ горизонтѣ, и бросаетъ оттуда очень косвенныя, почти скользящія по землѣ, лучи. Мы замѣтимъ также, мимоходомъ, что эти косвенные лучи освѣщаютъ предметы хорошо, но грѣютъ мало. Чѣмъ выше будетъ подыматься солнце, тѣмъ тѣнь отъ палки будетъ становиться короче и подвигаться по направленію отъ запада къ востоку. Въ полдень тѣнь будетъ самая короткая и бу-

---

(*) Отыскать настоящій меридіанъ мѣста весьма не трудно: см. приложенный въ концѣ книги чертежъ.

детъ падать по направленію отъ юга къ сѣверу. Тѣнь отъ палки будетъ направлена къ сѣверу, потому что солнце въ полдень стоитъ на югѣ; коротка она будетъ потому, что солнце стоитъ высоко и бросаетъ на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какіе бросало утромъ. При этомъ мы замѣтимъ также, что эти почти *отвѣсные* лучи грѣютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ, косвенные, которые бросало солнце утромъ. Наблюдая далѣе, мы замѣтимъ, что послѣ полудня тѣнь отъ палки начнетъ снова увеличиваться и при закатѣ солнца будетъ такою же длинною, какою была при восходѣ, только протянется уже не къ западу, а къ востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ниже станетъ спускаться солнце къ горизонту, чѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи на землю, тѣмъ и грѣть они будутъ всё слабѣе и слабѣе. Если же полуденный жаръ не начинаетъ спадать тотчасъ послѣ 12-ти часовъ то это безъ сомнѣнія потому, что за день воздухъ, земля и всѣ тѣла на землѣ нагрѣются сильно и не скоро успѣютъ охладиться; но къ вечеру солнце всё же станетъ грѣть гораздо слабѣе. Отмѣчая на пескѣ движеніе тѣни, отбрасываемой палкою, мы замѣтимъ и ту точку, когда тѣнь была самою короткою и отъ которой она стала опять увеличиваться и повернула къ востоку. Въ то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тѣнь, оно стояло на срединѣ своего пути отъ востока на западъ; слѣдовательно въ эту минуту былъ ровно полдень, т.-е. 12 часовъ. Такъ, или почти такъ, устроиваются и солнечные часы, самые вѣрные часы на свѣтѣ, только очень неудобные, потому что въ пасмурный день палка не будетъ отбрасывать тѣни. Отмѣтимъ на пескѣ линіею самую короткую полуденную тѣнь, и эта линія пройдетъ какъ-разъ по направленію нашего полуденнаго круга будетъ небольшимъ кускомъ меридіана. Вотъ почему этотъ кругъ и называется полуденникомъ или меридіаномъ: когда солнце станетъ надъ нимъ прямо, тогда бываетъ у насъ полдень.

Теперь предположимъ себѣ, что мы обладаемъ съ вами *ковромъ-самолётомъ*, на которомъ въ одно мгновеніе можно перелетать тысячи верстъ. Повѣримъ свои часы по солнцу и, сѣвши на диковинный коверъ, полетимъ сначала на востокъ, придерживаясь одного и того же параллельнаго круга; пролетимъ нѣсколько сотъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы наблюдали солнце и остановимся дѣлать новыя наблюденія. Здѣсь надъ нами будетъ такой же сводъ неба, упирающійся въ землю краями, вокругъ такой же горизонтъ, и солнце, идя по небу, будетъ описывать такую же огромную дугу. Устроимъ опять солнечные часы и замѣтимъ на нихъ, когда бываетъ полдень. Взглянемъ же

теперь на наши карманные часы: что это сдѣлалось съ ними? какъ они страшно отстаютъ? На нихъ всего еще 10 часовъ, тогда какъ на солнечныхъ уже 12-ть. Но не браните напрасно ваши карманные часы; они ни въ чемъ не виноваты: они показывали время исправно только для того мѣста, на которомъ мы ихъ поставили по солнцу. На оставленномъ нами мѣстѣ дѣйствительно теперь только 10 часовъ и только черезъ два часа настанетъ тамъ полдень. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ полдень бываетъ раньше, и наоборотъ: чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ полдень настаетъ позже. Но еслибы мы потому же параллельному кругу пронеслись въ одно мгновеніе на противоположную точку земнаго шара, то увидѣли бы, что часы наши опять показываютъ вѣрно, только на небѣ вовсе нѣтъ солнца: часы же наши показываютъ полночь.

Но возвратимся опять на то мѣсто, гдѣ мы устроили первые солнечные часы и, усѣвшись въ полдень на коврѣ-самолётѣ, полетимъ опять, — только уже не на востокъ, а на западъ. Если мы будемъ летѣть съ такою быстротою, съ какою солнце ходитъ по небу, или, что все равно, съ какою земля вертится около своей оси, то мы будемъ постоянно догонять солнце: у насъ постоянно будетъ полдень, хотя бы мы облетѣли всю землю вокругъ.

Того же самаго результата достигли бы мы, еслибъ съумѣли не вертѣться вмѣстѣ съ землею; а поднявшись кверху и остановившись на одной точкѣ въ пространствѣ, смотрѣть, не двигаясь съ мѣста, какъ обращается земля подъ нашими ногами. Съ изумительною быстротою улетѣли бы изъ подъ насъ не только наши солнечные часы, но и вся знакомая намъ страна (*). Быстро замелькали бы подъ нами города, цѣлыя незнакомыя намъ страны, рѣки, горы, моря, океаны; а солнце всё стояло бы надъ нами неподвижно, какъ-разъ на полуднѣ. Ровно черезъ 12 часовъ мы могли бы преспокойно опуститься на противоположной точкѣ земнаго шара, противоположной той, гдѣ мы оставили солнечные часы. Но какъ же мы доберемся домой? Очень легко: подымемся опять кверху и ровно черезъ двѣнадцать часовъ наши солнечные часы будутъ подъ нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать такъ быстро по землѣ, не трогаясь съ мѣста, да то бѣда, что это невозможно: все, что есть на землѣ, вращается вмѣстѣ съ нею и самая атмосфера, которая ее

(*) Каждая точка экватора, при обращеніи земли около своей оси, пролетаетъ болѣе 1500 верстъ въ часъ.

окружаетъ; такъ что воздушный шаръ, поднявшись надъ землею, летитъ *съ запада на востокъ* вмѣстѣ съ атмосферой, въ которой онъ плаваетъ. Примиримся же съ этой невозможностью и станемъ снова наблюдать наши краснорѣчивые солнечные часы. Они еще далеко не сказали намъ всего того, что̀ могутъ сказать.

Вотъ мы стоимъ снова на точкѣ пересѣченія параллельнаго круга и меридіана. Солнце достигло самой высшей точки своего небеснаго пути, а на часахъ у насъ полдень. Выше солнце уже не подымется; но оно далеко еще не стоитъ прямо надъ нашею головою. Что же случится, если мы полетимъ прямо къ югу по направленію нашего меридіана? Не долетимъ ли мы до того мѣста, гдѣ солнце будетъ стоять прямо надъ нами? Непремѣнно. Какъ только долетимъ по меридіану до экватора, то солнце въ полдень будетъ прямо надъ нашею головою и его лучи, падающіе совершенно перпендикулярно, будутъ страшно жечь насъ. Мы очутимся посреди африканской пустыни, гдѣ отъ страшнаго жара все вымерло вокругъ; нѣтъ ни травки, ни деревца, и даже дикіе звѣри ходятъ только по ночамъ. Не хорошо здѣсь. Воротимся же поскорѣе домой и попробуемъ полетѣть на сѣверъ, придерживаясь по прежнему нашего меридіана: посмотримъ, не будетъ ли тамъ лучше. Чѣмъ ближе будемъ мы подлетать къ сѣверному полюсу, тѣмъ ближе къ горизонту будетъ намъ казаться полуденное солнце, тѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи и тѣмъ менѣе будутъ давать они тепла. Но вотъ мы приближаемся къ полюсу: часы показываютъ полдень, а солнце почти лежитъ на горизонтѣ; косвенные, почти горизонтальные лучи его чуть задѣваютъ землю и грѣютъ очень мало. Если же мы совершаемъ наше воздушное путешествіе зимою или поздней осенью, то можемъ прилетѣть въ такое мѣсто, гдѣ увидимъ солнце, скрывающимся за горизонтъ, хотя и на нашихъ часахъ и на часахъ тамошнихъ жителей будетъ полдень. Еще нѣсколько далѣе къ сѣверу—и мы солнца и днемъ не увидимъ. Но въ какія пустынныя мѣста мы залетѣли! Вокругъ также нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни травки; море покрыто льдомъ и холодъ невыносимый. Подъ экваторомъ въ африканской пустынѣ нѣтъ жизни отъ палящаго жара; у полюсовъ, на берегахъ Сѣвернаго, Ледовитаго моря, нѣтъ жизни отъ страшнаго холода. Поблагодаримъ же Создателя, который далъ намъ родину по срединѣ этихъ двухъ крайностей и назначилъ намъ жить *въ умѣренномъ климатѣ*.

Но еслибы климатъ того или другаго мѣста зависѣлъ единственно отъ бо̀льшей или мѐньшей близости мѣста къ полюсу или къ

экватору; то во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ на одномъ и томъ же разстояніи отъ экватора, между одними и тѣми же параллельными кругами, долженъ бы быть и одинаковый климатъ. Однакоже мы часто замѣчаемъ противное, и если мы, напримѣръ, возьмемъ какое нибудь мѣсто посрединѣ Сибири, лежащее на такомъ же разстояніи отъ экватора, на какомъ лежитъ Петербургъ, то увидимъ, что въ Сибири въ этомъ мѣстѣ климатъ будетъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя солнце въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, въ одно и то же время, будетъ одинаково подыматься надъ горизонтомъ и впродолженіи одинаковаго времени будетъ оставаться на небѣ.

Это явленіе зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы перечислимъ главныя. *Первая причина — близость моря.* Море у полюсовъ и зимою, и лѣтомъ загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами. Во всѣхъ же другихъ мѣстахъ море или вовсе не замерзаетъ или замерзаетъ тамъ, гдѣ бываютъ холодныя зимы, и то только у береговъ. Незамерзнувшее море лѣтомъ охлаждаетъ воздухъ, вбирая изъ него излишній жаръ; а зимою согрѣваетъ воздухъ, отдавая ему набранное лѣтомъ тепло. *Вторая причина — вѣтеръ.* Мы уже читали о вліяніи вѣтра на тепло и холодъ. Въ той странѣ, которую высокія горы заслоняютъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, будетъ всегда гораздо теплѣе, чѣмъ въ той, которую горы заслоняютъ отъ южныхъ вѣтровъ, несущихъ на сѣверъ нагрѣтый на югѣ воздухъ. Всякое мѣсто, лежащее по серединѣ Сибири, находится очень далеко отъ незамерзающаго моря, заслонено отъ южнихъ вѣтровъ Алтайскими горами и совершенно открыто для сѣверныхъ вѣтровъ, несущихся отъ полярнаго моря, вѣчно покрытаго льдомъ. Вотъ почему въ Сибири такъ холодно. *Третья причина — возвышенность мѣста.* Мы уже знаемъ, что чѣмъ выше мы станемъ подыматься отъ земли кверху, тѣмъ будетъ холоднѣе. Это отъ того, что мы, поднимаясь кверху, удаляемся отъ земли и ощущаемъ всё менѣе и менѣе ту теплоту, которую возбуждаютъ въ ней лучи солнца и которую мы такъ сильно чувствуемъ въ теплую лѣтнюю ночь, когда и солнца нѣтъ надъ нами. Вотъ почему вершины очень высокихъ горъ, лежащихъ въ самомъ тепломъ климатѣ, покрыты вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, какъ земли лежащія у полюсовъ; тогда какъ у подошвы тѣхъ же горъ круглый годъ не только не бываетъ снѣгу, но даже листъ не спадаетъ съ деревьевъ, растутъ померанцы, лимоны, виноградъ, миндаль и даже пальма — это растеніе, свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытаемъ всѣ тѣ же перемѣны климата и будемъ видѣть

то же разнобразіе растительности, какое замѣтили бы, еслибъ полетѣли отъ экватора къ полюсу. У подошвы мы найдемъ растенія свойственныя только самымъ теплымъ климатамъ, померанцы, фиги, миндаль, лавръ; далѣе пойдутъ растенія умѣреннаго климата: букъ, дубъ, каштанъ, липа; затѣмъ покажутся береза и хвойный лѣсъ, столь знакомые намъ, русскимъ; за тѣмъ—кривая березка и мохъ, единственная пища сѣверныхъ оленей; а наконецъ растительность вовсе прекратится и начнутся вѣчные снѣга и льды, которые напомнятъ намъ вѣчные льды полярныхъ морей.

ВРЕМЕНА ГОДА.

Не трудно убѣдиться, что одна свѣча можетъ освѣтить только половину шара и всегда какъ-разъ половину, а другая половина его всегда остается въ тѣни, и что черта, отдѣляющая темную половину отъ свѣтлой, будетъ правильнымъ кругомъ. Для такихъ опытовъ всего лучше брать шаръ бѣлаго цвѣта, потому что на бѣломъ тѣнь виднѣе. Но такъ какъ земля—шаръ, то безъ всякаго сомнѣнія ровно одна половина ея всегда освѣщена солнцемъ, а другая всегда находится въ темнотѣ. На поверхности земной всегда также есть кругъ, отдѣляющій свѣтлую половину отъ темной. Этотъ кругъ, по мѣрѣ суточнаго обращенія земли, подвигается отъ востока къ западу и обозначаетъ сумерки: на западѣ—вечерніе, на востокѣ—утренніе. Но для насъ важно знать, какъ проходитъ на шарѣ этотъ кругъ, означающій границу между днемъ и ночью.

Если мы на шарѣ, служащемъ намъ для опытовъ, означимъ концы оси—сѣверный и южный полюсъ, экваторъ, нѣсколько меридіановъ, нѣсколько параллельныхъ круговъ, и повернемъ нашъ шаръ такъ, что ось его будетъ находиться въ горизонтальномъ положеніи и одинъ изъ полюсовъ, положимъ сѣверный, будетъ обращенъ прямо къ свѣчѣ, а другой прямо въ противоположную сторону, то увидимъ, что сѣверное полушаріе будетъ все освѣщено, южное останется все въ темнотѣ, а граница между свѣтомъ и тѣнью пройдетъ какъ-разъ по экватору. Еслибы земля наша находилась въ такомъ положеніи въ отношеніи солнца, то сколько бы она ни обращалась на своей оси, сѣверное полушаріе ея всегда было бы освѣщено солнцемъ, а южное всегда было бы въ темнотѣ; т. е. на сѣверномъ полушаріи былъ бы постоянный день, а на южномъ постоянная ночь. Но такъ какъ день

у насъ смѣняется ночью, и постояннаго дня или постоянной ночи не бываетъ нигдѣ на земномъ шарѣ, то слѣдовательно земная ось не въ такомъ находится положеніи въ отношеніи солнца, въ какомъ мы поставили въ отношеніи свѣчи ось нашего бѣлаго шара.

Поставимъ нашъ шаръ въ такое положеніе въ отношеніи зажженной свѣчи, чтобы кругъ, показывающій границу свѣтлаго полушарія съ темнымъ, прошелъ какъ-разъ по какому нибудь меридіану и, слѣдовательно, черезъ оба полюса. Тогда мы увидимъ, что этотъ кругъ раздѣлитъ на двѣ равныя половины не только экваторъ, но и всѣ круги, параллельные экватору, такъ что половина каждаго параллельнаго круга будетъ свѣтла, а другая темна. Еслибы земная ось находилась въ такомъ положеніи въ отношеніи къ солнцу, то на каждой точкѣ ея поверхности день всегда былъ бы равенъ ночи.

Но такъ какъ мы замѣчаемъ, что зимою у насъ бываютъ долгія ночи, а лѣтомъ долгіе дни, то слѣдовательно можемъ предположить, что ось земная въ отношеніи къ солнцу находится ни въ горизонтальномъ, ни въ вертикальномъ, а въ *наклонномъ* положеніи, такъ что одинъ полюсъ ея не совсѣмъ обращенъ къ солнцу, но нѣсколько ближе къ нему, чѣмъ другой.

Мы поймемъ такое положеніе земной оси, если представимъ себѣ, что шарикъ *А*, нарисованный на картинкѣ, представляетъ собою землю; линія *с. ю.*—ось земную, точка *с.*—сѣверный полюсъ, а точка *ю.* южный. Мы видимъ, что при такомъ положеніи земнаго шара всѣ параллельные круги раздѣлены свѣтомъ и тѣнью на двѣ *неравныя* половины: въ сѣверномъ полушаріи темныя половины параллельныхъ круговъ будутъ меньше свѣтлыхъ, а въ южномъ наоборотъ; только одинъ экваторъ будетъ раздѣленъ какъ-разъ по поламъ. Но такъ какъ земной шаръ впродолженіи сутокъ оборотится вокругъ своей оси, то, слѣдовательно, въ сѣверномъ полушаріи ночь будетъ меньше 12-ти часовъ, а день больше, и чѣмъ ближе къ сѣверному полюсу параллельный кругъ, тѣмъ длиннѣе будетъ день и короче ночь, и наконецъ вблизи отъ полюса ночи совершенно не будетъ.

Однакоже если ось земнаго шара находится въ такомъ положеніи къ солнцу, то день всегда долженъ быть у насъ гораздо длиннѣе ночи. И, дѣйствительно, это такъ бы и было, и жители южнаго полушарія были бы очень обижены въ сравненіи съ нами, еслибы земля, обращаясь вокругъ своей оси, оставалась въ одномъ и томъ же мѣстѣ; но не забудемъ, что она не только вращается вокругъ своей оси въ 24 часа, но обходитъ вокругъ солнца впродолженіи года, и

ровно через полгода станетъ въ томъ мѣстѣ и въ томъ положенiи къ солнцу, въ какомъ на картинкѣ нарисованъ шаръ *Б*. Въ этомъ положенiи все измѣнится: южный полюсъ будетъ наклоненъ къ солнцу, сѣверный отодвинутъ; южное полушаріе будетъ гораздо больше освѣщено, чѣмъ сѣверное; ночь у насъ будетъ гораздо длиннѣе дня,—только для мѣстъ, лежащихъ подъ экваторомъ, все останется въ прежнемъ положенiи, потому-что какъ-разъ половина экватора по прежнему освѣщена солнцемъ, а половина нѣтъ.

Но земля не разомъ, а только въ полгода перейдетъ изъ точки *А* въ точку *Б*; слѣдовательно и день нашъ уменьшится не разомъ, а понемногу. Въ точкѣ *А* земля бываетъ 10-го iюля, въ точкѣ *Б*—10-го декабря. Посерединѣ между этими двумя точками, по дорогѣ отъ *А* къ *Б*., въ точкѣ *В*, земля бываетъ 10-го сентября, а по срединѣ пути отъ *Б* къ *А*, въ точкѣ *Г*—10-го марта. Въ эти два послѣднiя числа по всей землѣ день бываетъ равенъ ночи.

Теперь мы поняли, отчего, съ 10 сентября дни начинаютъ уменьшаться, а съ 10-го марта увеличиваться; отчего 10-го iюня у насъ бываетъ самый длинный день, а 10-го декабря самая длинная ночь; отчего на экваторѣ день всегда равенъ ночи и отчего, чѣмъ ближе къ полюсамъ, тѣмъ разница между днемъ и ночью бываетъ больше; такъ что вблизи полюса зимою цѣлые мѣсяцы не бываетъ видно солнца, а лѣтомъ цѣлые мѣсяцы оно не сходитъ съ неба. Но мы еще не знаемъ, отчего бываетъ зима, весна, осень и лѣто.

Мы замѣтили уже, что чѣмъ отвѣснѣе падаютъ лучи солнца на землю, тѣмъ болѣе даютъ они тепла, чѣмъ косвеннѣе—тѣмъ менѣе. Вотъ почему утромъ лучи солнца далеко не такъ грѣютъ, какъ въ полдень, и вотъ почему у полюсовъ они далеко не такъ грѣютъ, какъ подъ экваторомъ. Наблюдая надъ теченiемъ солнца по небу, мы легко замѣтимъ, что лѣтомъ солнце подымается у насъ гораздо выше надъ горизонтомъ, чѣмъ зимою. Лѣтомъ земная ось наклоняется къ солнцу сѣвернымъ полюсомъ, а зимою—южнымъ, и потому лѣтомъ солнечные лучи падаютъ на наше сѣверное полушаріе гораздо отвѣснѣе, чѣмъ зимою, а слѣдовательно и грѣютъ гораздо сильнѣе. Кромѣ того лѣтомъ день у насъ гораздо длиннѣе, чѣмъ зимою, а слѣдовательно солнце лѣтомъ грѣетъ наше полушаріе не только сильнѣе, но и дольше. Вотъ почему въ то время, когда земной шаръ находится въ такомъ отношенiи къ солнцу, въ какомъ нарисованъ шаръ *А*, у насъ въ сѣверномъ полушаріи дни бываютъ долги, солнце грѣетъ сильно, словомъ, бываетъ лѣто; а въ то же время въ южномъ полушаріи дни

бываютъ коротки, солнечные лучи, падая косвенно, грѣютъ слабо и, словомъ, царствуетъ зима. Когда же земной шаръ станетъ по другую сторону солнца, какъ стоитъ шаръ *Б*, то все перевернется: у насъ, въ сѣверномъ полушаріи, будетъ зима, въ южномъ — будетъ лѣто.

Но изъ точки *А* въ точку *Б* земля переходитъ не разомъ, а втеченіи полугода; вотъ почему и лѣто не разомъ смѣняется зимою, и между лѣтними и зимними мѣсяцами находится нѣсколько осеннихъ мѣсяцевъ, а между зимними и лѣтними нѣсколько весеннихъ.

Осенью растительность замираетъ понемногу, весною также понемногу она возрождается. Осенью люди и всѣ животныя понемногу привыкаютъ къ холоду зимы, а весною къ жару лѣта. А сколько удовольствій, сколько красоты, сколько чудныхъ явленій мы замѣчаемъ на землѣ именно потому, что на ней день смѣняется ночью и зима весною, весна лѣтомъ, лѣто осенью и осень зимою! И всѣхъ этихъ великихъ послѣдствій, всего этого разнообразія явленій, всей этой дивной ежегодной жизни природы достигъ Творецъ только тѣмъ, что повелѣлъ земной оси наклониться къ солнцу.

Посмотрѣвъ на шаръ *А*, мы замѣтимъ, что небольшая часть его поверхности, лежащая у сѣвернаго полюса, такъ освѣщена солнцемъ, что всѣ параллельные круги ея находятся на свѣтлой половинѣ шара; тогда какъ у южнаго полюса точно такая же часть шара вся лежитъ въ темнотѣ. Замѣтимъ же тѣ точки, куда только достигаетъ тѣнь на сѣверѣ и на югѣ, и проведемъ черезъ эти точки два параллельные экватору круга. Эти два параллельные круга называются *полярными*; а страны, лежащія отъ нихъ къ полюсамъ, называются *полярными* странами. Понятно, что въ этихъ странахъ, при такомъ положеніи земнаго шара, вовсе не бываетъ дня или вовсе не бываетъ ночи; но и въ тѣ дни, когда солнце свѣтитъ, лучи его падаютъ очень косвенно.

Еслибы ось земная не была наклонена къ солнцу, то жители мѣстъ, лежащихъ на экваторѣ, постоянно имѣли бы солнце у себя прямо надъ головою. Теперь же это выходитъ уже не такъ: если мы означимъ точками всѣ тѣ мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ солнце бываетъ прямо надъ головою, то нарисуемъ кругъ, который вкось пересѣчетъ экваторъ, такъ что половина проведеннаго нами круга будетъ въ сѣверномъ полушаріи, а половина въ южномъ. Такой кругъ, означающій на земномъ шарѣ мѣста, гдѣ солнце бываетъ прямо надъ головою или какъ говорятъ, путь солнца, называется *эклиптикою*. Означимъ самую южную и самую сѣверную точки эклиптики и проведемъ черезъ эти

точки два параллельные круга: эти два круга называются *тропиками* или *поворотными кругами*; потому что путь солнца, доходя до нихъ, поворачиваетъ или къ сѣверу, или къ югу; страны же, лежащія между тропиками, называются *тропическими странами*. Подумавъ немного, мы легко поймемъ, что во всякой мѣстности, лежащей между тропиками, два раза въ году солнце стоитъ какъ-разъ надъ головою, да и въ остальное время немного отклоняется отъ этого положенія, и что большой разницы между продолжительностью дня и ночи никогда не бываетъ; поймемъ также, что лучи солнца падаютъ здѣсь на землю почти совершенно отвѣсно, а слѣдовательно и грѣютъ очень сильно.

ЛУНА.

Луна по формѣ своей также шаръ, но по величинѣ въ 49 разъ меньше земли. Она обращается вокругъ земли въ 28 дней, а вмѣстѣ съ землею обходитъ и вокругъ солнца. Но почему же луна кажется намъ тò кругомъ, тò полукругомъ, тò маленькимъ рожкомъ? Необразованные люди приписываютъ это явленіе самымъ страннымъ и невозможнымъ причинамъ; такъ монголы, полудикій народъ, кочующій въ степяхъ средней Азіи, думаютъ, что какой-то невидимый драконъ каждый мѣсяцъ глотаетъ луну, а потомъ её снова выбрасываетъ. Нашъ маленькій бѣлый шарикъ, съ помощію зажженной свѣчи и небольшой наблюдательности съ нашей стороны, объяснитъ намъ это явленіе очень просто. Дѣло въ томъ, что такъ какъ луна не имѣетъ своего собственнаго свѣта, а освѣщается солнцемъ, то мы видимъ только освѣщенную часть луны. Солнце освѣщаетъ всегда половину луны, потому что луна — шаръ; но мы не всегда, а только въ полнолуніе видимъ всю эту освѣщенную половину луны; въ другое же время видимъ только бòльшую или мèньшую часть этой половины, или вовсе ея не видимъ.

Возьмите бѣлый шарикъ и, держа его передъ глазами нѣсколько повыше головы, станьте затылкомъ къ зажженной свѣчѣ: вы, невидя свѣчи, увидите тѣмъ не менѣе цѣлую половину шарика, освѣщенную свѣтомъ, падающимъ на него отъ свѣчи. Но, ставши къ свѣчѣ бокомъ, вы безъ труда уставите вашъ шарикъ такъ, что будете видѣть только половину освѣщенной половины, или четверть шарика. Еслибы вы не видали вовсе неосвѣщенной части шарика, какъ не видите неосвѣщенной части луны, и не чувствовали, что держите въ рукахъ

шаръ, то вамъ показалось бы, что передъ вами не шаръ, а половина плоскаго круга. Подвигайте же шарикъ всё ближе къ свѣчѣ и эта половина плоскаго круга будетъ все уменьшаться и уменьшаться, такъ что вы, наконецъ, будете видѣть только краешекъ освѣщенной половины шарика, — небольшой рожокъ, какимъ вамъ кажется иногда луна. Когда же вы поставите шарикъ какъ-разъ передъ свѣчкою, немного выше или ниже, то хотя пламя свѣчи и будетъ вамъ видно, но тѣмъ не менѣе вы совсѣмъ не увидите освѣщенной половины шара; по той же самой причинѣ мы иногда не видимъ луны и ночью, хотя она и бываетъ на небѣ. Днемъ же мы не видимъ луны потому (хотя она бываетъ иногда на небѣ и днемъ), что солнце свѣтитъ слишкомъ ярко, такъ что слабый свѣтъ луны вовсе не замѣтенъ. Вы, вѣроятно, видѣли, какъ иногда по утрамъ мало по малу блѣднѣетъ луна, если солнце застанетъ её на небѣ, и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Продолжая подвигать вашъ шарикъ далѣе, вы увидите снова небольшой его краешекъ, который будетъ по мѣрѣ обращенія шарика, все увеличиваться и увеличиваться, или, какъ говорится о лунѣ — *прибывать*. Появленіе маленькаго краешка луны на небѣ, послѣ того, какъ она было исчезла на нѣсколько дней, называется *рожденіемъ мѣсяца*; потомъ изъ маленькаго рожка сдѣлается луна половиною круга; это, какъ говорится, *первая четверть* луны; за тѣмъ пойдетъ *полнолуніе*. Послѣ полнолунія луна снова пойдетъ убывать, до тѣхъ поръ, пока опять сдѣлается полукругомъ: *это вторая четверть луны*. Наконецъ эта вторая четверть мало по малу исчезнетъ и начнется *новолуніе*.

Вы можете такъ уставить вашъ шарикъ, что онъ совершенно заслонитъ пламя свѣчи. Если луна заслонитъ собою солнце такимъ же образомъ, то произойдетъ *солнечное затмѣніе*: если же наоборотъ земля заслонитъ солнце отъ луны, такъ что на лунѣ отразится круглая тѣнь земли (отъ чего круглая?), то произойдетъ лунное затмѣніе. Но какъ пугаютъ дикихъ и необразованныхъ людей эти простыя, понятныя явленія! Въ календаряхъ печатается всегда впередъ не только день, часъ, но даже минута, когда будутъ солнечное или лунное затмѣніе. Но не со всѣхъ мѣстъ земнаго шара видны бываютъ эти затмѣнія, потому что солнце и луна не въ одно и то же время видны на всей поверхности земнаго шара. Часто солнечное затмѣніе совершается тогда, какъ у насъ бываетъ ночь, и слѣдовательно видно только для тѣхъ, кто живетъ на другой полови-

нѣ земнаго шара. Часто также лунныя затмѣнія совершаются тогда, когда у насъ бываетъ день и, слѣдовательно, мы не видимъ луны.

Если вы поняли, отчего мы видимъ иногда то краешекъ луны, то четверть ея, то половину, то совсѣмъ не видимъ, то поймете также, что то же самое должно совершаться и съ тѣми планетами, которыя, обращаясь вокругъ солнца подобно землѣ, находятся къ нему ближе земли и, слѣдовательно, могутъ принимать различныя положенія между землею и солнцемъ. Одну изъ такихъ планетъ, хорошенькую утреннюю и вечернюю звѣздочку, *Венеру*, вы вѣроятно замѣтили. Убыль и прибыль этой звѣздочки мы не можемъ замѣтить простыми глазами, потому что и вся она кажется намъ небольшою ярко-блестящею точкою. Но въ телескопъ, такую большую зрительную трубу, которую употребляютъ для того, чтобы разсматривать очень отдаленные предметы, можно видѣть, что Венера подвержена тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и луна.

Простыми глазами мы видимъ на лунѣ какія-то пятна, но только въ телескопъ можно разсмотрѣть, что это такое за пятна. Въ сильный телескопъ луна кажется намъ такой величины, какою мы видѣли бы ее, еслибы она отстояла отъ земли не на 350, а только на 30 тысячъ верстъ. Въ такой телескопъ видны на лунѣ огромныя горы, обширныя долины и глубокія пропасти. Но, какъ доказываютъ ученые, на лунѣ нѣтъ ни воздуха, ни воды, слѣдовательно на ней не только не могутъ жить животныя и люди, но даже не можетъ быть и растеній, потому что для растеній, какъ мы знаемъ, необходимы вода и воздухъ. Впрочемъ, мы видимъ только одну половину луны, другою же своею половиною луна никогда къ землѣ не обращается.

ТЕЛЕСКОПЪ.

Къ одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ, Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно-поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяина подошла къ окну и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестѣвшихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщалъ Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ, не хочешь ли ты, чтобы я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ: онъ давно уже слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ на мѣсяцъ и звѣзды; Саша даже видѣлъ эту трубу, стоявшую на окнѣ въ кабинетѣ дяди, и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ вошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но совершенный шаръ и что на ней находятся дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ?

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную карту луны. Луна — самое ближайшее къ намъ небесное тѣло, и находится отъ насъ очень недалеко: всего-то какихъ нибудь 350 тысячъ верстъ или 50 тысячъ миль.

Саша. Неужели это недалеко! Да это такъ далеко, что и подумать страшно!

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе восьми миль, и еслибы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи и день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти шестьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе двадцати милліоновъ миль, и еслибы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года! Да для этого нужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а въ семдесятъ лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саши. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, еслибы она отправлялась туда такъ же медленно, какъ ѣдетъ паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 секундъ,

а духъ нашъ безъ сомнѣнія быстрѣе свѣта. Паровозъ проходитъ въ часъ 8 миль, а свѣтъ сто пятьдесятъ милліоновъ миль. Но и солнце еще не очень далеко отъ насъ. (*Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ.*) Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ, и какъ блестятъ вокругъ него какія-то четыре серебрянныя точечки!

Дядя. Это Юпитеръ съ своими четырьмя спутниками или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающихся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера и паровозъ, проѣзжая каждый часъ восемь миль, доѣхалъ бы до него только въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую недавно открыли, Нептунъ, та еще гораздо дальше.

Мать Саши. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо-велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды*: здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе четырехъ билліоновъ миль.

Сестра. Четыре билліона миль! Это такое разстояніе, которое и представить себѣ невозможно.

Дядя. Свѣтъ, который проходитъ въ 8 минутъ и 13 секундъ разстояніе въ двадцать милліоновъ миль, отъ солнца до земли, достигаетъ отъ ближайшей неподвижной звѣзды къ намъ только въ три года; а паровозъ нашъ могъ бы проѣхать это пространство только въ двѣсти двадцать семь милліоновъ лѣтъ. И это еще самая ближайшая изъ неподвижныхъ звѣздъ! Есть неподвижныя звѣзды, которыя гораздо дальше, такъ что самый свѣтъ отъ нихъ можетъ достигнуть до земли только въ тысячу лѣтъ.

Сестра. Но какъ же могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто не знакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затмѣніе солнца, луны и появленіе кометъ; поэтому судите, что они считаютъ не дурно. (*Перемѣняетъ направленіе телескопа.*) Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды — сорокъ четыре громадныя солнца, а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другаго. Но это-

го мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидали бы, что вся эта серебристая полоса состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцевъ, которыя только по своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебристую полосу.

Саша. Видно нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ.

Дядя. Еще бы! Можетъ ли слабый человѣкъ счесть творенія Создателя? И представь себѣ еще, что по всей вѣроятности наша земля, или, лучше сказать, наше солнце со всѣми его планетами и съ землею, составляютъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо-блестящую серебристую полосу, протянувшуюся черезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самые сильные телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно-великъ Создатель вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмопѣвца Давида: «Небеса повѣдаютъ славу Божію».

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ отдаленность и величину и возносимся душою къ всемогущему Создателю всѣхъ этихъ міровъ. Вся эта безчисленность міровъ и безконечность вселенной прекрасно объясняютъ намъ утѣшительныя слова нашего Спасителя: «Въ домѣ Моего Отца много жилищъ и Я иду приготовить вамъ мѣсто», сказалъ Онъ апостоламъ.

Сестра. Но безъ сомнѣнія на этихъ планетахъ также живутъ люди или какія нибудь существа, подобныя людямъ.

Дядя. Этого никто, конечно, не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ—маленькой *планетѣ*, которая въ милліонъ триста тысячъ разъ меньше солнца; тогда какъ такихъ солнцевъ, изъ которыхъ вокругъ каждаго обращаются свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не можемъ. Неправда ли, что и то немногое, что я могъ показать вамъ сегодня,

довольно уже поражаетъ вашъ умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя?

КАПИТАНЪ КУКЪ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ распространили наши познанія о поверхности земнаго шара, едва ли кто нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько новыхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигшая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе. Кромѣ того жизнь Капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27 октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодаго человѣка и хотя онъ исполнялъ её очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ; но, увы, на такомъ кораблѣ, который ѣздилъ постоянно по одному направленію, возлѣ береговъ, перевозя каменный уголь изъ одного мѣста въ другое. Новая должность была не многимъ веселѣе прежней; но за то гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ и необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученью. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавателя: онъ пріобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишеніямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ въ службу на военное судно, гдѣ умъ, прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышеніе за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившись опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка, не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англіи. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука, побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытія новыхъ земель. Нечего говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль, по названію «Попытка», на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горнъ, Кукъ только въ апрѣлѣ слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити*, лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь всѣ предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества*, въ честь общества, или товарищества, снарядившаго экспедицію. Вслѣдъ за этимъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи*. Узкій проливъ, раздѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва было не погибъ въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на коралловый *рифъ*. Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торресовъ проливъ, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и дат-

скихъ поселеній въ Батавіи, и наконецъ, мимо мыса Доброй-Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впослѣдствіи.

Въ слѣдующемъ же году капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу; но, проплававъ нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и, не находя нигдѣ земли (*), поворотилъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытыхъ прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи.* Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ и, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, мимо южной оконечности Америки и мыса Горна прошелъ въ Атлантическій океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, несмотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣтнаго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій, чего никому еще не удавалось, несмотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ своихъ кораблей и даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берега различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1776 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Това-

(*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не оттаевающей, земли.

рищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* островов, Кукъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ прибылъ къ берегамъ Сѣверной Америки и только въ августѣ вошелъ въ Беринговъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ: массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На островѣ Овайги началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали англичанъ, и въ этой ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788-мъ году, этотъ замѣчательный человѣкъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

ЭСКИМОСЫ.

Въ полярныхъ странахъ земнаго шара впродолженіи девяти мѣсяцевъ въ году все, и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленою; а впродолженіи трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти солнце не показывается ни на минуту и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однакоже и въ этой негостепріимной странѣ живутъ люди, тамъ родятся и остаются всю жизнь, лѣто и зиму, не подозрѣвая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ: но мы займемся только однимъ изъ этихъ племенъ—*эскимосами*.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, отчасти въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, отчасти по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь отъ берега далѣе шестидесяти или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того немногочисленное, раздѣлено на множество мелкихъ поколѣній, которыя всѣ носятъ разныя названія.

Съ виду эскимосъ очень некрасивъ: круглая, несоразмѣрно большая голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запавшій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы, замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый

цвѣтъ кожи, вѣчно холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру,—вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще они не занимаются разведеніемъ растеній; да это и невозможно въ странѣ, гдѣ десять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они по необходимости должны ограничиваться одною *животною* пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также и морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимосскаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти оружія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ: вмѣсто ихъ они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными полосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючковъ приготовляютъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ однако быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолѣваютъ даже царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ необыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только голодъ выгоняетъ ихъ изъ ихъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающія дикаго человѣка отъ образованнаго, доходятъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ какъ можно болѣе. Особенно любятъ они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сладости и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого пріятнаго впечатлѣнія; но получивъ сальныя

свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ неразвитъ и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнитъ, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется впрочемъ тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера; обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимосъ старается съѣсть ея какъ можно болѣе, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣстъ такое количество смердящаго жира, какого, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны: не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много — изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на копну сѣна, оставляя небольшое отверзтіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ также изъ снѣгу нѣчто въ родѣ сѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверенькахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому что снѣгъ *дурной проводникъ тепла*; но можно себѣ представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Впродолженіи зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимосскія деревни таютъ быстро, и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна; а потому они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, сшивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ, одну, вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую — наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капюшономъ, надѣваемымъ на голову; оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ; только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самоѣдамъ. Однакоже это *фактъ*, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ, которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружія, сдѣланныя изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди, и слѣдовательно вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ дикаго состоянія и достигли высокой степени образованія; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не мечталъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христіанами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ, образованными людьми. Все это современемъ разскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ ее изучать.

ГОЛЛАНДЦЫ.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ прекрасныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни, — кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чистотѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ, — тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голландцевъ поближе и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая земля, эти прекрасные города, эти миленькія блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка,—созданы на землѣ, отнятой большею частію у морскихъ волнъ. Но войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подумать, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взгля-

нувъ на голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, что самая чопорная барыня не запачкаетъ краевъ своего платья, — не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали изъ болота, въ которомъ плодились только жабы да лягушки, такую чудную землю; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голландца, рукъ, вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается: взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и виденъ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлять повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ; но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, разсчитанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его своротить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платьѣ, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою: онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая бы не облагороживала человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелаго труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, безпорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

КИРГИЗСКІЯ СТЕПИ.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направленію къ Чугучаку и Кульжѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошъ-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири,

на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимою въ Семипалатинскѣ очень холодно и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно, — вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ и отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ *зимовью* султана. Десятокъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря потому, принадлежали ль онѣ слугамъ или женамъ султана, и посрединѣ маленькій, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитой сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ незадолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго пріема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ хотя нѣсколько слово «кибитка»: это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запономъ вмѣсто двери, съ отверзтіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполъ поддерживаютъ жерди, прикрѣпленныя петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ — и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣялами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.

Мало по малу собирались къ намъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли вдали обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башемъ Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода; тутъ же были базарчи — киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути; наконецъ условились, какъ хотѣлось караванъ-башу: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть должна была впослѣдствіи отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ путеводителя: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хотя бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аягузы, отъ береговъ Каспійскихъ—на Иртышъ; все служитъ ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ въ случаѣ нужды коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды; воду Киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности, а нѣтъ — онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшій привычкой безпрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами «чокъ, чокъ» или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость вьюченья верблюдовъ, разставленія джуламы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость кара-

ванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки; но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ, за нѣсколько минутъ до того, кипѣла цѣлая движущаяся община, съ ея желаніями, страстями и пороками.

ВЪѢЗДЪ ВЪ ЛОНДОНЪ СЪ МОРЯ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ-себѣ да шелъ впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только оттого не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мірѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-кипучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и взмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль (*) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, до котораго считается отъ устья сорокъ пять съ половиною миль, доходятъ самыя большія купеческія суда. Ни одному изъ кораблей, доходящихъ до Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ навстрѣчу большія суда и пароходы, отправлявшіеся можетъ быть въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами мачтъ и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій вид-

(*) Англійская миля немного более $1\frac{1}{2}$ версты.

нѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и класть на все свою сѣрую тушовку.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили; но тутъ и берега и рѣка начинали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ, и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостокъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудами каменнаго угля и рыбачьи челноки съ крашеными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все больше куталась въ туманъ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ и разстилался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ пилъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остовы и ребра кораблей; но ни людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжкой работы нельзя было разглядѣть, и тѣмъ грознѣе казался безустанный и неумолчный грохотъ этого невидимаго движенія. За высокой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ — солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затмѣніи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволь, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднымъ вест-индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и поворачивая дальше вправо на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналомъ и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своею суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней, тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Проѣзжая дорога съузилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ — легіонъ, хотя можетъ быть только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ. Остальные пристаютъ въ докахъ, и безчисленныя иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Домá или лучше сказать черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять вывѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьяго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ и доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ, то и дѣло осторожно входили или пароходъ или парусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно-морской жизни. За его сводами видны вдали своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ, третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдешь, не проѣдешь. Тихо движутся по срединѣ громадные возы, чудовищные омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣснятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣнье выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ

туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувствовать какой-то невольной робости, какого-то неиспытаннаго одиночества.

САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицемъ обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бородёнкой, плохо выросшей, а сверху — черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку — пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!..

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучшій образецъ самоѣдскаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ нашихъ олешки, понуривъ головки; опять олёлёлькалъ на нихъ проводникъ, и опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *ночнинѣ*; два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, черную: одинъ постукиваетъ то̀ правой, то̀ лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто, и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучитъ долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ-будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ничѣмъ молчаніе. Какъ копны, какъ

стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы — цѣль нашей поѣздки. Входимъ въ ближайшій, или лучше, пролѣзаемъ въ него черезъ узенькое и низенькое отверзтіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горящіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода, дымъ свободно лѣзетъ въ отверзтіе наверху и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя подняться на ноги. Садишься на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленныя, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежитъ *инькѣ*, можетъ быть женѣ хозяина чума, другое — ему самому, потому что всѣ остальныя молокжавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно, и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ по тому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты вороты и видны голыя, смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножемъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и сшиваетъ олеными жилами одну оленью постель съ другою; ребятишки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицемъ, продолжаютъ дѣлать свое: одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя оленьи постели лежатъ на шестахъ, сближающихся къ верхнему отверзтію. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ за тѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпитъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять все старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ въ дыму и на деревянной рѣшеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть *песцевина* (мясо песца), можетъ быть *лисицевина*, или, наконецъ, даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетенномъ изъ тростника ёрки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы о чемъ нибудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь?

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, накинувши на себя малицу, вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ, мать-самоѣдка и ребятёнки стали спѣшно подбирать подручное, укладывая потомъ все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадается самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ:

— Олешка мохъ съѣлъ.... велитъ дальше!

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другаго, третьяго.... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три хохлатыхъ собаченки продолжаютъ обѣгать, съ удушливымъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще щиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ санки стоятъ уже на готовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются за тѣмъ нюки, подпючья (тѣ же оленьи шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертые садятся ребятёнки, по одному и по два, на шестые мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмые бросаютъ хохлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на восьмые, передніе, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и — аргишъ готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленнаго, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитою и такою же почернѣлою, какъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста. Самоѣды всегда зави-

сятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отъискивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи.

ГЕРКУЛАНЪ.

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый какъ страусово перо; ночью, когда море исчезало подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки, волканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами, и эти мирные вечерніе огоньки внизу; сонный заливъ, и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь — все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвесть глаза безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинной цѣпью стлались надъ «кратеромъ». Неаполитанцы называютъ такъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественныя скалы Искіи, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ. Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блещетъ яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленныя въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ; и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ, вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатистаго фіолетоваго цвѣта. Обворожителенъ этотъ берегъ; но какъ безподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ, макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе

Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колоннадами и статуями.

Въ Резинѣ я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина — это собраніе довольно пошлыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ городка указали мнѣ на жалкій домишко, и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массами лавы, отвердѣвшей до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный волканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ коридорѣ: это галерея театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда въ нѣдра громадъ, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый городъ и — застывшій навѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многія изъ нихъ пошатнула, нѣкоторыя уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда волканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепелъ и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ-что множество папирусовъ, хлѣбъ, рожь — уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губитъ, но онъ же и сохраняетъ. Онъ зналъ, что отъ великихъ царствъ не остается ничего, кромѣ пыли, да нѣсколькихъ именъ... Везувій зналъ эту прискорбную истину, и вотъ онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два—три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаніи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Рыли колодезь, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркульнаго театра. Теперь, сквозь этотъ цилиндрическій, значительно расширенный колодезь, на днѣ котораго я стою, проникаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, вымощенные мозаиками; но все это не долго было пищей законнаго любопытства ученыхъ и туристовъ: опасенія разрушить Резину, заставили правительство снова завалить всѣ подкопы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

----◇----

НОЧЬ НА ВЕЗУВІИ.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе — сѣрая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагалъ по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я поспѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скаты Везувія усѣяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу дорогá его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Всѣ эти города, построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святаго Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодези мгновенно высыхаютъ, земля колеблется какъ море; волкана не видно, но слышенъ ревъ его и рѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, но неотразимо, спускаются къ садамъ и жилищамъ: пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе; листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безпечности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безпечность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростью торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губитъ впродолженіи немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва, — слѣды страшнаго разрушенія; высоко, надъ

городомъ—вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью. Но куда ни поглядишь, — жизнь здѣсь кипитъ, какъ-будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ, какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходитъ на память отрытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факелъ и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма не прытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ; но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или точнѣе на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посереди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана — самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины зіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалялась до-бѣла, и расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ мед-

ленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ, какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего боятся. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на закраины его. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны, — но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера, и новые взрывы волкана остановили меня на пол-пути. По скользскимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ, какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ италіянской луны, море сверкало, и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижные, и перебѣгающіе, одинъ за другимъ постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ, за темной стѣной Апеннинъ, бѣлесоватая полоса яснѣла и яснѣла. Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалковаго цвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасывали съ себя ночные покрывала

и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробуждавшихся селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Морской вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ, все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображалъ, что сейчасъ зароюсь въ розовый пухъ, — и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетая, таяло въ воздухѣ на первыхъ лучахъ солнца.

ІЕРУСАЛИМЪ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Іудеи. Взъѣхавъ на горы, мы скоро поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунъ*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо и конечно не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!»

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоніе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разносилось по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути, мы въѣхали въ узкій дефилей, самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Іудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ, нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Іерусалима. Раза два мы утоляли жажду свою и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться дичѣе и обнаженнѣе; но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосами мховъ,

пріятно отѣнялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Іерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня; — я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій Арабъ, — и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поравнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!* — Такое предвѣдѣніе поразило меня удивленіемъ: я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту, — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ повода лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также повергнулись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ, и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земнаго шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ.... Вожатый сказалъ мнѣ, что если мы не сядемъ на лошадей, то съ захожденіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима уже затворятся; — это меня испугало; — я убоялся, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ — и поспѣшилъ въ лоно святаго города, вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленныя Виѳлеемскія или Яѳскія ворота, и очень скоро сошли у дверей патріаршей обители. Это было Марта 31 числа. Сынъ далекаго сѣвера, я не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ среди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще заперты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, увидѣлъ я сидящихъ, поджавши ноги, Турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы; — мое сердце сжалось грустію,

Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. «Господи!» сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: «страданія Твои еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою, владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища Твои!» Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ уничиженіи языческомъ: Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать, — и какъ выразить восторгъ, умиленіе и горесть христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя, и наконецъ на Голгоѳѣ, у отверзтія, гдѣ стоялъ крестъ, и у разсѣлины распавшейся скалы!

Началась заутреня. Не только что помостъ храма былъ весь закрытъ народомъ, но — всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галлереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ, Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта,—поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и безпокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ни чѣмъ не развлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваій, вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваіями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма — и съ крикомъ, разгонялъ бичомъ напирающую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ!

ОТДѢЛЪ VIII.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ.

РОЗА И ГВОЗДИКА.

(Образецъ сравненія.)

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства*: и роза, и гвоздика—растенія; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ развиваются изъ почекъ; обѣ цвѣтутъ недолго и вянутъ очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между гвоздикою и розою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣту—розовая, бѣлая или желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья, у гвоздики—узкіе и длинные; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

КЛАССНАЯ ДОСКА И ГРИФЕЛЬНАЯ ДОСКА.

(Образецъ сравненія.)

Сходство: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной также есть дерево.

Различіе. 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ предъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной

доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной — грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, или въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходные или различные признаки.

ЧТО ТАКОЕ РАЗЛИЧІЕ И СХОДСТВО.

Сынъ. Я часто слышу слова: сходство, различіе; но не совсѣмъ ихъ понимаю. — *Отецъ.* Вотъ два стула стоятъ рядомъ: какъ ты думаешь, похожи ли они одинъ на другой? — *Сынъ.* Я думаю, что похожи. — *Отецъ.* И я думаю тоже. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту: одинъ стоитъ направо, а другой налѣво. Вотъ почему мы можемъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой. — *Сынъ.* Да, они очень похожи. — *Отецъ.* Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа ли скамейка на стулъ? — *Сынъ.* Нисколько. — *Отецъ.* Чѣмъ же они различаются? — *Сынъ.* Стулъ обитъ кожею, а скамейка нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у скамейки нѣтъ. — *Отецъ.* Однакоже у нихъ есть и сходные признаки; поищи. — *Сынъ.* Какое же между ними сходство? Кажется никакого. — *Отецъ.* Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ? — *Сынъ.* Стулъ тоже изъ дерева. — *Отецъ.* У скамейки четыре ножки.... *Сынъ.* И у стула тоже. — *Отецъ.* Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть; а скамейка? — *Сынъ.* И скамейка назначена для того же. — *Отецъ.* Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка — мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны ли онѣ между собою? — *Сынъ.* Нѣтъ, онѣ очень различны. — *Отецъ.* Однакоже у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла. — *Сынъ.* Однакоже одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный. — *Отецъ.* Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различа-

ются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана; по цѣнѣ: одна гораздо дороже другой. Слѣдовательно между этими двумя монетами есть сходство и есть.... *Сынъ.* Есть различіе.—*Отецъ.* Теперь ты понимаешь, что между двумя или нѣсколькими предметами, всегда есть сходство и различіе, и если мы напримѣръ говоримъ, что одинъ человѣкъ не похожъ на другаго, то это только потому, что принимаемъ въ расчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другаго отличаются, и не думаемъ въ то же время о тѣхъ, по которымъ они сходны. Не правда ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ? — *Сынъ.* Конечно. — *Отецъ.* Человѣкъ, который бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ бы... *Сынъ.* Не былъ бы человѣкомъ. — *Отецъ.* Но нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того же дерева: кажется, они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было бы какого нибудь различія и сходства. *Сынъ.* Но какое же сходство, напримѣръ, между лошадью и..... и воздухомъ? — *Отецъ.* Мало, но есть. Если ты дотронешься до лошади, то почувствуешь ли ее осязаніемъ?—*Сынъ.* Да.—*Отецъ.* Если дуетъ вѣтеръ, то чѣмъ ты ощущаешь его? — *Сынъ.* Осязаніемъ. — *Отецъ.* Слѣдовательно и лошадь, и воздухъ, потому что вѣтеръ, какъ ты знаешь, есть движущійся воздухъ: оба—предметы, доступные нашему осязанію. Но между лошадью и воздухомъ можно и еще найти сходство: лошадь движется и воздухъ также; часто даже о быстрой лошади говорятъ: она быстра, какъ вѣтеръ.

РАЗЛИЧІЕ ПРИЗНАКОВЪ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріалъ, изъ котораго предметъ сдѣланъ и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги: между ними, вѣроятно, можно бы найти различіе; но должно очень долго всматриваться: не знаешь ли ты, какъ бы различить ихъ съ перваго взгляда? — *Сынъ.* Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ. — *Отецъ.* Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а *по положенію.* Я могу переложить одинъ предметъ на мѣсто другаго

и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый; то гдѣ бы я ни положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами или свойствами* предмета. Положеніе предмета тоже можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Вотъ у тебя два глаза: какъ ты отличишь одинъ отъ другаго? *Сынъ*. Одинъ правый, другой лѣвый. — *Отецъ*. Это значитъ отличать по положенію. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметы *по времени*. Такъ мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, завтрашній урокъ, утреннія занятія, вчерашній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегоднишній, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли, считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличать одинъ предметъ отъ другаго *по количеству*: въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковыя книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить? — *Сынъ*. Одна изъ нихъ закрыта, а другая раскрыта. — *Отецъ*. Вотъ двѣ одинаковыя монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются. — *Сынъ*. Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла. — *Отецъ*. Вотъ два стула: найди различіе между ними. — *Сынъ*. Одинъ изъ нихъ лежитъ, другой стоитъ. — *Отецъ*. Здѣсь предметы различаются *по состоянію*, въ которомъ они находятся. Одинъ человѣкъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы по *дѣйствію*, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другаго дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; Ваня былъ строго *наказанъ* отцомъ за шалости; бѣдный сирота былъ *обласканъ* доброю женщиною и т. д. Часто также предметы различаются по *назначенію*: печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать её; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо, и т. д. Не перечислишь ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы?

СУЖДЕНІЕ.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе либо признаки значитъ *судить, разсуждать*; а способность разсуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные острые когти, а у лисицы пушистый хвостъ; то значитъ я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или разсуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ которомъ я приписываю предмету какой нибудь признакъ; отрицательнымъ такое, въ которомъ я утверждаю, что какого нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непремѣнно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ, всякая фраза, если только въ ней есть какой нибудь смыслъ, непремѣнно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*. — *Сынъ.* Неужели! Но если я скажу что нибудь на удачу? — *Отецъ.* Скажи, что хочешь. — *Сынъ.* Что бы мнѣ сказать такое? (*Подумавъ.*) Сегодня холодно. — *Отецъ.* Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ — холодъ. — *Сынъ.* Я хочу быть большимъ. *Отецъ.* Опять сужденіе: ты приписываешь себѣ признакъ — желаніе быть большимъ. Придумай еще что нибудь. *Сынъ.* Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе; есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ!

ТѢЛО.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяцъ есть тѣло; я этого не понимаю: тѣло есть у человѣка, какое же у мѣсяца тѣло? — *Отецъ.* Книга говоритъ правду: тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то же время того же мѣста занимать не можетъ. — *Сынъ.* Этого я что-то не понимаю. — *Отецъ.* Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сдѣлалось съ водою? — *Сынъ.* Воды не много вылилось черезъ край. — *Отецъ.* Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того же мѣста въ одно и то же время камень и вода занимать не могли: слѣдовательно и камень и вода — тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ ста-

канъ; вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно также, какъ и наша земля. — *Сынъ.* Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій предметъ. Всѣ предметы — тѣла, не правда ли? — *Отецъ.* Многіе, очень многіе; но не всѣ. Видалъ ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ ли эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что нибудь на томъ самомъ мѣстѣ, и уходитъ ли она прочь, какъ уходитъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою. — *Сынъ.* Нѣтъ, тѣнь хотя и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни. — *Отецъ.* Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечные лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму: вотъ почему фигура рамы изобразилась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно её нельзя назвать тѣломъ; но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно и тѣнь предметъ. Всякое тѣло непремѣнно должно занимать какое нибудь мѣсто и, слѣдовательно, должно имѣть три свойства: длину, ширину и толщину.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

— *Отецъ.* Всѣ предметы, которые занимаютъ какое нибудь опредѣленное мѣсто, называются ***тѣлами***, или предметами ***тѣлесными***. Но кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать тѣлесными. Посмотри, я напишу на доскѣ слово *столъ*: что это, тѣлесный предметъ или нѣтъ? — *Сынъ.* Столъ есть предметъ тѣлесный. *Отецъ.* Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только названіе предмета тѣлеснаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5 — какихъ предметовъ это названія, тѣлесныхъ или безтѣлесныхъ? *Сынъ.* Это цифры. — *Отецъ.* Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будутъ два тѣлесные предмета, а просто *два* будетъ названіемъ такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ ни видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла. — *Сынъ.* Я понимаю, что чиселъ самихъ по себѣ видѣть нельзя. — *Отецъ.* Не однихъ чиселъ. Ты можешь видѣть и измѣрять длину, ширину и толщину какого нибудь предмета; но можешь ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину сами по себѣ безъ предмета? — *Сынъ.* Конечно нѣтъ. — *Отецъ.* Ты слыхалъ уже, что такое *земная ось*, но неужели земля вертится на

своей оси, какъ колесо на оси телѣги?—*Сынъ.* О, нѣтъ! ось земная есть линія воображаемая, умственная.—*Отецъ.* Однакоже мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней верстъ. Видалъ ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь?—*Сынъ.* Конечно. — *Отецъ.* А видѣлъ ли ты черный цвѣтъ?—*Сынъ.* Да.—*Отецъ.* Гдѣ же ты его видѣлъ? — *Сынъ.* Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ.—*Отецъ.* Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣлъ ли ты черный цвѣтъ самъ по себѣ, а не на какомъ нибудь тѣлѣ?—*Сынъ.* Конечно нѣтъ.—*Отецъ.* Однакоже ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видалъ добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видѣлъ; точно также нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не имѣютъ тѣла и отдѣльно отъ тѣлесныхъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными*, или *отвлеченными*. Но какъ ты думаешь: можно ли видѣть или осязать нашу душу? *Сынъ.* Нѣтъ, я уже знаю, что она безтѣлесна. — *Отецъ.* Но почему же ты знаешь, что она существуетъ?—*Сынъ.* Потому что она во мнѣ слышитъ, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было бы мертво.—*Отецъ.* А какъ ты думаешь, видитъ ли насъ въ это время Господь? — *Сынъ.* Какъ же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе?—*Отецъ.* Но почему же мы Его не видимъ?—*Сынъ.* Потому, что онъ безтѣлесенъ, потому что Онъ Духъ. *Отецъ.* Тѣмъ не менѣе ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, дѣйствуютъ—называются предметами *духовными.* Таковы: Богъ, ангелы и безсмертная душа человѣка, или духъ. *Сынъ.* Что же называется предметомъ вообще? — *Отецъ.* Все, о чемъ мы можемъ только что нибудь подумать или чему можемъ приписать какой нибудь признакъ.

РОДЫ И ВИДЫ.

— *Отецъ.* Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, мордашкамъ, пуделямъ, водолазамъ? — *Сынъ.* Все это соба-

ки. — *Отецъ.* Хорошо: вотъ это будетъ нѣсколько *видовъ* одного и того же собачьяго *рода.* А какое общее названіе дашь ты собакѣ, волку, лисицѣ?—*Сынъ.* Это все звѣри *псоваго* семейства.—*Отецъ.* Въ зоологіи это называется семействомъ; здѣсь же для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы, мы будемъ называть *родами* и *видами.* Такимъ образомъ ты видишь, что собаки, лисицы и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того же *рода,* псоваго. Но какое общее названіе придашь ты звѣрямъ псоваго рода, звѣрямъ кошачьяго рода и медвѣдямъ?—*Сынъ.* Все это будутъ хищные звѣри.— *Отецъ.* Да, это три *вида* одного и того же *рода,* звѣрей хищныхъ. Но кромѣ хищныхъ звѣрей ты знаешь еще грызуновъ, животныхъ однокопытныхъ, жвачныхъ, толстокожихъ и проч. Къ какому *роду* будутъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ?—*Сынъ.* Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ.—*Отецъ.* А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того же *рода*...... *Сынъ.* Животныхъ позвоночныхъ.—*Отецъ.* Какихъ же животныхъ ты знаешь еще кромѣ позвоночныхъ?—*Сынъ.* Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта. — *Отецъ.* Слѣдовательно животныя позвоночныя и животныя безпозвоночныя будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ не знаешь ли ты еще какихъ нибудь органическихъ тѣлъ.— *Сынъ.* Знаю—растенія.—*Отецъ.* Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какія есть еще природныя тѣла, кромѣ органическихъ? — *Сынъ.* Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы. — *Отецъ.* Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами* тѣлъ природныхъ; тѣла природныя и искусственныя будутъ двумя *видами* тѣлъ вообще; предметы тѣлесные, отвлеченные и духовные будутъ тремя *видами* одного и того же *рода*—предмета вообще. Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды.* Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ.* — *Сынъ.* А что такое логика?— *Отецъ.* Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе, въ зоологіи изучаютъ, какъ живетъ животное; въ логикѣ же изучается, какъ думаетъ человѣкъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики: знаешь, напримѣръ, что во всякой нашей мысли есть предметъ и признакъ, который мы приписываемъ предмету.

ПРИЗНАКИ ВИДОВЫЕ И ПРИЗНАКИ РОДОВЫЕ.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какіе отличительные признаки лошади.—*Сынъ.* У лошади цѣльныя копыта.—*Отецъ.* Но и у осла также цѣльныя копыта.—*Сынъ.* Но у осла уши длинны и хвостъ коровій.—*Отецъ.* Слѣдовательно лошадь отличается отъ другихъ видовъ лошадинаго рода—хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго рода?—*Сынъ.* Всѣ звѣри лошадинаго рода имѣютъ цѣльныя копыта. — *Отецъ.* Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ?—*Сынъ.* Потому-что жеребенокъ питается молокомъ матери. — *Отецъ.* Слѣдовательно лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питаетъ своихъ жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея цѣльныя копыта. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода, какъ особый видъ этого рода, называются *видовыми признаками;* а тѣ признаки, по которымъ предметъ причисляется къ извѣстному роду предметовъ, называются *признаками родовыми.* Скажи мнѣ: къ какому роду предметовъ относятся всѣ искусственные предметы? — *Сынъ.* Къ роду предметовъ тѣлесныхъ.— *Отецъ.* Какой же видовой признакъ всякаго искусственнаго предмета?—*Сынъ.* Тотъ, что всякій искусственный предметъ сдѣланъ человѣкомъ.—*Отецъ.* Но какой же родовой признакъ всякаго искусственнаго предмета,по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ тѣлесныхъ? — *Сынъ.* Всякій искусственный предметъ есть тѣло, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ.

ПРИЗНАКИ СУЩЕСТВЕННЫЕ И СЛУЧАЙНЫЕ.

Отецъ. Знаешь ли ты нашу Машку? Какъ ты думаешь, что это за животное?—*Сынъ.* Конечно кошка.—*Отецъ.* Но почему же это кошка, почему не собака?—*Сынъ.* Да она совсѣмъ не похожа на собаку.—*Отецъ.* Но и нашъ пудель точно также не похожъ на борзую собаку нашего сосѣда.—*Сынъ.* Нѣтъ, пудель нашъ собака. Я понимаю теперь, о чемъ вы меня спрашиваете: вы хотите знать... *Отецъ.* Отличительные видовые признаки кошки.—*Сынъ.* У кошки острые, кривые, втяжные когти, шероховатый, жесткій языкъ.—*Отецъ.* Хорошо; но однакоже

наша Машка вся черная; а ты видалъ другихъ кошекъ бѣлыхъ, пестрыхъ, сѣрыхъ. Можетъ быть наша Машка и не кошка, потому что черная.—*Сынъ.* О, нѣтъ; цвѣтъ здѣсь ничего не значитъ: кошки бываютъ различнаго цвѣта.—*Отецъ.* Но ты вѣроятно видалъ кошекъ съ разрѣзанными ушами? Какъ ты думаешь: перестанетъ ли кошка быть кошкой, если ей разрѣзать уши?—*Сынъ.* Нѣтъ.—*Отецъ.* Но если наша Машка сидитъ не на полу, а на крышѣ; если она перестаетъ бѣгать и начинаетъ умываться, если она дѣлается голодною—перестаетъ ли она отъ этого быть кошкой?—*Сынъ.* Конечно нѣтъ: голодная или сытая, сидя или бѣгая, на крышѣ и на полу, Машка все будетъ кошкою. *Отецъ.* Но еслибы у Машки вдругъ, вмѣсто втяжныхъ кривыхъ когтей, сдѣлались прямые собачьи; тогда, какъ ты думаешь, останется ли Машка кошкой? — *Сынъ.* Нѣтъ, это уже будетъ какой-то особенный звѣрь съ кошачьею мордою и собачьими лапами. — *Отецъ.* Ты правъ. Замѣть же себѣ хорошенько, что такіе признаки, при перемѣнѣ которыхъ предметъ остается тѣмъ же предметомъ, какимъ былъ и прежде, называются *случайными* признаками; а тѣ—съ перемѣною которыхъ самое *существо* предмета измѣняется и онъ дѣлается другимъ *существомъ,* называются признаками *существенными.* Въ каждомъ существѣ непремѣнно есть признаки существенные и случайные.

СПОРЪ.

(Понятіе.)

Коля. Саша, а Саша, видалъ ли ты когда нибудь птицу? — *Саша.* Вотъ нашелъ диковину! Конечно видалъ.—*Коля.* А я тебѣ говорю, что ты никогда птицы не видалъ.—*Саша.* Ты шутишь.—*Коля.* Нѣтъ, я не шутя говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы. — *Саша.* Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клѣткѣ на окнѣ.—*Коля.* Это канарейка, а не птица. — *Саша.* Да развѣ канарейка не птица?—*Коля.* Канарейка—птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицы вообще; не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была бы никакою особенною птицею.—*Саша.* Ну, такой птицы я конечно не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби, или вороны; а птицы, которая была бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ. *Коля.* Но хочешь, я тебѣ докажу, что ты и канарейки никогда не видалъ. — *Саша.* Нѣтъ, ужъ этого ты мнѣ не докажешь. — *Коля.* Нѣтъ

докажу. Какого цвѣта наша канарейка? — *Саша.* Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватыя перья.—*Коля.* А на головѣ? *Саша.* На головѣ у нея хохолокъ.— *Коля.* У всѣхъ ли канареекъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія перья? — *Саша.* Нѣтъ: у нашего сосѣда канарейка вся желтенькая и безъ хохолка. — *Коля.* Слѣдовательно канарейки бываютъ разныя и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда ли? — *Саша.* Конечно нѣтъ. *Коля.* Слѣдовательно ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда, а канарейки вообще не видалъ. *Саша.* Ты, кажется, смѣешься надо мною.—*Отецъ.* Нѣтъ, Саша, Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные предметы; а говоря, напр. птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомъ нибудь опредѣленномъ, *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади цѣльное копыто а сзади хвостъ; она ѣстъ траву и по этому называется животнымъ травояднымъ; какъ ты думаешь, говорю ли я здѣсь объ одной какой нибудь лошади, или о лошади вообще?—*Саша.* О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву.—*Отецъ.* А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь. *Саша.* Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили. — *Отецъ.* Вотъ видишь ли, что Коля правъ. Но слушай же, что я скажу теперь тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи*, какъ ихъ еще называютъ; но вообще лошади, дерева, цвѣтка — нѣтъ; точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человѣка, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество единичныхъ предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе*, потому что находимъ между ними общіе признаки и даемъ этому *понятію* какое нибудь названіе: городъ, село, дерево, птица, канарейка, лошадь, человѣкъ; каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить какой нибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того же вида или того же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю Волга, а не рѣка уже вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человѣкъ вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которымъ собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другаго, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или указываю *мѣсто* и *время*, гдѣ и когда

я предметъ видалъ; потому что одного и того же мѣста въ одно и то же время два тѣлесные предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какому нибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ. Въ каждомъ собственномъ имени заключается понятіе объ единичномъ какомъ либо предметѣ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается понятіе о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между тѣлесными предметами; но суть созданія нашего ума, и всякое имя собственное или нарицательное заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ и видовыхъ, существенныхъ и случайныхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое—вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется: для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуемъ же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что кромѣ того, вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ опредѣленное мѣсто и имѣетъ вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ тѣлесныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое* или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Вмѣсто этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *вода есть жидкость*. Само собою разумѣется, что всякая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ: такихъ организмовъ, которые были бы совершенными жидкостями—нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще не отличили ее отъ дру-

гихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ или газовъ, съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнить ее съ другими жидкостями. Сравнивая напримѣръ, воду со ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость.* Но вода не единственная прозрачная жидкость: сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, вмѣщается въ графинѣ, своего собственнаго цвѣта нѣтъ. Прибавимъ же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная.*

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость прозрачная, безцвѣтная, не имѣющая ни вкуса, ни запаха.* Еслибы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ, и называется *опредѣленіемъ.* Мы *опредѣлили,* что такое вода.

Намъ извѣстно уже, что, говоря здѣсь о водѣ, мы говоримъ о водѣ вообще, а не о какой либо въ-особенности, не о той, которая находится передъ нами въ стаканѣ; слѣдовательно, мы говоримъ здѣсь о *понятіи*—вода, и его-то мы опредѣлили. Еслибы мы захотѣли опредѣлить ту воду, которая налита въ этомъ стаканѣ, или течетъ въ знакомой намъ рѣчкѣ, то должны были бы отыскать еще особенные, случайные признаки, отличающіе опредѣляемую нами воду отъ всѣхъ прочихъ водъ; но мы хотѣли опредѣлить воду вообще—или перечислить признаки, заключающіеся въ *понятіи* вода.

Каждое понятіе, какъ понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество видовыхъ и родовыхъ, существенныхъ и случайныхъ признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ

понятіи предмета, значитъ опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится и перечислить отличительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ; опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремень, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какой нибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того *вида*, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ.

ЯВЛЕНІЕ, ПРИЧИНА И СЛѢДСТВІЕ.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую дала мнѣ сестра, я встрѣтилъ на первой же страницѣ слово *явленіе* и не понимаю, что оно значитъ. *Отецъ*. Ты помнишь, какъ я объяснилъ тебѣ слово признакъ?—*Сынъ*. Помню. — *Отецъ*. Не можешь ли ты перечислить признаковъ этой шторы? — *Сынъ*. Она зеленаго цвѣта… *Отецъ*. Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты, зеленаго цвѣта; но какъ ты думаешь, всегда ли она останется зеленою?—*Сынъ*. О, нѣтъ! Она, вѣроятно, полиняетъ, какъ полиняла старая.—*Отецъ*. Слѣдовательно ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили.—*Сынъ*. Вода жидка: ее можно переливать и разливать, но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень. — *Отецъ*. Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется ли она жидкою? — *Сынъ*. Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски. — *Отецъ*. Видишь ли, что жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Посмотри на мѣдную ручку двери или вотъ на это кольцо: какъ ты думаешь, какимъ образомъ изъ твердаго металла, каковы мѣдь, золото и желѣзо, можно выдѣлывать такія разнообразныя вещи? Ножемъ тутъ ничего, кажется, не сдѣлаешь.—*Сынъ*. Да это не ножемъ и дѣлается; мнѣ разсказывалъ учитель, что мѣдь плавятъ на сильномъ огнѣ, и когда она сдѣлается жидкою, то выливаютъ ее въ формы, въ которыхъ она застываетъ. *Отецъ*. Ты конечно знаешь, какъ втеченіи лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева втеченіи времени также из-

мѣняется. А ты останешься ли всегда однимъ и тѣмъ же?—*Сынъ.* Нѣтъ, я выросту. — *Отецъ.* А потомъ станешь старѣться. У старика черные волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также растутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ признаки всего на свѣтѣ безпрестанно мѣняются. Даже камень и тотъ измѣняется.—*Сынъ.* Этого я не замѣтилъ.—*Отецъ.* И трудно тебѣ было бы замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и разсыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который бы не могъ перемѣняться.—*Сынъ.* Но что же такое явленіе?—*Отецъ.* Вотъ эта-то *перемѣна признаковъ предмета и называется явленіемъ.* Дерево растетъ, становится толще, больше; человѣкъ старѣется; вода на морозѣ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало по малу сгораетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это суть явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть перемѣна признаковъ предмета. *Сынъ.* Теперь я знаю, что такое явленіе; но отъ чего происходитъ эта перемѣна признаковъ?—*Отецъ.* Эта перемѣна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Еслибы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось бы мягкимъ; еслибы холодъ не дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась бы въ ледъ; если бы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то они никогда бы не падали; еслибы воздухъ и влага, которая въ немъ находится, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился бы въ песокъ; еслибы тотъ же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда бы не ржавѣло. Словомъ, еслибы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непремѣнно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ? *Сынъ.* Холодъ. — *Отецъ.* А какая причина того явленія, что твердое желѣзо дѣлается мягкимъ?—*Сынъ.* Жаръ.—*Отецъ.* А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся?—*Сынъ.* Вѣтеръ.—*Отецъ.* А какая причина вѣтра?—*Сынъ.* Та, что воздухъ нагрѣвается солнечными лучами не одинаково въ разныхъ мѣстахъ.—*Отецъ.* Теперь ты

знаешь, что такое причина. То, что происходитъ отъ той или другой причины, называется *слѣдствіемъ*. Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость? — *Сынъ*. Жаръ. — *Отецъ*. Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на плиту? — *Сынъ*. Онъ растопится и потечетъ, какъ вода. — *Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое *явленіе*, что такое *причина* и что такое *слѣдствіе*; но чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать отъ какихъ причинъ какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія? — *Сынъ*. Тряпка загорится. *Отецъ*. Но если сначала помочить тряпку водою, — такъ же ли скоро она загорится? — *Сынъ*. Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть. *Отецъ*. Но если ты обмокнешь тряпку не въ воду, а въ спиртъ или масло, — помѣшаетъ ли это ей загорѣться? — *Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе. — *Отецъ*. Почему же это? — *Сынъ*. Потому что спиртъ и масло горятъ, а вода нѣтъ. — *Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода нѣтъ? — *Сынъ*. Этого я не знаю. — *Отецъ*. Слѣдовательно ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй — узнаешь многое; но узнаешь также, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько явленій и объясни ихъ причины; потомъ скажи мнѣ нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непремѣнно произойдетъ то или другое слѣдствіе.

СУЩЕСТВО И ЯВЛЕНІЕ.

Отецъ. Что ты такъ пристально смотришь на часы? — *Сынъ*. Хочу подмѣтить, какъ движется часовая стрѣлка. Движеніе минутной я, кажется, вижу. — *Отецъ*. Это потому, что минутная движется быстрѣе часовой; движеніе же часовой стрѣлки слишкомъ медленно, чтобы можно было его замѣтить. Но почему же ты убѣжденъ, что она движется? — *Сынъ*. Потому что черезъ полчаса она будетъ на другомъ мѣстѣ. — *Отецъ*. Мнѣ пріятно, что ты думаешь о томъ, что видишь. Но скажи мнѣ, случалось ли тебѣ подмѣтить, какъ краснѣетъ вишня на деревѣ и какъ она изъ зеленой дѣлается ярко-красною? — *Сынъ*. Нѣтъ; потому что она краснѣетъ очень медленно. — *Отецъ*. Точно также не можемъ мы замѣтить, какъ желтѣетъ листокъ дерева; но взглянувъ дня черезъ два или три на листокъ, который мы видѣли зеленымъ,

мы находимъ, что онъ уже пожелтѣлъ. Ростъ дерева нельзя замѣтить не только черезъ день или два, но даже черезъ мѣсяцъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы ясно видимъ, что дерево выросло. Чѣмъ медленнѣе совершается перемѣна признаковъ въ какомъ нибудь предметѣ, тѣмъ больше нужно времени, чтобы замѣтить эту перемѣну. Нѣкоторые предметы измѣняются до того медленно, что мало человѣческой жизни, для того чтобы эту перемѣну подмѣтить. Крѣпкое каменное зданіе кажется намъ неизмѣннымъ; но пройдетъ нѣсколько сотъ лѣтъ и оно разрушится. Этого мало: твердыя скалы и высокія горы, которыя кажутся намъ вѣчными, тоже измѣняются; но только измѣняются впродолженіи многихъ тысячелѣтій. Ученые люди доказываютъ, что песокъ образовался изъ скалъ, которыя трескались и разсыпались отъ дѣйствія воздуха и воды; что твердый гранитъ былъ когда-то въ жидкомъ, а прежде даже въ газообразномъ состояніи; что втеченіи многихъ вѣковъ образуются новыя горы, новые острова, новыя земли; словомъ, что все на землѣ безпрестанно измѣняется и только одинъ Богъ остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Скажи же мнѣ теперь, что мы назвали явленіемъ? — *Сынъ.* Мы назвали явленіемъ перемѣну признаковъ въ предметѣ. — *Отецъ.* Но такъ какъ всѣ тѣлесные предметы измѣняются, и все, что существуетъ, безпрестанно, хотя многое и не замѣтно для насъ, перемѣняетъ свои признаки, то не въ правѣ ли мы сказать, что всякое существо есть въ тоже время явленіе; что весь міръ слѣдовательно есть одно безграничное и безконечное явленіе. Но, какъ ты знаешь уже, всякое явленіе имѣетъ свою причину; причина же явленія всего міра—Господь Богъ, а потому Его именуютъ Творцемъ и Вседержителемъ.

ЦѢЛЬ И НАЗНАЧЕНІЕ.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называются *естественными* или *природными;* другія — человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевертываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевертывать ихъ, если дуетъ: человѣкъ также перевертываетъ листы книги, но можетъ и не перевертывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое солнцемъ, непремѣнно проростетъ: человѣкъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человѣкъ производитъ какое-либо явленіе, то бо́льшею частію съ какою-либо *цѣлію*: рубитъ лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пашетъ землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли; но цѣль для нихъ указана Создателемъ: такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе; какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно закрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать, а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобъ поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей: заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однакоже мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цѣли*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ бы утолить свой страшный голодъ; но, утоляя голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роясь подъ землею, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не заботится о корняхъ растеній; а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ цѣль, которую сознаютъ, и имѣютъ назначеніе, о которомъ ровно ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать; съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *невольно*, а человѣкъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обработываетъ землю съ тою цѣлію, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человѣкъ старается выбрать для себя также дѣятельность, которая была бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ. Ремесленникъ, купецъ, воинъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами. Но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ своимъ *ближнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе *злые*, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ: кормятся и богатѣютъ не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдняки*, которые и рады бы трудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безсильныя дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать, калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ.

ЗАКОНЪ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день?— *Сынъ.* Урокъ изъ Закона Божія. — *Отецъ.* А знаешь ли ты, что̀ такое Законъ Божій. — *Сынъ.* О, да! Законъ Божій все равно, что воля Божія, по которой мы должны поступать.—*Отецъ.* Но откуда же мы знаемъ, что̀ угодно Господу Богу? — *Сынъ.* Изъ Священнаго Писанія. — *Отецъ.* Ты правъ; поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божію. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растетъ дерево, приноситъ плодъ и сѣмена; не по своей ли собственной?— *Сынъ.* Конечно нѣтъ, у дерева нѣтъ воли; точно также какъ нѣтъ ея у камня, воды или желѣза. — *Отецъ.* Правда твоя. Однакоже ты видишь, что камень, брошенный кверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ; ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется,—что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непремѣнно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ; что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшинѣ не выростетъ вишня, а на вишнѣ орѣхъ.

Откуда же всѣ эти существа знаютъ, что и какъ они должны дѣлать. — *Сынъ.* Это бездушныя существа: они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы. — *Отецъ.* Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другаго кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено. Камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣстенъ *законъ явленія,* по которому всѣ подобныя явленія совершаются непремѣнно. Такъ, напримѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня и желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, которыя тонутъ, съ тѣми, которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и на оборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ *законъ,* люди стали повѣрять его *опытами* и убѣдились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи легче воды, тонуло бы въ ней, или такого, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало бы по ея поверхности. Вотъ что называется *закономъ* явленія. Законы, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія въ природѣ, называются *естественными* законами; а науки, открывающія эти законы — *естественными* науками.

ЗАКОНЪ ЕСТЕСТВЕННЫЙ И ЗАКОНЪ НРАВСТВЕННЫЙ.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцемъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другаго тѣла, не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи? — *Сынъ.* О, нѣтъ! люди часто грѣшатъ и не исполняютъ закона Божьяго. — *Отецъ.* Слѣдовательно бездушныя вещи поступаютъ лучше людей? — *Сынъ.* Да, это прав-

да. — *Отецъ.* Но бездушныя вещи поступаютъ такъ, потому что не могутъ поступать иначе.— *Сынъ.* Хорошо было бы, еслибы и люди не могли грѣшить и не могли поступать иначе, какъ по закону Божію. *Отецъ.* Едва ли это такъ. Послушай, я разскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ, безчувственъ: никого не любилъ и ничего не понималъ, а главное былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ и ко всему его должно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ чтобы они продали товаръ и на вырученныя деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря ничего больше, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ уменъ, что самъ будетъ знать что̀ ему дѣлать. Но на другаго своего сына хозяинъ понадѣяться не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подъ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все, что̀ было нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученіе. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ, поцѣловалъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и посадилъ обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ съ слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей поступилъ отецъ такимъ образомъ?— *Сынъ.* Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ порученіе подъ надзоромъ слугъ. — *Отецъ.* Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата? — *Сынъ.* Да, но не по своей волѣ; онъ не могъ бы исполнить его дурно, еслибы и хотѣлъ;— *Отецъ.* Ты правъ: теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣсти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и изъ пониманія премудрости Его законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободною волею.

ОБЪЯСНЕНІЕ РИСУНКОВЪ.

I. Вѣточка вишни: 1) листочекъ; 2) цвѣточная почка; 3) распустившійся цвѣточекъ.

II. Цвѣтокъ вишни въ разрѣзѣ: 1) цвѣточная ножка; 2) листочки чашечки; 3) лепестки; 4) тычинки; 5) плодничокъ.

III. Тычинка вишни, отдѣленная отъ цвѣтка. Головка ея состоитъ изъ двухъ гнѣздышекъ, изъ которыхъ одно раскрылось для отдѣленія плодотворной пыли.

IV. 1) Отдѣльная плодотворная пылинка, сильно увеличенная подъ микроскопомъ; 2) возлѣ нея другая такая же пылинка, изъ которой вытягивается продолговатая трубочка во время оплодотворенія.

V. 1, 2 и 3 плодничокъ вишни, отдѣленный отъ цвѣтка: 1) завязь; 2) столбикъ съ канальцемъ внутри. Послѣ оплодотворенія столбикъ отпадаетъ. 3) рыльце; 4) пылинка, упавшая на липкое рыльце плодничка и вытянувшаяся въ трубочку; 5) сѣменная почка на днѣ плодничка, въ которую входитъ кончикъ пылинковой трубочки. Изъ кончика пылинковой трубочки образуется зародышъ; сѣменная почка обратится въ косточку, а стѣнки завязи въ мякоть вишни.

VI. Колосъ ржи. 1) тычинка отъ цвѣтка ржи.

VII. Одинъ изъ колосковъ ржи; 1) цвѣточная ножка; 2) наружныя плёнки (прицвѣтники); 3) плёнки, соотвѣтствующія чашечкѣ вишневаго цвѣтка; 4) внутреннія плёнки, соотвѣтствующія лепесткамъ; между этими плёнками скрывается плодникъ, нарисованный особо подъ № VIII.

VIII. Плодничокъ ржи, увеличенный: 1) самый плодничекъ, или будущее зерно; 2) вѣтвистое, раздвоенное рыльце плодничка.

IX. Зерно, или сѣмя ржи, совершенно созрѣвшее: 1) бѣлокъ; 2) зародышъ.

X. Проросшее зерно ржи: 1) бѣлокъ, который всасывается мало по малу зародышемъ; 2) корешки, пущенные зародышемъ; 3) единственная сѣменная доля зародыша, превратившаяся въ первый всходный листочекъ, еще свернутый въ трубочку.

XI. Пальма финиковая, какъ представитель односѣменодольныхъ деревъ.

XII. Проросшій зародышъ клена—представитель двусѣменодольныхъ растеній: 1) два первые всходные листочка; 2) верхушечная почка съ развивающимися листочками; 3) стебель развивающагося зародыша. Корешокъ не означенъ.

XIII. Вѣточка цвѣтущей березы, какъ представительницы односѣменныхъ растеній: 1) серёжка съ тычинками; 2) серёжка съ плодничками.

XIV. Двѣ отдѣльныя вѣтки ивы, какъ представительницы двудолныхъ растеній: 1) серёжки тычинковыя на одномъ деревѣ; 2) серёжки плодниковыя на друфомъ древѣ.

XV. Клѣточки, составляющія листовую мякоть гвоздики, съ зелеными крупинками внутри.

XVI. Тонкая наружная кожица, взятая съ листовой пластинки и увеличенная подъ микроскопомъ: 1) плоскія прозрачныя клѣточки, расположенныя одна возлѣ другой наподобіе досчечекъ въ паркетномъ полу; 2) устьица, т. е. отверстія, ведущія въ пещерки, лежащія въ листовой мякоти.

XVII. Разрѣзъ по направленію толщины листа для показанія положенія пещерокъ: 1) клѣточки, составляющія наружную кожицу листа; 2) двѣ клѣточки, между которыми входитъ воздухъ въ пещерки (устьица); 3) клѣточки, образующія листовую мякоть; 4) пещерки въ листовой мякоти, куда входитъ углекислый газъ.

XVIII. Спиральный сосудъ, отдѣльно взятый.

XIX. Продольный разрѣзъ стебля клена: 1) сердцевина, состоящая изъ клѣточекъ правильной формы; 2) спиральные сосуды; 3) древесина, состоящая изъ слоевъ, обхватывающихъ одни другіе; 4) заболонь, состоящая изъ самыхъ новыхъ и мягкихъ слоевъ древесины; 5) лубъ; 6) кора, состоящая изъ нѣсколькихъ слоевъ.

XX. Поперечный разрѣзъ ствола молодаго дуба: 1) кора; 2) слои древесины; 3) сердцевина.

XXI. Нитчатка, увеличенная подъ микроскопомъ, состоящая изъ нѣсколькихъ клѣточекъ съ зародышами новыхъ клѣточекъ внутри.

XXII. Каменоломня. Ломка шифера.

XXIII. Дѣйствующій вулканъ: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась изъ внутренности земли наружу; 2) конусообразныя вершины (похожія на сахарныя головы), образовавшіяся изъ вулканическихъ камней и золы, выброшенныхъ дѣйствующимъ вулканомъ.

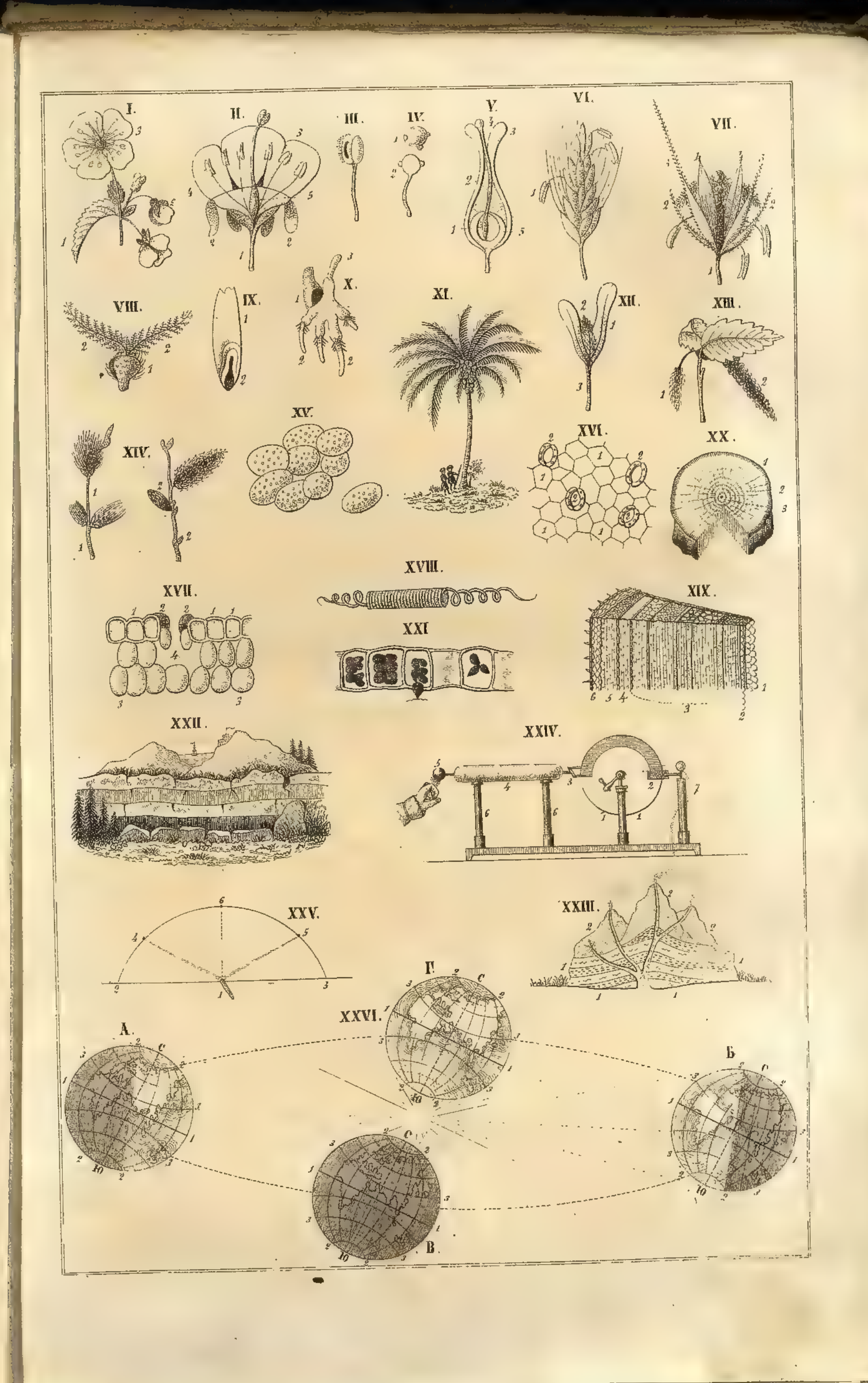
XXIV. Электрическая машина: 1) стеклянный кругъ; 2) подушки, натирающія стекло; 3) мѣдная вилка, собирающая электричество со стекляннаго круга и проводящая его на кондукторъ; 4) кондукторъ, или металлическій цилиндръ, внутри пустой, по поверхности котораго разливается электричество; 5) мѣдный шарикъ, которымъ оканчивается кондукторъ; изъ этого шарика является электрическая искра при приближеніи къ нему руки во время поворачиванія стекляннаго круга; 6) стеклянные столбики, поддерживающіе кондукторъ и стеклянный кругъ; 7) мѣдная цѣпочка, служащая для проведенія отрицательнаго электричества въ землю.

XXV. Рисунокъ, объясняющій нахожденіе полуденной линіи: 1) палка, отвѣсно воткнутая въ землю на ровномъ мѣстѣ, освѣщенномъ солнцемъ; 2) и 3) полукругъ, описанный на землѣ, центромъ для котораго служитъ основаніе палки; 4) когда тѣнь отъ палки, укорачиваясь, дойдетъ поутру до окружности полукруга, то слѣдуетъ на немъ отмѣтить эту точку, которая на рисункѣ означена цифрою 4; когда потомъ послѣ полудни тѣнь, снова удлиняясь, дойдетъ до того же круга, то слѣдуетъ замѣтить и эту точку, отмѣченную на рисункѣ цифрою 5; если дугу, находящуюся между этими двумя замѣченными точками, раздѣлить ровно пополамъ и если точку, обозначающую средину дуги, соединить съ основаніемъ палки, то эта линія будетъ частью меридіана. Для удобства наблюденій проводятъ не одинъ, а нѣсколько круговъ.

XXVI. Рисунокъ, объясняющій времена года: А) положеніе земли въ декабрѣ; Б) положеніе земли въ іюнѣ; В)—въ мартѣ; Г)—въ сентябрѣ; 1) экваторъ; 2) полярные круги; 3) тропики; С означаетъ сѣверный полюсъ; Ю—южный; линія, соединяющая ихъ, будетъ земная ось.

КОРРЕКТУРНЫЕ НЕДОСМОТРЫ КНИГИ «ДѢТСКІЙ МІРЪ».

						Напечатано.	Слѣдовало бы напечатать.
На	страницѣ	24-й,	9-й	строкѣ	сверху	вспомнить	вспомнить
»	»	—	10-й	»	»	звѣнить	звенить
»	»	28-й,	3-й	»	»	почищѣ	почище
»	»	30-й,	10-й	»	»	ярморку	ярмарку
»	»	41-й,	5-й	»	»	слышашь	слышать
»	»	50-й,	2-й	»	снизу	еленаго	зеленаго
»	»	52-й,	3-й	»	сверху	о по серединѣ	по серединѣ,
»	»	97-й,	1-й	»	»	пальцахъ	колѣнахъ
»	»	119-й,	1-й	»	»	отыискиваютъ	отыскиваютъ
»	»	122-й,	16-й	»	снизу	кловъ	клювъ
»	»	126-й,	16-й	»	»	забираютея	забираются
»	»	127-й,	1-й	»	сверху	окоченелыя	окоченѣлыя
»	»	128-й,	6-й	»	»	двигать	двигаться
»	»	148-й,	4-й	»	»	Это безвредное животное, но очень замѣчательно.	Это безвредное животное очень замѣчательно.
»	»	178-й,	8-й	»	»	изъ дерево	изъ дерева
»	»	189-й,	6-й	»	»	сажньее	сажень
»	»	—	17-й	»	»	ешишки	шишки
»	»	—	2-й	»	снизу	хвойнныхъ	хвойныхъ
»	»	215-й,	—			отдѣлъ VI-й	отдѣлъ V-й
»	»	218-й,	13-й	»	сверху	обозжены	обожжены,
»	»	221-й,	6, 16, 22-й	»	»	вызженный	выжженный
»	»	234-й,	6 и 11-й	»	»	отзчего	отчего
»	»	235-й,	18-й	»	»	драгоцѣнный	драгоцѣнные
»	»	—	2-й	»	снизу	юдей	людей
»	»	224-й,	13-й	»	»	стальнымъ	угольнымъ
»	»	265-й,	12-й	»	сверху	растопленное	растопленное
»	»	306-й,	2-й	»	снизу	меридаінъ	меридіанъ
»	»	313-й,	11-й	»	сверху	іюля	іюня

I.
II.
III.
IV.
V.
VI.
VII.
VIII.
IX.
X.
XI.
XII.
XIII.
XIV.
XV.
XVI.
XX.
XVIII.
XVII.
XIX.
XXI
XXII.
XXIV.
XXV.
XXIII.
XXVI.
Г.
А.
Б.
В.

ХРИСТОМАТІЯ.

ХРИСТОМАТІЯ.

Отдѣлъ I-й. Стихи.

Отдѣлъ II-й. Басни и разсказы въ прозѣ.

Отдѣлъ III-й. Образцы слога лучшихъ русскихъ писателей.

Отдѣлъ IV-й. Отрывки изъ исторіи Россіи.

Въ этомъ отдѣлѣ помѣщены почти только отрывки изъ исторіи Карамзина. Не полагая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, что практическое изученіе русскаго языка и слога можетъ ограничиться изученіемъ одного какого нибудь классическаго писателя и по преимуществу Карамзина, мы думаемъ однако, что изученіе карамзинской рѣчи весьма полезно и что правильные, тщательно отдѣланные періоды этого писателя, представляютъ прекрасное пособіе для болѣе сложныхъ грамматическихъ разборовъ и для пріученія учениковъ къ разстановкѣ знаковъ. Мы помѣстили эти отрывки въ хронологическомъ порядкѣ съ тою цѣлью, чтобы преподавателю представился случай связать ихъ своими объясненіями и при этомъ, пройдя словесно краткую исторію Россіи до Петра Великаго, пріучить учениковъ къ связнымъ историческимъ разсказамъ. Лучшія первоначальныя упражненія въ біографическихъ разсказахъ и удобнѣйшій поводъ къ объясненію первоначальныхъ историческихъ понятій (какъ напр. осѣдлая и кочевая жизнь, семейство, родъ, колѣно, племя, народъ, государство, правительство, законъ, война, завоеваніе, территоріумъ, и т. п.) представляетъ, конечно, Священная Исторія, которая, по нашему мнѣнію, кромѣ своего спеціальнаго назначенія, можетъ служить превосходнымъ подготовленіемъ къ изученію всеобщей исторіи. Исторія ни одного народа не можетъ быть проходима въ училищѣ съ подробностію, какъ проходима исторія евреевъ. И именно эти-то подробности необходимы для того, чтобы ввести ученика незамѣтно и легко въ пониманіе организма историческаго общества и его исторіи. Если же мы не помѣстили отрывковъ изъ Священной Исторіи въ «Книгу для Чтенія», то во-первыхъ потому, что Священная Исторія въ большомъ числѣ экземпляровъ всегда находится въ каждомъ училищѣ; а во-вторыхъ потому, что преподаваніе этого предмета лежитъ на обязанности законоучителя. Но весьма было бы полезно, еслибы преподаватель русскаго языка соединилъ свои усилія съ законоучителемъ, какъ въ изученіи церковно-славянскаго языка, такъ и въ ознакомленіи дѣтей, черезъ библейскія понятія, съ общими историческими понятіями. При такомъ только подготовленіи къ исторіи, возможно сознательное ея изученіе и это подготовленіе не можетъ быть замѣнено никакимъ «введеніемъ» въ исторію, гдѣ въ короткихъ опредѣленіяхъ слишкомъ отвлеченныхъ для дѣтей предметовъ, а не въ подробныхъ и живыхъ разсказахъ излагаются предварительныя историческія понятія. Чтеніе отрывковъ изъ исторіи Россіи, связываемыхъ разсказами преподавателя, съ возможно-полнымъ грамматическимъ и вещественнымъ разборомъ каждаго отрывка, будетъ, какъ намъ кажется, не только хорошимъ упражненіемъ въ русскомъ языкѣ для дѣтей, получившихъ уже нѣкоторый навыкъ въ его словесномъ и письменномъ употребленіи, но и подготовленіемъ къ сёрьезному изученію исторіи, къ которому ученикъ, по нашему мнѣнію, не можетъ приступить ранѣе 14-го или даже 15-го года.

стр

КОРРЕКТУРНЫЕ НЕДОСМОТРЫ ХРИСТОМАТІИ.

						Напечатано.	Должно быть.
На	страницѣ	13-й,	1-й	строкѣ	сверху	заморозилъ *мальчикъ*	заморозилъ *пальчикъ*
»	»	17-й,	16-й	»	»	въ изсту*л*еніи	въ изсту*п*леніи
»	»	20-й,	14-й	»	»	цвѣточ*и*къ	цвѣточ*е*къ
»	»	55-й,	1-й	»	снизу	*П*ойдемъ	*п*ойдемъ
»	»	81-й,	13-й	»	верху	однакож*ь*	однакож*ъ*
»	»	82-й,	19-й	»	»	предотвратит*ъ*	предотвратит*ь*
»	»	146-й,	16-й	»	»	*в*ъ нему	*к*ъ нему
	»	160-й,	15-й	»	»	съ Швецію	съ Щвеціею

ХРИСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I-Й.

СТИХИ.

ПТИЧКА.

Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда;
Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взойдетъ —
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы,
Лѣто знойное пройдетъ —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ:
Людямъ скучно, людямъ горе;
Птичка въ дальнія страны,
Въ теплый край, за сине море,
Улетаетъ до весны.

А. Пушкинъ.

МУХА.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ, а Муха у него сидѣла на рогахъ, и Муху же они дорогой повстрѣчали. «Откуда ты,

сестра?» отъ этой былъ вопросъ. — А та, поднявши носъ, въ отвѣтъ ей говоритъ: «Откуда?... мы пахали!»

И. Дмитріевъ.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня; бѣдняжка въ ней и рвался, и метался, а Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался. «Не стыдно-ль», говоритъ: «средь бѣла дня попался! не провели бы такъ меня: за это я ручаюсь смѣло.» Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ. И дѣло! Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, Голубокъ.

И. Крыловъ.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума-Лиса залѣзла въ садъ; въ немъ винограду кисти рдѣлись. У кумушки глаза и зубы разгорѣлись; а кисти сочныя, какъ яхонты горятъ; лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко: отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ, хоть видитъ око, да зубъ нейметъ. Пробившись по-пусту часъ цѣлой, пошла и говоритъ съ досадою: «Ну, что жъ! На взглядъ-то онъ хорошъ, да зеленъ — ягодки нѣтъ зрѣлой: тотчасъ оскомину набьешь».

И. Крыловъ.

ПѢТУХЪ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашелъ Жемчужное Зерно, и говоритъ: «куда оно, какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ? А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно.»

Невѣжи судятъ точно такъ: въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

И. Крыловъ.

МАРТЫШКА И ОЧКИ.

Мартышка въ старости слаба глазами стала; а у людей, она слыхала, что это зло еще не такъ большой руки: лишь стоитъ завести Очки. Очковъ съ полдюжины себѣ она достала; вертитъ Очками такъ и сякъ: то къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ, то ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ. Очки не дѣйствуютъ никакъ. «Тьфу пропасть!» говоритъ она: «и тотъ дуракъ, кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ: все про Очки лишь мнѣ налгали; а проку на-волосъ

нѣтъ въ нихъ.» Мартышка тутъ съ досады и съ печали о камень такъ хватила ихъ, что только брызги засверкали.

И. Криловъ.

СЛОНЪ И МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили, какъ видно на-показъ — извѣстно, что Слоны въ-диковинку у насъ — такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили. Отколѣ ни возьмись, на встрѣчу Моська имъ. Увидѣвши Слона, ну на него метаться, и лаять, и визжать, и рваться, — ну, такъ и лѣзетъ въ драку съ нимъ. «Сосѣдка, перестань срамиться, ей шавка говоритъ: тебѣ ль съ Слономъ возиться? Смотри, ужъ ты хрипишь а онъ себѣ идетъ впередъ, и лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ». — «Э-эхъ!» ей Моська отвѣчаетъ: «вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ, что я, совсѣмъ безъ драки, могу попасть въ большіе забіяки. Пускай же говорятъ собаки: «ай, Моська! знать она сильна, что лаетъ на Слона!»

И. Криловъ.

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

Жилъ старикъ со своею старухой у самаго синяго моря; они жили въ ветхой землянкѣ ровно тридцать лѣтъ и три года. Старикъ ловилъ неводомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу. Разъ онъ въ море закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ одною тиной; онъ въ другой разъ закинулъ неводъ, пришелъ неводъ съ травой морской; въ третій разъ закинулъ онъ неводъ, пришелъ неводъ съ золотой рыбкою, съ непростою рыбкой, золотою. Какъ взмолится золотая рыбка, голосомъ молвитъ человѣчьимъ: «отпусти ты, старче, меня въ море, дорогой за себя дамъ откупъ; откуплюсь чѣмъ только пожелаешь». Удивился старикъ, испугался: онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года, и не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила. Отпустилъ онъ рыбку золотую и сказалъ ей ласковое слово: «Богъ съ тобою, золотая рыбка! Твоего мнѣ откупа не надо; ступай себѣ въ синее море, гуляй тамъ себѣ на просторѣ.»

Воротился старикъ ко старухѣ, разсказалъ ей великое чудо: «я сегодня поймалъ-было рыбку, золотую рыбку, не простую; по-нашему говорила рыбка, домой въ море синее просилась, дорогою цѣною откупалась: откупалась чѣмъ только пожелаю. Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ; такъ пустилъ ее въ синее море.» Старика старуха за-

бранила: «дурачина ты, простофиля! Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки! Хоть бы взялъ ты съ нея корыто: наше-то совсѣмъ раскололось.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю. Видитъ: море слегка разыгралось. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка и спросила: «чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка! Разбранила меня моя старуха, не даетъ старику мнѣ покою: надобно ей новое корыто; наше-то совсѣмъ раскололось.» Отвѣчаетъ золотая рыбка: «не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Будетъ вамъ новое корыто.» Воротился старикъ ко старухѣ; у старухи новое корыто. Еще пуще старуха бранится: «дурачина ты, простофиля! Выпросилъ, дурачина, корыто! Въ корытѣ много-ли корысти? Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ; поклонись ей, выпроси ужъ избу.»

Вотъ пошелъ онъ къ синему морю: помутилося синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?» Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка! Еще пуще старуха бранится, не даетъ старику мнѣ покою; избу проситъ сварливая баба.» Отвѣчаетъ золотая рыбка: «не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»

Пошелъ онъ ко своей землянкѣ, а землянки нѣтъ ужъ и слѣда; передъ нимъ изба со свѣтелкой, съ кирпичною, бѣленою трубою, съ дубовыми тесовыми вороты. Старуха сидитъ подъ окошкомъ, на чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ: «дурачина ты, прямой простофиля! Выпросилъ, простофиля, избу! Воротись, поклонись рыбкѣ: не хочу быть черной крестьянкой, хочу быть столбовою дворянкой.» Пошелъ старикъ къ синему морю (не спокойно синее море). Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка! Пуще прежняго старуха вздурилась, не даетъ старику мнѣ покою: ужъ не хочетъ быть она крестьянкой, хочетъ быть столбовою дворянкой.» Отвѣчаетъ золотая рыбка: «не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ; чтожъ онъ видитъ? Высокій теремъ. На крыльцѣ стоитъ его старуха въ дорогой собольей душегрѣйкѣ, парчевая на маковкѣ кичка, жемчуги окружили шею, на рукахъ золотые перстни, на ногахъ красные сапожки. Передъ нею усердные слуги; она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ. Говоритъ старикъ своей

старухѣ: «здравствуй, барыня — сударыня, дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна». На него прикрикнула старуха, на конюшню служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходитъ; еще пуще старуха вздурилась; опять къ рыбкѣ старика посылаетъ. «Воротись, поклонися рыбкѣ: не хочу быть столбовою дворянкой, а хочу быть вольною царицей.» Испугался старикъ, взмолился: «что ты, баба, бѣлены объѣлась? Ни ступить, ни молвить не умѣешь, насмѣшишь ты цѣлое царство.» Осердилася пуще старуха, по щекѣ ударила мужа. «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною, со мною, дворянкой столбовою? Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честью, не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичокъ отправился къ морю: почернѣло синее море. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?» Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка, опять моя старуха бунтуетъ: ужъ не хочетъ быть она дворянкой, хочетъ быть вольною царицей.» Отвѣчаетъ золотая рыбка: «не печалься, ступай себѣ съ Богомъ! Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичокъ къ старухѣ воротился. Чтожъ? Предъ нимъ царскія палаты, въ палатахъ видитъ свою старуху, за столомъ сидитъ она царицей, служатъ ей бояре, да дворяне, наливаютъ ей заморскія вины, заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ; вкругъ стоитъ ея грозная стража, на плечахъ топорики держатъ. Какъ увидѣлъ старикъ, испугался; въ ноги онъ старухѣ поклонился, молвилъ: «здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна?» На него старуха не взглянула, лишь съ очей прогнать его велѣла. Подбѣжали бояре и дворяне, старика въ зашеи затолкали. А въ дверяхъ-то стража подбѣжала, топорами чуть не изрубила; а народъ-то надъ нимъ насмѣялся. «По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа! Впередъ тебѣ, невѣжа, наука: не садися не въ свои сани!»

Вотъ недѣля-другая проходитъ, еще пуще старуха вздурилась: царедворцевъ за мужемъ посылаетъ. Отыскали старика, привели къ ней. Говоритъ старику старуха: «воротись, поклонися рыбкѣ: не хочу быть вольною царицей, хочу быть владычицей морскою, чтобъ жить мнѣ въ окіянѣ-морѣ, чтобъ служила мнѣ рыбка золотая и была бъ у меня на посылкахъ.» Старикъ не осмѣлился перечить, не дерзнулъ поперёгъ слова молвить.

Вотъ идетъ онъ къ синему морю; видитъ, на морѣ черная буря: такъ и вздулися сердитыя волны, такъ и ходятъ, такъ воемъ и во-

ютъ. Сталъ онъ кликать золотую рыбку; приплыла къ нему рыбка, спросила: «чего тебѣ надобно, старче?» Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ: «смилуйся, государыня рыбка! Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой? Ужъ не хочетъ быть она царицей, хочетъ быть владычицей морской, чтобъ жить ей въ окіянѣ-морѣ, чтобы ты сама ей служила и была-бы у нея на посылкахъ.»

Ничего не сказала рыбка, лишь хвостомъ по водѣ плеснула и ушла въ глубокое море. Долго у моря ждалъ онъ отвѣта, не дождался, къ старухѣ воротился... Глядь: опять передъ нимъ землянка, на порогѣ сидитъ его старуха, а передъ нею разбитое корыто.

А. Пушкинъ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца Мѣсяцъ лучь свой заронилъ.

— «Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?» робко онъ меня спросилъ.

— Въ день-денской устало Солнце, и сказалъ ему Господь: «лягъ, засни — и за тобою все задремлетъ, все заснетъ.» И взмолилось Солнце брату: «другъ мой, Мѣсяцъ золотой! Ты зажги фонарь — и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: все развѣдай — и поутру приходи и дай мнѣ знать.» Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ, сторожитъ земли покой, завтражъ рано-рано къ Солнцу постучится братъ меньшой. «Стукъ-стукъ-стукъ!» отворятъ двери. «Солнце, встань! Грачи летятъ, пѣтухи давно пропѣли, и къ заутренѣ звонятъ!» — Солнце встанетъ, Солнце спроситъ: «что, голубчикъ братецъ мой? Какъ тебя Господь-Богъ носитъ? что ты блѣденъ? что съ тобой?» И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ, кто и какъ себя ведетъ. Если ночь была спокойна, Солнце весело взойдетъ. Если нѣтъ, взойдетъ въ туманѣ; вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ, въ садъ гулять не выйдетъ няня, и дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ, долго на небо глядѣлъ, долго онъ молчалъ и няню онъ позвать къ себѣ велѣлъ, и велѣлъ старушкѣ-нянѣ Богородицу читать, и за ней, сложа ручёнки, сталъ молитву повторять.

Полонскій.

ЧИЖЪ И ЗЯБЛИЦА.

Чижъ свилъ себѣ гнѣздо, и, сидя въ немъ, поетъ: «ахъ! скоро-ль солнышко взойдетъ, и съ домикомъ меня застанетъ? ахъ! скоро-ли оно проглянетъ? Но вотъ ужъ и взошло! какъ тихо и красно! какая въ воздухѣ, въ дыханьѣ, въ жизни сладость! Ахъ, я такого дня не

видывалъ давно!» Но безъ товарища и радость намъ не въ радость: желаешь для себя, а ищешь раздѣлить!—«Любезна Зяблица!» кричитъ мой Чижъ сосѣдкѣ, смиренно прикорнувшей къ вѣткѣ: «что ты задумалась? давай-ка день хвалить! смотри, какъ солнышко...» Но солнце вдругъ сокрылось, и небо тучами отвсюду обложилось; всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзда, кто въ рѣку, лишь галки стаями гуляютъ по песку, и крикомъ бурю вызываютъ; да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ; быкъ, шею вытянувъ, подъ плугомъ заревѣлъ; а конь, поднявши хвостъ и разметавши гриву, ржетъ, пышетъ и летитъ чрезъ ниву. И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ возшумѣлъ, со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ, и пали пастухи со стадомъ. Потомъ прошла гроза и солнце разсвѣло, все стало ярче и свѣтлѣе, цвѣты душистѣе, деревья зеленѣе — лишь домикъ у Чижа куда-то занесло. О, бѣдненькій мой Чижъ! Онъ, мокрыми крылами насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ и ей со вздохомъ и слезами, носокъ повѣся, говоритъ: «ахъ! всякъ своей бѣдой ума себѣ прикупитъ: впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ.»

И. Дмитріевъ.

МОТЪ И ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ, въ наслѣдство получа богатое имѣнье, пустился въ мотовство, и при большомъ радѣньѣ спустилъ все чисто; наконецъ, съ одною шубой онъ остался, и то лишь для того, что было то зимой—такъ онъ морозовъ побоялся. Но, Ласточку увидя, малой мой и шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ, что ласточки къ намъ прилетаютъ передъ весной: «такъ въ шубѣ,» думалъ онъ, «нѣтъ нужды никакой: къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ къ весенней клонится пріятной все погодѣ, и въ сѣверную глушь морозы загнаны!» — Догадки малаго умны; да только онъ забылъ пословицу въ народѣ: что ласточка одна не дѣлаетъ весны. И подлинно: опять отколь взялись морозы, по снѣгу хрупкому скрипятъ обозы, изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло узорами заволокло. Отъ стужи малаго прошибли слезы, и Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней, онъ видитъ на снѣгу замерзшую. Тутъ къ ней, дрожа, насилу могъ онъ вымолвить сквозь зубы: — «проклятая! сгубила ты себя, а понадѣясь на тебя, и я теперь не во-время безъ шубы!»

И. Крыловъ.

ОВСЯНЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсяный кисель на столѣ: читайте молитву; смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться; кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо; кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ. Вотъ Господь-Богъ сказалъ: «поди домой, не заботься; я не засну, — безъ тебя онъ взойдетъ, разцвѣтетъ и созрѣетъ.» Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ въ рыхлую землю его не положатъ и въ ней не согрѣютъ. Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ и малюткѣ тепло подъ землею; вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ, сокъ изъ роднаго зерна, и ростетъ, и невидимо зрѣетъ; вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ; роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ. Чтоже?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... «Какъ-бы провѣдать, что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ творится?...» Тайкомъ, боязливо выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо! — Смотришь, — Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба: «дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй!» Пьетъ онъ.... Ахъ, какъ-же малюточкѣ сладко, свѣжо и свободно!

Рядится красное солнышко; вотъ нарядилось, умылось, на горы вышло съ своимъ рукодѣльемъ; идетъ по небесной свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотритъ на землю, словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось, — такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли! «Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!» Въ чемъ-же его рукодѣлье? Точетъ облачко дождевое; смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло. Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ — онъ обсохнулъ. «Нѣтъ (говоритъ онъ) теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ. Что мнѣ въ потемкахъ? Здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.» Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Ждетъ и малютку тяжкое время: темныя тучи день и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце; снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ. Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ ноетъ! Что съ нимъ будетъ? Земля заперлась и — негдѣ взять пищи. «Гдѣ-же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ? или боится замерзнуть? иль и его нѣтъ на свѣтѣ? Ахъ, за-

чѣмъ покидалъ я родимое зернышко! Дома было мнѣ лучше: сидѣть-бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.» Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ, и вамъ доведется вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы сказать въ одинокой печали: «худо мнѣ; лучше-бы дома сидѣть у родимой за печкой....» Богъ васъ утѣшитъ, друзья, всему есть конецъ; веселѣе будетъ и вамъ, какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло, смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ. Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ. Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами; вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо; наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь!» Кстати-ль! Листки распустила.... Кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?.. Вотъ стебелёкъ показался.... Кто изъ жилочки въ жилку чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной? Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колосъ.... Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ? Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ, по полю взадъ и впередъ, съ благодатью небесной летаютъ.

Вотъ ужъ и цвѣтомъ нѣжный, зыбучій колосикъ осыпанъ; наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчальномъ. Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ». Смотритъ: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить; пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!!! Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ, тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ — посвѣтить ей въ потемкахъ. Кушайте свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили; собраны вишни; въ саду ни одной не осталося сливки; вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу и просо; ужъ и на жниво сбирать босикомъ ребятишки сходились колосъ оброненный: имъ помогла тихомолкомъ и мышка.... Что-то былиночка дѣлаетъ? О, ужъ давно пополнѣла; много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: «полно: время мое миновалось: зачѣмъ мнѣ одной оставаться въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой?!» Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша: ужъ и морозъ поку-

салъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы; вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ; вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ; началъ жерновъ молоть; и зернышки стали мукою; вотъ молочка надоила отъ пестрой коровки родная полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать; дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо!»

Жуковскій.

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка, пашней, десятиной, выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большова лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну! тащися, сивка! я самъ,—другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зерна насыпаю. Весело гляжу я, на гумно, на скирды, молочу и вѣю.—Ну! тащися, сивка! Пашенку мы рано съ сивкою распашемъ: зернышку сготовимъ колыбель святую. Его вспоитъ, вскормитъ мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка.... Ну! тащися, сивка!—Выйдетъ въ полѣ травка; выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенять здѣсь косы: сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ! Ну! тащися, сивка!—Накормлю до-сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посѣю: уроди, мнѣ, Боже, хлѣбъ — мое богатство!

А. Кольцовъ.

ВАНЯ И НЯНЯ.

— Говорятъ: война! война! рѣзвый мальчикъ Ваня лепеталъ. «Да гдѣ-жь она? Разскажи-ка, няня!»

— Тамъ — далёко. Подрастёшь — послѣ растолкую.

— Нѣтъ, теперь скажи: за что-жь? какъ-же тамъ воюютъ?»

— Ну, сойдутся, станутъ въ рядъ посрединѣ луга, да изъ пушки и палятъ, да и бьютъ другъ друга. Дымъ-то такъ валитъ тогда, что ни зги не видно.

— Такъ они дерутся?

— Да.

— Да вѣдь драться стыдно? Мнѣ сказалъ папаша самъ: «заниматься этимъ—только пьянымъ мужикамъ, а не умнымъ дѣтямъ!» Помнишь— какъ-то съ Мишей я за игрушку спорилъ; онъ давай толкать меня,

да и раззадорилъ. Я прибилъ его. Вотъ на! побѣдили наши! «Это что у васъ? война?» слышимъ крикъ папаши: «розгу!» — Съ Мишей тутъ у насъ было слезъ довольно. Насъ папаша въ этотъ разъ высѣкъ очень больно. «Стыдно драться», говоритъ, «ссорятся лишь злые.» Ишь! И маленькимъ-то—стыдъ! а вѣдь тамъ—большіе! Самъ я видѣлъ сколько разъ: мимо шли солдаты. У! большущіе! Я глазъ не спускалъ: все хваты! Шапки мѣдныя съ хвостомъ! Ружей много, много! Барабаны—тромъ-томъ-томъ! Вся гремитъ дорога!

«Тромъ-томъ-томъ!»—и весь горитъ отъ восторга Ваня; но, подумавъ, говоритъ: «а вѣдь вѣрно, няня, «на войну шло столько ихъ, гдѣ налятъ изъ пушки: вѣрно, вышла и у нихъ ссора за игрушки!

Бенедиктовъ.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАКЪ.

Однажды Лебедь, Ракъ да Щука, везти съ поклажей возъ взялись, и вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись; изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу всё нѣтъ ходу! Поклажа бы для нихъ казалась и легка: да Лебедь рвется въ облака, Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду. Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ,—судить не намъ, да только возъ и нынѣ тамъ.

И. Крыловъ.

ЩУКА И КОТЪ.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло за кошачье приняться ремесло. Не знаю: завистью-ль ее лукавый мучилъ, иль, можетъ-быть, ей рыбный столъ наскучилъ? Но только вздумала Кота она просить, чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту, — Мышей въ анбарѣ половить.

—Да, полно, знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу? сталъ Щукѣ Васька говорить: смотри, кума, чтобы не осрамиться: не даромъ говорится, что дѣло мастера боится.

— И, полно, куманёкъ! Вотъ невидаль: мышей! Мы лавливали и ершей.

— Такъ въ добрый часъ, пойдемъ!

Пошли, засѣли. Натѣшился, наѣлся Котъ, и кумушку провѣдать онъ идетъ; а Щука, чуть жива, лежитъ, разинувъ ротъ, —и крысы хвостъ у ней отъѣли. Тутъ, видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ, кумъ за-мертво стащилъ ее обратно въ прудъ.

И дѣльно! Это, Щука, тебѣ наука, впередъ умнѣе быть и за мышами не ходить.

И. Крыловъ.

ШКОЛЬНИКЪ.

— Ну, пошелъ же, ради Бога! — Небо, ельникъ и песокъ: не веселая дорога...—Эй! садись ко мнѣ, дружокъ!—Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Не стыдися! что за дѣло? это многихъ славныхъ путь. Вижу я въ котомкѣ книжку. Такъ, учиться ты идешь... Знаю: батька на сынишку издержалъ послѣдній грошъ. Знаю, старая дьячиха отдала четвертачокъ, что проѣзжая купчиха подарила на чаёкъ. Или, можетъ, ты дворовый изъ отпущенныхъ?... Ну, что-жъ! случай тоже ужъ не новый: не робѣй, не пропадешь!.. Скоро ты узнаешь въ школѣ, какъ архангельскій мужикъ, по своей и Божьей волѣ, сталъ разуменъ и великъ. Не безъ добрыхъ душъ на свѣтѣ — кто-нибудь свезетъ въ Москву, будешь въ университетѣ — сонъ свершится на яву! Тутъ ужъ поприще широко: знай работай, да не трусь!..

Некрасовъ.

СВИНЬЯ.

Свинья на барскій дворъ когда-то затесалась; вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась; въ сору, въ навозѣ извалялась; въ помояхъ по-уши до-сыта накупалась: и изъ гостей домой пришла — свинья-свиньей. «Ну, что-жъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такого?» Свинью спросилъ пастухъ: «вѣдь идетъ слухъ, что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ; а въ домѣ, такъ одно богатѣе другаго?» Хавронья хрюкаетъ: — «ну, право, порютъ вздоръ. Я не примѣтила богатства никакого; все только лишь навозъ, да соръ; а, кажется, ужъ не жалѣя рыла, я тамъ изрыла — весь задній дворъ.»

ЗИМА.

Зима... Крестьянинъ торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летитъ кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ,
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки *жучку* посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;

Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно . . .

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ; голодный звѣрь въ ущельи вылъ; въ селѣ далекомъ лаялъ песъ; въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его. Морозитъ, завтра Рождество. Глухою, снѣжною тропой, усталый, онъ спѣшитъ домой къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ, и хлѣбъ для праздника роднымъ несетъ онъ съ барскаго двора; имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ! Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ: къ сугробу молча прислоненъ, дыханьемъ руки грѣетъ онъ, и, мнится, пламя жизни въ немъ погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ. «Куда твой путь, бѣдняжка мой? Приди погрѣться къ намъ домой.» И онъ озябшаго беретъ. Вотъ наконецъ онъ у воротъ; вотъ онъ взошелъ на пиръ къ роднымъ, съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ. У печки тамъ жена его младенца кормитъ своего: «какъ ты себя заставилъ ждать! Приди-жъ къ огню, поближе сядь; ты также!» Ласкова, нѣжна, дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей, взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй; не помня нужды, весела, тогда свой хлѣбъ она взяла, на столъ снесла его, потомъ и кринку съ жидкимъ молокомъ. Ихъ полъ, для жданнаго денька, соломой былъ прикрытъ слегка. Съ него всталъ рой ребятъ къ столу: одинъ лишь гость еще въ углу. Хозяйка бѣднаго беретъ и также къ ужину ведетъ. Когда молитва отошла, хозяйка хлѣбецъ почала. «Благословенъ убогихъ даръ!» промолвилъ отрокъ. Дивный жаръ съ слезой въ очахъ его сіялъ, когда свою онъ долю взялъ. Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей, но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней. На гостя юнаго она вперяетъ взоръ, изумлена; и смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ? внезапно сталъ онъ весь другимъ. Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло; блеститъ таинственно чело; слетаетъ съ нѣжныхъ плечь покровъ, какъ передъ утромъ паръ съ луговъ. Привѣтный Ангелъ обнаженъ: какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла; въ сердцахъ надежда расцвѣла, и незабвенъ былъ вечеръ сей подъ кровомъ набожныхъ людей. Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ? Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ и я былъ въ ночь предъ Рождествомъ. Еще стоялъ смиренный кровъ и жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ. И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ; но у того-жъ стола сидѣлъ. Такъ чудно было, такъ свѣтло! жена сидѣла близь него, и рядъ дѣтей ихъ окружалъ; молитвой воздухъ тамъ дышалъ; и вѣрилось—обитель та, какъ нѣкій храмъ, была свята. Горѣла свѣчка на столѣ (одна лишь и была въ семьѣ!). Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко; но ихъ не трогаетъ никто. «Чье это мѣсто?» я спросилъ. «Тамъ» мнѣ сказали «Ангелъ былъ.»

Съ шведскаго, Я. Гротъ.

ПѢТУХЪ, КОТЪ И МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!—Мышенокъ, не видавшій свѣта, попалъ-было въ бѣду, и вотъ, какъ онъ объ ней разсказывалъ въ семьѣ своей:

— Оставя нашу нору и перебравшися чрезъ гору, границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать, какъ молодой мышенокъ, который хочетъ показать, что онъ ужъ не ребенокъ. Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ: какіе звѣри, самъ не зналъ. Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ, такъ миловиденъ былъ собою! Другой нахалъ,—крикунъ, теперь лишь будто съ бою; весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ; надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ какой-то огненнаго цвѣта, и будто двѣ руки, служащи для полета; онъ ими такъ махалъ, и такъ ужасно горло дралъ, что я, таки не трусъ, а подавай богъ ноги—скорѣе отъ него съ дороги. Какъ больно! безъ него я вѣрно-бы въ другомъ нашелъ наставника и друга! Въ глазахъ его была написана услуга; какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ! съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры, смиренны, кроткіе, но полные огня! Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня; головка пестрая, и вдоль спины узоры; а уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу, что у него должна быть симпатія съ нами, высокородными мышами.

— А я тебѣ на то скажу, Мышонка мать остановила, что этотъ доброхотъ, котораго тебя наружность такъ прельстила, смиренникъ этотъ.... Котъ! Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой губитель; другой-же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель. Не только отъ него не видимъ мы вреда, иль огорченья; но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда. Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитріевъ.

ВОЛКЪ И КОТЪ.

Волкъ изъ лѣсу въ деревню забѣжалъ, не въ гости, но животъ спасая; за шкуру онъ свою дрожалъ: охотники за нимъ гнались и гончихъ стая. Онъ радъ бы въ первые тутъ шмыгнуть ворота — да то лишь горе, что всѣ ворота на запорѣ. Вотъ видитъ Волкъ мой на заборѣ Кота, и молитъ:

— Васенька, мой другъ! скажи скорѣе, кто здѣсь изъ мужичковъ добрѣе, чтобы укрыть меня отъ злыхъ моихъ враговъ? Ты слышишь лай собакъ и страшный звукъ роговъ! Все это вѣдь за мной.

— Проси скорѣй Степана: мужикъ предобрый онъ, Котъ Васька говоритъ.

— То такъ; да у него я ободралъ барана.

— Ну, попытайся-жъ у Демьяна.

— Боюсь, что на меня и онъ сердитъ: я у него унесъ козлёнка.

— Бѣги-жъ, вонъ тамъ живетъ Трофимъ.

— Къ Трофиму? Нѣтъ, боюсь и встрѣтиться я съ нимъ: онъ на меня съ-весны грозится за ягненка!

— Ну, плохо-жъ! — Но, авось тебя укроетъ Климъ!

— Охъ, Вася, у него зарѣзалъ я теленка!

— Что вижу, кумъ? Ты всѣмъ въ деревнѣ насолилъ, сказалъ тутъ Васька Волку: какую-жъ ты себѣ защиту здѣсь сулилъ? Нѣтъ, въ нашихъ мужичкахъ не столько мало толку, чтобъ на свою бѣду тебя спасли они. И правы, — самъ себя вини: что ты посѣялъ — то и жни.

И. Крыловъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ, вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ — ни зерна; на дворѣ — по травѣ — хоть шаромъ покатись! Изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинутъ лежитъ и, погнувшись, изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой, — со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери тебѣ растворяли вездѣ; и въ почетномъ углу было мѣсто твое! А теперь, подъ окномъ, ты съ бѣдою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ по-

ляхъ сиротой хлѣбъ не кошенъ стоитъ, вѣтеръ точитъ зерно, птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ порошитъ, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, — бражку ковшикомъ пьютъ.

А. Кольцовъ.

СУДЪ БОЖІЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы; были потоплены пажити, нивы; хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ; сдѣлался голодъ, народъ умиралъ. Но у Епископа милостью неба полны амбары огромные хлѣба; жито сберегъ прошлогоднее онъ: былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій въ двери Епископа, требуя пищи; скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ: общей бѣдою не тронулся онъ. Слушать и вопли ему надоѣло; вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло: бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ, слышно, скликаетъ Епископъ Гаттонъ. «Дожили мы до нежданаго чуда: вынулъ Епископъ добро изъ-подъ спуда; бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зовётъ.» Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости, блѣдные, чахлые, кожа да кости; старый, огромный сарай отворёнъ: въ немъ угоститъ ихъ Епископъ Гаттонъ. Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая всѣ пришлецы изъ окружнаго края. Какъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ? Былъ имъ сарай и съ гостями сожжёнъ.

Глядя Епископъ на пепелъ пожарный, думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны; разомъ избавилъ я шуткой моей край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей: Въ замокъ Епископъ къ себѣ возвратился, ужинать сѣлъ, пировалъ, веселился, спалъ какъ невинный, и сновъ не видалъ.... Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли предковъ портреты, и видитъ, что съѣли мыши его живописный портретъ, такъ, что холстины и признака нѣтъ. Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ... Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ: «наша округа мышами полна, въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.» Вотъ и другое въ ушахъ загремѣло: «Богъ на тебя за вчерашнее дѣло! Крѣпкій твой замокъ, Епископъ Гаттонъ, мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.»

Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземной; въ страхѣ Епископъ дорогою темной къ берегу выдти изъ замка спѣшитъ: «въ Рейнской башнѣ спасусь» (говоритъ).

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась; издали острымъ утесомъ казалась, грозно изъ пѣны торчащимъ, она; стѣны кругомъ ограждала волна. Въ легкую лодку Епископъ садится; къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчится вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ; въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ. Стѣны изъ стали казалися слиты, были рѣшетками окна забиты, ставни чугунные, каменный сводъ, дверью желѣзною запертый входъ. Узникъ не знаетъ, куда пріютиться; на полъ, зажмуривъ глаза, онъ ложится.... Вдругъ онъ испуганъ стенаньемъ глухимъ: вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ. Смотритъ онъ.... кошка сидитъ и мяучитъ; голосъ тотъ грѣшника давитъ и мучитъ, мечется кошка; не весело ей: чуетъ она приближенье мышей. Палъ на колѣни Епископъ и крикомъ Бога зоветъ въ изступлѣніи дикомъ. Воетъ преступникъ.... а мыши плывутъ.... ближе и ближе.... доплыли.... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ слышно, какъ лѣзутъ съ роптаньемъ и пискомъ; слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ; слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбѣжные звѣри; сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты.... Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты? Зубы объ камни они навострили, грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили, весь по суставамъ раздернутъ былъ онъ.... Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

В. Жуковскій.

СКАЗКА О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

Жилъ-былъ купецъ Кузьма Остолопъ, по прозванью Осиновый-Лобъ. Пошелъ Кузьма по базару посмотрѣть кой-какого товару. На встрѣчу ему Балда идетъ, самъ не зная куда. «Что, дядюшка, такъ рано поднялся? чего ты взыскался?» Кузьма ему въ отвѣтъ: «нуженъ мнѣ работникъ—поваръ, конюхъ и плотникъ. А гдѣ найти мнѣ такого служителя, не слишкомъ дорогаго?» Балда говоритъ: «буду служитъ тебѣ славно, усердно и очень исправно, въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу; ѣсть же давай мнѣ вареную полбу.» Призадумался нашъ Кузьма Остолопъ, сталъ почесывать лобъ. Щелчокъ щелчку вѣдь рознь—да понадѣялся онъ на русскій *авось*. Кузьма го-

ворить Балдѣ: «ладно; не будетъ намъ обоимъ накладно. Поживи-ка на моемъ подворьѣ, окажи свое усердье и проворье.»

Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ, спитъ-себѣ на соломѣ, ѣстъ за четверыхъ, работаетъ за семерыхъ; до-свѣтла все у него пляшетъ, лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ, печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ, яичко испечетъ, да самъ и облупитъ. Хозяйка Балдой не нахвалится, ихъ дочка Балдой лишь и печалится, сынокъ ихъ зоветъ его тятей, кашу заваритъ, нянчится съ дитятей; одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ; никогда его не приголубитъ, о расплатѣ думаетъ частенько. Время идетъ и срокъ ужъ близенько: Кузьма не ѣстъ, не пьетъ, ночи не спитъ; лобъ у него заранѣ трещитъ. Вотъ онъ женѣ признается: такъ и такъ, что дѣлать остается? Умъ у бабы догадливъ, на всякія хитрости повадливъ. Хозяйка Кузьмѣ говоритъ: «знаю средство, какъ удалить отъ насъ такое бѣдство: закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь; а требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь; тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь, и Балду-то безъ расплаты отправишь.»

Стало на сердце у Кузьмы веселѣе; началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе. Вотъ онъ кричитъ: «поди-ка сюда, вѣрный мой работникъ Балда. Слушай: платить обязались черти мнѣ оброкъ до самой моей смерти; лучшагобъ не надобно дохода, да есть на нихъ недоимки за три года. Какъ наѣшься ты своей полбы, собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»

Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря, пошелъ, да и сѣлъ у берега моря; тамъ онъ сталъ веревку крутить, да конецъ ея въ морѣ мочить. Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ: «зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?» — «Да вотъ веревкой хочу море морщить, да васъ, проклятое племя, корчить.» — Бѣса стараго взяла тутъ унылость.—«Скажи, за что такая немилость?»—«Какъ за что? Вы не платите оброка, не помните положеннаго срока, вотъ ужо будетъ намъ потѣха, вамъ, собакамъ, великая помѣха!» — «Балдушка, погоди ты морщить море, оброкъ сполна ты получишь вскорѣ. Погоди, вышлю къ тебѣ внука.» — Балда мыслитъ: «этого провесть не штука!»

Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ, замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ. «Здравствуй, Балда, мужичокъ; какой тебѣ надобно оброкъ? Объ оброкѣ вѣкъ мы не слыхали, не было чертямъ такой печали; ну, такъ и быть—возьми, да съ уговору, съ общаго нашего приговору — чтобы впередъ не было никому горя: кто скорѣе изъ

насъ обѣжитъ около моря, тотъ и бери себѣ полный оброкъ, между тѣмъ приготовятъ тамъ и мѣшокъ.» Засмѣялся Балда лукаво: «что ты это выдумалъ, право? гдѣ тебѣ тягаться со мною, со мною, съ самимъ Балдою? Экаго послали супостата! Подожди-ка моего меньшаго брата.»

Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ, поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ. Къ морю опять онъ приходитъ, у моря бѣсенка находитъ. Держитъ Балда за уши одного зайку: «попляши-ка ты подъ нашу балалайку; ты, бѣсенокъ, еще молоденекъ, со мною тягаться слабенекъ — это была бъ лишь время трата. Обгони-ка сперва моего брата. Разъ, два, три! Догоняй-ка.» Пустились бѣсенокъ и зайка: бѣсенокъ по берегу морскому, а зайка въ лѣсокъ до дому. Вотъ, море кругомъ обѣжавши, высунувъ языкъ, мордку поднявши, прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь, весь мокрёшенекъ, лапкой утираясь, мысля: дѣло съ Балдою сладитъ. Глядь: а Балда братца гладитъ, приговаривая: «братецъ мой любимый, усталъ, бѣдняжка! отдохни родимой.» Бѣсенокъ оторопѣлъ, хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ, на братца поглядываетъ бокомъ. «Погоди,» говоритъ, «схожу за оброкомъ.» Пошелъ къ дѣду, говоритъ: «бѣда! обогналъ меня меньшій Балда!» Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу; а Балда надѣлалъ такого шуму, что все море смутилось, и волнами такъ и расходилось.

Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ, вышлемъ тебѣ весь оброкъ.— «Нѣтъ,» говоритъ Балда, «теперь моя череда — условіе самъ назначу, задамъ тебѣ, враженокъ, задачу. Посмотримъ, какова у тебя сила! Видишь тамъ сивая кобыла? Кобылу подыми-ка ты, да неси ее полверсты; снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой; не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.»

Бѣдненькій бѣсъ подъ кобылу подлѣзъ, понатужился, понапружился, приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ, на третьемъ упалъ, ножки протянулъ. А Балда ему: «глупый ты бѣсъ, куда ты за нами полѣзъ? и руками-то снести не смогъ, а я, смотри, снесу промежъ ногъ.» Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ, да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ. Испугался бѣсёнокъ, и къ дѣду пошелъ разсказывать про такую побѣду. Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ, да на Балду взвалили мѣшокъ.

Идетъ Балда, покрякиваетъ, а Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ, за хозяйку прячется, со страху корячится. Балда его тутъ отыскалъ, отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ. Бѣдный купецъ Кузьма Осто-

*

лопъ подставилъ лобъ. Съ перваго щелчка — прыгнулъ Кузьма до потолка, со втораго щелчка — лишился Кузьма языка; а съ третьяго щелчка — вышибло умъ у старика. А Балда приговаривалъ съ укоризной: «не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!..»

А. Пушкинъ.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка, въ Зеркалѣ увидя образъ свой, тихохонько медвѣдя толкъ ногой: «смотри-ка», говоритъ, «кумъ милый мой! что это тамъ за рожа? Какіе у нея ужимки и прыжки! Я удавилась бы съ тоски, когда бы на нее хоть чуть была похожа; а вѣдь, признайся, есть изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть: я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть.» — «Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше-ль на себя, кума, оборотиться?» ей Мишка отвѣчалъ. Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

И. Крыловъ.

ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ.

Простой цвѣточикъ, дикій, нечаянно попалъ въ одинъ пучокъ съ гвоздикой. И что-же? отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее всегда знакомство въ прибыль намъ.

И. Дмитріевъ.

СВИНЬЯ ПОДЪ ДУБОМЪ.

Свинья подъ дубомъ вѣковымъ наѣлась жолудей до-сыта, до-отвала; наѣвшись, выспалась подъ нимъ; потомъ, глаза продравши, встала и рыломъ подрывать у дуба корни стала. «Вѣдь это дереву вредитъ», ей съ дубу воронъ говоритъ: «коль корни обнажишь, оно засохнуть можетъ.» — «Пусть сохнетъ,» говоритъ Свинья: «ни чуть меня то не тревожитъ; въ немъ проку мало вижу я; хоть вѣкъ его не будь, ни чуть не пожалѣю; лишь были бъ жолуди: вѣдь я отъ нихъ жирѣю.» — «Неблагодарная!» примолвилъ Дубъ ей тутъ: «когда бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было, что эти жолуди на мнѣ растутъ.»

И. Крыловъ.

ВЕСЕННІЯ ВОДЫ.

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ и блещутъ, и гласятъ....

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ! Весна идетъ!
«Мы молодой весны гонцы:
«Она насъ выслала впередъ...»
Весна идетъ, весна идетъ! —
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней.

Тютчевъ.

ПѢСНЯ БѢДНЯКА.

Куда мнѣ голову склонить? Покинутъ я и сиръ; хотѣлъ бы весело хоть разъ взглянуть на Божій міръ. И я въ семьѣ моихъ родныхъ когда-то счастливъ былъ, но горе спутникъ мой съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ схоронилъ. Я вижу замки богачей и ихъ сады кругомъ.... Моя-жъ дорога мимо ихъ съ заботой и трудомъ. Но я счастливыхъ не дичусь; моя печаль въ тиши; я всѣмъ веселымъ радъ сказать: *Богъ помочь!* отъ души.

О щедрый Богъ, не вовсе-жъ я тобою позабытъ; источникъ милости Твоей для всѣхъ равно открытъ. Въ селеньи каждомъ есть Твой храмъ съ сіяющимъ крестомъ, съ молитвой сладкой и съ Твоимъ доступнымъ алтаремъ. Мнѣ свѣтитъ солнце и луна; любуюсь на зарю; и, слыша благовѣстъ, съ Тобой, Создатель, говорю. И знаю: будетъ добрымъ пиръ въ небесной сторонѣ; тамъ буду праздновать и я; тамъ мѣсто есть и мнѣ.

В. Жуковскій.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи младенецъ мой прекрасный, баюшки-баю. Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный въ колыбель твою. Стану сказывать я сказки, пѣсенку спою, ты-жъ дремли, закрывши глазки, — баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ, плещетъ мутный валъ; злой Чеченъ ползётъ на берегъ, точитъ свой кинжалъ. Но отецъ твой старый воинъ, закаленъ въ бою: спи, малютка, будь спокоенъ, — баюшки-баю.—Самъ узнаешь, будетъ время, бранное житье, смѣло вдѣнешь ногу въ стремя, и возьмешь ружье. Я сѣдельце боевое шелкомъ разошью.... Спи, дитя мое родное, — баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду и казакъ душой. Провожать тебя я выйду — ты махнешь рукой.... Сколько горькихъ слезъ украдкой

я въ ту ночь пролью!... Спи, мой ангелъ, тихо, сладко, — баюшки-баю.

Стану я тоской томиться, безутѣшно ждать; стану цѣлый день молиться, по ночамъ гадать; стану думать, что скучаешь ты въ чужомъ краю... Спи-жъ, покa заботъ не знаешь, — баюшки-баю. Дамъ тебѣ я на дорогу образокъ святой: ты его, моляся Богу, ставь передъ собой; да «готовясь въ бой опасный, помни мать свою... Спи, младенецъ мой прекрасный, — баюшки-баю!

М. Лермонтовъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ТЯТИ.

«Дѣтки, ступайте къ часовнѣ нагорной! дѣтки, скорѣй! торопитесь! Тамъ, предъ иконою ставъ чудотворной, долго усердно молитесь! Тятя не ѣдетъ.... До страшной потери долго-ль?—Хранимъ-ли онъ Богомъ? Въ лѣсѣ дремучемъ есть лютые звѣри; есть и разбой по дорогамъ.»

Тамъ предъ иконой они чудотворной стали и молятся Богу; ставъ на колѣни, головки склоняютъ низко — до праха земнаго, вѣчное имя Отца призываютъ, Сына и Духа Святаго. «Вѣрую», «Отче» прочли, да и снова, и «Богородицу» тоже, все наизусть до послѣдняго слова, все — и «Помилуй мя Боже». И литанію божественной Дѣвѣ старшій запѣлъ, и всей силой прочіе вторятъ, и въ дѣтскомъ напѣвѣ слышится: «тятю, помилуй!»

Ѣдутъ. Колёса стучатъ по дорогѣ. Грохотъ возовъ на раскатѣ. Кинулись дѣти въ веселой тревогѣ: «тятя пріѣхалъ нашъ, тятя!» «Стой»! и купецъ вылетаетъ изъ брички: «что̀, мои дѣтушки? Что̀, мои птички? что̀ вы—скучали безъ тяти? Мама здорова? Тетя здорова? лакомки, вотъ вамъ изюму!»—Дѣти кричатъ—не раслышишь ни слова: столько веселаго шуму. Поѣздъ съ товаромъ купецъ отсылаетъ (съ радостью рядомъ — отвага), самъ-же дорогу съ дѣтьми продолжаетъ.... Вдругъ — изъ за лѣсу ватага! Вышли злодѣи: лохмотья покрыты свѣжими пятнами крови; страшныя рожи не мыты, не бриты; ножъ и кистень на-готовѣ. Вскрикнули дѣти; къ отцу въ перепугѣ лѣзутъ подъ полы шинели; нѣту лица на дрожащей прислугѣ — въ ужасѣ всѣ помертвѣли. — «Все забирайте!» всплеснувши руками, никнетъ купецъ головою: «лишь не творите дѣтей сиротами, милую женку вдовою!» Глухи злодѣи: одинъ отпрягаетъ добрую лошадь; тотъ съ крикомъ требуетъ денегъ, ножомъ угрожаетъ, вопитъ въ неистовствѣ дикомъ.

— «Стойте!» раздался вдругъ крикъ атамана: «прочь!» и отхлынула шайка: «добрый купецъ! умирать тебѣ рано; съ Богомъ — до дому ступай-ка!» — Тотъ атаману поклонъ, а разбойникъ: «нѣтъ, говоритъ, ты на свѣтѣ жить не остался-бъ, ты былъ-бы покойникъ, если-бъ не добрыя дѣти! имъ поклонись! Я-бъ аршинною бритвой самъ искрошилъ твое тѣло, если-бъ не дѣтки съ своею молитвой! — Слушай, купчина, въ чемъ дѣло: слышали мы, что ты ѣдешь; заранѣ, мы ужь давно сосчитали нашу поживу въ твоемъ караванѣ: вотъ мы засѣли и ждали. Вижу — тутъ дѣти; глядь: молятся Богу. Я и смотрѣлъ, какъ на шалость, даже смѣялся, — а тамъ понемногу въ сердце закралась и жалость. Вдругъ я припомнилъ родную сторонку, хаты родительской крышку.... Ножъ уронилъ я, какъ добрую жёнку вспомнилъ, да сына-мальчишку. Дѣти! вотъ тятя вашъ! Съ Богомъ идите! да у домашней божницы въ дѣтской молитвѣ порой помяните грѣшную душу убійцы.»

Бенедиктовъ.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

— Пріятель дорогой, здорово! Гдѣ ты былъ?

— Въ Кунсткамерѣ, мой другъ! часа тамъ три ходилъ; все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья, повѣришь-ли, не станетъ ни умѣнья пересказать тебѣ, ни силъ. Ужъ подлинно, что тамъ чудесъ палата! Куда на выдумки природа таровата! Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ! Какія бабочки, букашки, козявки, мушки, таракашки! Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ! Какія крохотны коровки: есть, право, менѣе булавочной головки!»

— А видѣлъ-ли Слона? Каковъ собой на взглядъ! Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ?

— Да развѣ тамъ онъ?

— Тамъ.

— Ну, братецъ, виноватъ: Слона-то я и не примѣтилъ.

И. Крыловъ.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами, ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ (а дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ), Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами. Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ, и слышно за версту проказу. Орѣшника, березника и вязу мой Мишка погубилъ несмѣтное число, а не дается ремесло. Вотъ идетъ къ

мужику онъ попросить совѣта и говоритъ: сосѣдъ, что за причина эта? Деревья таки я ломать могу, а не согнулъ ни одного въ дугу. Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?

— Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ: чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ: въ терпѣньѣ.

И. Крыловъ.

ЛИСТЫ И КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день, бросая по долинѣ тѣнь, листы на деревѣ съ зефирами шептали, хвалились густотой, зеленостью своей, и вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали: «не правда ли, что мы краса долины всей? что нами дерево такъ пышно и кудряво, раскидисто и величаво? что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право, хвалить себя мы можемъ безъ грѣха! Не мы ль отъ зноя пастуха и странника въ тѣни прохладной укрываемъ? Не мы ль красивостью своей плясать сюда пастушекъ привлекаемъ? У насъ же раннею и позднею зарей насвистываетъ соловей. Да вы, зефиры, сами почти не разстаетесь съ нами.» — «Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,» имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно. — «Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно! Вы кто такіе тамъ, что дерзко такъ считаться съ нами стали?» листы, по дереву шумя, залепетали.—«Мы тѣ», которые, здѣсь роясь въ темнотѣ, питаемъ васъ. Ужель не узнаете? Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете. Красуйтесь въ добрый часъ! да только помните ту разницу межъ насъ: что съ новою весной листъ новый народится; а если корень изсушится, — не станетъ дерева, ни васъ.»

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(РАЗСКАЗЪ МЫШЕНКА.)

Глупымъ мыщенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Прасковья съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили норку мою покидать: но я не послушался, въ щелку выглянулъ; вижу камнемъ выстланный дворъ; освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились; птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались. Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ краѣ двора звѣрёкъ усастый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотритъ; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ уса-

стое рыльце себѣ умывать. Облилося радостью сердце мое, и я ужъ сбирался покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ и кохти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ-будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. «Тебя помиловалъ Богъ,» онъ сказалъ мнѣ, «свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка; намъ-же мышамъ онъ приноситъ и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель, такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало, котъ Мурлыка; хорошъ-бы ты былъ, когда-бы съ знакомствомъ къ этому плуту подъѣхалъ; тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею: будь-же впередъ остороженъ.»

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ, каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я только то, что случилось недавно.

Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье: шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска,—словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы кота погребать, и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный, Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое прозванье дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стукалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ. Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и

вправду котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ за ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка вытянутъ весь, и спина и хвостъ, и переднія лапы словно какъ мерзлыя; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ нынче и мы. И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но лапы сами держались, когтями вцѣпились въ бревно, а веревки не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ-вдругъ распустилися когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всѣ по угламъ разбѣжалися въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ, усъ не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ — да и только.

Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. «Берегитесь,» тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и на силу какъ-то она отъ него уплела), «берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него.» То услыша, громко мы всѣ засмѣялись. «Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать,» мышь Степанида сказала опять, «а я не товарищъ вамъ.» И поспѣшно, созвавъ мышенятокъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись какъ шальные прыгать, скакать и кота тормошить.

Наконецъ, поуставши, всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово, мы-же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: «жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирскій, ростъ богатырской, сизая шкурка, усы, какъ у Турка; былъ онъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ. Радуйся, наше подполье!»...

Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ-вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненныхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ объѣденной мордой; иному хвостъ былъ ото-

рванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки; Царицу Прасковью чуть успѣли въ нору уволочь за заднія лапки, царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковскій.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,—въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ, Цвѣты поддѣльные, съ живыми вмѣстѣ стоя, на проволочныхъ стебелькахъ качалися спѣсиво, и выставляли всѣмъ красу свою на-диво. Вотъ дождикъ началъ накрапать. Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ: нельзя ли дождь унять; дождь всячески они ругаютъ и поносятъ. «Юпитеръ!» молятся: «ты дождикъ прекрати; что въ немъ пути, и что его на свѣтѣ хуже? Смотри, нельзя по улицѣ пройти: вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи.» Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой, и дождь себѣ прошелъ своею полосой. Прогнавши зной, онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась, и зелень вся какъ-будто обновилась. Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ раскинулись во всей своей красѣ, и стали отъ дождя душистѣй, свѣжѣе и пушистѣй. А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ-тѣхъ-поръ лишились всей красы, и брошены на дворъ, какъ соръ.

И. Крыловъ.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору, какіе-то честные торгаши наторговали денегъ гору: окончили торги, и дѣлятъ барыши. Но въ дѣлежѣ когда безъ спору? Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,—какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ. «Скорѣй, скорѣй спасайте товары вы и домъ!» кричитъ одинъ изъ нихъ: «ступайте: а счеты послѣ мы сведемъ!»—«Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,» шумитъ другой: «я съ мѣста не сойду долой.» — «Мнѣ двѣ недодано, а вотъ тутъ счеты ясны!» еще одинъ кричитъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны! да какъ, за что, и почему!» Забывши, что пожаръ въ дому, проказники тутъ до того шумѣли, что захватило ихъ въ дыму, и всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

И. Крыловъ.

НИВА.

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая! Иду — съ трудомъ ее руками разбирая. Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо.... Иду я наклоняясь, какъ-будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я — на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужь вяжутъ весело тяжелые снопы; вонъ — по зарѣ стучатъ проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрыпятъ возы; средь шумнаго народа на пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя.

А. Майкова.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(восточное сказание.)

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студёной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужь сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?..
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»

И только замолкли — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межь твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ,
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнёмъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодной;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ —
Не шепчатся листья съ гремучимъ ключомъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ —
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ подъ нимъ.

М. Лермонтовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ

На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ, и вдаль глядѣлъ. Предъ Нимъ широко рѣка неслася; бѣдный челнъ по ней стремился одиноко. По мшистымъ, топкимъ берегамъ чернѣли избы здѣсь и тамъ, пріютъ убогаго Чухонца; и лѣсъ, невѣдомый лучамъ, въ туманѣ спрятаннаго солнца, кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ: «Отсель грозить мы будемъ Шведу; здѣсь будетъ городъ заложенъ, на зло надменному сосѣду; природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно, ногою твердой стать при морѣ; сюда, по новымъ имъ волнамъ, всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ— и запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ, полнощныхъ странъ краса и диво — изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво: гдѣ прежде Финскій рыболовъ, печальный пасынокъ природы, одинъ у низкихъ береговъ бросалъ въ невѣдомыя воды свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ, по оживленнымъ берегамъ, громады стройныя тѣснятся дворцовъ и башенъ; корабли толпой со всѣхъ концовъ земли къ богатымъ пристанямъ стремятся; въ гранитъ одѣлася Нева; мосты повисли надъ водами; темнозелеными садами ея покрылись острова, — и передъ младшею столицей главой склонилася Москва, какъ передъ новою царицей порфироносная вдова. Люблю тебя, Петра творенье; люблю твой строгій, стройный видъ, Невы державное теченье, береговой ея гранитъ, твоихъ оградъ узоръ чугунный, твоихъ задумчивыхъ ночей прозрачный сумракъ, блескъ безлунный, когда я въ комнатѣ моей пишу, читаю безъ лампады, и ясны спящія громады пустынныхъ улицъ, и свѣтла адмиралтейская игла. И, не пуская тьму ночную на золотыя небеса, одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ, бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой, дѣвичьи лица ярче розъ. Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразную красивость, въ ихъ стройно-зыб-

лемомъ строю лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ, сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ, насквозь простреленныхъ въ бою. Люблю, военная столица, твоей твердыни дымъ и громъ, когда Полнощная Царица даруетъ сына въ Царскій домъ, или побѣду надъ врагомъ Россія снова торжествуетъ, или, взломавъ свой синій ледъ, Нева къ морямъ его несетъ и, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой неколебимо, какъ Россія! да умирится же съ тобой и побѣжденная стихія. Вражду и плѣнъ старинный свой пусть волны Финскія забудутъ, и тщетной злобою не будутъ тревожить вѣчный сонъ Петра!

А. Пушкинъ.

БЕРЕЗА.

Печальная береза
У моего окна,
И прихотью мороза
Разубрана она.
Какъ гроздья винограда
Вѣтвей концы висятъ,
И радостенъ для взгляда
Весь траурный нарядъ.
Люблю игру денницы
Я замѣчать на ней,
И жаль мнѣ, если птицы
Стряхнутъ красу вѣтвей.

А. Фетъ.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЪ.

«Отколѣ умная бредешь ты, голова?»
Лисица, встрѣтяся съ Осломъ, его спросила.
— «Сейчасъ лишь ото льва!
Ну, кумушка, куда его дѣвалась сила:
Бывало, зарычитъ, такъ стонетъ лѣсъ кругомъ,
И я, безъ памяти, бѣгомъ,
Куда глаза глядятъ, отъ этого урода;
А нынѣ въ старости и дряхлъ и хилъ,
Совсѣмъ безъ силъ,
Валяется въ пещерѣ, какъ колода.

Повѣришь ли, въ звѣряхъ
Пропалъ къ нему весь прежній страхъ.
И поплатился онъ старинными долгами!
Кто мимо льва ни шелъ, всякъ вымѣщалъ ему
По-своему:
Кто зубомъ, кто рогами...»
—«Но ты коснуться льву, конечно, не дерзнулъ?»
Лиса Осла перерываетъ.
— «Вотъ-на!» Оселъ ей отвѣчаетъ:
«А мнѣ чего робѣть? и я его лягнулъ:
Пускай ослиныя копыта знаетъ!»

—

Такъ души низкія, будь знатенъ, силенъ ты,
Не смѣютъ на тебя поднять они и взгляды;
Но упади лишь съ высоты:
Отъ первыхъ жди отъ нихъ обиды и досады.

И. Крыловъ.

ЛАСТОЧКИ.

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ;
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ,
Настурцій въ немъ огненный кустъ....
Мнѣ грустно! меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.
Взгляну-ль по привычкѣ подъ крышу —
Пустое гнѣздо надъ окномъ;
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу,
Солома обвѣтрилась въ немъ....
А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его!
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!
Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи,
Какъ дѣти, вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!
И вотъ — ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, еслибы крылья и мнѣ!

А. Майковъ.

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи Ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ,
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ,
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

М. Лермонтовъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы растворилися, на коняхъ, на саняхъ гости въѣхали. Имъ хозяинъ съ женой низко кланялись, со двора повели въ свѣтлу горенку. Передъ Спасомъ Святымъ гости молятся; за дубовы столы, за набранные, на сосновыхъ скамьяхъ, сѣли званные. На столахъ, куръ, гусей много жареныхъ, пироговъ, ветчины блюда полныя.

Бахромой, кисеей принаряжена, молодая жена, чернобровая, обходила подругъ съ поцалуями, разносила гостямъ чашу горькова.

Самъ хозяинъ, за ней, брагой хмѣльною, изъ ковшей вырѣзныхъ родныхъ подчуетъ; а хозяйская дочь медомъ сыченымъ обносила кругомъ, съ лаской дѣвичей.

Гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи туторятъ: про хлѣба, про покосъ, про старинушку: какъ-то Богъ и Господь хлѣбъ уродитъ намъ? какъ-то сѣно въ степи будетъ зелено? Гости пьютъ и ѣдятъ, забавляются отъ вечерней зари до полуночи. По селу пѣтухи перекликнулись; призатихъ говоръ, шумъ въ тёмной горенкѣ; отъ воротъ поворотъ видѣнъ по снѣгу.

А. Кольцовъ.

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ заря вспыхнула; по лицу земли туманъ стелется; разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, подобралъ туманъ выше темя горъ; нагустилъ его въ тучу черную. Туча черная понахмурилась, понахмурилась — что задумалась, словно вспомнила свою родину.... Понесутъ ее вѣтры буйные во всѣ стороны свѣта бѣлаго.... ополчается—громомъ, бурею, огнемъ, молніей, дугой радугой; ополчилася — и расширилась, и ударила, и пролилася слезой крупною— проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую. И съ горы небесъ глядитъ солнышко; напилась воды земля досыта.

На поля, сады, на зеленые, люди сельскіе не насмотрятся: люди сельскіе Божьей милости ждали съ трепетомъ и молитвою. За-одно съ весной пробуждаются ихъ завѣтныя думы мирныя. Дума первая: хлѣбъ изъ закрома насыпать въ мѣшки, убирать воза. А вторая ихъ была думушка: изъ села гужомъ въ-пору выѣхать. Третью думушку какъ задумали—Богу-Господу помолилися; чѣмъ-свѣтъ по полю всѣ разъѣхались, и пошли гулять другъ за дружкою, горстью полною хлѣбъ раскидывать, и давай пахать землю плугами, да кривой сохой перепахивать, бороны зубьемъ порасчёсывать....

Посмотрю пойду, полюбуюся, что́ послалъ Господь за труды людямъ: выше пояса рожь зернистая дремитъ колосомъ почти до́ земли. Словно Божій гость, на всѣ стороны, дню веселому улыбается; вѣтерокъ по ней плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается....

Люди семьями принялися жать, косить подъ корень рожь высокую. Въ копны частыя снопы сложены; отъ возовъ всю ночь скрыпитъ музыка. На гумнахъ, вездѣ, какъ князья, скирды широко́ сидятъ, поднявъ головы. Видитъ солнышко—жатва кончена: холоднѣй оно

пошло къ осени; но жарка свѣча поселянина предъ иконою Божьей Матери.

А. Кольцовъ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальныя поляны
Льетъ печально свѣтъ она.
По дорогѣ зимней, скучной,
Тройка борзая бѣжитъ,
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска....
Ни огня, ни черной хаты....
Глушь и снѣгъ.... Навстрѣчу мнѣ
Только версты полосаты
Попадаются однѣ.

А. Пушкинъ.

ВОДОПАДЪ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ клубами въ дебряхъ темныхъ;
Стукъ слышенъ млатовъ по вѣтрамъ;
Визгъ пилъ и стонъ мѣховъ подъемныхъ:
О, водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!
Вѣтрами-ль сосны пораженны?—
Ломаются въ тебѣ въ куски;

Громами-ль камни отторженны? —
Стираются тобой въ пески;
Сковать-ли воду льды дерзаютъ—
Какъ пыль стеклянна ниспадаютъ.

Державинъ.

ВЕСЕННЯЯ ГРОЗА.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ,
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ...

Ѳ. Тютчевъ.

БОРОДИНО.

«Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спалённая пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жь схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!»
— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:
«Что жь мы? на зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки —
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою,
Ужь мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужь постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добраться до картечи!»
И вотъ на полѣ грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ Французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...

Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
«Умремте жъ подъ Москвой,
«Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жь былъ денёкъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двигались какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что̀ значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны —
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плохая имъ досталась доля:
Не многіе вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

ВЕСНА.

Весна! выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ — даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

А. Майковъ.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Приди ты, немощный,
Приди ты, радостный!
Звонятъ ко всенощной,
Къ молитвѣ благостной,
И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій,
Въ поляхъ разносится!...
Въ Холмахъ, селѣ большомъ,
Есть церковь новая;
Воздвигла Божій домъ
Сума торговая;
И службы Божія
Богато справлены,

Иконъ подножія
Свѣчьми уставлены.
И старъ и младъ войдетъ:
Сперва помолится,
Поклонъ земной кладетъ,
Кругомъ поклонится.
И стройно клирное
Несется пѣніе,
И дьяконъ мирное
Твердитъ глашеніе:
О благодарственномъ
Трудѣ молящихся,
О градѣ царственномъ,
О всѣхъ трудящихся,
О тѣхъ, кому въ удѣлъ
Страданье задано....
А въ церкви дымъ висѣлъ
Густой отъ ладона.
И заходящими
Лучами сильными
И вкось блестящими
Столбами пыльными —
Отъ солнца — Божій храмъ
Горитъ и свѣтится.

Аксаковъ.

ОТДѢЛЪ II.

БАСНИ И РАЗСКАЗЫ ВЪ ПРОЗѢ.

ИГРАЮЩІЯ СОБАКИ.

Володя стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу, гдѣ грѣлась на солнышкѣ большая дворовая собака, Полканъ.

Къ Полкану подбѣжалъ маленькій Мопсъ и сталъ на него кидаться и лаять, хваталъ его зубами за огромныя лапы, за морду и, казалось, очень надоѣдалъ большой и угрюмой собакѣ. «Погоди-ка, вотъ она тебѣ задастъ!» сказалъ Володя: «проучитъ она тебя!» Но Мопсъ не переставалъ играть, а Полканъ смотрѣлъ на него очень благосклонно.

— Видишь ли, сказалъ Володѣ отецъ, Полканъ добрѣе тебя! Когда съ тобой начнутъ играть твои маленькіе братья и сестры, то непремѣнно дѣло кончится тѣмъ, что ты ихъ приколотишь. Полканъ же знаетъ, что большому и сильному стыдно обижать маленькихъ и слабыхъ.

ДВА КОЗЛИКА.

Два упрямые Козлика встрѣтились однажды на узкомъ бревнѣ переброшенномъ черезъ ручей. Обоимъ разомъ перейти ручей имъ было невозможно: приходилось которому-нибудь воротиться назадъ, дать другому дорогу и обождать. Уступи мнѣ дорогу, сказалъ одинъ.

—Вотъ еще, подика-ты какой важный баринъ! отвѣчалъ другой;— пяться назадъ, я первый взошелъ на мостъ. —«Нѣтъ, братъ! я гораздо постарше тебя годами, и мнѣ уступить молокососу! ни за что!» Тутъ оба, долго не думавши, стукнулись крѣпкими лбами, сцѣпились рогами и, упираясь тоненькими ножками въ колоду, стали драться. Но колода была мокра: оба упрямца поскользнулись и полетѣли прямо въ воду.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛЪ.

Прекрасная сильная лошадь безъ всякой поклажи и тяжело навьюченный оселъ шли по дорогѣ за своимъ хозяиномъ. «Любезная лошадь, сказалъ оселъ, возьми на себя хотя маленькую часть моей ноши: я задыхаюсь подъ тяжестью!» Лошадь гордо отказалась. Вздохнулъ бѣдный оселъ и, опустивъ уши, побрелъ далѣе; но, протащившись еще кое-какъ съ версту, пошатнулся, упалъ и издохъ. Теперь только увидѣлъ хозяинъ, какъ онъ былъ несправедливъ къ бѣдному животному, и что напрасно баловалъ онъ сильную молодую лошадь. Погоревалъ хозяинъ, попенялъ на себя; но дѣлать нечего: надобно было ѣхать далѣе. И вотъ онъ навьючилъ всю ослиную ношу на гордую лошадь, да прибавилъ къ ношѣ еще и ослиную кожу, которой не захотѣлъ даромъ бросить на дорогѣ.

— По дѣломъ мнѣ! подумала лошадь: еслибы я сжалилась надъ моимъ бѣднымъ спутникомъ, то и онъ былъ бы живъ, да и мнѣ не пришлось бы теперь такъ тяжело.

ПОДАРОКЪ КЪ НОВОМУ ГОДУ.

— *Павлуша (съ любопытствомъ).* Что это тамъ у тебя въ передникѣ, Лиза? — *Лиза.* А тебѣ это очень нужно знать? — *Павлуша* (*шутя*). Покажи-же, а не то я насильно посмотрю. — *Лиза.* Ничего тамъ нѣтъ. — *Павлуша.* Не правда: ты что-то прячешь отъ меня. Покажи; пожалуйста, покажи! — *Лиза.* Нетронь; можетъ-быть это подарокъ тебѣ къ Новому Году. — *Павлуша.* Какъ? что? подарокъ къ Новому Году? Покажи-же, душечка-сестрица, покажи, что тамъ такое. *(хочетъ вырвать передникъ изъ рукъ сестры, но Лиза не даетъ).* Скажи, покрайней-мѣрѣ, что это такое? Вѣрно кошелекъ! Неправда ли, кошелекъ? — *Лиза.* Зачѣмъ тебѣ кошелекъ, развѣ я тебѣ не вывязала кошелька? — *Павлуша.* Чтожь бы это было такое? Ахъ, знаю: ты связала мнѣ шарфикъ! — *Лиза.* У тебя два шарфика, на что же тебѣ третій? — *Павлуша.* Какъ ты меня мучишь, сестрица! какая ты скрытная! — *Лиза.* Какой ты любопытный! — *Павлуша.* Знаю, знаю! Это вѣрно батюшка купилъ мнѣ что-нибудь къ Новому Году; какая-нибудь игрушка? — *Лиза.* Можетъ-быть батюшка и купилъ тебѣ что-нибудь, но ты знаешь, какъ онъ не любитъ, чтобы угадывали заранѣе его подарки. — *Павлуша.* Да я ему не скажу, и въ Новый Годъ притворюсь, какъ-будто ничего не знаю. — *Лиза.* Я и не знала, что ты умѣешь такъ притворяться. Покажи же, какъ ты это сдѣлаешь. —

—Павлуша. Ужъ сдѣлаю какъ-нибудь; но помоги мнѣ, пожалуйста, отгадать, что тамъ у тебя такое. Что-нибудь *изъ царства растительнаго?—Лиза.* Нѣтъ?—*Павлуша. Изъ царства животнаго?—Лиза.* Нѣтъ.—*Павлуша. Изъ царства минеральнаго?—Лиза.* Нѣтъ!—*Павлуша.* Теперь же я тебя поймалъ: конечно нѣтъ въ твоемъ передникѣ чего-нибудь *изъ царства духовъ.—Лиза.* Конечно нѣтъ! *(опускаетъ со смѣхомъ передникъ и показываетъ, что въ рукахъ у нее ничего нѣтъ.)* Къ какому царству принадлежитъ *ничто?—Павлуша.* Ахъ, ты плутовка! Зачѣмъ же ты такъ таинственно закрывала руки передникомъ, какъ-будто бы у тебя и Богъ знаетъ что такое! — *Лиза.* Мнѣ просто холодно было безъ перчатокъ; а ты самъ себя наказалъ своимъ любопытствомъ. —*Павлуша.* Хорошо! хорошо! но знаешь-ли что я скажу тебѣ, Лиза?... Въ другой разъ уже ты меня такъ не проведешь.

ВѢТЕРЪ И СОЛНЦЕ.

Однажды Солнце и сердитый сѣверный Вѣтеръ затѣяли споръ о томъ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили они и, наконецъ, рѣшились помѣряться силами надъ путешественникомъ, который въ это самое время ѣхалъ верхомъ по большой дорогѣ. «Посмотри,» сказалъ Вѣтеръ, «какъ я налечу на него: мигомъ сорву съ него плащъ!» Сказалъ — и началъ дуть что было мочи. Но чѣмъ болѣе старался Вѣтеръ, тѣмъ крѣпче закутывался путешественникъ въ свой плащъ: онъ ворчалъ на непогоду, но ѣхалъ все дальше-и-дальше. Вѣтеръ сердился, свирѣпѣлъ, осыпалъ бѣднаго путника дождемъ и снѣгомъ; проклиная Вѣтеръ, путешественникъ надѣлъ свой плащъ въ рукава и подвязался поясомъ. Тутъ уже Вѣтеръ и самъ убѣдился, что ему плаща не сдернуть. Солнце улыбнулось, видя безсиліе своего соперника, выглянуло изъ за облаковъ, обогрѣло, осушило землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бѣднаго полузамерзшаго путешественника. Почувствовавъ теплоту солнечныхъ лучей, онъ пріободрился, благословилъ Солнце, самъ снялъ свой плащъ, свернулъ его и привязалъ къ сѣдлу. «Видишь ли,» сказало тогда кроткое Солнце сердитому Вѣтру, «лаской и добротой можно сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ гнѣвомъ.»

ДВА ПЛУГА.

Изъ одного и того же куска желѣза и въ одной и той же мастерской были сдѣланы два плуга. Одинъ изъ нихъ попалъ въ рукиземле-

дѣльца, и немедленно пошелъ въ работу; а другой долго и совершенно безполезно провалялся въ лавкѣ купца. Случилось черезъ нѣсколько времени, что оба земляка опять встрѣтились. Плугъ, бывшій у земледѣльца, блестѣлъ какъ серебро и былъ даже еще лучше, чѣмъ въ то время, когда онъ только-что вышелъ изъ мастерской; Плугъ же, пролежавшій безъ всякаго дѣла въ лавкѣ—потемнѣлъ и покрылся ржавчиной. «Скажи, пожалуйста, отчего ты такъ блестишь?» спросилъ заржавѣвшій Плугъ у своего стараго знакомца. «Отъ труда, мой милый,» отвѣчалъ тотъ; «а если ты заржавѣлъ и сдѣлался хуже чѣмъ былъ, то это потому, что все это время пролежалъ на боку, ничего не дѣлая.»

БРАТЪ И СЕСТРА.

Серёжа и Аннушка остались дома одни, и братъ сказалъ сестрѣ: —Пойдемъ, поищемъ, не осталось ли въ домѣ чего-нибудь вкуснаго и полакомимся.—«Еслибъ ты повели меня въ такое мѣсто, гдѣ насъ никто не увидитъ, то, пожалуй, я пошла бы съ тобою»; отвѣчала Аннушка.—Пойдемъ въ кладовую, тамъ мы найдемъ что-нибудь хорошенькое и никто насъ не увидитъ.—«Нѣтъ, Серёжа, тамъ можетъ увидѣть насъ сосѣдъ, онъ колетъ на дворѣ дрова».—Ну, такъ пойдемъ въ кухню, — уговаривалъ Серёжа сестру — тамъ стоитъ цѣлый горшокъ меду и мы намажемъ себѣ по большому куску хлѣба.—«Въ кухнѣ увидитъ насъ сосѣдка, она вѣрно теперь сидитъ у окна и прядетъ.» — Ахъ, какая же ты трусиха, Анюта! сказалъ маленькій лакомка, пойдемъ, если такъ, въ погребъ кушать яблоки, тамъ уже навѣрное насъ никто не увидитъ.—«Ахъ, милый Серёжа, неужели ты думаешь, что въ погребѣ никто уже насъ не увидитъ?... Развѣ ты не знаешь о Томъ, Кто видитъ черезъ стѣны и отъ Котораго и въ темнотѣ нельзя скрыться? Серёжа испугался.—«Правда твоя, сестрица, сказалъ онъ. Богъ видитъ насъ и тамъ, гдѣ человѣческій глазъ ничего не видитъ; а потому мы ни наединѣ, ни въ темнотѣ не должны дѣлать ничего такого, чего не смѣли бы сдѣлать при другихъ и при свѣтѣ.

ПЕРСИКИ.

Крестьянинъ привезъ изъ города пять персиковъ. Дѣти его въ первый разъ видѣли эти плоды и не могли насмотрѣться на хорошенькія яблоки съ красными щечками, покрытыми нѣжнымъ пухомъ. Отецъ подарилъ каждому изъ дѣтей своихъ по персику,

а пятый отдалъ матери. Вечеромъ, когда дѣти собирались уже спать, отецъ спросилъ у нихъ, вкусны ли показались имъ хорошенькія яблоки.—Ахъ, очень! отвѣчалъ старшій сынъ: мое было такое вкусное, сладкое, сочное! я спряталъ косточку, потомъ посажу ее и у меня выростетъ цѣлое дерево.—«Браво!» сказалъ отецъ: «ты будешь у меня хорошій хозяинъ.» — Я свой тотчасъ же съѣлъ, отвѣчалъ младшій,—а косточку бросилъ. Матушка дала мнѣ еще половину своего. Какое вкусное яблочко; такъ и таетъ во рту! — «Ну, ты поступилъ не очень умно,» сказалъ отецъ: «но отъ тебя нельзя и требовать другаго; время разсудка еще прійдетъ.»

—Я, сказалъ второй сынъ, — подобралъ косточку, которую бросилъ младшій братъ, и разбилъ ее! Тамъ было превкусное зернышко. А персикъ мой я продалъ и взялъ за него столько денегъ, что когда поѣду въ городъ, то могу купить себѣ на нихъ цѣлую дюжину! — Отецъ покачалъ головою и сказалъ: «Умно, но не по-дѣтски. Не дай Богъ сдѣлаться тебѣ купцомъ! А ты, Эдмундъ?» спросилъ онъ, обращаясь къ третьему сыну.

— Я отнесъ мой персикъ, отвѣчалъ Эдмундъ, сыну сосѣда, маленькому Георгу, который лежитъ въ лихорадкѣ. Онъ не хотѣлъ его брать; я положилъ персикъ къ нему на постель и убѣжалъ.

— Скажите-же мнѣ теперь, кто сдѣлалъ лучшее употребленіе изъ своего персика? спросилъ отецъ. — «Братъ Эдмундъ!» отвѣчали всѣ трое въ одинъ голосъ. Эдмундъ же стоялъ и молчалъ. Мать обняла его со слезами на глазахъ.

ОРГАНЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТѢЛА.

Однажды Органы человѣческаго тѣла перессорились между собою и рѣшились не служить болѣе другъ другу. Ноги сказали: «Почему мы именно должны носить все тѣло? пусть оно сдѣлаетъ само себѣ другія ноги, да и ходитъ сколько угодно!» Руки также сказали: «И мы не хотимъ работать для другихъ; устройте себѣ другія руки, и пусть они для васъ трудятся.»—Ротъ проворчалъ: «Глупъ же я буду, если ни-за-что ни-про-что буду пережевывать пищу для желудка, чтобы онъ ее потомъ переваривалъ, развалившись, какъ какой-нибудь важный баринъ. Нѣтъ, поищи себѣ другаго рта, а я тебѣ больше не слуга!» Глаза находили также очень страннымъ, что они должны смотрѣть за все тѣло и стоять безпрестанно на стражѣ. Такъ разговаривали между собою всѣ Органы человѣческаго тѣла и рѣшились

не служить болѣе другъ другу. Что же случилось? Такъ-какъ ноги не хотѣли ходить, руки перестали работать, ротъ перестадъ ѣсть и глаза закрылись, то все Тѣло, оставшись безъ движенія и пищи, начало слабѣть, хирѣть и едва было совершенно не замерло. Всѣмъ Органамъ, составляющимъ Тѣло, стало тяжело и дурно, и пришлось бы еще хуже, еслибы они не догадались, какъ глупо они поступили. «Нѣтъ, такъ жить плохо» подумали они, помирились, стали по прежнему другъ на друга работать — и все Тѣло поправилось и сдѣлалось здоровымъ и сильнымъ.

ГУСИ.

Вася увидѣлъ вереницу дикихъ гусей, которые неслись высоко въ воздухѣ.

Вася. Могутъ ли такъ же летать наши домашніе гуси? *Отецъ.* Нѣтъ. — *В.* Кто же кормитъ дикихъ гусей? — *От.* Они сами отъискиваютъ себѣ пищу. — *В.* А зимою? — *От.* Какъ только наступаетъ зима, дикіе гуси улетаютъ отъ насъ въ теплыя страны, а весною возвращаются снова. — *В.* Но почему же домашніе гуси не могутъ летать такъ же хорошо и почему не улетаютъ они отъ насъ на зиму въ теплыя страны? — *От.* Потому-что домашнія животныя потеряли уже отчасти прежнюю ловкость и силу, и чувства у нихъ не такъ тонки, какъ у дикихъ. — *В.* Но почему же это случилось съ ними? — *От.* Потому-что люди объ нихъ заботятся и отъучили ихъ пользоваться ихъ собственными силами. Изъ этого ты видишь, что и люди должны стараться дѣлать сами для себя все, что только могутъ. Тѣ дѣти, которыя полагаются на услуги другихъ и не пріучаются сами дѣлать для себя все, что только могутъ, никогда не будутъ сильными, умными и ловкими людьми. — *В.* Нѣтъ, теперь я буду стараться самъ все для себя дѣлать; а не то, пожалуй, и со мной можетъ сдѣлаться то же, что съ домашними гусями, которые разучились летать.

ГОРОДОКЪ ВЪ ТАБАКЕРКѢ.

Папенька поставилъ на столъ табакерку. — «Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка», сказалъ онъ. Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ свои игрушки и подошелъ къ папенькѣ. Да ужъ и было чего

посмотрѣть. Какая прекрасная табакерка! пестренькая изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башенки, домикъ, другой, третій, четвертый — и счесть нельзя; и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя, а листики на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко и отъ него розовые лучи по всему небу.

— Что это за городокъ? спросилъ Миша.

— Это городъ *Динь-динь*, отвѣчалъ папенька и тронулъ пружинку.... и чтожъ? Вдругъ невидимо гдѣ заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ — не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ — не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; прислушивался то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подъ столъ.... наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней, смотритъ, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, крадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе, да свѣтлѣе, окошки горятъ яркимъ огнемъ и отъ башенокъ будто сіяніе; вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ за пригоркомъ совсѣмъ скрылось — и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись и башенки померкли, только не надолго; вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая; вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ; и въ городкѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились и отъ башенокъ пошли синеватые лучи.

— Папенька! папенька! нельзя ли войти въ этотъ городокъ? какъ бы мнѣ хотѣлось?

— Мудрено, мой другъ; этотъ городокъ тебѣ не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленькій — только пустите меня туда; мнѣ такъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается....

— Право, другъ мой, тамъ и безъ тебя тѣсно.

— Да кто же тамъ живетъ?

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ *колокольчики.* — Съ сими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? и колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. Миша удивился.

— За чѣмъ эти колокольчики? за чѣмъ молоточки? за чѣмъ валикъ съ крючками? спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ: — Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай; авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трогай, а иначе все изломается.

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой. Вотъ онъ си-

дѣлъ-сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, думалъ-думалъ: отъ чего звенятъ колокольчики?

Между-тѣмъ музыка играетъ, да играетъ, вотъ все тише, да тише, какъ-будто что-то цѣпляется за каждую ножку, какъ-будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго; вотъ Миша, смотритъ: внизу табакерки подъ шалнеромъ отворяется дверца и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, останавливается на порогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

«Да отъ чего же», подумалъ Миша, «папенька сказалъ, что въ этомъ городкѣ и безъ меня тѣсно; нѣтъ, видно въ немъ живутъ добрые люди — видите, зовутъ меня въ гости; извольте, господа, извольте, съ величайшею радостію!»

Съ этими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ прежде всего обратиться къ своему провожатому.

— Позвольте узнать, сказалъ Миша, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Динь, динь, динь, — отвѣчалъ незнакомецъ: я *Мальчикъ-колокольчикъ*, житель этого городка. Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ, и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь къ намъ пожаловать: динь, динь, динь; динь, динь, динь!

Миша учтиво поклонился; *Мальчикъ-колокольчикъ* взялъ его за руку и они пошли. Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ сдѣланный изъ пестрой тисненой бумажки съ золотыми краями; передъ ними былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій еще меньше; четвертый еще меньше, и такъ всѣ другіе своды, чѣмъ дальше тѣмъ меньше, такъ-что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе, сказалъ ему Миша: но не знаю, можно ли мнѣ имъ воспользоваться; правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду: я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите....

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ Мальчикъ: пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною!

Миша послушался. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, ка-

залось, своды подымались и они всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда *Мальчикъ-колокольчикъ* попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, казался ему маленькимъ, какъ-будто, пока они шли, онъ опустился.

Миша былъ очень удивленъ. — Отъ чего это? спросилъ онъ у своего проводника.

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ проводникъ со смѣхомъ: — издали всегда такъ кажется; видно вы ни на что въ даль со вниманіемъ не смотрѣли; вдали все кажется маленькимъ, а подойдешь — большое.

— Да, это правда, — отвѣчалъ Миша, — я до-сихъ-поръ не подумалъ объ этомъ и оттого вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька возлѣ меня играетъ на фортепьяно, а папенька на другомъ концѣ комнаты читаетъ книжку; только этого мнѣ никакъ не удавалось сдѣлать: тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выйдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ и кресла его возлѣ фортепьяно стоятъ; а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепьяно стоитъ возлѣ меня, у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ, у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ, — но я думалъ, что маменька шутитъ, потому-что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила; точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому-что онъ сидѣлъ вдалекѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ. — Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой. Динь, динь, динь; динь, динь, динь!

Мишѣ показалось досадно, что *Мальчикъ-колокольчикъ* надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается и онъ очень вѣжливо сказалъ ему: — Позвольте мнѣ спросить у васъ, зачѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?

— Ужъ у насъ поговорка такая — отвѣчалъ *Мальчикъ-колокольчикъ*.

— Поговорка? — замѣтилъ Миша: а вотъ папенька говоритъ, что очень не хорошо привыкать къ поговоркамъ!

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ ними еще дверцы; онѣ отворились и Миша очутился на улицѣ. Чтò за улица! чтò за городокъ! Мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое, черепаховое, по небу ходитъ золотое солнышко; поманишь его—оно съ неба сойдетъ, вокругъ руки обойдетъ и опять поднимется; а домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинами, и подъ каждою крышею сидитъ *Мальчикъ-колокольчикъ*, съ золотою головкою, въ серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, а все малъ-мала меньше.

— Нѣтъ, теперь ужъ меня не обманутъ!—сказалъ Миша: это такъ только мнѣ кажется издали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.

— Анъ вотъ и неправда!—отвѣчалъ провожатый: колокольчики не одинакіе. Еслибъ мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ; это отъ того, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ погуще; неужели ты и этого не знаешь! Вотъ видишь-ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться!

Миша въ свою очередь закусилъ язычокъ.

Между-тѣмъ ихъ окружили *Мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали....

— Весело вы живете!—сказалъ имъ Миша: вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете, у васъ нѣтъ ни уроковъ, ни учителей — да еще и музыка цѣлый день!

— Динь, динь, динь!—закричали колокольчики: ужъ нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ; да чтò же въ томъ толку? Мы бы уроковъ не побоялись! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ никакого нѣтъ дѣла. Нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ; нѣтъ ни папеньки, ни маменьки—нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко и золотыя деревья, но мы.... мы насмотрѣлись на нихъ вдоволь и все это очень намъ надоѣло; изъ городка мы ни пяди; а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакеркѣ съ музыкою.

— Да,—отвѣчалъ Миша, вы говорите правду; это и со мною случается. Когда послѣ ученья примешься за игрушки, то такъ весело; а

когда въ праздникъ цѣлый день все играешь, да играешь, то къ вечеру сдѣлается скучно; и за ту и за другую игрушку примешься — все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.

— Да сверхъ-того на насъ есть другая бѣда, Миша—у насъ есть дядьки.

— Какіе же дядьки? спросилъ Миша.

— *Дядьки-молоточки*,—отвѣчали колокольчики, ужъ какіе злые! То и дѣло что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ; которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужъ маленькимъ куда больно достается.

Въ самомъ дѣлѣ Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами и шептали между собою: Тукъ, тукъ, тукъ! Тукъ, тукъ, тукъ!

Въ самомъ дѣлѣ *Дядьки-молоточки* безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тукъ*; да *тукъ*; даже бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо имъ поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: зачѣмъ они безъ всякаго сожалѣнія колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ

— Прочь ступай, не мѣшай. Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Все ворочаетъ, прицѣпляется. Тукъ, тукъ, тукъ! Тукъ, тукъ тукъ!

— Какой-это у васъ надзиратель? спросилъ Миша у колокольчиковъ.

— А, это г. *Валикъ*—зазвенѣли они: предобрый человѣкъ, день и ночь съ дивана не сходитъ; на него мы не можемъ пожаловаться.

Миша къ надзирателю — смотритъ; онъ въ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ въ халатѣ и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицомъ кверху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо; только-что попадется ему молоточикъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпитъ, потомъ спуститъ, а молоточикъ-то и стукнетъ по колокольчику.

Только что Миша къ нему подошелъ, какъ надзиратель закричалъ:

— Шуры-муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры-муры! Кто прочь нейдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? Шуры-муры, шуры-муры!

— Это я!—храбро отвѣчалъ Миша: я Миша....

— А что тебѣ надобно? спросилъ надзиратель.

— Да мнѣ жаль бѣдныхъ *Мальчиковъ-колокольчиковъ*; они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты; а по вашему приказанію дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ.

— А мнѣ какое дѣло! Шуры-муры, не я здѣсь набольшій. Пусть себѣ дядьки стукаютъ мальчиковъ — мнѣ что за дѣло! — я надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу.... шуры-муры, шуры-муры....

—Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ!—сказалъ про себя Миша: вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, зачѣмъ надзиратель меня съ глазъ не спускаетъ! Экой злой! думалъ я—вѣдь онъ мнѣ не папенька и не маменька; что ему за дѣло, что я шалю; зналъ бы сидѣлъ въ своей комнатѣ! Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.

Между тѣмъ Миша пошелъ далѣе—и остановился. Смотритъ: золотой шатеръ съ жемчужною бахромою, на верху золотой флюгеръ вертится, будто вѣтреная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка* и какъ змѣйка, то свернется, то развернется, и безпрестанно надзирателя подъ бокъ толкаетъ.

— Зицъ, зицъ,—отвѣчала Царевна, глупый ты мальчикъ! неразумный мальчикъ! на все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; кабы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся; кабы за молоточки не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! Зицъ, зицъ, зицъ!

Мишѣ захотѣлось узнать, правду ли говоритъ Царевна: наклонился и прижалъ ее пальчикомъ—и что же? Въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень — и вдругъ пружинка лопнула; все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались.... тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и.... проснулся.

— Что во снѣ видѣлъ, Миша? спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опамятоваться—смотритъ: та же папенькина комната, та же передъ нимъ табакерка, возлѣ него сидятъ папенька и маменька, и смѣются.

— Гдѣ же *Мальчикъ-колокольчикъ?* Гдѣ *Дядька-молоточикъ?* Гдѣ *Царевна-пружинка?*—спрашивалъ Миша: такъ это былъ сонъ?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты порядочно вздремнулъ; разскажи же намъ покрайней мѣрѣ, что тебѣ приснилось?

— Да видите, папенька,—сказалъ Миша, протирая глаза: мнѣ все

хотѣлось узнать, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на нее прилежно смотрѣть и разбирать, что въ ней движется и отъ чего движется; думалъ, думалъ и сталъ уже добираться — какъ-вдругъ, смотрю, дверцы въ табакеркѣ растворилась....

Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу — сказалъ папенька, что ты въ самомъ дѣлѣ понялъ, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

Дѣдушка Ириней.

НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТЬ.

Индѣецъ Сѣверной-Америки, возвратившись въ свою хижину, открылъ, что окорокъ ветчины, который онъ повѣсилъ на дерево провялиться, былъ украденъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣстность, онъ пустился преслѣдовать вора и спрашивалъ у всѣхъ, кто встрѣчался ему: не видали ли они стараго, бѣлаго человѣка небольшаго роста съ короткимъ ружьемъ и съ небольшою собакою, у которой очень длинный и мохнатый хвостъ. Многіе отвѣчали ему, что дѣйствительно встрѣчали такого человѣка; но въ то же время спрашивали, какъ онъ могъ дѣлать такое подробное описаніе лица, котораго никогда не видалъ. «Что воръ небольшаго роста,» отвѣчалъ Индѣецъ, «это я заключилъ изъ того, что онъ долженъ былъ подкладывать камни, чтобы снять ветчину, которую я повѣсилъ, стоя на землѣ; что онъ старикъ — я знаю это по его короткимъ шагамъ, слѣды которыхъ остались на упавшихъ листьяхъ въ лѣсу; что онъ бѣлый — я знаю это потому, какъ онъ выворачиваетъ свои пятки, чего индѣецъ никогда не дѣлаетъ. Ружье его должно быть коротко, это я видѣлъ; потому-что, поставивъ его у дерева, онъ сдернулъ немного кору. Собака его не велика — это видно по ея слѣдамъ; а что у нея пушистый хвостъ — это я замѣтилъ по знаку, который она оставила на пескѣ, когда сидѣла и облизывалась, пока ея хозяинъ кралъ мою ветчину.»

ВѢРНАЯ СОБАКА.

Даже животныя чувствуютъ благодарность къ тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро: неужели же человѣкъ можетъ быть неблагодарнымъ? Животныя привязаны и преданы своимъ господамъ; въ-особенности отличаются этимъ собаки.

Одинъ купецъ отправился въ дорогу верхомъ и слѣдомъ за нимъ бѣжалъ его вѣрный пудель. Купецъ ѣхалъ за тѣмъ, чтобы получить большую сумму денегъ. Получивъ деньги и привязавъ ихъ въ мѣшкѣ къ сѣдлу, поѣхалъ онъ домой. Дорогою мѣшокъ отвязался и упалъ, а купецъ не замѣтилъ этого. Зоркій пудель видѣлъ, какъ упалъ мѣшокъ; попробовалъ было поднять его зубами, но почувствовалъ, что онъ былъ ему не подъ силу. Тогда пудель, оставивъ мѣшокъ, догналъ своего господина, забѣжалъ впередъ, сталъ кидаться на лошадь и лаять съ ожесточеніемъ и упорствомъ. Не зная въ чемъ дѣло, купецъ кричалъ на пуделя, бранилъ его, ударилъ кнутомъ; — ни что не помогало! Вѣрное животное продолжало кидаться на лошадь съ такою яростію, какъ-будто хотѣло стащить долой своего хозяина. Видя, что ни что не помогаетъ и что купецъ все ѣдетъ дальше-и-дальше, пудель сталъ кусать за ноги лошадь, чтобы заставить его воротиться. Купецъ испугался; ему пришло на мысль, что пудель его *взбѣсился*, и, зная, какъ опасны бѣшеныя собаки, купецъ рѣшился застрѣлить своего вѣрнаго слугу. Долго еще однакожъ старался онъ отдѣлаться отъ пуделя, то ласками, то угрозами, то ударами кнута; но видя, что ни что не помогаетъ, вынулъ пистолетъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ выстрѣлилъ въ вѣрную собаку. Бѣдное животное упало; но черезъ минуту опять поднялось и съ жалобнымъ визгомъ, обливаясь кровью, старалось слѣдовать за хозяиномъ. Купецъ очень любилъ своего вѣрнаго пуделя; ему было тяжело смотрѣть, какъ онъ страдаетъ, и потому онъ, пришпоривъ лошадь, ускакалъ впередъ. Отъѣхавъ немного, купецъ захотѣлъ взглянуть, что сталось съ бѣднымъ животнымъ, и тутъ только, оборачиваясь назадъ, замѣтилъ онъ, что мѣшка съ деньгами не было у сѣдла. Понялъ тогда купецъ, зачѣмъ такъ упорно лаяла и кидалась на него вѣрная собака, и ему было больше жаль собаки, нежели денегъ. Онъ тотчасъ же поскакалъ назадъ, но не нашелъ уже пуделя на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ. Слѣды крови по дорогѣ показывали, что собака воротилась назадъ. Какъ больно было доброму купцу, когда, отправившись по кровавымъ слѣдамъ, онъ нашелъ вѣрное животное, издыхающимъ у мѣшка съ деньгами. Понятливо смотрѣла собака на своего хозяина и ласково лизала ему руку. Черезъ нѣсколько минутъ пудель издохъ; а купецъ, не радуясь и найденнымъ деньгамъ, воротился домой.

БОГАТСТВО.

Одинъ небогатый молодой человѣкъ встрѣтился съ своимъ прежнимъ учителемъ и горько жаловался ему на свои неудачи въ жизни.

Онъ былъ когда-то лучшимъ ученикомъ въ школѣ, и тѣ, которые учились гораздо хуже его, пользовались теперь богатствомъ и извѣстностью, тогда какъ онъ во всемъ терпѣлъ недостатки. — «Неужели ты въ самомъ дѣлѣ такъ бѣденъ, какъ говоришь?» сказалъ ему учитель: «ты, кажется, пользуешься очень хорошимъ здоровьемъ и эта рука,» продолжалъ учитель, взявши за правую руку своего бывшаго ученика, «кажется сильна и способна къ работѣ. Позволилъ-ли бы ты отрѣзать ее за тысячу рублей?»—Сохрани Боже! ни за десять! отвѣчалъ молодой человѣкъ. — «А за сколько же отдалъ бы ты твои зоркіе глаза, которые такъ ясно видятъ Божій міръ, — твой острый слухъ и твои молодыя ноги? Я думаю ты не промѣнялъ бы ихъ и за цѣлое королевство?» — Конечно нѣтъ, отвѣчалъ юноша. — «Какъ же ты жалуешься на свою бѣдность, обладая такими богатствами?»

ДОБРОСОВѢСТНЫЙ ДИКАРЬ.

Дикій Индѣецъ попросилъ у своего сосѣда табаку. Сосѣдъ былъ человѣкъ не скупой, полѣзъ въ карманъ и вынулъ оттуда полную горсть. На другое утро первый опять пришелъ къ своему сосѣду и принесъ ему серебряную монету, которую нашелъ въ табакѣ. «Почему же ты не оставилъ ее у себя?» спросилъ случившійся при этомъ бѣлый человѣкъ: «тотъ, кто подарилъ тебѣ табакъ, подарилъ и деньги». —Тогда Дикарь положилъ руку на сердце и сказалъ: Здѣсь у меня сидятъ два человѣка—добрый и злой. Добрый говорилъ мнѣ: «деньги тебѣ не принадлежатъ; отдай ихъ тому, чьи онѣ». Злой человѣкъ говорилъ мнѣ: «тебѣ ихъ отдали,—они твои». Добрый сказалъ на это: «не правда, табакъ твой, а деньги не твои». Злой человѣкъ опять сказалъ: «не безпокойся; поди и купи себѣ водки». Я не зналъ на что рѣшиться и легъ спать. Но злой и добрый человѣкъ не переставали драться у меня въ сердцѣ, и не дали заснуть всю ночь: утромъ я вскочилъ и понесъ деньги назадъ.

ДВА ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Два путешественника шли вмѣстѣ и остановились ночевать въ одной гостинницѣ. Ночью ихъ разбудилъ крикъ и они узнали, что въ деревнѣ пожаръ. Одинъ изъ путешественниковъ поспѣшно сталъ одѣваться, чтобы идти на помощь; другой удерживалъ его, говоря: «Пойдемъ нашей дорогой, тутъ и безъ насъ людей довольно. Ка-

кое намъ дѣло до чужихъ!» Но товарищъ не послушалъ его и поспѣшилъ къ горящему дому. Передъ домомъ, который уже весь былъ обнятъ пламенемъ, стояла женщина и въ отчаяніи кричала: «дѣти мои! дѣти мои!» Услышавъ эти крики, чужестранецъ въ ту же минуту кинулся въ огонь, не смотря на яростное пламя и обрушивающіяся балки. «Онъ погибъ! навѣрное погибъ!» кричали многіе; но черезъ минуту путешественникъ съ обгорѣвшими волосами и пылающимъ платьемъ показался изъ огня; а въ рукахъ у него было двое дѣтей, которыхъ онъ передалъ рыдающей матери. Несчастная женщина сначала обняла своихъ дѣтей, какъ-будто еще не вѣря, что они возвращены ей; а потомъ бросилась къ ногамъ чужестранца. Въ эту самую минуту рухнулъ горѣвшій домъ.

— Кто приказалъ тебѣ броситься на такое безумное дѣло? спросилъ чужестранца его товарищъ.

— Господинъ огня! отвѣчалъ мужественный человѣкъ: Онъ же и Господинъ дома, Отецъ дѣтей и Спаситель! Онъ сказалъ въ моемъ сердцѣ: «Иди!» а я только исполнилъ Его волю.

РАСКАЯНІЕ.

Отецъ своими руками насадилъ цѣлый рядъ плодовыхъ деревьевъ лучшей породы. Онъ очень обрадовался, когда чрезъ три или четыре года показались на нихъ первые плоды; хотя, какъ обыкновенно на молодыхъ деревьяхъ, этихъ плодовъ было немного. Но отцу очень хотѣлось попробовать, каковы они будутъ на вкусъ.

Плоды еще не созрѣли, когда въ садъ забрался сынъ сосѣда — мальчикъ шаловливый и злой. Онъ подговорилъ хозяйскаго сына, который былъ моложе его, и они вдвоемъ такъ усердно похлопотали около маленькихъ деревьевъ, что на нихъ остались одни листья. Пришелъ хозяинъ сада и, взглянувъ на опустѣвшія деревья, очень огорчился. «Безсовѣстныя дѣти,» сказалъ онъ, «вы лишили меня удовольствія, котораго я такъ долго ожидалъ!» Эти слова, сказанныя безъ гнѣва, но съ горестью, глубоко запали въ сердце хозяйскаго сына. Онъ побѣжалъ къ своему злому сосѣду и сказалъ ему:

— Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ огорчился батюшка, когда увидалъ, что мы надѣлали! Теперь у меня не будетъ ни минуты покоя. Батюшка не будетъ любить меня больше, какъ прежде; но навѣрное накажетъ презрѣніемъ, которое я вполнѣ заслужилъ.

— Глупъ, братъ, ты, какъ я вижу! отвѣчалъ ему сынъ сосѣда: почемъ же узнаетъ твой отецъ, кто это сдѣлалъ? Ты только смотри, самъ не проговорись.

Но когда Володя (такъ звали хозяйскаго сына) воротился домой и увидѣлъ, что отецъ встрѣчаетъ его по-прежнему дружески, то въ сердцѣ у него что-то кольнуло и онъ почувствовалъ, что самъ не можетъ подбѣжать къ отцу съ прежнею радостію.

— Какъ же мнѣ, подумалъ онъ, смотрѣть весело на того, кого я такъ огорчилъ. О, нѣтъ! Я не могу по-прежнему веселиться. Что-то давитъ мнѣ сердце.

Черезъ нѣсколько времени отецъ пошелъ съ дѣтьми въ садъ и далъ каждому изъ нихъ по нѣскольку прекрасныхъ плодовъ, въ томъ числѣ и Володѣ. Дѣти прыгали весело и ѣли, но Володя закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— Что съ тобой, дитя мое, о чемъ ты плачешь? спросилъ его заботливо отецъ. Володя не могъ выдержать болѣе душевной муки и, рыдая, сказалъ отцу: «Ахъ! я не стою того, чтобы ты называлъ меня своимъ сыномъ, и не могу переносить долѣе, что ты считаешь меня добрымъ мальчикомъ, когда я сдѣлалъ такое злое дѣло. Батюшка, милый батюшка! не ласкай меня больше, не дари мнѣ ничего; накажи меня, чтобы я могъ къ тебѣ опять приходить спокойно, избавь меня отъ мученій, которыя чувствую. Накажи меня за мой безсовѣстный поступокъ, потому-что я.... я обобралъ молодыя деревья!» Услышавъ это, отецъ взялъ сына за руку, ласково привлекъ его къ себѣ, обнялъ и сказалъ: «Я прощаю тебя, дитя мое, и дай Богъ, чтобы тебѣ никогда не пришлось въ другой разъ что-нибудь скрывать отъ меня: тогда мнѣ не будетъ жаль моихъ яблоковъ.»

ПАУКЪ.

Мальчикъ пошелъ со своимъ отцомъ въ виноградникъ. Тамъ увидалъ онъ пчелу, запутавшуюся въ паутину. Паукъ уже готовился вонзить свои ядовитые зубы въ тѣло бѣднаго насѣкомаго, но мальчикъ разорвалъ сѣти хищника и освободилъ пчелу.

— Ты очень мало цѣнишь искуство этого насѣкомаго, разрывая его искусную сѣть! сказалъ отецъ мальчику: развѣ ты не видишь, какъ правильно и красиво переплетены эти тонкія ниточки?

— Я думаю, отвѣчалъ мальчикъ, что паукъ такъ искусно плететъ свою сѣть для того, чтобы ловить въ нее и потомъ убивать другихъ

насѣкомыхъ, а пчелка собираетъ медъ и воскъ. Вотъ почему я освободилъ пчелу и разрушилъ хитрое тканье паука.

Отцу понравилось сужденіе мальчика. — Правда твоя, сказалъ онъ сыну: но, можетъ-быть, ты поступилъ съ паукомъ не совсѣмъ справедливо. Развѣшивая свою ткань по вѣтвямъ винограда, онъ защищаетъ зрѣющія кисти отъ мухъ и осъ, и истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ.

— Дѣлаетъ ли онъ это для того, спросилъ мальчикъ, чтобы сберечь для насъ виноградъ, или для того, чтобы самому поживиться осами и мухами?

— Конечно, отвѣчалъ отецъ, ему нѣтъ дѣла до нашего винограда.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ мальчикъ, добро, которое дѣлаетъ паукъ, не можетъ быть вмѣнено ему въ заслугу.

— Правда твоя, отвѣчалъ отецъ: мы должны благодарить за это природу, которая и вредныхъ созданій умѣетъ заставить дѣлать добро и приносить пользу.

— Но скажите, батюшка, продолжалъ мальчикъ, почему паукъ въ одиночку ткётъ свою паутину, тогда-какъ пчелы цѣлымъ обществомъ дѣлаютъ свои соты?

— Потому, отвѣчалъ отецъ, что только добрая цѣль можетъ прочно соединять многихъ: союзъ злыхъ разрушается самъ собою.

ВЕЛИКАНЪ И КАРЛИКИ.

ГЛАВА I.

Житье-бытье великана и карликовъ.

Лѣтъ тысячъ пять или шесть тому назадъ, когда на бѣломъ свѣтѣ водилось еще много различныхъ чудесъ, жилъ-былъ гдѣ-то очень далеко отсюда, посреди жаркой Африки, огромный великанъ. По сосѣдству съ великаномъ находилось цѣлое царство удивительно маленькихъ человѣчковъ. Великана звали Антеемъ, маленькихъ человѣчковъ — Пигмеями. Антей и Пигмеи были дѣтьми одной и той же матери, нашей общей старой бабушки земли. Они считались братьями и жили дружно, по-братски. Пигмеи были такіе крошки, жили за такими пустынями и горами, что не удивительно, если и въ сотни лѣтъ ни одному человѣку не пришлось ни разу увидать ихъ.

великана, правда, можно было бы разсмотрѣть и за сотни верстъ; но благоразуміе приказывало держаться отъ него подальше.

Пигмей въ пять или шесть вершковъ росту считался между Пигмеями великаномъ. Изъ этого вы можете судить, какіе это были маленькіе человѣчки. Пріятно было бы посмотрѣть на маленькіе города Пигмеевъ, гдѣ улицы были шириною въ пять или шесть четвертей, мостовыя изъ крошечныхъ камешковъ и самый большой домъ не больше бѣличьей клѣтки. Дворецъ пигмейскаго короля былъ очень великъ, — выше даже нашего стула; стоялъ онъ посрединѣ такой обширной площади, что ее, быть-можеть, не закрыть бы и заслонкою изъ кухонной печи. Главный пигмейскій храмъ былъ величиною съ дѣтскій комодъ и Пигмеи смотрѣли съ гордостію на это величественное зданіе. Вообще Пигмеи были очень искусные строители и строили свои дома почти такъ же, какъ птички вьютъ свои гнѣзда: изъ соломы, перьевъ, яичныхъ скорлупокъ и другихъ не слишкомъ тяжелыхъ матеріаловъ. Все это скрѣплялось, вмѣсто извести, вишневымъ клеемъ, и когда такое величественное зданіе высыхало на солнцѣ, то карлики находили его и красивымъ, и удобнымъ.

Вокругъ пигмейскаго города разстилались поля. Самое большое изъ нихъ было не больше нашего цвѣтника. На этихъ поляхъ маленькіе человѣчки садили пшеничныя, ячменныя и ржаныя зерна, и когда изъ этихъ зеренъ выростали колосья, то для Пигмеевъ казались они огромными деревьями. На жатву трудолюбивые крошки выходили съ топориками и безъ-устали рубили зрѣлые колосья, какъ мы рубимъ сосны и березы. Случалось иногда, что неосторожно срубленный колосъ съ тяжелой головкой падалъ на Пигмея, и всякій разъ изъ этого выходила весьма непріятная исторія: если Пигмей и оставался живъ, то по-крайней-мѣрѣ долго стоналъ и охалъ. Вотъ каковы были отцы и матери Пигмеевъ: представьте же себѣ, каковы у нихъ были дѣтки! Цѣлая толпа пигмейскихъ ребятишекъ могла бы очень удобно расположиться спать въ нашемъ башмакѣ, или играть въ жмурки въ старой перчаткѣ; годоваго пигмейчика вы безъ труда накрыли бы наперсткомъ.

Забавные малютки, — какъ я уже сказалъ, — жили по сосѣдству съ великаномъ. А великанъ былъ дѣйствительно великанъ! Отправляясь гулять, онъ вырывалъ цѣлую сосну сажень въ десять высотою и помахивалъ ею, какъ мы машемъ тросточкою. Самый зоркій Пигмей безъ подзорной трубы не могъ видѣть ясно головы Антея. Иногда же въ туманную погоду Пигмеямъ видны были только страш-

ныя ножища великана, которыя двигались будто сами собою. Но въ ясный день, когда солнышко блистало ярко, Антей шутилъ съ Пигмеями очень мило: стоитъ, бывало, подбоченясь, гора горою, и его широкое лицо ласково улыбается маленькимъ братцамъ; а единственный глазъ, величиною въ каретное колесо, торчавшій у Антея посреди самаго лба, дружески мигаетъ разомъ всему Пигмейскому народу.

Пигмеи любили поболтать со своимъ братцемъ. Иной пятьдесятъ разъ на день подбѣжитъ, бывало, къ ногамъ великана, задеретъ къ верху головку, приложитъ кулакъ ко рту и закричитъ, какъ въ трубу, изо всей мочи: — «Го-го! братецъ Антей! Какъ поживаешь, мой милый?» И если тоненькій пискъ достигалъ до слуха великана, то онъ, бывало, непремѣнно отвѣтитъ: — «Спасибо, братецъ Пигмей, живу помаленьку»; но отвѣтитъ такъ, что даже пигмейскіе дома задрожатъ.

Большимъ счастьемъ было для Пигмеевъ, что Антей былъ съ ними друженъ. Еслибы онъ такъ же злился на нихъ, какъ злился на всякое другое живое существо, то однимъ пинкомъ могъ бы онъ перевернуть все ихъ царство къ верху ногами; стоило ему ступить на пигмейскій городъ — и слѣда бы его не осталось. Но Антей любилъ своихъ крохотныхъ братцевъ, на сколько могъ любить такой грубый великанъ; а они платили ему такою любовью, какая только могла помѣститься въ ихъ крошечныхъ сердечкахъ. Великанъ, какъ добрый братъ и хорошій сосѣдъ, не разъ оказывалъ Пигмеямъ большія услуги. Если вѣтряныя мельницы ихъ переставали вертѣться за недостаткомъ вѣтру, то стоило только Антею подышать на крылья — и мельницы принимались молоть; жгло ли крошекъ солнце слишкомъ сильно, Антей садился на землю и тѣнь его закрывала все ихъ царство изъ конца въ конецъ; но вообще Антей былъ довольно уменъ, чтобы не мѣшаться въ дѣла крошекъ, и предоставлялъ имъ самимъ управляться, какъ знаютъ.

Пигмеи жили недолго; жизнь Антея была длинна, какъ его тѣло. Много пигмейскихъ поколѣній смѣнилось на глазахъ Антея. Самые почтенные и сѣдые Пигмеи не слыхали отъ своихъ предковъ, когда началась ихъ дружба съ Антеемъ. Никто изъ Пигмеевъ не помнилъ, чтобы они когда-нибудь ссорились съ громаднымъ братомъ. Дружба ихъ шла ненарушимо съ незапамятныхъ временъ. Однажды только Антей по неосторожности сѣлъ разомъ на пять тысячъ Пигмеевъ, собравшихся на великолѣпный парадъ. Но это было одно изъ тѣхъ печальныхъ событій, которыхъ никто не можетъ предвидѣть; а по-

тому Пигмеи не разсердились на Антея и только попросили его, чтобы впередъ онъ осторожнѣе выбиралъ мѣсто, гдѣ ему захочется усѣсться; на мѣстѣ же печальнаго событія Пигмеи воздвигнули пирамиду четверти въ три вышиною.

Пріятно было думать, что существа, столь различныя по величинѣ, питали другъ къ другу такую нѣжную братскую любовь. Эта дружба была счастьемъ для Пигмеевъ, но она была также счастьемъ и для великана. Можетъ-быть Пигмеи были даже нужнѣе своему длинному братцу, чѣмъ онъ Пигмеямъ. Не будь у Антея его маленькихъ братьевъ — и у него рѣшительно не было бы ни одного друга въ цѣломъ мірѣ. Въ цѣломъ мірѣ не было ни одного великана, похожаго на Антея, и когда Антей стоялъ, какъ громадная башня, а голова его уходила въ облака, то онъ былъ страшно одинокъ. Да и нрава Антей былъ неуживчиваго: встрѣться онъ съ подобнымъ ему великаномъ, то, вѣроятно, началъ бы съ нимъ драку не на животъ, а на смерть. Имъ вдвоемъ показалось бы тѣсно жить на бѣломъ свѣтѣ. Но съ Пигмеями Антей былъ самымъ добродушнымъ, ласковымъ великаномъ.

Маленькіе пріятели Антея, какъ и вообще всѣ маленькіе люди, были о себѣ очень высокаго мнѣнія и, говоря о великанѣ, принимали покровительственный тонъ. — «Бѣдное, доброе созданье!» — говорили они объ Антеѣ, «пропалъ бы онъ безъ насъ, бѣдняга! Ему одному должно-быть ужасно какъ скучно. Удѣлимъ же минутку нашего драгоцѣннаго времени, и позабавимъ милаго дружка. Повѣрьте, что онъ очень нуждается въ насъ и далеко не такъ веселъ, какъ мы. Спасибо матушкѣ-землѣ, что она не создала насъ такими же великанами!»

По праздникамъ Пигмеи превесело играли съ Антеемъ. Онъ, бывало, растянется на землѣ и займетъ собою такое пространство, что для коротенькаго Пигмея пройти отъ Антеевой головы до его ногъ было весьма порядочной прогулкой. Крошечные человѣчки весело перепрыгивали у него съ пальца на палецъ, смѣло запрятывались въ складки его одежды, взбирались къ нему на голову и не безъ ужаса заглядывали въ его широкій ротъ, страшную пропасть, куда могли бы провалиться сотни двѣ Пигмеевъ разомъ. Дѣти играли въ прятки въ волосахъ и бородѣ Антея; а большіе держали пари, кто скорѣе обѣжитъ вокругъ его единственнаго глаза; иные молодцы со всего размаха даже прыгали съ носа Антея на его верхнюю губу.

Говоря откровенно, Пигмеи иногда препорядочно надоѣдали сво-

ему братцу, какъ намъ надоѣдаютъ мухи и комары; но Антей принималъ ихъ шутки очень добродушно. Смотритъ-смотритъ, бывало, на всѣ ихъ проказы — и расхохочется! да такъ расхохочется, что весь пигмейскій народъ закроетъ себѣ уши, чтобы не оглохнуть.

— Хо, хо, хо! проревётъ Антей, колыхаясь какъ огнедышащая гора при изверженіи: право не дурно быть такимъ крошкой, и не будь я Антеемъ, я пожелалъ бы быть Пигмеемъ!

Счастливо жили Пигмеи, но была и у нихъ своя забота. Они вели постоянную войну съ журавлями; и эта война тянулась такъ долго, что и великанъ даже не помнилъ, когда она началась. Страшныя битвы происходили повременамъ между маленькими человѣчками и журавлями! Величественны были Пигмеи, когда верхомъ на бѣлкахъ, кроликахъ, крысахъ и ежахъ, вооружившись мечами и копьями, луками и стрѣлами, трубя въ трубы, сдѣланныя изъ соломинокъ, съ громкимъ *ура!* кидались въ битву. При этихъ случаяхъ пигмейскіе полководцы, возбуждая воиновъ къ битвѣ, не разъ говорили имъ: «помните, Пигмеи, что весь міръ смотритъ на васъ!» хотя, правду говоря, смотрѣлъ на нихъ единственный, нѣсколько глуповатый глазъ Антея.

Когда обѣ враждебныя арміи сходились къ битвѣ, то журавли кидались впередъ, и, махая крыльями, вытягивая шеи, старались выхватить кого-нибудь изъ пигмейскихъ рядовъ своими длинными носами. Грустно было видѣть, какъ иногда иной маленькій человѣчекъ, барахтаясь, дрыгая ножками, исчезалъ мало-по-малу въ длинномъ журавлиномъ горлѣ. Но герой, какъ вы знаете, долженъ быть готовъ къ случайностямъ всякаго рода и, безъ-сомнѣнія, слава утѣшала Пигмея даже въ журавлиномъ зобу. Если Антей замѣчалъ, что битва становится уже слишкомъ жарка и что его маленькимъ пріятелямъ приходится плохо; то онъ только махнетъ, бывало, своей дубиной и журавли съ крикомъ, перегоняя другъ друга, убираются восвояси. Тогда пигмейская армія возвращалась домой съ торжествомъ, конечно приписывая побѣду своей собственной храбрости и искусству своихъ полководцевъ. Долго послѣ того по улицамъ пигмейскихъ городовъ ходили торжественныя процессіи, горѣли блестящія иллюминаціи и фейерверки, задавались великолѣпные публичные обѣды, выставлялись статуи героевъ во весь ихъ маленькій ростъ. Если же какому-нибудь Пигмею удавалось вытащить перо изъ журавлинаго хвоста, то это перо гордо колыхалось на его

шляпѣ; за три, за четыре такія пера храбрецъ дѣлался даже предводителемъ пигмейской арміи.

Такъ-то жили и благоденствовали маленькіе Пигмеи возлѣ своего громаднаго брата и дружба ихъ, можетъ-быть, продолжалась бы и до-сихъ-поръ, еслибъ не случилось одного печальнаго происшествія, о которомъ я разскажу вамъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

Нашла коса на камень.

Однажды въ праздникъ Антей отдыхалъ, растянувшись на землѣ во весь свой длинный ростъ; голова его лежала на одной границѣ Пигмейскаго государства, а ноги далеко выходили за другую. Маленькіе человѣчки кучами лазили по немъ, карабкались къ нему на голову, заглядывали къ нему въ ротъ, играли въ прятки въ его волосахъ. По временамъ великанъ дремалъ и храпъ его раздавался, подобно порывамъ бури. Въ такую сонную минуту одинъ пигмейскій храбрецъ взобрался на самый лобъ Антея и оттуда, какъ съ высокой башни, любовался окрестностью. Вдругъ видитъ Пигмей вдали что-то такое странное, небывалое—смотритъ, смотритъ и не вѣритъ глазамъ своимъ! Сначала Пигмею показалось, что вдали стоитъ гора на томъ мѣстѣ, гдѣ ее прежде не было. Но скоро онъ убѣдился, что эта гора движется. Еще прошло минуты двѣ и Пигмей съ изумленіемъ увидѣлъ, что это вовсе не гора, а огромный человѣкъ; не такой, правда, огромный, какъ Антей, но все же довольно великъ для того, чтобы показаться Пигмею страшилищемъ; да и мы бы назвали незнакомца человѣкомъ громаднаго роста.

Пигмей страшно перетревожился. Сначала онъ не зналъ, что ему дѣлать; но потомъ спустился проворно къ уху великана, влѣзъ туда, какъ въ пещеру, и закричалъ что было мочи:

— Го, го! братецъ Антей: вставай, проворнѣе вставай! Бери свою дубину; сюда идетъ другой великанъ и, должно-быть, хочетъ драться съ тобою!

—Эй, братецъ, перестань! промычалъ Антей: оставь дурачиться; я спать хочу. Какіе тамъ великаны? прибавилъ Антей и задремалъ снова.

Но Пигмей не успокоился: взглянулъ опять туда, гдѣ видѣлъ чужаго великана, и съ ужасомъ замѣтилъ, что онъ ужъ очень не далеко; такъ-что можно было ясно разсмотрѣть его лицо и одежду. На головѣ у незнакомца былъ золотой шлемъ, а латы его ярко блистали на солнцѣ. Онъ былъ опоясанъ широкимъ мечомъ, львиная шкура

развѣвалась у него на плечахъ; въ одной рукѣ держалъ онъ громадную палицу, которая, казалось, была даже тяжелѣе Антеевой сосны. Теперь уже и весь Пигмейскій народъ замѣтилъ громаднаго незнакомца, и цѣлый милліонъ маленькихъ голосковъ завопилъ разомъ:

— Вставай, Антей! проснись, лѣнтяй! Идетъ другой великанъ, такой же сильный какъ ты, и хочетъ биться съ тобою!

— Вздоръ, пустяки! — мычалъ сквозь сонъ Антей: пусть тамъ идетъ себѣ, кто хочетъ.

Но въ это время незнакомый богатырь подходилъ все ближе-и-ближе, и Пигмеи видѣли уже теперь совершенно ясно, что если онъ ростомъ и поменьше Антея, зато въ плечахъ гораздо будетъ пошире. О, какъ страшно широки были эти плечи! Пигмеи были преживой, пребойкій народецъ, гораздо смѣтливѣе ихъ тяжелаго, глуповатаго братца, — и вотъ они принялись кричать въ одинъ голосъ, толкали Антея, чѣмъ ни попало, и даже кололи своими маленькими мечами его толстую кожу.

— Вставай же! вставай! — вставай! кричали они: поднимай свои лѣнивыя кости! Посмотри, что за палица у незнакомца: гораздо тяжелѣе твоей; посмотри, что у него за богатырскія плечи: гораздо шире твоихъ!

Антей никогда не могъ слышать хладнокровно, что есть гдѣ-нибудь существо равное ему по силѣ. Съ досадою, нехотя, сталъ онъ просыпаться; зѣвнулъ раза три, открывши при этомъ ротъ сажени на двѣ; потомъ протеръ глаза и, наконецъ, повернулъ-таки башку въ ту сторону, куда указывали ему его маленькіе друзья... Но едва увидѣлъ онъ незнакомца, какъ въ ту же минуту вскочилъ на ноги, схватилъ свою сосну и, страшно потрясая ею въ воздухѣ, зашагалъ навстрѣчу незнакомцу.

— Ты кто такой? прогремѣлъ великанъ: Что тебѣ здѣсь нужно? Зачѣмъ тебя несетъ сюда, въ мои владѣнія?

Я не сказалъ вамъ, дѣти, еще объ одной странности, которая водилась за Антеемъ, — не сказалъ именно потому, что, услыхавъ отъ меня о стольких чудесахъ разомъ, вы бы, пожалуй, мнѣ и не повѣрили. Знайте же, что всякій разъ, какъ этотъ страшный великанъ дотрогивался до земли, силы его увеличивались вдесятеро. Мать его — земля, какъ вы видите, очень любила и берегла своего неуклюжаго сына. Къ счастію еще, Антей былъ лѣнивъ и не любилъ двигаться. Не дай Богъ, еслибъ онъ прыгалъ и вертѣлся какъ Пигмей: онъ навѣрное обрушилъ бы тогда небо на насъ, бѣдныхъ жителей

земли. Но къ-счастью этотъ неуклюжій малый былъ громаденъ, какъ гора, и почти такъ же, какъ она, неподвиженъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что всякій другой человѣкъ перепугался бы до полусмерти, взглянувъ на свирѣпое лицо разъяреннаго великана; но стоявшій передъ нимъ незнакомый богатырь видно былъ не трусливаго десятка и едвали даже зналъ, что̀ такое страхъ. Онъ, преспокойно играя своей палицей, измѣрялъ Антея глазами съ головы до ногъ и даже не показалъ очень большаго удивленія: казалось, незнакомецъ видалъ прежде много великановъ даже побольше Антея.

— Говори же, кто ты такой? заревѣлъ Антей снова: какъ тебя зовутъ и что̀ тебѣ здѣсь нужно? Отвѣчай сію минуту, бродяга, а нето я попробую своей тросточкой, толста ли у тебя кожа.

— Ты, какъ я вижу, большой невѣжа, отвѣчалъ незнакомецъ очень спокойно: и мнѣ, вѣроятно, прійдется поучить тебя учтивости. Ты хочешь знать мое имя?... пожалуй! зовутъ меня Геркулесомъ; а иду я въ Гесперидскіе сады за золотыми яблоками.

Услышавъ имя Геркулеса, Антей разсвирѣпѣлъ еще пуще: даже и въ африканскую пустыню достигъ къ Антею слухъ о страшной силѣ, необыкновенномъ мужествѣ и чудныхъ подвигахъ Геркулеса. Антей же, какъ вы знаете, не могъ сносить равнодушно, чтобы кромѣ его были на свѣтѣ и другія сильныя существа.

— Такъ знай же, бродяга! заревѣлъ Антей, что ты не пойдешь далѣе; да и назадъ не воротишься.

— А какъ же ты помѣшаешь мнѣ, спросилъ Геркулесъ, идти, куда мнѣ угодно?

— Да вотъ какъ: дамъ тебѣ отвѣдать, вкусна ли моя сосенка! прокричалъ великанъ съ злобнымъ хохотомъ. Въ эту минуту Антей былъ дѣйствительно отвратительнѣйшимъ чудовищемъ.— Развѣ ты не знаешь,—продолжалъ онъ,—что я въ десять, во сто разъ сильнѣе тебя, и что мнѣ стоитъ только поставить ногу на землю, чтобъ быть въ тысячу разъ сильнѣе? Мнѣ стыдно убивать такое ничтожное животное, какъ ты, и я хочу живаго отдать тебя вмѣсто игрушки моимъ братьямъ, Пигмеямъ. Клади же свою дубину, снимай свой шлемъ и подай сюда твою львиную кожу; я сдѣлаю себѣ изъ нея пару перчатокъ!

— Приди и самъ сними ее съ моихъ плечъ, отвѣчалъ Геркулесъ, подымая палицу.

Скрежеща отъ ярости зубами, двинулся великанъ на Геркулеса и занесъ надъ нимъ свою сосну; но Геркулесъ былъ гораздо ловче Антея, отвелъ грозившій ему ударъ своею палицею и въ свою оче-

редь такъ мѣтко хватилъ Антея по громадной башкѣ, что онъ, какъ тяжелая башня, рухнулся на землю. Бѣднымъ маленькимъ Пигмеямъ и во снѣ никогда не снилось, чтобы кто-нибудь могъ быть сильнѣе Антея; увидя же такой ударъ, они не-на-шутку перепугались за своего неуклюжаго брата. Но Антей быстро поднялся съ земли и, ставши въ десять разъ сильнѣе прежняго, съ бѣшенствомъ кинулся на Геркулеса. Онъ страшно замахнулся на богатыря своею сосною; но ослѣпленный яростію, не попалъ куда мѣтилъ и ударилъ въ свою же невинную мать землю, такъ-что та застонала и задрожала. Пока Антей вытаскивалъ сосну, которая вошла въ землю очень глубоко, Геркулесъ успѣлъ ударить его снова палицею между плечами. Великанъ испустилъ страшный, оглушительный крикъ, — такой крикъ, что его, какъ я думаю, можно было слышать даже по ту сторону африканскихъ степей: отъ одного сотрясенія воздуха при этомъ крикѣ пигмейская столица превратилась въ развалины. Но, вытащивъ свою сосну, Антей снова сталъ въ десять разъ сильнѣе прежняго —, и снова кинулся на Геркулеса.

Въ этотъ разъ Геркулесъ такъ ловко подставилъ свою дубину, что Антеева сосна, ударившись о нее, разлетѣлась на тысячи кусковъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Геркулесъ снова свалилъ съ ногъ Антея; но снова только сдѣлалъ его въ десять разъ сильнѣе прежняго. Нужно ли говорить, какая ярость кипѣла въ душѣ великана? Единственный глазъ его сверкалъ, какъ раскаленный до-красна кругъ желѣза. У Антея не было уже оружія; но оставались еще два кулака, каждый съ добраго кабана величиною; размахивая руками, съ пѣной у рта снова кинулось разъяренное чудовище на Геркулеса.

— Погоди же! вотъ я тебя! — проревѣлъ Антей, не помня себя отъ бѣшенства.

Тутъ Геркулесъ увидалъ, что ему не справиться съ Антеемъ, если онъ будетъ по прежнему сбивать его съ ногъ. Каждый разъ гигантъ дѣлается сильнѣе, и можетъ наконецъ сдѣлаться сильнѣе самаго Геркулеса. Геркулесъ былъ нетолько силенъ, но и уменъ. Онъ бросилъ палицу, съ которою одержалъ столько удивительныхъ побѣдъ, и приготовился встрѣтить Антея грудь грудью.

— Пожалуй! — закричалъ онъ чудовищу: сосна твоя сломалась, попробуемъ же, кто изъ насъ борется лучше.

— О! теперь ты ужь отъ меня не уйдешь! проревѣлъ обрадованный великанъ, который считалъ себя лучшимъ борцомъ въ цѣломъ

свѣтѣ: давай бороться, я закину тебя туда, откуда ты уже во вѣки вѣковъ не вылѣзешь.

Началась страшная борьба: Геркулесъ, уловивъ удобную минуту, схватилъ Антея по срединѣ тѣла и поднялъ его надъ землею. О, какая это была картина! Громадный великанъ, поднятый на воздухъ, болталъ своими длинными руками и ногами и изворачивался всѣмъ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, какъ маленькій ребенокъ, котораго отецъ подниметъ до потолка. Но какъ-только Антей былъ оторванъ отъ земли, такъ силы его и начали пропадать. Геркулесъ скоро замѣтилъ, что врагъ его становится все слабѣе-и-слабѣе, бьется и вертится все тише-и-тише и наконецъ уже не кричитъ, а только хрипитъ: чудовище издыхало. Отдѣленный отъ земли, великанъ не могъ прожить и пяти минутъ: умный Геркулесъ отгадалъ эту тайну и одолѣлъ гиганта, который казался неодолимымъ.

Когда великанъ пересталъ дышать, Геркулесъ бросилъ его безчувственное тѣло на землю. Теперь уже и мать сырая земля не могла воскресить своего бездыханнаго сына. Я полагаю, что громадный остовъ Антея и въ настоящее время лежитъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ бросилъ его Геркулесъ. Но если путешественники видѣли этотъ остовъ, то вѣроятно приняли его за кости какого-нибудь громаднаго допотопнаго животнаго.

Глава III.

Месть Пигмеевъ за брата.

О! какой жалобный стонъ подняли бѣдные Пигмеи, увидавъ, что сдѣлалъ незнакомецъ съ ихъ громаднымъ братомъ! Надобно полагать, что даже Геркулесъ слышалъ эти отчаянные крики; но вѣроятно подумалъ, что это пищали какія-нибудь птички, спугнутыя съ гнѣздъ стукомъ оружія и криками Антея.

Геркулесъ усталъ: онъ шелъ издалека и битва его утомила. Ему захотѣлось спать и онъ, не долго думавъ, сбросилъ съ плечъ на землю свою львиную шкуру и преспокойно на ней улегся.

Пигмеи еще болѣе были оскорблены такимъ равнодушнымъ презрѣніемъ пришельца и, убѣдившись, что онъ заснулъ, собрались на народное совѣщаніе. Громадная толпа маленькихъ человѣчковъ покрывала собою площадь аршинъ въ тридцать квадратныхъ. Одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ пигмейскихъ ораторовъ, который такъ же искусно дѣйствовалъ языкомъ, какъ и оружіемъ, взобрался на первый попав-

шійся красивый мухоморъ и оттуда повелъ рѣчь къ окружавшей его толпѣ согражданъ.

— Великіе Пигмеи, великіе маленькіе люди, говорилъ онъ: мы всѣ видѣли, какое страшное общественное бѣдствіе разразилось надъ нами, и какое кровавое оскорбленіе нанесено величію нашего народа! Взгляните: тамъ лежитъ Антей, нашъ другъ и братъ! Убитъ! убитъ въ границахъ нашего государства! Убитъ ничтожнымъ пришлецомъ, который засталъ его въ-расплохъ и сражался съ нимъ.... Но развѣ это убійство можно назвать сраженіемъ!? О такомъ сраженіи не слыхалъ до-сихъ-поръ никто: ни великанъ, ни Пигмей. И теперь, довершая злодѣйство оскорбленіемъ, убійца улегся спать посреди насъ такъ же спокойно, какъ-будто бы онъ и не заботился о нашемъ мщеніи. Подумайте, великіе Пигмеи, что заговоритъ о насъ свѣтъ, что скажетъ безпристрастная исторія, если мы оставимъ неотмщеннымъ это чудовищное, неслыханное оскорбленіе? Антей былъ братъ нашъ, сынъ нашей матери, отъ которой мы получили наше тѣло и наши храбрыя сердца; онъ зналъ это—и гордился нашимъ родствомъ! Онъ былъ нашимъ вѣрнымъ союзникомъ — и палъ, сражаясь за свою честь и за наши народныя права. Мы и наши предки жили съ нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ незапамятныхъ временъ. Вспомните, какъ часто весь нашъ великій народъ отдыхалъ подъ тѣнью Антея! вспомните, какъ наши малютки, играя, прятались въ кольцахъ его волосъ! вспомните, какъ осторожно двигалась между нами его могучая стопа! а теперь, этотъ добрый братъ, этотъ тихій и ласковый другъ, этотъ храбрый и вѣрный союзникъ нашъ, — этотъ добродѣтельный великанъ, этотъ безукоризненный Антей—убитъ, убитъ! лежитъ бездыханный, безчувственный, неподвижный какъ гора! О, простите! слезы невольно льются у меня изъ глазъ; но я вижу, что и ваши глаза также оросились слезами, и не стыжусь плакать. Можетъ ли, смѣетъ ли обвинить насъ міръ, если мы затопимъ его нашими слезами?!

— Но къ дѣлу!... продолжалъ ораторъ: не слезы, нѣтъ, не слезы; но месть должна быть утѣшеніемъ героевъ. Великіе Пигмеи! неужели мы стерпимъ это оскорбленіе? неужели мы позволимъ вѣроломному чужестранцу уйти безнаказанно изъ нашего государства — уйти въ далекія страны и тамъ хвалиться своимъ подвигомъ? Не должны ли мы заставить его сложить свои кости тамъ же, гдѣ лежитъ трупъ нашего друга и брата? Пусть остовъ этого злодѣя вѣчно свидѣтельствуетъ міру о силѣ пигмейской мести. Месть! месть! Я увѣренъ, что

рѣшеніе этого собранія будетъ достойно нашего народнаго характера и увеличитъ, а не уменьшитъ ту славу, которую передали намъ наши предки и которую мы такъ доблестно поддержали въ нашихъ битвахъ съ журавлями!

Рѣчь оратора была прервана взрывомъ рукоплесканій. Толпа единодушно вопила, что народная честь должна быть спасена. Успокоивши слушателей движеніемъ руки, ораторъ продолжалъ:

— Теперь намъ остается только рѣшить вопросъ: будемъ ли мы сражаться цѣлымъ народомъ противъ нашего общаго врага, или кто-нибудь одинъ изъ насъ будетъ избранъ вызвать на поединокъ убійцу нашего милаго брата? О, какъ бы радовался я, еслибъ эта великая честь пала на меня! И повѣрьте мнѣ, согражданe, что какая бы судьба меня ни ожидала, я не уроню чести нашей родины, чести, завѣщанной намъ нашими храбрыми предками. Никогда! никогда! Если бы даже злодѣйская рука, убившая великаго Антея, уложила и меня на ту же родную землю, на защиту которой я отдаю жизнь мою!

При этихъ словахъ мужественный Пигмей выхватилъ свой страшный мечь, величиною съ перочинный ножикъ, и — далеко отбросилъ отъ себя ножны. Восторженные крики и рукоплесканія были отвѣтомъ оратору; страшный шумъ продолжался бы долго, еслибъ въ эту минуту онъ не былъ заглушенъ сильнымъ дыханіемъ или, попросту, храпомъ спящаго Геркулеса.

Послѣ короткаго совѣщанія о томъ, какъ дѣйствовать противъ общаго врага, всѣ воины Пигмейскаго народа взялись за оружіе и мужественно двинулись на Геркулеса. А онъ, несчастный! продолжалъ спать очень крѣпко—не видалъ даже и во снѣ, какія бѣды готовятся ему Пигмеями. Впереди шелъ двадцати-тысячный отрядъ стрѣлковъ, наложивъ стрѣлы на тетивы; за этимъ отрядомъ шелъ другой, который, вмѣсто оружія несъ лопаты, связки сѣна и разный мусоръ: эти храбрецы должны были выкопать глаза Геркулесу и, заткнувъ ему чѣмъ попало и ротъ и ноздри, задушить злодѣя. Но вихрь, выходящій изъ носа и рта непріятеля, уносилъ храбрыхъ воиновъ, какъ ураганъ, что помѣшало имъ исполнить возложенное на нихъ порученіе.

Послѣ такой неудачи Пигмеи держали снова военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено: сжечь Геркулеса живымъ. Тысяча пигмейскихъ воиновъ, работая изъ всѣхъ силъ, наносили сучьевъ, соломы, хворосту и обложили имъ голову Геркулеса. Между-тѣмъ пигмейскіе стрѣлки стали въ такомъ разстояніи, чтобы пустить въ лицо

непріятеля, какъ только онъ проснется, цѣлую тучу стрѣлъ. Когда все было готово, принесли горящую головню и подожгли хворостъ. Сильное пламя мигомъ вспыхнуло, и непріятель бы непремѣнно сгорѣлъ, еслибъ остался лежать на мѣстѣ. Пигмеи, какъ вамъ извѣстно, хоть и маленькіе люди, но могутъ точно также надѣлать пожару, какъ и самый большой человѣкъ. Но, какъ-только Геркулесъ почувствовалъ, что его начинаютъ жарить, то вскочилъ на ноги въ ту же минуту, и сталъ тушить свои волоса, которые уже горѣли.

— Это что еще значитъ! закричалъ онъ, съ изумленіемъ осматриваясь вокругъ и не замѣчая никого.

Въ эту минуту двадцать тысячъ стрѣлъ, жужжа, какъ рой комаровъ, понеслись прямо въ лицо непріятеля; но я полагаю, что немногія изъ нихъ пробили кожу богатыря, которая, какъ и слѣдуетъ быть богатырской кожѣ, была очень толста.

— Злодѣй! крикнули въ это время всѣ Пигмеи разомъ: ты убилъ нашего великаго брата и союзника! мы объявляемъ тебѣ кровавую войну на жизнь и смерть, — войну до-тѣхъ-поръ, пока не положимъ тебя на мѣстѣ!

Геркулесъ въ это время уже успѣлъ потушить свои волоса и до слуха его достигъ крикъ милліона тоненькихъ голосковъ. Съ удивленіемъ осматривался онъ вокругъ, но никого не видалъ. Наконецъ, уже случайно взглянулъ онъ на землю и замѣтилъ, что у ногъ его копошатся тысячи крошечныхъ созданій. Геркулесъ видѣлъ множество чудесъ, но такихъ маленькихъ людей еще никогда не видалъ: онъ нагнулся, поймалъ пальцами одного изъ Пигмеевъ и, поставивъ его къ себѣ на ладонь, поднесъ къ глазамъ, чтобы разсмотрѣть поближе что это было такое. Случилось, что этотъ Пигмей былъ тотъ самый краснорѣчивый ораторъ, который, какъ вы помните, говорилъ такую геройскую рѣчь съ верхушки мухомора и просилъ позволенія у народа вызвать Геркулеса на поединокъ.

— Что же ты такое, мой маленькій пріятель? спросилъ Геркулесъ, съ удивленіемъ разсматривая крошечное существо, стоявшее на его широкой ладони.

— Кто я?... я врагъ твой! — отвѣчалъ мужественный Пигмей: ты убилъ великана Антея, нашего брата и друга, вѣрнаго союзника нашего великаго народа. Мы рѣшились отмстить тебѣ и я — я вызываю тебя на смертный бой! Мужественный пискъ Пигмея и воинственный видъ этого крошечнаго существа, такъ храбро стоявшаго на ладони, поразили Геркулеса. Онъ разразился громовымъ хохотомъ и

едва-едва не задушилъ маленькаго храбреца, невольно сжимая руку въ припадкѣ судорожнаго смѣха.

— Клянусь честью, это чудо изъ чудесъ! вскричалъ богатырь: я видѣлъ гидру съ девятью головами, оленей съ золотыми рогами, шестиногихъ людей, трехголовыхъ собакъ, но здѣсь, на моей ладони, стоитъ чудо, превосходящее все, что я только видѣлъ. Твое тѣло, пріятель, меньше моего мизинца; но какова же должна быть твоя душа?

— Она такъ же велика, какъ твоя! отвѣчалъ Пигмей спокойно и съ достоинствомъ.

Геркулесъ былъ тронутъ непобѣдимымъ мужествомъ крошечнаго существа и не могъ не почувствовать къ нему того уваженія, какое невольно чувствуетъ одинъ герой къ другому.

— Мой храбрый маленькій народъ! — сказалъ Геркулесъ, осторожно опустивъ храбреца на землю и отдавая низкій поклонъ великой націи: ни за что въ мірѣ не рѣшился бы я съ намѣреніемъ оскорбить такихъ храбрыхъ товарищей, какъ вы. Ваши сердца мнѣ кажутся такими великими сердцами, что я рѣшительно не понимаю, какъ они могутъ помѣститься въ такихъ маленькихъ тѣлахъ. Я прошу у васъ мира съ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ позволено было сдѣлать пять шаговъ и на шестомъ — очутиться внѣ предѣловъ вашего государства. Прощайте! Я постараюсь ступать осторожнѣе, чтобы не раздавить кого-нибудь изъ васъ, что было бы мнѣ очень прискорбно. Но и вы, съ своей стороны, потрудитесь посторониться. Го, го, го, го, го! посторонитесь! Я въ первый разъ признаю себя побѣжденнымъ!

Нѣкоторые изъ писателей говорятъ, будто Геркулесъ забралъ всю великую націю Пигмеевъ въ свою львиную кожу, принесъ ихъ домой въ Грецію и отдалъ вмѣсто игрушки дѣтямъ короля Эрисфена, но это ошибка. Геркулесъ не тронулъ ни одного изъ Пигмеевъ и оставилъ ихъ тамъ же, гдѣ они жили. Можетъ-быть, потомки ихъ и теперь продолжаютъ по-прежнему жить на томъ же самомъ мѣстѣ, по-прежнему строятъ свои маленькіе города, по-прежнему обработываютъ свои маленькія поля, убаюкиваютъ своихъ крохотныхъ дѣтей, даютъ свои маленькія сраженія журавлямъ, пишутъ и читаютъ маленькія исторіи своихъ великихъ подвиговъ. Въ этихъ исторіяхъ пишется, можетъ-быть, что много-много столѣтій тому назадъ мужественные Пигмеи отомстили за смерть своего брата и друга, великана Антея: принудили славнаго и могущественнаго Геркулеса признать себя побѣжденнымъ, и обратили его въ бѣгство.

НЕДОКОНЧЕННАЯ СКАЗКА.

Дѣти улеглись въ свои постельки; старушка-бабушка надѣла очки, придвинула свѣчку къ самому носу, проворно завертѣла спицами и начала разсказывать сказку.

— На берегу большой рѣки, разливавшейся отъ дождей, въ маленькой избушкѣ лежалъ и спалъ старикъ-перевозчикъ: онъ усталъ отъ дневныхъ трудовъ. Въ самую полночь разбудили его громкіе голоса, и слышитъ онъ, что какіе-то путешественники требуютъ, чтобы онъ перевезъ ихъ на ту сторону.

Выйдя изъ дому, перевозчикъ увидѣлъ два большіе, блудящіе огонька. Они порхали надъ привязанной лодкой и увѣряли перевозчика, что они очень спѣшатъ и имъ необходимо, какъ можно скорѣе, быть на томъ берегу. Не медля ни минуты, старикъ сѣлъ въ лодку, отчалилъ и поплылъ черезъ рѣку, исполняя свое дѣло, какъ опытный перевозчикъ. Между-тѣмъ два незнакомца безъ умолку и скороговоркой болтали между собою на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ; шептались, заливаясь по временамъ громкимъ смѣхомъ, и въ то же самое время безпрестанно прыгали то съ краевъ лодки на скамейку, то со скамейки на дно.

— Эй, вы, огоньки! — закричалъ старикъ: вы качаете лодку и если не перестанете, то она можетъ опрокинуться. Смотрите-жъ, огоньки, сидѣть смирно!

На это предостереженіе блудящіе огоньки отвѣчали громкимъ, трескучимъ хохотомъ, стали издѣваться надъ старикомъ и были безпокойнѣе прежняго. Перевозчикъ терпѣливо выносилъ ихъ невѣжливость и скоро присталъ къ другому берегу рѣки.

— Вотъ тебѣ за труды! — закричали путешественники въ одинъ голосъ; стали прыгать, вертѣться, трястись и множество блестящихъ золотыхъ монетъ полетѣло отъ нихъ на дно лодки.

— Ради Бога, перестаньте! Что вы дѣлаете? — закричалъ старикъ: вы накликаете на меня большую бѣду. Упади хоть одна золотая монета въ воду, — рѣка непремѣнно разбушуется; она ненавидитъ этотъ металъ и затопитъ и меня, и мою лодку; да и вы, можетъ-быть, неуйдете; берите назадъ свои деньги.

— Мы не можемъ взять назадъ того, что уже разъ отъ насъ отлетѣло.

— Вотъ вы какихъ хлопотъ мнѣ надѣлали! — сказалъ старикъ, на-

гибаясь и подбирая монеты въ шапку: теперь собирай-ка ихъ, неси на берегъ, да еще ищи мѣста, гдѣ бы зарыть.

Блудящіе огоньки выскочили изъ лодки, но перевозчикъ остановилъ ихъ и сказалъ: — гдѣ же плата за мои труды?

— Кто не беретъ денегъ, тотъ пусть работаетъ даромъ! возразили огоньки.

— Вы должны знать, — отвѣчалъ старикъ, что мнѣ можно заплатить только плодами земли.

— Плодами земли? Мы презираемъ земные плоды и никогда къ нимъ не прикасаемся.

— Ну, ужь тамъ сами, какъ знаете; а только я васъ не отпущу, пока вы не пообѣщаете принести мнѣ три кочана капусты, три артишока и три большія луковицы.

Блудящіе огоньки хотѣли-было отдѣлаться шутками и ускакать; но почувствовали, что не могутъ оторваться отъ земли. Это было для нихъ новое и очень непріятное ощущеніе. Они пообѣщали перевозчику исполнить, какъ-можно скорѣе, его требованіе, и онъ отпустилъ ихъ, а самъ отчалилъ и поѣхалъ назадъ. Онъ былъ уже далеко, когда огоньки стали кричать ему вслѣдъ: «старикъ, а старикъ! мы забыли самое важное». Но перевозчикъ уже не могъ ихъ разслышать. Онъ поѣхалъ внизъ по рѣкѣ къ гористому берегу, чтобы найти мѣсто, куда бы зарыть опасное золото. Тамъ, между высокими скалами, нашелъ онъ ужасную пропасть, высыпалъ въ нее изъ шапки все золото и воротился домой.

Въ этой пропасти спала прекрасная зеленая змѣя. Звукъ падающей монеты разбудилъ ее, но едва она увидѣла блестящіе золотые кружки, какъ кинулась на нихъ и тутъ же на мѣстѣ поглотала ихъ всѣ съ величайшею жадностію, заботливо подбирая тѣ, которые закатились-было въ кустарники или въ трещины. Поглотавъ золото, змѣя почувствовала, какъ оно растапливается въ ея желудкѣ и расплывается по всему ея тѣлу, и въ то же время съ удовольствіемъ замѣтила, что сама она становится прозрачною и блестящею. Давно увѣряли уже ее, что такое явленіе возможно; теперь она видѣла, что это правда; но не знала, долго ли можетъ продержаться этотъ блескъ и свѣтъ. Ею овладѣло сильное желаніе обезпечить себя на будущее время и, вылѣзши изъ пропасти, узнать, кто такой насыпалъ туда прекрасныхъ золотыхъ кружковъ. Вылѣзла она и не нашла никого; но зато, съ какимъ удовольствіемъ, извиваясь въ травѣ и кустахъ, дивилась она пріятному свѣту, который разливался отъ нея по свѣ-

жей зелени: всѣ листочки казались смарагдами, всѣ цвѣты были освѣщены превосходно. Но напрасно проползла она всю дикую пустыню, никого не видя, и тѣмъ болѣе обрадовалась, когда выползши на равнину, увидѣла свѣтъ, похожій на ея собственный. «Я кажется вижу наконецъ кого-то, очень на меня похожаго» — прошипѣла она и поползла туда, гдѣ видѣла свѣтъ. Смѣло, не жалѣя трудовъ, ползла она по противному ей болоту: она любила сухія гористыя мѣста, горныя ущелья, разсѣлины высокихъ скалъ, душистыя травы, нѣжную росу и свѣжую ключевую воду; но ради милаго золота, и надѣясь поддержать въ себѣ блестящій свѣтъ, она готова была все вытерпѣть, все преодолѣть. Усталая, измученная, доползла она наконецъ до мокраго болота, на которомъ прыгали два наши пріятеля, веселые огоньки. Змѣя поздоровалась съ ними и изъявила радость, что въ числѣ своихъ родныхъ видитъ такихъ прекрасныхъ господъ. Огоньки подскочили къ ней, стали черезъ нее прыгать и, заливаясь хохотомъ, кричали: «ну, тетушка, если мы вамъ и съ-родни, то вѣроятно не потому, что ползаемъ также, какъ вы.» Въ эту минуту огоньки нарочно вытянулись во всю свою длину. Змѣѣ было очень неловко въ присутствіи такихъ братьевъ; какъ она ни задирала головы къ верху, но все же должна была всякій разъ опускать ее снова къ землѣ, чтобы сдѣлать шагъ впередъ. Кромѣ-того, блескъ ея, которымъ она такъ любовалась въ темнотѣ ночи, очень поуменьшился въ присутствіи ея родственниковъ, такъ-что она начала бояться, какъ бы онъ и совсѣмъ не пропалъ. Видя такую бѣду, она поспѣшила спросить у веселыхъ господчиковъ, не могутъ ли они сказать ей откуда взялось золото, которое попало къ ней въ пропасть, «ужъ не золотой ли это дождь?» прибавила она робко. Огоньки разсмѣялись, затряслись, и золотыя монеты, словно дождь, посыпались вокругъ. Змѣя пустилась въ ту же минуту подбирать золото, но огоньки прыскали имъ съ такою щедростью, что змѣя едва успѣвала поглощать его. Блескъ ея замѣтно увеличился, а огоньки замѣтно похудѣли и отощали; но это ни на волосъ не уменьшило ихъ веселости.

— Я вамъ очень, очень обязана! — сказала змѣя, едва переводя духъ: требуйте отъ меня, что угодно; я все готова для васъ сдѣлать.

— Вотъ и отлично, тетушка! закричали огоньки: скажи же намъ, милая, гдѣ живетъ прекрасная Лилія? Веди насъ какъ можно скорѣе во дворцы и сады прекрасной Лиліи; мы умираемъ отъ нетерпѣнія броситься къ ея ногамъ.

— Увы! — отвѣчала змѣя съ глубокимъ вздохомъ, этой-то услуги я и не могу для васъ сдѣлать, къ сожалѣнію, прекрасная Лилія живетъ за рѣкою.

— За рѣкою! А мы-то торопились, возились со старикомъ, переѣзжали рѣку въ такую бурную ночь! Несносная рѣка! Но развѣ нельзя дозваться опять старика перевозчика?

— Не трудитесь напрасно, — сказала змѣя, еслибъ вы даже застали его на этомъ берегу, то онъ не взялъ бы васъ съ собою; онъ можетъ всѣхъ перевозить сюда, но отсюда никого. — «Но развѣ нѣтъ ни какого другаго средства переѣхать черезъ рѣку?» — Есть еще одно, да только не теперь, въ полдень, пожалуй! — «Въ полдень мы путешествуемъ не очень охотно.» — Въ такомъ случаѣ вы можете переправиться вечеромъ на тѣни великана. — «Но какъ же это сдѣлать?» — Большой великанъ, — отвѣчала змѣя, живетъ не вдалекѣ отсюда. Онъ не можетъ ничего сдѣлать своимъ тѣломъ и руки его не могутъ поднять соломинки; но тѣнь его можетъ очень-очень много! При восходѣ и заходѣ солнца тѣнь великана всего сильнѣе, и вамъ стоитъ только сѣсть на нее — и будете на той сторонѣ.

Блестящіе господчики кивнули змѣѣ головками и ускакали. Змѣя была радехонька раздѣлаться съ ними: ей хотѣлось полюбоваться своимъ собственнымъ блескомъ, но главное — она надѣялась теперь удовлетворить своему любопытству, которое давно уже ее мучило.

Ползая по ущельямъ и запалзывая въ пропасти, сдѣлала змѣя въ одномъ мѣстѣ странное открытіе, и хотя она ползала въ ущельяхъ и пещерахъ безъ свѣчи и ничего не видала, но ощупью могла хорошо различать предметы, и чувствовала, что ползетъ, то по зубцамъ большихъ кристалловъ, то по серебряной рудѣ, а иногда выносила даже съ собою на свѣтъ нѣсколько дорогихъ каменьевъ. Но разъ, забравшись въ глубокую пещеру, змѣя съ величайшимъ удивленіемъ почувствовала, что прикасается къ предметамъ, надъ которыми работала рука человѣка: то ощупывала она гладкія стѣны, по которымъ не могла ползти, то правильные углы, то отлично выдѣланныя колонны и, наконецъ, что особенно ее удивило — человѣческія фигуры. Она нѣсколько разъ обвивалась вокругъ нихъ, и всякій разъ ей казалось, что они сдѣланы изъ мрамора и выполированы отлично. Теперь ей хотѣлось глазами повѣрить всѣ эти открытія. Она полагала, что теперь, съ помощію своего собственнаго блеска, можетъ освѣтить эту диковинную, подземную пещеру и надѣялась наконецъ познакомиться поближе съ поразившими ее предметами. Вотъ она, не долго думая,

ни, поползла къ пещерѣ, скоро отыскала трещину и забралась въ подземелье. Съ удивленіемъ осматривалась она кругомъ. Хотя свѣта ея было не достаточно, чтобъ видѣть всѣ предметы разомъ, но ближайшіе были видны довольно ясно. Съ изумленіемъ увидѣла она въ углубленіи статую, изображающую почтеннаго короля и сдѣланную изъ чистаго золота. Статуя была больше человѣческаго роста; но, казалось, представляла скорѣе маленькаго, нежели большаго человѣка. Прекрасное тѣло короля было закрыто простою мантіею, а голову его обвивалъ дубовый вѣнокъ.

Едва увидѣла змѣя это почтенное изображеніе, какъ золотой король заговорилъ и спросилъ у нее: «Откуда ты?» — Изъ пещеры — отвѣчала змѣя, гдѣ.......

— Но, вы кажется заснули, дѣтки? — спросила бабушка, снимая очки.

Дѣти ничего не отвѣчали: они уже спали давно. Старушка погасила свѣчу, зажгла лампадку у образовъ, помолилась Богу, перекрестила спящихъ дѣтей и сама легла спать.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

«Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобъ зажиточный, а хорошимъ домомъ, человѣкъ работящій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей, да сына-молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было онъ строить, сбираясь женить своего Ваню, осталась недоконченною, — и долговъ нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браты были, какъ водится у простаго народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ, анъ нѣтъ: по крестьянскому разумѣнію отдать надобно; честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству... — «Пообождите, кормильцы, молитъ она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телятъ пару, да лошадь продамъ...» Куда — и слышать не хотятъ. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ было слышать Ивану

Захарову, какъ корятъ память отца, такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости.... Эхъ-ма!... и задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, черёдъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное.—«Да не возьмешь ли меня?» спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха?—проговорилъ тотъ съ сердцемъ.—«Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.»—Да какъ же, любезнякъ ты мой, мать-то твоя... тово..., вѣдь ты одинъ у нея, какъ перстъ...—«Ну, ужь это мое дѣло! Сколько же дашь?»—Ахъ, родной! выручи! Тысячу рублевъ новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою.—«Эва, дешево больно! Мнѣ непремѣнно надо двѣ, и копейки не уступлю!»—Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.—«Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ: за пару хорошихъ коней, что ѣздятъ у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почесть тысячу, а тутъ... Небойсь, не оскудѣешь!»

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшить съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца.—«Что, привезъ деньги?» спрашиваетъ тотъ.—Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите что слѣдуетъ. Только лишь расписочку изготовьте.—«Ладно.»

И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то же самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь, Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужъ въ пріемѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что-нибудь да не такъ! Позвать сюда мать.

Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, тоже расплаканныя.

— Вѣрно, забубённая голова твой сынъ?—говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работящѣе его во всей деревнѣ нѣтъ... Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ разсталась съ нимъ... да вотъ долгъ-то... Вишь, онъ не хочетъ баитъ, — успокою батюшку...

— Какой долгъ?

— Матушка! — крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала-было свой разсказъ; полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте безпокоиться насчетъ эвтого. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной горкѣ она и невѣста. Мы ужь и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужь не безпокойтесь... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего; поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: лобъ!

Получивъ отъ покупщика деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ. — «Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублевъ; ты, сватъ Андрей, получай свои безъ четверти двадцать пять...» тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копѣйки. Поняли тогда несговорчивые заимодавцы, откуда взялись у него деньги: иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу. — «Ничего не надо мнѣ, родимые; деньги не мои, а батюшкины; не поминайте же его лихомъ, не говорите, что заѣлъ чужое добро... А ужь коли кто хочетъ наградить меня, такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда...» — Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ заимодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодаго рекрута только два полуимперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ замужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься? со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду... Благослови меня, родная!

Рыдая сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненаглядного. Святая материнская слеза про-

шибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое,—заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особое представленіе,—и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поступилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

ПШЕНИЦА И ПЛЕВЕЛЫ.

(ПРИТЧА.)

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засѣять его пшеницею. Работники, засѣявъ поле, легли отдохнуть и заснули; когда же они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посѣялъ между пшеницею плевелы. Взошла и выросла пшеница, взошли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: «Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить-ли намъ на поле и не повырывать ли ихъ»? — «Нѣтъ, не ходите, отвѣчалъ имъ хозяинъ: вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь,—а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу.»

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. — Зачѣмъ ты это дѣлаешь? — спросилъ онъ отца: вотъ ужь такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду.

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится? — спросилъ отецъ.

— Это видно съ перваго взгляда, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и не завидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырости и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

— Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно? — спросилъ мальчикъ?

— За тѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скотъ не могъ его сломать.

— Посмотри,—сказалъ онъ сыну; какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отросткомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножомъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодаго деревца.

— Что ты дѣлаешь?—вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: теперь всѣ труды твои пропали даромъ!

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ деревца и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣзъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпочкою.

—Вотъ видишь ли,—сказалъ онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было бы и криво, и сучковато, и приносило бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно расло прямо; а теперь, при наступленіи весны, далъ скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прищепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь?—спросилъ отецъ сына.

— Ахъ,—отвѣчалъ тотъ: какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ.

— Дай Богъ,—продолжалъ отецъ, чтобы ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоемъ воспитаніи.

ПУСТОЙ ОСТРОВЪ.

Одинъ добрый господинъ, желая осчастливить своего раба, далъ ему свободу и подарилъ ему корабль со множествомъ драгоцѣнныхъ товаровъ.—«Ступай,—сказалъ онъ ему, плыви въ чужія земли, умножь свое имущество и все, что ты пріобрѣтешь—будетъ твое».

Невольникъ отправился; но скоро началась сильная буря и корабль его разбился о скалы. Драгоцѣнные товары пошли ко дну. Вся

ѣхавшіе на кораблѣ погибли и одинъ только бывшій рабъ съ величайшимъ трудомъ добрался до ближайшаго острова. Голодный, полуобнаженный и безпомощный побрелъ онъ внутрь острова, горько оплакивая свое несчастіе; пройдя немного, увидѣлъ онъ вдали большой городъ, изъ котораго вышла къ нему навстрѣчу толпа жителей съ радостными криками. «Да здравствуетъ нашъ король!» кричали они ему; посадили его на богатую колесницу и торжественно ввезли въ городъ. Потомъ ввели они его въ королевскій дворецъ, надѣли на него драгоцѣнную мантію и посадили на золотой тронъ; вельможи окружили его со всѣхъ сторонъ, пали передъ нимъ ницъ и отъ имени цѣлаго народа дали ему клятву въ вѣрности.

Новый король думалъ сначала, что все это видится ему во снѣ; однакожь мало-по-малу онъ убѣдился, что это не сонъ.—«Рѣшительно ничего не понимаю», думалъ онъ, «гдѣ же были глаза у этихъ людей? Взять голоднаго, нагаго бѣдняка и провозгласить его своимъ королемъ! Странные обычаи въ этой сторонѣ.»

Такъ думалъ новый король и любопытство его было до того сильно, что онъ рѣшился просить о разрѣшеніи мучившей его загадки одного изъ своихъ приближенныхъ, который показался ему старикомъ добрымъ и умнымъ. — «Визирь», сказалъ новый король старику, «объясни ты мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы меня сдѣлали вашимъ королемъ? какъ вы могли узнать, что меня выбросило на вашъ берегъ, и что наконецъ изъ всего этого выйдетъ?»

—«Властитель мой,»— отвѣчалъ ему визирь, «этотъ островъ населенъ духами. Они давно уже выпросили себѣ у Всемогущаго, чтобы онъ ежегодно присылалъ властвовать надъ ними одного изъ сыновей Адама. Творецъ внялъ ихъ просьбамъ и каждый годъ, въ одинъ и тотъ же день, посылаетъ человѣка на наши берега. Жители выходятъ къ нему на встрѣчу съ радостными криками, какъ ты самъ это видѣлъ, и провозглашаютъ его своимъ королемъ; но только на одинъ годъ. Когда же минетъ годъ и настанетъ извѣстный день, тогда они лишаютъ его королевской власти, снимаютъ съ него всѣ украшенія и одѣваютъ его въ рубища. Бывшіе подданные силою тащутъ своего властителя на берегъ, кладутъ его въ лодку и отталкиваютъ ее въ море. Эта лодка приноситъ его на одинъ пустой, дикій островъ: и вотъ, человѣкъ, который еще за нѣсколько дней былъ могущественнымъ королемъ, выходитъ на пустынный островъ снова бѣднымъ, нагимъ и голоднымъ. Онъ не находитъ тамъ ни друзей, ни подданныхъ, ни кого, кто принялъ бы участіе въ его несчастномъ положеніи, и

если онъ не употребилъ съ пользою годъ своего царствованія, то жалкую, бѣдственную жизнь ведетъ онъ на пустынномъ островѣ. По изгнаніи прежняго короля, народъ спѣшитъ на берегъ и знаетъ навѣрное, что найдетъ тамъ новаго, котораго провидѣніе не забываетъ присылать ежегодно. Таковъ, властелинъ мой, вѣчный законъ нашего государства — и ни одинъ король не можетъ его отмѣнить.»

«Знали-ли мои предшественники, спросилъ король, объ участи, которая ихъ ожидала?»

— «Ни отъ одного не былъ скрытъ этотъ неизмѣнный законъ судьбы» — отвѣчалъ визирь, «но многіе изъ нихъ, ослѣпленные блескомъ, окружающимъ ихъ тронъ, забывали печальное будущее и дурно проводили свой годъ. Наслаждаясь счастіемъ, они не хотѣли вѣрить въ существованіе пустаго острова, не хотѣли даже думать о немъ, чтобы не испортить своихъ настоящихъ удовольствій и, переходя отъ наслажденія къ наслажденію, какъ пьяные, достигали роковаго дня; когда же приходилъ несчастный день, то всѣ они жаловались на судьбу и проклинали свое ослѣпленіе; но уже было поздно: ихъ безъ пощады кидали въ лодку и предавали всѣмъ бѣдствіямъ, которыхъ они не хотѣли предотвратить своею мудростію.»

Разсказъ визиря наполнилъ ужасомъ сердце короля; онъ содрогнулся при мысли о судьбѣ, постигшей его предшественниковъ, и рѣшился твердо избѣжать ихъ участи. Онъ видѣлъ съ горестію, что уже прошло нѣсколько недѣль изъ недолгаго года и серьёзно подумалъ о томъ, какъ бы лучше воспользоваться остальнымъ временемъ своего царствованія.

— «Мудрый визирь», — сказалъ онъ духу, — «ты открылъ мнѣ ожидающую меня участь и всю краткость моей королевской власти; прошу же тебя, научи меня, что я долженъ дѣлать, чтобы избѣжать бѣдственной судьбы моихъ предшественниковъ?»

— «Вспомни, властитель», — отвѣчалъ ему духъ», что ты вышелъ на нашъ островъ одинокимъ, нагимъ и безпомощнымъ, такимъ же и сойдешь съ него — и никогда болѣе не воротишься! Есть только одно средство предотвратить всѣ бѣдствія, которыя ожидаютъ тебя въ землѣ изгнанія: сдѣлай ее плодородною и засели жителями. По нашимъ законамъ это тебѣ дозволяется, и твои послушные подданные пойдутъ теперь туда, куда ты ихъ пошлешь: пошли же на пустой островъ побольше работниковъ и прикажи имъ воздѣлать пустыню въ плодородное поле, построить города и наполнить ихъ всѣмъ, что нужно для жизни. Однимъ словомъ, приготовь себѣ другое, новое царство,

*6

жители котораго примутъ тебя съ радостію послѣ твоего изгнанія отсюда. Но спѣши, не трать ни одной минуты понапрасну! Время коротко и, чѣмъ ты лучше устроишь твое будущее царство, тѣмъ счастливѣе будетъ твоя жизнь въ немъ. Думай каждое утро, что въ этотъ день окончится твой годъ — и пользуйся твоей свободою. Если ты пренебрежешь моимъ совѣтомъ, замедлишь или заснешь въ удовольствіи, то ты погибъ — и горькая судьба ожидаетъ тебя!

Король былъ человѣкъ умный и слова духа внушили ему твердую рѣшимость. Онъ послалъ немедленно множество работниковъ на пустынный островъ; они пошли съ радостію и съ жаромъ принялись за дѣло. Островъ быстро началъ украшаться: не прошло шести мѣсяцевъ, на немъ появилось уже множество богатыхъ городовъ, посреди цвѣтущихъ луговъ и полей. Несмотря на это, король не ослабѣвалъ въ стараніяхъ улучшить свое будущее царство: онъ все посылалъ туда новыхъ и новыхъ жителей; каждый новый житель шелъ туда съ большею радостію, чѣмъ его предшественники, потому-что его ожидала уже обработанная страна, населенная его родственниками и друзьями.

Между-тѣмъ конецъ года приближался. Прежніе короли съ ужасомъ ожидали дня, въ который должны были сложить свою недолгую власть; но новый король ожидалъ его безъ страха, даже съ удовольствіемъ: онъ переходилъ въ страну, въ которой своею мудрою дѣятельностію приготовилъ себѣ пріятное и прочное жилище.

Назначенный день наконецъ наступилъ: короля схватили, вывели изъ дворца, сняли съ него корону и королевскія одежды и положили въ неизбѣжную лодку, которая принесла его къ мѣсту изгнанія. Но едва присталъ онъ къ берегу, какъ жители острова съ радостію поспѣшили къ нему на встрѣчу, приняли его съ большимъ почетомъ и вмѣсто той короны, блескъ которой продолжался всего одинъ годъ, украсили его голову неувядающимъ цвѣточнымъ вѣнкомъ. Всемогущій наградилъ его мудрость: онъ далъ безсмертіе его подданнымъ и сдѣлалъ его полнымъ, вѣчнымъ королемъ надъ ними.

Богатый человѣкъ — это Творецъ. Невольникъ, котораго отсылаетъ господинъ, — человѣкъ при своемъ рожденіи. Островъ, куда онъ пристаетъ, — земля, на которую мы появляемся нагими и безпомощными. Жители, идущіе ему навстрѣчу, это родители, которые заботятся о слабенькомъ существѣ. Визирь, который говоритъ ему о печальной участи его ожидающей, это религія и разумъ. Годъ правленія — недолгая жизнь человѣка; а пустой островъ — будущій

міръ. Работники, которыхъ туда посылаетъ король, — добрыя дѣла человѣка впродолженіи жизни; а короли, неизбѣжавшіе жалкой судьбы своей — это бо́льшая часть людей, которые, предаваясь недолговѣчнымъ земнымъ удовольствіямъ, забываютъ объ ожидающей ихъ загробной жизни: безъ добрыхъ дѣлъ появляются они предъ трономъ Всемогущаго и зато терпять муку и бѣдствія.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было пріити юношѣ, лежала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню.—«Куда же это ты ѣдешь, пріятель?» спросилъ его юноша. — «Прямо туда, куда нужно», отвѣчалъ перевозчикъ.—«Если это называется прямо», сказалъ юноша, «то я ужъ и не знаю, что значитъ криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.» — «Да, мой добрый баринъ, еслибъ мы все *такъ* ѣхали», возразилъ перевозчикъ; «но когда мы выѣдемъ на средину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно также, какъ и хорошій христіанинъ, должны поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другаго теченіе жизни.» И дѣйствительно, подъѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человѣкъ заплатилъ перевозчику двойную плату. — «Вотъ тебѣ», сказалъ онъ, «за перевозъ и за добрый совѣтъ.»

СМЕРТЬ И СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ и они остановились на холмѣ, не вдалекѣ отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные геніа человѣчества. Ночь наступала.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ, — и сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ хижинъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до груднаго младенца, лежащаго въ колыбели, все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный — свое горе, бѣднякъ — свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату. —«Когда настанетъ утро», сказалъ онъ, веселый и счастливый, «тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ пріятно незримо, въ тиши, разсыпать благодѣянія! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначеніе!» Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью и слезы заблистали въ его большихъ и темныхъ глазахъ. — «Ахъ!» сказалъ онъ, «почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностію людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!» — «О, братъ мой!» отвѣчалъ Ангелъ сна, «но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностію и не пошлютъ тебѣ благословенія, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?»

Такъ говорилъ Ангелъ сна и оба брата обнялись еще нѣжнѣе.

КОРОНА СТАРОСТИ.

На разумной и почтенной головѣ сѣдые волосы составляютъ прекрасную корону. Три глубокіе, сѣдые старика собрались разъ вмѣстѣ и разсказывали своимъ дѣтямъ, почему Богъ довелъ ихъ до такихъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, священникъ и учитель, сказалъ: «я никогда не тяготился своею должностію и когда благословлялъ, то благословлялъ отъ всей души; вотъ почему я дожилъ до такой старости.» — Другой, купецъ, сказалъ: «я никогда не обогащался на счетъ моего ближняго и ничье проклятіе не тревожило моего сна; я охотно помогалъ бѣднымъ и вотъ почему Господь подарилъ мнѣ такую старость.» — Третій, судья, сказалъ: «я никогда не бралъ взятокъ и всегда старался узнать правду, какъ бы мнѣ это ни было трудно; вотъ почему благословилъ меня Господь глубокою старостью.»

Тогда подошли къ старикамъ ихъ дѣти и внуки и увѣнчали ихъ сѣдые волосы цвѣтами. Отцы благословили своихъ потомковъ и

сказали: «пусть ваша старость будетъ подобна вашей юности! пусть ваши дѣти и внуки будутъ и для васъ цвѣтущимъ розовымъ вѣнкомъ на сѣдыхъ волосахъ.»

Старость есть прекрасный вѣнецъ жизни; но этого вѣнца достигаетъ только тотъ, кѣмъ управляютъ всю жизнь—умѣренность, справедливость и мудрость.

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится—шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ-отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему навстрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась метель и студентъ, должно быть, сбился съ дороги, потому что ночь уже наступала, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо въ грудь и въ лице, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодаго человѣка; а упади онъ только — и въ полчаса она намела бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣна его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать: онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть,—заснуть, во что бы то ни стало; но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодою; съ усиліемъ вытаскивалъ свои ноги изъ глубокаго снѣгу но мало подвигался впередъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ бы бѣднякъ непремѣнно, еслибъ чья-то сильная рука, не

подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шелъ студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣтель взвелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолкнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ отъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непремѣнно бы упалъ; но встрѣтившіе его люди поддержали и усадили его на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту: поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами пировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но, взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено, вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать: онъ чувствовалъ сильный голодъ и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется ли ему еще чего нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если тебѣ это нравится, отвѣчала добрая

женщина; а я буду звать тебя сыномъ; но благодарить тебѣ меня не-за-что. Все, что я дала тебѣ, не мое: я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердцѣ говоритъ благодарность, то обратись съ нею къ доброму Господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подалъ тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто же Господинъ этого дома и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностію.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать; но Господинъ этого прекраснаго дома никогда не показывается гостямъ и никто изъ насъ его не видалъ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ, и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ: должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить Хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ, — не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! здѣсь всѣ, кого ты видишь, одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что здѣсь есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность Господину дома.

— Скажи же скорѣе чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всѣмъ ему обязанъ — самою жизнію, и готовъ для него отдать ее!

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала улыбаясь, добрая женщина: помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями, и одолжай каждаго изъ нихъ, чѣмъ можешь: — вотъ и все, чего желаетъ Владыко дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ, да это долгъ каждаго порядочнаго человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пробыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь; потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать, для каждаго изъ гостей рано или поздно приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый, крылатый слуга Господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дому навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустилъ голову, у нашего Господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько тамъ вдали блеститъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ! Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ Хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ,—добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ!—прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностію и благоговѣніемъ къ невидимому Владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его—и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названнаго сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она; не забывай его никогда и люби его; исполняй его волю; люби его гостей, какъ своихъ братьевъ; служи и помогай имъ, чѣмъ можешь, и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла ли его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не надолго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она, мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я также, какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроенъ этотъ домъ, видѣлъ Хозяина лицомъ къ лицу

и разсказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! посмотри, онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомить.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента, вотъ сынъ мой; молю тебя, не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударитъ его часъ, приведи его къ Владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня; мой же часъ насталъ.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу, что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ; но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя: тогда мы не разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ Владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту; иди за святымъ отцемъ; не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лицо ея было грустно и страшно — страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ. Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, — будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины, — ему было смертельно жаль разстаться съ нею; но ея уже не было: видно, невидимый слуга Владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ: все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ, сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ: я любилъ мать твою и, надѣюсь, мы будемъ друзьями; пойдемъ, я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту Владыки

этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня — и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотою зданія. Высокіе потолки темно-синяго цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо; они были украшены золотыми и серебряными звѣздами и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ-и-сямъ рукою отличнаго художника. Стѣнъ почти было совершенно невидно: такъ убраны были они роскошными живыми растеніями; многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохлаждали воздухъ, наполненный ароматами; а полы были устланы дорогими, мягкими коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, и счету имъ не было; дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, еслибы повсюду въ окна не глядѣла темная непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ Хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но, Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на нихъ, то на своего сѣдаго спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой! сказалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены, и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ, Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену; видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О, ему не даровъ своихъ жаль! возразилъ старикъ; богатствамъ его нѣтъ счета: ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи; знать, что они позабыли обязанности гостей, и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену, еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда, и до того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло, и спорили на-смерть за то, что никому изъ нихъ не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро разстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода; но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы кто нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказалъ студенту его сѣдой спутникъ; черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ; онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ боится, чтобы кто нибудь не коснулся его сокровищъ.

Несмотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да! это такіе же гости, отвѣчалъ старикъ, но ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе: Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ, — и вотъ, что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша: зачѣмъ онъ позволяетъ имъ здѣсь безчинствовать?

— Видишь ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей; онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ: онъ все ждетъ, не исправятся ли они.

Юноша вспомнилъ, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику, ихъ дѣйствительно жаль; но пойдемъ же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны Хозяину этого дома и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ; впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца; напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени тому назадъ. Видя, что безчинство страшно возрасло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняютъ слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто Хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго сына своего, чтобы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности, и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ самаго скромнаго гостя. Онъ не садился за столы съ веселыми и богатыми, но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излечивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, нетолько чего нибудь не отнялъ у другихъ; но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, ктобы велъ себя скромнѣе и смирнѣе Сына Владыки дома; онъ говорилъ только о любви, хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ отцу своему. Что же, ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили Сына Владыки; убили за то, что, будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ здѣсь нищимъ,—за то, что онъ помогалъ несчастнымъ, — за то, что онъ хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ мой; но старайся сдѣлать все, что только можешь, изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ Сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ

старался помочь всякому, чѣмъ только могъ. Долго ходилъ онъ такъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодаго человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу, чѣмъ попало: такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодаго человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, не покидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о Сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами его отца.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодаго человѣка и его сѣдаго спутника. Они заглянули туда, и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюдъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вцѣпились другъ другу въ волоса, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе всего поразило его лице одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою маленькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дрожащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастная мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но между нею и дверьми шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножемъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая Хозяина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ эту минуту: «иди и спасай!» Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, вынесъ почти на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣна предъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодаго человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: «ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно».

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ что былъ тяжело раненъ ножемъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодаго человѣка, и онъ непремѣнно упалъ бы на полъ, еслибъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

— Я умираю, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ передъ собою крылатаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крылатый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: «ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мною; — Владыка дома зоветъ тебя».

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ . . . . и проснулся!

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника; а мать, съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ ей ея старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библія въ истертомъ, бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу, ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно ли говорить въ какомъ восторгѣ была вся семья?

Молодой человѣкъ, идя по степи, изнемогъ и упалъ; онъ, вѣроятно погибъ бы; но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ степи, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ этого, но никогда не забывалъ своего сна: ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе, какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый Хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко врѣзался сонъ въ его душу.

ОТДѢЛЪ III.

ОБРАЗЦЫ СЛОГА ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ЧТО ЗНАЕШЬ, О ТОМЪ НЕ СПРАШИВАЙ.

Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему идетъ на встрѣчу. — «Здорово!» — Здорово! — «А что везешь?» — Дрова. — «Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?» — А коли видишь, что сѣно, такъ за чѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «а вѣдь и вправду, для чего жъ я спрашивалъ?»

Даль.

ОСЬ И ЧЕКА.

Ѣхалъ извощикъ Семенъ съ кладью глухой дорогой, по голому, ровному, степному мѣсту. Бѣда не по лѣсу ходитъ; а пойдетъ бѣда, растворяй ворота, такъ одно за другимъ на тебя и валится. Задымилась у извощика ось: а до деревни далеко. Какъ ни бился сердечный, что ни дѣлалъ — нѣтъ, ничѣмъ не уйметъ; кладь тяжелая, а какъ ужъ разъ загорѣлась ось, то извѣстно, хоть брось тотчасъ: зальетъ, засыплетъ землей, бьется одинъ, какъ рыба объ ледъ; справился кой-какъ — съ версту проѣхалъ, опять стой, опять то же!

Наѣзжаетъ сзади шажкомъ другой извощикъ, Архипка, по пути; Семенъ оглянулся, а у того ось запасная сбоку подвязана. Крѣпокъ заднимъ умомъ русскій человѣкъ — догадался Семенъ нашъ, что надо было бы и ему возить съ собою запасную ось. Обрадовавшись находкѣ, снимаетъ онъ шапку, кланяется товарищу и проситъ: «Уступи братъ, ось запасную, сдѣлай милость; вотъ и деньги сейчасъ отдамъ, что хочешь бери, только уступи». Тотъ подошелъ, поглядѣлъ: — Да, говоритъ, не ладно у тебя дѣло; пожалуй, возьми, коли хочешь... за два цѣлковыхъ!

У бѣднаго Семена волосъ дыбомъ сталъ и обѣ руки полѣзли въ за-

тылокъ. Онъ сказать сказалъ, какъ слышали: «что хочешь возьми, только продай.» Да онъ, видишь, думалъ, что съѣхался съ православнымъ, что Господь послалъ ему помощь, а не бѣду; думалъ, что тотъ отдастъ ось, какъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ, за свои деньги, по-христіански — не разживаться же чужой бѣдой; а тутъ вышло не то! —«Помилуй», говоритъ, «да она, гдѣ хочешь возьми ее, больше полтинника не стоитъ!» — За моремъ телушка — полушка, — сказалъ тотъ, — да рубль перевозу. Поди, да купи, коли нашелъ за полтинникъ. А самъ-было и поѣхалъ дальше. Семенъ за нимъ, и проситъ и кланяется — нѣтъ; два цѣлковыхъ, да и полно. Кинулъ мужикъ нашъ шапку объ земь, такъ ему жаль было денегъ, — да дѣлать нечего; не ночевать тутъ; досталъ рублевики и отдалъ. —«На», говоритъ, «землякъ, Господь съ тобой; дай тебѣ Богъ разжиться съ легкой руки этими рублями» — Не видалъ я твоихъ рублей, — молвилъ тотъ, — ништо я тебя неволю, что ли? На, возьми ихъ, да подай сюда ось, я при своемъ буду, а ты при своемъ. —«Нѣтъ, землякъ, не ты неволишь, бѣда неволитъ. Быть такъ, ступай съ Богомъ, спасибо, что устроилъ, а то пролежалъ бы и здѣсь сутки. Пособи пожалуйста поднять передокъ, да подвести ось.» Тотъ пособилъ, справились и поѣхали вмѣстѣ.

Только что тронулись — Архипка хвать — чеки нѣтъ на задней оси; колесо скатилось, телѣга лежитъ на боку. — «Стой!» кричитъ онъ Семену, «стой, братъ, вотъ и у меня бѣда случилась! Какъ тутъ быть? Чеки-то у меня запасной нѣтъ, а тутъ вокругъ ни прута; да вотъ что, землякъ, погоди, мы справимся! у меня топоръ есть, подай-ка пожалуста обломокъ оси твоей, вѣдь ужъ она у тебя никуда не пойдетъ; я какъ разъ вытешу чеку, да и поѣдемъ вмѣстѣ». Пожалуй, — говоритъ Семенъ, — возьми; только ты мнѣ за нее три цѣлковыхъ подай. — «Съ ума что ли ты, братъ, спятилъ? три цѣлковыхъ за чеку, за обломокъ оси? Да онъ и гроша не стоитъ!» — «Вольному воля», сказалъ Семенъ, «при тебѣ деньги, при мнѣ товаръ. Поди, можетъ статься гдѣ купишь и за грошъ».

Ударилъ Архипъ руками объ полы — хоть пропадай; не велика штука чека, а безъ нея не уѣдешь; либо сядь да сиди, либо подай три цѣлковыхъ. Досталъ онъ мошну, вынулъ деньги, чуть не заплакалъ, и отдалъ Семену.

Даль.

РАЙСКАЯ ПТИЧКА

Благочестивый старецъ, провождавшій святые дни свои въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для братской трапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышленіямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную густоту лѣса, гдѣ нога смертнаго дотолѣ не бывала, и куда самые звѣри заходить не дерзали. Вдругъ слухъ его плѣняется пѣніемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самаго себя, забываетъ вселенную, и стоитъ неподвижно какъ мраморъ. Летитъ время, и не смѣетъ прикоснуться къ нему крылами своими; не смѣетъ прервать его вниманія: ибо оно было подобно вниманію *вѣчныхъ* жителей неба. Наконецъ птичка умолкла, и благочестивый старецъ пошелъ обратно въ свою обитель. Приходитъ, и видитъ — другія стѣны, другую церковь, другія кельи и другихъ монаховъ; — не вѣритъ глазамъ своимъ, идетъ къ начальнику монастырскому, и въ изумленіи вопрошаетъ его: «Скажи, отецъ преподобный! скажи, какое чудо преобразовало сію обитель? За нѣсколько часовъ передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу все иное.» — Мы тебя не знаемъ, пришлецъ! отвѣтствовалъ начальникъ.—Старецъ разсказываетъ исторію монастыря своего—именуетъ своего архимандрита.—«Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители извѣстно мнѣ все тобою повѣствуемое», сказалъ съ удивленіемъ начальникъ, «извѣстно мнѣ и самое имя сего архимандрита; но онъ жилъ за тысячу лѣтъ передъ симъ.»—«Теперь небесный лучъ освѣщаетъ очи мои!» воскликнулъ старецъ по глубокомъ размышленіи, и видъ его привелъ въ трепетъ всѣхъ присутствующихъ, ибо въ немъ было нѣчто божественное.—«Братія! я слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ!» Тутъ хочетъ онъ изъяснить сладость сего пѣнія; но языкъ его тупѣетъ, взоръ его меркнетъ — онъ падаетъ, и святая душа вылетаетъ изъ тлѣннаго тѣла. На камнѣ, покрывающемъ могилу его, вырѣзаны сіи слова: *онъ слышалъ пѣніе райской птички, и не чувствовалъ тысячи лѣтъ.*

Н. Карамзинъ.

РЕЙНСКІЙ ВОДОПАДЪ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ дру-

гому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокій утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, несмотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ; а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфемъ, церковь, хижины, виноградные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

День былъ осенній и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ своротить на Горохино (такъ называлась наша

деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогой. Хотя я нрава отъ природы тихаго, но нетерпѣніе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу и черезъ десять минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревами. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ пріѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшные мальчишки были мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла». И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи отростившій себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотчасъ очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

МЕТЕЛЬ.

Уже давно смеркалось. Владиміръ очень спѣшилъ и велѣлъ заложить для себя маленькія сани въ одну лошадь и одинъ, безъ кучера, отправился въ Жадрино. Дорога была ему знакома, а ѣзды всего

двадцать минутъ. Но едва Владиміръ выѣхалъ за околицу въ поле, какъ поднялся вѣтеръ и сдѣлалась такая метель, что онъ ничего не взвидѣлъ. Въ одну минуту дорогу занесло; окрестность исчезла во мглѣ мутной и желтоватой, сквозь которую летѣли бѣлые хлопья снѣгу; небо слилось съ землею; Владиміръ очутился въ полѣ и напрасно хотѣлъ снова попасть на дорогу; лошадь ступала наудачу и поминутно то въѣзжала на сугробъ, то проваливалась въ яму; сани поминутно опрокидывались; Владиміръ старался только не потерять настоящаго направленія. Но ему казалось, что уже прошло болѣе получаса, а онъ не доѣзжалъ еще до Жадринской рощи. Прошло еще около десяти минутъ — рощи все было не видать. Владиміръ ѣхалъ полемъ, пересѣченнымъ глубокими оврагами. Метель не утихала, небо не прояснялось. Лошадь начинала уставать, а съ него потъ катился градомъ, несмотря на то, что онъ поминутно былъ по поясъ въ снѣгу.

Наконецъ онъ увидѣлъ, что ѣдетъ не въ ту сторону. Владиміръ остановился: началъ думать, припоминать, соображать и увѣрился, что должно было взять ему вправо. Онъ поѣхалъ вправо. Лошадь его чуть ступала. Уже болѣе часа былъ онъ въ дорогѣ. Жадрино должно быть недалеко. Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а полю не было конца. Все сугробы, да овраги; поминутно сани опрокидывались, поминутно онъ ихъ поднималъ. Время шло; Владиміръ начиналъ сильно безпокоиться.

Наконецъ въ сторонѣ что-то стало чернѣть. Владиміръ поворотилъ туда. Приближаясь, увидѣлъ онъ рощу. Слава Богу, подумалъ онъ, теперь близко. Онъ поѣхалъ около рощи, надѣясь тотчасъ попасть на знакомую дорогу или объѣхать рощу кругомъ: Жадрино находилось тотчасъ за нею. Скоро нашелъ онъ дорогу и въѣхалъ во мракъ деревъ, обнаженныхъ зимою. Вѣтеръ не могъ тутъ свирѣпствовать; дорога была гладкая; лошадь ободрилась, и Владиміръ успокоился.

Но онъ ѣхалъ, ѣхалъ, а Жадрина было не видать; рощѣ не было конца. Владиміръ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ заѣхалъ въ незнакомый лѣсъ. Отчаяніе овладѣло имъ. Онъ ударилъ по лошади; бѣдное животное пошло было рысью, но скоро стало приставать и черезъ четверть часа пошло шагомъ, несмотря на всѣ усилія несчастнаго Владиміра.

Мало-по-малу деревья начали рѣдѣть, и Владиміръ выѣхалъ изъ лѣсу; Жадрина было не видать. Должно было быть около полуночи.

Слезы брызнули изъ глазъ его, онъ поѣхалъ на удачу. Погода утихла, тучи расходились, передъ нимъ лежала равнина, устланная бѣлымъ волнистымъ ковромъ. Ночь была довольно ясна. Онъ увидѣлъ невдалекѣ деревушку, состоящую изъ четырехъ или пяти дворовъ. Владиміръ поѣхалъ къ ней. У первой избушки онъ выпрыгнулъ изъ саней, подбѣжалъ къ окну и сталъ стучаться. Черезъ нѣсколько минутъ деревянный ставень поднялся, и старикъ высунулъ свою сѣдую бороду. «Что те надо?» — «Далеко ли Жадрино?» — «Жадрино-то далеко ли?» — «Да, да! Далеко ли?» — «Недалече: верстъ десятокъ будетъ». При семъ отвѣтѣ Владиміръ схватилъ себя за волосы и остался недвижимъ, какъ человѣкъ приговоренный къ смерти.

«А отколь ты?» продолжалъ старикъ. Владиміръ не имѣлъ духа отвѣчать на вопросы. «Можешь ли ты, старикъ», сказалъ онъ, «достать мнѣ лошадей до Жадрина?» — «Каки у насъ лошади», отвѣчалъ мужикъ. — «Да не могу ли взять хоть проводника? Я заплачу, сколько ему будетъ угодно!» — «Постой», сказалъ старикъ, опуская ставень: «я те сына вышлю; онъ те проводитъ.» Владиміръ сталъ дожидаться. Не прошло минуты, онъ опять началъ стучаться. Ставень поднялся, борода показалась. — «Что те надо?» — «Чтожъ твой сынъ?» — «Сейчасъ выдетъ, обувается. Али ты прозябъ? взойди погрѣться.» — «Благодарю, высылай скорѣе сына.»

Ворота заскрыпѣли; парень вышелъ съ дубиною и пошелъ впередъ, то указывая, то отыскивая дорогу, занесенную снѣговыми сугробами. — «Который часъ?» спросилъ его Владиміръ. — «Да ужъ скоро разсвѣнетъ», отвѣчалъ молодой мужикъ. Владиміръ не говорилъ уже слова.

Пѣли пѣтухи и было уже свѣтло, какъ достигли они Жадрина.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—ни. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро на-

стоящаго майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленыя, молодыя хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполнѣ почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Ѳедора (1), поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми; Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу; лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія устали. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, радостными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды — это была рѣка Мѣша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и несмотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя отъ восхищенія. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удилищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и покуда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дёмы, я невидывалъ рѣки рыбнѣе Мѣши; рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показалась мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на

(1) Евсеичъ — дядька мальчика, отправляющагося въ деревню родителей, а Ѳедоръ — слуга.

дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поваръ! Сковорода жареной рыбы также показалась очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отъѣхали тридцать верстъ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было не жарко и не пыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ бѣжали такою рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отъѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркой огонь, наложили дорожный самоваръ, то-есть огромный чайникъ съ трубою, послали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая какъ жевали кони овесъ и фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана, черезъ Каму, которая была еще въ разливѣ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда* (*) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалузи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзихѣ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзихѣ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы: подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню, Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Подняв-

(*) Такъ называются завозни, дощаники, паромы и проч.

шись съ ночлега, по обыкновенію, на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неклюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно открыться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «Не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклоняясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ»,— я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!...

С. Аксаковъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ГИМНАЗИСТА СЪ КАНИКУЛЪ.

Лѣтнюю вакацію я прожилъ въ деревнѣ такъ же пріятно, какъ и прошлаго года; но на возвратномъ пути случилось со мной происшествіе, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе и слѣды котораго не изгладились до сихъ поръ: я сталъ гораздо болѣе бояться и теперь боюсь переправляться черезъ большія рѣки. Вотъ какъ случилось это происшествіе: мы пріѣхали въ полдень на лѣтній перевозъ черезъ Каму, противъ села Шурана. На берегу дожидались переправы три крестьянскихъ телѣги съ поклажей и вощиками и десятка полтора бабъ съ кузовами ягодъ. Бабы возвращались домой пѣшкомъ на противоположный берегъ Камы. Перевощиковъ на перевозѣ не было: куда разбрелись они—не знаю. Потолковавъ нѣсколько времени, крестьяне и мои люди рѣшились сами переправиться черезъ рѣку, потому что одинъ изъ крестьянъ вызвался править кормовымъ весломъ, увѣривъ, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ перевощикомъ. И такъ выбрали лучшій дощаникъ, поставили три крестьянскія телѣги съ лошадьми, мою кибитку и всѣхъ трехъ нашихъ лошадей; разумѣется, взяли и всѣхъ бабъ съ ягодами; мнимый перевощикъ сталъ на кормѣ, двое крестьянъ, мой кучеръ и лакей Иванъ Мальцъ (мо-

лодецъ и силачъ, одинъ стоившій десятерыхъ) сѣли въ весла, и мы отчалили отъ пристани. Между-тѣмъ черная туча взмывала на западѣ и мало-по-малу охватывала край горизонта; ее нельзя было не примѣтить, но всѣ думали: авось пройдетъ стороной, или, авось успѣемъ переѣхать. Пристань находилась противъ самаго Шурана, и для того, чтобъ не быть снесеннымъ быстротою теченія сердитой Камы и чтобы угодить прямо на перевозъ, — надобно было подняться вверхъ по рѣкѣ на шестахъ слишкомъ версту. Это производилось очень медленно, а гроза быстро начала приближаться. Чтобы ускорить переѣздъ, поднялись вверхъ только съ полверсты, опять сѣли въ весла и перекрестившись пустились наперебой поперегъ рѣки; но лишь только мы добрались до середины, какъ туча съ неимовѣрной скоростью обхватила весь горизонтъ, почернѣвшее небо еще чернѣе отразилось въ водѣ, стало темно, и страшная гроза разразилась молніей, громомъ и внезапной неистовой бурей. Кормщикъ нашъ въ испугѣ бросилъ кормовое весло и признался, что онъ совсѣмъ не перевощикъ и править не умѣетъ; вихрь завертѣлъ нашъ паромъ, какъ щепку, и понесъ внизъ по теченію; бабы подняли пронзительный вой — и ужасъ овладѣлъ всѣми. Я такъ испугался, что не могъ промолвить ни одного слова и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Вихремъ и быстротой теченія снесло нашъ дощаникъ нѣсколько верстъ внизъ по рѣкѣ и наконецъ бросило на песчаную отмель, по счастію саженяхъ въ пятидесяти отъ противоположнаго берега. Иванъ Малышъ спрыгнулъ въ воду, она была ему по поясъ; онъ дошелъ бродомъ до берега, глубина воды нигдѣ не доставала выше груди. Онъ воротился тѣмъ же путемъ на паромъ, стащилъ съ него одну изъ нашихъ лошадей посмирнѣе, посадилъ меня верхомъ, велѣлъ крѣпко держаться за гриву и за шею лошади и повелъ ее въ поводу; Евсѣичъ шелъ подлѣ и поддерживалъ меня обѣими руками. Мутныя и огромныя волны хлестали черезъ насъ и окачивали съ головой; по несчастію Малышъ, идя впереди, сбился съ того броду, по которому прошелъ два раза, и попалъ на болѣе глубокое мѣсто; вдругъ онъ нырнулъ въ воду, лошадь моя поплыла, и Евсѣичъ отсталъ отъ меня; тутъ-то я почувствовалъ такой страхъ близкой смерти, котораго не забылъ до сихъ поръ; каждую минуту я готовъ былъ лишиться чувствъ и едва не захлебнулся; по счастію, глубина продолжалась не болѣе двухъ или трехъ саженъ, Малышъ плавалъ мастерски, лошадь моя отъ него не отставала и, не выпуская повода изъ рукъ, онъ скоро выплылъ на мелкое мѣсто и благополучно вывелъ на берегъ коня, но Евсѣичъ, не умѣвшій хо-

рошо плавать, едва не утонулъ и насилу выбился на берегъ. Меня, мокраго до послѣдней нитки, сняли съ лошади почти безъ памяти; пальцы мои закоченѣли, замерли въ гривѣ моего коня; но я скоро опомнился и невыразимо обрадовался своему спасенью. Евсеичъ остался со мной, а Малышъ пустился опять къ дощанику, съ котораго бабы, съ криками и воплями, не разставаясь съ кузовьями ягодъ, побросались въ воду; мужики постолкали своихъ лошадей и телѣги, и всѣ кое-какъ, по отмели, удачно отъискавъ бродъ по мельче, добирались до берега. Дощаникъ, облегченный отъ большей части груза, поднялся и его начало тащить водою внизъ по теченію. Вотъ тутъ-то пригодилась сила Ивана Малыша: онъ удерживалъ дощаникъ до-тѣхъ-поръ, покуда нашъ кучеръ столкнулъ на отмель лошадей и нашу повозку; Малышъ переставалъ держать паромъ, и его сейчасъ унесло внизъ по рѣкѣ. Стоя въ водѣ по поясъ, заложили лошадей, и повозка моя, подмочивъ все въ ней находившееся, выѣхала на берегъ. Мы сѣли, мокрые и озябшіе, и поскакали въ Шуранъ; тамъ обогрѣлись, обсушились, напились горячаго чаю, и холодная ванна не имѣла для насъ никакихъ дурныхъ физическихъ послѣдствій. На зато напугалась моя душа, и я во всю свою жизнь не могъ и не могу смотрѣть равнодушно на большую рѣку, даже въ тихое время; а во время бури чувствую невольный ужасъ, котораго не въ-силахъ преодолѣть.

С. Аксаковъ.

ОХОТА НА ВАЛЬДШНЕПОВЪ.

...... Вечеромъ мы съ охотникомъ Ермолаемъ отправились на «тягу».... Но можетъ-быть не всѣ мои читатели знаютъ, что такое тяга. Слушайте же, господа.

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу съ ружьемъ, безъ собаки. Вы отъискиваете себѣ мѣсто, гдѣ-нибудь подлѣ опушки, оглядываетесь, осматриваете пистонъ, перемигиваетесь съ товарищемъ.... Четверть-часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда... вы ждете. Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше-и-выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ; вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ усиливается; слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ

около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ, не всѣ вдругъ—по породамъ; вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновеній малиновки, за ними овсянки... Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки.... всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ... Вотъ и они умолкли. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосокъ пѣночки; гдѣ-то печально прокричала иволга.... соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ—но одни охотники поймутъ меня — вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и шипѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ— и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы на встрѣчу вашему выстрѣлу.

И. Тургеневъ.

ІЮЛЬСКІЙ ДЕНЬ.

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась на долго. Съ самаго ранняго утра небо ясно, утренняя заря не пылаетъ пожаромъ—она разливается кроткимъ румянцемъ; солнце, не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное—мирно всплываетъ изъ-подъ узкой и длинной тучки, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый туманъ.... Верхній, тонкій край растянутаго облака засверкаетъ змѣйками — блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ облаковъ, золотисто-сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями: подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы—они почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, они сдвигаются, тѣснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они такъ же лазурны, какъ небо: они всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза—развѣ, кой-гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: то сѣется едва замѣтный дождь. Къ вечеру эти облака исчезаютъ; послѣднія изъ

нихъ, черноватыя и неопредѣленныя какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ такіе дни краски всѣ смягчены, свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже «паритъ» по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной и вихри-круговороты, несомнѣнный признакъ постоянной погоды, высокими, бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ, черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости. Такой погоды желаетъ земледѣлецъ для уборки хлѣба...

И. Тургеневъ.

РОЩА ОСЕНЬЮ.

Я сидѣлъ въ березовой рощѣ осенью, около половины сентября. Съ самаго утра перепадалъ мелкій дождикъ, смѣняемый по временамъ теплымъ солнечнымъ сіяніемъ; была непостоянная погода. Небо то̀ все заволакивалось рыхлыми бѣлыми облаками, то̀ вдругъ мѣстами расчищалось на мгновенье, и тогда изъ-за раздвинутыхъ тучъ показывалась лазурь, ясная и ласковая, какъ прекрасный, умный глазъ. Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой; по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепетъ весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря потому, свѣтило ли солнце или закрывалось облакомъ; она то̀ озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка, лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и сквозили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то̀ вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, берёзы стояли всѣ бѣлыя,

безъ блеска, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца,—и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь. Листва на березахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла; лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голосокъ синицы. Прежде чѣмъ я остановился въ этомъ березовомъ лѣску, я съ своей собакой прошелъ черезъ высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево—осину—съ ея блѣдно-лиловымъ пнемъ и сѣро-зеленой, металлической листвой, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣеромъ раскидываетъ на воздухѣ; не люблю я вѣчное качанье ея круглыхъ, неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ; она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, когда, возвышаясь отдѣльно среди низкаго кустарника, она приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца, и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ желтымъ багрянцемъ, — или, когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленьемъ, какъ-будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль. Но вообще я не люблю этого дерева, и потому, не остановясь въ осиновой рощѣ для отдыха, добрался до березоваго лѣска, угнѣздился подъ однимъ деревцомъ, у котораго сучья начинались низко надъ землей и, слѣдовательно, могли защитить меня отъ дождя, и, полюбовавшись окрестнымъ видомъ, заснулъ тѣмъ безмятежнымъ и кроткимъ сномъ, который знакомъ однимъ охотникамъ.

Не могу сказать, сколько я времени проспалъ, но когда я открылъ глаза — вся внутренность лѣса была наполнена солнцемъ, и во всѣ направленья, сквозь радостно шумѣвшую листву, сквозило и какъ-бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанныя взыгравшимъ вѣтромъ; погода расчистилась, и въ воздухѣ чувствовалась та особенная, сухая свѣжесть, которая, наполняя сердце какимъ-то бодрымъ ощущеньемъ, почти всегда предсказываетъ мирный и ясный вечеръ послѣ ненастнаго дня.

И. Тургеневъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ОХОТѢ.

Во время пирожнаго былъ позванъ Яковъ, и отданы приказанія насчетъ линейки, собакъ и верховыхъ лошадей — все съ величайшею подробностію, называя каждую лошадь по имени. Володина [1] лошадь хромала; папа велѣлъ осѣдлать для него охотничью. Это слово: «охотничья лошадь», какъ-то странно звучало въ ушахъ maman: ей казалось, что охотничья лошадь должна быть что-то въ родѣ бѣшенаго звѣря, и что она непремѣнно понесетъ и убьетъ Володю. Несмотря на увѣщанія папà и Володи, который съ удивительнымъ молодечествомъ говорилъ, что это ничего и что онъ очень любитъ, когда лошадь несетъ, бѣдняжка maman продолжала твердить, что она все гулянье будетъ мучиться.

Обѣдъ кончился; большіе пошли въ кабинетъ пить кофе, а мы побѣжали въ садъ шаркать ногами по дорожкамъ, покрытымъ упадшими, жолтыми листьями, и разговаривать. Начались разговоры о томъ, что Володя поѣдетъ на охотничьей лошади, о томъ, какъ стыдно, что Любочка тише бѣгаетъ, чѣмъ Катенька [2], о томъ, что интересно было бы посмотрѣть вериги Гриши [3], и т. д.; о томъ же, что мы разстаемся, ни слова не было сказано. Разговоръ нашъ былъ прерванъ стукомъ подъѣзжавшей линейки, на которой у каждой рессоры сидѣло по дворовому мальчику. За линейкой ѣхали охотники съ собаками, за охотниками — кучеръ Игнатъ, на назначенной Володѣ лошади, и велъ въ поводу моего стариннаго клепера. Сначала мы всѣ бросились къ забору, отъ котораго видны были всѣ эти интересныя вещи, а потомъ съ визгомъ и топотомъ побѣжали наверхъ одѣваться, и одѣваться такъ, чтобы какъ можно болѣе походить на охотниковъ. Одно изъ главныхъ къ тому средствъ было всучиваніе панталонъ въ сапоги. Нимало не медля, мы принялись за это дѣло, торопясь скорѣе кончить его и бѣжать на крыльцо наслаждаться видомъ собакъ, лошадей и разговоромъ съ охотниками.

День былъ жаркій. Бѣлыя причудливыхъ формъ тучки съ утра показались на горизонтѣ: потомъ все ближе-и-ближе сталъ сгонять ихъ маленькій вѣтерокъ, такъ что изрѣдка онѣ закрывали солнце. Сколько ни ходили и ни чернѣли тучи, видно не суждено имъ было собраться въ грозу и въ послѣдній разъ помѣшать нашему удовольствію. Къ

---

[1] Володя — братъ разсказщика.
[2] Сестры Володи.
[3] Юродивый.

вечеру онѣ опять стали расходиться: однѣ поблѣднѣли, подлиннѣли и бѣжали на горизонтъ; другія, надъ самой головой, превратились въ бѣлую прозрачную чешую; одна только черная большая туча остановилась на востокѣ. Карлъ Иванычъ [1] всегда зналъ, куда какая туча пойдетъ; онъ объявилъ, что эта туча пойдетъ къ Масловкѣ, что дождя не будетъ и погода будетъ превосходная.

Фока, несмотря на свои преклонныя лѣта, сбѣжалъ съ лѣстницы очень ловко и скоро, крикнулъ: «подавай!» и, раздвинувъ ноги, твердо сталъ посрединѣ подъѣзда, между тѣмъ мѣстомъ, куда долженъ былъ подкатить линейку кучеръ, и порогомъ, въ позиціи человѣка, которому не нужно напоминать о его обязанности. Барыни сошли и послѣ небольшаго пренія о томъ, кому на какой сторонѣ сидѣть и за кого держаться (хотя, мнѣ кажется, совсѣмъ не нужно было держаться), усѣлись, раскрыли зонтики и поѣхали. Когда линейка тронулась, maman, указывая на «охотничью лошадь», спросила дрожащимъ голосомъ у кучера:

— Эта для Владиміра Петровича лошадь?

И когда кучеръ отвѣчалъ утвердительно, она махнула рукой и отвернулась. Я былъ въ сильномъ нетерпѣніи: взлѣзъ на свою лошадку, смотрѣлъ ей между ушей и дѣлалъ по двору разныя эволюціи.

—Собакъ не извольте раздавить, сказалъ мнѣ какой-то охотникъ.

—Будь покоенъ: мнѣ не въ первый разъ, отвѣчалъ я гордо.

Володя сѣлъ на «охотничью лошадь», несмотря на твердость своего характера, не безъ нѣкотораго содроганія, и, оглаживая ее, нѣсколько разъ спросилъ:

— Смирна-ли она?

На лошади же онъ былъ очень хорошъ — точно большой. Обтянутыя ляжки его лежали на сѣдлѣ такъ хорошо, что мнѣ было завидно, — особенно потому, что, сколько я могъ судить по тѣни, я далеко не имѣлъ такого прекраснаго вида.

Вотъ послышались шаги папа на лѣстницѣ; выжлятникъ подогналъ отрыскавшихъ гончихъ; охотники съ борзыми подозвали своихъ и стали садиться. Стремянный подвелъ лошадь къ крыльцу; собаки своры папа, которыя прежде лежали въ разныхъ живописныхъ позахъ около нея, бросились къ нему. Вслѣдъ за нимъ, въ бисерномъ ошейникѣ, побрякивая желѣзкой, весело выбѣжала Милка. Она, выходя, всегда здоровалась съ псарными собаками: съ однѣми

[1] Гувернеръ дѣтей.

поиграетъ, съ другими понюхается и порычитъ, а у нѣкоторыхъ поищетъ блохъ.

Папа́ сѣлъ на лошадь, и мы поѣхали.

Графъ Л. Толстой.

ИГРЫ.

Охота кончилась. Въ тѣни молодыхъ березокъ былъ разостланъ коверъ и на коврѣ кружкомъ сидѣло все общество. Буфетчикъ, Гаврило, примявъ около себя зеленую сочную траву, перетиралъ тарелки и доставалъ изъ коробочки завернутые въ листья сливы и персики. Сквозь зеленыя вѣтви молодыхъ березъ просвѣчивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плѣшивую, вспотѣвшую голову Гаврилы, круглые, колеблющіеся просвѣты. Легкій вѣтерокъ, пробѣгая по листвѣ деревьевъ, по моимъ волосамъ и вспотѣвшему лицу, чрезвычайно освѣжалъ меня.

Когда насъ одѣлили мороженымъ и фруктами, дѣлать на коврѣ было нечего, и мы, несмотря на косые, палящіе лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну, во что̀? сказала Любочка, щурясь отъ солнца и припрыгивая по травѣ. — Давайте въ Робинзона.

— Нѣтъ... скучно, сказалъ Володя, лѣниво повалившись на траву и пережевывая листья:—вѣчно Робинзонъ! Ежели непремѣнно хотите, такъ давайте лучше бесѣдочку строить.

Володя замѣтно важничалъ: должно быть, онъ гордился тѣмъ, что пріѣхалъ на охотничьей лошади, и притворялся, что очень усталъ. Можетъ быть и то, что у него уже было слишкомъ много здраваго смысла и слишкомъ мало силы воображенія, чтобы вполнѣ наслаждаться игрою въ Робинзона. Игра эта состояла въ представленіи сценъ изъ «Robinson Suisse», котораго мы читали незадолго предъ этимъ.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сдѣлать намъ этого удовольствія? приставали къ нему дѣвочки.—Ты будешь Charles или Ernest, или отецъ — какъ хочешь? говорила Катенька, стараясь за рукавъ курточки приподнять его съ земли.

— Право не хочется — скучно! сказалъ Володя, потягиваясь и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольно улыбаясь.

— Такъ лучше бы дома сидѣть, коли никто не хочетъ играть, сквозь слезы выговорила Любочка.

Она была страшная плакса.

— Ну, пойдемте; только не плачь пожалуйста: терпѣть не могу!

Снисхожденіе Володи доставило намъ очень мало удовольствія; напротивъ, его лѣнивый и скучный видъ разрушалъ все очарованіе игры. Когда мы сѣли на землю и, воображая, что плывемъ на рыбную ловлю, изо-всѣхъ силъ начали грести, Володя сидѣлъ сложа руки и въ позѣ, неимѣющей ничего схожаго съ позой рыболова. Я замѣтилъ ему это; но онъ отвѣчалъ, что отъ того, что мы будемъ больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграемъ и не проиграемъ и все же далеко не уѣдемъ. Я невольно согласился съ нимъ. Когда, воображая, что я иду на охоту, съ палкой на плечѣ, я отправился въ лѣсъ, Володя легъ на спину, закинулъ руки подъ голову и сказалъ мнѣ, что будто бы и онъ ходилъ. Такіе поступки и слова, охлаждая насъ къ игрѣ, были крайне непріятны, тѣмъ болѣе, что нельзя было въ душѣ не согласиться, что Володя поступаетъ благоразумно.

Я самъ знаю, что изъ палки не только что убить птицу, да и выстрѣлить никакъ нельзя. Это игра. Коли такъ разсуждать, то и на стульяхъ ѣздить нельзя; а Володя, я думаю, самъ помнитъ, какъ въ долгіе зимніе вечера мы накрывали кресло платками, дѣлали изъ него коляску, одинъ садился кучеромъ, другой лакеемъ, дѣвочки въ середину, три стула были тройка лошадей, — и мы отправлялись въ дорогу. И какія разныя приключенія случались въ дорогѣ! и какъ весело и скоро проходили зимніе вечера!... Ежели судить по настоящему, то игры никакой не будетъ. А игры не будетъ, чтожь тогда остается?...

Графъ Л. Толстой.

КИТАЙЦЫ И ИНДІЙЦЫ.

Что за живописный народъ Индійцы, и что за неживописный—Китайцы! Первые стройны, развязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ въ походкѣ, въ жестахъ есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта не изъисканная, не умышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, какъ они медленно и осторожно ходятъ, какъ-будто несутъ что-нибудь на головѣ и боятся разбить, какъ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу. Вся верхняя часть тѣла у Индійцевъ голая, темнокоричневаго цвѣта; они чѣмъ-то мажутся, чуть-ли не кокосовымъ масломъ, иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого

солнца. На ногахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непремѣнно, у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха; наконецъ, у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, а у другаго серёжка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку, а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на головѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ; старикъ усердно помогалъ въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ прогнали и его самаго туда же. Китайцы свѣтлѣе Индійцевъ; они просто смуглы; у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ старческія физіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтаясь въ ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно похожими на старухъ. Ничего мужественнаго, бодраго. Лица точно вылиты одно въ другое. А что за физіономіи на лодкахъ! Вотъ старый Индіецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка; а вотъ Малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая ихъ впередъ отъ себя. Одни лежали прямо подъ солнцемъ, другіе сидѣли на пяткахъ непостижимымъ для европейца образомъ.

И. Гончаровъ.

ЯРМАРКА.

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежалъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ городамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже было подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлію какой бы то ни было поѣздки; онъ являлся скорѣе на пути какъ *средство* ѣхать далѣе; куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки, — и только; такъ развѣ, перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть, и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью, онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И не мудрено: сколько ни находится въ околоткѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припасенными про случай ржицею, гречею, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда, — все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть, да мошну повытрясти. Впрочемъ и то сказать надо: есть на что по-

смотрѣть, есть что накупить *въ коренную ярмарку* [1]. Ишь сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ понаставлено, нетолько на площадкѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самаго берега! И чего ужь нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки кленовыя, бураки берестовые, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики березовые, горшки, и горшки-то все какіе — муравленые коломенскіе! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручьевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей патошныхъ, медовыхъ пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцемъ... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябизною своею полосушки, набойки, холстинки, миткали всякіе.... А сколько платковъ, и сизыхъ, и желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и городочками, развѣваются по воздуху! сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стеклярусу!... а сколько костромскаго товару: запонокъ, серёгъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою! кажись на весь бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

Поглядите-ка теперь, сколько посреди всего этого народу движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! то прихлынутъ въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись всѣ на одномъ мѣстѣ,—хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, блеянье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ,—и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатыя, несвязныя рѣчи.

Д. Григоровичъ.

УМИРАЮЩІЙ.

Умирающій лежалъ подъ образами, на лавкѣ, устланной соломой. Голова его покоилась на снопѣ овса. Длинные серебристые волосы старика не раскидывались въ безпорядкѣ, какъ у человѣка, который судорожно, отчаянно борется со смертію: они спускались мягкими волнистыми прядями вдоль худощавыхъ щекъ, покрытыхъ мелкими складками и тѣмъ смуглымъ, черствымъ отливомъ, который накладываетъ жизнь, проведенная на воздухѣ во всякое время года: въ холодъ, зной, дождь и вѣтеръ.

Я стоялъ въ двухъ шагахъ и могъ различать мельчайшія черты

[1] Такъ называются вообще въ средней Россіи осеннія ярмарки.

почтеннаго лица его. Оно поражало своимъ контрастомъ съ лицами, меня окружавшими: сколько истинной, неподдѣльной скорби и безотраднаго отчаянія виднѣлось на послѣднихъ, столько же спокойствія написано было въ чертахъ умирающаго старца; нѣтъ, никогда потомъ, нигдѣ и никогда, не встрѣчалъ такого тихаго, такого кроткаго выраженія! Ясно, между-тѣмъ, видно было, что смерть не отняла еще у него полнаго сознанія: мысль какъ-бы просвѣчивала сквозь закрытыя вѣки его и озаряла черты его; онъ долженъ былъ слышать все, что вокругъ происходило: слышалъ вопли родныхъ, слышалъ страшныя слова прощанья, слышалъ раздиравшіе сердце возгласы двухъ дочерей, умолявшихъ его не покидать ихъ, пожить еще съ ними; слышалъ глухой плачъ Савелья и горькія всхлипыванья старшаго сына; но мысль, оживлявшая черты его, не принадлежала уже, видно, окружавшему его міру. Ни одна морщинка не показывала душевной, внутренней пытки. Онъ какъ-будто засыпалъ въ полѣ послѣ трудоваго утра и, отходя постепенно ко сну, сладко прислушивался къ пѣнію жаворонковъ, которые заливались въ вышинѣ небесной....

«Такъ вотъ смерть!» думалъ я, пристально всматриваясь въ лицо его. Я видѣлъ смерть въ первый разъ; но мнѣ страшнѣе было слушать вопли, страшнѣе былъ видъ живыхъ лицъ, обезображенныхъ отчаяніемъ, чѣмъ видъ самой смерти. Страшный, ужасающій образъ, который представлялся моему воображенію всякій разъ, когда я думалъ прежде о смерти, исчезалъ постепенно, по мѣрѣ того, какъ я всматривался въ кроткое, покойное лицо пахаря. Мнѣ стало казаться, что въ томъ трепетномъ мерцаніи, которое разливала свѣчка надъ изголовьемъ умирающаго, стоитъ не страшный, ужасающій образъ,— нѣтъ! но ясно улыбающійся ангелъ, который ласково простиралъ впередъ руки и тихо двигалъ бѣлыми лучезарными крылами....

Д. Григоровичъ.

СМѢДОВСКАЯ ДОЛИНА.

Подъ именемъ «Смѣдовской лощинки» поселяне западной и гористой части К*** уѣзда разумѣютъ небольшую долину, соединяющую двѣ старыя водяныя мельницы, построенныя на самомъ берегу рѣчки Смѣдвы. Отъ одной мельницы до другой считается верстъ пять. Но если оставить проселокъ, который проходитъ гдѣ-то верхомъ, спуститься въ долину и идти берегомъ, слѣдуя теченію рѣчки — пройдешь, безъ сомнѣнія, верстъ восемь или девять, прежде чѣмъ достигнешь до второй мельницы. Смѣдва, по мѣрѣ приближенія своего къ Окѣ, въ

которую впадаетъ она за второй мельницей, становится уже и врѣзывается постепенно глубже и глубже въ свои берега. Какъ-бы сознавая скорую кончину свою и сожалѣя о ней, она изгибается на всевозможные лады, изламывается подъ самыми острыми углами, стараясь пробѣжать по возможности бо́льшее пространство и налюбоваться вдосталь на живописные холмы, которые смотрятся въ ея свѣтлыя воды. И въ-самомъ-дѣлѣ, побывавъ разъ между этими веселыми, улыбающимися холмами, чувствуешь къ нимъ непреодолимое влеченье. Скаты долины, то̀ крутые и покрытые яркою листвой орѣшника, изъ которой выбѣгаютъ кое-гдѣ кудрявые, темно-зеленые дубки, то̀ выступающіе длинными глинистыми языками, усыпанными камнями и перерѣзанными овражками, то̀ появляющіеся выемками, въ родѣ амфитеатра, и плотно затканные мелкимъ голубоватымъ кустарникомъ, — слѣдуютъ на всемъ протяженіи своемъ прихотливой линіи, которую описываетъ рѣчка. Въ иномъ мѣстѣ долина расширяется, открывая лугъ, исполосованный серебряной лентой; мягкая, сочная и лоснящаяся зелень этихъ луговъ поддерживается круглый годъ весеннимъ разлитіемъ Смедвы и стокомъ дождевой воды съ сосѣднихъ холмовъ; кое-гдѣ высятся сѣрые, остроконечные наметы сѣна, сберегаемые для зимы; тутъ же, невдалекѣ, пасутся спутанныя лошади; нерѣдко увидите вы бѣлую костлявую клячу, которая спитъ, положивъ кудластую голову на красноватыя жерди, окружающія сѣно, между тѣмъ какъ жеребенокъ, повернувшись къ ней спиною и вытянувъ узенькую шейку, заливается звонкимъ ржаньемъ, въ полномъ убѣжденіи, что потерялъ мать. Въ иномъ мѣстѣ бока долины сходятся такъ близко, такъ тѣсно сжимаютъ рѣчку, что длинныя вѣтви перекосившихся вётелъ и орѣшниковъ, покрывающихъ берегъ, переплетаются между собою, образуя надъ водою рѣшетчатые, фантастическіе своды.

Природа средней полосы Россіи рѣдко представляетъ совокупленіе мѣстности, которая бы въ общей сложности могла назваться великолѣпной панорамо́й; все ограничивается обыкновенно нѣсколькими лощинами, обросшими лѣсомъ и оживленными ручьемъ, или безконечною гладью полей и луговъ съ разбросанными кое-гдѣ деревушками. Вся прелесть этихъ видовъ заключается не столько въ общемъ ихъ очертаніи, сколько въ деталяхъ и тѣхъ мелкихъ эпизодахъ, которые попадаются на каждомъ шагу, но совсѣмъ тѣмъ рѣдко группируются въ одну гармоническую картину.

Смѣдовская долина усѣяна такими эпизодами. Особенно живопи-

сною казалась мнѣ всегда лѣвая сторона ея: она подымается крутымъ, полукруглымъ хребтомъ, покрытымъ кудрявою, роскошною зеленью, и высоко планируетъ надъ лѣвою стороною. Тутъ поминутно открываются свѣтлыя расщелины, старые овраги, обросшіе нѣжной травкой и цвѣтами, исполосованные длинными тѣнями осинъ и березъ, между стволами которыхъ сверкаютъ на солнцѣ угловатые камни и бѣлый плитнякъ, служившіе когда-то дномъ потока; попадаются обвалы, обнажающіе пестрые пласты песку, глины и охры; крупные и мелкіе корни полуоторванныхъ, висящихъ въ воздухѣ кустовъ, сползаютъ на эти обрывы косматою бахромою, набрасывая кое-гдѣ зубчатую, черную тѣнь. Пространство между краемъ берега и подошвою ската пересѣкается безпрестанно ключами; то̀ тихо и почти незамѣтно пробираются они въ длинной, густой травѣ или лозникѣ, изъ котораго наши рыбаки плетутъ вѐрши; то̀ звонко журчатъ между камнями, скатывая ихъ въ видѣ маленькихъ плотинъ, снова разрушая свою работу, и вдругъ исчезаютъ подъ кустомъ или провалившимся, полусгнившимъ мостикомъ; то̀ разливаются они на довольно большое пространство, дѣлятся на безчисленное множество тоненькихъ рукавовъ, образуя безчисленное множество островковъ, покрытыхъ изумрудною тиной, золотыми макушками куриной слѣпоты или сплошною голубою скатертью мелкихъ незабудокъ... Однимъ словомъ, я не знаю ничего живописнѣе этого мѣста.

Д. Григоровичъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ШАРМАНЩИКИ.

Взгляните на этого человѣка, медленно переступающаго по тротуару; всмотритесь внимательнѣе во всю его фигуру. Разодранный картузъ, изъ-подъ котораго въ безпорядкѣ вырываются длинные, какъ смоль черные волосы, осѣняя худощавое загорѣвшее лицо, куртка безъ цвѣта и пуговицъ, гарусный шарфъ, небрежно обмотанный вокругъ смуглой шеи, холстинные брюки, изувѣченные сапоги и наконецъ огромный органъ, согнувшій фигуру эту въ-три-погибели, все это составляетъ принадлежность злополучнѣйшаго изъ петербургскихъ ремесленниковъ — шарманщика. Въ-особенности наблюдайте за нимъ на улицѣ: лѣвая рука его съ трудомъ вертитъ мѣдную ручку, прикрѣпленную къ одной изъ сторонъ органа; звуки то̀ заунывные, то̀ веселые вырываются изъ инструмента, оглашая улицу, между-тѣмъ какъ взоры хозяина внимательно устремлены на окна домовъ; онъ прислушивается къ малѣйшему крику, зову, и едва встрѣ-

чаетъ привѣтливый взглядъ, какъ тотчасъ ставитъ свою шарманку и начинаетъ играть лучшую піесу своего репертуара. Каждый разъ, какъ которая-нибудь изъ трубъ, позабывъ уваженіе къ человѣческимъ ушамъ, заверещитъ неестественно и нескладно, — посмотрите, какъ старательно завертитъ онъ рукою, думая тѣмъ загладить недостатки пискливаго своего инструмента и не возбудить въ слухѣ вашемъ непріятнаго ощущенія. Форточка отворяется, пятакъ или грошъ, завернутый въ бумажку, падаетъ къ ногамъ его въ награду за труды; но часто, весьма часто, истощивъ напрасно свой репертуаръ, онъ медленно удаляется, грустный, унылый, не произнося ни жалобы, ни ропота. Онъ уже давно привыкъ къ такой жизни. Какая бы на улицѣ ни стояла погода, знойный жаръ, дождь, трескучій морозъ, вы его увидите въ томъ же костюмѣ, съ тою же шарманкою на спинѣ, — и все для того, чтобъ получить мѣдный грошъ, а иногда и «надлежащее распеканье» отъ дворника, присланнаго какимъ-нибудь регистраторомъ, вернувшимся изъ департамента и послѣ сытнаго обѣда расположившимся лихо всхрапнуть. Часто шарманка его кормитъ цѣлое семейство, и тогда можете себѣ представить, сколько ужасныхъ чувствъ волнуетъ горемыку при каждомъ тщетномъ покушеніи растрогать бо̀льшею частію несострадательную къ нему публику. Изъ всѣхъ ремеслъ, изъ всѣхъ возможныхъ способовъ, употребляемыхъ народомъ для добыванія хлѣба, самое жалкое, самое неопредѣленное есть ремесло шарманщика. Нѣтъ ремесленника, который пріобрѣталъ бы копѣйку, не имѣя въ виду явнаго барыша: полунищая баба въ грязномъ салопѣ, покрытомъ заплатками сверху до низу, продающая на Сѣнной площади вареный картофель, прикрываемый, для сохраненія въ немъ надлежащей теплоты, извѣстнымъ способомъ, то-есть безъ помощи чего-нибудь посторонняго, кромѣ тряпья, составляющаго ея исподнее платье, — приглашая гг. инвалидовъ и мужиковъ «на картофель, на горячій, служба, служба! на карто, на карто... кавалеръ, на горячій, на карто, на карто...» и та даже совершенно увѣрена, что вернется домой съ доброю краюхой хлѣба. Шарманщикъ же, спускаясь изъ-подъ кровли пяти-этажнаго дома или подымаясь изъ своего подвала, рѣдко бываетъ увѣренъ, доставитъ ли ему скудный его промыселъ кусокъ хлѣба, соберетъ ли онъ столько денегъ, чтобы въ концѣ мѣсяца заплатить за квартиру, — бо̀льшею частію уголъ, нанимаемый имъ у той же торговки картофелемъ, которая за неисправный платежъ будетъ въ правѣ прогнать его со двора. Вникнувъ хорошенько въ моральную сторону этого человѣка,

находишь, что подъ грубою его оболочкою скрывается очень часто доброе начало—совѣсть. Онъ могъ бы, какъ другіе бѣдняки, просить подаяніе; что останавливаетъ его? Къ чему таскаетъ онъ цѣлый день на спинѣ шарманку, лишаетъ себя свободы, убиваетъ цѣлые мѣсяцы на дрессировку собаченокъ, или изощряетъ свое терпѣніе, чтобы выучить обезьяну дѣлать разныя штуки? Что же вынуждаетъ его на такіе подвиги, если не чувство, говорящее ему, что добывать хлѣбъ подаяніемъ или плутовствомъ—безчестно? Я не хочу здѣсь представлять шарманщика идеаломъ добродѣтели; еще менѣе расположенъ я доказывать, что добродѣтель составляетъ въ наше время исключительный удѣлъ шарманщиковъ и что, слѣдовательно, вы должны запастись шарманкою и отправиться съ нею по улицамъ, если считаете себя добродѣтельнымъ; далекъ я также отъ мысли разсчитывать на ваше состраданіе, представляя шарманщика злополучнѣйшимъ изъ людей. Нѣтъ, я хочу только сказать, что въ шарманщикѣ, въ его частной и въ общественной, уличной жизни многое достойно вниманія.

Д. Григоровичъ.

ПОМѢСТЬЕ ПЛЮШКИНА.

Чичиковъ и не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села со множествомъ избъ и улицъ. Скоро однакожъ далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою, предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно кончикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конёкъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ рёберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тёсъ, разсуждая, и конечно справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ ведро и сама не каплетъ. Окна въ избёнкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ причинъ дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли, даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся какъ видно долго; цвѣтомъ походили онѣ на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая

дрянь, и даже прицѣпился сбоку кустарникъ. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ, возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ, то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой: опустѣвшая деревянная, и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями, сталъ выказываться господскій домъ, и наконецъ глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный замокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку, и какъ видно много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты; прочія были заставлены ставнями, или даже забиты досками. Эти два окна съ своей стороны были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей, сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался къ верху вмѣсто капители, темнѣлъ на снѣжной бѣлизнѣ его, какъ шапка или черная птица. Хмѣль, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ, или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ

темная пасть; оно было все окинуто тѣнью и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и наконецъ молодая вѣтвь клёна, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ-образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ осинъ, подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ, отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному часто безъ толку труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился наконецъ передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣсень уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній: людскихъ, амбаровъ, погребовъ, видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ размѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину: ни отворявшихся дверей, ни выходившихъ откуда нибудь людей, никакихъ живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя вороты были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ-бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты на-глухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ.

Н. Гоголь.

АѲАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ И ПУЛЬХЕРІЯ ИВАНОВНА.

Я до-сихъ-поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка; которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ; но душа моя полна еще до-

сихъ-поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда воображу себѣ, что пріѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ — и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружныхъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя-бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьёзна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную, жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатыя фамиліи, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ Малороссіянамъ, которые выдираются изъ дегтярей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наполняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *въ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы, Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавили стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?»—«Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна: это я.»

Н. Гоголь.

ПЕРЕѢЗДЪ ВЪ ГОРАХЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до поло-

вины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ-счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ-счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо гонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица,—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на то, что она была до-верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомъ съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился: онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно.... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ!»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

«Съ-годъ», отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки всё ни съ мѣста.... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь.... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ..... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю—меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ [1], отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

«А теперь вы?»

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальйонѣ. А вы, смѣю спросить?..

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все-еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.—«Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ Татары по-мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе.....»

До танціи составалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его поле-

---

[1] Ермоловѣ.

томъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова, и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-гора.

«Ну такъ что-жъ?»

— Посмотрите, какъ курится.

И въ-самомъ-дѣлѣ, Гутъ-гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую метель черезъ горы не переѣдешь. Что, были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— «Не было, господинъ» отвѣчалъ осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много».

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блеятъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое от-

верзтіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверзтія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужь по-крайней-мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужь подлинно осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго-брода,—знаете?

«Слыхалъ».

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужь гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

М. Лермонтовъ.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РОССІИ.

ПРИЗВАНІЕ КНЯЗЕЙ ВЪ РОССІЮ.

(862 года по Р. Х.)

Несторъ пишетъ, что Славяне новгородскіе, Кривичи, Весь и Чудь отправили посольство за море, къ Варягамъ-Руси, сказать имъ: *Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: идите княжить и владѣть нами.* Слова простыя, краткія и сильныя! Братья, именемъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, знаменитые или родомъ, или дѣлами, согласились принять власть надъ людьми, которые, умѣвъ сражаться за вольность, не умѣли ею пользоваться. Окруженные многочисленною скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечемъ права избранныхъ государей, сіи честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрикъ прибылъ въ Новгородъ, Синеусъ на Бѣлоозеро въ область финскаго народа Веси, а Труворъ въ Изборскъ, городъ Кривичей.

Черезъ два года, по кончинѣ Синеуса и Трувора, старшій братъ, присоединивъ области къ своему княжеству, основалъ монархію Россійскую.

Н. М. Карамзинъ.

КРЕЩЕНІЕ СВЯТОЙ ОЛЬГИ.

(965-й годъ.)

Ольга была язычница, но имя Бога Вседержителя уже славилось въ Кіевѣ. Она могла видѣть торжественность обрядовъ христіанства; могла изъ любопытства бесѣдовать съ церковными пастырями, и будучи одарена умомъ необыкновеннымъ, увѣриться въ святости ихъ ученія. Плѣненная лучемъ сего новаго свѣта, Ольга захотѣла быть христіанкою, и сама отправилась въ столицу имперіи и вѣры греческой, чтобы почерпнуть его въ самомъ источникѣ. Тамъ патріархъ былъ ея наставникомъ и крестителемъ, а Константинъ Багрянородный вос-

пріемникомъ отъ купели. Императоръ старался достойнымъ образомъ угостить княгиню народа знаменитаго, и самъ описалъ для насъ всѣ любопытныя обстоятельства ея представленія. Когда Ольга прибыла во дворецъ, за нею шли *особы княжескія*, ея свойственницы, многія знатныя госпожи, послы россійскіе и купцы, обыкновенно жившіе въ Цареградѣ. Константинъ и супруга его, окруженные придворными и вельможами, встрѣтили Ольгу; послѣ чего императоръ на свободѣ бесѣдовалъ съ нею въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила царица.

Наставленная въ святыхъ правилахъ христіанства самимъ патріархомъ, Ольга возвратилась въ Кіевъ. Императоръ, по словамъ лѣтописца, отпустилъ ее съ богатыми дарами и съ именемъ дочери.

Н. М. Карамзинъ.

СВЯТОСЛАВЪ.

(964—966.)

Ольга, воспаленная усердіемъ къ новой вѣрѣ своей, спѣшила открыть сыну заблужденія язычества; но юный гордый Святославъ не хотѣлъ внимать ея наставленіямъ. Напрасно сія добродѣтельная мать говорила о счастіи быть христіаниномъ, о мирѣ, коимъ наслаждалась душа ея съ того времени, какъ она познала Бога истиннаго. Святославъ отвѣтствовалъ ей: «Могу ли одинъ принять новый законъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?» Напрасно Ольга представляла ему, что его примѣръ склонилъ бы весь народъ къ христіанству. Юноша былъ непоколебимъ въ своемъ мнѣніи и слѣдовалъ обрядамъ язычества; не запрещалъ никому креститься, но изъявлялъ презрѣніе къ христіанамъ и съ досадою отвергалъ всѣ убѣжденія матери, которая, не преставая любить его нѣжно, должна была наконецъ умолкнуть и поручить Богу судьбу народа россійскаго и сына.

Сей князь, возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ поле. Тамъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ холодъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины. Древняя лѣтопись сохранила для потомства еще прекрасную черту

его характера: онъ не хотѣлъ пользоваться выгодами нечаяннаго нападенія; но всегда заранѣе объявлялъ войну народамъ, повелѣвая сказать имъ: *иду на васъ!* Въ сіи времена общаго варварства, гордый Святославъ соблюдалъ правила истинно рыцарской чести.

Берега Оки, Дона и Волги были первымъ театромъ его воинскихъ счастливыхъ дѣйствій.

Н. М. Карамзинъ.

КРЕЩЕНІЕ РОССІИ.

(988-й годъ.)

Исполнилось желаніе благочестивой Ольги, и Россія, гдѣ уже болѣе ста лѣтъ мало-по-малу укоренялось христіанство, наконецъ вся и торжественно признала святость онаго, почти въ одно время съ землями сосѣдственными: Венгріею, Польшею, Швеціею, Норвегіею и Даніею.

Древній лѣтописецъ нашъ повѣствуетъ, что не только христіанскіе проповѣдники, но и магометане, вмѣстѣ съ іудеями, обитавшими въ землѣ козарской или въ Тавридѣ, присылали въ Кіевъ мудрыхъ законниковъ, склонять Владиміра къ принятію вѣры своей, и что великій князь охотно выслушивалъ ихъ ученіе.

Наконецъ безъименный философъ, присланный греками, опровергнувъ въ немногихъ словахъ другія вѣры, разсказалъ Владиміру все содержаніе Библіи, Ветхаго и Новаго Завѣта: исторію творенія, рая, грѣха, первыхъ людей, потопа, народа избраннаго, искупленія, христіанства, семи Соборовъ, и въ заключеніе показалъ ему картину страшнаго суда, съ изображеніемъ праведныхъ, идущихъ въ рай, и грѣшныхъ, осужденныхъ на вѣчную муку. Пораженный симъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: «благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!» *Крестися*, отвѣтствовалъ философъ — *и будешь въ раю съ первыми.*

Владиміръ, отпустивъ философа съ дарами и великою честію, собралъ бояръ и *градскихъ старцевъ*; объявилъ имъ предложенія магометанъ, іудеевъ, католиковъ, грековъ, и требовалъ ихъ совѣта. «Государь!» сказали бояре и старцы: «всякій человѣкъ хвалитъ вѣру свою: ежели хочешь избрать лучшую, то пошли умныхъ людей въ разныя земли испытать, который народъ достойнѣе поклоняется Божеству» — и великій князь отправилъ *десять* благоразумныхъ мужей для сего испытанія. Послы видѣли въ странѣ болгаровъ храмы скудные, моленіе унылое, лица печальныя; въ землѣ нѣмецкихъ ка-

толиковъ богослуженіе съ обрядами, но, по словамъ лѣтописи, *безъ всякаго величія* и *красоты*; наконецъ прибыли въ Константинополь. *Да созерцаютъ они славу Бога нашего!* сказалъ императоръ, и зная, что грубый умъ плѣняется болѣе наружнымъ блескомъ, нежели истинами отвлеченными, приказалъ вести пословъ въ Софійскую церковь, гдѣ самъ патріархъ, облаченный въ святительскія ризы, совершалъ литургію. Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россіянъ; имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется.... Возвратясь въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: «всякій человѣкъ, вкусивъ сладкое, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго; такъ и мы, узнавъ вѣру грековъ, не хотимъ иной». Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. «Когда бы законъ греческій—сказали они—не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая всѣхъ людей, не вздумала бы принять его.» Великій князь рѣшился быть христіаниномъ.

Владиміръ могъ бы креститься и въ собственной столицѣ своей гдѣ уже давно находились церкви и священники христіанскіе; но князь пышный хотѣлъ блеска и величія, при семъ важномъ дѣйствіи: одни цари греческіе и патріархъ казались ему достойными сообщить цѣлому его народу уставы новаго богослуженія. Гордость могущества и славы не позволяла также Владиміру унизиться, въ разсужденіи грековъ, искреннимъ признаніемъ своихъ языческихъ заблужденій и смиренно просить крещенія: онъ вздумалъ, такъ сказать *завоевать* вѣру христіанскую и принять ея святыню рукою побѣдителя.

Собравъ многочисленное войско, великій князь пошелъ на судахъ къ греческому Херсону, котораго развалины до нынѣ видимы въ Тавридѣ, близъ Севастополя. Сей торговый городъ, построенный въ самой глубокой древности выходцами гераклейскими, сохранялъ еще въ X вѣкѣ бытіе и славу свою, несмотря на великія опустошенія, сдѣланныя дикими народами въ окрестностяхъ Чернаго моря, со временъ Геродотовыхъ скиѳовъ до хозаровъ и печенѣговъ. Онъ признавалъ надъ собой верховную власть императоровъ греческихъ, но не платилъ имъ дани; избиралъ своихъ начальниковъ и повиновался

собственнымъ законамъ республиканскимъ. Жители его, торгуя во всѣхъ пристаняхъ черноморскихъ, наслаждались изобиліемъ. Владиміръ, остановясь въ гавани или заливѣ херсонскомъ, высадилъ на берегъ войско, и со всѣхъ сторонъ окружилъ городъ. Издревле привязанные къ вольности, херсонцы оборонялись мужественно. Великій князь грозилъ имъ стоять три года подъ ихъ стѣнами, ежели они не сдадутся: но граждане отвергали его предложенія, въ надеждѣ, можетъ-быть, имѣть скорую помощь отъ грековъ; старались уничтожить всѣ работы осаждающихъ, и, сдѣлавъ тайный подкопъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, ночью уносили въ городъ ту землю, которую россіяне сыпали передъ стѣнами, чтобы окружить оныя валомъ, по древнему обыкновенію военнаго искусства. Къ счастію, нашелся въ городѣ доброжелатель Владиміру, именемъ Анастасъ: сей человѣкъ пустилъ къ россіянамъ стрѣлу, съ надписью: *за вами, къ востоку находятся колодези, дающіе воду херсонцамъ чрезъ подземельныя трубы; вы можете отнять ее.* Великій князь спѣшилъ воспользоваться совѣтомъ, и велѣлъ перекопать водопроводы (коихъ слѣды еще замѣтны близъ нынѣшнихъ развалинъ херсонскихъ). Тогда граждане, изнуряемые жаждою, сдались россіянамъ.

Завоевавъ славный и богатый городъ, который втеченіи многихъ вѣковъ умѣлъ отражать приступы народовъ варварскихъ, россійскій князь еще болѣе возгордился своимъ величіемъ, и чрезъ пословъ объявилъ императорамъ, Василію и Константину, что онъ желаетъ быть супругомъ сестры ихъ, юной царевны Анны, или, въ случаѣ отказа, возьметъ Константинополь. Родственный союзъ съ греческими знаменитыми царями казался лестнымъ для его честолюбія. Имперія по смерти героя Цимискія, была жертвою мятежей и безпорядка.

Императоры греческіе, Василій и Константинъ, надѣясь помощію сильнаго князя россійскаго спасти тронъ и вѣнецъ, отвѣтствовали ему, что отъ него зависитъ быть ихъ зятемъ; что принявъ вѣру христіанскую, онъ получитъ и руку царевны и царство небесное. Владиміръ, уже готовый къ тому, съ радостію изъявилъ согласіе креститься; но хотѣлъ прежде, чтобы императоры, въ залогъ довѣренности и дружбы, прислали къ нему сестру свою. Анна ужаснулась: супружество съ княземъ народа, по мнѣнію грековъ, дикаго и свирѣпаго, казалось ей *жестокимъ плѣномъ* и ненавистнѣе смерти. Но политика требовала сей жертвы, и ревность къ обращенію идолопоклонниковъ служила ей оправданіемъ или предлогомъ. Горестная царевна

отправилась въ Херсонъ на кораблѣ, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками: тамъ народъ встрѣтилъ ее, какъ свою избавительницу, со всѣми знаками усердія и радости. Въ лѣтописи сказано, что великій князь тогда разболѣлся глазами и не могъ ничего видѣть; что Анна убѣдила его немедленно креститься, и что онъ прозрѣлъ въ самую ту минуту, когда святитель возложилъ на него руку. Бояре россійскіе, удивленные чудомъ, вмѣстѣ съ государемъ приняли истинную вѣру. Херсонскій митрополитъ и византійскіе пресвитеры совершили сей обрядъ торжественный, за коимъ слѣдовало обрученіе и самый бракъ царевны съ Владиміромъ, благословенный для Россіи.

Владиміръ отказался отъ своего завоеванія, и, соорудивъ въ Херсонѣ церковь — на томъ возвышеніи, куда граждане сносили изъ-подъ стѣнъ землю, возвратилъ сей городъ царямъ греческимъ въ изъявленіе благодарности за руку сестры ихъ. Вмѣсто плѣнниковъ, онъ вывелъ изъ Херсона однихъ іереевъ и того Анастаса, который помогъ ему овладѣть городомъ; вмѣсто дани взялъ церковные сосуды, мощи св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана и четырехъ коней мѣдныхъ, въ знакъ любви своей къ художествамъ.

Наставленный херсонскимъ митрополитомъ въ тайнахъ и нравственномъ ученіи христіанства, Владиміръ спѣшилъ въ столицу свою озарить народъ свѣтомъ крещенія. Истребленіе кумировъ служило пріуготовленіемъ къ сему торжеству: одни были изрублены, другіе сожжены. Перуна, главнаго изъ нихъ, привязали къ хвосту конскому, били тростями и свергнули съ горы въ Днѣпръ. Чтобы усердные язычники не извлекли идола изъ рѣки, воины княжескіе отталкивали его отъ береговъ и проводили до самыхъ пороговъ, за коими онъ былъ изверженъ волнами на берегъ (и сіе мѣсто долго называлось перуновымъ). Изумленный народъ не смѣлъ защищать своихъ мнимыхъ боговъ, но проливалъ слезы, бывшія для нихъ послѣднею данію суевѣрія: ибо Владиміръ на другой день велѣлъ объявить въ городѣ, чтобы всѣ люди русскіе, вельможи и рабы, бѣдные и богатые, шли креститься — и народъ, уже лишенный предметовъ древняго обожанія, устремился толпами на берегъ Днѣпра, разсуждая, что новая вѣра должна быть мудрою и святою, когда великій князь и бояре предпочли ее старой вѣрѣ отцовъ своихъ. Тамъ явился Владиміръ, провождаемый соборомъ греческихъ священниковъ, и по данному знаку безчисленное множество людей вступило въ рѣку: большіе стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали младен-

цевъ на рукахъ; iереи читали молитвы крещенiя и пѣли славу Вседержителя. Когда же обрядъ торжественный совершился; когда священный соборъ нарекъ всѣхъ гражданъ кiевскихъ христiанами, тогда Владимiръ, въ радости и восторгѣ сердца устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ молитву: «Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ; дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощiю въ искушенiяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!»... *Въ сей великiй день*,—говоритъ лѣтописецъ, *земля и небо ликовали.*

Н. М. Карамзинъ.

БИТВА НА АЛЬТѢ.

(1019-й годъ.)

Уже Ярославъ шелъ къ Кiеву... Не имѣя сильнаго войска, ни любви подданныхъ, которая спасаетъ монарха во дни опасностей и бѣдствiй, Святополкъ бѣжалъ изъ отечества къ печенѣгамъ, требовать ихъ помощи. Сiи разбойники, всегда готовые опустошать Россiю, вступили въ ея предѣлы, и приблизились къ берегамъ Альты. Тамъ увидѣли они полки россiйскiе. Ярославъ стоялъ на мѣстѣ, обагренномъ кровiю святаго Бориса. Умиленный симъ печальнымъ воспоминанiемъ, онъ воздѣлъ руки на небо, молился, и сказавъ: *кровь невиннаго брата моего вопiетъ ко Всевышнему*, далъ знакъ битвы. Восходящее солнце озарило на поляхъ Альты сраженiе двухъ многочисленныхъ воинствъ, сраженiе упорное и жестокое: никогда, говоритъ лѣтописецъ, не бывало подобнаго въ нашемъ отечествѣ. Вѣрная дружина новгородская хотѣла лучше умереть за Ярослава, нежели покориться злобному брату его. Три раза возобновлялась битва; непрiятели въ остервененiи своемъ хватали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Къ вечеру Святополкъ обратился въ бѣгство. Терзаемый тоскою, сей извергъ впалъ въ разслабленiе и не могъ сидѣть на конѣ. Воины *принесли* его къ Бресту, городу Туровскаго княженiя: онъ велѣлъ имъ идти далѣе за границу. Гонимый небеснымъ гнѣвомъ, Святополкъ въ помраченiи ума видѣлъ безпрестанно грозныхъ непрiятелей за собою, и трепеталъ отъ ужаса; не дерзнулъ вторично прибѣгнуть къ великодушiю Болеслава; миновалъ Польшу, и кончилъ гнусную жизнь свою въ пустыняхъ богемскихъ, заслуживъ проклятiе современниковъ и потомства. Имя *окаяннаго* осталось въ лѣтописяхъ неразлучно съ именемъ сего несчастнаго князя: ибо злодѣйство есть несчастiе.

Ярославъ вошелъ въ Кіевъ и, по словамъ лѣтописи, *отеръ потъ* съ мужественною дружиною, трудами и побѣдою заслуживъ санъ великаго князя россійскаго.

Н. М. Карамзинъ.

СМЕРТЬ ВЛАДИМІРА-МОНОМАХА И ЕГО ЗАВѢЩАНІЕ.

(1125-й годъ.)

Княживъ въ столицѣ 13 лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался на 73 году отъ рожденія, *славный побѣдами за русскую землю* и *благими нравами*, какъ говорятъ древніе лѣтописцы. Уже въ слабости и недугѣ онъ поѣхалъ на мѣсто орошенное святою кровію Бориса, и тамъ, у церкви имъ созданной, на берегу Альты, предалъ духъ свой Богу въ живѣйшихъ чувствованіяхъ утѣшительной вѣры. Горестныя дѣти и вельможи привезли его тѣло въ Кіевъ, и совершили обрядъ погребенія въ Софійскомъ храмѣ. Набожность была тогда весьма обыкновенною добродѣтелію; но Владиміръ отличался христіанскимъ сердечнымъ умиленіемъ: слезы обыкновенно текли изъ глазъ его, когда онъ въ храмахъ молился Вседержителю, за отечество и народъ ему любезный. Не менѣе хвалятъ лѣтописцы нѣжную его привязанность къ отцу (котораго сей рѣдкій сынъ *никогда и ни въ чемъ не ослушался*), снисхожденіе къ слабому человѣчеству, милосердіе, щедрость, незлобіе: ибо онъ, по ихъ словамъ, *творилъ добро врагамъ своимъ и любилъ отпускать ихъ съ дарами.* Но всего яснѣе и лучше изображаетъ его душу *поученіе* имъ самимъ писанное для сыновей.

«Приближаясь къ гробу»—пишетъ онъ—«благодарю Всевышняго за умноженіе дней моихъ: рука Его довела меня до старости маститой. А вы, дѣти любезные, и всякій, кто будетъ читать сіе писаніе, наблюдайте правила въ ономъ изображенныя. Когда же сердце ваше не одобритъ ихъ, не осуждайте моего намѣренія; но скажите только: *онъ говоритъ несправедливо!*»

«Страхъ Божій и любовь къ человѣчеству есть основаніе добродѣтели. Великъ Господь: чудесны дѣла Его!» Описавъ въ главныхъ чертахъ, и по бóльшей части словами Давида, красоту творенія и благость Творца, Владиміръ продолжаетъ: «О дѣти мои! хвалите Бога! «Любите также человѣчество. Не постъ, не уединеніе, не монашество «спасетъ васъ, но благодѣянія; не забывайте бѣдныхъ; кормите ихъ, «и мыслите, что всякое достояніе есть Божіе и поручено вамъ только «на время. Не скрывайте богатства въ нѣдрахъ земли: сіе противно «христіанству. Будьте отцами сиротъ: судите вдовицъ сами; не да-

«вайте сильнымъ губить слабыхъ. Не убивайте ни праваго, ни виноватаго: жизнь и душа христіанина—священны. Не призывайте всуе «имени Бога; утвердивъ же клятву цѣлованіемъ крестнымъ, не преступайте оныя. Не оставляйте больныхъ; не страшитесь видѣть мертвыхъ: ибо всѣ умремъ. Принимайте съ любовію благословеніе духовныхъ; не удаляйтесь отъ нихъ; творите имъ добро, да молятся «за васъ Всевышнему. Не имѣйте гордости ни въ умѣ, ни въ сердцѣ, и думайте: *мы тлѣнны; нынѣ живы, а завтра во гробѣ.* Чтите старыхъ людей какъ отцевъ, любите юныхъ какъ братьевъ. «Въ хозяйствѣ сами прилежно за всѣмъ смотрите, не полагаясь на «отроковъ и тіуновъ; да гости не осудятъ ни дому, ни обѣда вашего. «На войнѣ будьте дѣятельны; служите примѣромъ для воеводъ. Не «время тогда думать о пиршествахъ и нѣгѣ. Все хорошее узнавъ, вы «должны помнить: чего не знаете, тому учитесь. Отецъ мой сидя дома «говорилъ *пятью языками*! за что хвалятъ насъ чужестранцы. Лѣность мать пороковъ: берегитесь ее. Человѣкъ долженъ всегда заниматься: въ пути, на конѣ; не имѣя дѣла, вмѣсто суетныхъ мыслей «читайте наизусть молитвы, или повторяйте хотя самую краткую, но «лучшую: *Господи помилуй!* Не засыпайте никогда безъ земнаго поклона; а когда чувствуете себя нездоровыми, то поклонитесь въ землю «три раза. Да не застанетъ васъ солнце на ложѣ! Идите рано въ церковь воздавать Богу хвалу утреннюю: такъ дѣлалъ отецъ мой; такъ «дѣлали всѣ добрые мужи. Когда озаряло ихъ солнце, они славили «Господа съ радостію и говорили: *просвѣти очи мои Христе Боже, «и дай ми еси свѣтъ твой красный.»*

Н. М. Карамзинъ.

ВЗЯТІЕ ВЛАДИМІРА ТАТАРАМИ И БИТВА НА СИТИ.

(1238-й годъ.)

Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и воевода Петръ Ослядюковичъ, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ златымъ вратамъ, спрашивали гдѣ великій князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» — говорили онѣ дружинѣ — «но умремъ съ честію и въ полѣ.» Опытный воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу.

Февраля 6 Владимирцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ схиму или въ великій образъ ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые россіяне простились съ міромъ, съ жизнію; но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ на вѣки ея любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: татары вломились въ Новый городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязьмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество бояръ и народа затворились въ соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда епископъ, сказавъ громогласно: «Господи! простри невидимую руку Свою и пріими въ мирѣ души рабовъ Твоихъ», благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ станъ непріятельской, умирали отъ жестокаго мороза. Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Завоевавъ Владиміръ, татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ великаго княженія—Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ—то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей,

онъ проливалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ воеводство дружины боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3,000 воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ «другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!» говорили ему татары. «Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа не мо«гутъ быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ Василько: «о темное цар«ство! есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ «злодѣяній.» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. Между тѣмъ ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные останки знаменитаго князя и положилъ въ ростовскомъ храмѣ Богоматери.

Н. М. Карамзинъ.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(1380-й годъ.)

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и Князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать моголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надобно оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ Великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоя-

тельство было опорою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился — и, къ ободренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечасно ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣчались съ татарскими, и гнали ихъ. Димитрій собралъ воеводъ, и, сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ», 6 Сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся: войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы. Димитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленныя знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, — слыша всеобщія громогласныя восклицанія: «Боже! даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи сихъ бодрыхъ витязей падутъ чрезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ Отечеству, — Димитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ златому образу Спасителя, сіявшему вдали на *черномъ знамени* великокняжескомъ, молился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своими вѣрными товарищами *и милыми братьями*, утверждая ихъ въ мужествѣ и каждому изъ нихъ обѣщая славную память въ мірѣ, съ вѣнцемъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Димитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя» — говорили они — «смотрѣть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь «любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ «тебя нѣтъ побѣды.» Но Димитрій отвѣтствовалъ: «Гдѣ вы, тамъ и я. «Скрываясь назади, могу ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ:

Богъ намъ прибѣжище и сила, первый ударился на враговъ и бился мужественно какъ рядовый воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общею.

На пространствѣ десяти верстъ лилася кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россіяне тѣснили моголовъ, индѣ моголы россіянъ; съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ нѣкоторые московскіе неопытные юноши— думая, что все погибло — обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Димитріемъ Волынскимъ. Насталъ девятый часъ дня: сей Димитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владиміру: «теперь наше время». Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на моголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги, изумленные, разсѣянные, не могли противиться новому строю войска свѣжаго, бодраго, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ вслѣдъ за другими. Полки россійскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Димитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы? Никто не могъ дать объ немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «государь! ты побѣдилъ враговъ!» Димитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіан-

скія надъ трупами моголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемъ и латы его были изсѣчены, но обагрены единственно кровію невѣрныхъ: Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ излишнею пылкостію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Димитрій, провождаемый князьями и боярами, объѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россіянъ, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ, что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

Н. М. Карамзинъ.

ІОАННЪ III.

(1462—1505.)

Отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе. Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ; образуется держава сильная, какъ-бы новая для Европы и Азіи, которыя видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической. Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главной мысли, устремленной ко благу отечества. Народъ еще коснѣетъ въ невѣжествѣ, грубости; но правительство уже дѣйствуетъ по законамъ ума просвѣщеннаго. Устрояются лучшія воинства, призываются искусства, нужнѣйшія для успѣховъ ратныхъ и гражданскихъ; посольства великокняжескія спѣшатъ ко всѣмъ дворамъ знаменитымъ; посольства иноземныя одно за другимъ являются въ нашей столицѣ: императоръ, папа, короли, республики, цари азіятскіе привѣтствуютъ монарха россійскаго, славнаго побѣдами и завоеваніями, отъ предѣловъ Литвы и Новагорода до Сибири. Издыхающая Греція отказываетъ намъ остатки своего древняго величія; Италія даетъ первые плоды раждающихся въ ней художествъ. Москва украшается великолѣпными зданіями. Земля открываетъ свои нѣдра, и мы собственными руками извлекаемъ изъ оныхъ металлы драгоцѣнные. Вотъ содержаніе блестящей исторіи Іоанна III, который имѣлъ рѣдкое счастіе властвовать сорокъ три года, и былъ достоинъ онаго, властвуя для величія и славы Россіи.

Н. М. Карамзинъ.

ІОАННЪ III-й ТВОРЕЦЪ ВЕЛИЧІЯ РОССІИ.

Россія около трехъ вѣковъ находилась внѣ круга европейской политической дѣятельности, не участвуя въ важныхъ измѣненіяхъ гражданской жизни народовъ. Хотя ни что не дѣлается вдругъ; хотя достохвальныя усилія князей московскихъ, отъ Калиты до Василія Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества: но Россія при Іоаннѣ III какъ-бы вышла изъ сумрака тѣней, гдѣ еще не имѣла ни твердаго образа, ни полнаго бытія государственнаго. Благотворная хитрость Калиты была хитростію умнаго слуги ханскаго. Великодушный Димитрій побѣдилъ Мамая, но видѣлъ пепелъ столицы и раболѣпствовалъ Тохтамышу. Сынъ Донскаго, дѣйствуя съ необыкновеннымъ благоразуміемъ, соблюлъ единственно цѣлость Москвы, невольно уступивъ Смоленскъ и другія наши области Витовту, и еще искалъ милости въ ханахъ; а внукъ не могъ противиться горсти хищниковъ татарскихъ, испилъ всю чашу стыда и горести на престолѣ, униженномъ его слабостію, и бывъ плѣнникомъ въ Казани, невольникомъ въ самой Москвѣ, хотя и смирилъ наконецъ внутреннихъ враговъ, но возстановленіемъ удѣловъ подвергнулъ великое княжество новымъ опасностямъ междоусобія. Орда съ Литвою, какъ двѣ ужасныя тѣни, заслоняли отъ насъ міръ и были единственнымъ политическимъ горизонтомъ Россіи, слабой, ибо она еще не вѣдала силъ, въ ея нѣдрѣ сокровенныхъ. Іоаннъ, рожденный и воспитанный данникомъ степной орды, подобной нынѣшнимъ Киргизскимъ, сдѣлался однимъ изъ знаменитѣйшихъ государей въ Европѣ, чтимый, ласкаемый отъ Рима до Царяграда, Вѣны и Копенгагена, не уступая первенства ни императорамъ, ни гордымъ султанамъ; безъ ученія, безъ наставленій, руководствуемый только природнымъ умомъ, далъ себѣ мудрыя правила въ политикѣ внѣшней и внутренней; силою и хитростію возстановляя свободу и цѣлость Россіи, губя царство Батыево, тѣсня, обрывая Литву, сокрушая вольность новогородскую, захватывая удѣлы, расширяя владѣнія московскія до пустынь сибирскихъ и норвежской Лапландіи, изобрѣлъ благоразумнѣйшую, на дальновидной умѣренности основанную для насъ систему войны и мира, которой его преемники долженствовали единственно слѣдовать постоянно, чтобы утвердить величіе государства. Бракосочетаніемъ съ Софіею обративъ на себя вниманіе державъ, раздравъ завѣсу между Европою и нами, съ любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя; прини-

малъ союзы, но съ условіемъ ясной пользы для Россіи; искалъ орудій для собственныхъ замысловъ, и не служилъ никому орудіемъ, дѣйствуя всегда какъ свойственно великому, хитрому Монарху, не имѣющему никакихъ страстей въ политикѣ, кромѣ добродѣтельной любви къ прочному благу своего народа. Слѣдствіемъ было то, что Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою на предѣлахъ Азіи и Европы, спокойная внутри, и не боясь враговъ внѣшнихъ.

Н. М. Карамзинъ.

ВЗЯТІЕ КАЗАНИ.

(Въ 1552 г.)

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ: россіяне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, непріятельскія и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга; все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ: въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслася... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслися вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалося въ церкви. Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослушать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердитъ Всевышній державу Іоанна, да повергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго — и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки россійскіе быстро двинулись къ крѣпости, а казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ: пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россіяне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ

бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибельно для россіянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ непріятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ поле, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Н. М. Карамзинъ.

ВЕЛИКОДУШІЕ СВ. ФИЛИППА.

(1568 годъ.)

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ, препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлыкахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый Владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю и въ дѣлахъ царства... О государь; «мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за олтаремъ льется невинная «кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не «слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную дер«жаву столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царст«вахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Рос«сіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вез«дѣ грабежи, вездѣ убійства—и совершаются именемъ царскимъ! Ты «высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ пред«станешь на судъ Его? обагренный кровію невинныхъ, оглушаемый «воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о «мести!... Государь, вѣщаю яко пастырь душъ. Боюся Господа еди«наго!» Іоаннъ трепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишне щадилъ

«васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ, и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи; игуменъ Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Вмѣсто оправданія безполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождѣленнаго, а царю: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюся «тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, «не знавъ въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней «мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и «твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ «санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего не«счастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырьскій; «се бѣлый клобукъ и мантія, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А «вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители олтарей! «пасите вѣрно стадо Христово; готовьтеся дать отчетъ, и страшите«ся Небеснаго Царя еще болѣе, нежели земнаго». Онъ хотѣлъ удалиться: царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею; принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукѣ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырьскаго. Воины вступили въ олтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви *метлами* и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы: Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей и говорилъ имъ: «молитеся!» На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Іоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умилительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Іоанна сжалиться надъ Россіею,

не терзать подданныхъ,— вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа воинамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ; былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Стараго*, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодъ и питался молитвою. Между тѣмъ Іоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ: прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту— слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотрятъ на келію заключеннаго и разсказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости—царь велѣлъ отвезти страдальца въ тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступить мѣсто Филиппа.

Н. М. Карамзинъ.

УБІЙСТВО ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ.

(1591 годъ.)

Извѣщенная ли нѣкоторыми тайными доброжелателями или своимъ сердцемъ, мать Димитрія удвоила попеченія о миломъ сынѣ, не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью; выходила изъ комнаты только въ церковь; питала его изъ собственныхъ рукъ, не ввѣряла ни злой мамкѣ Волоховой, ни усердной кормилицѣ, Иринѣ Ждановой.

15 мая, въ субботу, въ шестомъ часу дня, царица возвратилась съ сыномъ изъ церкви и готовилась обѣдать; братьевъ ея не было во дворцѣ; слуги носили кушанье. Въ сію минуту боярыня Волохова позвала Димитрія гулять на дворъ: царица думая идти съ ними же, въ какомъ-то несчастномъ разсѣяніи остановилась. Кормилица удерживала царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его изъ горницы въ сѣни и къ нижнему крыльцу, гдѣ явились Осипъ Волоховъ, Данило Битяговскій, Никита Качаловъ. Первый взявъ Димитрія за руку, сказалъ: «Государь! у тебя новое ожерелье». Младенецъ, съ улыбкою невинности поднявъ голову, отвѣчалъ: «нѣтъ, старое». Тутъ блеснулъ надъ нимъ убійственный ножъ, едва коснулся гортани его, и выпалъ изъ рукъ Волохова. Закричавъ отъ ужаса,

кормилица обняла своего державнаго питомца. Волоховъ бѣжалъ; но Данило Битяговскій и Качаловъ вырвали жертву, зарѣзали, и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо... Девятилѣтній святый мученикъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая воспитала и хотѣла защитить его своею грудью; онъ *трепеталъ какъ голубь*, испуская духъ, и скончался, уже не слыхавъ вопля отчаянной матери.... Кормилица указывала на безбожную мамку, смятенную злодѣйствомъ, и на убійцъ, бѣжавшихъ дворомъ къ воротамъ: некому было остановить ихъ; но Всевышній мститель присутствовалъ!

Н. М. Карамзинъ.

ВЪѢЗДЪ САМОЗВАНЦА ВЪ МОСКВУ.

(1605 г.)

20-го іюня, въ прекрасный лѣтній день, самозванецъ вступилъ въ Москву, торжественно и пышно. Впереди поляки, литаврщики, трубачи, дружина всадниковъ съ копьями, пищальники, колесницы, заложенныя шестернями и верховыя лошади царскія, богато украшенныя; далѣе барабанщики и полки россіянъ, духовенство съ крестами и Лжедимитрій на бѣломъ конѣ, въ одеждѣ великолѣпной, въ блестящемъ ожерельѣ, цѣною въ 150,000 червонныхъ: вокругъ его 60 бояръ и князей; за ними дружина литовская, нѣмцы, казаки и стрѣльцы. Звонили во всѣ колокола московскіе. Улицы были наполнены безчисленнымъ множествомъ людей; кровли домовъ и церквей, башни и стѣны также усыпаны зрителями. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: «Здравствуй отецъ нашъ, государь и великій князь Димитрій Іоанновичъ, спасенный Богомъ для нашего благоденствія! Сіяй и красуйся, о солнце Россіи!» Лжедимитрій, всѣхъ громко привѣтствовалъ и называлъ своими добрыми подданными, веля имъ встать и молиться за него Богу. Невзирая на то, онъ еще не вѣрилъ москвитянамъ: ближніе чиновники его скакали изъ улицы въ улицу, и непрестанно доносили ему о всѣхъ движеніяхъ народныхъ: все было тихо и радостно. Но вдругъ, когда Лжедимитрій чрезъ Живой мостъ и ворота Москворѣцкія выѣхалъ на площадь, сдѣлался страшный вихрь: всадники едва могли усидѣть на коняхъ; пыль взвилась столбомъ и заслѣпила имъ глаза, такъ, что царское шествіе остановилось. Сей случай естественный поразилъ воиновъ и гражданъ; они крестились въ ужасѣ, говоря другъ другу: «Спаси

насъ, Господи, отъ бѣды! Это худое предзнаменованіе для Россіи и Димитрія!»

Н. М. Карамзинъ.

НАЧАЛО ОСАДЫ ТРОИЦКОЙ ЛАВРЫ.

(1608 г.)

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермію, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ саженей) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ рвомъ: предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ, и съ помощію усердныхъ иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки — изъ коихъ многіе, бывъ мірянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ — взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясъ надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разъѣзды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣйствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клевретовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножилось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константинъ Вишневецкій, Тишкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексѣй Голо-

хвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепелъ: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непріятель въ слѣдующій день осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: больные, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, гибельныя слѣдствія тѣсноты; но добрые иноки говорили: «Св. Сергій не отвергаетъ злосчастныхъ» — и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іоасафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы *сидѣть въ осадѣ безъ измѣны*. Всѣ люди ратные и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились *къ трапезѣ кровопролитной*, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры, ни днемъ, ни ночью.

Н. М. Карамзинъ.

МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ.

(Въ 1612 г.)

Въ Нижнемъ-Новгородѣ, неизмѣнно преданномъ вѣрѣ и отечеству, мужественно отбивавшемъ всѣ нападенія самозванца, и не прельстившемся ни угрозами, ни лестью; въ нижегородскихъ областяхъ, гдѣ являлись герои крестьяне и мѣщане, и стыдили подвигами своими бояръ и людей ратныхъ, тамъ затеплилась передъ иконою Спасителя первая свѣча, возженная истиннымъ желаніемъ спасти Россію. Нижній призналъ царемъ Владислава, и отвергъ его, когда поляки нарушили договоры, сожгли Москву, терзали патріарха.

«*Нѣтъ, друзья мои! не такъ надобно дѣлу быть: если хотѣть намъ помочь отечеству, то не пожалѣемъ имѣній, и не только имѣній, но продадимъ дворы свои, заложимъ женъ и дѣтей, пойдемъ сами, и положимъ головы за вѣру и отечество!*» Такъ говорилъ въ Нижнемъ простой человѣкъ, мясникъ по занятію своему, *Козьма Мининъ Сухорукій*, слыша о томъ, что дѣлается подъ Москвою. Его

уважали за честность и умъ; видъ его былъ важенъ, ростъ высокій, большая борода придавала сановитость лицу его, и голова его уже убѣлилась сѣдиною. Двое сыновей и нѣсколько дочерей составляли его семейство. Земляки слушали прямыя рѣчи *Минина*, читали грамоты Авраамія, и пламя чести и вѣры неугасимо вспыхнуло въ душахъ ихъ. Они готовы были по слову Минина идти и умереть, и все отдать на пользу отечества.召Мининъ началъ дѣйствовать ревностно, сдѣлался главою ихъ. Граждане несли въ общую кучу деньги и имѣніе. Но Мининъ зналъ всю трудность предпріятія, видѣлъ, что если нижегородцы присоединятся къ дружинамъ Трубецкаго и Заруцкаго, то предпріятіе останется безуспѣшно. Онъ положилъ составить отдѣльное, новое ополченіе. Для сего изыскивалъ онъ достойнаго начальника, долго думалъ, избиралъ и рѣшилъ, что не найти ему лучше *князя Димитрія Пожарскаго*. Знатный по роду, не важный по чину, Пожарскій не запятналъ себя дотолѣ ни какою безчестною мыслью, не только дѣломъ. Надобно же было устроиться такъ счастливо, что послѣ тщетнаго старанія отстоять Москву отъ поляковъ, въ день ея погибели, 19 марта 1611 г., Пожарскій удалился въ свои нижегородскія помѣстья, и жилъ недалеко отъ Нижняго. Къ нему отправился, и предварительно переговорилъ съ нимъ Мининъ. Еще Пожарскій лежалъ на одрѣ болѣзни. Торжественная, великая, святая была та минута, когда простой мясникъ одушевилъ своими словами доблестнаго воеводу. «*Мужаемся о Господѣ и Господь сотворитъ благое!*» воскликнулъ Пожарскій. По условію съ нимъ, Мининъ предложилъ нижегородцамъ объ избраніи начальника, указалъ имъ на Пожарскаго, и посольство изъ Нижняго явилось въ деревнѣ князя. «Соглашаюсь,» отвѣчалъ онъ, «но я воинъ: не умѣю и не могу управлять земскимъ дѣломъ; мнѣ надобенъ человѣкъ, для храненія казны и для совѣта.» Нижегородцы не знали кого выбрать. Пожарскій напомнилъ имъ о Мининѣ. Общій голосъ народа нарекъ Минина *избраннымъ всея земли русскія человѣкомъ*. Мининъ потребовалъ записей въ безпрекословномъ повиновеніи; записи дали, и вскорѣ Пожарскій, одушевленный надеждою, еще бодрый и юный (ему было тогда 34 года), явился въ Нижнемъ, гдѣ встрѣтили его съ восторгомъ. Поспѣшно начались приготовленія къ сбору войска и походу.

Тотъ не пойметъ вполнѣ славы Минина, кто подумаетъ, что ему стоило только одушевить нижегородцевъ и избрать Пожарскаго. Нѣтъ! надобно было не дать остыть восторгу, внушить довѣріе, собрать, вооружить войско, кормить, одѣвать его, удержать въ послу-

шаніи, довести до Москвы, и тамъ умѣть поладить съ неистовыми толпами Трубецкаго и Заруцкаго, не оскорбляя ни чьего самолюбія. Въ то же время опасность грозила отъ шведовъ. Во всѣхъ дѣлахъ своихъ Mининъ показалъ умъ необыкновенный, былъ *первымъ*—казался *послѣднимъ*. Богъ момогалъ ему.

Повсюду разосланы были новыя грамоты, и на призывъ нижегородцевъ поспѣшили изъ многихъ мѣстъ добрые сыны Россіи. Безъ разбора принимали всѣхъ; но строгій порядокъ, подчиненность, послушаніе введены были въ войскѣ. Положили идти къ Москвѣ, стать тамъ и дѣйствовать отдѣльно. Слухи о новомъ возстаніи русскихъ, о порядкѣ, въ какомъ собирается войско, о томъ, что оно будетъ дѣйствовать особенно отъ Трубецкаго и Заруцкаго, показали полякамъ, что теперь только наступаетъ настоящая опасность. Буйные воины Гонсѣвскаго приступили къ патріарху, требовали, чтобы онъ запретилъ Пожарскому и Минину. «*Нѣтъ!*» отвѣчалъ Гермогенъ, еле живой отъ томленія и горести—«*благословляю ихъ и проклинаю васъ и измѣнниковъ!*» Его морили голодомъ; старецъ не перенесъ тяжкаго заключенія, и скончался февраля 17-го 1612 года, съ молитвою и надеждою.

Оставя всѣ другія дѣла, Пожарскій и Mининъ спѣшилъ къ Москвѣ. Передовые отряды пошли впередъ, ихъ встрѣтили шайки Заруцкаго, и были разбиты ими. Отряды дошли благополучно, и стали у Тверскихъ воротъ.

Н. Полевой.

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г. 21 февраля.)

Вѣсти о новомъ приходѣ Ходкевича, о томъ, что самъ Сигизмундъ идетъ къ Москвѣ, заставили наконецъ рѣшиться на окончаніе подвига. Октября 22-го приступили къ Китаю, послѣ двухъ-мѣсячнаго медленія и сборовъ. Войско польское, бывшее въ Китаѣ и Кремлѣ, умирало отъ голода, но не сдавалось, билось отчаянно. Китай взятъ былъ послѣ продолжительнаго боя. Готовились идти на приступъ къ Кремлю. Но дума боярская и начальники поляковъ прислали договариваться, и 28-го октября 1612 года, Кремль отворилъ ворота для русскаго войска, послѣ двухъ-лѣтняго обладанія иноплеменниковъ. Сперва выпущены были русскіе плѣнники, жены и дѣти; потомъ вышли русскіе бояре; наконецъ вышли поляки и положили оружіе.

Съ ужасомъ, со слезами видѣли побѣдители страшное состояніе Кремля: церкви, соборы были поруганы, опозорены; домы ограблены, разбиты. Нѣсколько чановъ найдено было въ разныхъ мѣстахъ съ посоленымъ человѣческимъ мясомъ.... Можно судить о крайности, въ какой находились поляки....

Освятили Кремль, очистили соборы. Торжество побѣды едва не было посрамлено междоусобіемъ. Войско Трубецкаго принималось за оружіе, когда Пожарскій не далъ ему ограбить плѣнниковъ кремлевскихъ, сберегъ честь женщинъ, бывшихъ въ плѣну. Но этотъ порывъ буйства былъ послѣдній.

Слова: «*Москва взята! Въ Москвѣ уже нѣтъ ляховъ!*» казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія опомнилась послѣ безумнаго опьяненія, продолжавшагося *восемь лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрѣ* 1604 *года*, до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолѣвая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрѣ* 1612 *года* къ искренней радости примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ грѣшенъ*? Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству, и прежде всего рѣшились общею думою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поклялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Заруцкаго отправили войско, его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делагарди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ, прислалъ пословъ, говорить объ избраніи шведскаго принца; ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебенъ, приступили къ совѣщаніямъ. Аврамій, уважаемый всѣми, краснорѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избирать ни кого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились воедино, всѣ провозгласили юнаго непорочнаго *Михаила*, сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьиныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ, Аврамій и бояринъ Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо дожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя Михаилово, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условій, безъ

оговорокъ, избраніе Михаила совершилось 21-го февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ человѣкъ*, по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божію.

Н. Полевой.

ПОДВИГЪ НИКОНА.

(1648 г.)

Уроженецъ нижегородскій, сынъ простаго крестьянина Мины, этотъ знаменитый человѣкъ родился въ 1605 году, въ селѣ Вельяминовѣ, выучился грамотѣ, и въ юношествѣ оказывалъ особенную наклонность къ монашеской жизни. Отецъ принудилъ его жениться; сынъ повиновался, былъ добрымъ семьяниномъ, но не могъ утишить волненій души, видѣлъ бѣдствія Россіи отъ внутреннихъ крамолъ и неустройства, понималъ, что посредствомъ великаго вліянія духовенства, усиленнаго властію Филарета, можно дѣйствовать во благо отчизны, и рѣшился достигнуть великой цѣли. Какъ отличный чтецъ и знатокъ Писанія, онъ былъ поставленъ въ священники одной сельской церкви и вскорѣ переселился въ Москву. Вѣрный цѣли своей, лишась дѣтей, умершихъ въ малолѣтствѣ, онъ уговорилъ жену постричься въ монахини, отвелъ ее въ московскій Алексѣевскій монастырь, самъ удалился въ сѣверныя области, и тамъ, въ бѣдномъ, строгомъ монастырѣ принялъ монашество, подъ именемъ *Никона*. Отличаясь постомъ, молитвою, благочестіемъ, онъ былъ избранъ въ игумены, и въ 1646 году, когда ему было сорокъ лѣтъ, возвратился въ Москву, съ просьбами къ царю о разныхъ благотвореніяхъ. Слава о святости Никона предшествовала ему. Говорили даже, что въ юности чудесно спасенъ онъ былъ отъ огня и отравы; что какой-то волхвъ предвѣщалъ ему почесть великую, отъ которой онъ удалился въ монастырь. Его умъ, его рѣчи плѣнили юнаго Алексія, и Никонъ по волѣ царской переведенъ былъ въ архимандриты въ Новгородскій монастырь. Свободно началъ онъ ходить къ государю; государь посѣщалъ его въ монастырѣ; Никонъ сдѣлался ходатаемъ у престола за бѣдныхъ и нищихъ. Царедворцы испугались силы Никона и спѣшили удалить его. Онъ прямо изъ архимандритовъ избранъ былъ въ митрополиты Новгородскіе, и принужденъ оставить Москву въ 1648 году. Во время пребыванія Никона въ Новгородѣ, сдѣлался бунтъ. Народъ, недовольный дѣйствіями царскаго любимца

Морозова, поднялся въ страшной ярости, перебилъ нѣмецкихъ купцовъ; войско соединилось съ бунтовщиками, воевода бѣжалъ. Здѣсь въ первый разъ явилъ себя знаменитый Никонъ. Онъ укрылъ воеводу въ своей кельѣ, и вышелъ къ толпѣ бунтовщиковъ, когда они яростно окружили домъ митрополитскій. «За чѣмъ вы пришли съ оружіемъ? возгласилъ архипастырь — «не всегда ли былъ я съ вами? не я-ли всегда благодѣтельствовалъ вамъ?» — Онъ сообщникъ Морозова!» —заревѣла толпа, и, забывъ санъ и, благодѣянія Никона, начали бить, терзать его. Никонъ упалъ безъ чувствъ. Народъ ужаснулся и разбѣжался. Едва опомнился Никонъ, какъ велѣлъ начать благовѣстъ, пріобщился Св. Таинъ, и въ сопровожденіи духовенства, въ полномъ облаченіи, велѣлъ везти себя на площадь, гдѣ бушевала толпа народная. «Дѣти!» воскликнулъ Никонъ — «если я виненъ передъ вами, убейте меня, или покайтеся и помыслите о грѣхѣ своемъ!» Народъ устыдился, снова разбѣжался, а Никонъ началъ литургію въ соборѣ, молилъ Бога простить увлеченныхъ въ бунтъ, изрекъ проклятіе на зачинщиковъ его. Бунтовщики ужаснулись и въ раскаяніи сошлись къ Никону, но онъ отвѣчалъ, что теперь должно ожидать рѣшенія царскаго. Въ отчаяніи, страшась царскаго гнѣва, новгородцы готовы были передаться Польшѣ. Никонъ увѣщевалъ, обнадеживалъ ихъ. Вскорѣ явились грамоты царскія и сильное войско. Царь писалъ, онъ прощаетъ новгородцевъ, если проститъ ихъ Никонъ. «Спаси насъ, владыко!» возопилъ тогда народъ, повергаясь передъ Никономъ на колѣни. Никонъ долго увѣщевалъ грѣшниковъ, заплакалъ, обнялъ ихъ, простилъ, и поѣхалъ въ Москву просить милости у царя. Съ торжествомъ встрѣтили его въ Москвѣ, съ радостью и восторгомъ въ Новгородѣ, когда онъ воротился съ милостью царскою.

Н. Полевой.

ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Петръ Великій въ Голландіи (1697 г.)

Деревянный домикъ, подъ черепичною кровлею, въ два окна, раздѣленный на двѣ небольшія комнаты, съ изразчатою печью для приготовленія пищи, съ глухою каморкою для кровати и съ пристроеннымъ при входѣ чуланчикомъ, въ западной, наиболѣе уединенной части Саардама, на Кримнѣ, вотъ чертогъ, гдѣ поселился Петръ, тщательно скрывая свой санъ и добровольно обрекая себя тяжкому тру-

ду, чтобы втайнѣ изучить искусство, которое должно было возвеличить Россію.

Нетерпѣливо онъ ждалъ рабочей поры, и въ понедѣльникъ, рано утромъ, накупивъ въ лавкѣ вдовы Якова Ома плотничныхъ инструментовъ, записался корабельнымъ плотникомъ подъ именемъ Петра Михайлова, на верфи Лигста Роге въ Бёйтензанѣ. Ежедневно, съ солнечнымъ восходомъ, отправлялся онъ на работу, и, потрудившись до поту лица, заходилъ въ какой нибудь гербергъ подкрѣпить свои силы; или посѣщалъ семейства саардамскихъ плотниковъ, выѣхавшихъ въ Москву. Въ потомствѣ ихъ доселѣ сохранились преданія, переходя изъ рода въ родъ, что дѣлалъ и говорилъ Царь московскій. У Маріи Гитмансъ, матери Томаса Іосіаса, женщины бѣдной, но радушной, онъ выпилъ стаканъ джину; у жены Яна Ренсена обѣдалъ; Антѣ Метье, спросившей о своемъ мужѣ, сказалъ:—«Онъ добрый мастеръ, я хорошо знаю его, потому, что рядомъ съ нимъ строилъ корабль».—«Развѣ и ты плотникъ?» возразила недовѣрчивая голландка.—«Да, и я плотникъ», отвѣчалъ Петръ. Чаще другихъ посѣщалъ онъ вдову искуснаго мастера Класа Муша, умершаго въ Москвѣ. Незадолго предъ тѣмъ она получила, по смерти мужа, отъ имени россійскаго государя въ подарокъ 500 гульденовъ и, догадавшись, что московскій гость не простой плотникъ, просила сказать, при случаѣ, Его Царскому Величеству, что сердце ея преисполнено живѣйшей признательности за щедрую милость, утѣшившую ея въ горькомъ вдовствѣ. Петръ съ удовольствіемъ согласился передать слова ея царю московскому и охотно остался у нея обѣдать.

Сохранились также преданія о посѣщеніи имъ, во время прогулокъ по Саардаму, разныхъ фабрикъ и заводовъ: самымъ тщательнымъ образомъ онъ вникалъ въ ихъ устройство, разспрашивалъ мастеровыхъ, иногда болѣе, чѣмъ могли или хотѣли объяснить ему, нерѣдко слышалъ грубые отвѣты, часто самъ брался за дѣло, и въ каждомъ мастерствѣ обнаруживалъ изумительную ловкость. Такъ на бумажной мельницѣ, подъ вывѣскою *Повара*, приглядѣвшись къ пріемамъ мастера, онъ попросилъ у него формы, проворно черпнулъ ею изъ чана, наполненнаго массою, и выкинулъ листъ безукоризненнаго совершенства. Довольный успѣхомъ и похвалою мастера, онъ подарилъ ему цѣлый талеръ на водку. Съ такимъ же любопытствомъ онъ осматривалъ лѣсопильни, маслобойни, бумагопрядильни, сукновальни и другія мельницы, наполнявшія занландскія деревни; въ Зандикѣ даже помогалъ рабочимъ въ строеніи крупчатки для купца Кальфа. Она су-

ществуетъ до сихъ поръ, подъ именемъ de Grodeworst (великій князь).

Любимая прогулка его была водою. На другой день по пріѣздѣ въ Саардамъ, онъ купилъ у корабельнаго маляра ГармENSONа за 40 гульденовъ, съ придачею кружки пива, которую роспилъ съ продавцомъ въ герберге близъ Овертома, небольшой яликъ и весело катался на немъ по Зану, по каналамъ и по заливу Эй.

Между тѣмъ съ перваго дня появленія его на верфяхъ, въ Саардамѣ заговорили о московскомъ плотникѣ; величественный видъ, замѣтная привычка къ господству, нетерпѣливость въ исполненіи желаній, даже невольные порывы гнѣва, все измѣняло тайнѣ. Голландцы, тѣмъ болѣе голландки, не хотѣли вѣрить, чтобы высокій, статный, красивый московитъ, съ повелительнымъ взоромъ,—простой плотникъ: они считали его знатнымъ господиномъ; не знали только, кто онъ; развѣдывали, разспрашивали, съ возрастающимъ любопытствомъ слѣдили за нимъ и нерѣдко около него собиралась толпа, къ немалой досадѣ его, которую онъ не всегда могъ скрыть. Вскорѣ высокій санъ его не былъ уже тайною для многихъ. Она обнаружилась сначала чрезъ цирюльника.

Одинъ саардамскій плотникъ писалъ изъ Москвы на родину къ отцу своему, что въ Голландію отправилось великое посольство, что въ свитѣ скрывается самъ царь, что онъ безъ сомнѣнія посѣтитъ Саардамъ, и что его не трудно узнать по высокому росту, по трясенію головы, по размахиванію правою рукою, и по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ. Отецъ прочиталъ это письмо пріятелю своему, цирюльнику Помпу; вскорѣ послѣ того зашли въ цирюльню московскіе гости, и Помпъ увидѣвъ, что одинъ изъ нихъ имѣлъ всѣ означенныя въ письмѣ примѣты, не замедлилъ разгласить о своемъ открытіи. Сначала не вѣрили ему; многіе обратились съ разспросами къ Герриту Кисту; тотъ хранилъ тайну и утверждалъ, что въ домѣ его живетъ простой плотникъ. Но жена Киста, Ниль Максъ, въ присутствіи многихъ, вскричала на мужа: «Терпѣть не могу, когда ты, Герритъ, говоришь неправду».

Вечеромъ того же дня Петръ навѣстилъ купца Кальфа и, увидѣвъ у него бургомистра Іора, въ знакъ почтенія снялъ предъ нимъ шляпу. Бургомистръ спросилъ переводчика: «не угодно ли будетъ господину его откушать завтра рыбы по-саардамски?» Царь повелѣлъ сказать, господинъ ихъ еще не пріѣхалъ, и отказался отъ приглашенія. Пріятель Кальфа, богатый купецъ Мейнертъ Блумъ съ своей стороны предлагалъ царю собственный домъ, болѣе удобный для помѣщенія, съ

фруктовымъ садомъ, въ лучшей части Саардама, на восточной сторонѣ, и получилъ въ отвѣтъ: «Мы не знатные господа, а простые люди; для насъ довольно и той квартиры гдѣ мы живемъ».

Скоро молва о царѣ-плотникѣ достигла до Амстердама. Одни вѣрили ей, другіе сомнѣвались. Богатый негоціантъ Адольфъ Гоутманъ, неоднократно принимавшій Петра въ своемъ домѣ въ Архангельскѣ, поспѣшилъ отправить въ Саардамъ главнаго прикащика своего, Якова Избрандеса, удостовѣриться въ справедливости разсказовъ. Избрандесъ, увидѣвъ царя издали, тотчасъ узналъ его, но не смѣлъ къ нему подойти, возвратился къ хозяину, блѣдный какъ полотно, и донесъ, что царь дѣйствительно въ Саардамѣ. Гоутманъ и пріятель его Іонгъ немедленно туда отправились, встрѣтили Петра въ матросской курткѣ и съ изумленіемъ воскликнули:—«Вы ли это, Ваше Величество?»—«Вы сами видите», ласково отвѣчалъ царь, пригласилъ ихъ къ себѣ и долго съ ними бесѣдовалъ.

Въ тотъ же день купилъ онъ у Дирка Стофельса за 450 гульденовъ красивый буеръ и собственными руками придѣлалъ къ нему новый бугшпригъ. «Нельзя было не удивляться» пишетъ Номесъ, «съ какимъ рвеніемъ, въ потѣ лица, трудился столь великій государь надъ своимъ буеромъ и какъ искусно прилаженъ былъ бугшпритъ». Герритъ Мушъ, братъ Класа, служилъ на буерѣ каютъ-юнгою. Царь былъ очень доволенъ его расторопностью и усердіемъ, не разъ бывалъ у него въ домѣ, приглашалъ жену его и невѣстку къ себѣ на обѣдъ, и подарилъ имъ по золотому кольцу».

Снарядивъ буеръ, Петръ весь слѣдующій день провелъ на водѣ. Въ 4 часа утра онъ былъ уже въ заливѣ, къ полудню возвратился въ Занъ, отобѣдалъ у купца Кальфа, а послѣ обѣда тотчасъ отправился въ заливъ. У Бейтензана пристали къ нему яхты и буеры, наполненные любопытными. Онъ хотѣлъ удалиться отъ нихъ и направилъ свой путь къ Галфвегу, плотинѣ отдѣляющей заливъ отъ Гарлемскаго моря. Безотвязные голландцы не отставали. Причаливъ къ плотинѣ, Царь проворно выскочилъ на берегъ; толпа немедленно окружила его. Онъ разсердился и Корнелію Марсену, который, подошедши ближе другихъ, съ разинутымъ ртомъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, далъ крѣпкую пощечину. «Браво Марсенъ!» закричали въ толпѣ «ты пожалованъ въ рыцари!» Разгнѣванный Петръ заперся въ гербергѣ. Уже позднимъ вечеромъ, когда разсѣялся народъ, онъ возвратился въ Саардамъ.

Н. Устряловъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ПЕТРА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

(1698 г.)

Оторвать Россію отъ Востока, отъ грубой татарщины, сблизить ее съ Европою и включить въ семейство государствъ образованныхъ, вотъ мысль, которая вспыхнула въ умѣ Петра послѣ того, какъ увидѣлъ онъ во всемъ блескѣ науку и искусство, и уже ничто не могло угасить въ душѣ его небеснаго пламени.

Двумя путями задумалъ онъ приготовить Россію къ новой жизни. Съ одной стороны рѣшился исхитить изъ власти шведовъ свою старинную Водьскую пятину, чтобы прорубить здѣсь окно изъ темной Азіи въ свѣтлую Европу. Съ другой стороны вознамѣрился сгладить внѣшнее отличіе русскаго народа отъ народовъ западныхъ, чтобы тѣмъ легче привить по крайней мѣрѣ къ высшему и среднему сословію лучшія обычаи и, размягчить закоснѣлость нрава, пробудить въ народѣ любовь къ европейскому знанію и искусству.

Огромныя преграды ожидали Петра на томъ и на другомъ пути. О мировой сдѣлкѣ съ Швеціи, о добровольномъ возвращеніи присвоенныхъ ею областей нашихъ, нечего было и думать; неуступчивость ея обнаружилась при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Только оружіе могло заставить гордаго шведа отказаться отъ завоеваній Густава-Адольфа, и Петръ, не входя въ безполезные переговоры, которые встревожили бы усыпленнаго врага, задумалъ съ обнаженнымъ мечомъ требовать своего достоянія. Но Швеція была сильна и опасна: владѣя всею Финляндіею, Ингріею, Эстляндіею, Лифляндіею, большею частію Помераніи, имѣя превосходно устроенное войско, многочисленный флотъ, лучшіе въ Европѣ пушечные заводы, она долго и упорно могла оспаривать наше право на Ингрію, и даже въ случаѣ потери крѣпостей при Финскомъ заливѣ, едва-ли согласилась бы спокойно смотрѣть на плаваніе нашихъ судовъ по Балтійскому морю. Слѣдовательно, Петру надлежало не только утвердиться при Финскомъ заливѣ, но и завести флотъ, который могъ бы соперничествовать съ шведскимъ.

Не легче, если не труднѣе было преодолѣть предразсудки народа, его привязанность къ своему, къ старому, его ненависть къ чужому, къ новому: тутъ онъ посягалъ на дѣло вѣковъ, на все, что народъ привыкъ чтить какъ родное, ничѣмъ не измѣнимое, что переходило изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, священнымъ завѣтомъ праотцевъ, и что, наконецъ, хранить и беречь еще такъ недавно повелѣвали сами государи, строго осуждали малѣйшее поползновеніе своихъ под-

данныхъ на иноземные нравы и обычаи. Такъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ послѣдній годъ его царствованія, всѣмъ царедворцамъ объявленъ указъ: «чтобъ они иноземныхъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, «такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не «носили, и людемъ своимъ потомужъ носить не велѣли. А будетъ кто «впредь учнетъ волосы подстригать и платье носить съ иноземскаго «образца, или такое же платье объявится на людяхъ ихъ, и тѣмъ «отъ великаго государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины».

Петръ видѣлъ всѣ ожидавшія его препятствія; но не отчаявался въ успѣхѣ: гордость шведа надѣялся смирить силою своего оружія, при содѣйствіи курфирста бранденбургскаго, уже предлагавшаго союзъ противъ Швеціи, и при вѣроятномъ участіи короля польскаго; ропотъ же другихъ державъ на внезапное нарушеніе Кардисскаго договора думалъ успокоить обнародованіемъ нанесеннаго ему въ Ригѣ оскорбленія, которое могло служить благовиднымъ поводомъ къ разрыву. А предубѣжденіе своего народа противъ иноземцевъ, уже значительно поколебленное, рѣшился уничтожить собственнымъ примѣромъ, силою своей воли, безпощаднымъ преслѣдованіемъ предразсудковъ, наконецъ истребленіемъ стрѣльцевъ, чтобы люди злонамѣренные потеряли всякую надежду на подпору мятежнаго скопища.

Съ такими мыслями отправился онъ въ Россію.

Н. Устряловъ.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 г. 27 Іюня.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огнь окоповъ рвутся Шведы;
Волнуясь, конница летитъ;
Пѣхота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣнъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:

«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь:
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
Гордясь могущимъ сѣдокомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гарцуютъ казаки.
Ровнясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Сіи птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье..
Вдругъ слабымъ маніемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груду,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

А. Пушкинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПѢСНЯ.

Народныя пѣсни.

Пѣсни дѣвицъ на Дѣвичнику.

Семейныя.

Удалыя.

Солдатскія.

Веснянки.

Семицкія.

2) Украинскія.

3) Духовныя пѣсни *(Стихи)*.

4) Раскольничьи стихи.

Художественныя пѣсни.

ЭЛЕГІЯ.

ОДА.

САТИРА.

ЭПИГРАММА.

СОНЕТЪ.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

